

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 18

**Москва
Академия исторических наук
2016**

УДК 82-92 "1941/45"

ББК 84Р7-4

О80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 18. - М.: Академия исторических наук, 2016. - 611 с.:ил.

ISSN 1818-6688 (print)

ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-31-4 (т.18)

ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания участников боевых действий Второй мировой войны, военных конфликтов в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Египте, Танзании, Нагорном Карабахе и в Чечне. Воспоминания представлены в авторской редакции.

Книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также может быть полезна людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются ветераны - авторы статей, их помощники - студенты и преподаватели университетов. По четыре экземпляра передаются бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в музей, университет, ветеранскую организацию и в библиотеку главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек зарубежных университетов.

На Web-странице www.ainros.ru Академии исторических наук все тома размещаются для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства гранта, выделенного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации №79-рп от 1 апреля 2015 года и на основании конкурса, проведённого Общероссийской общественной организацией «Российский Союз Молодёжи»

УДК 82-92 "1941/45"

ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)

ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-31-4 (т.18)

ISBN 5-903076-05-X

© Академия исторических наук, 2016

*Посвящается величию
Подвига Солдата*

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

	Стр.
Предисловие к изданию	9
Антошкин Николай Тимофеевич <i>Эту работу нужно поставить на системный уровень</i>	26
Предисловие к 18-му тому	28
1. Бадамшин Нагим Абдулович <i>С двумя катушками проводов, каждая из которых весит 16 килограммов</i>	29
2. Балакин Владимир Васильевич <i>Разведывательные корабли особого назначения</i>	33
3. Бондаренко Владимир Андронович <i>Американцы были уверены, что ниже 17-й параллели ракет нет</i>	50
4. Брюнин Андрей Иванович <i>Десантный взвод в Бамиане</i>	61
5. Буланкин Владимир Федорович <i>В ДРВ более ста раз выезжал на боевые позиции</i>	73
6. Булатов Михаил Алексеевич <i>Я сумел вывести из строя 24 авиабомбы</i>	94
7. Булгаков Владимир Леонидович <i>Ханойский меридиан</i>	101
8. Быков Сергей Петрович <i>Я надеялся, что взорвется мина направленного действия (продолжение, начало в 11-м томе)</i>	110

9.	Воронин Иван Васильевич <i>Мы прибыли в район озера Балатон</i>	115
10.	Гугнина Мария Афанасьевна <i>Дежурили по 2-3 суток, не выходя из отделения</i>	121
11.	Жаров Николай Александрович <i>Обучение частей и подразделений ЗРВ армии Вьетнама и Танзании</i>	126
12.	Зверьков Анатолий Михайлович <i>Война в Египте: 1969-1970 годы</i>	151
13.	Иванов Анатолий Якимович <i>Выезжали в дивизионы в любое время суток</i>	180
14.	Исаченко Анатолий Михайлович <i>Начались известные события в Нагорном Карабахе</i>	188
15.	Канаев Вячеслав Михайлович <i>Нами был сбит, «юбилейный», 1300-й самолёт</i>	197
16.	Каретников Константин Романович <i>От взрывов трёх ракет 3 самолета разлетелись на куски</i>	204
17.	Кислицын Юрий Викторович <i>Заняв позиции вдоль дороги № 7 между городами Винь и Аньшон</i>	216
18.	Коваленко Геннадий Викторович <i>Приходилось по кабине развешивать броне- жилеты</i>	226
19.	Колесник Николай Николаевич <i>Тайна за семью печатями (продолжение, начало в 16-м томе). Третий полк</i>	228

20.	Копытов Николай Владимирович <i>Полк направился к станции Качалинская в излучину реки Дон</i>	258
21.	Корунов Петр Андреевич <i>Я принял командование батальоном на себя</i>	266
22.	Косарев Валентин Николаевич <i>Через секунды «шрайк» взорвался в 50 метрах от кабины «П»</i>	276
23.	Крамаренко Сергей Макарович <i>До верхушек деревьев метров 15 (продолжение, начало в 17-м томе). В небе над Кореей</i>	281
24.	Манаев Николай Ефремович <i>Дайте вот этого, молодого, в разведку надо</i>	290
25.	Митин Виктор Яковлевич <i>Вместе со мной таких сыновей полка было двенадцать</i>	294
26.	Нурбагандов Али Магомедович <i>Принял решение броском захватить железнодорожную станцию</i>	299
27.	Павлов Дмитрий Геннадьевич <i>При штурме площади Минутка 6 февраля 1995 года</i>	308
28.	Петров Алексей Яковлевич <i>Всем ЗРП безоговорочно выполнять рекомендации советских специалистов по борьбе с ППР «Шрайк»</i>	312
29.	Петросян Эдуард Рубенович <i>У села Обнинское на Кубани немцы взорвали плотину</i>	324

30.	Попов Анатолий Петрович <i>Ты будешь подносить мины</i>	328
31.	Раков Сергей Иванович <i>Я не жалею, что решился поехать в Чечню</i>	340
32.	Решетников Василий Васильевич <i>Бомбили Берлин в сентябре 1942 года (продолжение, начало в 17-м томе)</i>	344
33.	Ржанов Иван Феокистович <i>Семь лагерей</i>	401
34.	Рязанов Виталий Николаевич <i>Нас направили на защиту Севастополя</i>	409
35.	Скреблоков Алексей Иванович <i>Несколько взрывов ракет вздыбили землю в нескольких десятках метров от нас</i>	422
36.	Скрынников Михаил Федорович <i>Асмарский полк был разгромлен</i>	472
37.	Содеревский Юрий Юрьевич <i>В Афганистане нас встречали с цветами</i>	490
38.	Стрельников Иван Игнатъевич <i>Бои за Сталинград</i>	497
39.	Сыхраннов Сергей Васильевич <i>Моджахеды обстреливали чуть ли не каждую колонну</i>	506
40.	Тихонин Юрий Ксенофонтович <i>Мы «держали точку» на территории Восточной Пруссии</i>	510

41.	Тодорашко Валентин Иванович <i>Американцы более десяти дней не летали над территорией Вьетнама, всё пытались определить, кто сбил их самолёты</i>	519
42.	Хюпенен Анатолий Иванович <i>30 декабря 1972 года, понеся тяжёлые потери, США отказались от продолжения операции</i>	529
43.	Цыганкин Дмитрий Васильевич <i>Путь звукометриста по траншеям смерти</i>	550
44.	Шалаевский Матвей Рафаилович <i>Мне было поручено в эту же ночь агитировать немецких солдат сдаться</i>	560
45.	Шалашников Евгений Тимофеевич <i>Полк находился на высоте, около захваченного немцами Ржева</i>	565
46.	Шевчук Людмила Николаевна <i>По полю боя с санитарной сумкой</i>	570
47.	Щербаков Вадим Петрович <i>С каждой секундой смерть приближается на один километр</i>	575
48.	Юдин Виктор Ефимович <i>Нам удалось отстоять эту высоту и продолжить продвижение автоколонны к аэропорту</i>	584
49.	Юрин Виктор Алексеевич <i>4000-м сбитым самолётом оказался F-111</i>	589
50.	Юрьев Александр Григорьевич <i>Самые ожесточенный бои были у станции Поныри</i>	599
	Благодарность Оргкомитета	609

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покоровшие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано фундаментальными научными трудами по военной истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко

издаются мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, героизма, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Редуют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи

воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны (председатель Слухай И.А.) проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии (председатель Пархоменко В.И.), Московского комитета ветеранов войны (председатель Слухай И.А.) и факультета военного обучения (начальник Луценко В.Н.) Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцать российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета;
- Московского государственного горного университета;
- Московского государственного лингвистического университета;

- Московского государственного строительного университета;
- Московского государственного технического университета имени А.Н. Косыгина;
- Московского государственного университета природообустройства;
- Московского инженерно-физического института (государственного университета);
- Московского энергетического института (технического университета);
- Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Российского государственного технологического университета имени К.Э. Циолковского;
- Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина;
- Кубанского государственного аграрного университета;
- Кубанского государственного технологического университета;
- Кубанского государственного университета.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института (заведующий Порохня В.С.) была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей (том 8), Краснодарского края (том 9), Республики Коми (том 13).

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор Порохня В.С.), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом № ФАО-14868/12-16 от 1 октября 2008 года рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России организовать работу студентов и преподавателей истории по созданию каждым Вузом своего тома. Благодаря такому предложению, в учебном

процессе российских университетов внедряется новая элективная форма учебно-исследовательской работы студентов, которая позволит оказать помощь российским ветеранам войн и военных конфликтов в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании. В результате на момент издания 13-го тома в Академию исторических наук переданы рукописи для публикации 20 новых томов мемуаров ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны, подготовку которых осуществили:

1. Брянская государственная инженерно-технологическая академия;
2. Брянская государственная сельскохозяйственная академия;
3. Брянский государственный технический университет;
4. Брянский государственный университет;
5. Воронежский архитектурно-строительный университет;
6. Горский государственный аграрный университет (Владикавказ);
7. Дагестанский государственный педагогический университет;
8. Ивановский государственный архитектурно-строительный университет;
9. Ивановский государственный энергетический университет;
10. Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере (Краснодар);
11. Казанский государственный технический университет имени А.Н. Туполева;
12. Калмыцкий государственный университет;
13. Калужский филиал Российского государственного аграрного университета МСХА имени К.А. Тимирязева;
14. Кемеровский филиал Российского торгово-экономического института;
15. Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова;
16. Краснодарский университет МВД России;
17. Кубанский государственный медицинский университет (Краснодар);
18. Кубанский социально-экономический университет;

19. Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Павлова;
20. Курский государственный технический университет;
21. Курский государственный университет;
22. Липецкий государственный технический университет;
23. Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева;
24. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева;
25. Московский авиационно-технологический университет;
26. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);
27. Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина;
28. Московский государственный горный университет;
29. Московский государственный лингвистический университет;
30. Московский государственный строительный университет;
31. Московский государственный текстильный университет имени А.Н. Косыгина;
32. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
33. Московский государственный университет печати;
34. Московский государственный университет природообустройства;
35. Московский инженерно-физический институт (государственный университет);
36. Московский энергетический институт (технический университет);
37. Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского;
38. Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций;
39. Саратовский государственный социально-экономический университет;
40. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

41. Северо-Кавказский филиал Правовой академии Минюста России (Махачкала);
42. Сибирская автомобильно-дорожная академия (Омск);
43. Славянский-на-Кубани государственный педагогический университет;
44. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России;
45. Старооскольский филиал Воронежского государственного университета;
46. Институт экономики и культуры.

Работа студентов и преподавателей кафедры истории (заведующий Антипин Л.Н.) Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина опубликована в 2011 году в 14-м томе настоящего издания.

В конце 2008 года Академия исторических наук, совместно с кафедрой истории (заведующий Порохня В.С.) Московского авиационного института и Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы, организовала подготовку ветеранами-интернационалистами воспоминаний об их участии в боевых действиях в 1979-1989 годах в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. В результате этой работы был создан 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне».

Студенты и преподаватели кафедры истории Московского авиационного института начали работу по подготовке мемуаров участников боевых действий во Вьетнаме и Корее.

Важным событием в развитии проекта явилось пребывание в ФРГ делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года в рамках мероприятий по празднованию 65-летия окончания Второй мировой войны. Инициатор и организатор поездки делегации - Научное учреждение «Академия исторических наук». Главная цель поездки - вручение комплекта 13-ти томов мемуаров фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» представителям библиотеки Бундестага.

Делегация состояла из 13-ти человек, в которую вошли:

- руководители двух ветеранских организаций России: Карabanов Дмитрий Иванович (председатель Совета Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов) и Антошкин Николай Тимофеевич (Герой Советского Союза, Заслуженный военный летчик, председатель Правления Клуба героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы, доктор военных наук, профессор, генерал-полковник);

- три фронтовика Великой Отечественной войны: Рунов Борис Александрович (Герой Советского Союза, член Президиума Всероссийской общественной организации ветеранов войны, действительный член Академии исторических наук, бывший заместитель министра сельского хозяйства СССР, участник штурма Берлина), Дементьев Василий Дмитриевич (заместитель председателя Совета Региональной общественной организации инвалидов Великой Отечественной войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, действительный член Академии исторических наук, доктор военных наук) и Колесникова Зинаида Андреевна (член Совета Региональной общественной организации инвалидов войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии);

- ветеран тыла Великой Отечественной войны Епихин Виталий Иванович;

- руководитель университетского исторического сообщества России Порохня Виктор Сидорович (директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);

- представители Научного учреждения «Академия исторических наук»: Шоль Евгений Иванович (президент, действительный член Академии исторических наук); Лидяева Наталия Игоревна (исполнительный секретарь, действительный член Академии исторических наук), Бояр Александр Михайлович (действительный член Академии исторических наук), Федулова Татьяна Михайловна (действительный член Академии исторических наук,

редактор), Головушкин Вадим Игоревич (действительный член Академии исторических наук) и Новиков Игорь Михайлович (военный врач-терапевт).

Финансирование мероприятий делегации осуществлено на благотворительные средства, предоставленные Заслуженным конструктором России Гнездиловым Владимиром Алексеевичем, депутатом Московской областной Думы Аристарховым Владимиром Владимировичем и Академией исторических наук. По поручению первого заместителя министра иностранных дел России Денисова Андрея Ивановича делегации оказали помощь Посольство России в Берлине (посол Котенёв В.В.) и Российский дом науки и культуры в Берлине (руководитель Владимир М.М.).

От имени Всероссийской общественной организации ветеранов войны делегация провела следующие мероприятия:

- 20 апреля в Трептов-парке (Берлин) и 21 апреля в музейном комплексе на Зееловских высотах (Зеелов) были возложены венки к памятникам советским воинам;

- были переданы в дар восемь комплектов 13-ти томов мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: 20 апреля - посольству России в Берлине, 21 апреля - музею Зееловских высот (Зеелов), Германо-Российскому музею капитуляции Берлин-Карлсхорст (Карлсхорст) и представителю университета города Лейдена (Голландия, Leiden, Campus Den Haag), 22 апреля - библиотеке Бундестага (Берлин), Российскому дому науки и культуры в Берлине и гимназии имени Лессинга (Берлин), 23 апреля - Фонду «Саксонские мемориалы» (Дрезден).

В декабре 2011 года студенты и преподаватели кафедры истории (заведующий Паршин В.В.) Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана совместно с Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы передали в Академию исторических наук рукописи воспоминаний ветеранов Афганских событий 1979-1989 года. Эти материалы опубликованы в 15-м томе.

С юбилейного 15-го тома начинается международный этап развития настоящего многотомного издания. В отличие от предыдущих томов, в 15-й том включены воспоминания

зарубежных ветеранов-фронтовиков. В нем представлены воспоминания пяти ветеранов Вооружённых сил Республики Афганистан (1979-1989) и одного ветерана Вермахта Германии (1945).

Публикация в 15-м томе воспоминания германского солдата Вермахта стала результатом работы в Берлине вышеупомянутой делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года, в соответствии с рекомендациями посольства России в Берлине. Руководство ветеранских организаций России и Академия исторических наук считают необходимым участие зарубежных ветеранов и студентов в настоящем издании для объективного отражения военных событий, борьбы с фальсификациями истории и, на их основе, укрепления взаимопонимания и дружбы между народами

Начиная с 16-го тома значительно расширилась тематика воспоминаний по оказанию интернациональной помощи советскими войсками другим странам. В этом томе представлены мемуары участников боевых действий в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Сирии, во время Карибского кризиса, а также ветерана советской внешней разведки в Германии и Гане.

Важным результатом создания многотомника является проявление социальной ответственности предпринимателей и руководителей органов государственного управления в форме благотворительной помощи в издании мемуаров ветеранов-фронтовиков. Безвозмездную финансовую помощь в издании первых 15-ти томов мемуаров ветеранов-фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» оказали:

- *Аристархов Владимир Владимирович* (6-й том - председатель Координационного совета Регионального отделения Общероссийской общественной организации «Молодёжное единство» Московской области; 8-й том - депутат Московской областной Думы);

- *Благотворительный фонд «Вольное дело»* (5-й том, председатель совета директоров Дерипаска Олег Владимирович);

- *Гнездилов Владимир Алексеевич* (2-й и 10-й тома, заслуженный конструктор России);

- *Захаров Анатолий Алексеевич* (13-й том, генеральный директор ООО «Газпром трансгаз Ухта», депутат Государственного Совета Республики Коми);
- *Крошнев Евгений Альбертович* (4-й том, генеральный директор Рекламного агентства «Профис»);
- *Левочкин Станислав Анатольевич* (4-й том, генеральный директор Группы компаний «Бауфлекс»);
- *Леканов Эдуард Васильевич* (13-й том, председатель Ухтинского городского Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов
- *Министерство культуры Российской Федерации* (17-й том, министр культуры РФ Мединский Владимир Ростиславович, распоряжение Президента Российской Федерации В.В. Путина от 23 марта 2015 года № 62-рп «О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства»);
- *Московский комитет ветеранов войны* (15-й том, председатель Слухай Иван Андреевич);
- *Муниципальное образование Басманное города Москвы* (11-й и 15-й тома, руководитель Мороз Ивисталина Васильевна);
- *ООО «Газпром трансгаз Ухта»* (13-й том, генеральный директор, депутат Государственного Совета Республики Коми Захаров Анатолий Алексеевич);
- *Префектура Северо-Восточного административного округа города Москвы* (10-й том, префект Рабер Ирина Яковлевна);
- *Префектура Юго-Западного административного округа города Москвы* (12-й том, префект Челышев Алексей Валентинович);
- *Префектура Южного административного округа города Москвы* (14-й том, префект Смолеевский Георгий Викторович);
- *Российская инновационная топливно-энергетическая компания* (9-й том, генеральный директор Грайфер Валерий Исаакович);
- *Российский благотворительный общественный фонд помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной*

войны «Виктория-1945» (14-й и 15-й тома, президент Магомедов Магомед Гаирбекович);

- РОО «Московский союз организаций участников войн и военных операций» (16-й том, председатель Попов Дмитрий Игоревич);

- Фирма *Japan Tobacco International в России* (14-й том, генеральный менеджер Кевин Томлинсон)

- *Читипаховян Петр Степанович* (7-й том, генеральный директор Балтийской строительной компании);

- *Шапошников Юрий Анатольевич* (3-й том, генеральный директор типографии МВД);

- *Шоль Евгений Иванович* (1-й том, вице-президент Академии военно-исторических наук).

Имена спонсоров публикуются на обороте титульной страницы соответствующего тома.

Предисловия и приветствия к каждому тому написаны российскими общественными, военными и научными деятелями. Среди них:

- *Азаров Виктор Яковлевич* (6-й том, председатель Московского областного Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов);

- *Аничкин Геннадий Викторович* (16-й том, Глава муниципального округа Басманный города Москвы);

- *Антипин Леонид Николаевич* (14-й том, заведующий кафедрой истории Московского государственного текстильного института имени А.Н. Косыгина, доктор исторических наук, профессор);

- *Антошкин Николай Тимофеевич* (17-й том, Герой Советского Союза, депутат Государственной Думы Российской Федерации, председатель Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы, член Правления «Российской ассоциации Героев», заслуженный военный лётчик Российской Федерации, генерал-полковник в отставке, доктор военных наук, профессор).

- *Аристархов Владимир Владимирович* (6-й том – председатель Координационного совета Регионального отделения Общероссийской общественной организации

«Молодёжное единство» Московской области; 8-й том - депутат Московской областной Думы);

- *Вураки Андрей Фёдорович* (4-й том, член Президиума Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке);
- *Дементьев Василий Дмитриевич* (2-й том, председатель Мемуарного совета Академии исторических наук, профессор);
- коллектив кафедры истории Московского авиационного института (7-й том);
- *Михалкин Владимир Михайлович* (10-й том, маршал артиллерии);
- *Мороз Ивисталина Васильевна* (11-й и 15-й тома, руководитель Муниципального образования Басманное города Москвы);
- *Нижегородов Анатолий Григорьевич* (17-й том, председатель Клуба «Краснознамёнец» Московского комитета ветеранов войны с 2011 по 2024 года, генерал-майор в отставке);
- *Николаев Сергей Дмитриевич* (14-й том, ректор Московского государственного текстильного института имени А.Н. Косыгина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор);
- *Пархоменко Владимир Иванович* (1-й том, председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке);
- *Петрик Анатолий Алексеевич* (9-й том, ректор Кубанского государственного технологического университета);
- *Попов Дмитрий Игоревич* (15-й том, председатель 16-го Объединённого совета Московского комитета ветеранов войны, председатель местной общественной организации «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы);
- *Порохня Виктор Сидорович* (1-й том, директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);

- *Слухай Иван Андреевич* (3-й том, председатель Московского комитета ветеранов войны, генерал-майор в отставке);
- *Томлинсон Кевин* (14-й том, генеральный менеджер Japan Tabacco International в России);
- *Трунов Михаил Петрович* (5-й том, председатель Совета всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов);
- *Филиппов Виктор Иванович* (16-й том, председатель 19-го Объединённого совета Московского комитета ветеранов войны, генерал-лейтенант в отставке);
- *Цхадая Николай Денисович* (13-й том, ректор Ухтинского государственного технического университета);
- *Чельшев Алексей Валентинович* (12-й том, префект Юго-Западного административного округа Москвы);
- *Шибает Андрей Вячеславович* (16-й том, депутат Московской городской Думы VI созыва).

Значимую благотворительную помощь в издании 16-го тома оказали граждане России: Глаголев Виктор Владимирович, Демченко Владимир Иванович, Епихин Виталий Иванович, Ковальский Михаил Сергеевич, Котов Александр Иванович, Крамарь Юрий Тимофеевич, Лидяева Наталия Игоревна, Манохин Виктор Алексеевич и Селезнёв Александр Дмитриевич.

После издания этого тома проект создания многотомных мемуаров был признан проектом общенационального значения, как сказано в распоряжении Президента Российской Федерации В.В. Путина от 23 марта 2015 года № 62-рп «О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства». По результатам конкурса, проведённого в 2014 году Министерством культуры Российской Федерации, лично руководителю проекта президенту Научного учреждения «Академия исторических наук» Шоль Е.И. был присуждён грант президента Российской Федерации.

На средства этого гранта был подготовлен и издан 17-й том, посвященный 70-летию Победы советского народа во Второй мировой войне. Авторами мемуаров в этом томе стали фронтовики, среди которых 11 Героев Советского Союза,

3 Героя Российской Федерации, а также 46 кавалеров ордена боевого Красного Знамени и ордена Славы. Помощь ветеранам в подготовке рукописей оказали 5 студентов кафедры истории гуманитарного факультета и 26 студентов Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета), а также 5 студентов кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, 3 учащихся ПУ-5 города Москвы и по одному студенту Московского университета имени М.В. Ломоносова, Московского университета природообустройства, Московского агроинженерного университета имени В.П. Горячкина и Невинномысского государственного гуманитарно-технического университета.

Дальнейшее развитие проекта создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» связано с присуждением гранта Научному учреждению «Академия исторических наук» по результатам конкурса, проведённого в 2015 году Общероссийской общественной организацией «Российский Союз Молодежи» в соответствии Распоряжением Президента Российской Федерации В.В. Путина № 79-рп от 1 апреля 2015 года «Об обеспечении в 2015 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина».

Целью этого гранта стало развитие элективной формы исторического образования в виде адресной безвозмездной помощи студентами вузов ветеранам в подготовке воспоминаний об их личном участии в войнах и военных конфликтах. Задачи гранта: организация добровольческой работы по оказанию помощи российским ветеранам войн в подготовке их воспоминаний, издание результата работы студентов в виде 18-го тома мемуаров, организация проведения Всероссийской конференции преподавателей истории в университетах России и обсуждение на ней результатов работы российских университетов в рамках гранта.

15 декабря 2015 года на учредительном съезде Ассоциации преподавателей истории в высших учебных заведениях России заместитель руководителя департамента общественных проектов Администрации Президента Российской Федерации О.Ю. Васильева дала высокую оценку проекту создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» и предложила Ассоциации принять активное участие в этом проекте. В соответствии с этим предложением между Ассоциацией (председатель Порохня В.С.) и Научным учреждением «Академия исторических наук» было заключено соглашение о партнёрстве.

Настоящий том является результатом реализации гранта, в том числе и соглашения с Ассоциацией. В томе опубликованы воспоминания участников боевых действий во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов (21), а также - в Афганистане (10), во Вьетнаме (13), в Корее (2), в Египте (1), в Танзании (1) в Нагорном Карабахе (1) и в Чечне (2). В подготовке рукописей ветеранам оказали помощь 53 учащиеся и студентов 20 учебных заведений 16 регионов России:

1. Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулёва;
2. Государственный университет «Дубна»;
3. Дагестанский государственный педагогический университет;
4. Казанский (Приволжский) федеральный университет;
5. Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева - КАИ;
6. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского;
7. Курская государственная сельскохозяйственная академия;
8. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева;
9. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);
10. Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана;

11. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет;
12. Новосибирский государственный технический университет;
13. Оренбургский государственный педагогический университет;
14. Саратовский государственный социально-экономический университет;
15. Саратовский политехнический институт;
16. Современная гуманитарная академия. Владикавказский филиал;
17. Средняя образовательная школа № 436 города Москвы;
18. Тульский государственный университет;
19. Уральский государственный аграрный университет;
20. Челябинский государственный университет.

Шоль Евгений Иванович,
президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович,
*председатель Совета ветеранов
4-й гвардейской танковой армии,
генерал-майор в отставке*

Эту работу нужно поставить на системный уровень

Меньше года прошло с того дня, когда в конференц-зале Российской государственной библиотеки я принимал участие во вручении авторских экземпляров создателям 17-го тома мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» - ветеранам войн, студентам и преподавателям. Среди авторов воспоминаний, опубликованных в этом томе, 11 Героев Советского Союза, 3 Героя Российской Федерации, 46 кавалеров ордена Красного Знамени и ордена Славы.

В настоящем томе также опубликованы воспоминания трёх Героев Советского Союза – Булатова Михаила Алексеевича, Крамаренко Сергея Макаровича и Решетникова Василия Васильевича. Причем начало воспоминаний С.К. Крамаренко и В.В. Решетникова представлены в 17 томе.

Каждое из воспоминаний ветеранов, написанное от первого лица, дает правдивую информацию о событиях, их причинах и последствиях, о которых известно мало или совсем не публиковалось. Воспоминания ветеранов дополняют историческую науку информацией, которую нельзя получить в архивах. Это видно из содержания всех предыдущих томов. Каждый из томов имеет свою специфику. Важной особенностью настоящего тома является публикация мемуаров ветеранов боевых действий, происходивших не только в середине прошлого века, но и совсем недавно.

В 2009 году, в год 20-летия вывода Советских войск из Афганистана, в 11-м томе были изданы воспоминания большого числа ветеранов этой войны. Ветераны почувствовали уважение к себе и стали больше рассказывать о реальных событиях тех времён. В 2012 году в 15-м томе были изданы воспоминания 50 ветеранов Афганской войны, из них пятеро – бывшие граждане Афганистана. А в 16-м томе представлены воспоминания российских ветеранов боевых действий в Корее, на Кубе, во Вьетнаме, в Афганистане, а также воспоминания о событиях в Египте, в Нагорном Карабахе и в Чечне. Уверен, что за ними последуют другие ветераны, что сделает публичной правду о подвиге российских солдат во всех военных конфликтах.

В этой связи опыт издания мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания и войне» показывает, что

добровольческая помощь студентов ветеранам является важной составляющей воспитательной работы. Настало время, когда эту работу нужно поставить на системный уровень.

Клуб Героев, который я возглавляю, возлагает надежду, что каждый преподаватель истории университета ежегодно организует добровольческую работу одного-двух студентов по оказанию помощи минимум одному ветерану в подготовке рукописей воспоминаний для дальнейшей публикации в сборнике мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне». Тогда полностью будет реализован принцип: «Никто не забыт. Ничто не забыто». Правление Клуба предлагает Ассоциации преподавателей истории в университетах России принять активное участие в этой работе.

Клуб Героев благодарит российских ветеранов за предоставленные воспоминания о боевых действиях, являющиеся источником как для патриотической работы с молодёжью, так и для научных военно-исторических исследований.

Благодарим также студентов и преподавателей, оказавших помощь ветеранам в подготовке их рукописей.

Клуб Героев выражает благодарность Российскому Союзу Молодёжи, выделившему грант на организацию добровольческой работы студентов, и надеется на его дальнейшее участие в этом важнейшем патриотическом проекте.

***Антошкин Николай Тимофеевич,**
Герой Советского Союза,
депутат Государственной Думы Российской Федерации,
председатель Правления Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы г. Москвы и Московской области, вице-президент «Российской Ассоциации Героев»,
Заслуженный военный лётчик РФ,
генерал-полковник в отставке,
доктор военных наук, профессор.*

Предисловие к 18-му тому

Данная книга яркий пример живого общения поколений. В настоящий том вошли воспоминания ветеранов - участников боевых действий Второй мировой войны, военных конфликтов в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Египте, Нагорном Карабахе и в Чечне, записанные и подготовленные к публикации студентами 20 образовательных организаций высшего образования из 16 субъектов Российской Федерации.

Встречи и интервью с ветеранами проходили в рамках проекта «Элективная форма исторического образования в виде адресной безвозмездной помощи студентами вузов ветеранам в подготовке воспоминаний об их личном участии в войнах и военных конфликтах». Исключительная особенность этого проекта в том, что он объединил абсолютно на добровольных началах студентов, преподавателей и ветеранов одной целью – передачи опыта и знаний будущим поколениям.

Мы гордимся тем, что Российский Союз Молодежи смог принять участие в реализации этой масштабной социальной инициативы. Члены Российского Союза Молодежи, являясь активистами добровольческого движения, оказывают адресную помощь ветеранам, помогая им в решении насущных проблем. Важно отметить, что в рамках данного проекта молодые люди стали соавторами исторического исследования, открывающего важные подробности военных действий на суше, в небе и на воде.

Российский Союз Молодежи благодарит ветеранов войн, научных руководителей, преподавателей и студентов университетов России за важный совместный вклад в создание многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне», ведь сохраняя прошлое, мы создаем будущее.

*Красноруцкий Павел Павлович,
Председатель Общероссийской
общественной организации
«Российский Союз Молодежи»*

Бадамшин Нагим Абдуллович

**С двумя катушками проводов,
каждая из которых весит 16 килограммов**

Я родился 24 декабря 1926 года в селе Новомусино Шарлыкского района Оренбургской области.

Семья у нас была большая - пятеро детей. Я был третьим ребенком в семье. Надо было накормить всех, одеть, обусть. Мы не засиживались за школьной партой, рано выросли. Летом я работал на полях, а зимой - в животноводстве.

Мне было 15 лет, когда началась война. О начале проклятой войны я узнал от нашего соседа, который прибежал к нам во двор, крича: «Война! Война!»

Никто не верил в это. Неужели может такое быть?

Ушел на фронт мой старший брат Бадамшин Ибятгулла Абдуллович. Он пропал без вести.

Отец по годам не подлежал службе. Мне повестка из военкомата пришла осенью 1943 года. Призвали не одного меня, много ребят уходило. Нас провожало все село. Стоя на грузовой машине, мы все поехали. Сердце сжималось - было очень жалко маму. Отец крепился, а мама очень сильно плакала. Она провожала второго сына на войну, где каждую секунду обрывались сотни жизней. И мы не знали - увидимся ли еще?

Мне не исполнилось 18 лет, поэтому меня отправили на обучение военному делу в лагерь. Четыре месяца я находился в Нижней Павловке, а потом еще столько же на Тоцком

полигоне. Очень было тяжело, особенно с едой. Нам давали 650 грамм черного хлеба, 1-2 ложки гречки или перловки на воде. Сами собирали щавель для супа. В общем, ели как придется. Бывало, что папиросы я менял на кусок масла. Давали 80 грамм спирта в день. Матрасы у нас были из соломы.

Здесь же начинали обучение мои два земляка - Минибай Абузяров из села Мустафино и Фадим Рашитов из соседнего поселка Урняк. Потом судьба развела наши фронтовые дороги с Фадимом Рашитовым. Знаю, что он был ранен, у него была разрывная рана, пуля попала в руку. Абузярова Минибая я похоронил в Восточной Пруссии после бомбежки.

В начале 1944 года, получив специальность связиста, я попал на фронт. Наши войска к тому времени уже освободили родную землю от фашистов и вступили в бой за освобождение заграничных территорий. Начал я службу в звании старшего телефониста в 409-м Гдынском минометном полку 41-й бригады 1-й артиллерийской дивизии на 2-м Белорусском фронте (под командованием маршала Советского Союза Рокоссовского К.К.).

Дивизия под командованием полковника Захарова вела бои в Восточной Пруссии. Служба линейного связиста проходила на передовой. С огромными двумя катушками проводов, каждая из которых весит 16 килограмм, приходилось прокладывать связь между командными пунктами. Прокладывал несмотря ни на что: пули свистели, снаряды падали. А стоит задеть линию связи осколком - всё, начинай сначала. А если шел дождь - тут не избежать замыкания. Этих катушек хватало примерно на километр. Надо сказать, что у немцев провода были куда крепче.

Бои шли ожесточенные. Артобстрелы продолжались почти круглосуточно. В короткие минуты затишья, мы буквально валились с ног. Уставали катастрофически.

Было это в небольшом немецком городке. После страшных боев, видимо, и сами немцы выдохлись, наступила такая звенящая тишина! Мы, выставив караул, устроились на ночлег в красивом двухэтажном здании.

А ночью фашисты обстреляли городок. Одним из снарядов снесло крышу и обрушило стену здания. К счастью, никого не зацепило. Более того, мы спали так крепко, что даже

не слышали «вселенского» грохота. Всякое бывало на фронте.

Гибли рядом товарищи, с которыми я делился куском хлеба и кружкой воды. Но молитвы матери, наверное, берегли меня: я не получил серьезных ранений.

Как-то во время отступления в наш окоп попал немецкий солдат. Он умолял нас, чтобы мы его не расстреливали. Наш командир приказал не трогать его, ничего не отбирать. Относились гуманно к ним. Я тогда смотрел на него и думал, ведь это тоже чей-то сын, как и я. Но передо мной мой враг, которого я должен уничтожить, иначе он уничтожит меня... Но в ответ мы ему сказали, что в Сибири места много, всем хватит. Тогда их отправляли колоннами...

Как же было тяжело, невыносимо тяжело, но меня всегда согревала мысль о том, что дома меня ждут. И с этой мыслью я шел в бой, переносил все тяготы солдатской жизни. Самым счастливым днем был день, когда приходили письма из дома. Я как получал письмо, так с жадностью начинал читать. И представлял всех. Самое тяжелое было читать про то, что уже нет в живых некоторых соседей, друзей, почти в каждом доме вдовы.

О нашей Победе я узнал в 80 километрах от Берлина в городе Легница. Свой фронтовой путь закончил в Берлине.

Домой я не сразу попал. До демобилизации в 1948 году служил в Польше.

После окончания войны работал на артбазе № 414. Под руководством начальника артбазы подполковника Рукина военнопленные чистили снаряды, а мы их собирали и складывали.

Награжден:

- медалью «За отвагу» (№ 2489754, приказ от 20.02.1945 года №02/Н. В наступательных боях в труднейших условиях под сильным артогнем обеспечивал непрерывную связь огневой позиции с наблюдательным пунктом);

- орденом Славы 3-й степени (№418449, приказ от 25.04.1945 года №09/Н.);

- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (П№ 312641, вручена 1 мая 1946 года командиром 409-го минометного Гдынского

полка майором Громовым. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года);
- медалью «За взятие Кенигсберга». (А№ 477114, вручена 10 апреля 1947 года начальником артбазы № 411 подполковником А. Рукиным. За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга).

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Бадамшина Рима
Гарфудиновна**, магистр 2-го курса
Психолого-педагогического факультета
Оренбургского государственного педагогического университета*

Балакин Владимир Васильевич

Разведывательные корабли особого назначения

Я родился 13 августа 1945 года в городе Сатка Челябинской области. Там же до призыва окончил горно-керамический техникум.

В начале сентября 1964 года, после окончания техникума, по призыву на срочную воинскую службу, я был отправлен на Дальний Восток.

С Урала до Владивостока нас по железной дороге везли одиннадцать суток. Там повторно прошел медицинскую комиссию, а также тестовую проверку на слуховую память и скоропись.

Большинство из новобранцев, меня в том числе, направили по «учебкам», в основном на остров Русский, где обучали специалистов флотских специальностей.

Месяца полтора я был в школе радистов. Вскоре прибыли на переподготовку радисты с кораблей Тихоокеанского флота, и нас, молодых курсантов, перераспределили по другим учебным подразделениям острова. Я попал в радиотехническую школу (РТШ), километрах в десяти от прежней школы. В РТШ нас тщательно готовили и общearмейским навыкам, и корабельным требованиям, и специальности (азбука Морзе, радиотехника с практическими занятиями на радиоаппаратуре и станциях).

Из строевых занятий (без оружия, с оружием, построения и выходы с маршем) запомнились торжественные

прохождения нашего учебного взвода с песнями: «Снова будет небо голубое, снова будут в парках карусели. Это ничего, что мы надели черные матросские шинели...» и более веселой: «Эх, соленая вода, ветер на просторе. Полюбилось навсегда голубое море...»

Свежи в памяти хозяйственные работы взвода, в том числе чистка картошки с восьми вечера и до трех-четырёх утра с песнями под гармошку, чтобы не заснуть. И еще нас троих, первых по алфавитному списку, направили на постоянное дежурство помощниками кочегаров по снабжению горячей водой котельной и бани.

В июне 1965 года, после десятимесячного курсантского обучения в РТШ на острове Русский, свердловчанина Петра Сабурова и меня привели к 37-му причалу Владивостока. Сопровождавший нас старшина Мельниченко отдал наши документы вахтенному офицеру дивизиона, попрощался и ушел.

Мы внимательно осмотрели пришвартованные к стенке причала 5-6 небольших полувоенных кораблей, поняли, что будем здесь продолжать свою дальнейшую морскую службу. Вскоре с трапа одного из них сошел на причал капитан-лейтенант и направился в нашу сторону. Поговорив с вахтенным офицером, он взял один из документов, назвал мою фамилию, и мы направились к кораблю с надписью «Амперметр».

В тот летний день я еще не знал, что более трех лет прослужу на этом «Амперметре» (в/ч 27140) и в приморскую вьюгу в обледеневшем корабле, и в жарких тропиках, и в штормовых морях, и в великом океане. Справа и слева от нашего корабля стояли такие же небольшие корабли третьего ранга с одинаковыми флагами, как я потом узнал, гидрографические суда.

Почти все корабли 37-го причала были построены на верфях Германии и Японии как средний рыболовный траулер. Впоследствии их переоборудовали и перепрофилировали в корабли радиотехнической разведки (КРТР). В двух бывших рыбных трюмах разместились кубрик для матросов и посты радиотехнической службы (РТС – акустический, УКВ, навигационный, а наверху у трапа – станции поста № 3).

В целом РТС была самой многочисленной и составляла более половины экипажа корабля.

В кубрике было около сорока мест для отдыха моряков, включая места на рундуках. В морских походах часть кроватей и места на рундуках использовали как одно место на двоих, так как матросы РТС и приписной группы, находясь на вахте в постах, сменяли друг друга через шесть часов. В целом в кубрик и в трюм РТС набивалось до 50-55 матросов-срочников. Каюты для офицерского состава во время похода заполнялись тоже «под завязку» – по 2-3 человека в одной каюте. Такая скученность была во всех дальних походах и на всех кораблях дивизиона 37-го причала.

В трюмных постах практически отсутствовала вентиляция. От ламповой радиоаппаратуры и станций несло жутким жаром, и мы все шесть часов работали, обливаясь потом. Как правило, сидели в шортах и обернутые полотенцами, с наушниками на шее. Отдыхали мы после вахты в кубрике, в кают-компании или на верхней палубе (при спокойном море), на кормовой палубе. Разбежаться было негде, уединенные места отсутствовали (особенно в светлое время суток).

К большой скученности людей на корабле добавлялся жесткий график несения вахты, особенно в службе РТС. Но ни указанные бытовые, ни погодные условия (бортовая и килевая качка) были не страшны для молодых здоровых организмов. Через 3-3,5 месяца похудевшие, но веселые и загоревшие под тропическим солнцем, мы возвращались в родной порт Владивосток. Большинство из нас отдыхали вместе с подводниками на базе отдыха «Сокол», а один раз – в санатории Приморья.

В дальних походах мы набирались не только корабельного, боевого, специального мастерства, но и умения жить и работать в большом коллективе, выполняющем одну боевую задачу. Помимо всего нам, молодым людям, жившим до службы на селе или в небольших городах (большинство из нас от дома далеко и не уезжали), удалось в те далекие 60-е годы посмотреть не только морские просторы, но и берега соседних стран и островных государств. Когда в зимнее время корабли возвращались из походов в тропики во Владивосток,

наши загорелые, смугло-шоколадные лица и тела вызывали удивление у местных жителей.

Я вспоминаю случай, когда при возвращении из дальнего похода наш интендант мичман Колечко заставил кока Володю Рябинчука сбросить в море несколько коробок овощных и рыбных консервов, потому что боялся, что в случае проверки его обвинят в недокармливании моряков до нормы. А как можно было есть рис, гречку и другие крупяные гарниры, если они плавали в сливочном масле, оставшемся с завтрака?

В морских походах были свои сложности: пили только кипяченую воду, теплую и даже горячую в тропическом климате; пресная вода выдавалась строго по норме, а значит один литр на умывание ежедневно, 1,5–2 тазика (обреза) с водой – на помывку и стирку мелких вещей (рубашек, шорт). Считаю, что мне повезло – я прошел полный морской обряд присяги кораблю. Это и кружка морской воды, выпитая в начале морской службы, и наказание старослужащих «сорокотов» по отбиванию банок, и самый главный ритуал – целование киля корабля. Об этом подробнее.

На ремонт и очистку бортов ниже «ватерлинии» и днища от ржавчины, рачков (чилимов), водорослей и других прилипших и мешающих движению предметов, корабль ставят в ДОК на специальные приспособления, предварительно погрузив его в воду. После откачки воды ДОК вместе с кораблем поднимается над поверхностью воды. Рабочие ДОКа отскабливают электромашинками нижнюю часть корабля до блеска, потом грунтуют в несколько слоев железным или свинцовым суриком и наносят ватерлинию. Экипаж корабля в это время ремонтирует верхнюю часть корабля: предварительно очищенные от старой краски места, где обнаружили ржавые пятна, заново грунтуются и прокрашиваются. Старослужащие (3-4 лет службы), как правило, перебирали по деталям, узлам и блокам закрепленную за ними технику, приборы, аппаратуру и агрегаты. Покраску внутренних помещений корабля производили рабочие ДОКа. Они же красили основную бортовую часть корабля в «шаровый» цвет и в более светлые тона (белый, слоновой кости, светло-голубой) все надстройки, включая рулевое, штурманское отделение, каюту командира корабля (КЭПа), а также корабельные мачты. За пару месяцев

корабль выходил с завода-ДОКа новеньким, сиял, как начищенный самовар.

Обычно в воскресенье, когда не было доковских работников, весь экипаж срочников, одетых в форму № 3, под звуки баяна спускался с корабля к стапелям ДОКа, строился в две шеренги: в первую те, кто уже присягал кораблю, во вторую более молодые матросы-срочники. Очистив от ракушек и ржавчины место возле винта и протерев его платочком, пропитанным одеколоном, в порядке очередности и с докладом старшему по званию приступали к целованию киля корабля. После полного окончания этого корабельного ритуала старший по званию, обычно главный старшина, поздравлял всех прошедших присягу кораблю и приглашал на просмотр кинофильма. Так мне запомнился основной ритуал присяги нашему кораблю «Амперметр».

Первый морской поход

Начавшаяся в июне 1965 года корабельная жизнь изобиловала новым и необычным. Это и другой коллектив, как весь экипаж корабля, так и РТС, в частности трюм и радиотехнический пост с двумя старшими по званию (старшина второй статьи Поздеев и старший матрос Сизов) и по сроку службы, и обучение работе на радиоаппаратуре и приемниках, находящихся в помещении поста, и другие обязанности по специальности. Но основными на первых порах были тренировки: борьба за живучесть корабля, подготовка к уничтожению секретной информации (записей), сброс наиболее ценных и секретных блоков и частей радиоаппаратуры при вероятности захвата корабля противником и, конечно, корабельные работы и приборки (на верхней палубе, носовой части и корме, в каютах офицерского состава). К отбою, бывало, так набегаетесь, что, застелив рундуки матрацем, простынями и покрывалом (молодые матросы спали на рундуках, а затем уже, через год-полтора, на верхних кроватях), раздевшись до трусов, тотчас засыпали до утра глубоким сном. И так проходил каждый день стоянки корабля у стенки причала.

В сентябре 1965 года началась заправка нашего «Амперметра» дизельным топливом, водой, продуктами

питания, в основном ящиками с баночными консервами. В последний день перед походом привезли на грузовике свежие продукты, которые мы загрузили в небольшие морозильные камеры, и отдельно запакованный в целлофан проспиртованный хлеб. Этими продуктами кормили личный состав до прибытия корабля в заданную точку несения боевой службы.

В тот же день прибыла приписная группа (25-27 военных моряков и офицеров с 6-й версты). Они разгрузили и отнесли в трюмные помещения дополнительную аппаратуру (радиоприемники УКВ, телетайпы, магнитофоны и другое оборудование) для автономного выполнения специального задания, как я потом узнал.

Прибывшие моряки-срочники расположились в кубрике личного состава, а офицеры, мичманы – в каютах по 2-3 человека в каждой. На следующее утро, не помню день и число, но это был точно не понедельник и не 13-е (в эти дни «Амперметр» не выходил в дальние походы), корабль снялся с якоря бухты Золотой Рог, прошел мимо мыса Эгершельд и вышел в Японское море.

Курс мы держали на восток (-ост-) к Японским островам, по параллели в Сангарский пролив и далее, в Тихом океане, повернув на зюйд-вест, к гряде Марианских островов. Морская волна слегка подбрасывала наш корабль, и организм реагировал легким подташниванием. Но самостоятельное наблюдение за эфиром по радиоаппаратуре, пускай и под контролем Виктора Поздеева, ожидание чего-то важного, чуть ли не героического, нейтрализовало тошнотворные позывы и позволило стойко держаться.

В районе Японских островов, отдыхая в кают-компании, я впервые увидел по телевизору японские боевики, которые в нашей стране появились на экранах телевизоров лишь спустя два десятка лет. Далее корабль прошел между островами, и мы очутились в великом Тихом океане. В несколько раз увеличилась амплитуда волн, нас бросало с одной волны на другую, словно скорлупу от яйца или ореха.

На следующий день волнение усилилось, и вскоре нам передали штормовое предупреждение. Укрыться в Японской бухте не представлялось возможным из-за специальной аппаратуры на борту. К тому же мы должны были вовремя

прибыть в указанную точку. Командир корабля Михаил Иванович Печенкин, тогда еще капитан-лейтенант, принял решение идти в заданное место, слегка изменив курс, пробивая волны носом корабля.

После окончания вахты нам не разрешили идти в кубрик через палубу, так как волной нас могло выбросить за борт, несмотря на страховочные фалы, пристегнутые к опоясывающему корабль канату. Сменившись, мы пришли в кают-компанию и расположились на диванах-сидениях возле обеденных столов. Преодолевая тошноту, я попытался заставить себя задремать. Через некоторое время мне удалось это сделать.

Не помню, сколько времени я дремал в это ночное время, но вдруг все находящиеся на диванах (человек 10) услышали и почувствовали поток воды, который обрушился сверху через вентиляционные трубы-гусаки, соединяющие кают-компанию с кормовой частью корабля. На какое-то время погас свет, затих мотор (дизель) и я подумал, что это конец – корабль пошел ко дну. К счастью, вскоре послышался шум дизеля и волны, пробиваемой носом корабля. Это была общая победа экипажа и родного корабля.

Наутро я узнал, что волнами не только накрывало корму и надстройки (штурманское, рулевое и другие помещения), но даже одной из волн разбило двухслойное оконное стекло каюты капитана. Мелкие осколки стекла врезались в стол, шкаф и другую мебель с такой силой, что их пришлось несколько дней извлекать из мебели плоскогубцами, кусачками и другим ручным инструментом. Ударом волны нарушило электропроводку, и вырубилось освещение. Аварийная бригада, по сигналу от вахтенного офицера, сразу же после ЧП наложила планширь, закрепив его струбцинами от стенки и пола. Потом вычерпали воду с остатками стекол.

С утра, при дневном свете, мы сделали приборку в каюте командира, а также в коридорах и штурманском помещении. Мы узнали, что наш корабль задел своим крылом тайфун «Кармен». Почему-то все тайфуны называли женскими именами. Постепенно океан успокаивался, волны становились все меньше, наш корабль прямым ходом шел к самой глубокой Марианской впадине, глубина которой более 11 километров.

Мы продвигались к месту нашей дислокации – острову Гуам. Самый крупный остров Марианской гряды был под опекой США. На нем располагался авиаотряд американских летчиков и обслуживающего военного персонала из Штатов и местных жителей. С аэродрома острова взлетали 2–3 раза в сутки «летающие крепости» – самолеты В-52. До десятка этих самолетов, базировавшихся на острове, брали курс на Вьетнам и сбрасывали там бомбы.

Кроме аэродрома, на острове в бухте Апра стояли американские подводные лодки, в основном атомные, выкрашенные в черный цвет. Мы патрулировали в 3–3,5 милях (5,5–6 километров) от берегов острова Гуам. Целью нашего патрулирования была информация о количестве вылетевших с базы самолетов, бомбовом ударе (снаряжении) и времени вылета В-52 в сторону Вьетнама.

При взлете с аэродрома и во время набора самолетом высоты фиксировались все его данные, вплоть до номера, переговоры экипажа самолета с базой и другие сведения с аэродромной службы через УКВ радиоприемники, дальнейшая связь по другим волнам радиоаппаратуры. «Амперметр» находился вблизи бухты Апра, фиксируя вход и выход всех кораблей, включая подводные лодки, которые шли вдоль насыпного мола в надводном положении, как визуально, так и радиоаппаратурой и станциями слежения. Интересные эпизоды фотографировали. В течение трех месяцев мы занимались сбором и передачей информации об авиации (В-52) и ВМФ США, затем нас сменил другой корабль нашего дивизиона «Гидрография».

Из-за большой скученности на корабле иногда хотелось побыть одному. Для этого проснешься за час-полтора до утренней вахты, встанешь, выйдешь из душного кубрика на палубу, поднимешься по трапу, и ты на корме корабля один: кто спит-отдыхает, кто несет вахту. Оглядываешь горизонт, со всех сторон еще темнеет море, и лишь вдали чернеет темная береговая полоса острова. Не спеша потягиваешься, начинаешь физзарядку. Постепенно океан проясняется, горизонт с востока светлеет, и край воды приобретает голубоватый оттенок. Затем над водой появляется маленький яркий сегмент; он увеличивается, поднимается вверх, освещает водную гладь. Потом видишь половину, три

четверти, и, наконец, полный шар солнца, стоящего на краю горизонта воды. Зрелище неотразимое! Получаешь большой запас энергии на долгое время.

Такие великолепные эпизоды и картины моря – нечастое явление в тропиках. Следующий рассвет может начаться для нас дождем, штормовой погодой и болтанкой корабля на океанских волнах. И к этому природному явлению тоже со временем привыкаешь. В такие моменты в свободное от вахты время, держась за поручни, вбегаешь по трапу на корму корабля, встаешь лицом к волне, держась за ручки запасного штурвала, и приходит мысль, что «Человек – самое сильное и разумное существо в этом мире».

Вспоминается один забавный случай у берегов острова Гуам. Возле бухты Апра вокруг «Амперметра» несколько раз прошел американский катер, с которого два фотографа делали снимки нашего корабля.

Вдруг другие люди в штатском начали бросать нам на палубу вначале баночное пиво (мы его в банках видели в первый раз), потом консервы и пряности в баночках, включая горчицу (почему-то кисло-сладкую) и прочие продукты питания. На этот дружеский жест командир корабля отдал команду спустить на воду самодельный плотик из нескольких деревянных брусков с прикрепленной сверху бутылкой вина и несколькими пачками папирос. Американцы, попробовав вино и папиросы, остались очень довольны нашим подарком. Дальше – интереснее.

Катер подошел вплотную к нашему кораблю, и один из штатских американцев собрался перелезть через борт на корабль. Ему не дали это сделать. Корабль срочно набрал скорость и отделился от американского катера. Минут через 30-40 офицеры собрали в кают-компании всех свободных от вахты военмор-срочников и приказали принести все брошенные нам с катера баночные продукты. Принесли банки, которые поймали с воздуха или подобрали с палубы, за исключением баночного пива, оно исчезло бесследно, содержимое банок выпили до построения личного состава. Командиры пожурели наиболее активных матросов, а сближение катера с кораблем и винно-табачный подарок в их адрес мотивировали тем, что американцы подбросят нам местных газет и журналов с интересующей нас информацией.

Заканчивался третий месяц нахождения в тропиках на 10-й тихоокеанской параллели. Вскоре на замену нам подошел корабль из нашего дивизиона. Прозвучал марш «Прощание славянки», и «Амперметр», после выполненного боевого задания, взял курс “nord”. Похудевшие и загорелые, мы возвращались в заснеженный родной порт.

Морская служба

Возвращаясь во Владивосток, наш корабль в Японском море снова попал в небольшой шторм. Попадавшая на надстройки, мачту, канаты, запасной винт и другие механизмы корабля вода замерзала, образуя слой льда. Чтобы корабль не перевернулся, матросы по несколько человек, поочередно скалывали с них лёд и сбрасывали его через борт в море.

Корабль медленно подходил к бухте «Золотой Рог» и вскоре пришвартовался к стенке 37-го причала.

Затем был небольшой отдых, а потом подготовка корабля: ремонт, частичная замена аппаратуры у РТС, у других служб – закрепленного за каждым матросом оборудования, техники; корабельные работы, а к концу весны – новый дальний поход. И снова заправка топливом, водой, продуктами, обновление ЗИПов для станций, аппаратуры, радиоприборов – для РТС.

С 6-й версты вновь прибыла на корабль команда офицеров, мичманов и человек 15-17 военморов срочной службы со своей аппаратурой. На сей раз взяли курс на «зюйд» Японского моря к Корейскому (Цусимскому) проливу.

Чем ближе приближались к проливу, тем больше штормило. Наш «Амперметр» несколько раз безуспешно пытался пересечь пролив, выйти в Восточно-Китайское море. Вскоре командир получил «добро» от командования базы на заход в бухту Посьет (приграничная зона с КНДР) для заправки питьевой (пресной) водой и топливом. Там же хотели оставить матроса из приписной группы, который несколько дней, с трудом перенося качку, лежал пластом, только пил воду, его тошнило. Однако командир оставил его на корабле, и мы снова пошли к Цусимскому проливу.

Море успокоилось, корабль благополучно прошёл пролив, мы вышли в Восточно-Китайское море. Вахтенный офицер объявил общее построение на палубе, мы сняли головные

уборы (панамы) в честь погибших Российских кораблей, замполит спустил на воду бескозырку в честь погибших порт-артуровцев в боях с Японской армадой кораблей в 1904–1905 годах.

Пошли дальше к Тонкинскому заливу (южнее острова Хайнань) в Южно-Китайское море. Через несколько часов, подходя к заданному месту патрулирования, встретили корабль нашего дивизиона, который мы должны были сменить, чтобы продолжить боевое задание в течение трех месяцев. Экипажи обоих кораблей были возбуждены, на «Амперметр» подошёл плотик с офицерским составом корабля, покидающего места патрулирования. Каждый офицер по своему направлению общей боевой задачи информировал «амперметровских» офицеров о выполненной работе, наиболее интересных эпизодах, случившихся за прошедшие три месяца, и предложениях по решению задач и их анализу, предотвращению ошибок.

После совещания по приему-сдаче дел был накрыт стол с выпивкой и закуской. Офицеры вернулись на свои рабочие места, прозвучал марш «Прощание славянки», уходящий корабль, маневрируя, сделал круг почета и взял курс в родной порт Владивосток. У нас же началось выполнение основной задачи: фиксировать вылеты палубной авиации с кораблей-авианосцев ВМФ 7-го флота США, своевременно информировать наших специалистов во Вьетнаме о предстоящих бомбовых ударах с самолетов.

Чаще всего в морских водах севернее 17-й параллели находились два американских авианосца (ударных) с кораблями прикрытия и обслуживания. Классическая ударная группировка (АУГ) включала подводную лодку (или их несколько единиц), но в Южно-Китайском море подлодки США отсутствовали, по-моему, из-за небольшой глубины, илистого дна моря и, главное, их ненужности там.

У берегов Южного Вьетнама стояли 1-2 вертолетоносца ВМФ США. Мы информировали об их местонахождении, фиксируя по позывным на радиоаппаратуре переговоры как между кораблями, так и летчиков с базой. В поле нашего зрения были и другие полувоенные и гражданские корабли.

Вспоминаются случаи захода в порты Северного Вьетнама советских кораблей с вооружением, техникой и

продовольствием на борту. Американские летчики, их, как правило, не бомбили, а уничтожали вьетнамские джонки, переправлявшие технику, курсировавшие от советского корабля до берега. На моей памяти был лишь один случай, когда американцы сбросили с самолета металлическую болванку, которая, падая с высоты, пробила палубу и борт советского судна ниже ватерлинии. Заделав пробоину и спешно залатав дыру, корабль срочно выгрузил свой «товар» и отправился на ремонт.

Основная доставка грузов из СССР в Северный Вьетнам осуществлялась в 60-е годы морским путем, так как железнодорожные и автомобильные пути через Китай фактически были закрыты. Отношения, в том числе и торговые, между СССР и КНР с каждым годом ухудшались, достигли апогея к 1969 году, вылившись в военный конфликт на острове Даманский. Американские корабли и авиация постоянно заходили в японский порт Сасэбо, где им проводили ремонтные работы, замену отдельных частей и оборудования, производили заправку водой, топливом, а экипажи кораблей отдыхали в японских портовых городах.

Изнурительно тяжелые трюмные вахты, отсутствие вентиляции, жара от ламповой аппаратуры, а также малоподвижный образ жизнедеятельности даже при калорийном питании не способствовали восстановлению сил. К тому же отдых после вахты был также неполноценным из-за духоты в кубрике, вмещавшем до сорока человек, и штормящего моря. И этот, и последующие дальние походы были похожи один на другой: продолжительность 3-3,5 месяца, один и тот же характер деятельности, схожее свободное от вахты времяпрепровождение – сон, еда, политинформации, настольные игры, просмотр кинофильмов.

Я был корабельным киномехаником более двух лет, поэтому последнее стало для меня дополнительной обязанностью. На небольшом пространстве ограниченной территории мы выполняли общую боевую задачу и коллективно отдыхали. Однако конфликтных ситуаций среди корабелов, между корабелами и приписной группой практически не было ни на национальной, ни на другой почве. Конечно, подтрунивали над некоторыми личностями, но чаще помогали друг другу.

Молодой матрос Смирнов Виктор, из приписных, который очень страдал «морской» болезнью, вскоре поднялся, начал нести вахтовую службу наравне с остальными. Я был с ним и в других совместных походах на «Амперметре».

К развлечениям в свободное время можно добавить еще ловлю ночью сачком на свет рыбы, морских змей, осьминогов, ежей и других обитателей моря. Их шкурки и скелеты высушивали на солнце и привозили домой как сувениры. Некоторые моряки изготавливали браслеты к часам из цветного плексигласа, из медно-никелевых трубок делали макеты кораблей, подводных лодок и другие небольшие поделки.

Мне запомнился один случай. В море увидели нескольких акул. Матросы забросили стальной тросик с самодельным крючком на конце, на который нанизали окровавленных рыб и другие свежие морепродукты. Одна из акул тут же схватила наживку, а матросы сообща с трудом вытащили почти трехметровую хищницу. Оглушенную акулу хотели ножами разрезать на части. Но не тут-то было, ножи отпружинивали от кожи акулы. Попытались добыть на сувениры кому зуб, кому частичку плавника или кусочек кожи, применив специальный нож, ударяя по нему молотком.

На побывку в отпуск, положенный при четырехлетней службе, и при демобилизации многие привозили вышеперечисленные дары моря, а некоторые также и морские кораллы. Их откололи при возвращении с одного из походов с коралловых рифов. Несколько больших коралловых друз предназначались для адмиралов. У одного из них вскоре должен был быть юбилей, и наш капитан получил от высшего руководства задание доставить друзы из кораллов во Владивосток. Друзы поменьше с более скромными, но достаточно красивыми рисунками мы оставили себе как память о тех временах.

Боевые походы в Южно-Китайское море требовали от каждого из нас очень быстрого, четкого и качественного выполнения всех моментов и операций, так как каждая минута задержки информации о нападении с воздуха многократно увеличивала количество уничтоженной техники и число человеческих жертв во Вьетнаме. Оперативность и качественное выполнение функциональных обязанностей каждым матросом, старшиной, мичманом и офицером

позволяли на «отлично» выполнить боевое задание. А это была не только интернациональная помощь, но и поощрение в виде дополнительных пятидневных отпусков. У меня в июле-августе 1967 года к очередному месячному отпуску накопилось дополнительных 15 суток.

Преддембельский морской поход в Южно-Китайское море весной 1968 года вспоминается двумя яркими эпизодами. Первый – операция аппендицита, проходившая на борту нашего корабля.

Накануне мичман БЧ-5 Пыжьянов, полный мужчина средних лет, немного полегче нашего шарообразного интенданта мичмана Колечко, почувствовал острую боль и пришел на обследование в каюту доктора. Корабельный док самостоятельной хирургической практики не имел, но тут же поставил диагноз «аппендицит» и определил, что мичману нужна операция. Получив «добро» у капитана корабля на проведение операции, доктор начал готовить инструмент, а кок и кухонный рабочий – мыть стол и близстоящую мебель в кают-компании. Примерно через час док с коком, облачившись в белоснежные халаты и постелив простынь, уложили мичмана на стол.

Применив местный наркоз, начали резать мичману живот. Док очень долго – более полутора часов – искал этот ненужный кусок кишки, но так и не смог найти. Далее наши «хирурги» передали кэпу «SOS», а док начал зашивать разрезанный живот. В это время корабль находился в Восточно-Китайском море, и часа через два к нам подошел быстроходный корабль (по-моему, пограничный), на который погрузили заштопанного мичмана и быстро переправили во Владивосток. По возвращении из похода мы узнали, что Пыжьянова благополучно прооперировали в госпитале Владивостока. Он вскоре выписался из клиники, но на корабль больше не вернулся.

В середине 70-х годов, будучи в Приморье в командировке, я на улице Ленинской города Владивостока увидел мичмана и окликнул его. Это был он. Мы разговорились, и он мне поведал, что наш корабельный «хирург» чуть не лишил его жизни. Вскоре после операции он списался с корабля на берег и дослуживал до окончания договора (контракта) вблизи Владивостока на ремонтной базе.

Второй необычный случай произошел в Южно-Китайском море. На корабль пришла срочная радиограмма из штаба Тихоокеанского флота, по которой кораблю радиотехнической разведки «Амперметр» предписывалось отойти от авианосцев США, а следовательно, и от берегов Вьетнама, на 30-35 миль. Мы почти неделю стояли вдали от кораблей 7-го флота США и вели работы только радиоаппаратурой и станциями. За 55-60 километров от неприятеля не могло быть и речи о визуальном наблюдении за ним.

Через неделю нашему кораблю разрешили подойти к авианосцам США и выполнять боевую задачу. Как потом сообщила советская пресса, один из разведывательных кораблей США, находясь в Японском море недалеко от границы СССР-КНДР, зашел в территориальные воды, был захвачен совместными усилиями пограничников этих стран и препровожден в корейский морской порт для разбирательства. И, чтоб американцы не пленили наш корабль в Южно-Китайском море, нам срочно предписывалось уйти на это время подальше от кораблей США.

Запомнился мне и поход к берегам Китая, когда «Амперметр» курсировал в Восточно-Китайском море недалеко от Гонконга (Сяньганя), в Желтом море – до Циндао. Происходило это осенью 1967 года, в канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, когда отношения между нашей страной и Китаем были очень натянуты, и дикторы китайской радиостанции на чистом русском языке грозили СССР войной.

Перед выходом корабля в морской поход к нам прибыла и разместилась на корабле приписная группа из двадцати офицеров и сверхсрочников сухопутных войск СССР. Вскоре они сменили «сапоги» на гражданскую тропическую одежду и уже не выделялись внешним видом. Выяснилось, что среди морских офицеров не нашлось хорошо знавших китайский язык. Таковые прибыли на корабль со своей техникой и работали в постах отдельно от нас. Мы догадывались, что их основная задача сводилась к наведению советских ракет на важные китайские объекты в случае объявления войны между нашими странами. Кроме того, они помогали корабельным радиопостам РТС в обобщении информации по кораблям КНР, возле которых мы курсировали постоянно.

Китайские корабли (и крупные, и джонки) изобиловали красными полотнищами с написанными белой краской иероглифами. Обязателен был портрет Мао на надстройке (рулевой, штурманской рубке) – тоже яркий и больших размеров. Борты кораблей были испещрены яркими иероглифами, да так, что с трудом можно было найти номер корабля. Чудили и китайские моряки, одетые в вылинялые синие рубы, в синих беретах с красного цвета тряпичной звездой. Они выходили группами по несколько человек к ближнему от нашего «Амперметра» борту, демонстративно смеялись. Одна группа кушала яблоки, другая – апельсины-мандарины, следующая – еще какие-то фрукты и сладости, демонстрируя нам их прекрасное питание и жизнь в целом. Потом выбегал их кок с куском мяса, деревянной дощечкой и ножом-топором, отрубал кусочки мяса и некоторые из них выбрасывал за борт, демонстративно показывая нам их богатый выбор и ассортимент.

Маневрирование и постоянное курсирование вдоль берегов Китая из Восточно-Китайского в Желтое море, туда и обратно, продолжалось, как всегда, в течение трех месяцев. Только в этот раз был одиночный поход – мы никого не меняли, и после нашего похода никто из наших кораблей не остался в этих водах.

И вот, проверив свой дембельский чемодан (чтобы сослуживцы не положили в него скребок, металлическую щетку или другой боцманский инвентарь на память), под звуки марша «Прощание славянки» в последний раз я спустился с трапа корабля на пирс, прошел КПИ, оглянулся на родной «Амперметр» и соседние корабли разведки, и стало мне торжественно-тоскливо. Шёл во что-то новое, необычное, земное и под дружественные напутствия корабелов ожидал уже другого, сухопутного.

Мной и «годком» Чулковым Сергеем были отклонены неоднократные предложения о продолжении корабельной службы в качестве младших офицеров, после шестимесячного обучения на курсах.

По возвращении на Урал я несколько лет видел морские сны и очень экономно (до капелек) расходовал питьевую воду,

особенно холодную, ключевую, которой так не хватало в жарко-влажном тропическом климате. Не менее пяти лет я не мог спать на боку, а только плашмя на спине или животе, держась за боковину кровати, как за кроватную цепь на корабле. И еще долго испытывал отвращение к консервированным продуктам, особенно к овощным и рыбным консервам, приевшимся в дальних морских походах.

События тех лет изложены в статье «Товсь – готов к отражению атаки с воздуха» и опубликованы в книге воспоминаний «Незабываемый Вьетнам».

Награжден:
медалями «XX лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.», «300 лет Российскому Флоту», Почётным знаком «За дальний поход».

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказал помощь **Балакин Евгений
Владимирович**, аспирант Челябинского
государственного университета*

Бондаренко Владимир Андронович

**Американцы были уверены,
что ниже 17-й параллели ракет нет**

Я родился 23 октября 1940 года в селе Буки Маньковского района Черкасской области.

В 1959 году окончил Букскую среднюю школу.

С 1960 по 1963 год учился в Одесском военно-техническом училище войск ПВО.

С 1963 по 1968 год служил командиром взвода, командиром взвода – старшим офицером стартовой батареи ЗРДн ПВО.

О событиях в Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) я знал не только по сообщениям радио, газет и телевидения, а от непосредственных участников боевых действий, выполнявших интернациональный долг, подполковника Беляева Владимира Семеновича, старших лейтенантов Маратс Станислава и Скрынского Андрея. В то время я, старший лейтенант, был старшим офицером батареи, командиром 1-го взвода 2-го ЗРДн 276-го ЗРП 11-й дивизии ПВО.

В начале января 1968 года меня вызвали в штаб полка. Командир полка полковник Кругляков Павел Давыдович четко сказал: «Ты едешь во Вьетнам, защищать честь полка».

Морально я был готов к такому развитию событий, поэтому, после подготовки кадровиками выездного дела, в середине января 1968 года был вызван в штаб ОА ПВО в Киеве.

Нас, прибывших на Военный совет, было 7 человек. Пригласили к командующему, которым был в то время трижды Герой Советского Союза Покрышкин Александр Иванович. Мне из этой встречи запомнился вопрос, с которым он обратился к каждому: «Какие есть причины, которые помешали бы Вам выполнить интернациональный долг?»

Конечно, каждый из нас понимал, что обращение к нам в такой форме – это приказ. А приказы не обсуждаются, а выполняются.

После возвращения домой оформил отпуск, но 30 марта 1968 года поступила телефонограмма: «Откомандировать ст. л-та Бондаренко В.А. в город Москва, в/ч 44708, т.е. в 10-е управление Генштаба ВС СССР».

В Генштабе, после проведения инструктажа, вынесли вердикт – достоин выполнения интернационального долга во Вьетнаме.

Сдал удостоверение личности офицера и партбилет, переоделся в гражданскую форму одежды, получил загранпаспорт - теперь я специалист по сельхозтехнике мистер Бондаренко. Билет на самолет был на 16 апреля 1968 года, по маршруту Шереметьево – Омск – Новосибирск – Иркутск - Пекин. Большая группа СВС во главе со старшим групп генерал-майором Анциферовым Евгением Николаевичем вылетела в Пекин.

Китайцы встретили нас традиционными митингами-концертами, под барабанный бой, с руганью руководства Советского Союза, прославлением Мао Цзэдуна и настороженным отношением к нам – советским людям. Разгар «Культурной революции», нас об этом предупреждали в Генштабе.

Для того чтобы китайцы не поняли, что мы военные, мы обращались друг к другу только по имени. Таков был инструктаж. В Пекине поселили в гостиницу в аэропорту. Покормили обедом - блюда китайской кухни - за 1,5 юаня (нам выдали по 15 юаней). Каждый купил китайскую авторучку за 3 юаня в магазинчике аэровокзала. Утром следующего дня нас отправили дальше по маршруту, но в городе Гуаньчжоу поселили в гостиницу и объявили, что нет самолета, чтобы доставить нас к месту назначения. Там мы провели в

неизвестности 2 ночи. Деньги кончались. После долгих переговоров нам предоставили самолет.

Ночью приземлились в аэропорту Залам. Полоса перед трапом освещалась включенными фарами автомобилей. Вьетнамцы встретили нас с цветами. Представители полков, зачитав пофамильно список специалистов, выделенных в их части, на ГАЗ-69 румынского производства, отвезли нас к местам дислокации.

Ехали ночью, соблюдая светомаскировку. Дорога освещалась лампочкой, установленной в консервной банке под передней осью. Ехали часа три, видели вдали зарево от горевшего бензовоза, слышали гул американских самолетов.

Прибыли под утро. Вокруг пальмы. Привели к бунгало. Каждый, кому положена замена, встречал сменщика. Меня встречал капитан Сапин Иван, которому я прибыл на замену. Сразу же предупредили – туалет во дворе, а на крыше живет змея.

Узнали, что мы в 268-м полку ЗРВ ВНА, по счету 10-й, четырехдивизионного состава. Сегодня уже не до сна, радуются отбывающие на Родину, а мы внимательно слушаем их рассказы.

Этот полк был сформирован на базе полка ЗА 100-мм пушек, личный состав прошел подготовку в учебном центре Янганджа, под Красноводском. 22 мая 1967 года, уже переученный на ЗРК С-75, полк возвратился в ДРВ. После длительного ожидания получения техники и введения её в строй, полк был поставлен на защиту Ханоя.

Первые боевые стрельбы проводили советские военные специалисты, а вьетнамцы стояли за спиной, потом за «штурвал» сели вьетнамцы, а наши стояли сзади.

24 октября 1967 года 32-й ЗРДн произвел пуск двумя ракетами и сбил один самолет.

33-й ЗРДн осуществил пуск двух ракет, сбил самолет, а взамен получил четыре «Шрайка» и один «Буллпап», кроме того, позиции ЗРК и СРЦ были засыпаны шариковыми бомбами. За 50 минут боя на полк налетело до 40 самолетов. Соседи, 1-й ЗРП, видя такое побоище, открыли огонь ракетами в сторону полка, осуществляя зенитно-ракетный заслон. После такого сложного боя расчет КП 33-го ЗРДн отказался садиться за штурвал офицера наведения и операторов ручного

сопровождения. 31-й и 34-й дивизионы в этот день тоже сбили по одному самолету. Больше в эфир не выходили.

После анализа боевых действий полка вьетнамское командование, чтобы стабилизировать обстановку в полку, приняло решение о передислокации его в 4-ю боевую зону.

В начале ноября 1967 года полк дислоцировался в провинции Тханьхоа. 31-му и 32-му дивизионам была поставлена задача стрельбы по надводным целям, а 33-й и 34-й стал на охрану знаменитого моста Хамжонг, над которым за время войны было сбито более 100 американских самолетов.

Уже здесь, на новом месте, 33-й ЗРДн был подвергнут бомбовым ударам с 8.00 до 16.00 с периодичностью в 2 часа. На позиции сброшено до 80 бомб различного калибра и 250 НУРСов. Разбиты КП, ДЭС, РМА и 2 ПУ...

После знакомства с дивизионами нас, вновь прибывших, определили в зону «Б», где размещалась группа ИРС подполковника Шерстобитова. Здесь на недельных сборах офицерам ИРС пояснили, что важно при применении ЗРК в боевой обстановке, рассказали об особенностях стрельбы в различных условиях и эксплуатации техники в тропиках, о доработке систем ЗРК по повышению эффективности стрельб. Я всегда с благодарностью вспоминаю доброжелательное отношение к нам, вновь прибывшим офицерам ИРС, подполковника Шерстобитова, подполковника Покровского, капитана Гончаренко, майора Широкова. Они научили нас тому, что нужно для боя.

После сборов мы возвратились каждый в свой полк. В 268-й ЗРП вернулись Волков Виктор, Петро Сливун и я. Мы прибыли в апреле. До майских праздников выезжали в дивизионы для детального ознакомления с результатами стрельбы по надводным целям.

Стрельбы как таковой не было. Эсминец стоял на расстоянии 40 километров, а дальность стрельбы комплекса С-75 по надводной цели была только 24 километра. Эсминец своей артиллерией обстреливал побережье Тонкинского залива.

30 марта 1968 года, в результате нарушения режима радиомаскировки, дивизионы были обнаружены. Командование мер по передислокации не приняло. В результате 31-й и 32-й дивизионы были разбиты.

Командование приняло решение передислоцировать полк под Ханой на доработку.

Майские праздники праздновали совместно с вьетнамскими товарищами. Они подарили нам по мешочку кофе и по значку «Мост Хамжонг». После передислокации в провинцию Хабак, юго-западнее Ханоя, нас поселили в буддийской пагоде. Это, конечно, не бунгало.

Группа значительно сократилась – все солдаты срочной службы и часть офицеров убыли в Союз. Теперь состав нашей группы был таков: командир полка - подполковник Владимир Михайлович Журавлев, главный инженер - подполковник Г.Н. Дзевульский, командир дивизиона - подполковник П.И. Бунин, офицер наведения - старший лейтенант Алексей Рыбаков, а также специалисты: по СВК – лейтенант Виктор Волков, по РПК – лейтенант Петр Слизун, по СОК – лейтенант Стас Батаев, по СРЦ – лейтенант Николай Канивец, по кабине «П» – лейтенант Владимир Тарасов, по КИПС – старший лейтенант Анатолий Николаев, по стартовому оборудованию – старший лейтенант Владимир Бондаренко, по ДЭС – рядовой Алексей Пономарев, доктор – майор Юрий Иванов.

Дивизионы развернулись и приступили к восстановлению и доработке, чтобы нести боевое дежурство. Работы на старте было много. С командованием стартовых батарей и взводов у меня сложились рабочие и товарищеские отношения. Особенно после одной «проверки».

В 33-м дивизионе командир батареи на одной ПУ, оставив нетронутой шкалу БМД, повернул сельсин на два деления угломера. Показывая мне эту «неисправность», сказал, что привод обрабатывает неправильно. Я поставил на датчике БМД разные показатели и убедился, что привод работает стабильно с ошибкой, значит - кто-то эту ошибку ввел сознательно.

Сказал командиру: «Давай прибор АВО-5М». И начал открывать крышку БМД, а он: «Не надо, домти, это я хотел тебя проверить. Этого больше не будет». И меня стали просить проводить занятия для разъяснения физической сущности каждой неисправности. На каждой батарее меня встречали приветливо, по-дружески, зная, что я обязательно помогу.

Доработки ПА00 позволили увеличить помехозащищенность, дали возможность стрелять без выхода в эфир, сопровождать цель визуально с помощью ТЗК. Однако вьетнамцам доработка пришлась не по душе, они не хотели садиться в кабину, установленную на кабине «П». Они говорили: «Мы не будем залезать в этот «ящик смерти»!»

Стоя на доработке, дивизионы продолжали занятия по боевой подготовке, слаживанию, несли боевое дежурство. Все ПУ заряжались боевыми ракетами. Выезды в дивизионы производились ежедневно. Разгар лета: жарница, комарищи, москиты, влажность, а мы - живые люди. Заедала потница, но мы держались.

В это время в ЗРВ ПВО ВНА было уже 12 полков. Было принято решение создать две крупные группировки – Ханойскую и Хайфонскую, а оставшиеся полки отправить в 4-ю военную зону. В это время у американцев появился новый стратегический разведчик SR-71, скорость полета которого выше 900 м/сек, а скорость ракеты 700 м/сек.

26 июля 1968 года наблюдали пуск трех ракет. Стрелял 1-й ЗРП ВНА. Стрельба вышла неудачной, две ракеты прошли мимо на встречных курсах, третья пошла вдогон. Да разве догонишь? Конечно, нет! Но задача сбить SR-71 оставалась актуальной.

11 августа 1968 года наш полк осуществил передислокацию в район порта Хайфон. Теперь, вместе с 9-м полком полковника Лабутина, мы будем защищать небо Хайфона. Новое жилье – два бунгало в деревушке Ха-Фу под горкой. Одно для жилья, в другом – Ленинская комната и комната для просмотра кинофильмов. КП полка километрах в четырех от нас.

Уже 16 августа стали свидетелями сумасшедшей стрельбы ЗА, расположенной рядом. Одновременно произведен пуск трех ракет, разрывы были над головой. Командир полка подполковник Журавлев и офицер наведения немедленно прибыли на машине в 31 дивизион, чтобы выяснить, что произошло.

Оказалось, пролетел разведчик BQM-34A на высоте 18 километров, стрелял 9-й полк. Наш 31-й дивизион не стрелял, были неисправности в кабине УА.

На следующий день в 7.00 вся группа СВС выехала в 31-й ЗРДн. Командир 2-й батареи Тунг встретил меня приветливо. В батарее неисправны две ПУ. Я быстро их восстановил. Здесь, под Хайфоном, мы уже стали спокойно реагировать на стрельбу. Пообвыкли.

20 августа 1968 года мы работали в 32-м ЗРДн. Развернут он был на запасной позиции и прикрывался двумя батареями ЗПУ. В это время над дивизионом пролетел разведчик на наивыгоднейших условиях для стрельбы – высота 5 километров, а дальность 14 километров. Мы возмутились – почему не стреляют? Вьетнамцы в ответ улыбаются. Пропустили и улыбаются! Если есть неисправности, почему нам не говорят? Мы готовы работать день и ночь. Что происходит в полку? 31-й ЗРДн не стрелял... 32-й ЗРДн не стрелял... Но мы не советники – мы специалисты. Командир доложил в штаб ЗРВ и в посольство для реагирования.

Здесь, в 32-м ЗРДн, командир майор Ле Тхань Ми угощал нас фруктами. Война-войной, а гостеприимство для вьетнамцев очень важно. В дивизионе нам понравилась маскировка техники, видно, учли опыт Тханьхоа. Вся техника в ветках деревьев, пальм, ничего не видно ни со стороны, ни сверху. И в инженерном отношении защитили технику, использовали металлическую тару от крыльев и стабилизаторов. Меня, как зарекомендовавшего себя хорошим специалистом, пригласили для ремонта в 9-й полк, ведь от стартовиков они отказались; нас осталось двое – я и старший лейтенант Самойленко.

После периода интенсивного полета разведчиков SR-71, BQM-34, последовало заявление правительства ДРВ о том, что если в воздушном пространстве ДРВ появится американский самолет-разведчик – он будет немедленно сбит.

27 октября 1968 года в 11.30 наш 33-й ЗРДн сбил BQM-34 на высоте 18 километров. Было прекрасно видно, как БЧ взорвалась у самолета и он упал на землю. 12 ноября 1968 стреляли 32-й, 33-й и 34-й дивизионы. Был сбит самолет, ура! Счет сбитых самолетов стал расти.

В ноябре меня направили на инструктаж в Ханой, к начальнику штаба ЗРВ группы СВС полковнику Абрамову Николаю Васильевичу, в связи с переводом в группу ИРС, которая находилась в зоне «Б». Он был тактичен и

великолепно знал свое дело. Любой вопрос с ним можно решить, всегда выслушает, придет на помощь и даст совет. Я ему благодарен за его советы.

Мое дальнейшее пребывание в ДРВ было связано с 4-й боевой зоной: почти круглосуточными налетами и ремонтом техники. Абрамов Н.В. по этому поводу сказал: «Дерзай, Бондаренко, служба еще впереди. Учись, набирайся опыта на юге ДРВ, в зоне боевых действий».

17 ноября 1968 года мы на двух ГАЗ-69 отправились на юг ДРВ. В пути видели результаты бомбежек. Вокруг все и вся разрушено - дороги, дома, все, что возвышалось над землей. По дороге двигался транспорт: на юг – грузовики, крытые брезентом, а на север – с ранеными.

Состав нашей группы: старший группы – подполковник Мальцев Амос Амосович, майор Никуличев Георгий, старшие лейтенанты Семчук Григорий Иванович, Смирнов Алексей Павлович, Акимов Стас, Трушечкин Юрий Петрович, Федюкин Александр Сергеевич и я.

Мы были первыми, кто восстанавливал ЗРК в районе 17-й параллели. Здесь же впервые увидели флаг Национального фронта освобождения Южного Вьетнама – сине-красный с желтой звездой. На дороге № 22 увидели разбитую колонну техники ЗРВ – искореженные тягачи, выжженная окислителем земля, невзорвавшаяся БЧ ракеты.

Прибыли в 238-й ЗРП ВНА, которому была поставлена задача действовать из засад. Это легко объясняется. Здесь никто не прикрывает, бомбами сотрут в порошок, ведь американцы знают, что здесь появились комплексы С-75 и охотились на них, тем более полк к тому времени уже сбил 6 бомбардировщиков В-52 (летающие крепости).

В газетах и радио недоумевали, кто же их сбивает? Зенитная артиллерия (ЗА) не может этого сделать, а авиации нет и в помине.

Все было очень просто. Создавалась группа: комплекс ЗРК, 2-3 ПУ, 2-3 ТЗМ, 1 ДЭС. Ночью производилась передислокация в Южный Вьетнам, разворачивался комплекс и приводился в боевую готовность. Американцы были уверены, что ниже 17-й параллели ракет нет, и летели беспечно. ЗРК обнаруживал цель, производил пуск, сворачивался и перемещался в ДРВ. Встречаясь с нами,

начальник улыбался – нам ни к чему все знать, наше дело – восстанавливать технику.

23 ноября 1968 года мы работали в 81-м ЗРДн, возле каучуковой роши. Вдруг – грохот взрывов, над головой на высоте 100 метров – разделяющееся пламя, стрельба со стороны роши, но ничего не видно.

Прибежал вьетнамец и спокойно сказал, что ЗПУ, которые охраняли дивизион, сбили самолет. Увидели над головой оранжевый купол спускающегося парашюта. Услышали пистолетные выстрелы со стороны роши. Оказалось, что в самолете было 2 пилота - лейтенант погиб в самолете, а капитан отстреливался.

К самолету нас не допустили. Был взят в плен капитан ВМС США Рокки Маклейн, 1940 года рождения. Сбит 23 ноября 1968 года в 13.25 над провинцией Куангбинь. Видя, что напарник сбит, второй самолет RF-4C летал над рошей минут 40, потом улетел. Происходило это метрах в 800 от нашей землянки.

Жили мы в землянке в рост человека, потолок из бамбука, накрытый пальмовыми листьями и присыпанный землей. По стенам стекала вода. Внутри топчаны с накомарниками. Полноценного отдыха не было – бомбежки несколько раз в день, ночью трескотня из всех видов оружия.

Рядом с нашей землянкой через речушку перекинута бревно, по нему постоянно шли на юг вьетнамцы. В пробковых шлемах, сзади коврик, вещмешок и АК-47. Это часть «тропы Хо Ши Мина».

Мы в эти дни (5, 6, 7 и 8 декабря) работали на износ. Из соседней деревни Ки-той ежедневно приходили местные жители посмотреть на «лиенсо». Трогали за руки, волосы и одежду, особенно дети.

12, 13 и 14-го ремонтировали с утра до темноты. 18 декабря на экране высветились 15 целей – мы молчим. Ни один дивизион, ни одна батарея не стреляла! Оказалось, что 83-й дивизион выполнял боевую задачу, а где – не сказали. Мы пришли на СП, а дивизиона нет! Мы спросили: «Где?» Нам ответили: «На задании». Все, что нужно было, мы сделали.

В конце декабря поступила команда на убытие в Ханой.

Итог действий за период с января 1967 по октябрь 1968 года американской авиации: самолетовылетов 34396, нанесено ударов 8076, объектов подвержено ударам 6781 (в том числе военных 1584). В свою очередь, со стороны ЗРВ ВНА за 9 месяцев 1968 года: произведено 272 стрельбы, выпущено 445 ракет, сбито 108 самолетов противника. В этих результатах есть и моя доля труда. Ведь ракету без ПУ не пустишь.

Я горжусь, что мне выпала судьба участвовать в этих событиях, и с благодарностью вспоминаю вьетнамских товарищей из 10-го (268-го) полка: командира дивизиона – Лыа, командира батареи – Занг Хоа Тунга (31 ЗРДн), командира дивизиона – Ле Тхань Ми, комиссара дивизиона – Ла Ван Хуна, командира батареи – Чай Кху Хоя (32 ЗРДн), командира батареи – Фан Ван Тыу, комиссара батареи Бао (33-й ЗРДн), командира дивизиона – Лэ Шена, комиссара дивизиона Дао Конг Шао, командира батареи – Фан Мгок Тхиня (34 ЗРДн); командира полка - майора Кунь Тхань Хуанга, заместителя командира полка – майора Чан Дык Хуэ, заведующего бюро обслуживания Као, повара Нама и других боевых друзей.

Покидая ДРВ, написали отчеты, подготовили учебные пособия.

2 марта 1969 года в 7 часов утра поехали в посольство. Самолет должен был лететь в 8.00, но в 11.00 вышел полковник Е.И. Поливайко и сообщил, что вылет откладывается.

С 1 на 2 марта произошел бой на острове Даманский. Китайцы заявили, что если хоть один советский специалист появится в Китае – там навечно и останется.

И вот по маршруту Ханой – Калькутта – Карачи – Ташкент - Москва мы возвратились домой.

С 1969 по 1987 год служил в войсках ПВО страны командиром стартовой батареи, командиром радиотехнической батареи, командиром ЗРДн, заместителем командира – начальником тыла зенитной ракетной части.

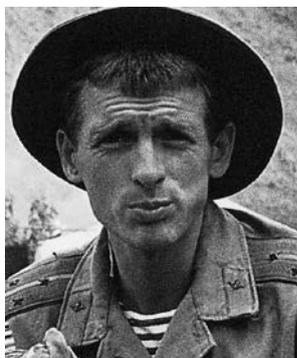
В 1987 году в звании полковника был уволен в запас.

Председатель секции участников локальных войн Союза ветеранов Афганистана города Феодосия.

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказал помощь **Царицын Владимир
Алексеевич**, учащийся 10-го класса средней
образовательной школы № 436 города
Москвы*

Брюнин Андрей Иванович

Десантный взвод в Бамиане

Я родился 23 сентября 1960 года, в городе Щелково Московской области. Русский. Член КПСС с июня 1983 года.

В 1977 году окончил среднюю школу № 2 города Балашихи Московской области. В этом же году поступал в Рязанское высшее воздушно-десантное училище, но не прошёл по конкурсу.

В сентябре 1977 года пошёл работать слесарем-ремонтником на хлопкопрядильную фабрику № 1.

С 1978 по 1979 год служил в Воздушно-десантных войсках в учебной дивизии в городе Гайжунай, механиком-водителем БМД.

В 1983 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознамённое училище имени Ленинского комсомола.

В ноябре 1983 года был направлен в 387-й отдельный парашютно-десантный полк (в/ч 52788) в город Фергану Узбекской ССР.

С 1983 по 1997 год – проходил службу в воздушно-десантных войсках, на должностях командира взвода, командира роты, помощника начальника разведки дивизии, начальника разведки отдельной воздушно-десантной бригады.

С августа 1984 по декабрь 1986 года принимал участия в боевых действиях на территории Афганистана.

В июле 1997 года был уволен из Вооружённых Сил Российской Федерации по состоянию здоровья (2-я группа инвалидности).

В конце декабря 1979 года я был курсантом 1-го курса Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознамённого училища имени Ленинского комсомола. Вечером было построение училища, на котором начальник училища генерал-лейтенант Чикризов А.В. огласил приказ о том, что 27 декабря для выполнения интернационального долга в Афганистан введена 40-я общевойсковая армия, 103-я гвардейская Краснознамённая ордена Ленина и Кутузова 2-й степени воздушно-десантная дивизия и 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк.

31 августа 1984 года в звании лейтенанта и в должности командира парашютно-десантного взвода я был направлен добровольцем для выполнения интернационального долга в 103-ю гвардейскую Краснознамённую ордена Ленина и Кутузова 2-й степени воздушно-десантную дивизию (командир - гвардии генерал-майор Ярыгин Ю.В.), которая находилась в городе Кабуле.

В штабе дивизии получил назначение в 357-й гвардейский парашютно-десантный полк (командир - гвардии подполковник Марьин В.В.), который находился в крепости Бала-Хиссар города Кабула.

В полку получил назначение на должность командира 1-го парашютно-десантного взвода 4-й парашютно-десантной роты 2-го парашютно-десантного батальона (командир батальона - гвардии майор Бланк Л.Г.), который находился в горах в провинции Бамиан, в 200 километрах северо-западнее города Кабула на реке Бамиан.

Бамианская долина в прошлом служила торговым коридором, поскольку является единственным удобным проходом через горную систему Гиндукуш. Основной достопримечательностью провинции были две вырубленные в скалах гигантские статуи Будды высотой 55 и 37 метров, которые возвели в 6-7 веке. В средневековье комплекс буддийских монастырей в Бамианской долине называли Кафиркала – «город неверных». Старинные крепости «Шахри-Голгола» - «Город криков» и «Шахри-Зохак» - «Красный город» охраняли в XII-XIII веках вход в Бамианскую долину.

В 1221 году при завоевании города Чингисханом, у вышеупомянутых крепостей, в ходе штурма был убит его любимый внук, поэтому он приказал истребить всё население, всех животных, вырубить все растения, даже землю засыпали солью, чтобы ничего не росло. Войска исполнили его приказание, никто не уцелел. Разрушили также ирригационную систему. Поэтому у крепостей появились вторые названия. В марте 2001 года талибами были взорваны уникальные статуи Будды.

Специфика дислокации нашего батальона и его задачи заключались в следующем:

- перекрывать проход караванов с оружием и боеприпасами через Бамианскую долину;
- контролировать административный центр Бамиана и близлежащие кишлаки, поддерживать власть правительства Афганистана;
- охранять взлетно-посадочную полосу, по которой доставляли продовольствие, материально-техническое обеспечение, боеприпасы для нашего батальона и для мирного населения в контролируемых нами районах Бамиана.

В провинции действовали 23 активные банды, примыкавшие к партийным группировкам - ИСА, ИПА, ДИРА и НИФА, общей численностью более 4000 моджахедов. Они были вооружены стрелковым оружием, пулеметами ДШК (Дягтерьява-Шпагина крупнокалиберный), гранатометами, минометами, безоткатными орудиями, реактивными системами залпового огня, переносными зенитными ракетными комплексами «Стингер», противотанковыми и противопехотными минами производства США, Англии, Пакистана, Китая, Италии, Египта, ФРГ, Израиля, Швеции, Франции, Объединенных Арабских Эмиратов.

Наш батальон насчитывал чуть более 300 человек, поэтому об освобождении населенных пунктов речи быть не могло.

Мы должны были выполнять только задачи боевого охранения, но часто ходили в разведку, а также находились в засадах на возможных маршрутах караванов.

Батальон занимал круговую оборону рядом со взлетно-посадочной полосой, имея траншеи и ходы сообщения (в полный рост), позиции для огневых средств и личного

состава, ДОТЫ, блиндажи. Подходы к батальону были полностью заминированы.

Каждый день моджахеды обстреливали из стрелкового оружия, минометов и РСЗО кишлаки мирных жителей, наши позиции, вертолеты, привозившие нам грузы. Мы вступали в бой, уничтожая их огневые средства. Ежедневно мы видели моджахедов на позициях, а также наблюдали за их передвижениями.

Военные боевые действия закончил в городе Кабуле 21 декабря 1986 года в 357-м гвардейском парашютно-десантном полку (командир - гвардии подполковник Лобачев Е.М.) 103-й гвардейской Краснознамённой ордена Ленина и Кутузова 2-й степени воздушно-десантной дивизии (командир - Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Грачев П.С.) в должности командира 1-го взвода 4-й парашютно-десантной роты и в воинском звании старший лейтенант.

9 марта 1985 года в ущелье Таджик провинции Бамиан, прикрывая отход взвода, попал под обстрел минометов мятежников и получил контузию, взвод вышел из боя без потерь.

31 августа 1984 года, для прохождения дальнейшей службы, я вылетал в Афганистан на военно-транспортном самолете Ил-76 с аэродрома города Ферганы. При посадке в Кабуле в конце взлетной полосы я заметил дым, который поднимался над гражданским аэропортом Кабул, оказывается, в этот день было совершено нападение моджахедов на Кабульский аэродром.

На следующий день, 1 сентября 1984 года, я вылетел на транспортном вертолете Ми-6 в провинцию Бамиан. Я летел во втором вертолете. После перелета перевала нас начали обстреливать из пулеметов. Вертолеты совершали в воздухе маневры, пытаясь не попасть под обстрел, но летевший впереди нас Ми-6, который вез 2 тонны солирки, загорелся - из его двигателя пошел дым. Командир вертолета умудрился его посадить, а солдаты-десантники помогли потушить огонь.

На праздновании 15-летия вывода наших войск из Афганистана в городе Оренбурге я случайно встретился

с вертолетчиком, который тоже был в Афганистане. Разговорились с ним, говорю ему: «Лицо твое что-то знакомо, не встречались ли мы случайно?» Оказывается, прапорщик Барсуков Валерий Афанасьевич был борттехником вертолета МИ-6, который подбили 1 сентября 1984 года, а я после посадки, рассматривая их вертолет, видел его. Вот как бывает.

4 сентября 1984 года я ушел со своим новым взводом на свою первую боевую операцию. Задачу мы выполнили без потерь.

Временами нам было довольно голодно. Когда в марте-апреле и в октябре-ноябре закрывался перевал, вертолеты к нам не прилетали, тогда скуднел наш рацион: переходили на каши. Сливали солянку с БМД для приготовления пищи и выпечки хлеба. Все очень хорошо узнали, что такое картофель в бумажных мешках. Когда я приехал в отпуск после Афганистана и пошел в подвал с отцом и друзьями за картошкой, они хотели выбросить мелкую картошку, чтобы не мучиться, когда её чистишь, но я им этого сделать не дал.

Как правило, всех моджахедов обучали иностранные инструкторы. Это были не пастухи, а подготовленные солдаты Аль-Каиды (как сейчас Талибан, ИГИЛ), а наши солдаты - все молоденькие.

У нас в батальоне был пункт радиоперехвата, где постоянно сидел таджик и всё переводил и записывал. У моджахедов все пункты были отмечены точками: 7, 10, 23 и т.д. Нам удалось эти точки раскрыть. И до конца нашего пребывания они так и не поняли, почему огневой налет всегда накрывал их и уничтожал, когда они выходили на указанные им точки.

Один из тактических приемов.

Обстрел наших позиций, как правило, начинался издалека, а когда мы открывали ответный огонь, вторая группа мятежников под шум боя с близкого расстояния спокойно начинала прицельный огонь. Мы этому приёму нашли

противодействие. У нас ответный огонь вела одна группа из дежурного средства боевого охранения, а основная группа ждала, когда вступит в бой их вторая группа, и уничтожала её.

Однажды, с боевого охранения я шел на завтрак, а когда умывался на улице, то заметил, что с горы по моему посту выстрелили из гранатомета РПГ-7, который разорвался над позициями моего взвода. Я добежал до БМД-1, стоящей в капонири, и из орудия тремя осколочными выстрелами уничтожил убежавшего в гору гранатометчика. Меня вызвали к командиру батальона гвардии майору Л.Г. Бланку. Прибыв к нему, я услышал «разнос», что отвратительно несу службу в боевом охранении и так далее и тому подобное, что противник стрелял из миномета и у столовой чуть не уничтожил солдат. Я начал докладывать, что это был гранатомёт, а комбат говорит мне, что это был миномет. Затем меня повели к столовой и показали: перед входом в неё лежала неразорвавшаяся мина от 50-мм миномета. Разговор продолжался со мной на повышенных тонах и в ненормативной лексике. Но по расположению мины мы определили, что она прилетела с противоположного от поста боевого охранения направления. Замысел моджахедов был прост, гранатометчик отвлек выстрелом внимание боевого охранения, а в это время с противоположного направления они спокойно и прицельно выпустили мину по столовой. По счастливой случайности в этот момент там никого не было, да и мина не разорвалась. Но когда я комбату опять сказал, что и гранатомет тоже стрелял, я опять пожалел, что сказал это в свое оправдание. И только когда я принес оставшийся остов гранаты с китайскими иероглифами и показал комбату, тот заулыбался и сказал: «Всё, Брюнин, молодец, иди - неси службу». Мне стало легче, я всё позабыл, что пришлось мне выслушать. Комбат, как командир, был прав, так как он за нас всех отвечал.

Если в 1984 году наши позиции обстреливались из стрелкового оружия и ручных противотанковых гранатометов, то начиная с 1985 года начались частые обстрелы из

минометов и безоткатных орудий, а с 1986 года прибавились еще и обстрелы реактивными снарядами.

Находясь в боевом охранении, во время обстрела 107-мм реактивными снарядами (производство Китай), один из осколков упал на землю рядом со мной. Я его взял и сразу обжог руку, так как он был горячий. Сейчас на выступлениях с молодежью всегда его показываю.

Было 2 вида разрыва: один - черный (осколочно-фугасный снаряд), а второй - белый (107-мм реактивный фугасно-зажигательный снаряд, на основе белого фосфора). Всё вокруг места падения фугасно-зажигательного снаряда задымилось и загорелось. Потом мы место разрыва лопатами землёй закидали. И самое интересное, через сутки откопали, а фосфор во взаимодействии с кислородом переходит в горение, и мы опять всё закопали. Это говорит о том, что и по нам применяли запрещенное оружие.

В конце марта 1985 года на рассвете в направлении кишлака Таджик на удалении 4-5 км я заметил на фоне снега черную длинную полосу – это шёл караван. Доложил командиру батальона, сразу прибежали артиллеристы во главе с гвардии старшим лейтенантом Дмитрием Глазуновым. С помощью дальномера он определил дистанцию и начал пристрелку. Мятежники разделили караван. Первая половина начала спускаться в овраг, а вторая - начала подниматься вверх, чтобы скрыться за хребтом. Со второго выстрела вторая часть каравана была уничтожена беглым огнем батареи Д-30, а первая ушла в овраг.

Я наблюдал за действиями наших артиллеристов, которые затем по карте определили овраг, в котором они укрылись, и перенесли огонь батареи на оставшуюся часть каравана. Караван был полностью уничтожен.

Было и так. 22 февраля 1985 (или 1986 года), над батальоном пролетели 2 самолета, похожие на МиГ-23, и, начав отстрел от зенитных ракет, стали заходить на нас. Я успел дать команду: «Всем в укрытие». Одна бомба упала с недолетом 400 метров. В это время вокруг батальона и на

двух наших горках сразу зажгли пирофакелы с оранжевым дымом (сигнал: «Я - свой»). Командир батальона попытался выйти с летчиками на связь, но связи не было. В это время второй самолет зашел на боевой курс, а наши артиллеристы стали стрелять вверх осветительными снарядами. Он все равно бросил бомбу, но с перелетом - не попал. Комбат вышел на связь с Кабулом, только после этого эта пара самолетов помахала нам крыльями и стала бомбить местность, где находились моджахеды. Мы потом узнали, что это были бомбардировщики МиГ-27. На месте разрыва на почерневшем снегу наши солдаты из камней выложили большими буквами «Слава ВВС». Прилетавшие вертолетчики рады были этому приветствию. Мы потом им рассказали, как их самолеты нас «поздравляли». Но это был всего один случай.

В Афганистане погибли 2 солдата из моего учебного взвода:

- гвардии рядовой Погодин Евгений Владимирович (25.05.1985 года, в/ч 35919 в провинции Кунар), посмертно награжден орденом Красной Звезды;

- гвардии рядовой Царик Александр Петрович (29.03.1986 года, в/ч 24742, Кабул), посмертно награжден орденом Красной Звезды;

Они проходили службу в моем взводе в апреле 1984 года, в 387-м отдельном парашютно-десантном полку в городе Фергане, но я их не успел до конца подготовить, так как меня самого отправили в Афганистан с июля 1984 года.

При прохождении службы в Афганистане в 357-м гвардейском парашютно-десантном полку за 2 года и 4 месяца боевых действий мой взвод не потерял ни одного солдата.

Контузия напомнила о себе после возвращения в СССР, когда я продолжал служить в 387-м отдельном парашютно-десантном полку (в/ч 52788) в городе Фергане Узбекской ССР и готовил личный состав для ведения боевых действий в Афганистане. Почти каждый год приходилось лечиться в госпитале.

В 1991 году был частично парализован и отправлен в госпиталь города Ташкента.

В 1996 году, проходя службу в 13-й отдельной воздушно-десантной бригаде в городе Оренбурге, инсульт повторился, была парализована левая сторона, в результате чего был уволен из Вооруженных Сил по состоянию здоровья. Был уволен 1 июля 1997 года с должности начальника разведки 13-й отдельной воздушно-десантной бригады (город Оренбург, поселок Кушкуль, в/ч 55703), в звании майора с правом ношения военной формы одежды.

Проживаю в городе Оренбурге.

Награжден:

- благодарностью от 26.12.1984 года командира 2-го парашютно-десантного батальона 357-го гвардейского парашютно-десантного полка гвардии майора Бланка Л.Г., за высокую бдительность и умелое управление взводом при отражении нападения мятежников на расположение батальона» (провинция Бамиан);

- медалью «За отвагу» (№ 109402, Указ Президиума Верховного Совета от 04.09.1985 года, вручена 07.10.1985 года командиром 357-го гвардейского парашютно-десантного полка гвардии подполковником Марьиным В.В., за участие в 6 боевых операциях по уничтожению бандформирований в провинции Бамиан.

- орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени (№ 70208 - № 337469, Указ Президиума Верховного Совета от 31.07.1985 года, вручен 09.08.1986 года начальником политотдела 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии гвардии полковником Васильевым Н.М в городе Кабуле, за участие с марта 1985 года в трех боевых операциях и семи засадах по ликвидации бандформирований мятежников в провинции Бамиан.

25 сентября 1984 года, при проведении боевой операции в районе населенного пункта Какрак провинции Бамиан, в ходе боя обнаружил подход мятежников и, установив их численность, правильно организовал бой, огнем из стрелкового оружия уничтожил двух мятежников и ранил главаря банды, заставив остальных отступить. В ходе этого

боя, без потерь своего взвода, обеспечил успешное выполнение задачи, поставленной перед ротой и батальоном.

13 декабря 1985 года, при проведении засадных действий в районе населенного пункта Даштак, действуя в составе группы прикрытия, обнаружил группу мятежников, в количестве 15 человек, скрытно совершил маневр со взводом во фланг противника и сосредоточенным огнем взвода уничтожил 4 мятежника, заставив остальных отступить. В результате боя был захвачен 1 пулемет СГМ, винтовка БУР-303 и автоматы китайского производства. Своими грамотными и решительными действиями способствовал успешному выполнению боевой задачи основными силами засады.

21 февраля 1985 года действовал в составе боевого охранения батальона. Ночью группа мятежников, в количестве до 20 человек, предприняла попытку скрытно проникнуть на позиции охранения. Маневрируя огнем боевых средств, взвод нанес противнику поражение с близкого расстояния. Невзирая на обстрел противника, заставил мятежников, неся потери, отступить. Тем самым обеспечил выполнение боевой задачи боевым охранением батальона.

21 марта 1986 года действовал в составе боевого охранения батальона. Мятежники обстреляли из стрелкового оружия позиции охранения. Под сильным огнем противника управлял огнем взвода, подавив пулемет ДШК и все огневые точки противника, чем способствовал успешному выполнению боевой задачи боевым охранением батальона без потерь.

Также награжден:

- медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР» (Указ Президиума Верховного Совета от 28.01.1988 года);

- медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» (Указ Президента Республики Афганистан от 15.05.1988 года);

- грамотой Президиума Верховного Совета СССР (Указ Президиума Верховного Совета от 28.12.1988 года);

- медалью «За безупречную службу» 3-й степени (приказ Министра обороны СССР № 3 от 07.01.1989 года);

- медалью «За отличие в воинской службе» 1-й степени (приказ Министра обороны Российской Федерации № 9 от 11.01.1995 года);
- медалью «За отличие в военной службе» 2-й степени (приказ Министра обороны Российской Федерации № 168 от 30.03.1996 года);
- медалью «В память 25-летия окончания боевых действий в Афганистане» (приказ Министра обороны Российской Федерации № 900 от 17.12.2013 года).

С 1997 по настоящее время работаю педагогом дополнительного образования высшей квалификационной категории в юношеской военно-патриотической школе «Юный десантник» в муниципальном автономном учреждении дополнительного образования детей «Центр внешкольной работы «Подросток»» города Оренбурга.

За период работы разработал программу по специальной подготовке для ЮВПШ «Юный десантник», ряд методических пособий и дидактических материалов.

Лауреат многих всероссийских (2001, 2004, 2009), областных (2007, 2011) и городских (2007, 2009, 2011, 2013) конкурсов.

За период работы неоднократно объявлялись благодарности (2001, 2010), а также награждён Почётной грамотой губернатора области (2009), Министерства образования Оренбургской области (2005, 2011), начальника Управления образования Оренбурга (1999, 2002, 2010) и главного федерального инспектора по Оренбургской области (2013).

Имею публикацию:

Брюнин Андрей. Мнение о «9 роте» // Газета «Братство», № 20 (227), 27.10.2005г., стр. 4.

Обо мне имеются публикации:

- Веденева Марина. Без показухи /// Газета «Оренбуржье», № 119 – 120 (4911-4912), 31.07.2013г., стр. 23;

- Смирнова Анна. Вернуть взвод домой /// Газета «Оренбургские губернские ведомости», № 6 (90), 11.02.2003г., стр. 6;

- Ангелова Татьяна. В Соль-Илецке увековечили героя из 9-й роты /// Газета «Десантники России», № 17 (21), 10.10.2010г., стр. 8;

- Денисов Андрей. Военно-патриотическое воспитание. «Подросток» в гостях у «спецназа» /// Газета «Контингент», № 3 (075), 12.03.20025, стр. 14.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Караканова Надежда
Раисовна**, аспирант исторического
факультета Оренбургского государ-
ственного педагогического университета*

Буланкин Владимир Федорович

В ДРВ более ста раз выезжал на боевые позиции

Я родился 19 декабря 1948 года в городе Архангельске в семье военнослужащего, офицера, участника Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

В 1966 году окончил среднюю школу № 126 города Новосибирска и поступил в Красноярское радиотехническое училище (КРТУ) Войск противовоздушной обороны (ПВО).

В 1969 году с отличием окончил КРТУ. 26 июля 1969 года, приказом министра обороны Союза Советских Социалистических Республик (СССР), мне было присвоено воинское звание техника-лейтенанта, после чего я был направлен для прохождения службы в Краснознаменный Бакинский округ ПВО старшим техником радиолокационного комплекса (РЛК) П-80 во 2-ю радиотехническую бригаду 15-го корпуса ПВО (в/ч 91144), затем в 5-й радиотехнический батальон (РТБ) (в/ч 03708) в городе Кюндамир.

В конце 1970 года я был командирован в штаб в/ч 91144 (поселок Аляты) на беседу к командиру 2-й радиотехнической бригады подполковнику Войтенко. Мне была предложена командировка сроком на 1 год в страну с жарким и влажным климатом специалистом по ремонту и обслуживанию радиовысотометров ПРВ-11. Я дал свое согласие на командировку.

Недели через две был вызван в штаб 15-го корпуса ПВО на беседу к начальнику отдела кадров, который и сообщил

мне, что спецкомандировка будет в Демократическую Республику Вьетнам, для оказания военной помощи борющемуся народу Вьетнама против американских агрессоров. Получив мое согласие, он сказал, что я буду вызван на Военный совет в штаб Краснознаменного Бакинского округа ПВО.

Через месяц я был командирован в штаб Краснознаменного Бакинского округа ПВО на беседу к главному инженеру, который изрядно «погонял» меня по знанию материальной части ПРВ-11, затем он представил меня на Военном совете округа, рекомендовал как специалиста по ремонту и обслуживанию ПРВ-11 для отправки в ДРВ.

Месяца через два был командирован в Главный штаб войск ПВО страны. Военный совет войск ПВО страны утвердил мою кандидатуру на командировку. После Военного совета я получил предписание прибыть в Генеральный штаб (ГШ) к полковнику Свешникову Валентину Ивановичу, который поставил задачу пройти медкомиссию на пригодность к службе в стране с жарким, сухим и влажным климатом, отгулять отпуск и по первой команде прибыть в Москву с полным расчетом с воинской частью.

В конце сентября я был вызван на беседу к командиру 15-го корпуса ПВО Герою Советского Союза генерал-майору авиации Пулову Григорию Ивановичу, участнику боевых действий в Корее. Это я узнал в ходе беседы с ним. Он потечески поговорил со мной, выразил свою уверенность в том, что не подведу традиций русских воинов, всегда приходивших на помощь братским и дружественным народам. Пожелал с честью выполнить свой воинский долг за пределами Родины.

В начале октября 1971 года был вызван в ГШ, где с нами провел занятия полковник Свешников, который сам был в командировке в ДРВ, прекрасно знал все условия пребывания, он высказал много полезных пожеланий и советов, которые впоследствии очень пригодились. Одно из пожеланий было: привезти своему сменщику булку черного хлеба и селедку. Группа собралась в составе семнадцати человек: летчики, ЗРВешники и РТВешники.

В ГШ с нами провели занятия по истории Вьетнама, ознакомили с бытом и обычаями народа. Занятия также провел

врач, который выдал нам рекомендации об особенностях прохождения службы в ДРВ. Затем сдали расчетные книжки в финчасть, комсомольские билеты в Центральный комитет Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ).

Нам была выдана гражданская форма одежды на период пребывания в командировке, были сделаны прививки и получен международный медицинский сертификат, вместо удостоверения личности офицера выдали служебные паспорта. Нам предоставили двое суток на подготовку к командировке и разместили в гостинице Министерства обороны.

В конце ноября месяца из аэропорта Шереметьево рейсом Москва-Ханой убыли в командировку. Перелет совершали на самолёте Ил-18 по маршруту Москва – Ташкент – Калькутта – Карачи – Вьентьян – Ханой. Полет длился примерно 26 часов.

Ташкент был крайней точкой Советского Союза, это было прощание с Родиной. Пообедали в Ташкенте, выпили по 100 грамм фронтowych, пожелали всем вернуться домой живыми и здоровыми.

Когда мы в городе Карачи вышли из самолета, у трапа самолета стояла охрана, у солдат к ноге было приковано оружие. У представителя аэрофлота мы спросили, зачем это, он сказал, что они такие вояки - при первом выстреле бросают оружие.

Выйдя из самолета во Вьентьяне, увидели, что рядом с взлетно-посадочной полосой (ВПП) международного аэропорта параллельно располагалась взлетно-посадочная полоса (ВПП) Военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки (ВВС США) с боевыми самолетами на стоянке, вокруг которых «кипела жизнь». Американцы были одеты по тропически: панамы, пробковые шлемы, рубашки с коротким рукавом, шорты, ботинки, темные очки.

После взлета с аэродрома Вьентьян через некоторое время мы заметили, что нас сопровождает пара самолетов Ф-4 ВВС США, которые следовали параллельным курсом до самого Ханоя.

Погода была безоблачная, как говорят летчики – «миллион на миллион». Вьетнам узнали сразу по разбомбленным населенным пунктам и воронкам. Под нами

раскинулось море зелени, рисовые поля, тонкие змейки дорог, которые терялись в джунглях, русла рек, небольшие зеркала озер. На этой многострадальной земле нам предстояло жить, служить в течение года.

Вьетнам встретил жарой, ярким обжигающим солнцем, морем зелени, экзотическими растениями: кокосовыми пальмами, бананами, красным деревом и неизвестными нам растениями.

Приземлились в аэропорту Залам города Ханой, где нас встретил представитель группы советских военных специалистов (СВС) в ДРВ. На автобусе мы приехали в гостиницу «Кимлиен». Меня поселили к Виктору, с завода в Куженкино (фамилии, к сожалению, не помню), специалисту по ремонту ПРВ-11 мастерских А-31. Он оказывал мне неоценимую помощь в моей службе, я ему очень благодарен за это.

Вечером в наш номер зашел человек, которого я менял. Я вручил ему подарки из Союза - черный хлеб и селедку, он пригласил нас к себе в номер, где познакомил со всеми специалистами группы РТВ СВС в ДРВ.

Структура Группы СВС в ДРВ была следующей. Группу СВС в ДРВ возглавлял генерал-майор артиллерии Максименко, группу ИА СВС в ДРВ возглавлял генерал-майор авиации Спивак (имени и отчества, к сожалению, не помню) и группу РТВ в ДРВ - полковник Алешкин Семен Васильевич, НШ - майор Суликовский.

Я попал в выездную группу РТВ, которую возглавлял майор Ермаков Борис Алексеевич, с которым мы вместе прилетели из Союза. В группу РТВ входили специалисты по РЛС П-12, П-15, П-35, ПРВ-11, энергетик и специалисты мастерских А-31. Мастерские А-31 возглавлял Сапрыкин – представитель оборонной промышленности.

В «Кимлиене» проживали болгары, кубинцы, немцы и советские специалисты: нефтяники, преподаватели Ханойского университета, вертолетчики, специалисты мастерских А-32.

«Кимлиен» запомнился комарами, москитами, термитами и ночными концертами цикад. От комаров и москитов спасали противомоскитные сетки, а от термитов, которые «доставали» по ночам, и ночных концертов цикад защиты не было.

Влажность во Вьетнаме 100%, одежду хранили в шифоньерах, в которых постоянно горела лампочка, так сохраняли одежду сухой. Форма одежды во время посещения посольства была парадной: костюм, белая рубашка, галстук.

На следующий день я представился старшему группы РТВ СВС в ДРВ полковнику С.В. Алешкину. Мы познакомились, он поставил задачу на время пребывания в ДРВ, затем повез нас в штаб ПВО и ВВС Вьетнама, где на встрече с командованием ВВС и ПВО Вьетнамской народной армии (ВНА) представил нам Б.А. Ермакова - старшего выездной группы и специалиста по РЛС П-35, а также им меня - специалиста ПРВ-11 (ПРВ-мей мот). Так и началась моя служба в должности домти ПРВ-мей мот.

На встрече с командованием подразделений нас так и представляли: домти П-бай нам, домти ПРВ-мей мот, домти П-мей хай (П-12), домти майно (специалист по ремонту агрегатов питания). Майно в переводе с вьетнамского – «двигатель». Специалистом по РЛС П-15 был старшина сверхсрочной службы Борис Тюрин из Майкопа.

Как-то в посольский магазин привезли сухой квас, Виктор купил его. Я приехал из командировки, мы наполнили бутылки квасом, поплотнее закупорив их. Просыпаемся ночью от стрельбы и потихоньку начинаем выдвигаться в коридор с соблюдением всех правил светомаскировки, думаем, что начался ночной налет, выдвинувшись в коридор, никого не видя, разбудили соседей, сообщили им о начале налета, вместе с ними стали спускаться вниз в бомбоубежище. Не встретив никого на своем пути, мы не заметили, что во всем «Кимлиене» горит свет. Соседи были очень «рады» ночному походу и выразили нам устную «благодарность» за такую «шутку». Поднявшись на свой этаж, услышали залп из трех выстрелов, тут и соседи к нам подошли, заходим в номер, включаем свет, раздаётся оглушительный выстрел - выстрелила еще одна бутылка с квасом. Так мы и не попили холодного ленсовского кваску.

Вскоре комсорг нашей группы улетел в Союз. На собрании группы меня выбрали комсоргом, поэтому приходилось заниматься еще и общественной деятельностью, сотрудничать с комсомольской организацией посольства.

Послом СССР в ДРВ в то время был Илья Сергеевич Щербаков.

Служба проходила интересно и разнообразно. По заявкам техотдела штаба ВВС ПВО Вьетнама, полковник Алешкин формировал выездные группы для отправки в подразделения РТВ. Группы по составу были самые разнообразные: переводчик, повар, представитель техотдела ВНА и наши специалисты согласно заявке штаба ВВС и ПВО ВНА.

Помню бессменного водителя служебной машины полковника Алешкина домти Тинь. Это был мужчина лет около шестидесяти, всегда приветливый, вежливый, мой первый учитель вьетнамского языка, при встречах с ним я всегда старался говорить на вьетнамском, а он на русском языке.

В командировках мы питались за свой счет, сдавали повару деньги в расчете 10 донгов в сутки на человека. Поваренок всегда спрашивал, что бы хотели льенсо кушать на завтрак, обед и ужин, готовил вкусно и разнообразно. Особенно запомнились креветки в рисовой муке и обжаренные в масле, фрукты обязательно были на завтрак, обед и ужин, а также традиционный зеленый чай.

Впервые бананы я попробовал во Вьетнаме. Попробовал и много экзотических фруктов, уже и названий их не помню. Как-то с ребятами попали в ресторан в Ханое, попробовали змею (если бы официант не сказал, что это блюдо из мяса змеи, никто бы и не догадался). Когда бывал в Хайфоне, ребята заказывали крабов, я привозил их по четыре вещмешка, вьетнамцы продавали их живыми, клешни связывали веревками. Поход за крабами на базар всегда совершал с поваренком, он выбирал всегда покрупнее и дешевле.

Тя по-сайгонски «собачка» – любимое блюдо, можно сказать праздничное блюдо вьетнамцев. Вьетнамцы держат специальных кормовых собачек. Если мне не изменяет память, выращивают их три года. Если собака проживет хотя бы на один день больше, ее уже в качестве пищи не используют. Собаки это чувствуют и перед своим «днем рождения» стараются сбежать в джунгли, чтобы через день-два вернуться к хозяевам. Когда жили в бунгало в деревнях, при всех наших приемах пищи присутствовали эти собачки и мы всегда подкармливали их.

По прибытию в подразделение, представитель техотдела представил нас командованию подразделения. Встреча проходила, как правило, в бунгало за традиционным зеленым чаем, командование представляли командир и комиссар, где они докладывали проблемы по технике.

Прибыв как-то в одно из подразделений, переводчик сообщил, что встреча с командованием переносится на утро, так как такого ранее никогда не случалось, мы поинтересовались, с чем это связано, переводчик сообщил: все на «фибине». Как мы выяснили, фибинь бывает маленький и большой. Фибинь – это собрание коллектива, на которое приглашается провинившийся. На этом собрании каждый должен высказаться по поводу проступка провинившегося, осудить провинившегося. Малый фибинь может продолжаться 6–8 часов. Большой фибинь может продолжаться от 10 до 14 и более часов. На большом фибине провинившемуся вспоминаются все его проступки или случаи из жизни, когда человек неправильно поступил или кого-то обидел. На фибине каждый должен высказаться независимо от родственников или дружеских отношений, от друзей и родственников еще больше достается, чем от сослуживцев. Самое тяжелое наказание для вьетнамцев – это попасть на фибинь. На фибине присутствуют все, независимо от пола и возраста, женщины и мужчины.

После встречи с командованием переводчик занимался размещением СВС. Разместили нас в самом лучшем бунгало деревни. В бунгало размещались только специалисты. Повар, переводчик и представитель техотдела ВНА размещались отдельно. Жизнь на выезде была намного тяжелей. Особенно тяжело приходилось обходиться без душа. В «Кимлиене» в гостинице был душ, в номерах фен (потолочный вентилятор). Вьетнам вспоминается комарами-«партизанами», как их окрестили СВС. При знакомстве со своим сменщиком, он меня удивил, сказав: «Вечером познакомишься с "партизанами"». Я поинтересовался, что это значит, он сказал: «Это комары».

Вьетнамские комары отличаются от наших (ленсовских), они крупнее и рыжие. Наш комар, прежде чем укусить, пожужжит, сядет и укусит, а вьетнамский подлетает бесшумно и начинает «строчить», как швейная машинка, и если хоть один "прорвался" под противомоскитную сетку, спать не даст.

Быт вьетнамцев очень скромный, в бунгало, где они живут, ничего лишнего: стол, скамейка или две, в зависимости от количества человек в семье, стулья бывают очень редко, посуда для приготовления и приема пищи, сундук для хранения одежды, освещение - керосиновая лампа. Пищу готовят на очаге во дворе, во время дождей - под навесом. В бунгало ни часов, ни приемников, ни тем более телевизоров. Поэтому колокол в их жизни заменял им всё: и часы, и радио, и телевизор.

На вооружении радиолокационных рот находилась техника советского и китайского производства. Советского производства РЛС П-35, П-15, П-12, ПРВ-11, китайского производства РЛС П-12 и ПРВ-10. Были РЛР как смешанной комплектации, так и оснащенные только советской техникой.

На вооружении радиотехнических подразделений находились не только наши автоматы Калашникова, но и автоматы китайского производства, а также ГАЗ-69 китайского производства, который мы прозвали «китайским броневином» за его необычную форму.

В середине 1972 года Вьетнам посетила министр культуры Екатерина Фурцева. Я был на ее лекции. Она рассказывала, что Китай к тому времени имел более 250 заводов, построенных Советским Союзом, китайцы производили много нашей техники: МиГ-15, МиГ-17, танки Т-54, многие марки автомобилей военного назначения, стрелковое вооружение, РЛС П-12, ПРВ-10.

Вьетнамцы очень большое внимание уделяли маскировке техники и боевой позиции, маскировка обновлялась практически ежедневно. Техника маскировалась так, что даже с земли ее не было видно, чем вьетнамцы очень гордились. Поражало то, что вьетнамцы никогда не заходили в кабины РЛС обутыми, и как мы их не убеждали, что нельзя босиком на технике находиться, наши доводы оставались безуспешными. Подходя к РЛС, по количеству обуви мы всегда знали, сколько человек находится на станции. Не знаю почему, но обувь называли «шрайками» - это резиновая подошва, вырезанная из автопокрышки, с двумя резинками в передней части, которые выдавались солдату на шесть месяцев - по нормам снабжения. По нормам снабжения солдату полагалось 400 граммов риса на сутки, кроме того, каждый

расчет РЛС держал свое подсобное хозяйство (кур, свиней), солдату также выдавалась пачка сигарет на месяц.

Трудно приходилось работать на технике на первых порах, поскольку на всю группу был один переводчик, и иногда без его помощи невозможно было решить возникшие проблемы, приходилось ждать, когда он освободится.

Первыми словами, выученными при работе на технике, были: могоан (паяльник), тувит (отвертка), прибор так и назывался прибором. Месяца через два я уже работал без переводчика, мне хватало словарного запаса для работы. Кроме обозначенных проблем по технике, проверял боеготовность ПРВ полностью, а не только то, на что указывало командование роты, попутно обучал расчет поиску и устранению неисправностей.

Огромная сложность при работе с техникой заключалась в том, что на всю технику не было схем и техдокументации. С благодарностью вспоминаю преподавателя цикла материальной части КРТУ войск ПВО майора Воронкова, преподававшего материальную часть высотомера ПРВ-11, который требовал знания наизусть тракторных схем, функциональных схем основных систем высотомера.

После окончания работы в подразделении на встрече командование докладывало результаты работы всех специалистов группы и рекомендации по эксплуатации вооружения. По прибытию в Ханой результаты работы и состояние техники докладывали полковнику Алешкину.

После командировки нам давали сутки-двое на отдых, в зависимости от обстановки. Отдых заключался в том, что во время отдыха несли дежурство по охране посольства, охрана осуществлялась двумя кольцами, вьетнамцы охраняли наружный периметр посольства, СВС - внутренний периметр посольства. Кроме того, находилась работа в конторе: отрабатывал данные штаба ВВС и ПВО ВНА по беспилотным самолетам разведчикам (БСР) и стратегическим самолетам разведчикам SR-71 американских ВВС, наносил на карту маршруты их полетов. Отрабатывал карты ведения боевых действий радиотехническими подразделениями ВНА.

Полковник Алешкин постоянно совершенствовал информацию по зонам обнаружения РТВ на всех высотах. По зонам обнаружения со стороны Тонкинского залива были

снижены до 100 м за счет оптимального выбора позиции радиотехнических подразделений.

В январе 1972 года Северный Вьетнам был блокирован с моря полностью, все побережье было заминировано минами с самыми различными взрывателями: акустическими, световыми, которые взрывались даже тогда, когда на них падала тень большой рыбы. Постановка мин производилась как с кораблей, так и с самолетов ВВС США.

За время пребывания во Вьетнаме побывал во всех РЛР, в некоторых по несколько раз. объехал весь Северный Вьетнам от Хайфона до 17-й параллели включительно. Запомнилась поездка в 4-ю военную зону через мост Хамжонг. Над ним было сбито более сотни самолетов американцев, это был единственный к тому времени действующий мост, ехать по нему было жутковато: большие рваные дыры в фермах моста, при проезде по нему он жалобно скрипел всеми своими покалеченными, израненными фермами и пролетами, но исправно работал, пропуская машины.

Во Вьетнаме впервые была испытана бомба «Уоллай» с лазерной головкой самонаведения, ею и был уничтожен мост Хамжонг.

Командирами рот были лейтенанты и старшие лейтенанты. Только командиром роты на 17-й параллели, самой южной роты, был капитан. Командир этой роты больше шести лет не видел семью, его жена и дети проживали в Ханое. Когда мы убывали из подразделения, он попросил нас передать семье гостинцы и письмо.

За время командировки в ДРВ более ста раз выезжал на боевые позиции радиотехнических подразделений ВВС и ПВО ВНА. Жить приходилось в бунгало. Жители населенных пунктов всегда дружелюбно относились к «льенсо». Весть о прибытии «советских» распространялась мгновенно, поэтому на позицию иногда приходилось пробираться среди вьетнамских жителей. Все хотели потрогать, пощупать "льенсо", особенно старались дети.

Вьетнамцы очень трудолюбивый народ. Передвигались они на велосипедах (седапах), в основном китайского производства. Вьетнамцы считают, что юноша может жениться, только когда купит велосипед.

При работе в подразделениях вьетнамцы всегда оповещали нас о налетах американской авиации, так как мы не всегда слышали сигналы воздушной тревоги при работе в приемо-передающей кабине (ППК). В подразделении всегда находился посыльный, который был обязан предупреждать СВС о начале налета американской авиации.

Это происходило так: в ППК «влетал» вьетнамец и сообщал: «Американ май бай хай мей километр, высокое хетт!» (Американские самолеты в двадцати километрах, высокое выключить!). Это происходило в том случае, когда станция находилась на ремонте. Если РЛС была даже частично боеготова, то она сразу же включалась в боевую работу.

Хочется отметить виртуозную работу операторов РЛС. Операторы ПРВ-11 четко определяли пуск СНС типа «Шрайк». Операторы РЛС П-12 по индикатору контроля с точностью до самолета определяли количество самолетов в группе, если они шли плотным строем и на индикаторе кругового обзора (ИКО) высвечивались одной отметкой. Они использовали все боевые возможности нашей техники. Операторы РЛС имели огромный боевой опыт. Каждый из них прослужил не менее 5 лет в качестве оператора.

В населенных пунктах воздушная тревога объявлялась частыми ударами металлической палки в рельс (роль колокола выполнял обрезок рельса). Этот колокол имел огромное значение для жителей малых населенных пунктов, потому что колоколом объявлялся подъем, начало работы, время, воздушная тревога, обед, конец работы и еще много чего. Сигнал воздушной тревоги знали даже домашние животные, заслышав его, вся живность: петухи, куры, собаки и прочие, прятались в любую щель, в любое укромное место и жизнь замирала, а когда объявлялся отбой воздушного нападения, все живое вылезало, выползало из своих убежищ, и жизнь возвращалась в свое привычное русло. Вдоль дорог были сооружены окопы (железобетонные кольца, вкопанные в землю, которые накрывались крышкой с отверстием), конечно маловатые для льенсовских габаритов, но влезть при большом желании можно. Окопы устраивались около мостов, переправ.

Американцы бомбили автомобильные и железные дороги. Дороги восстанавливали очень быстро. Над восстановлением дорог трудились жители близлежащих

селений. Мужчины кувалдами дробили камень, а женщины в бамбуковых корзинах на коромыслах носили этот щебень и засыпали им воронки. С какой грациозностью эти тяжеленные корзины переносили девушки! Впервые в жизни увидел паровые катки, которыми закатывались воронки. Особенно быстро восстанавливалось стратегическое шоссе № 1 Ханой-Сайгон. Вдоль дорог обычно располагались рисовые поля.

Первое боевое крещение я принял под городом Винь в ноябре 1971 года. Авианалет застал нас на шоссе, была небольшая пробка перед переправой, я даже не понял, что происходит. Водитель только успел крикнуть: «Американ май бай!» - и покинул машину.

Я увидел, как справа вдоль машины асфальт вздымается бугорками, тогда только и понял, что по нам стреляют из пушки пикирующего на нас самолета, тогда тоже бросился в окоп.

После первой волны самолетов водитель крикнул: «В машину!» Я подбежал к окопу, где укрывался Ермаков, сказал ему, что водитель предлагает отъехать подальше. Мы прыгнули в машину, водитель резко взял с места, мы отъехали километра четыре в джунгли, где и дождались конца авианалета. Переводчика и представителя техотдела нашли только после авианалета. Этот случай характерен тем, что вьетнамцы в первую очередь старались сохранить жизнь СВС.

После налета «жизнь» на дороге восстанавливалась. Помню, что вьетнамцы из встречных машин смеялись, показывали друг на друга и на нас, так как все были грязные, чумазные, но живые. Вьетнамцы очень жизнерадостный народ, несмотря на то, что война уже шла более десятка лет, они всегда с уверенностью говорили, что победа над американскими агрессорами неизбежна. Уже в то время они приглашали: «Приезжайте после победы в Сайгон, прекрасный город, он вам понравится». Я горжусь тем, что помогал вьетнамскому народу завоевать победу над американским империализмом.

Налет авиации опасен. Когда слышишь рев двигателей самолета, то уже поздно думать, нужно падать подальше от машины, а когда видишь самолет, есть время принять решение, где укрыться. Авианалеты практически всегда оповещались. Более опасен артобстрел. С земли его

невозможно увидеть, а когда слышишь свист снарядов, времени на занятие укрытия нет. Оповещений о начале артобстрелов не было, оповещение осуществлялось только при первых разрывах снарядов.

Однажды командование ВНА пригласило нас на встречу, где нас познакомили со всеми «новинками», которые американцы применяли на театре военных действий (ТВД). Это шариковые бомбы самого различного назначения: шариковые бомбы мгновенного действия, шариковые бомбы с самыми различными взрывателями замедленного действия, с взрывателями, срабатывающими от прикосновения, и последняя новинка - это шариковая бомба, замаскированная под фрукты, от которых гибли дети, кроме того, применялись шариковые бомбы в пластиковой оболочке. При ранениях такой бомбой очень трудно найти осколки, так как рентгеном определить, где находится осколок невозможно. Если пуля при попадании в тело человека движется по прямой и пробивает все на своем пути, то шарик, попадая в тело человека, движется по сложной траектории, он рикошетом отражается от более плотных тканей в теле человека и наносит тяжелые повреждения внутренних органов. Кроме того, в металлической оболочке шариковых бомб находились четыре стрелочки со специальным оперением, действие их на тело человека гораздо более ужасное, чем шарика, так как она «кувыркалась» в теле человека и наносила еще более тяжелые поражения, при этом входное отверстие этой стрелки было практически незаметно.

Шариковые бомбы применялись по мирному населению и, как правило, по рисовым полям, потому что на рисовых чеках увидеть шариковую бомбу невозможно, поэтому страдало очень много мирных жителей. Как правило, это были бомбы замедленного действия.

Специальными шариковыми бомбами минировались «тропы Хошимина», они были со шнурами, при ударе о землю шариковая бомба выкидывала четыре шнура по 10 метров длиной, если человек наступал на шнур, происходил взрыв.

Самолет F-4 мог нести 4 контейнера шариковых бомб, в каждом контейнере по 1500 штук (за цифру не ручаюсь, точно не помню), таким образом накрывалась очень большая территория. Шариковые бомбы также применяли по боевым

позициям зенитно-ракетных дивизионов и радиотехнических подразделений.

Также было показано действие напалма на тело человека, зрелище довольно жуткое. Были показаны фрагменты человеческих тел, пораженных напалмом, которые хранились в специальном растворе, когда их вынимали из раствора, они начинали дымиться.

Действие дефолиантов я видел, когда проезжали по джунглям в подразделение. В «мертвой» банановой роще дотрагиваясь до пальмы - она рассыпается в пыль. Кстати узнал, что банановые пальмы - это многолетняя трава.

Никогда не забудутся «горячие» дороги Вьетнама: № 2, № 3, № 4, № 5 и стратегическое шоссе № 1.

Если в начале командировки мы передвигались в светлое время суток, то месяца через два передвигаться приходилось по ночам без света. Чтобы избежать столкновений на дорогах, вьетнамцы под передний мост автомобиля прикрепляли консервную банку, в которой закрепляли лампочку и тогда встречные машины были видны, а с воздуха этой подсветки не было видно.

Запомнился один случай под городом Винь. Мы двигались ночью по дороге, впереди нас в метрах 150-200 ехала вьетнамская машина, на какие-то доли секунды водитель включил ближний свет и тут же был поражен ракетой. До нас докатилось только колесо от их машины.

Дороги контролировались американской палубной авиацией (самолеты А-6, А-7) практически круглосуточно. В Тонкинском заливе постоянно находились три американских авианосца. Срок пребывания авианосцев в Тонкинском заливе был три месяца, затем на смену им приходили новые авианосцы.

Реки приходилось преодолевать по канатным мостам, ощущение не очень приятное, на парамах, а также по понтонным мостам.

За время командировки побывал во многих городах Северного Вьетнама: Тханьхоа, Винь, Виньлинь, Коабинь, Хайфон, Нойбай и других. В роли гида всегда выступал переводчик. Однажды, следуя в подразделение, переводчик сообщил, что мы будем проезжать мимо деревни – родины Хошимина. Мы изъявили желание побывать на родине

президента ДРВ. Жилище президента поразило своей скромностью, ничего лишнего, только всё самое необходимое для жизни, как, впрочем, и у всех вьетнамцев.

За время командировки во всех подразделениях были доработаны РЛС: экстренное выключение «высокого» по запуску для борьбы с СНС типа «Шрайк», «стандартный ARM». В Союзе после командировки я увидел эту, уже заводскую, доработку на РЛК П-80, П-35 и других РЛС, в последствии уже все РЛС нового парка поступали на вооружение в войска в Союзе с защитой от СНС.

Налеты на объекты ДРВ, как правило, проходили классически: постановка активных помех самолетами RB-66 с территории Лаоса, отвлекающая группа ЗРВ, отвлекающая группа ИА, отвлекающая группа РТВ, группа блокирования аэродромов ИА, группа постановки пассивных помех, группа подавления ЗРВ, а также вертолеты и самолеты спасательной авиации. Обычно в налетах участвовало от 50 до 120 самолетов и вертолетов. Программа подготовки летчиков ВВС США – 100 самолетовылетов. Сбитого командира ВВС США было видно издали по ярко-оранжевому куполу парашюта.

Ежедневно в 12 часов по местному времени над Ханоем пролетал самолет SR-71 с базы Утапао в Таиланде. Над Ханоем он преодолевал звуковой барьер, и при ясной погоде всегда был виден его инверсионный след. После его пролета через 1,5-4 часа доразведку объектов проводили беспилотные самолеты-разведчики.

Самолеты стратегической авиации B-52 «Стратофортрес» (летающая крепость) базировались на базе Утапао (Таиланд) и на базе острова Окинава (Япония). Этот самолет имел очень мощную защиту: инфракрасные ракеты-ловушки, автоматы сброса дипольных отражателей, передатчики постановки активных помех. Экипажи самолетов очень грамотно пользовались всеми средствами защиты. Кроме того, американцы применяли отвлекающие группы, это группы самолетов F-4, которые шли плотным строем и на экране индикатора отображались одной отметкой, при подлете к цели отметка начинала дробиться, разделялась на отдельные цели и воспринималась как синхронная помеха, что создавало определенные трудности в боевой работе. Трудность заключалась в том, что не всегда с большой точностью можно

определить отметку от настоящего В-52 и отметку от отвлекающей группы, особенно когда таких групп было несколько.

Особенно запомнились ночные бомбардировки Ханоя: звучала сирена, оповещающая начало воздушного нападения, свет выключался централизованно, несколько раз мы забирались при налетах на крышу гостиницы. Один раз были замечены и наказаны. Эти картины воздушного налета запомнились навсегда: след двигателя самолета, уходящего на форсаже от ракеты, пламя двигателя ракеты, догоняющей самолет, тонкая красная ниточка трассы от автоматов и пулеметов, а от зенитно-пулеметной установки (ЗПУ) - нить потолще, огненные клубки от зенитной артиллерии - всё это сливалось и выглядело, как необычный, каждый раз разный, фейерверк.

В отражении воздушного налета участвовал каждый из обслуживающего персонала «Кимлиена». От уборщицы до повара - каждый знал свое место при воздушном нападении, и по сигналу воздушной тревоги все занимали свои места в боевом расчете. Боевой расчет ЗПУ составляли девушки. Даже мальчишки, как могли, помогали в отражении налета американской авиации - стреляли из рогаток. Переводчик рассказал случай, когда мальчик из рогатки сбил вертолет - попал в механизм шага винта.

Днем это зрелище было еще более впечатляющим. Мы научились определять, когда ракета попала в цель - если подрыв оранжевый, значит, цель поражена, если белый, значит, цель не поражена. При налете наблюдал даже противоракетный маневр самолета, когда он уходил от догоняющей его ракеты. Не знаю, как летчик переносил эти перегрузки, но ракета ломалась пополам. Подбитые самолеты американские летчики старались «дотянуть» до моря. Это была стопроцентная гарантия не попасть в плен и быть спасенным.

Дневной налет впечатляет, когда видишь заход на цель. Ракетный удар отличается от бомбового. При нанесении удара ракетами встает сплошная стена огня и пыли, протяженность до полукилометра и высотой до 20-30 метров, и сразу же ударяет волна раскаленного воздуха. При нанесении удара фугасными бомбами отдельные кусты огня и пыли и более

слабые воздушные волны. Вспоминается случай, когда наблюдал подрыв нашей ракеты, сработавшей на дипольные отражатели. Впоследствии американцы для защиты от наших ракет сбрасывали контейнеры с дипольными отражателями сантиметрового диапазона.

Самым безопасным местом при авианалетах мы считали «Кимлиен» и Советское посольство. Шутили, лишь бы в налете не участвовали «двоечники», потому что у сбитых летчиков находили карты, на которых были помечены Советское посольство и «Кимлиен» как объекты, по которым наносить ракетно-бомбовый удар запрещено.

Особое впечатление на меня произвели результаты «коврового» бомбометания самолетами стратегической авиации В-52, это ровно вспаханное поле, которое даже боронить не нужно, можно сразу сеять.

Заключительным аккордом командировки было развертывание аппаратуры 1 РЛ-30 «Фаза» на командном пункте (КП) ИАП города Нойбай. Задача была поставлена полковником С.В. Алешкиным старшему группы майору Б.А. Ермакову, который привлек меня к этой работе. Мы прибыли в радиотехническое подразделение под Нойбаем, оно находилось в 28 километрах от КП ИАП. Получили от вьетнамцев комплект приемной аппаратуры, развернули приемную и передающую антенны, сориентировали их, включили передающую стойку, все нормально. Включили приемную стойку, и она моментально загорелась...

Нам привезли второй комплект приемной стойки, мы начали разбираться, почему же сгорела первая стойка. Как выяснилось, техника хранилась на складах в джунглях, а при стопроцентной влажности воздуха весь монтаж, все трансформаторы пропитались влагой. Пришлось выпавать все трансформаторы, снимать и обслуживать все электродвигатели, сельсины и все сушить. Взвесили трансформаторы перед сушкой и после, разница в весе составила от 20 до 100 граммов. Потом установили все это на свои места, проверили приемную стойку на позиции подразделения, свернули комплект приемной стойки, привезли на КП ИАП Нойбай, установили и подключили к выносному ИКО.

Когда включили РЛС и «Фазу», первичная радиолокационная обстановка пошла на выносной ИКО, вьетнамцы радовались как дети, обнимали нас, сами обнимались. Вьетнамцы были поражены тем, что РЛС находится в 28 километрах от КП ИАП, а индикатор работает без РЛС и высвечивает первичную информацию в реальном масштабе времени. Обучили представителя техотдела ВНА и расчет работе на аппаратуре «Фаза».

С нами работала женщина-капитан из техотдела ВНА. Как-то мы остались с ней вдвоем. Неожиданно она обращается ко мне на чистом русском языке: «Домти Володя, мы уже более семи лет пытаемся развернуть и запустить «Фазу», но у нас не получается». Далее в беседе она рассказала, что училась в Киевском ВИРТУ ПВО страны.

Работа штурманов ИАП по наведению своей авиации на самолеты противника была облегчена в несколько раз, ведь задержка информации была равна нулю, а по данным РЛР задержка информации доходила до двух и более минут. Первичная информация передавалась по каналам связи в радиорелейном режиме. Кроме того, при авианалетах ставились помехи, и тогда по каналам связи информация терялась. «Фаза» же помехами не «забивалась». В данном случае штурманы ИАП Нойбай выполняли свою работу на КП полка в безопасных условиях. КП полка находился в подошве горы, на глубине 100 метров, и вывести его из строя было невозможно.

За время пребывания в ДРВ приходилось выполнять многие другие работы. Запомнилось прибытие в ДРВ Н.В. Подгорного. Мы несли службу по охране самолета Подгорного: наружное кольцо охраны - вьетнамцы, второе наружное кольцо - СВС, третье внутреннее кольцо охраны - инженер экипажа и СВС в салоне самолета. Службу несли трое суток без смены.

Командование ВВС и ПВО ВНА всячески заботилось о нашем отдыхе. За время командировки побывали на концерте в Ханойском театре, в «Кимлиен» приезжал Ханойский цирк. Был организован выезд СВС в один из вьетнамских храмов, который находился глубоко в горе. Для того чтобы попасть в него, нужно пешком по узенькой горной тропе подняться на высоту более 1500 метров и спуститься в пещеру, где и был

храм, в котором находился светящийся Будда. Этот поход занял у нас весь день, так как добраться до этой горы можно было только по реке на лодке.

Во Вьетнаме мы проходили школу боевого мастерства, демонстрировали вьетнамцам свое оружие, изучали тактику боевого применения американской авиации, приемы применения СНС типа «Шрайк», «Стандартный ARM» и способы защиты от СНС, учились работать в условиях активных и пассивных помех в реальных боевых условиях. Американцы дорабатывали свою технику, например, они доработали «Шрайк», когда эффективность его применения снизилась, двигатель вместо 7 секунд стал работать 15 секунд, было установлено запоминающее устройство по равносигнальной зоне излучения.

В октябре 1972 года, со старшим группы РТВ в ДРВ полковником С.В. Алешкиным, мы прибыли на прием в штаб ВВС и ПВО ВНА. На приеме командующий ВВС и ПВО ВНА поблагодарил СВС выездной группы за оказание помощи в борьбе с американскими агрессорами, вручил всем медали Дружбы и Почетные грамоты от президента ДРВ. Также были вручены памятные значки, изготовленные из металла первого сбитого американского самолета F-4.

На этом закончилась командировка в ДРВ. Улетали из ханойского аэропорта Залам. Рейсы совершались раз в неделю, в пятницу. После того как самолет из Союза совершал посадку, как правило, через тридцать-сорок минут начинался авианалет на Ханой, который и окрестили встречным маршем для прилетевших и прощальным налетом для улетающих. После окончания налета мы сели в самолет и вылетели по маршруту: Ханой - Вьетъян - Калькутта - Дели - Москва (аэропорт Шереметьево).

Во время перелета не обошлось без приключений. При взлете в Калькутте «выбило» лопатку турбины двигателя, родились в «рубашке» - самолёт не успел оторваться от взлетной полосы. Если бы взлетели, тогда последствия были бы тяжелыми. Аэрофлот разместил нас в Гранд-отеле города Калькутта, где мы прожили двое суток. Затем самолетом «Каравелла» совершили перелет из Калькутты в Дели, а затем на Ил-62 в Москву. Из-за низкой облачности и плохой видимости три раза заходили на посадку, но на третий раз

благополучно приземлились. Вылетали из Ханоя было +45 градусов по Цельсию, прилетели в Москву - минус 8.

В феврале 1973 года я был назначен начальником радиолокационной станции (РЛС) П-35 отдельной радиолокационной роты (ОРЛР) (гора Кюмеркей, 2500 метров над уровнем Каспийского моря). Проходил службу в должности начальника РЛС в ОРЛР Ханлых, Сальяны, РТБ Сангачалы.

В 1978 году поступил в Киевское высшее инженерное радиотехническое училище Войск ПВО страны и в 1982 году окончил его.

С 1979 года по замене стал служить в ордена Ленина Забайкальском военном округе (226 ОРЛР, поселок Абагайтуй в/ч 67997), где проходил службу до 1982 года, затем по замене убыл на должность старшего инженера в 4-ю радиотехническую бригаду Прибалтийского военного округа (город Таллин, радиотехнический центр Хаапсалу).

С 1985 года по замене служил инженером службы вооружения в радиотехническом полку в/ч 03161 (поселок Тикси, Якутской АССР).

С 1987 по 1988 год проходил службу в должности начальника РЛК 5Н87. С 1988 по 1991 год был начальником службы вооружения в/ч 03161.

С 1991 по 1992 год служил начальником службы вооружения в/ч 58133 в городе Обь Новосибирской области.

24 января 1992 года был уволен в запас в звании майора с правом ношения военной формы одежды.

Награжден: медалью «За боевые заслуги», семью медалями СССР, медалью Дружбы ДРВ, нагрудным знаком «Войска ПВО страны», почетной грамотой Президента СССР, нагрудным знаком "Воин-интернационалист".

Март 2016 года

Булатов Михаил Алексеевич

Я сумел вывести из строя 24 авиабомбы

Я родился 25 октября 1924 года в деревне Верхняя Санарка Пластовского района Челябинской области. Православный христианин. Член КПСС с 1944 года.

В 1940 году я окончил 8 классов в городе Турткуль Каракалпакской Автономной республики Узбекской ССР. С 1940 по 1942 год работал радиотелефонным мастером в городе Чимбай Каракалпакской АССР.

В армию меня призвали в сентябре 1942 года и направили на учебу в Орловское пехотное училище, которое в тот момент находилось в эвакуации в городе Чарджоу Туркменской ССР. Окончить его мне не удалось, поскольку нас, курсантов, отправили на фронт.

Первые мои бои были на Курской Дуге, куда я попал в конце марта 1943 года в составе пополнения, которое состояло из призывников республик Средней Азии и курсантов Орловского пехотного училища. При распределении пополнения я попал в 369-й отдельный саперный батальон 235-й стрелковой дивизии, входившей в 3-ю армию Брянского фронта. С этим батальоном я дошел до Восточной Пруссии и под Гданьском закончил свой боевой путь.

Мы хорошо знали обстановку на своем участке фронта, готовились к грядущим боям. Поскольку наша оборона после зимнего наступления еще только складывалась, саперов привлекали к боевой работе непосредственно на переднем крае. Я служил во 2-й роте, которая каждую ночь минировала

подступы к первой траншее со стороны противника и устанавливала проволочные малозаметные заграждения, усиливая их противопехотными минами.

Мы ясно себе представляли, что не за горами и наше наступление, поэтому одновременно решали и другую очень важную задачу: тщательно изучали участок местности на нейтральной полосе перед своим передним краем, где дивизии предстояло вести боевые действия.

Между нашими и немецкими позициями протекала река Зуша. Разведкой и наблюдением изучили её глубину, скорость течения, характер берегов, определили места наведения штурмовых мостиков для переправы пехоты, так как вброд ее не преодолеешь, тем более при атаке.

Для форсирования реки пехотинцами наша рота уже в июне стала изготавливать штурмовые мостики, сколоченные из досок или жердей щиты, длиной до трех метров и шириной 60 сантиметров. Такие щиты саперы должны были во время артиллерийской подготовки установить на козлы-опоры в воду на всю ширину реки.

Когда утром 5 июля гитлеровцы перешли в наступление, мы были готовы отразить их удар на нашем участке обороны. Сразу же привели все минные поля и другие заграждения в боевое положение и постоянно дежурили у них. На базе нашей роты были созданы подвижные отряды заграждения (ПОЗ), которые находились в готовности, чтобы выдвинуться в направлении прорыва немецких танков и перекрыть им путь минированием.

Еще шли упорные бои по отражению атак немцев на курском направлении, а соединения Брянского фронта практически решали задачи наступления. В ночь на 10 июля части дивизии выдвинулись в первый эшелон и заняли оборону по реке Зуша, сменив находившиеся там части. А в следующую ночь саперы уже делали проходы в наших минных полях и заграждениях на переднем крае.

Днем 11 июля командир роты Павел Кушев поставил каждому отделению задачу: в ночь на 12 июля сделать проходы в минных полях и проволочном заграждении немцев для пропуска пехоты и техники первого эшелона наступающих.

Уже с вечера мы были в первой траншее, чтобы с наступлением сумерек начать работу в нейтральной полосе. Это было 200 метров ничейной территории, разделявшей нас и немцев, на которой и мы и противник возвели немало всяких заграждений. Немцы густо прикрыли подступ к своему переднему краю противотанковыми и противопехотными минами нажимного и натяжного действия, сигнальными ракетами. Это представляло большую опасность не только для пехоты, но и для саперов.

И вот в очень короткую летнюю ночь нам предстояло найти эти мины противника, обезвредить их и проделать проходы, чтобы завтра по ним без опаски прошли пехота и наша боевая техника. Для этого следовало металлическим щупом проверить всю территорию от реки до немецкой траншеи. Ведь каждое неверное твое движение на таком поле могло стоить жизни каждому из нас и насторожило бы немцев, что привело бы к срыву боевого задания.

Командир нашего отделения, опытный сапер-фронтовик, сержант Афанасий Ботов на задание взял с собой Тиграна Захарова, Рафката Фазулбаева, Николая Кулакова и меня. С наступлением сумерек мы выдвинулись к проходу в заграждениях, который мы сами сделали прошлой ночью, чтобы по нему двигаться к немецким минным полям. Рафкат Фазулбаев (мой друг по школе до призыва в армию) и я стали прощупывать полосу, искать мины и обезвреживать их, а командир и двое солдат охраняли нас и обозначали проходы. Справа в 50 метрах ползли другие саперы, которые тоже должны были сделать проход в заграждениях врага, но на своем участке. Работали очень тщательно. Мы вдвоем ползли рядом друг с другом, делая проход на ширину вытянутых в сторону рук, что-то около трех метров шириной.

Немцы часто запускали осветительные ракеты, то и дело прочесывали огнем местность перед своим передним краем. Мы замирали, когда взвивалась ракета, а затем снова медленно ползли вперед, руками прощупывая каждый сантиметр земли. Еще до рассвета мы удачно закончили свою работу, обезвредив не один десяток мин, разрезали проволочное заграждение, а также обозначили этот проход метками. Возвращаясь обратно к своей траншее, попали под

сильнейший пулеметный обстрел, тогда был ранен командир отделения и рядовой Захаров.

Для меня и сейчас, спустя более полувека, очень памятна та ночь перед наступлением, когда впервые пришлось непосредственно участвовать в разминировании боевых мин противника, столкнуться с его хитростью в их установке, побывать вблизи его траншеи. Немецкие мины мы знали, но вот в боевом положении их встретили впервые.

Залпы нескольких тысяч орудий и минометов, массированные удары с воздуха обрушились на оборону гитлеровцев, возвестив о начале наступления войск Брянского фронта. Воины нашей дивизии устремились к реке Зуше и под огнем противника, по наведенным саперами мостикам, невзирая на обстрел, преодолевали реку. Снаряды и мины то и дело повреждали или уничтожали мостики, которые тут же заменялись новыми, заблаговременно подготовленными еще до форсирования.

Когда разбивало опоры, то порой саперы на своих плечах держали щиты, по которым пехотинцы перебежали на противоположный берег. Саперы нашего батальона обеспечили форсирование реки Зуша и прорыв вражеской обороны дивизией в начале наступления Брянского фронта 12 июля 1943 года. В этот день у деревни Вяжи Новосильского района (на Орловщине) на реке Зуша я принял боевое крещение в сражении на Огненной дуге.

В этот и последующие дни бои были очень тяжелыми. Немцы упорно отстаивали свои рубежи, полки дивизии за 18 суток продвинулись лишь на 65 километров и вышли к реке Оке. Были освобождены десятки населенных пунктов, вызволены из фашистской неволи тысячи советских людей.

В успех Орловской операции внесли свой вклад и мои сослуживцы по 369-му саперному батальону 235-й стрелковой дивизии.

30 июля наша 235-я стрелковая дивизия сдала свой участок другому соединению.

С 7 августа по 2 октября 1943 года в составе 235-й стрелковой дивизии я участвовал в Смоленской стратегической операции, а в ноябре-декабре 1943 года в наступательных боях на витебском направлении.

15 сентября 1943 года, в составе 369-го отдельного саперного батальона 235-й стрелковой дивизии 43-й армии под командованием генерал-майора Голубева Константина Дмитриевича, принимал участие в освобождении Рибшево, а 29 сентября 1943 года участвовал в освобождении Рудни.

В феврале 1944 года наша дивизия была перегруппирована в район Городка, где приняла полосу обороны от 11-й гвардейской армии.

В Витебско-Оршанской операции, в составе 369-го отдельного саперного батальона 235-й стрелковой дивизии 43-й армии под командованием генерал-лейтенанта Белобородова Афанасия Павлантьевича, 26 июня 1944 года освобождал Витебск, а 28 июня 1944 года принимал участие в освобождении Лепеля.

За храбрые и решительные боевые действия я был награжден орденом Славы 3-й степени.

Чуть позже наш инженерно-саперный батальон в составе танкового десанта успешно выполнил боевую задачу. Я был удостоен ордена Славы 2-й степени.

3 июля 1944 года в составе 369-го отдельного саперного батальона 235-й стрелковой дивизии 43-й армии участвовал в освобождении села Глубокое.

В ходе последующего наступления на рижском направлении мы вели ожесточенные бои за город Биржай и окончательно освободили его 6 августа 1944 года.

С 13 августа 1944 года наша дивизия обороняла рубеж по реке Лиелупе — южнее и западнее Бауска.

14 сентября 1944 года мы освободили Бауски. За сопровождение танков при форсировании этой реки в октябре 1944 года я был награжден вторым орденом Красной Звезды.

20 января 1945 года наша дивизия была передана в состав 3-го Белорусского фронта, 13 февраля была направлена на 1-й Прибалтийский фронт, а 25 февраля вновь вошла в состав 3-го Белорусского фронта. В его составе мы участвовали в Инстербургско-Кёнигсбергской (13-27 января), Кёнигсбергской (6-9 апреля) и Земландской (13-25 апреля) наступательных операциях.

В апреле 1945 года я участвовал в штурме Кенигсберга.

Отдельно я бы хотел рассказать об этом сражении, за которое я был удостоен звания Героя Советского Союза.

6 апреля, когда наши войска закончили подготовку к атаке, командир 369-го отдельного саперного батальона капитан Тищенко вызвал меня к себе и приказал моему отделению произвести инженерную разведку шоссе Кенигсберг-Раушен на участке, непосредственно примыкавшем к городу.

Выполняя приказ комбата, я вместе с тремя бойцами своего отделения перелез через бруствер траншеи первой линии и по-пластунски пополз вперед. За несколько сотен метров до шоссе гитлеровцы обнаружили нас. Раздались ружейные выстрелы, застрочил пулемет. Прижавшись к земле, мы упорно ползли вперед.

Поле было очень ровным, а расстояние между гитлеровцами, засевшими в домах и нами, ползущими на виду у противника, слишком мало. Поэтому фашистские стрелки и пулеметчики очень точно вели огонь. Двое наших солдат было ранено, третий убит. Оставшись один, и наскоро перевязав своих истекающих кровью товарищей, я продолжил ползти вперед по придорожному кювету.

Незаметно выбравшись на шоссе, я огляделся и вдруг заметил, что гладкое асфальтированное шоссе покрыто рваными, зазубренными кусками асфальта, неплотно подогнанными друг к другу. Увидел, что асфальтовое покрытие сначала было взломано, а затем вновь настелено на то же самое место. С трудом отвалил крайний кусок асфальта и увидел под ним врытую в насыпь крупнокалиберную авиационную бомбу, весом не менее ста килограммов, превращенную гитлеровцами в фугас нажимного действия. Вывернув взрыватель бомбы, я осторожно положил его в кювет и снова выбрался на шоссе.

Метрах в двадцати та же картина: взрыт асфальт, а под ним фугас. И этот снаряд был обезврежен.

Гитлеровцы стали вести огонь по живой мишени, но клочковатый туман мешал бить прицельно – это меня и спасло. Я сумел вывести из строя 24 авиабомбы. Как потом подсчитали, в них находилось 2,5 тонны взрывчатки. Взорвись хотя бы одна бомба, и путь нашим войскам на этом участке был бы на какое-то время прегражден.

Вернувшись в часть, я, смертельно уставший, повалился на руки товарищей, в беспокойстве ожидавших моего возвращения. Беспробудно проспал сутки – завершённая операция отняла у меня все силы.

А через несколько часов после того, как задание было выполнено, по шоссе пронеслись советские танки и самоходки, прокладывая пехоте дорогу к окраинам Кенигсберга.

Указ Президиума Верховного Совета Союза СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза был опубликован 19 апреля 1945 года, а через несколько дней высшую воинскую награду мне вручил командующий 3-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза А.М. Василевский. В то время мне было всего 20 лет. Прославленный маршал, по натуре сдержанный, не по-уставному похлопал меня по плечу и обнял, словно родного.

С 24 апреля 1945 года наша дивизия была выведена в резерв 3-го Белорусского фронта и перегруппирована в район Данцига, Гдыни и Нойштадта, а с 1 мая включена во 2-й Белорусский фронт, в составе которого и закончила боевой путь.

Боевые действия закончил в Польше в звании старшего сержанта, был заместителем командира взвода.

В 1945 году, по окончании войны, я был направлен на учебу в Московское высшее военно-инженерное училище.

За время войны я не получил ни одного ранения.

Награжден:

орденом Красной Звезды, орденом Славы 3-й степени, орденом Славы 2-й степени, орденом Красной Звезды (1944), орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Дружбы народов, орденом «Знак Почета».

В настоящее время являюсь Председателем Курского областного совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Чель Василий Леонидович

и

Цуканов Григорий Игоревич,

*студенты 1-го курса Курской
государственной сельскохозяйственной
академии имени профессора
И.И. Иванова*

Булгаков Владимир Леонидович

Ханойский меридиан

Я родился 15 августа 1940 года в селе Савватеевка Иркутского района Иркутской области. Был комсомольцем и членом КПСС.

В 1958 году окончил 10 классов средней школы села Акинино-Баклаши. После школы по комсомольской путевке работал на строительстве Братской гидроэлектростанции (1958-1959).

В 1962 году, после двух лет срочной службы в 750-м зенитно-ракетном полку (Красноярск-35), окончил ускоренные курсы специалистов ЗРВ (зенитно-ракетных войск) в учебном центре в городе Гатчина. Сдав экстерном экзамены за полный курс Пушкинского радиотехнического училища ПВО, стал лейтенантом и получил назначение в 262-й ЗРП в родной для меня Иркутск.

В должности командира взвода управления – начальника разведки дивизиона прослужил около трех лет, самостоятельно освоил станцию разведки и целеуказаний (СРЦ), став специалистом 1-го класса. За этот период дважды побывал на зимнем полигоне ПВО (противовоздушной обороны) в Забайкалье, где расчеты станции успешно выполнили задачи при проведении учебно-боевых стрельб.

С некоторыми своими прежними сокурсниками приходилось встречаться на полигоне, а офицеры Гусев,

Зотов, Кривело, Маричев, Обозный, Пасько, Швырев позднее также были направлены в ДРВ.

Тема Вьетнама была нам близка, она «витаала» в воздухе с начала 1965 года. Американская авиация безнаказанно бомбила ДРВ, и мы понимали, что наши зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) С-75, которые к этому времени стали основой ПВО страны, могут оказать реальную помощь в отражении налетов на Вьетнам. Среди офицеров энтузиазм был велик, и многие из нас были готовы принять участие в боевых действиях во Вьетнаме.

27 июля 1965 года командир нашего 4-го дивизиона майор Соседов по телефону вызвал меня на командный пункт и приказал срочно выехать в штаб полка. Причину вызова не объяснил, а я не уточнял – не было принято. Штабы нашего 262-го, соседнего 267-го полка и штаб 26-й дивизии располагались в гарнизоне «Красные казармы» города Иркутска.

В тот же день группа офицеров полка: капитаны Свирский и Пименов, старшие лейтенанты Долженков и Прусов, лейтенанты Скреблюков и Булгаков, а также несколько солдат и сержантов срочной службы были представлены командиром полка подполковником Матвеевым полковнику Самородову, прибывшему из штаба 14-й ОА ПВО. В ходе беседы было объявлено, что мы являемся кандидатами для выполнения спецкомандировки за рубежом. В штабе дивизии 30 июля состоялось заседание Военного Совета нашей армии.

Были заданы вопросы о стаже в должности, о классности и семейном положении. Услышав мои ответы и узнав, что я не женат, меня признали достойным направления в заграничную командировку. После этого я вернулся в дивизион, где 2 августа сдал РЛС «П-12» по акту сержанту Рахметжанову, а дела – начальнику штаба дивизиона майору Родионову, и в тот же день вернулся в Иркутск.

3 августа всей командой (свыше 100 человек) выехали поездом в город Кяхту Бурятской АССР (на границе с Монголией), где располагалась школа подготовки сержантов ЗРВ. На базе этого учебного центра в период с 4 по 25 августа были проведены учебные сборы и тренировки. Со специалистами расчетов СРЦ (свыше 20 человек) я проводил занятия вместе с лейтенантом Г. Денисовым из

Новосибирской дивизии. Здесь мы познакомились и подружились с молодыми офицерами других полков нашей дивизии. Это Леонид Богоявленский, Геннадий Щербак, Александр Бородин, Вячеслав Вагин. Вместе с ними, 15 августа, отметили мое 25-летие.

26 августа вернулись в Иркутск, там 29-31 августа провели тренировки по свертыванию и развертыванию ЗРК (зенитно-ракетных комплексов) на позиции 3-го зенитно-ракетного дивизиона (ЗРДн, командир – подполковник Н.Л. Сегал) нашего 262-го ЗРП.

1 сентября получили вещи, примеряли и подгоняли штатскую одежду, многое не было использовано во Вьетнаме и было подарено нашим вьетнамским друзьям. 2 сентября прилетевший из Москвы полковник В.Ф. Беляков провел с нами подробный инструктаж, а вечером было общее построение.

Полет по меридиану

3 сентября в 4 часа 50 минут на самолете Ил-18 вылетела группа в составе 73 человек. В 7 часов 15 минут мы приземлились в аэропорту Пекина. Нас встречали работники Министерства иностранных дел Китая и советского посольства.

Было заметно подчеркнутое внимание и дружелюбие с китайской стороны. Нам устроили торжественный прием в ресторане с множеством вкусных блюд и напитков. Затем - двухчасовая автобусная экскурсия по центру Пекина. День был солнечный и теплый. Город всем понравился.

В 13.00 мы вылетели к месту назначения – в Ханой. Над территорией Китая летели около трех часов, наконец, пересекли границу, и вот под нами земля Вьетнама. Сделав круг, наш Ил совершил посадку на аэродром Нойбай, в 40 километрах севернее Ханоя.

То, что это военный аэродром, мы определили еще сверху, увидев на стоянках МиГи. Встречала нас большая группа офицеров Вьетнамской народной армии (ВНА) и наши будущие командиры, в том числе генерал-майор Белов Григорий Андреевич – старший группы СВС, полковник

Борисенко М.Е. – его замполит, полковник Баженов Н.В. – начальник 2-го центра и другие, все в штатской одежде.

Нам вручили цветы, очень пышные букеты лотосов. Приветствовал нас на русском языке заместитель командующего ПВО и Военно-воздушных сил Вьетнамской народной армии (ВВС ВНА) старший полковник До Ди Киен.

Генерал Белов Г.А. был краток: «Вы прибыли на героическую землю Вьетнама. Страна сражается с американскими агрессорами. Ваши товарищи уже ведут боевые действия. Желаю боевых успехов!»

После речей нам предложили зеленый чай и фрукты. Столы были накрыты под натянутыми на шестах тентами. Было очень жарко и душно. На аэродроме царила боевая обстановка, и мы реально ощутили, что прибыли воевать. Несмотря на то, что день уже клонится к вечеру, мы все обливались потом.

Затем по команде разместились в автобусах и колонной двинулись в расположение 2-го центра в пригород Ханоя – Шонтай.

На следующий день нас представили командованию центра, ставшему теперь 238-м полком ВНА: командиру полковнику Баженову Николаю Васильевичу, замполиту подполковнику Смирнову Ивану Ивановичу, начальнику штаба подполковнику Мушенко (не помню имени и отчества), главному инженеру полка капитану Заике Анатолию Борисовичу.

11 сентября бортом Ил-18 прибыла вторая группа в составе 56 человек. Начались организационные мероприятия по формированию боевых расчетов в дивизионы и полковые группы. При этом 1-й и 2-й дивизионы укомплектовывались в основном из состава «бакинцев», которые обучали вьетнамцев в течение трех месяцев в учебном центре, а 3-й и 4-й ЗРЛн – вновь прибывшими «сибиряками». Командирами дивизионов были назначены: 1-го ЗРДн - майор А.Г. Терещенко, 2-го ЗРДн - подполковник И.А. Лякишев, 3-го ЗРДн - майор Г.С. Рыжих, 4-го ЗРДн - подполковник М.А. Борисов.

238-й. Начало боевых действий

Меня включили в состав полковой группы специалистом по СРЦ, а операторов В.В. Зобнина, В.А. Лейченко, В.Н. Руденко и А.А. Маденова соответственно в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й дивизионы. Оператор, сержант Виктор Марков, вначале был во 2-м ЗРДн наставником у менее опытного В. Лейченко, позднее был переведен в 3-й центр.

Моя практическая работа началась 16 сентября, когда группа СВС выехала на железнодорожную станцию Чайкао для приема прибывшей из Союза техники и передачи её вьетнамским расчетам. Здесь я познакомился с майором Кушнарем Леонидом Федоровичем, главным инженером ЗРВ, очень доброжелательным человеком и грамотным специалистом.

Станцию П-12 принимала команда во главе с полковым инженером. Делали они это очень скрупулезно, сверяя каждую позицию комплекточной ведомости с образцами. После объяснения через переводчика, что разворачивать на позиции и вести боевую работу придется тоже мне, дело пошло быстрее.

Боевой счет сбитым американским самолетам 238-му полку удалось открыть 20 сентября. Боевой расчет 83-го ЗРДн, прибывший во Вьетнам 11 сентября, уже 14-го успешно провел слаживание. Командир-майор Г.С. Рыжих, офицеры наведения капитан Михеев Василий Николаевич и старший лейтенант Опарко Анатолий Николаевич провели 4 пуска ракет и сбили 3 самолета F-105.

1 октября 84-й ЗРДн, тоже укомплектованный «сибиряками», вторым в полку открыл счет и сбил 2 самолета. Я был участником этого боя, когда С-75 «Двина» вел бой с палубной авиацией, действующей с авианосцев. Позиция находилась в районе Хайфона. Сюда мы приехали накануне группой: доктор майор Марков, специалист по связи старший лейтенант Валентин Алехин и я. С утра станция была настроена и исправна. Было много целей, но к дивизиону они не приближались.

Мы с несколькими товарищами отправились к месту расположения группы на обед. И в это время произошел пуск, причем первая ракета упала в 1,5 километрах от ПУ, не набрав высоты. Ракета подорвалась в населенном пункте, вызвав

пожар и панику среди местных жителей. Вторая ракета поразила 2 палубных штурмовика, которые рухнули в Тонкинском заливе.

Неудачный пуск расследовали прибывшие из Ханоя начальник штаба подполковник полка Мушенко и представитель особого отдела Чашин Гурий Александрович, с которыми мы с В. Алехиным вернулись в Ханой. Оказалось, что причиной аварийного старта стали не снятые перед пуском «маскировочные» ветви деревьев, которые застопорили рули ракеты. Сказался недостаточный опыт и волнение, вызванное боевым напряжением.

5 октября боевой счет продолжил 81-й дивизион и сбил 3 самолета. А вот 82-му не везло. Уже все вели боевой счет, а старому, «бакинскому», на технике которого обучались вьетнамцы, не удавалось пока сбить ни одного самолета, хотя к этому времени сменили уже несколько позиций. Командир дивизиона подполковник И.А. Лякишев нервничал и рвался в бой.

6 октября по его настоянию меня включили в состав группы 82-го ЗРДн, которая выехала на новую позицию по дороге № 1 (40 километров южнее Ханоя, район Фули).

9 октября была получена команда на свертывание и перемещение на новую позицию в провинции Хабак. Командир полка Н.В. Баженов гарантировал, что на этой позиции будет возможность ведения боя. Эту позицию практически со всех сторон окружали горы, но было узкое «горлышко», по которому с севера входили самолеты и далее направлялись по разным маршрутам.

И вот, наконец, 17 октября 2-й дивизион принял здесь первый бой, сбив 2 самолета, после чего подвергся ответному удару, жесткой бомбардировке. Я наблюдал этот бой с позиции 3-го дивизиона на расстоянии в 20 километров, куда я был срочно вызван 13 октября.

Итак, в результате первых боев, в период с 20 сентября 1965 года по 17 октября 1965 года, 238-м полком было сбито 10 самолетов. Это подняло боевой и моральный дух как у нас, советских военных специалистов, так и у вьетнамских товарищей, а также у местного населения. Наши подопечные поверили в нашу технику и в свои силы. Это прибавило всем энтузиазма.

Однако и американская авиация после первых потерь, пережив шок, стала менять тактику. Ее действия теперь стали более целенаправленными против позиций СНР (станций наведения ракет). В этом мне пришлось убедиться 31 октября на позиции 82-го дивизиона, куда я прибыл по вызову подполковника Лякишева. Оборудование позиции не было завершено, поэтому для ускорения было привлечено около 200 человек местного населения. Не успели развернуться, как над нами пролетел беспилотный самолет-разведчик. Было ясно, что нужно ждать налета.

Площадка, где располагалась СРЦ, находилась на удалении 300 метров от позиции СНР. Нас разделяло рисовое поле, заполненное водой. Поскольку расстояние между станциями оказалось несколько больше, чем позволяла длина кабелей, мы долго не могли подключиться к индикатору ВИКО (выносному индикатору наведения ракет) в кабине «У». Пришлось перемещать станцию и поднимать кабели над водой. Провозились мы с ними всю ночь. Когда входили в воду, светя себе электрическими фонарями, к ногам моментально присасывалось множество пиявок. Работали все дружно: вьетнамский расчет вместе с начальником станции Кием, а также мои операторы В. Марков и В. Лейченко. Закончили работу к 7 часам утра.

Успев позавтракать, мы были у индикаторов. И вот началось. В десятом часу на ИКО увидели около 40 одиночных и групповых целей, летящих с западного и юго-западного направления. На северо-востоке появились помехи, но нам удалось быстро «отстроиться». Видимость была отличной, цели приближались. Начался грохот стрельбы зенитной артиллерии. Совсем рядом с СРЦ была развернута батарея 57-мм ЗА и ЗПУ-4.

Прошли пуски двух ракет в юго-западном направлении, почти над СРЦ. Затем услышали грохот разрывов. На пульте загорелись сигнальные лампочки – повреждены кабели Вико, оборвалась и связь. По моей команде все вьетнамские операторы, а также Марков и Лейченко покинули станцию и спустились в укрытие. Когда прекратились разрывы бомб и возникла пауза в стрельбе ЗА, мы вышли из укрытия и стали наблюдать за тем, что творится вокруг нас.

Было безоблачное голубое небо. Ярко светило солнце. Над позицией СНР и вокруг нашей станции дымилось множество воронок от бомб и НУРСов (неуправляемых ракетных снарядов). В это время с аэродрома Кеп, расположенного от нашей позиции в 10 километрах, поднялись два МиГ-17. Как мы узнали позже, они получили команду на передислокацию в сторону Ханоя.

Через несколько минут с позиции 83-го дивизиона, прикрывающего аэродром Кеп с другой стороны, который также был подвергнут бомбардировке, стартовали две ракеты. Одной из ракет был сбит МиГ. Летчик катапультировался. В то время на этих самолетах не была установлена аппаратура опознавания «Я – свой».

Оценив обстановку, я пошел на командный пункт дивизиона. На позиции - воронки от бомб, множество осколков зенитных снарядов и НУРСов. Командир дивизиона подполковник И.А. Лякишев сидел у пульта, обхватив голову руками. Я доложил, что расчет СРЦ в порядке, станция исправна, лишь перебиты сигнальные кабели ВИКО и поврежден силовой кабель. Он только кивнул головой в ответ.

В результате налета было ранено несколько вьетнамских бойцов и наш солдат из стартового расчета - рядовой Шишмарев. Он был направлен в госпиталь, а затем отправлен в Союз. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Нам же пришлось срочно сворачивать технику, вечером мы выехали в центр, под Ханой, а дивизион был направлен на запасную позицию в район Бак-Нинь для ремонта и восстановления техники.

Это были первые впечатления, которые стали наиболее волнительными и яркими. После этого были напряженные трудовые будни: переезды с позиции на позицию, многочисленные бои и бомбежки.

В июне 1966 года 238-й полк был перемещен в южные районы ДРВ, провинцию Хатинь. Там мы вели боевую работу «из засад».

Командировка закончилась в октябре 1966 года. Возвращались мы на знакомом нам Ил-18, но уже в составе 13 человек. Остальные вернулись раньше.

Первую награду - медаль «За отвагу» мне вручили в январе 1966 года в посольстве в городе Ханой. Награды

советским военным специалистам вручила правительственная делегация во главе с секретарем ЦК КПСС А.Н. Шелепиным и Д.Ф. Устиновым.

Затем в апреле 1967 года в городе Новосибирске в штабе 14-й ОА ПВО мне был вручен орден Красного Знамени. Также был награжден вьетнамской медалью Дружбы и еще 17 различными медалями.

В мае 2009 года по приглашению правительства ДРВ делегация ветеранов войны посетила Вьетнам. Нас принимали Министр обороны и Главком ПВО ВВС, были устроены встречи с вьетнамскими ветеранами.

Вьетнамское посольство, в знак благодарности советским военным специалистам за оказанную помощь в войне, ежегодно 5 августа организует традиционные встречи с ветеранами войны.

Мои воспоминания основаны на записях из личного дневника, который я вел в течение всего периода пребывания в Демократической Республике Вьетнам с 3 сентября 1965 года по 10 октября 1966 года.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Шакирова Наиля Фависовна**, студентка 1-го курса факультета «Социальный инжиниринг» Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Быков Сергей Петрович

**Я надеялся,
что взорвется мина направленного действия
(продолжение, начало в 11-м томе)**

Я родился 24 декабря 1953 года в городе Армавире.

Мои родители по комсомольским путевкам были направлены поднимать Целину. Так я в 1955 году попал в Казахстан.

Когда я учился в начальной школе, однажды на школьный стадион приземлился маленький самолет – Ан-2. Летчики взяли меня полетать, ощущение полета было просто невероятным, небо казалось необыкновенным, земля сверху выглядела, как в сказке. И я просто «заболел» небом. И с тех пор я мечтал стать летчиком. К счастью, здоровье не подвело, знания тоже, и эта детская мечта сбылась. В 1974 году я окончил Саратовское военное авиационное училище.

Я попал служить в пограничную авиацию и был направлен в Читу, в авиационную эскадрилью. В основном, мы летали на охрану государственной границы, перевозили различные грузы, личный состав, больных, демобилизованных.

В 1980 году первый экипаж из читинской эскадрильи был командирован в Афганистан. Сначала в эскадрилье были просто робкие слухи о войне, но вернувшийся экипаж развеял все сомнения: там шла война настоящая, с боями и потерями. Я, как и многие летчики нашей войсковой части, написал

рапорт с просьбой отправить меня в Афганистан, выполнять интернациональный долг. Мы были молодыми, а молодость - это пора надежд, свершений и подвигов. Нам хотелось приносить реальную пользу Родине.

Мой рапорт был подписан. В то время мы не имели права говорить, что принимаем участие в Афганской войне. Собираясь в командировку, я сказал жене, что лечу на два месяца на юг. Она думала, что куда-то в район Сочи или в Гагры, и очень обрадовалась за меня. В чемодан положила светлые брюки, летние рубашки и даже галстук в горошек, думала, что после полетов мы будем с экипажем гулять по набережной.

Вместо Сочи мы прилетели в город Мары Туркменской ССР, получили вертолет, и 22 июня 1981 года, ровно через 40 лет после начала Великой Отечественной войны, состоялся мой первый боевой вылет, началась моя афганская война. В том же 1981 году меня перевели в Душанбинский авиационный полк.

Эти годы - 1981, 1982 и 1983 - были очень тяжелыми для нашей пограничной авиации. Во-первых, у нас не было опыта полетов в горных условиях, на таких высотах и при такой высокой температуре. Во-вторых, мы не только летали, мы воевали, стреляли, садились на труднодоступные площадки.

Со всего Советского Союза прибывало всё больше и больше экипажей. С каждым днем мы набирались опыта, становились как-то смелее, лучше ориентировались. Налет часов был огромный. Мы постоянно меняли аэродромы: Керки, Термез, Пяндж, Московский, Душанбе, Мары, Тахта-Базар, Хорог. Вспоминаются горы-пески, пески-горы... Изнуряющая жара и афганские мальчишки – бачата, выпрашивающие сгущенку.

10 июля 1982 года погиб наш первый экипаж. Командиром этого экипажа был мой товарищ – Владимир Самороков. Мы впервые вылетали на место гибели экипажа, собирали их в последний путь. Все, начиная от командира до последнего солдата, были потрясены случившимся. К сожалению, в годы войны мы потеряли много летчиков.

Воевать с каждым годом становилось все сложнее, у душманов появилось мощное оружие против авиации – ПЗРК. Наш вертолет также неоднократно возвращался с пробоинами.

В 1983 году наша разведгруппа попала в засаду. Несколько человек были убиты, остальные ранены, и не было никакой возможности их оттуда вытащить. Как только вертолеты заходили на посадку, чтобы подобрать людей, из пещеры выкатывался крупнокалиберный зенитный пулемёт ДШК и стрелял по бортам. Когда с вертолетов пытались его обстрелять, пулемет быстро закатывали обратно.

Тогда мы с майором Кашиным Александром, моим однокашником по летному училищу, начали работать парой. Я завис метрах в ста от этой пещеры и, как только там было замечено шевеление, стрелял туда залпом из четырёх ракет. А Кашин Александр в это время подбирал наших раненых и тела убитых ребят. Так нам удалось без потерь и повреждений выполнить это задание.

Однажды мы попали в засаду, душманы вели по нашему вертолету плотный огонь. У вертолета пробило створки, обшивку, почти перебило тягу, вышла из строя связь. Вдобавок пуля попала в ногу майору-разведчику, который сидел у меня в кабине. Он дёрнулся и облокотился на «шаг-газ», держится за ногу, а я не могу взлететь из-за проблем с управлением. Кое-как, с большим количеством пробоин, всё же дотянули до своего аэродрома, вызвали подмогу и всё зачистили.

В другой раз мы буквально напоролась на банду, которая уходила по горам. Их было человек тридцать. И завязался в ущелье бой. Я зашел на боевой разворот, а они встали группами, как в психической атаке, и начали вести заградительный огонь сразу из всех автоматов. Рядом с кабиной я увидел вспышку от выстрела из гранатомета, но я всё-таки успел выстрелить. Многих мы уничтожили, остальные рассыпались кто куда. Некоторые попрятались в овраге, и не было возможности их там достать.

Пока я разворачивался, по нам дали очередь прямо в двигатель, в редуктор. Пролился керосин, горячее масло. Но, главное, тяжелое ранение получил борттехник Александр Разин. Кровь просто хлестала по кабине. Я хотел посадить машину в кусты, а оттуда басмачи в разные стороны побежали, оказывается, они там прятались. Вертолет дымился, я применил ручное пожаротушение. А дальше мы летели так: на одном движке я летел метров 400-500, стукнувшись

колесами о ровное место, вертолет подпрыгивал, и мы пролетали еще немного, и таким образом пролетели еще 15 километров. По радиостанции нам кричали: «Серёга, горишь!» Но мы все-таки сели.

Александра Разина оперировали прямо в палатке. Там был передвижной госпиталь. К счастью, он остался жив.

Всего я участвовал более чем в пятидесяти крупных пограничных операциях. Совершил 3200 боевых вылетов.

Афганская война очень сплотила пограничную авиацию. Мы, получившие боевой опыт, похоронившие много боевых друзей, очень дорожим нашим «афганским» прошлым. Самые верные друзья – это афганцы.

Приятно видеть на груди друзей-летчиков высокие государственные награды.

Я награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, орденами «За личное мужество» и «За военные заслуги», орденом Мужества, орденом Александра Невского 2-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственной границы СССР» и многими другими.

После афганской войны мне еще не раз приходилось летать в горах, эвакуировать убитых и раненых, стрелять, но это было уже во время другой войны, в Таджикистане.

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Ковалева Екатерина Романовна

и

Данилова Элеонора Александровна,

*студентки 1-го курса факультета
экономики и менеджмента Московского
авиационного института*

Воронин Иван Васильевич

Мы прибыли в район озера Балатон

Я родился 4 апреля 1925 года в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области (Нижегородской области). В свидетельстве о рождении указана другая дата моего рождения – 5 апреля 1925 года.

17 февраля 1943 года был призван в Красную Армию. Сборный пункт находился в городе Пенза. Сначала приехал в училище, обучался на минометчика, в скором времени меня направили в запасный полк, а из запасного полка в воздушно-десантные войска. На момент начала военных действий был рядовым (командир роты - лейтенант Смирнов Сергей Гаврилович).

К боям упорно готовились. Совершали парашютные прыжки дневные и ночные, с оружием и без, с высот 600-700 метров, а перед боями с высоты 300 метров с ручным раскрытием. Пять раз я пересекал линию фронта и выполнял задания на территории врага.

Моя боевая деятельность началась со 2-го Украинского фронта в 1945 году. Нашу 9-ю гвардейскую армию направили в Венгрию, а потом и в Австрию.

Мы прибыли в район озера Балатон и готовились к наступлению, чтобы освободить город Секешфехервар. Это был первый населенный пункт, который мы освободили.

Разведвзвод в нашем полку быстро вышел из строя в боях, и наша 1-я рота автоматчиков стала выполнять все разведывательные задания. Ротой командовал лейтенант Смирнов Сергей Гаврилович.

Наш батальон из 350 человек попал в окружение. Командир полка приказал командиру роты послать разведчиков, чтобы найти пути выхода батальона из окружения с наименьшими потерями, уничтожить сборный пункт врага и обязательно привести языка - офицера-штабника, чтобы от него узнать, какие немецкие части расположены перед нашим полком и чем они вооружены.

В 1942 году я был принят во Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи. В армии меня назначили комсоргом роты. Я был боевым деревенским парнем, поэтому с солдатами быстро нашел общий язык, мне доверяли. Нашему командиру нужно было подобрать 15 человек для выполнения задания. Как комсорг я лучше знал людей, знал, кого на какие задания можно посылать, поэтому попросил приглашать меня к нему для обсуждения задачи.

Надо сказать, что к нашим предложениям командир всегда прислушивался.

Для выполнения первого задания солдаты предложили командиру роты переехать линию фронта на велосипедах.

Почему, спросите вы? В Австрии хорошие асфальтированные дороги, а немецкая сторона линии обороны проходила вдоль дороги, расположенной в горах: справа высота 800 метров, слева – 1200. Немцы сделали в горах гроты, в которых установили пулеметы. Ночью, когда было плохо видно, что происходит на дороге, они её периодически обстреливали. Это мы учитывали.

Командир роты согласился с нашим предложением. Старшина прошел по дворам местных жителей, и они дали ему 15 велосипедов. Когда мы ночью подъехали к линии фронта, командир роты сказал: «Всем надеть шинели, прижаться к левой стороне скалы. Правой полкой шинели накрыть велосипед, чтобы он не блестел, не вызывал подозрений у немцев».

Мы быстро проехали участок немецкой линии фронта, бесшумно проскочив мимо пулеметных точек, и оказались в

тылу врага. Мы оставили около забора какого-то австрийского домика все 15 велосипедов и двинулись в горы.

В скором времени командир полка по рации передал нашему командиру роты новое задание. Он взял восьмерых из пятнадцати с собой и ушел вместе с ними на выполнение задания. Нас осталось семеро во главе со старшим сержантом Мащенко. Нам было поставлено две задачи: уничтожить сборный пункт врага и взять языка.

Потом мы увидели немца вдаль, Мащенко говорит: «Надо его снять». Я не согласился с его решением: «Товарищ старший сержант, его убивать нельзя, ведь он идет на сборный пункт и приведет нас туда». Так и вышло.

Скрытно следуя за немцем, мы подошли к сборному пункту, который находился в ложбине у подножия горы. Ландшафт создал нам преимущество: они были как на ладони.

Затем наш командир принял хитрое решение: трое – на правый фланг, а четверо – Мащенко, Коля Перевалов, Саша Кобзев и я, Воронин, – остаются на месте. Командир сказал: «Мы откроем здесь огонь, а вы, как услышите, тоже стреляйте. Немцы подумают, что они в окружении».

Мы начали стрелять. У Мащенко заклинило патрон в патроннике, он не мог уже вести бой, но мог прикрыть нас, так как у него при себе были гранаты. Коля Перевалов получил сквозное ранение в грудь. Нужно были срочно оказать товарищу помощь. Саша Кобзев принялся его перевязывать, а я вел бой в одиночку. Немцы укрылись у подножия горы, поэтому автоматная очередь не поражала их. У меня было 6 гранат Ф-1 и две РГД. Бросил одну – не попал, вторую – снова мимо. Достал гранаты Ф-1 и бросил одну за другой, и все они попали в цель. Наступила полная тишина...

Затем мы спустились вниз, пришлось на время оставить Колю, и обнаружили 5 повозок вражеских боеприпасов, которые тут же взорвали. В кустах мы нашли прятавшегося немецкого офицера. Он был ранен в ногу. В руках у него был планшет, а в нем карта, на которой написаны все воинские части, которые должны были прибыть на сборный пункт. Нам повезло! Мы взяли языка.

Наших троих мы потом не нашли. Все обыскали – ни мертвых, ни раненых, ни живых...

Теперь мы должны были вернуться в батальон. Соорудили из палок и гимнастерки что-то вроде носилок, чтобы донести Колю и немца. К батальону шли перевалами. По нашему прибытию в батальон, командир батальона майор Давыдов по радиации доложил командиру полка: «Разведчики задачу выполнили: дорога определена, сборный пункт уничтожен, язык взят».

Командир полка полковник Гнатюк приказал доставить пленного в штаб полка. И мы доставили.

За эту операцию, во время которой была уничтожена большая группа немцев, каждого из нас наградили орденом Славы, который вручается только за личный подвиг. Орден был вручен по приказу по подразделению № 19/н от 04.05.1945.

Нам выдали новое задание: привести языка, желательно офицера. Мы уже имели некоторый опыт.

Перейдя линию фронта, наша группа решила перекусить. Сидим мы в кустах, едим консервы, как вдруг на дороге останавливается немецкая автомашина, в которой сидят два офицера, охранник и шофер.

Мы подползли к ним и из кустов выпрыгнули, используя элемент внезапности, и наставили на них автоматы! Немцы не успели даже оружие достать. Изъяли у них оружие, связали, кляпы во рты воткнули.

Как доставить захваченных немцев к нашим через линию фронта? У меня возникла идея, как заставить пленных переехать на немецкой машине через линию фронта. Мы легли на пол машины прямо под ноги немцев, вынули гранаты Ф-1, чтобы они видели! Немцы понимали, что все мы будем взорваны, если они выдадут нас.

Мы подъехали к немецкой стороне линии фронта. Нам нужно было проскочить, пока постовые не почувствовали неладное, поэтому за 100 метров до линии фронта я сказал немецкому шоферу: «Быстрее!» (по-немецки). Так мы справились с еще одной задачей.

Когда подъезжали к нашим, солдаты хотели открыть огонь, но тут мы услышали голос лейтенанта: «Не стреляйте». Вот так вместо одного пленного мы доставили четырех. За это я был награжден орденом Красной Звезды (приказ № 31/н от 25.05.1945).

Наверное, я один из немногих, кто не получил ни одного ранения. Две пробоины в шапке, три дырки от пуль в шинели и ботинок срезало...

Выполняя одно из заданий со старшим сержантом Колей Колесниковым, мы находились в лесу на линии фронта. Немцы вели огонь из миномётов.

Старшина Михайлов и писарь Васин принесли нам еду. Развернули плащ-накидку и только приступили к трапезе, как вдруг около нас разорвался снаряд. Нас оглушило. Я огляделся, осколок задел мой ботинок и срезал его, но не пролилось и кровинки. Колю тоже не задело. Вот такое везение бывало на войне. Я взял этот осколок и сказал Коле: «Это будет мой талисман, теперь меня не убьют».

По возвращении в роту пришел к командиру и говорю: «Меня нужно переобуть». Показываю ботинок и выкладываю осколок на стол. Командир берет его в руки, смотрит на него и говорит: «Ну, Воронин, везет же тебе».

У меня часто спрашивают, что самое страшное на фронте? Я отвечаю: «Ходить в атаку. Ведь противник в окопе уже прицелился, ты - открытая мишень для него!»

После войны я остался в Вооруженных Силах, дослужился до полковника, отдав армии тридцать один год. Сейчас являюсь заместителем председателя Нижегородского союза десантников России, председателем Совета десантников-фронтовиков Великой Отечественной войны.

Звание «Почетный гражданин города Нижнего Новгорода» присвоено решением городской Думы города Нижнего Новгорода от 27 мая 2015 года № 104.

Май 2016 года

Помощь в подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь

Бочкарева Наталья Александровна

и

Ведерникова Валерия Вячеславовна

студентки 1-го курса Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета

Гугнина Мария Афанасьевна

Дежурили по 2-3 суток, не выходя из отделения

Я родилась 22 февраля 1922 года. В 1939 году окончила школу. Поступила в фельдшерско-акушерскую школу.

Когда началась война, нас, студенток, распределили по близлежащим районам на работу, а меня оставили в Оренбурге, где я начала работать в родильном доме на улице 8 марта. Там я тогда проработала несколько месяцев.

Однажды, нас, девчонок послали на заготовку дров в Колтубановку: пилить лес и распиливать на двухметровые бревна, обрубить сучки. Обувь и одежда были летние. Это было в конце ноября - начале декабря: очень холодно. Нам давали немного картошки и хлеба 300 грамм. Но мне повезло - меня поставили готовить обед. Для того чтобы поехать домой, нам нужно было выполнить норму. И вот, решили, что я норму выполнила, приготовив еду, и мне сказали: «Поезжай домой». Я приехала домой радостная и пошла на свою работу.

В 1942 году окончила фельдшерско-акушерскую школу. В этот момент война была в самом разгаре. В городе Чкалове (Оренбурге) на улице Советской, где сейчас находится медицинская академия, находилось наше общежитие. Там я и жила.

В родильном доме я отработала полгода. Настал день, когда я пришла домой с ночного дежурства, а мне принесли повестку на фронт. На сборы дали 24 часа. На работе меня

рассчитали быстро. Пошла в военкомат - это был январь 1943 год. Была зачислена фельдшером в 132-ю стрелковую бригаду. С марта 1943 года по август 1945 года служила старшей медсестрой подвижного полевого госпиталя. За эти годы я очень много увидела людского горя.

Формировались госпитали в городе Оренбурге в районе, где сейчас находится сельскохозяйственный институт.

На станции Оренбург два дня наш поезд маневрировал. За это время ко мне приходили сестра, мама, приносили тушеную картошку со сливками в горшочке. На второй день нас погрузили в вагоны с нарами, двери задвинули, поехали.

Ехали до места назначения полтора месяца. По дороге очень боялись, что мы не доберемся, и разбомбит нас немец. Днем ехали, ночью стояли, из вагонов выходили, когда света не видно было, ближе к ночи. Но молодость есть молодость - песни пели, смеялись, настроение было боевое. Все верили в Победу. По дороге ели сухари. Также была своя полевая кухня, хоть воды немного грели.

В Валунках были сильные бои, летали немецкие самолеты, с которых сбрасывали бомбы. Мы очень боялись, но ничего - все остались целы и невредимы.

Наш госпиталь № 5247-5248 разместили в Харьковской области. Не один наш госпиталь, а много госпиталей было из города Оренбурга и каждый под своим номером.

В лучах милосердия

Первое место, где был развернут наш госпиталь, - станция Приколотное Харьковской области близ железной дороги, чтобы легче отправлять раненых в тыл.

Госпиталь разместили в бывшей конюшне. Мы вычистили навоз, стены побелили, из кирпичей сделали кровати. Соломой набивали матрасы, подушки. Ждали раненых. Ночью привезли их несколько машин, лежащих таскали на носилках. Накормили их, чаем напоили. Все раненые проходили санпропускник - там мыли и брили. Это отделение открыли на 300 человек. В госпитале была операционная, перевязочная, аптека, полевая кухня, хозяйственный двор. Работало много сестер, много санитарок.

Госпиталь был разделен на два отделения. В каждом отделении медицинская сестра выписывала медикаменты. Шприцы кипятили на примусах, а иногда на железных печках. Повара готовили хорошо.

Кормили раненых медицинские сестры и все успевали. Дежурили по 2-3 суток, не выходя из отделения. Спать приходилось на ходу, раненых было много. Каких только ужасов я ни насмотрелась... И пробитые головы, и оторванные конечности... Особенно тяжело было слышать хрипы умирающих: «Сестренка, помоги, пожалуйста!» Но мы держались и делали все, что было в наших силах.

Бывало, просили солдаты женам письма написать. И мы писали под их диктовку.

Потом нас повезли в Кировоград. В Кировограде тоже работали по этой схеме. Когда наши войска пошли в наступление, мы тоже двигались дальше.

Были в Молдавии, в Кишиневе, потом в Румынии. Там нам разворачивать госпиталь не пришлось, мы были там недели две в городе Констанца. Видели корабли на море, походили по городу, зашли в магазин и сфотографировались на память. Потом дали приказ переехать в Болгарию.

В Болгарии люди тоже были приветливые, угощали чаем с медом. Там мы были недолго. Много раненых поступало. Мы их кормили, мыли, переодевали. Много раненых умирало, так как раны были очень тяжелые. Пришел приказ эвакуировать больных в тыл, мы опять начали выбивать солому из матрасов, свертывать всю свою утварь.

Дальше нас отправили в Югославию, дороги здесь были очень пыльные, кругом горели села, вместо домов оставались только печки с трубой, скот и машины горели. Кругом лежали убитые люди. Ужасное это было зрелище.

Потом опять передислоцировались в Венгрию – в город Печ. Там опять развернули госпиталь. Это было в какой-то больнице (точного названия, к сожалению, не помню) - койки были в 2 этажа. Здесь мы приняли много раненых различной степени тяжести. Были очень тяжелые...

Мы не стреляли, не убивали, а помогали людям выздороветь, старались сделать так, чтоб человек вернулся в строй для защиты нашей Родины. Мы чувствовали, что до Победы оставалось немного.

В Венгрии был случай. В госпиталь пришел местный крестьянин. Жена у него рожала. Он не знал, что делать, куда бежать, к кому обратиться. Благо было затишье между боями, я и отпросилась на ночь, чтобы помочь им. Роды приняла благополучно, к утру на свет появился мальчик. Хозяин был очень рад и не знал, как отблагодарить меня - закрома-то пусты были. Насыпал мне в дорогу кулёк сушеной вишни.

Наконец, в 1945 году нам сообщили, что война закончилась. Германия капитулировала. Прибежал к нам местный житель и говорит: «Война закончилась». Я не поняла, о чем он говорит, и побежала в госпиталь. А там все обнимаются, целуются, у всех на глазах слезы.

Но не всем счастье было, много раненых умерло в день Победы, и это, конечно, было очень больно и тяжело.

Часть нашего госпиталя уехала в Австрию, оставили немного врачей и сестер, чтобы провести эвакуацию.

После войны нас сразу не отпустили домой. Только через 4 месяца стали отпускать домой. Когда нас отпускали, нам сделали подарки - сапоги на каблуках и перешитые шинели. Наградили медалями за боевые заслуги.

Я вернулась в свой город 1 сентября 1945 года. Приехала домой, у меня ничего не было - ни дома, ни денег, ничего. Спасибо сестре старшей, она встретила, у нее был крохотный домик. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Познакомилась с фронтовиком, в кино ходили, общались. Однажды, он пришел к нам и сделал мне предложение выйти за него замуж. Я согласилась, спросила: «Где же мы жить будем». А он мне говорит: «У моего брата фронтовика». Так и началась у меня семейная жизнь. Отработала в родильном отделении города Оренбурга 37 лет.

Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (6 апреля 1985 года).

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Муртазина Регина
Айратовна**, студентка 4-го курса
исторического факультета Оренбург-
ского государственного педагогического
университета*

**Жаров
Николай Александрович**

**Обучение частей и подразделений ЗРВ
армий Вьетнама и Танзании**

Я родился 12 января 1934 года в деревне Мерконици Мещовского района Калужской области в крестьянской семье.

В 1950 году окончил 7 классов Мошонской сельской школы.

С 1950 по 1952 год учился в ремесленном училище № 10 в городе Люберцы Московской области.

1 августа 1952 года получил аттестат за № 841 по профессии слесаря по ремонту промышленного оборудования с присвоением квалификации 5-го разряда.

В училище я учился вместе с будущим первым космонавтом Юрием Гагариным. С 1951 года он для меня стал примером во всех делах на всю жизнь.

С 1952 по 1954 год учился в школе рабочей молодёжи №3 города Харькова и в Харьковском индустриальном техникуме Министерства трудовых резервов СССР.

В 1954 году поступил в Артиллерийскую радиотехническую академию (АРТА) имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова в городе Харькове, которую окончил в 1959 году, получив специальность военного инженера по радиолокации. Мне было присвоено воинское звание инженер-лейтенанта.

С 1959 по 1977 год служил в 11-й отдельной Краснознамённой армии (11-я ОКА) ПВО Дальневосточного военного округа (ДВО):

- с 1959 по 1962 год заместителем командира радиотехнической батареи (РТБ), начальником 2-го отделения зенитно-ракетного дивизиона (ЗРДН) С-75,150 зенитно-ракетной бригады (ЗРБР) 23-го корпуса ПВО (противовоздушная оборона);

- с 1962 по 1964 год старшим помощником начальника боевой подготовки и боевого применения зенитно-ракетных войск (ЗРВ) 23-го корпуса ПВО;

- с 1964 по 1965 год командиром 2-го ЗРДн 749-го зенитно-ракетного полка (ЗРП) 23-го корпуса ПВО;

- с 1965 по 1966 год заместителем командира 749-го ЗРП по инженерно-ракетной службе (ИРС);

- с 1966 по 1969 год старшим инженером инженерно-ракетной службы, старшим инженером по ракете и КИПС службы ракетного вооружения начальника ЗРВ 23-го корпуса ПВО;

- с 1970 по 1971 год заместителем командира 150-й ЗРБР 23-го корпуса ПВО.

С 5 февраля 1969 года мы с начальником штаба 23-го корпуса ПВО полковником А.В. Волковым проверяли стартовые места для развёртывания четырёх ЗРК «Волхов» в районе города Дальнереченск (Иман) Приморского Края.

Утром 7 февраля 1969 года радист принял команду от оперативного дежурного КП корпуса: «Закончить работу в условном квадрате, и к 18.00 прибыть на КП корпуса».

В это время китайские войска совершили очередную провокацию в районе острова Даманский на реке Уссури. Части ЗРВ корпуса были переведены на сокращённый срок боевой готовности.

В 9.00 10 февраля 1969 года офицер отделения кадров майор Баклан позвонил в наш отдел и просил меня зайти к нему. Он мне сообщил, что в моё отсутствие обсуждалась кандидатура на должность «старшего специалиста по станциям наведения ракет (СНР) системы С-75» в страну с жарким и влажным климатом.

«В какую?» - спросил я. Он ответил: «Не знаю, возможно, тебе скажут на собеседовании, которое запланировано на завтра, 11 февраля, в 14.00».

Утром 11 февраля, уходя на службу, сказал жене, что пришла директива из Хабаровска о подборе специалистов по моей специальности в страну с жарким и влажным климатом, на год. Супруга догадалась, что я не всё ей сказал. Задержав меня, спросила: «Это добровольная командировка или нет?» Я ответил ей, что добровольная, если предлагают путёвку на отдых, а если выполнять правительственное задание, то обязательная.

25- 27 февраля прошёл медицинскую комиссию, собеседование с командованием корпуса, а 4 марта с командующим 11-й ОКА ПВО генерал-лейтенантом А.И. Колдуновым.

12 марта 1969 года поступила команда прибыть в Москву и быть готовым к убытию во Вьетнам. Простился с детьми и женой, успокоив их, что всё будет хорошо, уехал в аэропорт.

15 марта все специалисты группы прибыли в Главный штаб Войск ПВО страны. С нами провели соответствующие беседы, ознакомили с основными результатами боевых действий во Вьетнаме, зачитали некоторые приказы МО СССР и Командующего ПВО СССР, дали время на встречу с офицерами штаба по своим специальностям. Меня вызвали в отдел главного инженера по ракетному вооружению, довели до моего сведения основные задачи для специалистов группы ИРС:

- обучать и оказывать непосредственную помощь расчетам ЗРДн и ТДН (технический дивизион) ЗРВ ПВО ВНА.

- помогать созданию службы ракетного вооружения при штабе командующего ЗРВ ПВО ВНА;

- проводить теоретические и практические занятия с личным составом дивизионов, офицерами службы главного инженера ЗРВ, офицерами штаба полков и командующего ЗРВ ПВО ВНА;

- анализировать работу нашей техники в условиях тропического климата и выдавать рекомендации специалистам промышленности на проведение необходимых доработок;

- постоянно следить за выполнением требований инструкций и наставлений по настройке и эксплуатации боевой техники (ИЭ).

На второй день пребывания в Москве нас доставили на вещевой склад. Мы подобрали гражданскую одежду, сложили в чемоданы и поехали в аэропорт Шереметьево.

На самолете Ил-18 по маршруту Москва – Ташкент – Карачи – Калькутта – Ханой прибыли во Вьетнам.

В аэропорту Ханоя нас встретили работники Посольства СССР в ДРВ и офицеры оперативной группы старшего Группы советских военных специалистов (СВС) в ДРВ.

В Посольстве перед нами выступил посол СССР в ДРВ Щербаков Илья Сергеевич. Он ознакомил нас с политической обстановкой в ДРВ, особенностями ведения боевых действий на Севере и Юге страны и пожелал нам здоровья, успехов в выполнении задач. Затем перед нами выступил старший группы специалистов ЗРВ генерал-майор Стучилов Александр Иванович. Он обратил особое внимание на оказание помощи вьетнамским офицерам по сокращению норматива срока приведения ЗРК к боевой работе и смене боевых позиций, поскольку воздушная обстановка не позволяет проводить все работы на боевой технике в штатном режиме.

Автобусом нас доставили к месту службы - 20 километров юго-западнее города Ханоя. Разместили в «хижинах», сделанных из бамбука, крыши – пальмовые ветви. В хижине стояли деревянные кровати, укрытые марлевым пологом (защита от всех насекомых).

За питание платили 210 донгов (105 руб.), продукты в основном вьетнамские, но бывали случаи привоза наших и покупки их в магазине Посольства.

Условия проживания были очень тяжёлые. Через неделю практически у всех нас появились зуд, «потница». Лично я с «потницей» возвратился на Родину, которую излечил за два месяца. Высокая влажность, малярия, амёбная дизентерия, радикулит, энцефалитный клещ преследовали нас постоянно.

О бытовых неудобствах времени не было даже думать, так как необходимо было решать более сложные задачи.

28 марта 1969 года в нашу деревню приехал старший Группы СВС в ДРВ генерал-лейтенант Стольников Борис

Александрович со своим заместителем по политической работе полковником А.Т. Тромбачёвым.

Стольников Б.А. заслушал доклад, убывающего на Родину, старшего группы ИРС полковника Румянцева Николая Ивановича по итогам работы его группы за 1968 год, поблагодарил его за добросовестное выполнение интернационального долга, пожелал ему удачи на новой должности в Союзе и здоровья.

Затем своим приказом он назначил меня исполнять мою основную должность и одновременно выполнять обязанности старшего группы ИРС вместо полковника Н.И. Румянцева.

Стольников Б.А. попросил меня рассказать о прохождении службы в Советской Армии до моего прибытия в ДРВ. Услышав, что я был командиром ЗРК С-75 М «Волхов», задал мне несколько вопросов по защите СНР этого комплекса от шумовых, импульсных помех.

Второй вопрос звучал так: «Выполнял ли я боевые стрельбы по ракетным мишеням ЗРК системы С-25?» Я ответил, что выполнял в качестве «стреляющего» на Читинском полигоне в апреле 1965 года 2-го ЗРДн 749-го ЗРП. Результат стрельбы оценивался подрывом ракеты у мишени. Был подрыв двух ракет 20 ДП и была объявлена оценка за стрельбу - «отлично».

Поправив свои пышные усы, он сказал: «Нам повезло, что теперь можно более объективно определять причины преждевременного подрыва и не подрыва ракет у цели, при расследовании таких случаев».

Затем он поставил перед группой задачи:

- расследовать причины неудачных пусков ракет (падение, не подрыв боевых зарядов, большие ошибки наведения ракет (промахи));

- разработать и выдавать рекомендации для повышения боевых возможностей ЗРК С-75 при работе в условиях радиоэлектронной борьбы (РЭБ);

- улучшить методику стрельбы по самолётам, применяющим самонаводящиеся ракеты «Шрайк», и особенно по уничтожению «летающих крепостей» - самолётов В-52;

- взаимодействовать во всех делах со специалистами полковых групп, т.к. они точнее знают успехи и недостатки боевых стрельб по самолётам США своими полками;

- всегда представляться техническими дипломатами и помнить, что мы - специалисты Советской Армии.

Специалисты группы работали в тесном взаимодействии с офицерами главного инженера ЗРВ ПВО ВНА майором Зуком, офицерами штаба командующего ЗРВ ПВО ВНА – старшим полковником Фунг Тхэ Таем и старшими полковых групп СВС.

Мы пытались составлять совместные планы работы. Зачастую эти планы нарушали постоянные налёты авиации США непосредственно на боевые порядки ЗРП ПВО ВВС ВНА и вывод из строя боевой техники. Поэтому основным методом выполнения задач были выезды в дивизионы с целью проверки их боеготовности.

Причин проверки готовности ЗРДн проводить стрельбу по самолётам США было много. Проверки по плану штаба командующего ЗРВ ПВО ВНА проводились в полном объёме и заканчивались, как правило, проведением теоретических и практических занятий с боевыми расчётами ЗРДн и ТДН. Причин внеплановых выездов в ЗРДн было гораздо больше.

Так, в 1969 году упали 13 ракет, некоторые упали на жилые строения, были человеческие жертвы. 23 марта 1969 года 43 ЗРДн, 263 ЗРП ПВО ВНА (командир полка майор Та Лок) провёл стрельбу, но ракета упала, были человеческие жертвы.

Мне, через старшего переводчика нашей группы, передали приглашение расследовать это «ЧП». За нами пришла машина ГАЗ-69 с главным инженером майором Зуком и офицерами его службы, свободных мест оказалось два. Пришлось взять специалиста по ракете и КИПС майора И. Козариз.

Мы приехали в ЗРДн, но специалистов полковой группы в дивизионе не оказалось. Через КП ЗРП дали команду командиру радиотехнической батареи выяснить причину их неприбытия. Мы приступили к работе. КФС (контроль функционирования) СНР и СУС (система управления стартом) показали, что все системы боеготовы. Необходимо было проверить исправность ракет. Для этого попросили главного инженера дать команду в ТДН на приезд кабины КИПС непосредственно в дивизион. Лично я стал заниматься

опросом «стреляющего», офицера наведения, операторов «РС» (ручного сопровождения) и других участников и очевидцев боя.

Установил, что стрельба велась по самолёту-беспилотнику на высоте 400 метров над рисовым полем: дальность пуска 15 километров, курсовой параметр 7 километров, скорость цели 180 м/сек. Расчет кабины «У» принимал решения правильные. Осталось проверить ракету на КИПС, которая уже пришла в дивизион.

Итог расследования с применением аппаратуры КИПС: диаграмма направленности антенны РПК на малой высоте сильно «изрезана». Причина: вода объёмом 2 литра в антенном облучателе, которая образовалась в качестве конденсата из-за большой влажности воздуха. Для полного слива воды из облучателя необходимо было поднять антенну на угол около 5 градусов и просверлить изоляцию облучателя. После слива конденсата отверстие закрыли пробкой. По нашей инициативе слили воду также и с приёмопередающей антенны визирования цели кабины «ПА». Работа продолжалась 8 часов.

Провели разбор и сформулировали причину падения: «Срыв управления ракетой на малой высоте и над водной поверхностью из-за сильных искажений диаграммы направленности РПК по причине наличия воды в облучателе». Причины доведены до главного инженера ЗРК ПВО майора Зука и выданы рекомендации по их устранению: срочно проверить и слить воду со всех антенн «РПК» дивизионов, развёрнутых на боевых и запасных позициях.

Во всех дивизионах, где происходили срывы ракет с автоматического сопровождения в процессе наведения их на цель, были проверены антенные системы радиопередатчика ракет и визирования цели. Во всех 7 антеннах обнаружен конденсат воды до 5 литров. Решение: просверлить в нижней части антенны отверстие и спускать воду каждые 3 месяца. Эту рекомендацию внедрили и в СССР, специальной доработкой по кабине «ПА». Таким образом, неисправность антенных систем была устранена.

30 марта 1969 года другой беспилотник повторил полёт через зону поражения 43-го ЗРДн и был сбит одной ракетой. Об этом мы узнали от офицеров полковой группы СВС 263-го ЗРП, с которыми встретились в Посольстве.

По шести случаям падения на малых высотах были установлены грубые нарушения инструкций по эксплуатации (ИЭ) координатной системы «К», системы «РПК», кабины «ПА» (расстройство предварительных усилителей промежуточной частоты по ракетным каналам (ПУПЧ)) и другие. Два случая падения ракет произошли из-за неисправности блока ФР-15.

Неудачные пуски ракет

В 1968 году по отчётным данным было 15 неудачных пусков ракет. За 1969 год по нашим данным их было – 7.

5 апреля 1969 года нашу группу пригласили провести расследование неудачных пусков ракет 263-го ЗРП в 1968 году, 247-го ЗРП в 1969 году, 274-го ЗРП в 1968 году, 246-го ЗРП в 1969 году.

Это расследование было согласовано с оперативной группой при старшем Группы СВС, которая работала в Посольстве. Работа шла с перерывами по причине отсутствия вьетнамских специалистов штаба Командующего ЗРВ ПВО ВНА и службы вооружения главного инженера ЗРВ, стреляющих и офицеров наведения дивизионов, которые принимали участие в неудачных пусках ракет. Работу закончили 27 апреля.

Были выявлены основные ошибки в работе расчётов КП ЗРДн.

52% от всех неудачных пусков произошло из-за не соблюдения правил стрельбы и наставлений по боевой работе ЗРК (зенитно-ракетный комплекс) стреляющими (вторым расчётом ЗРДн), офицерами наведения ракет, операторами «РС» (ручного сопровождения цели) и другими.

К нарушениям относились ошибки: неверно назначался метод наведения ракет в сложных условиях воздушной обстановки, т.е. радиопротиводействия, завышение дальности пуска ракет, что давало возможность самолёту (цели) манёвром выйти из зоны поражения, неверный метод сопровождения цели операторами «РС».

Проводились пуски ракет, когда ЗРК по результатам проведенного КФС СНР в режиме «Толчок» показывал

большие промахи, т.е. ЗРДн был не боеготов и стрельбу вести нельзя! Однако её проводили.

Сочли «вредительством», когда все приёмники промежуточной частоты (УПЧ) по трём ракетным каналам в системе (К) были перестроены на частоту 44 МГц, вместо 22 МГц. Эти грубые ошибки в блоках К-56 приводили к срыву автосопровождения ракет и уход их на самоликвидацию.

Были большие ошибки наведения ракет при стрельбе в «оптическом» режиме определения координат цели по данным оптических приборов «ПО», установленных на кабине «ПА».

Настройка блоков питания систем в кабине «К», кабине «У» по приборам, которые не соответствовали инструкциям по их эксплуатации.

Работа АРУ (автоматическая регулировка усиления) ракетного сигнала в блоках К-56 по осциллографу НПО: как правило, параметры «быстрота роста» и «спада» АРУ были вне допуска.

Проведение занятий

Проведение теоретических занятий со всеми категориями командования, технического состава и рядового состава часто проводились совместно с практическими из-за сложившихся условий.

В ЗРДн занятия, как правило, начинались с объявления готовности № 1. Наши специалисты оценивали качество подготовки и практического выполнения функциональных обязанностей каждым номером, расчётом.

Методика проведения теоретических занятий отличалась от классической (классной, аудиторной). Каждый специалист выяснял уровень знаний по проводимой теме, уточнял желания слушателей и только после этого приступал к рассказу по схеме или по эскизу по теме.

Каждым специалистом группы было проведено 240 часов занятий.

Что касается проведения занятий с командирами ЗРДн, ТДН, батарей, стартовых взводов, с начальниками СРЦ (станция разведки и целеуказания), то для этой категории тематика согласовывалась со службой главного инженера и штабом Командующего ЗРВ ПВО ВНА. Всего с этой

категорией каждым специалистом было проведено 150-160 часов занятий.

Отмечу, что индивидуальные теоретические занятия по работе в ЗРДн, ТДН по другим вопросам проводились специалистом в свободное время.

Практические занятия, как правило, проводились в дни регламентных работ на технике (месячных, сезонных), во время проверки боеготовности СНР к боевой работе и устранении сложных неисправностей. Однако, по просьбе штаба ЗРВ ПВО ВНА, проводились показательные регламентные работы месячной периодичности с учётом влияния климата на состояние отдельных электрических элементов боевой техники. Такие занятия были проведены в десяти ЗДРн и в двух ТДН ЗРВ ПВО ВНА.

Проводились занятия на точность сопровождения цели операторами «РС», качественному проведению КФС СНР и стартового оборудования.

7 ноября 1969 года старший Группы СВС в ДРВ генерал-лейтенант Стольников Борис Александрович подводил итоги работы всех военных специалистов, работавших во Вьетнаме. Он отметил, что лучшей полковой группой является группа подполковника Конкина Виктора Константиновича. Лучшей группой ИРС, по мнению командования ЗРВ ПВО ВНА, является группа инженер-майора Жарова Николая Александровича. Затем наградил меня грамотой.

Посол СССР Щербаков Илья Сергеевич наградил меня Почётной грамотой «За личную примерность и выполнение интернационального долга по оказанию помощи ВНА». Эти грамоты сохранились.

Участие специалистов группы по доработкам СНР

Учились сами, а затем доводили до специалистов полковых групп и вьетнамских офицеров физический смысл доработок на системах СНР.

Основные доработки на технике в 1969-1970 годах.

- расширение границ зоны поражения по высотам от 200 метров до 25 километров;
- увеличение поглощения мощности передатчиков кабины «П» при работе их на «эквивалент антенны»;

- доработки в координатной системе кабины «К» в блоках К-72, К-56, К-71;
- уменьшение полос пропускания сигналов от цели в блоках кабины «У» с целью уменьшения влияния шумовых и прицельных помех.

Доработки СНР проводились в 236-м ЗРП на ЗРДн, которые были развернуты в провинциях: Хатинь, Куангбинь (4-я военная зона) в октябре и ноябре 1969 года.

В этот период летало много самолётов, беспилотных разведчиков типа 147j, BQM-34A, BQM-72 и другие, а самолёты F-105 бомбили переправы и дороги № 7, № 9 («тропа Хо Ши Мина»).

Доработки велись под руководством заместителя главного конструктора ЗРК С-75 Елисеева Анатолия Михайловича.

Безопасность обеспечивалась двумя ЗРДн, которые находились в «засаде». Поясню, как это выполнялось на практике.

16 ноября 1969 года в 17.30, после доработок, решили проверить передатчики кабины «ПА» по местным предметам («местникам»). Офицер наведения обнаружил самолёт и доложил по кабинам и на КП ЗРП. Поступила команда с КП: «ЗРП – подготовить данные для стрельбы, при входе цели в зону поражения – уничтожить».

Всё это нам передал переводчик, который находился (по ненадобности) в кабине «У» и всё слышал. Нам всем было непонятно, как уничтожить, когда на ПУ нет ракет? Ракеты находились на полуприцепах ПР-11А, которые стояли в других местах.

Старший группы доработчиков Александр сказал: «Выключить передатчики».

Все вышли из кабины «ПА» покурили и зашли в кабину «У», чтобы уточнить ситуацию. Офицер наведения начал рассказывать, что обнаружил постановщика помех на дальности 80 км на высоте 7 км. Затем ему поступила команда подготовить исходные данные для стрельбы по этому самолёту. Он передал их на КП полка.

В это время мы услышали гром от старта ракеты. Это стоящий в «засаде» дивизион по команде с КП полка провёл стрельбу по самолёту - беспилотному разведчику. Цель была уничтожена одной ракетой.

Уходя на ужин, Александр попросил меня подробнее узнать об этом пуске ракеты и утром сообщить ему.

17 ноября в 12.00 работы по доработке были закончены в дивизионе, который за ночь сменил огневую позицию. Этот момент тоже удивил Александра, мне пришлось ему всё рассказать об этом тактическом приёме выживания и спасения нашей техники в условиях войны в ДРВ.

Оказалось, что при выходе в эфир дивизиона в «засаде» на дальности 35 километров был обнаружен самолёт-беспилотник. Дивизиону поставили задачу: «Уничтожить цель». Пуск был успешный, цель уничтожена.

Аналогичные боевые стрельбы с уничтожением самолётов неоднократно повторялись в период нашей работы в 4-й зоне.

В 1966 году советская техника была полностью передана Вьетнамской народной армии. Но помощь, оказываемая советскими военными специалистами по обучению вьетнамских расчётов, продолжалась.

При каждом ЗРВ ПВО ВНА были созданы полковые группы СВС. При командующем ЗРВ ПВО ВНА – группа ИРС (инженерно-ракетная служба).

Капитальный и средний ремонт техники проводился на заводе А-31, который полностью передали ДРВ в конце 1969 года.

Начиная с конца 1966 года, помощь вьетнамскими воинам приходилось часто оказывать в период нанесения ударов авиацией США по позициям ЗРДн с применением радиоуправляемых ракет типа «Шрайк» и кассетных шариковых авиабомб.

Лично мне командиры дивизионов и «стреляющие» разрешили 13 раз присутствовать в кабине боевого управления «У». Я изучил работу номеров боевого расчёта КП ЗРДн - решения на пуск ракет во всех случаях принимались правильные. Цели, входящие в зоны поражения, были уничтожены, а значит, боевая подготовка оценивается оценкой «отлично».

В двух случаях цели входили как бы в зону поражения, но точная работа планшетиста огневого планшета и «стреляющего» помогла разгадать отвлекающий маневр самолётов, пускать ракеты не стали, ибо через минуту было

ясно – это отвлекающая группа из двух самолётов, пытавшаяся спровоцировать нас, она быстро ушла из зоны поражения.

Особенно хочется отметить работу четырёх офицеров наведения по знанию ими «местников» вокруг дислокации ЗРК. Они быстро обнаруживали малоразмерные цели-беспилотники, затрачивали мало времени на работу передатчиков на излучение, что очень затрудняло американцам пуск ракеты «Шрайк» на оптимальной для неё дальности. В результате при общем расходе 10 ракет было сбито 7 целей (пять истребителей, два самолёта-беспилотника).

В остальных из 13 случаев цели не входили в зоны поражения по времени, необходимого для полёта ракеты до точки встречи с самолётом, или запредельный параметр.

19 июня 1969 года главный инженер ЗРВ ПВО ВНА майор Зук пригласил всю группу проверить боевую готовность двух ЗРДн, развёрнутых в районе моста Хамжонг через реку Ма.

За группой в 5 человек в деревню на ГАЗ-69 приехал офицер службы главного инженера майора Зука. В 16.00 прибыли в первый дивизион, попили зелёного чая, перекусили и приступили к работе в дивизионе. Хотели объявить готовность № 1, но сопровождающий нас офицер попросил подождать приезда майора Зука. Мы согласились, прибыл майор Зук и сказал, что дивизион не боеготов и не желает вести боевые действия. После выяснения некоторых вопросов – объявили дивизиону готовность № 1.

Провели расширенный КФС СНР и СУС (система управления стартом) и установили один недостаток: малый и нестабильный «звон» мощности передатчиков кабины «ПА». Через 5 минут наш специалист по кабине «ПА» установил причину этого недостатка. Через 20 минут все кабины доложили о готовности к боевой стрельбе. Результат: дивизион признан боеготовым.

Сели в машину и поехали во второй ЗРДн. Переправились на пароме. Вдруг услышали «пуск» ракеты. Остановились и увидели полёт ракеты: управление нормальное, подрыв «БЧ».

Спросили у майора Зука, какой ЗРДн проводил стрельбу. Он ответил, что надо уточнить у зенитчиков, которые тоже вели стрельбу. Через 30 минут помощник Зука пришёл от

зенитчиков и сказал, что стрелял дивизион, в котором мы только что работали.

После нашего отъезда дивизион провел собрание и решил проверить наше решение о боеготовности дивизиона. Вышли в эфир и обнаружили самолёт - беспилотный разведчик на высоте 700 метров. Пуск произвели на дальности 13 километров. Цель уничтожена при расходе в одну ракету. Поисковая группа приступила к обнаружению места падения беспилотника, чтобы узнать его тип и номер.

Такие результаты работы наших специалистов повышали авторитет нашей помощи, подтверждали надёжность боевой техники в умелых руках. Этот сбитый самолёт можно зачислить на счет всей нашей группы, а не только дивизиона.

Проверили второй дивизион. Он оказался боеготовым двумя ракетными каналами. Специалист по кабине «К» Мамонтов Борис обнаружил неисправность в блоке К-74 и устранил её.

14 июля 1969 года поехали в Хайфонскую группировку, разбираться с неудачной стрельбой 66-го ЗРДн. Приехали. Я выслушал «стреляющего» и офицера наведения, посмотрел проводку курса самолётов на планшете и сделал вывод, что СНР не боеготова. Объявили дивизиону готовность №1.

Провели расширенный КФР СНР и СУС, осмотрели ракеты. Приступили к проверке основных параметров, определяющих боевую готовность ЗРК. Зайдя в кабину «ПА», я увидел на полу два прибора АВО-5. Я спросил у техника: «Почему два?» Он ответил: «Не знаю». Специалист по кабине «ПА» А. Петерс сказал мне, что надо проверить все напряжения, включая и настройку ламп «ЛБВ» (лампы бегущей волны – усилители).

Техник кабины «ПА» заметно волновался, смотря, как работает наш специалист, который выставил номинальными напряжения питания «ЛБВ» и приступил к настройке системы «БАПК», которая была настроена с грубой ошибкой. На системе РПК на двух фишках высокочастотных разъёмов нарушены контакты (было похоже на умышленный слом) и сильный подгар (искрение). В кабине «У» на всех шкафах операторов «РС» блоки питания были настроены с завышенными напряжениями на 10%.

После докладов о готовности кабин к проведению КФС СНР и СУС объявили готовность № 1. Результат: дивизион стал боеготов.

Через переводчика попросили организовать нам связь с майором Зуком, но его не оказалось на месте. Спросили, что ему передать? Мы сообщили, что 66-й ЗРДн был не боеготов, поэтому не сбил самолёт, по которому выпустил две ракеты.

20 июля 1969 года я был с докладом в штабе старшего Группы СВС Б.А. Стольников.

- Работали ли мы под Хайфоном? – он спросил меня.

- Работали, разрешите доложить результаты, - ответил я.

- Можно не докладывать. Молодцы! 19 июля дивизион вёл стрельбу с запасной позиции по двум штурмовикам, один из них был сбит и упал в море (рыбаки это подтвердили), расход - две ракеты.

- Товарищ генерал-лейтенант, у меня нет такой информации, - уточнил я.

На это он ответил, что он был в группе СВС при истребительном полку (МиГ-21), где старший группы ему доложил, что хотели дать команду дежурному истребителю идти на перехват, но командир авиаполка не принял решения, сославшись на то, что эти самолёты должны сбить ЗРВ ПВО.

Мы не вели число сбитых воздушных целей полками ЗРВ ПВО ВНА, этой задачи перед нами не ставили. Вели учет сбитых самолётов старшие полковых групп, которые обязаны были докладывать в штаб старшего Группы СВС в ДРВ, и такие доклады (результаты) остались в архивах боевых действий во Вьетнаме.

Вьетнамское командование делало всё, чтобы наши специалисты не подвергались риску для жизни в период массированных налётов авиации США на боевые порядки ЗРП ЗРВ ПВО ВНА.

Вьетнамцы многих наградили орденами «Боевой подвиг» 3-й степени и всех медалью «Дружбы», ценными подарками, сувенирами.

Задание партии и правительства СССР в ДРВ было успешно выполнено.

4 марта 1970 года в зале аэропорта Шереметьево меня встретила жена с моей сестрой Марией.

С 1971 по 1975 год я был командиром 1300-го ЗРП 23-го корпуса ПВО, с 1975 по 1977 год - начальником ЗРВ 8-го корпуса ПВО 11-й ОКА ПВО (город Комсомольск-на-Амуре).

С 4 ноября 1977 года по 18 февраля 1979 года я исполнял должность начальника цикла стартового оборудования ЗРК С-125М, а затем по 22 октября 1980 года был заместителем начальника военной кафедры, старшим преподавателем Ленинградского политехнического института имени М.И. Калинина.

11 февраля 1980 года меня вызвали в отдел кадров корпуса ПВО Ленинградской армии ПВО и предложили командировку в страну с жарким климатом. На какую должность и в какую страну, я внятного ответа от начальника отдела кадров полковника Бочкова не получил.

Скажу откровенно, у меня осталась боль от несправедливого назначения на должность преподавателя военной кафедры. Пришлось мне пояснить причину этой обиды на Военном совете, так как мне подписали входной пропуск и сказали, что ждите очередного вызова.

20 февраля 1980 года на Военном совете Ленинградской армии ПВО мне было предложено поехать в Танзанию на должность старшего группы военных специалистов ЗРВ по системе С-125М сроком на два года. Причем можно было ехать с женой и детьми до 5 лет.

Затем заместитель командира корпуса ПВО Ленинградской армии генерал-майор А.И.Самойлов изложил требования, которые специалисты должны выполнять во время своей заграничной командировки.

Что касается задач, которые необходимо выполнять, он подробно не разъяснил, сославшись на предстоящее собеседование в Москве. Медицинскую комиссию следовало проходить по месту жительства (службы) в течение одной недели.

Вызов для окончательной поездки в Москву пришел только 5 августа 1980 года. Собеседование проходило в 10-м Главном управлении Генерального штаба ВС СССР. Мне предложили должность старшего группы всех военных специалистов ЗРВ в составе двух ЗРП армии ПВО Танзании. В состав армии ПВО входили также авиационный

истребительный полк (МиГ-21), радиотехнический полк, рота радиосвязи, средства автотранспорта.

Начальники отделов 10-го Главного управления провели со всеми отбывающими в Объединенную Республику Танзания беседы, проинструктировали нас, что мы должны делать на месте новой службы и как себя вести. Нам пожелали успехов, но причину досрочного возвращения советских военных специалистов, сменщиками которых мы были, нам не сообщили. Не разъяснили мне, как старшему группы, главную цель обучения танзанийских офицеров, а это было очень важно знать. Надо было знать сроки нашей работы, уровень готовности танзанийских офицеров к эксплуатации и боевому применению нашей техники ПВО, поскольку многие наши специалисты, особенно из Московского округа ПВО, говорили, что Танзания требует проведения боевых стрельб на своей территории.

Вылет всех специалистов из Москвы задержали по причине завершения Олимпийских игр.

18 августа 1980 года все специалисты рейсовым гражданским самолетом вылетели в Объединенную Республику Танзания (ОРТ). Столица – город Дар-эс-Салам.

Из аэропорта Дар-эс-Салама нас автобусом привезли в посольство СССР в Объединенной Республике Танзания. Перед нами выступил посол Ю.А. Юкалов и старший группы советских военных специалистов генерал танковых войск Кива.

Конкретных задач по обучению танзанийских офицеров генералом Кивой поставлено не было. На второй день всех старших по родам войск пригласили в кабинет посла Ю.А. Юкалова.

Он коснулся причин досрочного разрыва контракта с предыдущей группой. Руководство Танзании просило провести боевые стрельбы на своей территории. Мнение же наших специалистов было противоположным: ЗРП выполнять самостоятельно боевые стрельбы не смогут. Об этом было доложено в Москву.

С моей стороны последовали вопросы: «Какова основная задача нашей обучающей работы? В какой срок мы должны её решить? И как подготовлены военнотруженики Танзании к боевой стрельбе?»

Дипломат Юкалов Ю.А. спросил: «Сколько времени вам надо для проверки качества подготовки к боевой стрельбе танзанийских военнослужащих?»

Я попросил срок до трех месяцев для проверки всех офицеров, сержантов и солдат стартовых и технических расчетов.

20 августа 1980 года в зале массовых мероприятий (клуб), который был построен в деревне, где разместились наша группа, мною были поставлены задачи каждому специалисту на разработку планов проверки танзанийских офицеров по своей специальности.

Общее руководство по составлению планов и перечня вопросов (программ) по специальностям станции наведения ракет возложил на главного инженера группы майора В.П. Омеляненко. Проверку всех командиров ЗРП, ЗРДн, ТДН, их заместителей и офицеров командных пунктов возложил на себя.

Были определены вопросы теоретической и практической проверки, определены сроки составления планов и их согласование с танзанийскими подразделениями до 31 августа 1980 года.

Все специалисты понимали свою ответственность, особенно после моего заключения: «Всех вас я буду проверять по своему плану в течение двух месяцев. Если кто окажется «случайным» специалистом, то мы с главным инженером еще раз проверим и примем решение оставить вас или отправить домой». Скажу, что таких оказалось двое, но главный инженер и специалист майор В. Романенко знали их системы, поэтому задачи были выполнены.

Было ограниченное количество переводчиков, пришлось сначала дополнительно использовать переводчиков из 2-го ЗРП (о. Занзибар) для проверки 1-го ЗРП. Затем наоборот.

Лично я приглашал родственника командира 1-го ЗРП подполковника Матаджа Д. по имени Агрей, который окончил Одесское артиллерийское училище. Очень много пришлось работать старшему капитану Замковому С.В. - переводчику английского языка, старшему лейтенанту Ковалеву С.А. (суахили). Остальным переводчикам приходилось потеть не от жары, а от переводов конспектов, планов и т.д. и т.п.

Командиры ЗРП, ЗРДн, ТДН и их заместители были удивлены, что я их буду проверять, так как до этого их четыре года не обучали вопросам боевого управления дивизионом, полком, всеми дивизионами с КП штаба ЗРВ ПВО ОРТ.

Командующий ЗРВ ПВО ОРТ бригадный генерал Мбома одобрил нашу проверку и помогал мне, когда были попытки некоторых офицеров уклониться от опросов.

Всем было объявлено, что работать будем по 6 часов ежедневно, выходной – воскресенье. Метод работы с дивизионами – «челночный», с частотой - один дивизион в неделю. Присутствие личного состава – 100%. Все офицеры знали, что пока они не освоят наши требования по эксплуатации и боевому применению нашей техники с учетом опыта войны во Вьетнаме, они не будут допущены к самостоятельной стрельбе.

Мы терпеливо разъясняли танзанийским военным, что нам необходимо проверить их подготовку, а если она не отвечает требованиям наших инструкций по эксплуатации и наставлений по боевой работе всех КП, то мы определим общий срок обучения, составим новые индивидуальные планы подготовки каждого командира, техника расчета, оператора. Мы убеждали их, что есть все условия для успешного освоения советской техники, просили брать пример с Вьетнама, когда они узнали, что мне пришлось там участвовать в боевых действиях.

Работа шла успешно, особенно с прибытием нового старшего группы советских военных специалистов в ОРТ генерала танковых войск С.П. Мороза

Результаты готовности частей ЗРВ ПВО ОРТ

Потребовалось 2,5 месяца для проверки 1-го ЗРП и полмесяца для проверки 2-го ЗРП (о. Занзибар). Общие выводы были таковыми:

- командный состав ЗРП, ЗРДн, ТДН, КП полков не готов самостоятельно выполнять боевые стрельбы;
- только 45% офицеров-техников станций наведения ракет подготовлены удовлетворительно;
- боевая работа КП ЗРП, ЗРДн не проводилась (КП 1-го ЗРП строился). Система «Аккорд» не использовалась для

подготовки боевых расчетов (офицеров неведения, операторов ручного сопровождения);

- условия эксплуатации измерительных приборов не отвечали требованиям по многим направлениям;
- расчеты ПЗРК «Стрела-2» не имели опыта боевой стрельбы, условия хранения этих ракет нарушались;
- лучше дела обстояли в ТДН ЗРП;
- требуется срок обучения продлить до двух лет.

23 ноября 1980 года выводы были доложены старшему группы советских военных специалистов в Танзании генералу танковых войск С.П. Морозу. Он сказал: «Молодцы, выполняйте!»

24 ноября 1980 года выводы по подготовке и сроку обучения были доложены командующему ПВО ОРТ бригадному генералу Мбома.

25 ноября 1980 года все советские военные специалисты приступили к проведению теоретических и практических занятий по индивидуальным программам с каждым командиром, техником. На практике это означало ежедневные краткие планерки, подведение итогов занятий, их анализ, корректировки планов и т.д. Методика обучения танзанийских военных существенно отличалась и от вьетнамской и от классической советской (аудиторной). Обучение частей и подразделений ЗРВ армии Танзании продолжалось с 25 ноября 1980 года по 30 сентября 1982 года.

В результате учебы расчеты всех КП ЗРП, ЗРДн, ТДН, СРЦ были подготовлены с оценкой «удовлетворительно». Рекомендована методика несения боевого дежурства. Командиры первого и второго ЗРП были подготовлены с оценкой «хорошо».

Общая подготовка всех офицеров станций наведения ракет по регламентным работам (специальная подготовка) была оценена в 3,47 балла, техническая подготовка - 3,9 балла, подготовка стартовых расчетов – 3,4 балла. Офицеры наведения и операторы ручного сопровождения за боевую работу от кабины «Аккорд» были оценены в 3,8 балла. Технические дивизионы двух полков получили общую оценку готовности в 3,9 балла. Степень подготовки расчетов станций разведки и целеуказания «Унжа» - 3 балла.

Техническая подготовка операторов ПЗРК «Стрела-2» - 3,3 балла, операторов связи – 3,5 баллов.

Были проведены тренировки с КП ЗРП по уничтожению парашютных мишеней и разработана методика проведения боевой стрельбы по мишеням этого типа. Были заказаны 10 таких мишеней, которые пока находились на базе авиаполка, и определены два места для ведения боевых стрельб.

Согласовали маршруты движения техники ЗРДн на полигоны своим ходом и железнодорожным транспортом. Полигоны выбирали: Н.А. Жаров, Г.А. Поверенный (специалист по КП ПВО ОРТ), командир первого ЗРП Матаджа, переводчик С.В. Замковой.

Эти результаты готовности частей ЗРВ к проведению боевых стрельб были письменно доложены послу СССР в Танзании Ю.А. Юкалову, старшему группы советских военных специалистов генералу С.П. Морозу и Правительству ОРТ.

В Москве сомневались в том, что боевые стрельбы при отсутствии штатных полигонов можно проводить. С этой целью в конце июля 1982 года в Танзанию прилетела группа офицеров 10-го Главного управления Генерального штаба ВС СССР во главе с генерал-лейтенантом Ашурковым. Был показан 1-й ЗРДн столичного полка в присутствии офицеров штаба этого полка и КП ПВО ОРТ.

Была объявлена готовность № 1 и дан сигнал сирены. Стартовые расчеты заняли свои места у пусковых установок, сняли маскировку и т.д. Члены комиссии не заходили в кабину боевого управления.

Генерал Ашурков мне задал вопрос: «Где брать технику для стрельбы на полигоне, где мишени, имеется ли администрация на полигоне?» Я ответил, что техника находится на стартовых позициях ЗРДн, мишени имеются, авиация готова их доставить и сбросить в нужном месте, безопасность стрельб обеспечивает танзанийская сторона.

Группа советских военных специалистов подготовила 2-й ЗРП в составе шести ЗРДн к проведению боевых стрельб и несению ими боевого дежурства по защите воздушного пространства страны.

В декабре 1982 года Правительство Танзании выделило денежные средства на проведение всех мероприятий для боевых стрельб.

В результате стрельб все мишени были уничтожены первой ракетой, а вторую не пускали. При этом каждый ЗРДн стрелял своими ракетами, используя свою технику. Все шесть ЗРДн сбили мишени. Один ЗРДн в режиме ТВК (оптика, телевизионная камера).

Миролюбивая страна Танзания показала всему африканскому континенту, что её армия способна отстоять национальный суверенитет. Это было политическим событием значительного масштаба, в котором была и часть нашего труда – труда советских военных специалистов.

Остается только сожалеть, что трудности и удаchi работы советских военных специалистов за рубежом в достаточной степени не освещались в военной прессе и были слабо известны специалистам, направляемым оказывать помощь армиям миролюбивых стран.

Все советские военные специалисты прибыли в Танзанию со своими женами, а пятеро – с детьми. Так как вопросы питания семей не были оговорены в контрактах, оно организовывалось ими самостоятельно. Ресторанов или столовых в деревне, где нас разместили, не было. Все заботы по организации быта советских военных специалистов легли на плечи их жен.

Следует отметить отличные условия для проживания советских военных специалистов, которые смогла создать принимающая сторона. Каждой семье был выделен отдельный трехкомнатный дом со всеми удобствами, бытовой техникой, постельными принадлежностями, кондиционером, хозяйственным инвентарем и инструментом. Деревня была построена в живописном месте – на полуострове Мсасани, который выступает в Индийский океан. Охрану деревни несли военнослужащие 1-го ЗРП.

В двух километрах от деревни был чистый, удобный дикий пляж, куда по выходным семьями мы ходили купаться.

Медицинское обслуживание советских офицеров и членов их семей оказывалось врачом посольства СССР, а также советскими медиками, работавшими в Центральном госпитале танзанийской столицы.

В центре деревни, где мы разместились, находился развлекательный летний центр (клуб) с большим экраном для просмотра кинофильмов.

Для регулярной доставки продуктов питания и проведения коллективных праздничных мероприятий из жен советских военных специалистов был создан женский совет. До сентября 1981 года его возглавляла моя жена – Жарова Римма Алексеевна.

Несмотря на хорошие культурно-бытовые условия, все мы переболели тропической малярией. У моей супруги эта болезнь протекала тяжело, поэтому пришлось отправить ее на лечение сначала в Москву, а потом в Ленинград.

В распоряжение женсовета раз в неделю предоставлялся большой автобус, на котором женщины ездили за продуктами и другими необходимыми товарами в столицу.

Женсовет не только налаживал быт и создавал уют в домах своих семей, но и оказывал большую помощь советскому посольству в праздновании государственных праздников и организации официальных приемов в здании посольства. Жены офицеров вели просветительскую работу, распространяли среди местного населения литературу, организовали всевозможные кружки по вышивке, вязанию, плетению и т.д.

В нашей деревне быстро стало традицией проведение субботников по поддержанию порядка и благоустройству территории. В них принимали участие даже наши танзанийские коллеги. Так, однажды в таком субботнике принимал участие командир 1-го ЗРП подполковник Матаджи, помогавший высаживать розы у нашего временного жилища, которому идея такого мероприятия очень нравилась.

Многие танзанийцы хорошо относились к СССР. У каждого нашего специалиста были среди них друзья, многие дружили семьями, приглашали танзанийцев в наш клуб смотреть советские кинофильмы, особенно: «Москва слезам не верит», «Пираты XX века» и другие.

За время работы в Танзании в круг моих знакомых вошли представители командования ЗРВ ОТР, главный инженер Чёхан (по национальности индус), который руководил строительными работами в полках (строительством КП, сооружений, укрытий для техники, хранения ракет,

запасных частей и другого вооружения в первом ЗРП). Иногда в воскресенье мы вместе ездили на платный городской пляж, где отдыхали иностранные туристы и работники нашего посольства. Там я познакомился со многими работниками нашего посольства, которые очень помогли мне, посодействовав поставке мишеней для зенитно-ракетной стрельбы, так как по линии Главнокомандующего ПВО страны запросы не решались.

Очень тепло прощались со мной при моем отъезде по окончании командировки. Провожали меня и старшего переводчика С.В. Замкового все командиры (полков, дивизионов, некоторые офицеры наведения, третий секретарь, консул посольства). Мне и Замковому были вручены сувениры, подарки из чёрного, красного дерева.

В Москве, в 10-м Главном управлении Генерального штаба, нам возвратили все документы, командировочные предписания к месту службы, предоставили отпуск и рекомендовали составить краткий отчет о результатах работы группы.

27 декабря 1981 года вышел закрытый Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении меня орденом «Красной Звезды» за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи.

С 30 августа 1983 года я продолжил службу в должности начальника специальной службы штаба управления противовоздушной обороной ЛенВО.

29 мая 1985 года в звании полковника уволен в запас приказом МО СССР по возрасту с правом ношения военной формы одежды.

Награжден двумя орденами Красной звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, вьетнамским орденом «Боевой подвиг» 3-й степени, вьетнамской медалью «Дружбы», монгольской медалью «Боевое Содружество», 15-ю медалями СССР и 5-ю памятными знаками общественных организаций Российской Федерации.

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Дедиу Евгений Игоревич**, аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского*

Зверьков Анатолий Михайлович

Война в Египте: 1969-1970 годы

Я родился 18 сентября 1936 года в городе Подольске Московской области.

С 1951 по 1954 год учился в ремесленном училище № 12 города Подольска.

В 1954 году женился, окончил 10-й класс вечерней школы рабочей молодёжи. Далее поступил во Всесоюзный политехнический институт, который окончил в 1966 году, получив квалификацию «инженер-электромеханик».

С 1954 по 1962 год работал сначала слесарем-сборщиком точных приборов, затем бригадиром на Подольском электромеханическом заводе (ПЭМЗ). В 1962 году стал инженером особого конструкторского бюро (ОКБ).

В 1968 году я успешно окончил Университет марксизма-ленинизма. В 1968-1969 годах сдал кандидатский минимум по философии и немецкому языку,

Осенью 1969 года меня вызвали в отдел кадров завода ПЭМЗ. Начальник отдела кадров В.А. Качурин предложил очередную срочную заграничную командировку в Объединенную Арабскую Республику (ОАР, Египет). До этого меня направляли в ряд соцстран на ремонт и наладку электрических следящих приводов, установленных на ракетных и торпедных катерах.

В то время я работал старшим инженером отдела 15-го особого конструкторского бюро. Наш отдел занимался

силовыми электрическими следящими приводами для многих пусковых установок и радиолокационных станций зенитных ракетных комплексов (ЗРК), например, пусковых установок, входящих в ряд модификаций 75-х комплексов («Десна», «Волхов», «Двина»). Электроприводы предназначены для РСНА-75М радиолокационной станции наведения ЗРК СА-75М «Двина», СНР-125 ЗРК С-125 «Нева», С-200 «Ангара», 2П25 самоходной ракетной установки «Куб».

Ближневосточное арабо-израильское противоборство - один из самых старых конфликтов и в настоящее время.

Возник конфликт после Второй мировой войны в 1947 году, когда Организация Объединённых Наций приняла решение о территориальном разделе территории Палестины на арабское (палестинское) государство и еврейское. Причём большая часть территории отдавалось израильскому государству. К тому времени на территории Палестины проживало 725 тысяч арабов и 10 тысяч евреев. Иерусалим, главный город Палестины, был центром трёх религий (христианской, мусульманской и иудейской). Он должен был стать интернациональным.

Но ни арабы, ни израильтяне не были удовлетворены таким решением ООН. Руководство Израиля вело кампанию при поддержке США за создание «Великого Израиля». Израильское государство для США являлось главной опорной точкой на Ближнем Востоке.

Арабам пришлось искать себе других союзников. Они обратили свой взор к мощной тогда мировой державе – Советскому Союзу.

Президент ОАР Г.А. Насер обратился к советскому руководству за помощью в восстановлении вооружённых сил Египта. Необходимо было заново построить все виды вооружённых сил, на современном уровне научить владеть новейшим вооружением, от автомата Калашникова до зенитно-ракетных комплексов, самолётов МИГ- 21, подводных лодок новых типов. Военных офицеров обучали как в Советском Союзе, так и на месте, в войсках Египта, наши советские военные советники.

К зиме 1969 года правительство Египта почувствовало, что их новые вооружённые силы готовы противостоять Израилю. И зимой 1969 года Египет, с обстрела израильских

позиций на Синае, начал так называемую «войну на истощение». В ответ израильская авиация начала вести ракетно-бомбовые удары без разбора по объектам египетских вооруженных сил, городам, заводам, жилым домам, школам и больницам. Выводились из строя зенитно-ракетные комплексы СА-75. Египетское небо было плохо защищено от вражеской авиации.

Президент Г.А. Насер срочно выехал в Москву для переговоров с руководителями нашей страны. Необходима была не только дополнительная поставка военной техники, но и помощь военных и гражданских специалистов для осуществления ремонта, по доработке для использования зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) СА-75М.

Была разработана операция «Кавказ», в соответствии с которой на помощь вооружённым силам Египта направлялся в ОАР ограниченный контингент разных родов войск Советского Союза.

Оформление моей командировки прошло довольно быстро. Прошел инструктаж в партийных комитетах и секретных отделах завода, города, ЦК КПСС, ГИУ ГКЭС, а также медкомиссию, сделал прививку. В отделе сдал экзамены по ремонту и наладке электрических силовых следящих приводов пусковой установки и радиолокационной станции наведения РСНА-75М «Двина».

Целью командировки было не только обследование, ремонт и наладка, но и доработка всех арабских комплексов «Двина».

В полночь 20 декабря 1969 года самолетом Ил-18 мы вылетели из Москвы. Подлетая к Каиру, увидели через иллюминатор поразившую нас картину: на фоне кромешной египетской ночи внизу показался огромный город. Его улицы, залитые огнями, словно светящиеся артерии разрезали Каир на ряд частей. Через 5 часов 15 минут благополучно приземлились. Аэровокзал был ярко освещен.

Быстро прошли таможенную и паспортный контроль, вышли на освещенную улицу к автобусам. Было 7 часов утра по местному времени, еще не рассвело, но около вокзала уже бойко торговали разным товаром. Температура на улице - плюс 15 градусов. Разница во времени с Москвой - 1 час.

Тишина и размеренная жизнь в Каире ставили под сомнение какие-либо военные действия в Египте. Какая война! Какой фронт! Но недалеко от Каира, всего в 60-70 километрах, на Суэцком канале все же шла война. Каир был самым настоящим прифронтовым городом.

От нашего завода были двое: я и Сергей Зольников. Зольников был высококлассным специалистом, наладчиком по всем системам радиолокационной станции наведения, рабочим из цеха, где собирались станции, имел большой опыт их сборки, ремонта, наладки и эксплуатации не только в цеховых условиях, он уже работал и в других «горячих» точках за рубежом.

С нами прилетело много специалистов по разным системам комплекса СА-75М «Двина» из разных городов СССР: Подольска, Москвы, Загорска, Горького, Саратова, Ленинграда, Свердловска, Долгопрудного, Днепропетровска и других.

Была организована большая группа специалистов под руководством Ивана Петровича Шавкуна.

Нас поселили в старой гостинице «Виктория». Обычно здесь размещали вновь прибывающих русских специалистов как гражданских, так и военных. У всех двухместные номера. Мне с Сергеем Зольниковым дали большой просторный номер на третьем этаже. Окно выходило на улицу прямо напротив одного из мощных динамиков мечети. Каждое утро в 5 часов, днем и вечером (5 раз в день) из этих динамиков раздавался громкий протяжный голос муэдзина, призывающий правоверных к молитве. Динамик звучал так громко, что мы просыпались и уже никак не могли уснуть. Эти призывы раздавались со всех минаретов города. В каждом квартале города была своя мечеть с радиофицированной проповедью муэдзина. Строительство каждого нового квартала начиналось с мечети.

Наша гостиница находилась почти в центре города, недалеко от железнодорожного вокзала Каира, большой статуи Рамсеса II и главной улицы города «26 июля». Улица была так названа в честь дня революции, когда в 1952 году был свергнут последний король Египта Фарук. Первым президентом провозглашенной Республики Египет стал полковник Гамаль Абдель Насер.

Первые несколько дней пребывания в Египте были свободными. Шло оформление паспортов и пропусков на завод. Всем нам выдали военную арабскую форму, такую же, как и у всего нашего военного персонала от солдата до генерала и адмирала, которая была без всяких знаков различия. Отличалась она лишь качеством материала и пошива. Я получил форму слишком большого размера и плохого качества. После первых дней носки она стала расплываться по всем швам. Пришлось заново все перешивать.

Все основные работы должны были производиться на одном из больших заводов. После оформления документов мы приступили к работе. Перед нами были поставлены задачи и жесткие сроки их выполнения. Шла арабо-израильская война.

Работы было много, загруженность нарастала, но отдыхать тоже удавалось. Перед Новым годом с нашего завода прислали новых специалистов - Володю Филиппова и Сергея Дмитриева. У них был также большой опыт работы за рубежом в «горячих» точках. Близился Новый, 1970 год. Впервые этот праздник должен был пройти далеко от дома, без жены и детей.

Новый год встречали небольшим коллективом в той же гостинице «Виктория». Тогда многие специалисты еще не приехали. С нашего завода были Сергей Зольников, Сергей Дмитриев, Володя Филиппов, а также несколько ребят из других организаций, с которыми мои коллеги работали еще во Вьетнаме. Для многих из нас здесь все было необычно, интересно и многое неизвестно: что предстоит нам делать, где и как трудиться. Каир в ту Новогоднюю ночь жил мирной жизнью, казалось, будто не было войны.

В январе мой напарник Сергей Зольников простудился и его положили на месяц в госпиталь. Мне пришлось одному ездить на завод. В конце января из Союза с завода прибыла большая группа специалистов разного профиля. Это были наладчики, механики, слесари, монтажники. Нас стало 12 человек: я - старший инженер ОКБ и одиннадцать высококлассных рабочих из цеха, где происходила сборка и наладка радиолокационных станций РСНА-75. Прилетели Костя Визгин, Володя Истомина, Миша Драндин, Миша Поляков, Василий Медведев, Николай Шаталов, Володя

Бочаров и Виктор Пантелеев. Были организованы три бригады, которые возглавили Колосов, Тупольцев и Бабкин.

В декабре и январе налетов на огневые позиции ЗРК было еще немного. Израильцы обходили зоны ПВО. Вначале в Каире не особенно чувствовалась, что где-то шла война. В городе кое-где у важных объектов были валы ограждений из мешков с песком и вооруженная военная охрана. Вооруженные полицейские охраняли гостиницы в разных частях города, где проживали русские. А в Каире шла мирная, суетливая жизнь. Работали заводы, фабрики, музеи, транспорт, бесчисленные магазины, лавки, рынки. Кругом шла бойкая торговля. Продолжались занятия в школах, колледжах и университетах.

Со временем интенсивность налетов стала нарастать. Израильские самолеты «Скайхоки», «Миражи» и «Фантомы» начали бомбить и уничтожать военную силу и технику, ЗРК и гражданские объекты в глубине страны. Война все ближе подходила к окрестностям Каира. Были нанесены удары по Хелуанскому металлургическому комбинату, по школе в поселке Бах-эль-Бахр, где погибли десятки школьников.

Обстоятельства вынуждали как можно скорее выполнить ремонт, доработку техники и передать её на боевое дежурство.

На завод периодически доставлялись зенитно-ракетные комплексы СА-75М «Двина», снимаемые с боевого дежурства, имеющие ряд неисправностей, практически «слепые». Необходимо было провести контроль функционирования, диагностику и дефектацию всех узлов, приборов и агрегатов, выявить неисправности в системах, провести текущий или капитальный ремонт.

Практически почти все комплексы требовали капитального ремонта. Кабины расстыковывались. Проводился ремонт и испытание всех кабельных связей между кабинами. Многие узлы, блоки и агрегаты радиолокационной станции наведения РСНА-75М подвергались полной разборке, ремонту и сборке. Разбирался волноводный тракт, подвижные узлы волновода, поворотные и вращающиеся сочленения, быстродействующие переключатели мощности, магнетронные генераторы, облучатели. Ремонтировались или заменялись токосъемники, аппаратура управления и диагностики,

электропровода вращения кабины, ограничители углов, силовые электродвигатели и электромашинные усилители. Шла продувка и промывка спиртом волноводных узлов, магнетронного генератора, коллекторов электромашин, тахогенераторов, сельсинов и т.д.

После этого шла сборка, испытания, наладка и настройка аппаратуры на соответствие параметрам, заданным по техническим условиям. Далее требовалось провести доработку антенного поста. Это являлось одной из главных задач.

На станцию ПА-15 необходимо было установить новый блок (кабину) ручного управления и слежения пусковыми установками за целью с помощью оптической системы визуального наблюдения. Она должна была обеспечивать отслеживание цели двумя операторами (по углу и азимуту) при выключенном радиолокационном блоке. Работа производилась как в цехе завода, так и с выездом на полигон в пустыню. Там проводилась юстировка по согласованию работы ручного управления с антенным постом кабины ПА-15, следящими системами пусковых установок и центральной кабиной управления пуском (кабина А).

Работа по юстировке проходила в полевых условиях при воздействии прямого сильного СВЧ-излучения в течение нескольких минут. Это негативно сказывалось на здоровье и самочувствии людей.

Выходила из строя техника не только из-за налетов израильской авиации. Эксплуатация техники проходила в условиях, когда температура в кабинах порой доходила до 80 и выше градусов, что приводило к перегреву аппаратуры и агрегатов. Песок и мельчайшая песчаная пыль, возникающая при хамсине и периодической передислокации комплексов по пустыне, забивали аппаратуру, волноводные тракты. Быстро изнашивались щетки и коллекторы электрических машин.

Описать все неисправности и отказы систем просто невозможно, их было слишком много. Надо отметить, что и эксплуатация техники арабским персоналом оставляла желать лучшего, но в руках наших русских специалистов техника всегда была работоспособна и безотказна. Были случаи, когда только что отремонтированная и сданная арабам в эксплуатацию техника вдруг отказывала. Иногда требовалось

достаточно много времени, чтобы найти возникшую неисправность.

Однажды после наладки и проверки работоспособности следящего привода антенного поста, на следующий же день я обнаружил, что он не работает (проходила проверка работы всего комплекса). Как оказалось, были оборваны провода в системе управления приводом антенны. Я, конечно, всё исправил и доложил об этом бригадиру. Он далее по инстанции. Выяснилось, что это был не единичный случай.

После ремонта, наладки, настройки и доработки всех систем, ЗРК «Двина» сдавался представителям заказчика как нашим, так и арабским. Проверкой была стрельба на полигоне по движущейся мишени. Надо отметить, что ЗРК, как правило, точно поражал цель уже первой ракетой.

Объем работы с каждым днем увеличивался, а сроки исполнения сокращались. Сначала работали по 8-10 часов, потом иногда по 15-18 и даже по 24 часа. Обстановка обострялась. Приходилось работать не только по своей специальности, но и быть слесарем, конструктором, монтажником, помогать всем по другим системам и другим аналогичным комплексам.

К счастью, в 1954 году, по окончании ремесленного училища, я работал 10 лет в цехе слесарем-сборщиком точных приборов, а затем руководил большой бригадой слесарей-сборщиков. Все эти знания и навыки здесь очень пригодились.

На заводе нам иногда помогали арабские солдаты и сержанты, приезжавшие вместе с поступающим комплексом. Но большого толка от них не было. Они не очень-то хотели трудиться как мы - быстро и длительное время. Больше любили поговорить, посидеть, попить чайку, навязчиво предлагая его и нам. Чуть что - «Щегль халас», «Лязим фантазия» т.е. «конец работы», «нужен отдых». Да и откуда взяться у них силе?! Большинство из них были из бедных семей (крестьяне-феллахи).

Вначале на еду им давали деньги. А так как у многих были большие семьи, то большую часть денег они передавали семье. Сами они ели два раза в день, лепешки, иногда рис. Позднее их перевели на постоянное питание, как питались наши солдаты.

Большинство солдат были малограмотными. За неповиновение или по каким-либо другим проступкам офицер или сержант мог при всех избить солдата, поставить его на солнцепёк или подвергнуть более суровому наказанию.

Офицеры имели, в основном, высшее образование, у большинства из них был свой бизнес. Они владели различными фабриками, магазинами и другой недвижимостью. Сержантами назначались грамотные арабы, которые заканчивали колледжи, средние и высшие учебные заведения. Я встречал среди них квалифицированных специалистов, хозяев небольших лавочек и магазинов, служителей мечетей.

Среди них были добрые, хорошие и порядочные люди, хорошо знавшие технику и любившие свою страну. Все знали английский язык, некоторые немецкий, французский, да и русский. Часть офицеров обучалась в России, изучали нашу передовую военную технику.

С января мы периодически выезжали в пустыню бригадами для проведения юстировочно-наладочных работ. На полигоне Каир-Вест проходило испытание и сдача готовых комплексов. На огневых позициях дивизионов проводилась диагностика и дефектация систем комплекса, определялись неисправности, которые по возможности устранялись на месте или принимались решения по отправке комплекса (его части) на капитальный ремонт на завод.

Совместно с нами участие в ремонте принимали наши офицеры, представители военного заказчика и офицеры из поступающих для ремонта техники дивизионов. Большую помощь оказывали офицеры, которые занимались материально-техническим обеспечением.

С февраля налеты израильской авиации участились, а удары становились все чувствительнее. Методически уничтожались арабские комплексы, которые были недавно нами отремонтированы и доработаны.

Так, однажды один из таких дивизионов, с нашими хорошими арабскими друзьями (садыками), только прибыв на огневую позицию, сразу подвергся ракетному обстрелу и бомбежке. Погибли почти все наши садыки, в том числе и мой лучший друг сержант, химик по профессии, Фатхи. Уезжая на позицию, он не смог скрыть грусть. Прощаясь, на память он

подарил мне открытку с видом Сфинкса, верблюда и пирамиды. На открытке написал «Мистеру Анатолию. С моими наилучшими пожеланиями и благополучием. От всего сердца. Фатхи Нафес». Погибло много арабских друзей, с которыми мы подружились, работая вместе.

Военная машина Египта рушилась, экономика страны была подорвана. Своими силами Египет не мог уже защитить себя. Президент Египта выехал в Москву с просьбой о защите страны. Необходима была не только поставка дополнительной военной техники, но и участие нашего военного персонала. Тогда была разработана секретная операция с кодовым названием «Кавказ». Об этом я узнал совсем недавно, уже из книг, написанных военными руководителями, непосредственными участниками этих событий.

Из Союза начали прибывать наши новейшие комплексы ЗРК С-125 «Печора», скорострельные зенитные установки ЗСУ 23-4 «Шилка» и переносные зенитные установки «Стрела-2» с обслуживающим персоналом. В небе появились наши эскадрильи на более совершенных самолетах «МиГ-21МФ» и «МиГ-25». Они были лучше французских «Миражей» и «Скайхоков» и не уступали американским «Фантомам», отчасти даже превосходили их.

Наши вооруженные силы стали на защиту крупных, важных объектов ОАР - городов, заводов, аэродромов, Асуанской плотины, пирамид, храмов. Тридцатикилометровая зона была под нашим прикрытием. Это подействовало не только на израильтян, но и на американцев. Однако война продолжалась не только в районе канала, иногда были налеты и вглубь страны. Неоднократно наши части ПВО и авиация вступали в бой с израильскими самолетами. Часто в Каире объявлялась воздушная тревога («инзар гара»).

Однажды, прибыв на работу, мы увидели, что на территорию привезли двуствольные зенитно-пулеметные установки ЗПУ-2. Спросив, зачем они здесь нужны, получили ответ, что для учения. В этот же день, не успев сесть за обед в заводской столовой, услышали воздушную тревогу. На нашей крыше и крышах других зданий вдруг начали отчаянно строчить пулеметы. Нас попросили срочно покинуть столовую и пройти в укрытие (траншею). Мы увидели, что вдалеке, на сравнительно низкой высоте, пролетели израильские

самолеты, а вслед за ними раздались запоздалые хлопки взрывов от пущенных им вслед ракет. Затем послышались взрывы бомб в районе военного аэродрома на окраине Каира.

С тех пор часто, иногда по 5-7 раз в день, объявлялась воздушная тревога, звучали сирены. Жители бежали в укрытия и бомбоубежища. Мы покидали цеха и прятались в окопах, вырытых недалеко от цеха. Постепенно мы к этому привыкли и продолжали работать. Израильцы бомбили арабские войска ПВО, аэродромы и другую военную технику.

Периодические работы на огневых позициях проводились с риском для наших жизней. Однажды мне пришлось срочно выехать в один из дивизионов. На позицию мы направились на большом черном шевроле. Рядом с водителем сидел один из высокопоставленных офицеров. Как я потом узнал, что это был генерал.

Выехали вечером, но было еще светло. Дорога шла мимо зеленых садов, огородов и каналов орошения, где усердно трудились феллахи. Встречались деревни с узкими улицами, грязно-коричневыми домами и мечетями. Далее дорога уходила в пустыню, по которой проезжали уже ночью. Ехали на большой скорости, которая совсем не чувствовалась в этой машине. Только приехали и приступили к работе, как вдруг объявили, правда, с опозданием, воздушную тревогу. Нас попросили быстро покинуть дивизион и спрятаться в окопы, вырытые недалеко за дорогой. Но самолеты Израиля пролетели мимо нашего дивизиона бомбить другие комплексы. Этот комплекс был небоеспособным и не должен был быть обнаруженным. В радиолокационной станции вышли из строя двигатели следящего привода и электромашинные усилители. От попадания песка были сильно изношены коллекторы и щетки машин. Требовалась их полная замена в заводских условиях.

Такие поездки были нередки. Иногда, как говорится, одной ногой в кабине, а другой на подножке. Работа ночью в пустыне опасна не только из-за ядовитых тарантулов и скорпионов. Можно получить пулю от охраняющих кабины солдат.

Так, я только вышел из кабины подышать свежим воздухом, как из кромешной темноты раздался грозный окрик на арабском языке: «Стена хена!» («Стрелять буду!»). Солдат

направил на меня автомат. Только такой же громкий ответ на арабском языке остановил солдата: «Ана хобара Руси! Мухандис Руси!» («Я русский специалист! Русский инженер!»).

Еще один из эпизодов запомнился нашим ребятам. Они работали на полигоне Каир Вест по сдаче заказчику отремонтированного и доработанного комплекса СА-75М «Двина». Неожиданно появились израильские самолеты. Пролетев мимо нашего комплекса, они начали бомбить один из арабских дивизионов, охраняющих полигон. Он находился в трехстах-четырехстах метрах от нашего комплекса. По нему были выпущены ракеты и бомбы замедленного действия с напалмом. Раздались мощные взрывы, пламя напалма охватило технику. Послышались истошные крики о помощи погибающих людей. Наши парни бросились туда, но их немедленно остановил бригадир. Нам категорически запрещалось в таких случаях идти на помощь. Это была бы верная смерть.

Бомбы замедленного действия могли взорваться в любое время, через 5-30 минут, час, два, а то и через гораздо большее время, что и произошло позднее: бомбы стали взрываться. Этот приказ спас наших ребят, но они получили такой стресс, видя эту большую трагедию, что не один день приходили в себя. Плача, они поминали «кухолом» (спиртом) погибших арабских «садыков» (друзей), с которыми познакомились и подружились в цехе. ЗРК дивизиона недавно был отремонтирован в цеху, после чего находился на боевом дежурстве. Периодически к нам поступали сообщения, что многие наши арабские друзья по цеху погибли на огневых позициях.

Да что и говорить, иногда доводилось и выпить после такой тяжелой изнурительной и опасной работы.

Многие израильские летчики были ассами в воздухе. У них был накоплен большой опыт во время боевых действий во Вьетнаме. Летали они на американских новейших «Фантомах», применяя различную тактику боя. Например, подходя к цели на малых высотах, 15-25 метров, они бомбили египетские ЗРК, затем на форсаже резко уходили ввысь. На малых высотах радар не мог их обнаружить.

В конце марта начались песчаные бури (хамсин), наступила сильная жара. О хамсине много написано. Хамсин,

в переводе с арабского, означает пятьдесят. В течение пятидесяти дней периодически дуют сильные ветры, поднимая песок с мелкими камушками. Хамсин напоминает нашу снежную бурю: в 5-10 метрах ничего не видно, дышать буквально нечем. Песчаная пыль забивает нос, уши, глаза. Так продолжается два-четыре дня, затем затишье, и буря сменяется жарой. Когда едешь на обед или с обеда, в автобусе становится душно и пыльно. Открываешь окно – на тебя дует горячий обжигающий воздух, становится как в сауне, только с песочком. Приходится закрывать окна. Температура воздуха доходит до 45 градусов в тени. На работе в цехе хоть и прохладно, но пыль и песок хрустит на зубах и буквально висит в воздухе, постоянно чувствуешь близость пустыни. Вот почему арабы и бедуины заматывают всю голову платками и шарфами. Остаются открытыми только одни глаза. Песок повсюду.

Очень мелкая пыль проникала в кабины, забивалась в аппаратуру, узлы и агрегаты, выводя ЗРК из строя. Комплекс оставался без «глаз» и часто требовался капитальный ремонт. Особенно тяжело было гражданским или военным ребятам, работающим или воюющим в пустыне. А там еще и тарантулы, скорпионы, тысячи маленьких, кусачих арабских мух! Мухи были всюду и преследовали, перемещались вместе с дивизионом далеко в пустыню, где нет никакого жилья. Египетские мухи это не наши мухи. Наши почти не кусаются. А у арабов, муха маленькая, кусачая, ничего не боится, сидит на тебе или на еде до тех пор, пока её не убьют. Их сотни, тысячи, всех не перебить. Наши ребята говорили: «Приедем домой, поймем муху и расцелуем её, родную российскую муху!»

На работе нам постоянно приходилось общаться с арабскими солдатами, сержантами и офицерами. Переводчиков на наш большой коллектив практически не было. Работа в кабине проходила всегда в присутствии сержанта или офицера, наблюдавшего за нашей работой. Иногда их присутствие мешало, но периодически требовалась их помощь. Так или иначе, приходилось с ними общаться: что-то включить, принести инструмент из ЗИП, прибор или документацию.

Условия общения требовали обязательного изучения арабского языка как военно-технического, так и бытового, например, в беседах или при походе в магазины, на рынок за продуктами. Обычно обучение проходило взаимно. Они тоже интересовались русским языком, хотели знать наши слова. Кроме своего языка они знали английский язык. Вывески, рекламы, афиши и цифры писались на двух языках.

Я завел небольшой блокнотик и ежедневно записывал и заучивал арабские слова. Беседы с арабами вели на разные темы. Нас интересовала их жизнь, традиции, работа, семья, обучение. Им тоже было интересно узнавать о нашей жизни, стране, климате и многое другое. В дальнейшем у нас появились русско-арабские разговорники, которые открывали широкие возможности повседневного общения на разные темы. Подарили мне большой словарь технических и военных слов.

Вначале мне немного помогало некоторое знание немецкого языка. В 1968 году я изучал его и даже сдал кандидатский минимум. Вместе с нами работал наш представитель военного заказчика, капитан Александр (фамилию не помню), который также сдал кандидатский минимум по немецкому языку. Командиром первого дивизиона, прибывшего в цех на доработку и ремонт, был арабский офицер, майор Закария, который недавно окончил в Германии университет и неплохо знал немецкий. Сначала я редко принимал участие в их разговоре на немецком языке, но понимал о чем идет речь.

При новой встрече с майором Закария, мне пришлось с ним разговаривать и на немецком, и на арабском, и даже немного на русском языке. Это был общительный и эрудированный офицер, арабский патриот. Прекрасно знал технику, а его дивизион был одним из лучших. Постепенно я выучил достаточный запас слов и предложений, не нуждался в переводчике и мог более-менее свободно разговаривать с египетскими друзьями. Однажды я даже помогал нашим русским туристам в покупке сувениров.

Во время командировки с нами периодически проводили политработу. В марте нас пригласили на виллу, чтобы послушать лекцию известного международного журналиста Ю. Демченко «О положении арабских стран, реальных

событиях, происходящих в Египте, и международном отношении к данным событиям».

Он рассказал о революции в Египте, характеризующейся тремя этапами. На первом этапе необходимо было добиться экономической и политической стабильности (1952-1956), частично это было выполнено. На втором этапе (1956-1961) проходила жесткая внутринациональная борьба крупной буржуазии и капитала против реформ, поддерживаемых иностранцами. На третьем этапе, в 1961 году правительство ОАР провозгласило «социальную революцию», что стало тяжелым ударом для крупных помещиков и капиталистов. Были ликвидированы иностранные капиталы, национализировано около 1500 английских, французских и австрийских компаний. Победа египетского народа всколыхнула арабский мир в Африке. Освободились от империалистического гнета Алжир, Ирак, Йемен, Судан, Ливия и другие. Также он рассказал о войне с Израилем, настоящее положение на фронте, и о международном отношении к этой войне. Лекция была очень информативна и во многом прояснила тогдашнюю ситуацию.

22 апреля 1970 года нас снова собрали на нашей русской вилле. В этот раз событие было знаменательное - отмечали 100-летие со дня рождения великого вождя пролетариата - Владимира Ильича Ленина. Чтобы не опоздать, мы выехали из гостиницы пораньше. На вилле всё было красиво и празднично. Торжественное собрание проходило на большой открытой эстраде. Перед эстрадой стояли несколько рядов лавочек. Постепенно прибывали гости, египтяне и наши, представители разных родов войск во главе с высшим командованием. Некоторые военные - с женами, на которых были вечерние наряды и дорогие украшения.

Мы были одеты в черные костюмы и белые рубашки, арабские военные - в парадной форме. Мы заметили, что многие женщины в Египте очень красивы. Особенно нас поразили своей красотой и нарядами жены высокопоставленных египетских генералов и министра обороны Египта Фавзи. На вечер прибыл наш посол в Египте В.М. Виноградов.

Когда мы приехали, сразу постарались занять места поближе к сцене. Как оказалось позже, несколько первых

рядов предназначались для высокопоставленных гостей. Мы сели в середине третьего ряда. Но через мгновение молодые люди вежливо попросили нас освободить первые места. Многим нашим ребятам пришлось пересесть подальше. Но нас с другом не успели пересадить, так как рядом с нами уже сели арабские генералы с женами.

Мы оказались в сверкающем окружении драгоценных камней, ярких шелков и ажурных оборок красивых платьев и, конечно же, в пьянящем благоухании, исходившем от прекрасных дам. Каждая дама старалась затмить своей красотой и нарядами всех остальных. Выглядели они примерно так: шея и грудь были закрыты золотыми, как кольчуга, ожерельями, на руках надеты золотые с драгоценными камнями многочисленные браслеты, перстни и кольца. Форма генералов также вся отливала золотом. Это была элита арабского общества, холеные, надушенные, с хорошей выправкой, в щеголеватой форме.

Собрание началось громким боем барабанов и звуком горна. Это наши пионеры в красных галстуках и парадной форме пришли поприветствовать собравшихся гостей. Они прошагали вдоль рядов и вышли на сцену, чтобы исполнить песни о Ленине. Все было так торжественно и знакомо, как дома, на Родине. В Египте училось много русских школьников, детей работающих здесь советских специалистов. Правда, здесь они могли учиться только до четвёртого класса.

С приветствиями и поздравлениями выступил посол В.М. Виноградов, маршал П.Ф. Батицкий и еще ряд генералов. С арабской стороны всех поздравил министр обороны Фавзи и генерал Садек. После торжественного собрания нам показали кинофильм «Вихри враждебные».

Еще один большой праздник мы отметили в Египте - День Победы. 9 мая нас пригласили на торжественный вечер. Вначале был митинг, на котором присутствовали арабские офицеры, генералы и заместитель министра обороны ОАР. С российской стороны присутствовал посол В.М. Виноградов, офицеры и генералы разных родов войск. Митинг опять начался приветственной перекличкой пионеров. С поздравлениями по случаю Дня Победы выступил посол В.М. Виноградов, генералы, а от египтян с Победой в Великой Отечественной войне нас поздравил заместитель министра

обороны Египта. Затем был показан фильм с выступлением знаменитого цыганского певца Николая Сличенко.

В июне состоялась отчетно-перевыборная профсоюзная конференция при ГИУ ГКЭС. Все мы были членами профсоюза. На конференцию были приглашены представители из многих городов и районов ОАР: Асуана, Хелуана, Александрии, Каира; присутствовали работники посольства СССР в Египте, военные, представители ГИУ ГКЭС и т.д. От нашей большой группы гражданских специалистов (более 100 человек) были направлены на конференцию 7 человек, в их состав включили и меня. Собрание проходило в духе обычных профсоюзных, партийных или комсомольских конференций. Только острее, шумнее и критичнее, в борьбе за место в правлении месткома.

Информацию о событиях, происходящих в зонах боевых действий, мы получали и от арабских военнослужащих и от нашего военного персонала.

Купив приемники, слушали выпуски новостей на русском языке из Тель-Авива, а также «Голос Америки», «Свободную Европу» и, конечно, радиосообщения из России. Читали газеты «Правда», «Известия», журналы и книги.

В информации, которую мы получали из России, ничего не говорилось об участии советского воинского контингента в арабо-израильской войне и о происходящих здесь событиях. Зато из выпусков новостей, передаваемых из Израиля и Америки, мы узнавали, что происходит на участках боевых действий.

Разведка у них была повсюду. Даже приближенные помощники Насера тут же сообщали обо всех договоренностях между правительствами СССР и Египта. Сообщалось и о прибытии нашего военного персонала с техникой, о полетах наших самолетов, курсировании морского флота. У них были везде «уши». Да и бедный араб «за лепешку» мог рассказать обо всем, что видел. Многие офицеры были из богатых семей, имели свой бизнес и не очень-то хотели воевать. Но, несмотря на это, они понимали, чем грозит им поражение. Общаясь с арабами, мы часто встречали истинных патриотов.

На заводе нам рассказывали о некоторых трагических эпизодах, происходивших на войне. Как легенда выглядела удачная операция израильтян по похищению арабской

радиолокационной станции РЛС-12 вместе с кодами и расчетом. Предварительно отбомбив ближайший дивизион ПВО и артиллерию, израильтяне ночью прилетели на вертолетах, сбросили десант с соответствующей техникой. Они срезали автогенном тяжелые и громоздкие части станции (шасси), подцепили к вертолету и перенесли на свою территорию. Говорят, что недалеко, в двух километрах, стоял танковый полк, руководство полка слышало о налете, но распоряжения об оказании помощи не было. Последствия были серьезные. Необходимо было срочно сменить все секретные коды станции как в Союзе, так и за рубежом.

А однажды, придя на работу после обеда, мы увидели, что арабы в восторге. Улыбаясь, довольные рассказали нам, что, наконец-то, пришли наши новые ракетные комплексы С-125 «Печора». И что один из дивизионов, быстро встав на позицию, первой же ракетой сбил израильский самолет. На следующее утро вид у них был совсем другой. Оказалось, что сбит был арабский самолет. Дивизион ЗРК, встав на боевое дежурство, увидел цель, летящую на низкой высоте. На запросы «свой-чужой» самолёт не отвечал. Согласовав с руководством, получили команду цель уничтожить, первой же ракетой самолет был сбит. Это был военно-транспортный самолет Ил-28 с арабским экипажем. На нем не было опознавательной аппаратуры «свой-чужой». Самолет шел на посадку и был сбит на высоте 150-200 метров.

Второй аналогичный случай произошел в другом дивизионе, когда «Стрелой» был обстрелян пассажирский самолет Ан-24. Попали в один из двигателей, экипажу с трудом удалось посадить самолет. Обошлось без жертв. Затем вышел приказ: самолеты, летящие ниже 6 километров и ближе 25 километров и не отвечающие на сигналы «свой-чужой», считать самолетами противника и уничтожать.

Периодически приходили печальные вести о гибели наших советников, летчиков, солдат и офицеров. Вот одно из таких событий. В один из израильских налетов нашими ЗРК и установками «Шилка» были сбиты два израильских самолета. Во время нового налета израильтян, на нашу позицию полетели бомбы, антенный пост был поврежден. лейтенант Сергей Сумин выскочил на площадку для координации работы комплекса по приближающимся целям. Там он и погиб. В этом

бою погиб и весь расчет одной из пусковых установок: взорвалась одна ракета при перезарядке.

Наши советники рассказывали, как трудно порой было работать с арабским персоналом. Нужно было иметь крепкие нервы и хорошее самообладание. Иногда при массированных налетах арабские солдаты, да и офицеры, бросали технику и бежали из кабины в пустыню, операторы ручного управления визуального наблюдения и слежения за целью прыгали с антенного поста кабины «курятника» и прятались в какие-нибудь укрытия. Советник оказывался один на комплексе и ничего не мог сделать. Да и покинуть пост он не имел права! А израильтяне довольно точно бомбили. Очень тяжело, а порой и трагично проходила служба у наших советников и военного персонала.

У нас, гражданских специалистов, также был трагический случай. В автомобильной катастрофе погиб главный конструктор Володя Никифоров и арабский водитель. Они ехали на «москвиче» и столкнулись лоб в лоб с грузовиком.

Рассказывали нам и о «боевых подвигах» некоторых арабских летчиков. Мы жили в одном доме с нашими летчиками в Насер Сити-6. Арабы, увидев израильские самолеты «Миражи», «Скайхоки» и особенно «Фантомы», быстро разворачивали свои самолеты, покидали боевое пространство, или бросали боевые самолеты МиГ-21, катапультируясь. Говорят, что они даже получали вознаграждение за то, что спаслись. Летчиков катастрофически не хватало, а технику можно было получить ещё.

Пятница у арабов выходной день. Этот день у них является днем молитвы и отдыха. С раннего утра до вечера у них традиционно проходили обязательные молитвы (5 раз в день), но по пятницам эти молитвы были более длительными. Молились все, от солдата до генерала. А у израильтян это был рабочий день. И, конечно, они в этот день наступали, обстреливали арабские позиции и совершали дерзкие и безнаказанные налёты. А в субботу происходило всё наоборот. Выходной день был у израильтян. И, конечно же, арабы обстреливали израильские позиции.

В Египте все верующие: мусульмане, копты-христиане. Есть и ряд других религий. Обычно юноши, мужчины,

старики, богатые и бедные, солдаты, офицеры и генералы стелили свои коврики на пол в офисе, зале цеха, кабинах установок, в мечетях или на землю перед мечетью и перед проходными завода. Они снимали обувь, вставали на колени на молитву, обращенную к пророку Мухаммеду, периодически делая глубокий поклон к земле. Подъезжая утром к заводу, мы наблюдали, как рабочие и служащие, прежде чем пройти через проходные, молятся. А в выходной день, в пятницу, мусульмане собирались в мечетях, на улицах и площадях перед мечетями, стелили на тротуар и проезжую часть дороги свои коврики и усердно молились. Молитва длилась довольно долго. По качеству и орнаменту коврика можно было определить и богатого и бедного.

Поначалу нам было странно, что иногда, приходя к начальнику цеха (майору) для решения какого-либо вопроса, видишь, что он стоит на коленях в углу кабинета и молится. Конечно, в это время было бесполезно что-либо решать, даже срочное. Со временем мы к этому привыкли, не беспокоили его и не обращали на это внимание.

К концу июня закончилась наша основная работа по доработке и ремонту всех арабских ЗРК СА-75М «Двина». Но впереди было еще много дел. Предстояла такая же напряженная работа в точках дислокации арабских ЗРК в египетской пустыне, в том числе участие в засадах совместно с нашими дивизионами ЗРК, «Шилками» и «Стрелами».

Однажды всех гражданских специалистов пригласили на торжественный вечер на одну из шикарных вилл. Это была красивая, большая вилла, утопающая в зелени садов и скверов. Кругом все цвело: розы, кусты олеандра, каркаде и другие диковинные цветы и кустарники. Величественно росли разных сортов финиковые пальмы, широколиственные бананы и цветущие кактусы. Голубое зеркало большого бассейна сверкало на солнце.

На втором этаже большой открытой веранды в два ряда стояли длинные накрытые столы. Каких только яств там не было: всевозможные фрукты, овощи, зелень, фруктово-овощные салаты; обилие кондитерских изделий: красивые торты, пирожные, булочки с различной начинкой, шоколад, сладкие, разноцветные пудинги, мороженое и так далее; вода минеральная, кока-кола, пепси-кола, фанга, графины с

различными соками. Но спиртное отсутствовало. По мусульманским законам арабам запрещено употреблять алкогольные напитки.

Нас поздравили с успешным и досрочным окончанием основных работ. Высоко оценили нашу напряженную, трудную и порой опасную работу, проходившую в условиях африканской жары, хамсина и воздушных налетов неприятеля. Было отмечено, что работы выполнены на высоком техническом уровне, качественно и раньше намеченного срока. Наградили почетными грамотами и медалями: «За досрочное и успешное выполнение правительственного задания по доработке и ремонту специальной военной техники и оказанную техническую помощь по обеспечению обороноспособности ОАР».

Советским специалистам, в том числе и мне, вручили грамоты, некоторых товарищей, которые участвовали в засадах до июля месяца, наградили арабскими медалями. Всем вручили памятные подарки. Мне подарили большую красивую, чеканную, посеребренную тарелку, которую я храню как память о тех давних событиях. Отъезжающим специалистам пожелали благополучного возвращения домой, в Советский Союз. В тот день, вечером, мы продолжили торжество по-своему, с «кухолем» и песнями.

Иногда, во время рабочих будней, мы находили немного времени для отдыха. В памяти остались футбольные встречи между египетскими ребятами и нашими специалистами. На территории завода были спортивные площадки для футбола, волейбола, баскетбола и других видов спорта. Иногда в обеденный перерыв мы успевали поиграть в футбол. Обычно мы выигрывали, так как у нас было много хороших игроков. Сам я в то время играл в Подольске за городскую команду «Зенит».

Через 3-4 месяца пребывания в Египте многие почувствовали большую тоску по Родине, по родным и близким. Письма приходили редко, один-два раза в месяц.

В начале июля часть специалистов нашего завода была отправлена на Родину. Остальные - наладчики и настройщики электропривода и радиолокационной станции, а также некоторые слесари-механики - должны были ещё оставаться в ОАР. Кто-то работал в Каире, выезжая в места дислокации

ЗРК «Двина». Другие готовились к отъезду в Александрию и Асуан. В конце июня и в июле мне, да и другим специалистам, снова пришлось отправляться в различные районы пустыни на огневые позиции для проведения дефектации, ремонта и настройки наших систем.

К началу июля стали окончательно известны перспективы нашей дальнейшей работы. Были сформированы три бригады. Бригада Бабкина осталась в Каире, в ней остался работать Володя Бочаров; вторая выехала в Александрию, с бригадиром Колосовым отправились Сергей Зольников и Сергей Дмитриев. Третью бригаду, состоящую из 18 специалистов, возглавил Тупольцев. В неё вошёл я, Володя Филиппов, Миша Драндин и другие.

16 июля мы выехали в Асуан. В то время там стояла настоящая африканская жара. Советские и арабские военные рассказывали, что там уже 5 лет не было дождя. Даже арабы не все хотели там служить. Но русские и в этих условиях строили плотину на Ниле, а военный персонал охранял её.

В Асуан выехали поездом в 7 часов вечера. Время в дороге составляло приблизительно 15-17 часов. В вагонах было жарко и душно. Перекусили на «сухую». Прибыли в 12 часов дня. Вот когда «выпить» не было никакого желания! Стояла безумная жара. В это время, с 15 июля по 15 августа, температура в тени доходила до 50 градусов, а на солнце - все 70.

Нас поселили в гостинице «Гранд Отель», на берегу Нила. Здесь обычно селят русских специалистов. Снаружи гостиница выглядела красиво, но в номерах было душно и жарко: потолки высокие, кондиционеров и вентиляторов не было. Там был рай для комаров, москитов и мух. Температура даже ночью составляла 35 градусов и выше. Немного отдохнув, съездили на обед в столовую, где обычно обедали военные советники. График работ был, как всегда, плотный. Необходимо было в короткие сроки провести дефектацию, ремонт, наладку и сдачу всех комплексов СА-75М «Двина», которые обеспечивали прикрытие Асуанской плотины от налетов израильской авиации.

На следующий день наша бригада в 4 часа утра выехала на нескольких машинах ГАЗ-69 через старую Асуанскую плотину на один из ракетных комплексов. Проезжая по

пустыне, были поражены её ландшафтом. Мы ехали по безжизненной, выжженной солнцем поверхностью, которая перемежалась с гладкой каменистой равниной, с песчаными барханами, то вдруг перед нами появлялись невысокие пепельно-серые и темно-серые голые гранитные невысокие горы. Ни одного зеленого кустика или травинки. Хотя температура была высокой, дул небольшой ветерок, и при сухом воздухе дышалось легче.

В кабине, конечно, было жарко. Работали часто без рубашек, но так как не было воды, загар нас не брал. За все время пребывания на такой жаре мы не только не обгорели, но и не загорели. В общем, в этих условиях работать было все же можно. На ремонт и наладку отводилось 2-3 дня. Когда мы приступили к работе, арабские офицеры не хотели, чтобы мы его быстро отремонтировали. Просили не торопиться. Этот дивизион после ремонта должны были отправить на канал. Они этого очень боялись и не хотели уезжать. Предлагали даже вознаграждение, чтобы ремонт был задержан. Но у нас был строгий график, и комплекс следовало сдать в срок. После ремонта и передачи техники дивизиона арабскому персоналу, его отправили на канал. Это был 16-й дивизион. А нам предстояло провести такую же работу на других комплексах.

Вначале мы ездили в дивизионы по дороге, проходящей через старую невысокую плотину, построенную ещё англичанами. Этот гидроузел был действующим и обеспечивал электроэнергией часть районов Египта. Он был небольшой мощности, но работал нормально. Каждый день выезжали в 4 часа утра, два часа в дороге, а в 6 часов уже становилось светло, и мы приступали к работе. Работали до 12, а иногда до 13 часов дня, так как потом становилось невыносимо жарко. В кабине температура доходила до 70 и более градусов.

Завтракали рано. Завтрак был скромный, символический. Чай, 5 граммов масла, 10 граммов брынзы, 10 граммов варенья и стакан воды. С собой брали воду, арабские офицеры нас угощали то «кока-колой», то холодной «фантой». На обед приезжали к 2 часам. Обед и ужин был разнообразный, сытный и вкусный. В такую жару хотелось много пить, без жидкости здесь было нельзя. На обеденный стол на четырёх человек ставили трёхлитровый графин кисло-сладкого

каркаде. После работы в пустыне, перед едой выпивали залпом 3-4 стакана этого напитка. Затем сами нарезали себе салат из огурцов, помидоров, лука, чеснока и разнообразной зелени. Салат ели, сколько влезало, а потом снова каркаде. За обед выпивали 7-10 стаканов. Кухня была русская, вкусная, но готовили арабы. Конечно, пить приходилось много, испарялась влага очень быстро, в основном в виде пота.

Мы, гражданские специалисты, жили в худших условиях, чем наши офицеры. Они жили с семьями в квартирах с кондиционерами и вентиляторами. В квартирах у них было не жарко, а от комаров была защита. А нам ночью было и жарко и душно. Открываешь окна и дверь, чтобы было прохладнее, на тебя сразу налетают комары и москиты. Было просто невозможно спать. Комары не такие, как наши, а крупнее, кусачее и ядовитее. Атаковали со всех сторон. Потом всё же приспособились выживать. Иногда после обеда до ужина спали. Днем комаров почти не было. Или открывали все окна и двери, часа на 3-4 создавая сквозняк, а после ужина закрывали. Мочили водой простыни, спали на мокром, накрываясь с головой. Спали до тех пор, пока простыни не высыхали, снова вставали и опять их мочили водой. И так раза три-четыре за ночь. Но если оставались один или два комарика, то они как «Фантомы» начинали атаковать, то сверху, с высокого потолка, то со стен и из-под кровати. После таких атак ходили с распухшими бровями, носами, заплывшими глазами. Средств защиты у нас не было.

Когда приезжали с работы в номер, сразу принимали душ. Правда душ не из пятизвездочного отеля, вода очень теплая, на стенках и потолке ползали и висели небольшие зелёные и безобидные ящерицы. Жили мы на берегу Нила, вода была чистая, но купаться нам запрещалось. Нам сказали, что вода заражена какими-то бактериями. Но местные мальчишки с удовольствием купались и даже пили речную воду. Нам так хотелось нырнуть в манящую прохладную реку!

Работы было много, график подгонял, поэтому совсем не было выходных. Новую Асуанскую плотину мы видели только дважды. Однажды мы поехали на объект по старой плотине, а обратно наши «газики» проехали по новой грандиозной плотине. Половина шоссе, проходящего через плотину, была уже заасфальтирована, а вторую половину в то время

асфальтировали и укатывали большими катками многочисленные арабы. На следующий день мы проехали туда и обратно уже по заасфальтированной дороге. Так было значительно короче добираться до дивизионов.

Когда мы проезжали на наших ГАЗ-69 через плотину, нас радушно приветствовали, махали руками и радостно кричали. По дороге через плотину на столбах висели плакаты и транспаранты на русском и арабском языках с надписью «Рашен - араби садыки» («Русские и арабы – друзья»), там же размещались портреты Насера и Хрущева. Новая плотина поразила нас своими размерами и мощностью. Это грандиозное сооружение было построено из гранита и бетона. Нам казалось, что никакая бомба не сможет её разрушить, даже атомная.

Все работы в местах расположения дивизионов мы выполнили в срок по графику, за 12 дней. За время этой командировки мы проехали около 2800 километров. 28 июля в 2 часа дня закончили всю работу и в 18 часов поездом выехали из Асуана в Каир, куда прибыли в 10 часов утра 29 июля.

На следующий день после возвращения из Асуана вышли на работу. 31 июля перед нашей группой было поставлено новое задание. Ожидался большой налет на огневые позиции наших и арабских войск, расположенных недалеко от канала, в районе Исмаилии. Нам предстояло выехать вместе с нашими дивизионами в засаду.

В операции участвовали 2 ЗРК С-125 «Печора», самоходные скорострельные зенитные установки «Шилка» и отряды защиты и поддержки со «Стрелами». Вначале марш совершался днем несколькими колоннами, мимо зелёных массивов, растущих вдоль оросительных каналов, citrusовых садов и огородов, затем - по дорогам пустыни. Мы ехали на нескольких машинах ГАЗ-69 и наблюдали, как на большой скорости шла наша боевая техника: на пустынной дороге виднелись только шлейфы песчаной пыли, оставляемые самоходными пулемётными установками «Шилка» на танковом шасси и ракетными комплексами. Я впервые увидел нашу технику на марше по пыльным дорогам египетской пустыни. Ехали долго.

Прибыв ночью на места дислокации, дивизионы встали на свои огневые позиции. Они располагались среди пальм и

банановых зарослей, на опушках апельсиновых и мандариновых садов. Недалеко были огороды феллахов и кукурузные поля. Когда мы прибыли на одну из арабских позиций, к нашему большому удивлению, увидели арабский 16-й ракетный дивизион СА-75М «Двина», весь расчет которого был нам знаком по Асуану. Мы очень обрадовались этой встрече.

Сбылось их асуанское пожелание - быть вместе на канале. Тогда они сказали, что им не будет страшно, если и мы поедem с ними на канал. У нас была задача помочь им оперативно развернуть комплекс на огневой позиции, состыковать все кабины, сделать привязку к местности, произвести отладку и проверку работоспособности всех систем. Это происходило ночью, в кромешной темноте. Только звёзды ярко светили в небе. По Полярной звезде мы оперативно отгоризонтировали кабины, привязав к местности, состыковали между собой все кабины и провели юстировку. Тщательно провели все подготовительные и наладочные работы с проверкой функционирования всех систем отдельно и в комплексе. Выдали необходимые технические рекомендации по эксплуатации систем. Наш комплекс был полностью готов к боевой работе. Тем самым мы показали арабскому персоналу, как можно быстро и качественно развернуться и подготовить ЗРК к бою. Это придало им большую уверенность в дальнейшей боевой работе.

К утру дивизион уже стоял на боевом дежурстве. В тот день налетов не было. Утром 3 августа нас попросили в целях безопасности покинуть дивизион и отойти подальше. Мы отошли где-то на километр в заросли кукурузы. В 12 часов увидели летящую к нашим позициям группу самолётов, состоящую из «Скайхоков», «Миражей» и «Фантомов». Наш дивизион первый вступил в бой и открыл ракетную стрельбу, обнаружив себя. В результате этой стрельбы одной из ракет был подбит «Мираж», а через 2 часа начался второй налет.

Самолеты шли на уничтожение египетского комплекса. Но здесь их встретили огнем наших ракетных комплексов С-125 «Печора», «Шилками» и «Стрелами». В бой вступили наши ЗРК, руководимые командирами дивизионов, ассами засад и тактики боя, подполковниками Н. Кутынцевым и К. Поповым.

Сначала был сбит один «Фантом», затем, при последующих налетах, были сбиты еще два «Фантома», а один «Фантом» был подбит. Работали «Шилки» и посты со «Стрелами», не давая снизиться израильским самолётам. Издалека мы наблюдали за боями и слышали взрывы ракет. В этот день израильская авиация потеряла 5 самолетов. Катапультировавшихся израильских лётчиков наши солдаты с поста «Стрела 2» взяли в плен и передали египтянам. После окончания боев мы вернулись к «нашим» дивизионам.

Египтяне ликовали. Их комплекс первым сбил израильский самолёт «Мираж». На месте боя лежал один из разбитых самолётов «Фантом». Мы не удержались и взяли на память, как драгоценный сувенир этого боя, небольшие части сбитого самолёта. Я отломил от крыла закопченные кусочки сотовой фольгированной прослойки. На поверхности одного из кусочков виднелась американская надпись. Вначале я думал, что это части сбитого «Миража», но позже я узнал, что это части от сбитого «Фантома». А «Мираж» тогда был только подбит. Остальные ребята также взяли сувениры на память. Были и другие более интересные вещи, но они достались нашему военному персоналу, например, им досталась авиационная надувная лодка.

Как потом нам сообщили, весь военный арабский персонал 16-го дивизиона был награждён за сбитый самолёт. Офицеры получили по 500 фунтов, а солдатам вручили по хорошему кожаному чемодану. А про нас, гражданских специалистов, просто забыли. За эти бои командирам дивизионов Н. Кутынцеву и К. Попову присвоили звание Герой Советского Союза. Я счастлив, что нашей бригаде довелось быть свидетелями и принимать непосредственное участие в боевой засаде и подготовке арабского дивизиона к бою, а также участвовать в засаде вместе с легендарными ассами Н. Кутынцевым и К. Поповым.

Ночью все дивизионы оперативно свернулись и переехали на новые временные позиции, утром они снова были готовы к бою. Как нам стало известно позже, 4 августа израильская авиация целый день безуспешно бомбила наши старые огневые позиции, в том числе и ложные. Но нас там уже не было. Неплохую роль тогда сыграли ложные деревянные и

надувные конструкции ЗРК. Деревянные модели изготавливали в одном из цехов завода, где мы работали.

Поставленная задача была выполнена. Группировка из трех дивизионов, двух российских и одного египетского, за один день сбила 3 и подбила 2 самолета. Таких потерь израильтяне еще не несли. Поэтому 5 августа они пошли на временное перемирие. А дивизионы ЗРК заняли новые огневые позиции, ближе к каналу, двигаясь по пыльным песчаным дорогам.

8 августа были прекращены все боевые действия. На дорогах были выставлены посты ООН. Они заняли линию, разделяющую зоны воюющих сторон. Я видел эти посты на дорогах. Но моя командировка еще не закончилась, так как предстояли работы по ремонту и наладке комплексов «Двина», поврежденных в боях за Египет.

11 сентября 1970 года закончилась моя командировка. Самолетом Ил-18 я вернулся в Москву.

Сергей Зольников и Миша Драндин остались в Египте ещё на год. Сергей Дмитриев и Володя Филиппов должны были ехать в Сирию.

После возвращения в ОКБ я был повышен в должности до ведущего инженера Особого конструкторского бюро.

Моя работа на заводе отмечается в книге «Взгляд сквозь годы», опубликованная в 2008 году директором завода генерал-майором Еремеевым Алексеем Семёновичем.

В 1975 году я был переведён на работу в Филиал института атомной энергии имени И.В. Курчатова в городе Троицке Московской области. Сейчас филиал называется - Троицкий институт инновационных и термоядерных исследований (ГНЦ РФ ТРИНИТИ), где и работаю по настоящее время.

Награжден:

Медалью "За трудовое отличие", медалью "В память 850-летия Москвы", знаком ЦК профсоюзов "Победитель социалистического соревнования 1974", медалью "Ветеран труда" Министерства среднего машиностроения СССР, медалью "Ветеран Атомной энергетики и промышленности" Министерства Российской Федерации по атомной энергии, знаком "Ветеран войны в Египте" Межрегиональной

общественной организации "Совет ветеранов войны в Египте",
знаком "Изобретатель СССР", почетной грамотой
"За досрочное и успешное выполнение правительственного
задания по доработке и ремонту специальной военной техники
и оказанную техническую помощь по обеспечению
обороноспособности ОАР" (Каир, 31.10.1970).

Город Троицк
Июль 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Зверькова Татьяна Анатольевна,
дочь ветерана,

и

Марочкина Мария Олеговна,
*студентка 2-го курса Московского
архитектурного института*

Иванов Анатолий Якимович

Выезжали в дивизионы в любое время суток

Я родился 5 апреля 1935 года в деревне Утяшки Северо-Нурлатского района Татарской Автономной ССР (ТАССР).

После окончания средней школы в 1952 году в течение года работал учителем арифметики неполной средней школы села Косяково Северо-Нурлатского района ТАССР.

В 1953 году поступил в 3-е зенитное артиллерийское училище войск ПВО страны, в 1956 году окончил его с присвоением воинского звания лейтенант и был направлен командиром взвода в 903-й зенитный артиллерийский полк в город Грозный. В 1958 году был назначен на должность заместителя командира батареи.

В 1959 году поступил в Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище (МВИЗРУ) ПВО страны, которое окончил в 1964 году. После окончания МВИЗРУ был направлен в 318-й зенитный ракетный полк на должность начальника отделения дивизиона (ЗРП) в город Казань.

В начале 1965 года в штабе полка мне сказали, чтобы я готовился к службе по замене в городе Анадырь. Однако через некоторое время меня вызвал командир полка полковник Беликов С.Д. и сказал, чтобы я готовился в специальную командировку, а куда, ничего не сказал. Вскоре я прошел мандатные комиссии дивизии в городе Куйбышеве, а также в армии в городе Свердловске.

Через некоторое время мне приказали прибыть в Москву в 10-е Главное управление Генштаба Советской Армии. Здесь нас переодели и проинструктировали. Большое внимание уделили поведению в Китае, так как там в то время проходила культурная революция, и китайцы вели борьбу с «ревизионистами» - так они оценивали коммунистов СССР.

Нас в Москве собралось более 100 военнослужащих. Большая часть командированных были специалистами зенитно-ракетных войск (ЗРВ), а так же специалистами радиотехнических войск (РТВ) и зенитной артиллерии (ЗА).

Рано утром 6 октября 1966 года мы вылетели в Иркутск с Чкаловского аэродрома города Москвы на самолете Ил-18. От 4-й отдельной армии ПВО в нашей группе были: я - капитан-инженер Иванов А.Я. (специалист по обслуживанию РПК, от Казанского ЗРП), инженер-лейтенант Игревский В.П. (специалист по обслуживанию кабины П, от Куйбышевской зенитно-ракетной бригады), инженер-капитан Кульнин Д.А. (от Нижнетагильской зенитно-ракетной бригады), инженер-капитан Гордеев А.Г. (от Балаковского ЗРП), инженер-капитан Коротаев Ю.А. (от Челябинского ЗРП), лейтенант Ильин Б.Л. (специалист СРЦ (станция разведки и целеуказания), от Ижевского полка), лейтенант Субботин Эмиль (специалист взвода стартовой батареи ЗРДн).

В аэропорт города Иркутска прилетели вечером. По прилёту нас построил полковник Байков В.Г. (старший группы от Московского округа ПВО) и предупредил, что самолёт будет отправлен в Пекин утром, построение в 6 часов утра 7 октября 1966 года. Через некоторое время прилетел старший нашей группы полковник Красильников Ю.Ф. (командир Ижевского полка).

Мы пошли ужинать в город, израсходовали все деньги и вернулись в аэропорт, где нас поселили на ночлег в каком-то здании. На построение никто не опоздал.

Утром 7 октября наш самолёт Ил-18 взял курс на столицу КНР Пекин. Летели мы над Монголией. Погода была солнечной.

Примерно в 13-14 часов наш Ил-18 приземлился в аэропорту города Пекина. Минут через сорок нас пригласили на обед в ресторан. В ресторане нас посадили за стол вместе с одним китайцем. Китаец очень хорошо говорил по-русски и

пытался рассказывать нам о культурной революции и задачах хунвейбинов, мы же пытались все разговоры перевести на китайскую кухню, которой нас угощали. Угощали нас очень хорошо, пили хороший коньяк. После обеда полковник Байков В.Г. выступил и поблагодарил китайское правительство за прием и угощения. Китайцы, конечно, знали кто мы, куда и зачем летим.

С наступлением сумерек наш самолет взял курс на столицу Вьетнама - город Ханой. Глубокой ночью Ил-18 приземлился на военном аэродроме Ной-Бай 8 октября 1966 года. На аэродроме нас ждали автобусы. Мы погрузились в автобусы, и нас повезли в город Ханой. В город нас привезли уже утром, в гостиницу Кимлиен.

По приезду в гостиницу с нами провели ознакомительный курс по пребыванию в Демократической Республике Вьетнам и рассказали о технике безопасности.

Нам категорически запрещалось пить некипяченую воду, купаться в открытых водоемах, запрещалось появляться, где бы то ни было без сопровождения работников группы обслуживания, которая отвечала за нашу безопасность, а также обеспечивала нас всем необходимым.

Группа по обслуживанию советских специалистов состояла из одного переводчика, нескольких водителей по доставке нас в дивизионы, группы по закупке продуктов питания, двух поваров, двух официантов и охраны. У начальника группы была постоянная связь с командным пунктом 236-го зенитно-ракетного полка (ЗРП). За питание мы платили свои деньги из расчета 7 донгов в сутки. На эти деньги повара покупали продукты и готовили пищу для нас.

Уже к обеду нас распределили по будущим рабочим местам. К тому времени в ЗРВ ПВО Вьетнама на боевых позициях было три зенитно-ракетных полка (ЗРП): 236-й, 238-й и 285-й. Один полк охранял город Ханой, второй полк прикрывал город-порт Хайфон, а третий действовал в 4-й военной зоне на позициях провинции Винь, это в районе 17-й параллели на юге Северного Вьетнама.

Наша группа от 4-й (Уральской) отдельной армии ПВО была распределена в 236-й ЗРП ПВО Вьетнама, который прибыл с юга Северного Вьетнама. Полк прикрывал

воздушное пространство города Ханоя и его подступов и был всегда в постоянной боевой готовности.

Этот полк первым сделал боевые пуски ракет и 24 июля 1965 года первым открыл боевой счет вьетнамских ЗРВ сбитым американским самолётам. Впоследствии его называли «Первым полком».

При распределении инженер-капитана Коротаяева и инженер-лейтенанта Игrevского из нашей группы перевели в другую полковую группу СВС.

Итак, мы влились в группу военных специалистов 236-го ЗРП, в которой на момент нашего прибытия осталось два человека из прежнего состава: специалист при главном инженере полка инженер-капитан Н.А. Руденко и специалист при техническом дивизионе старший лейтенант Н.П. Туманов. До октября 1967 года полком командовал майор Чан Сань.

Ежедневно с наступлением темноты мы группой объезжали все дивизионы полка на двух восьмиместных автомобилях ГАЗ-69. В каждом дивизионе говорили с техниками о состоянии материальной части и проводили контроль функционирования оборудования в присутствии командира дивизиона. Если у вьетнамских техников систем были претензии к работе материальной части, то мы немедленно устраняли эти недостатки. Наладив нормальную работу материальной части, мы уезжали в следующий дивизион. Каждую ночь мы объезжали все дивизионы полка и к утру возвращались на место нашей дислокации в городе Хадонг. Это пригород Ханоя, который находится на выезде из города в направлении города Хоабинь.

В субботу-воскресенье отдыхали, если материальная часть в дивизионах была исправна. При неисправностях немедленно выезжали в дивизионы в любое время суток. В некоторые субботы и воскресенья проводили занятия с техническим составом полка по работе радиотехнических схем (усилитель, мультивибратор, триггер, блокинг-генератор).

В свободное время выезжали в советское посольство посмотреть кино. Там показывали новые фильмы. Во дворе посольства иногда встречали советские праздники.

5 ноября 1966 года, вместе с командованием 236-го ЗРП, нас пригласил на встречу мэр города Ханоя товарищ Чань Динь Хуэ. Вместе с нами мэр Ханоя принимал лётчика-

космонавта Германа Степановича Титова - председателя Общества советско-вьетнамской дружбы. В честь этого праздника мы подарили мэру города Ханоя часть крыла самолета F-105, сбитого над Ханоем.

Накануне Нового года (1967) каждому советскому военному специалисту, находившемуся во Вьетнаме, из Москвы прислали посылки от министра обороны СССР. В посылке была бутылка водки, советское шампанское и хорошая закуска, а также поздравительная открытка с видом на Спасскую башню Московского Кремля, которую я храню до сих пор.

Наступил 1967 год. Ежегодно перед Новым годом на католическое Рождество объявлялось перемирие, и около двух недель американские самолеты не бомбили Северный Вьетнам. Мы отмечали этот праздник вместе с вьетнамскими друзьями. 31 декабря мы пригласили к нам в гости командование полка (около 20 человек) и дивизионов. Встречали праздник в доме, где мы жили. Украсили комнату небольшими флагами республик, входящих в состав СССР. Поздравили вьетнамских товарищей с достигнутыми победами над американским агрессором, а они, в нашем лице, благодарили СССР за бескорыстную помощь. В конце праздника командир полка товарищ Чан Сань, пригласил нас на вьетнамский Новый год по лунному календарю – Тэт, который в 1967 году отмечался 8 февраля. Его мы отметили на командном пункте полка.

Летом 1967 года я устранил серьезную неисправность: система РПК (радиопередатчик команд) управления на борт ракеты вышел из строя. Я определил, что неисправно устройство линии задержки в блоке дешифратора. Эта деталь была в единственном экземпляре в полковом ЗИПе. Привезли эту деталь, я установил её, а команды с дешифратора всё равно не поступали. Выяснили причину: в другом дивизионе случилась такая же неисправность, после устранения которой демонтированную неисправную деталь случайно положили в ЗИП. Исправную деталь нашли в ранее разбитом дивизионе. Привезли оттуда весь блок. Я поменял устройство линии задержки, настроил выходные параметры, и команды управления стали поступать на борт ракеты. Дивизион снова стал боеготовым. При очередном налёте на Ханой этот

дивизион провел бой и уничтожил один самолет «Фантом» F-4С.

За период моей командировки, во Вьетнаме я участвовал в 18 боях в составе 236-го ЗРП ВНА, при этом было сбиты 8 американских самолётов.

В марте 1967 года уехали в СССР товарищи Н.А. Руденко и Н.П. Туманов. На место Н.П. Руденко приехал главный инженер Горьковского ЗРП инженер-капитан В.П. Люлюкин.

Командировка заканчивалась, и в начале октября нас вьетнамцы пригласили на прощальный приём, на котором меня наградили вьетнамской медалью «Дружба» и вручили Почётную грамоту, подписанную премьер-министром ДРВ Фам Вам Донгом.

Мы вернулись на Родину.

В феврале 1968 года меня назначили на должность заместителя командира дивизиона по инженерно-ракетной службе в в/ч 83286 города Пензы.

В сентябре 1969 года меня назначили командиром дивизиона в в/ч 1305 города Йошкар-Ола.

В марте 1971 года я стал командиром дивизиона нового комплекса С-200В «Вега» 318-го ЗРП в городе Казани и, вместе с личным составом дивизиона, был направлен на переучивание в учебный центр «Гатчина». Окончив курсы и выполнив боевые стрельбы, в ноябре 1972 года дивизион заступил на боевое дежурство. Прослужив в этой должности до декабря 1980 года, я в звании подполковника был уволен из рядов Советской Армии по возрасту.

За службу Родине и участие в боевых действиях во Вьетнаме награждён орденом Красной Звезды, двадцатью медалями СССР и тремя медалями Вьетнама.

В марте 2012 года я был избран председателем Правления регионального отделения Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме (МООВВВ) в Республике Татарстан.

25 апреля 2000 года, спустя 20 лет после увольнения из Советской Армии, у меня дома раздался телефонный звонок, я взял трубку. Женский голос спросил: «У телефона товарищ Иванов?» Я ответил: «Да». Женщина представилась директором вьетнамского рынка в городе Казани мадам Дао Тхи Кой.

Она пригласила меня в один из ресторанов города Казани, где 30 апреля 2000 года вьетнамская диаспора города Казани отмечала 25-летний юбилей освобождения Южного Вьетнама и объединения страны. На праздновании были три участника войны во Вьетнаме: лётчик майор Хусаинов Владимир Николаевич, ракетчик подполковник Шайхитдинов Каим Касимович и я. Вьетнамцы оказали нам очень тёплый приём и вручили праздничные подарки. Мы поздравили вьетнамцев с 25-летием объединения их Родины и в своих выступлениях рассказали, кто и где из нас воевал.

На юбилее мадам Кой пообещала организовать нам поездку во Вьетнам. Она согласовала в посольстве нашу поездку во Вьетнам, купила на свои средства нам билеты в Ханой и обратно.

6 октября 2000 года мы вылетели в город Ханой и были во Вьетнаме 12 дней. Нас встречали вьетнамские однополчане - ветераны войны и принял Командующий Войсками ПВО и ВВС Вьетнама, который подарил нам на память наручные (позолоченные) часы. Мы посетили много музеев и исторических зданий. Нам показали бывшую политическую тюрьму, где содержали пленных американских лётчиков.

В августе 2012 года, я во второй раз посетил Вьетнам в составе делегации МООВВВ, на этот раз по приглашению министра обороны Вьетнама. Делегации ветеранов вьетнамской войны из России, Украины и Белоруссии в количестве 30 человек прибыли во Вьетнам. Нас принял министр обороны, затем Главком Войск ПВО и ВВС.

Начальник Главного Политического управления Вьетнамской Народной армии в честь нас устроил торжественный ужин, на котором был дан замечательный концерт с участием известных артистов Вьетнама. Затем нам вручили нагрудные Знаки ветеранов ПВО и ВВС Вьетнама и подарки. Мы посетили знаменитые курорты Вьетнама.

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Шемелов Станислав Владимирович**, студент 1-го курса магистратуры по специальности «Журналистика» Казанского (Приволжского) федерального университета*

Исаченко Анатолий Михайлович

Начались известные события в Нагорном Карабахе

Я родился 10 марта 1958 года в селе Дивовка Брянской области в семье колхозников. Село наше стоит на речке Дивовце.

Первое упоминание села в летописи относится к 1699 году. Во время Великой Отечественной войны фашисты, отступая, сожгли и убили 308 жителей нашего села. Не вернулись с той войны мой дед (лежит в братской могиле под Псковом) и родной дядя (похоронен в братской могиле в Калининградской области). Дед по отцовской линии, Исаченко Герасим Акимович, был комиссован из армии по ранению в 1944 году.

Родители мои: отец Михаил Герасимович, мать Евдокия Кирилловна. Нас, детей, у родителей было пятеро.

В 1973 году я окончил Дивовскую 8-летнюю школу и продолжил обучение в средней школе села Новая Романовка, где окончил 10 классов. Пока учился - жил в интернате при Ново-Романовской школе.

Мечта стать военным появилась ещё до школы, а стать именно лётчиком я решил в третьем классе. После девятого класса в нашей школе проходили районные сборы по подготовке к срочной службе в армии. На этих сборах из всех школ района и классов всех параллелей я показал лучшие результаты, в частности, по стрельбе из автомата, выбив 29 очков из 30 возможных. Зная, что я хочу в армию, хочу в

военное лётное училище, курировать меня взялся райвоенком - подполковник Туровский.

Меня пригласили в военкомат и спросили, в какое училище я хотел бы поступить. Я написал заявление в Харьковское высшее военное лётное училище, прошёл районную военно-медицинскую комиссию, после нее - областную. Конкурс был высоким. Из 30 абитуриентов области, желающих поступить в военные училища, прошло только четверо. Не прошёл и я из-за полученного в детстве шрама на лбу, что оказалось для авиации недопустимым из-за возможных сильных перегрузок. При прохождении мандатной комиссии председатель комиссии сначала написал в моем личном деле «годен», а потом, когда поздравлял и погладил меня по голове, увидел этот шрам и тут же дописал «не годен». Очень я тогда расстроился.

Пришлось вернуться в свой район, в свою школу. Снова я пошёл в военкомат. Военком предложил мне направить документы в авиационное политическое училище. Сначала я не хотел - всё-таки мечтал стать лётчиком, но это было серьёзным шагом на пути к мечте. Переоформили документы и отправили в Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, в котором вели подготовку замполитов. Прошёл месяц. Документы пришли обратно, и я узнал, что снова не прошёл - не хватило одного балла.

Потом там же в военкомате я узнал о Саратовском лётном училище, которое готовило вертолётчиков. Военком спросил меня: «Поедешь?» Я сказал: «Поеду!»

В нашей школе наступил выпускной вечер, ощущалась торжественность, на наших лицах были улыбки, впереди неизвестная дорога длиною в жизнь. Была торжественная линейка, мы дарили преподавателям памятные сувениры. И в этот же день из военкомата приехал посыльный и привез подтверждение моего вызова в Саратов для сдачи вступительных экзаменов в лётное училище и прохождения медицинской комиссии. Не дожидаясь окончания выпускного вечера, я пришёл домой в Дивовку, чтобы попрощаться с родителями. Собрал старенький чемоданчик с вещами. Отец тогда был на работе. Мать проводила меня до калитки.

Из моего района в военные училища поступало 4 человека: один - в военно-химическое училище, а трое - в

лётное. И я в их числе. В летное училище доехал только я, остальные передумали. Был 1975 год. От Новой Романовки до райцентра мы ехали на телеге. Нас торжественно встретили в районе, а из района в область мы добирались на автобусе, потом до Саратова - на поезде.

По приезде я узнал, что Саратовское училище не высшее, а среднее, но решил, что нужно поступать, чтобы быть ближе к своей мечте. А в будущем, после окончания, если появится возможность, получить высшее образование. В училище готовили вертолётчиков, пилотов-техников и техников-механиков (бортовых авиационных техников). Оно специализировалось на подготовке летчиков для армейской авиации. Летать курсантов учили на вертолетах Ми-2 и Ми-8. Был огромный конкурс - 8 человек на место! В школе я учился хорошо, имел оценки 4 и 5, только иногда - 3.

Со мной вместе поступали ребята и старше меня, в их числе и те, что до этого учились в ДОСААФе, со многими из них я подружился. Некоторые ребята, видимо, уже подзабыли школьную программу, и мне по их просьбе приходилось сдавать отдельные экзамены. И они всегда получали «отлично». А когда пришел мой черед, на «своем» экзамене я получил «удовлетворительно».

Каждый раз после сдачи экзаменов вывешивались списки, кто прошел.

Не найдя свою фамилию в списках на зачисление, я очень расстроился, но решил, что так просто домой ехать нельзя! Как я родителям в глаза посмотрю? Что скажу товарищам? И я решил идти на приём к начальнику училища. Недолго мялся перед дверью кабинета, зашел. Рассказал ему свою историю, мол, так и так, приехал издалека, из многодетной семьи, все детство мечтал стать летчиком, так просто домой не поеду. Он выслушал меня и подвёл к тому, что в следующем году мне стоит попробовать снова, что такие настойчивые ребята нужны и тогда меня возьмут без экзаменов.

Говоря, он вывел меня за дверь. Подождав ещё несколько дней и пройдя очень строгую медкомиссию, я снова направился к нему. Он увидел меня, вспомнил, рассмеялся и сказал: «Молодец! Вижу, что действительно хочешь учиться! Значит, будешь!» На следующий день я увидел свою фамилию в списке зачисленных.

В 1977 году я окончил Саратовское военное авиационное училище летчиков и получил назначение в Прикарпатский военный округ. Штаб округа располагался во Львове. Нас приехало из училища 12 человек. Все мы были молодыми, энергичными, патриотами своей Родины, нам хотелось каких-то больших дел.

Наутро после приезда нас пригласили в штаб армии. Там я получил направление в город Бердичев Житомирской области, где формировался вертолётный полк. Технику для него пригоняли из других частей. В основном, это были старые вертолёты Ми-24 А. Меня определили в первую эскадрилью на должность бортового авиационного техника вертолёта Ми-24А.

Я сдал все положенные зачёты на допуск к полетам, и началась работа. Мне пришлось и летать и самостоятельно обслуживать технику. В 1978 году я женился, здесь же, на Украине. Прослужил я в Бердичеве до 1979 года. Перед этим пришел приказ о перебазировании нашего полка на Дальний Восток.

2 января 1979 года мы погрузились в эшелон и в течение нескольких недель перебазировались в Хабаровский край, в небольшой военный городок, затерянный в тайге, толком еще не обжитый. Технику получили на месте после прибытия - на заводе в городе Арсеньево. Это были новые Ми-24В.

Об афганской войне начались разговоры в части еще в начале 1979 года. Построения, митинги в поддержку афганского народа. Была вера в себя, в парию, под руководством которой строили «светлое будущее». Мы, как люди военные, конечно, понимали, что должны быть готовы выполнить приказ Родины, оказать помощь афганскому народу. Наша часть готовилась к этому, совершенствуя боевую выучку летного состава.

Меня тогда все же не покидала мысль поступить на летный факультет. Одно дело - обслуживать технику, а другое - управлять вертолётном, самому летать. Когда я окончил училище, то имел средний балл выше 4. В конце 1978 года я написал письмо министру обороны о том, что я летаю бортовым авиационным техником и мечтаю получить высшее образование, хочу сам пилотировать вертолет, прошу не

отказать и дать возможность попробовать поступить в высшее лётное училище.

В конце мая с Дальнего Востока я поехал в отпуск в родное село, потом на Украину, на родину супруги. И именно там я получил письмо-ответ от министра обороны с просьбой к командиру части отпустить меня для сдачи вступительных экзаменов в Саратовское высшее военно-авиационное училище летчиков (к тому моменту оно уже стало высшим), а начальнику училища - принять меня при условии успешной сдачи экзаменов после прохождения медицинской комиссии.

Вступительные экзамены я сдал на 4 и 5, медкомиссию прошёл. Работал в приемной комиссии до зачисления, помогал таким же ребятам из провинции осуществить свою мечту.

Особенно напряженной была учеба и летная практика, которая была у нас все 4 года обучения. Обучение курсантов проходило на вертолетах Ми-2, Ми-8. В 1983 году я получил диплом о высшем образовании (летчик-инженер). Мне было присвоено воинское звание «лейтенант».

После отпуска летом 1983 года на меня оформили документы для службы в ГДР. В августе 1983 года я прибыл в Брандис, это недалеко от Лейпцига. Там стоял вертолётный полк и полк истребительной авиации. У летчиков тогда был выработанный порядок, его предписывали документы: по прибытии к новому месту службы вновь сдаёшь зачёты на знание своих обязанностей согласно инструкции экипажа, знание района полетов, действия в особых случаях в полете, правил ориентировки, вооружения, применяемого на вертолете и т. д. Все зачёты я сдал на оценку «хорошо». Во время сдачи зачетов присутствовал командующий авиацией танковой армии, он похвалил меня за знания и спросил, откуда я родом. Я ответил, что из Брянска. Он сказал, что я его земляк. Потом спросил, на каком типе вертолета хочу летать? Я ответил, что на Ми-24. Перед отъездом он сказал командиру, чтобы меня не обижали.

В октябре 1983 года я приступил к полётам на вертолете Ми-24, которые проходили регулярно, согласно плану боевой подготовки части. Совершали полеты в простых и сложных метеоусловиях, тренировались пускать ракеты в составе экипажа, звена, эскадрильи, выполняли бомбометание с вертолета. Были учения с перелётом из ГДР в Польшу.

Выполняли боевое дежурство на площадке на границе с ФРГ с перехватом малоскоростных целей. В 1984 году я стал летчиком 3-го класса, а в 1985 году был уже летчиком-штурманом звена.

В 1988 году по замене перевелся служить в Закавказский военный округ. Практически сразу по прибытию и сдаче зачетов приступил к полетам. В Закавказье рельеф местности - горный. Полеты в горах являются довольно сложным видом летной подготовки. В горах, как правило, отсутствуют ровные взлетно-посадочные площадки и свободные подходы к ним, поэтому взлет и посадка требуют от летчика грамотной техники пилотирования и твердых знаний особенностей полетов в этих условиях.

В 1987 года начались известные события в Нагорном Карабахе, в которых мне пришлось участвовать. Запомнилось одно из самых сложных заданий - поиск и уничтожение пушки, из которой в мирное время обстреливали лавиноопасные склоны гор, а с началом конфликта начавшей бить по населенным пунктам. Еле нашли мы, экипажем, в горах позицию этой пушки. Много раз пролетали над местностью, пытались выследить - всё впустую. И тут вижу: ровная небольших размеров возвышенность, а на ней три вкопанных ели. И как раз между ними и стоит эта пушка! Пустил я управляемую ракету уже в развороте, которая угодила прямо под орудийный ствол. Потом эту пушку притащили тягачом в нашу часть. Командующий перед строем похвалил летный состав за отличное выполнения задания, стал интересоваться, кто стал отличником нашего летного дня. В тот раз я не вышел и не признался: посчитал, что ничего особенного не совершил. Кроме того, нас в Нагорном Карабахе как бы и не было. Первые вылеты выполняли с замазанными звездами на борту. Было недоумение, недопонимание, даже досада, что армия вляпалась в этот конфликт. И все же мы считали, что своими действиями склоняем стороны конфликта к миру.

В 1991-1992 году в вооруженное противостояние перерос грузино-осетинский конфликт. Город, в котором размещалась наша часть, был на территории Осетии, а аэродром - на территории Грузии. И вот каждый день в сопровождении танка мы ездили на аэродром для выполнения полетов и

обслуживания авиационной техники. Из Цхинвали уезжали раненые, беженцы, женщины и дети, а точнее улетали. Мы готовили технику, садились прямо в городе или забирали людей, прибывших на аэродром, и вывозили вертолетами в Тбилиси на аэродром Вазиани. Как правило, вывозили из Цхинвали грузин, они боялись оставаться в городе.

В середине 1991 года я перевёлся на Украину, но после распада Союза вернулся служить на родину - в Россию. В декабре 1994 года началась война в Чечне. Я принимал участие в 1-й и 2-й чеченских кампаниях. Война в любом случае - страшная вещь, ее начинают политики, а страдает простой народ. Особенно тяжело воспринимается, когда это происходит на своей земле и со своим народом. Я видел горе людей. Это жутко. Злость и усталость приходили после завершения боевого задания. В день иногда выполнял по шесть вылетов. Приходил на аэродром с несколькими пробоинами в корпусе вертолётa. Мы тогда не задумывались о том, что некоторые из них могли стоить нам жизни. С собой в полете были бронежилет, автомат, пистолет и граната. На всякий случай...

Летать в Чечне было тяжело не только физически, но и морально. Участвуя в 1-й чеченской, я наверно и начал по-другому смотреть на жизнь, больше ценить её. Я видел, как люди отдавали ее за свою страну, за Конституцию, а потом их, искалеченных взрывами, не взирая на чины и звания, грузили в вертолёт. Не было никаких почестей, никакой торжественности. Это было жутко. На аэродроме к моему вертолету подъезжал КАМАЗ, выскакивали бойцы и забрасывали в кузов погибших, как дрова.

Первоначально мы базировались на аэродроме в Моздоке, мне запомнилась одна из картин: подхожу после вылета к диспетчерской, чтобы узнать задание на следующий вылет. На лавочке сидит майор-пехота, перед ним гора наваленного военного снаряжения, вытирает слезы. Спрашиваю: «Что случилось? Что плачешь?» Ответ: «Был батальон, а теперь нет. Что я скажу родителям погибших?»

Когда смотрю военные фильмы по телевидению, часто вспоминаю лицо того майора. Прибывавшее молодое пополнение не осознавало, что здесь настоящая война.

В Чечню они ехали весёлые, с гитарами, пели песни. А на следующий день многие из них стали грузом «200».

На аэродроме - «месиво» от военной техники. Очень тяжелыми были условия быта: трудно было помыться, не хватало времени на сон. Кушали, как говорится, на ходу.

Во 2-ю чеченскую кампанию порядка было уже больше, больше и опыта в выполнении полетов и во взаимодействии с наземными войсками. Выполняли полеты днем и ночью. Садись в горах, по приборам, в сложных метеоусловиях. Мы вылетали на сопровождения колонн, прикрытие войск с воздуха, на высадку десанта, вели с воздуха разведку, наносили удары по заранее выявленным целям, перевозили различные грузы, вывозили раненых и так далее, даже прикрывали бронепоезд.

За личное мужество, отвагу и храбрость, проявленные при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, я награжден орденом Мужества, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (с мечами), медалью «За отвагу», медалью ООН, медалью министра обороны республики Абхазия «За поддержания мира в Абхазии», а также 15 медалями различных ведомств.

Строки из наградного листа на представление меня к ордену Мужества: «В совершенстве летает на вертолетах Ми-8, Ми-24. Зарекомендовал себя мужественным, отважным, высококлассным специалистом. Выполнил более 150 боевых вылетов на уничтожение обнаруженных позиций боевиков, перевез около 20 тонн различных грузов и боеприпасов, около 130 раненых из районов боевых действий в Чеченской Республике в различных метеорологических условиях. 25 июля 2000 г. подполковник Исаченко А.М. выполнял боевую задачу по спасению и эвакуации разведгруппы 56-го десантно-штурмового полка, попавшей в засаду в районе н.п. Майртуп. Подполковник Исаченко А.М. с десантной группой на борту вертолета Ми-8 прибыл в указанный район. К этому времени военнослужащие разведгруппы были полностью окружены боевиками. Под перекрестным огнем со стороны бандитов, подвергаясь смертельной опасности, подполковник Исаченко А.М. посадил свой вертолет непосредственно в месте ведения боя. В течение 5 минут всей группе пришлось вести ожесточенный бой, прикрывая эвакуацию

военнослужащих, трое из которых были тяжело ранены. Рискуюя собственной жизнью, под непрерывным огнем противника подполковник Исаченко А.М. грамотно руководил боем и эвакуацией личного состава. Закончив загрузку всех военнослужащих, подполковник Исаченко А.М. произвел взлет и, выполнив противозенитный маневр, используя рельеф местности, ушел из зоны огневого воздействия боевиков. Несмотря на множественные пулевые пробоины, полученные боевой машиной, проявив героизм и мужество, выдержку и хладнокровие, подполковник Исаченко А.М. благополучно довел вертолет до аэродрома базирования. В результате грамотных действий подполковник Исаченко А.М. успешно выполнил поставленную задачу и спас жизни 14 военнослужащих разведгруппы».

В 1998 году проходил службу в российской авиационной группе в составе воинского контингента сил ООН в Анголе.

В 2002 году уволился в запас. За личный большой вклад в работу по патриотическому воспитанию молодежи в 2014 году награжден памятной медалью «Патриот России».

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Александра Шатилова**, студентка 3-го курса Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского*

Канаев Вячеслав Михайлович

Нами был сбит, «юбилейный», 1300-й самолёт

Я родился 5 июля 1939 года в городе Железнодорожный Московской области.

В 1957 году окончил 10 классов и поступил в Горьковское радиотехническое училище Войск ПВО, которое окончил в 1960 году. Службу начал техником системы, затем был офицером наведения, начальником отделения Ленинградской (6-й отдельной) армии ПВО.

В декабре 1965 года я был приглашен на беседу к начальнику отдела кадров зенитной ракетной бригады, в которой я в течение четырех лет проходил службу в должности офицера наведения дивизиона. Он предложил мне поехать на конкурсной основе в заграничную командировку в одну из стран с жарким и влажным климатом.

Как потом выяснилось, из различных подразделений бригады был создан боевой расчет дивизиона весьма сокращенного состава. В январе-феврале 1966 года этим составом мы готовились к поездке, изучали особенности техники, поставляемой Советским Союзом за границу. В марте нам сообщили о том, что нас командируют в Демократическую Республику Вьетнам для оказания помощи в подготовке расчетов зенитных ракетных дивизионов.

В начале апреля мы прилетели во Вьетнам, на аэродром Залям. Нас сразу отвезли в учебный центр, расположенный в

джунглях недалеко от Ханоя. Учебный центр представлял собой тщательно замаскированные, построенные из бамбука домики для проживания, хозяйственные постройки и классы. Впоследствии, после получения техники, там же были развернуты зенитные ракетные комплексы для изучения материальной части и обучения боевой работе. В учебном центре выход в эфир был строго запрещен, поэтому обучение боевой работе осуществлялось с помощью имитатора. Несмотря на необычные климатические условия (большую влажность) и увеличенную продолжительность учебного дня, инструкторский состав делал все возможное для подготовки расчетов ВНА. Занятия проводились с утра до позднего вечера с двухчасовым перерывом в жаркий вьетнамский полдень.

Надо отметить удивительную работоспособность солдат, сержантов и офицеров вьетнамского расчета. Несмотря на слабую общеобразовательную подготовку в области радио- и электротехники, путем усиленной самоподготовки после продолжительного учебного дня, они сумели достаточно хорошо подготовиться к ведению боевой работы и обслуживанию техники. В достижении этих результатов я вижу заслугу своих товарищей: Н. Говорухина, В. Лупенкова, К. Борисова, В. Гула, В. Урбана, Г. Мисюкова, К. Картоножко и вьетнамского командира дивизиона майора Хуана.

Большой объем работы выпал переводчикам. Я до сих пор вспоминаю внимательные и доброжелательные глаза переводчика Туена, с которым я работал и в учебном центре и на боевых позициях. Он был главным звеном в нашем общении с вьетнамцами. Ведь было очень важно не просто перевести сказанное инструктором, но и убедиться, что обучаемый все правильно понял. Это имело особое значение при обучении офицеров наведения. У него была заветная мечта - побывать в нашей стране. К сожалению, не знаю, исполнилась ли она.

После обучения в учебном центре дивизион был развернут на заранее подготовленной в инженерном отношении позиции. Главной нашей задачей на втором этапе подготовки было обучение расчетов ведению боевой работы с проведением реальных стрельб.

На этом этапе боевую работу вел расчет советских инструкторов, боевой расчет ВНА находился рядом со своими «учителями». Второй этап продолжался 1,5 месяца.

На третьем этапе под руководством советских специалистов работали номера вьетнамских расчетов.

Распорядок дня у нас соответствовал обстановке. Подъем осуществлялся затемно. Личный состав дивизиона и инструкторы до рассвета проверяли и настраивали «боевые параметры» максимально влияющие на точность стрельбы. С рассветом, а он, как и вечерняя темнота, наступал мгновенно, проверялся последний параметр - синхронность антенн и пусковых установок. Комплекс был готов к бою. После этого все завтракали. Затем, в ожидании налета, продолжали обучение вьетнамских боевых расчетов.

Перед самым выходом на боевые позиции серьезно заболел командир нашего дивизиона. Он был срочно отправлен в Советский Союз, а командиром дивизиона был назначен командир 1-й батареи капитан Александр Павлович Гладышев.

О Гладышеве А.П. хочется сказать отдельно. Молодой 27-летний грамотный офицер, он еще до командировки во Вьетнам был награжден орденом Красной Звезды за успешное освоение новой техники. В боевых условиях его качества раскрылись наиболее полно. В соответствии с основным принципом организации ПВО - уничтожать все цели, входящие в зону поражения комплекса и приближающиеся к обороняемому объекту, он при любых самых сложных условиях принимал решение на открытие огня.

О расчетливости и грамотности капитана Гладышева говорит следующий случай. Однажды ночью дивизион был поднят по тревоге и обнаружил приближающуюся к объекту цель. Условия для стрельбы были идеальными - оптимальная высота (6 километров), небольшая скорость, но именно это и насторожило Александра Павловича. Он не дал команду на открытие огня, а через несколько секунд выяснилось, что это был почтовый самолет китайского производства, который не был оснащен аппаратурой системы опознавания. Интуиция и опыт командира убергли экипаж и самолет от гибели.

Американское командование после больших потерь, особенно в день 7 августа 1966 года, названный ими «черным

воскресеньем», прекратило налеты на объекты ДРВ. Наш дивизион провел восемь стрельб, уничтожил 8 самолетов противника с расходом 15 ракет.

Две стрельбы сложились для нас неудачно. Причиной одной из них была ошибка операторов вьетнамского расчета, забывших после проведения регламентных работ на приемопередающей антенне подсоединить одну из фишек. Второй раз ракеты были потеряны в результате бомбардировки противником позиции дивизиона. В момент наведения ракет на цель осколками бомб были повреждены: антенна приемопередающей системы и один из дизелей - в результате кабины были обесточены. Боеготовность аппаратуры была восстановлена очень быстро, но ракеты были потеряны.

Примечательным был наш первый бой. Нами был сбит «юбилейный», 1300-й самолет. Траектория его полета была по отношению к нашему дивизиону с большим параметром, т.е. самолет шел на значительном удалении и находился в зоне поражения очень короткий промежуток времени. Как потом выяснилось при изучении карты пленного летчика, он должен был нанести удар по соседнему дивизиону, проводившему регламентные работы. Исходя из условий стрельбы, ракета на конечном участке траектории наводилась почти вдогон самолету. При подрыве она разрушила его хвостовую часть и, по-видимому, изменила направление его движения. Неуправляемый самолет с горящим хвостом начал двигаться в направлении нашего дивизиона. Летчик катапультировался недалеко от позиции и был взят в плен.

Произошел курьезный случай. Командир стартовой батареи, впервые наблюдавший такую картину, доложил на ПУ дивизиона: «Ракета развернулась и движется в нашем направлении!» Он принял горящий самолет за ракету.

Поскольку сбитый самолет был «юбилейный», вечером на позицию прибыло руководство провинции и вручило нам подарки - радиоприемник, фрукты и корзину ананасов. Приехавшие сказали, что население провинции впервые вблизи увидело, как советские ракеты сбивают самолеты. Что это укрепляет у людей веру в победу Вьетнама. Ананасы мы съели сами, а остальные подарки передали вьетнамскому расчету.

Хочется с признательностью вспомнить наших солдат и сержантов. Точное исполнение обязанностей и ни одной жалобы на условия жизни. Особо мне близки операторы ручного сопровождения (РС). От их работы зависело очень многое: точность и плавность сопровождения целей, а значит и наведение ракеты, умение не потерять цель в помехах, заметить и среагировать на маневр целей, заметить пуск снаряда «шрайк» и многое другое.

Оператора по дальности младшего сержанта Володю Черненко за несколько дней до выезда на позицию укусила в ногу ядовитая сороконожка. Нога сильно распухла, поэтому его были вынуждены отправить в госпиталь. Заменить его было нечем, ведь специалистов было по одному в расчете, а дивизион стрелять без него не мог. Владимир это понимал и уговорил врачей продолжить лечение амбулаторно. В течение трех месяцев у него несколько раз обострялась болезнь, распухла нога, но до отъезда в Советский Союз он не покинул свой боевой пост, работал безошибочно и сделал все возможное для достижения успеха в боях.

Оператор по азимуту ленинградец Миша Лозовский был воплощением спокойствия, казалось, что он вообще не может допускать никаких ошибок даже в самых стрессовых ситуациях, и он их не делал.

Оператор по углу места В. Терентьев по характеру был полной противоположностью своим товарищам - импульсивен, но его рабочее место находилось рядом со мной и вместе мы сумели избежать ошибок.

Советское правительство высоко оценило их ратный труд. Все операторы РС были награждены советскими орденами и медалями: В. Черненко и М. Лозовский — орденом Красной Звезды, В. Терентьев - медалью «За боевые заслуги».

Несколько слов о нашей совместной работе с вьетнамским расчетом в бою. Надо отметить, что в это тяжелое для страны время вьетнамцы делали все возможное как для обеспечения нашего быта, так и для успешного решения поставленных перед нами задач на боевой позиции.

В начале нашей совместной работы вьетнамские коллеги относились к нам несколько настороженно. Видимо, под влиянием китайской пропаганды, обусловленной обострением в то время советско-китайских отношений, у них сложилось

мнение о нас как о людях изнеженных и избалованных «изобилием». Постепенно, в результате совместной работы с вьетнамцами, их отношение к нам изменилось. Окончательный перелом в этом, на мой взгляд, наступил под влиянием, казалось бы, незначительного случая.

Как известно, нам приходилось часто менять огневые позиции. Эта задача полностью ложилась на вьетнамский расчет. Однажды ночью в конце напряженной работы по свертыванию комплекса мы заметили, что наши изрядно уставшие коллеги, обступив прицеп с антенной, никак не могут выкатить его с позиции на дорогу. Тогда наш расчет, и офицеры, и солдаты, человек 6-7, дружно взявшись, откатали прицеп, затем вместе с вьетнамцами быстро подготовили технику к передислокации. Мы видели в их глазах удивление и благодарность за помощь.

Нельзя не отметить еще одну деталь. Во время ведения боевой работы я заметил, что обучаемые мною офицеры наведения вьетнамского расчета как-то очень близко пододвигаются ко мне и тем самым невольно затрудняют ведение боя. Сначала мне показалось, что они не все видят, поэтому стараются быть поближе ко мне. Никаких секретов из методов своей работы я, конечно же, не делал. Я обратился к своему переводчику, чтобы выяснить это недоразумение.

Потом все прояснилось. Оказывается, они получили приказ, чтобы ни один советский инструктор не пострадал от налета авиации противника, поэтому во время боя они своими телами закрывали нас. А в соседнем дивизионе во время налета авиация противника вывела из строя пусковую установку, сержант-инструктор бросился устранять неисправность. Вьетнамский расчет догнал его и закрыл своими телами. Пять человек вьетнамцев были ранены, а наш сержант не получил ни одной царапины.

Надо отметить исключительную храбрость и бесстрашие солдат и офицеров ВНА. Их непреодолимое желание непременно сбить самолет врага, даже в ущерб собственной безопасности, часто помогало им одерживать победу в бою. В конце концов самоотверженными усилиями всего народа, Вьетнам отстоял свою независимость и одержал убедительную победу над американскими агрессорами, развеяв миф о

несокрушимости военной мощи США. Я горжусь, что в достижении этой победы есть частица и моего ратного труда.

В боевых действиях во Вьетнаме я участвовал с марта по ноябрь 1966 года в должности офицера наведения - командира 1-й батареи 1-го дивизиона 5-го ЗРП ВНА.

В 1973 году окончил Военную командную академию войск ПВО имени Жукова и был назначен начальником штаба ЗРП Московского округа (МО) ПВО.

С 1974 по 1981 год был командиром ЗРП, затем старшим офицером оперативного управления МО ПВО.

С 1981 по 1983 год - слушатель Военной академии Генерального штаба ВС СССР.

С 1983 по 1988 год - заместитель начальника оперативного Управления МО ПВО.

С 1988 года по настоящее время - преподаватель Военной академии Генерального штаба ВС России, профессор кафедры ВВС, кандидат военных наук, генерал-майор.

Награжден орденом Красного Знамени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени и 13 медалями, в том числе медалью «Дружбы» правительства ДРВ.

В подготовке настоящего текста воспоминаний оказали помощь

Кузнецова Виктория Николаевна

и

Живноватая Екатерина Сергеевна,

студентки 1-го курса Гуманитарного факультета Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

Каретников Константин Романович

От взрывов трёх ракет 3 самолета разлетелись на куски

Я родился 19 июля 1940 года в деревне Сарапаево Елагинского района Марийской Автономной ССР.

Отец, Харитонов Константин, погиб на фронте, мать умерла. До 11 лет жил у тётки, муж которой тоже погиб на войне. У тети было трое своих детей. Летом я пас колхозное стадо, позже мне доверили табун жеребят, с которым я тоже справился. Затем меня усыновила семья инвалида войны Каретникова Романа Фёдоровича.

В 1961 году поступил в Северо-Кавказское военно-техническое училище войск ПВО страны, которое окончил с отличием в 1964 году.

После окончания училища, где изучал зенитно-ракетный комплекс С-75 «Волхов», меня направили служить офицером наведения в Городецкий полк Горьковского корпуса ПВО.

По прибытии в дивизион меня назначили старшим техником координатной системы кабины «А». После трех месяцев службы на этой системе меня перевели на должность офицера наведения в кабину «У». Мне была поставлена задача: через год я должен быть готовым специалистом для поездки на боевые стрельбы на полигон «Ашулук».

Прослужил на должности офицера наведения семь месяцев. В июне месяце 1965 года из штаба полка в дивизион поступил приказ направить меня в гарнизонный госпиталь для

прохождения медицинской комиссии на пригодность к службе в жарких климатических условиях.

Через неделю мне было приказано выехать в Москву на Военный совет Войск ПВО страны. Среди прибывших в Москву офицеров я не встретил ни одного знакомого лица – все были собраны из разных частей округа.

Перед залом заседания Военного совета, один полковник сказал нам, что от нас не должно быть никаких лишних вопросов и ответ должен быть четкий и ясный: «Так точно» и «Никак нет».

Когда очередь дошла до меня, полковник открыл дверь и впустил меня в огромный зал, где на сцене за длинным столом сидели генералы. После того, как я доложил о своем прибытии на Военный совет, первый вопрос задал один из генералов: «Вы готовы выполнить правительственное задание?» Я ответил: «Так точно». Что-то они пошептались между собой и задали второй вопрос: «У вас есть вопросы?» Я ответил: «Никак нет». После этого мне сказали: «Вы свободны». Все получилось так, как сказал полковник перед дверью в зал заседания. Получив предписание от полковника, я вернулся обратно в свою часть.

Не прошло и недели, как я получаю из Москвы новое приказание: мне предписывалось явиться к 16 июня в одну из воинских частей Подмосковья в полевой форме, иметь при себе сменное белье, кружку и ложку.

Жена в это время была беременной, на 8-м месяце. К родителям отправлять было опасно. В дивизионе офицеры жили в 5 финских домиках, где не было никаких удобств, кроме холодной воды. Жена меня спрашивает: «Как же я буду здесь одна?» Что же я мог ответить ей, если сам не знал, куда меня направляют служить. Единственное, что я знал, как сказали на Военном совете, еду выполнять правительственное задание. Так и ответил жене.

Командир дивизиона обещал в квартире поставить телефон, чтобы жена могла позвонить в дивизион, если начнутся роды. И ее отвезут в родильный дом за 30 километров - в деревню Кандаурово.

Воинская часть, куда я приехал, находилась в поселке Митино на окраине Москвы. Там был штаб 236-го ЗРП Московского округа ПВО. На второй день нас переделели в

гражданскую форму. Вечером, в тот же день, нам выдали по 25 рублей и сказали, что мы можем поехать куда захотим, чтобы провести время кто как захочет, но завтра к 8 часам утра все должны быть в сборе.

На следующий день вечером нам поступила команда: забрать свои вещи и садиться в автобусы. В автобусе с нами ехал генерал. Привезли нас на военный аэродром Чкаловское прямо к трапу самолета Ан-10Б. Когда мы уже были в самолете, пришел генерал, который нас сопровождал в автобусе, и стал раздавать нам паспорта, при этом каждому говорил, что вы летите в Демократическую Республику Вьетнам.

На третьи сутки мы добрались до Вьетнама. На второй день после прибытия в Ханой стали формировать дивизионы.

Проблема со мной состояла в том, что я офицером наведения прослужил всего 7 месяцев, на полигоне ни разу не был и после окончания училища еще и года не прослужил. Командиры Учебного центра меня спросили: «Как же тебя отправили во Вьетнам, в это пекло войны без никакого опыта». Я ответил, что я никуда не просился, утвердил мою кандидатуру Военный совет. Остальные офицеры наведения имели большой опыт службы, прослужили в армии не менее 5-6 лет и по 2-3 раза были на стрельбах на полигоне. Конечно, каждый командир дивизиона стремился у себя иметь опытного офицера наведения, поскольку он проводит всю боевую работу и от его мастерства и расторопности во многом зависит успех боя.

Меня взял в свой дивизион майор Проскурин Иван Константинович. Я ему очень благодарен. После Вьетнама он был назначен командиром знаменитого Путиловско-Кировского гвардейского полка (из него он уезжал во Вьетнам), который под его командованием участвовал во всех парадах на Красной площади в Москве.

Техника, на которой мы должны были воевать, находилась недалеко от Ханоя, замаскированная деревьями. Нам поставили задачу: в течение 7 дней технику привести в боевую готовность. Комплекс был старого образца, 6-кабинный вариант, я такого даже и не видел.

Техника была в ужасном состоянии, поскольку везли ее из Баку по железной дороге через весь Союз и Китай. Не было

никакой технической документации, кроме принципиальных схем. С грехом пополам, через 7 дней привели комплекс в состояние боевой готовности.

Я удивлялся мастерству старшего техника кабины «П» капитана Монастырского Николая Стаховича. В его кабине «П» было много неисправностей. Без причины кабина дергалась то в одну, то в другую сторону. Магнетроны от влажности, особенно утром, начинали «стрелять», как из автомата, и выходили из строя. В основном причина была в плохом состоянии межкабинных кабелей, они не выдерживали тропическую 100% влажность, из-за чего изоляция проводов попросту сгнивала. Приходилось прокладывать временные провода поверх кабелей.

Во второй половине июля 1965 года наш 61-й дивизион впервые занял позицию в 35 километрах западнее Ханоя. За ночь, к рассвету, надо было развернуть дивизион и привести в боевую готовность. Вьетнамцы длительные физические нагрузки не выдерживали, от напряженного труда просто отключались и падали от бессилия.

Как только начало рассветать, нам объявили боевую тревогу и на экране индикатора ВИКО появились отметки от приближающихся целей. Расчет кабины управления занял свои места. Несколько групп самолетов противника подлетали к зоне поражения комплекса. В эфир выходили тогда, когда самолеты подлетали к дивизиону по дальности до 30-35 километров, в зависимости от высоты полета.

Налет авиации продолжался более часа. Они пролетали мимо дивизиона, сбрасывали бомбы, по ним стреляла зенитная артиллерия. Командир дивизиона указывал мне координаты приближающихся целей, но обнаруживать их мне никак не удавалось, их просто не было на экране. Состояние мое было ужасное. Когда я обнаружил удаляющуюся от нас цель, координаты которой отличались на 180 градусов от той цели, координаты которой нам указывал до этого командир дивизиона, у меня появилось подозрение, что наша станция разориентирована на 180 градусов. Доложил об этом командиру дивизиона, но он в резкой форме прервал меня. Можно догадаться, какие выражения можно ожидать от командира в такой напряженной ситуации. Налет авиации

закончился ничем, мы не только не сбили ни одного самолета, но даже не обнаружили их.

Командир вышел из кабины и, не сказав ни слова, куда-то ушел. Настроение было хуже некуда, вьетнамцы между собой подозрительно шептались, мне было ясно, что они сомневались в боевой возможности техники сбивать самолеты. Было очень жарко и душно.

Сел под кабину, было очень обидно, что из-за меня дивизион не выполнил боевую задачу, а я, как офицер наведения, не справился со своими обязанностями. Был уверен, что после этого командование Учебного центра отправит меня в Союз, как не справившегося со своими обязанностями. Не помню, сколько я просидел под кабиной. Вдруг вижу, что в мою сторону идет командир дивизиона. Он подозвал меня к себе и сказал, что наша станция была действительно разориентирована на 180 градусов относительно СРЦ, и попросил, чтобы я об этом больше никому не говорил.

После этого разговора с командиром я стал приходить в себя и понял, что моей вины не было в том, что мы не смогли обнаружить цели.

Через некоторое время на нашей позиции появился замполит Учебного центра подполковник Барсученко Михаил Фёдорович, он долго о чём-то разговаривал с моим командиром. Потом командир подозвал меня к себе. Когда я подошел к ним, Барсученко сказал: «Мы с твоим командиром пришли к выводу, что ты исправишься и в будущем не подкачаешь. Надеемся на тебя».

Как я понял из этого разговора, командир дивизиона ему правду не сказал. Меня оставили служить во Вьетнаме.

Обстановка в то время была очень напряженной, налеты американской авиации с каждым днем всё усиливались. Операторы в кабинах за пультом управления сидели по нескольку часов, где температура в термометрах зашкаливала за 70 градусов по Цельсию. Сидели в одних шортах, от этой жары под нами всегда собирались лужи пота. Вьетнамцы в таких условиях теряли сознание и падали в обморок, а среди советских военнослужащих не помню ни одного такого случая.

Потом было много боев, но один налет авиации запомнился на всю жизнь. С тех пор прошло почти 50 лет, но я все время вспоминаю эту историю до мельчайших подробностей.

11 августа 1965 года мы заняли позицию в провинции Нинь-Бинь уезда Завьен недалеко от промышленного центра города Фули. В 23 часа 30 минут дивизиону объявили боевую тревогу. По команде командира дивизиона, я включил станцию и привел её в боевую готовность. В нашу сторону приближалась цель на средней высоте, на дальности 40 километров. Обнаружил цель и передал на сопровождение операторам.

Сначала меня удивило то, что отметка от цели на экране была необычно большой и размытой, как отраженный сигнал от бомбардировщика. Потом эта отметка стала раздваиваться, я дал команду операторам сопровождать главную цель. На дальности 30 километров эти отметки опять слились. Через 5 секунд, по команде командира дивизиона, пустил 3 ракеты. После подрыва ракет у цели на экране индикатора образовалось большое пятно. Доложил командиру, что цель уничтожена, расход – 3.

Когда начало рассеиваться пятно на экране, то на этом фоне стала появляться отметка от цели. Взял её на сопровождение и доложил командиру: «Есть цель, цель падает».

Она падала к земле почти вертикально. В кабине было очень шумно, т.к. народу было в 3 раза больше положенного (советский боевой расчёт и два обучаемых вьетнамских). Вьетнамский командир дивизиона кричал в телефонную трубку, видимо, он докладывал о трех сбитых самолетах. Мой командир тоже отвлекался – он что-то объяснял вьетнамцу через переводчика. И вот в такой сумятице слышу команду: «Цель уничтожить двумя». По этой команде я должен был сразу пустить две ракеты по падающему самолету, но мне показалось, что командир не понял моего доклада о том, что цель падает, и нет необходимости тратить ракеты впустую. А цель все падала к земле, потом через несколько секунд вообще пропала с экрана. Когда она снова появилась, то летела уже на удалении от нас и вышла из зоны поражения

нашего комплекса. Доложил командиру, что цель удаляется, и через некоторое время она опять пропала с экрана.

Нам было неизвестно, что с ней тогда произошло, может быть, летчик был ранен и потерял сознание на некоторое время или же был поврежден самолет от взрывов трех ракет.

Потом выяснилось, что в группе было 4 самолета, они летели в плотном строю. От взрывов трех ракет 3 самолета разлетелись на куски, а четвертый самолет, видимо, был подальше от группы и лишь частично был поврежден, или же летчик на время был оглушен взрывами ракет. Возможно, он просто имитировал падение, зная, что находится в зоне поражения. Командир боевого расчета пусковой установки сержант Николай Колесник визуально видел, как взрывались наши ракеты вместе с самолетами. Полнеба было озарено взрывами. Когда стало светло, то вьетнамцы на месте падения самолетов нашли фрагменты тел погибших летчиков и куски развалившихся самолетов.

О судьбе четвертого летчика можно было только догадываться.

Эта история имела продолжение. Через неделю или две после этого к нам попала газета, которая издавалась в Сайгоне на английском языке. Один наш товарищ знал немного английский. В этой газете в основном писали о жизни и быте американских военнослужащих, но там мы нашли статью, где была информация о нашем бое. Совпадало время и место события. В этой статье сообщалось, что летчик катапультировался из поврежденного самолета и остался жив, что на место приземления прилетел вертолет службы спасения и забрал пилота, а затем его в стрессовом состоянии отправили на военную базу.

После этого боя наш 61-й дивизион сразу же возвратился на запасную позицию под Ханоем. Американцам было интересно узнать, какими боевыми средствами были уничтожены эти четыре самолета.

Рано утром, не успев отдохнуть, нам объявили боевую тревогу. С севера, со стороны Китая, в нашу сторону летел самолет. Когда я включил станцию, стало известно, что на высоте 22 километров летит разведывательный самолет U-2. В то время ни одно летательное средство во Вьетнаме не могло подняться на такую высоту. Боевую тревогу нам

объявили поздравато, U-2 был уже близко от нас. Мне надо было включить синхронизацию пусковых установок, чтобы пустить ракеты, а индикаторные лампочки о готовности пусковых установок по времени никак не загорались.

Когда все было готово, я нажал на кнопку «Синхронизация ПУ». И сразу вся станция выключилась. В кабине стало тихо и темно. Выскочили из кабины на улицу. Напротив нашей кабины стояли две дизельные электростанции, с которых ракетный комплекс получал электроэнергию. Увидели, что из одного дизеля валит дым, а также горит выхлопная труба. Вьетнамский дизелист спокойно сидел на пороге и выщипывал пинцетиком волосы из своей бороды. Он неправильно ввел два дизеля на синхронную работу, всю нагрузку тянул один дизель, а второй работал вхолостую. Когда я включил синхронизацию пусковых установок, нагрузка резко возросла, сработали автоматы защиты на выключение агрегата. Нашего, советского дизелиста, не было в штатном расписании. U-2 улетел безнаказанно, сфотографировав объекты, которые интересовали американское командование. После этого, по команде с командного пункта полка, мы быстро свернули комплекс и оставили эту позицию.

Была 100-процентная возможность сбить U-2 второй раз под Ханоем. Мы эту позицию заняли после долгих перемещений по джунглям. Во время обеденного перерыва (это время, когда на 3-4 часа на улице вся жизнь замирает из-за невыносимой жары) объявили тревогу. Пока включали станцию, самолет уже был над нами. Нам доложили, что летает разведывательный самолет U-2. Он летал по кругу над Ханоем, хотя я антенны кабины «П» поднял до верхнего упора, обнаружить его никак не мог, т.к. он был в мертвой воронке. Не было понятно, в каком направлении он будет выходить из этого круга, поэтому я сначала вращал по азимуту кабину «П» на 360 градусов. Потом начал искать его в секторе по направлению на юг. Командир дивизиона меня предупредил, чтобы я не пускал ракеты без его разрешения.

Все-таки я U-2 поймал, когда он выходил из круга в южном направлении. Мы быстро его взяли на сопровождение, я доложил командиру: «Есть цель, цель в зоне пуска». Хотел пустить ракеты, но командир не дал – он сбросил мою руку с

кнопки «Пуск». U-2 опять улетел. Потом я спрашивал командира, почему не дал пустить ракеты. Он ответил, что один из дивизионов по ошибке сбил свой МиГ-21, т.к. система опознавания «свой-чужой» во Вьетнаме не работала. Надо было ожидать от вьетнамцев команды – наш самолет или американский. Вот так и воевали - надо было иметь железные нервы.

В повседневной жизни со стороны вьетнамцев к нам было очень хорошее отношение, за исключением редких случаев. За время пребывания во Вьетнаме я практически всё время находился на боевых позициях и подготовил три дивизиона самостоятельно вести боевые действия. Мы, находясь на боевых позициях вместе с вьетнамскими расчетами, непосредственно участвовали в боевых действиях, показывая им, как надо сбивать американские самолеты.

Зенитно-ракетный комплекс должен быть постоянно боеготовым. Когда мы отдыхали, нас не было на позиции, вьетнамцы самостоятельно включали станцию и проводили разные работы: тренировали расчеты по обнаружению и сопровождению цели, а также тренировались в проведении регламентных работ.

Обычно после таких работ, при включении станции и проведения контроля функционирования, мы обнаруживали много неисправностей. Многие параметры оказывались за пределами допуска, поэтому мы категорически запрещали вьетнамцам проводить без нас какие-либо регламентные работы на станции.

Вначале я им спокойно объяснял, к чему может привести их самостоятельность. Они кивали головами, обещали больше этого не делать. Но все равно их «подпольная работа» продолжалась. Вьетнамский командир эту ситуацию объяснял тем, что у них есть большое желание как можно быстрее научиться самим сбивать американские самолеты. Иногда, для большей убедительности, мне приходилось переходить на более резкие тона с «крепкими» русскими выражениями. После этого они как пуля выскакивали из кабины и потом долго не решались заходить в неё.

Через некоторое время ко мне подошел вьетнамский замполит полка вместе с офицерами штаба и переводчиком Тяо. Замполит долго говорил по-вьетнамски, а Тяо перевел

тремя словами сказав, что я очень громко разговариваю с вьетнамским расчетом. Сначала я не понял, в чем дело. Тяо объяснил мне, что когда я с ними громко разговариваю, то часто употребляю слово из трех букв. Потом только я понял, что у них в лексиконе нет ругательных выражений. Но если скажешь вьетнамцу, что он кошка (это у них самое, для нашего понятия, ругательное выражение), то станешь для него вечным врагом.

Вот так, в повседневной жизни, иногда и возникали такие неприятности... Было всякое, но наше главное общее дело – бить врага – мы делали добросовестно и без трений.

В противоборстве с воздушными целями противника главным врагом для меня, как офицера наведения, были активные помехи. Сталкиваться с применением активных помех сначала не приходилось, но со временем интенсивность их применения наращивалась с каждым днем. Применение активных помех осуществлялось как с самолетов, действующих в составе группы, так и летающих на более дальнем расстоянии, вне зоны поражения, постановщиков. По своим техническим данным бороться с активными помехами станция была практически неспособна, поэтому нам приходилось решать боевые задачи в условиях помехового противодействия разными способами, кто как мог. В условиях помех мне удалось произвести в двух боях три пуска ракет и уничтожить три американских самолета.

Первый бой

Наша позиция находилась в 30 километрах от порта Хайфон. Налеты авиации осуществлялись практически ежедневно. В одном из боев нас окружили до десятка групп самолетов противника, шедших с разных сторон и делавших попытки прорваться к Хайфону. Долетали до зоны пуска ракет и возвращались обратно. Командование полка в этот день разрешило находиться за пультами управления вьетнамскому расчету, но наши операторы стояли за их спиной и контролировали их действия.

Одна группа из двух самолетов стала приближаться к нам, на дальности 28 километров расчет обнаружил цель и взял её на сопровождение. На дальности 25 километров пустили две ракеты по этим целям. Я контролировал все действия

вьетнамского офицера наведения и в процессе боевой работы давал ему необходимые указания.

Потом вижу, как на экране офицера наведения горизонтальная метка начала ходить вверх и вниз и вместо одной цели на экране стали появляться несколько отметок, которые передвигались по вертикальной метке. Я моментально сместил с рабочего места вьетнамского оператора по дальности, взялся за штурвал и начал искать на экране индикатора истинную цель на фоне ответно-импульсных помех (потом позже я понял эту ситуацию). И всё-таки, за несколько секунд до встречи ракеты с целью, я успел поймать истинную цель и начал её сопровождать. В результате два «фантома» были сбиты и упали в горы.

В этот раз американцы применяли ответно-импульсные помехи. Эта помеха на экране индикатора наблюдается в виде большого количества ложных отметок от целей, которые передвигаются хаотично по вертикальной метке. Оператор по дальности теряется в выборе требуемой отметки от реальной цели из множества ложных отметок.

Второй бой

Это случилось в конце командировки на территории провинции Хоабинь, где мы прикрывали мост через реку под названием Черная. В один из дней за линией зоны поражения нашего дивизиона появились несколько групп самолётов, видимо, с намерением прорваться к мосту и разбомбить его. Долго они нас мучили: одна группа улетает, а другая на замену прилетает.

Кабина управления, где мы находились, металлическая, а внутри она от пола до потолка заполнена радиоаппаратурой да ещё в ней находится два расчета личного состава. Иногда мы не выходили из наглухо задранных кабин по несколько часов, а температура в кабинах доходила до 70 градусов. Условия были ужасно тяжелые. От жары и духоты некоторые вьетнамские солдаты теряли сознание и падали в обморок. Но мы, советские специалисты, выдерживали.

Как только самолеты группами подлетали близко к нам, я выходил в эфир, но экраны были полностью забиты (засвечены) активной помехой, поэтому на экране не было видно ни одной цели. Вместо командира дивизиона был капитан Евгений Иванович Богун, отслеживавший воздушную

обстановку на экране ВИКО (выносной индикатор кругового обзора), получающего данные от СРЦ (станция разведки и целеуказания). Я запросил у него точные координаты ближайшей цели, штурвалами управления установил горизонтальные и вертикальные метки на перекрестке этих координат и включил тумблер СДЦ (селектор движущейся цели), который вырезает с экрана всю активную помеху и оставляет отметку на пересечении этих координат. Сразу же пустил одну ракету по направлению этой цели. Результата стрельбы, по известной причине, мы не смогли определить, но через полчаса вьетнамцы с радостью сообщили нам, что один сбитый самолет упал в горы и разбился.

После этой командировки во Вьетнам прошло уже 50 лет, но навсегда останутся в памяти многие эпизоды пребывания в этой героической стране и мои боевые товарищи: операторы ручного сопровождения Саша Бурцев, Тарзан Черквиани, Николай Волков, капитан Монастырский Николай Стахович, лейтенант Степан Данко, старшие лейтенанты Кудрявцев, Марченко, Борис Каргин, Григорий Любинецкий, полковники Проскурнин Иван Константинович, Завадский Казимир Владимирович и наши вьетнамские боевые друзья.

После возвращения из Вьетнама я служил заместителем начальника площадки на полигоне Ашулук.

С 1967 года по апрель 1972 года – слушатель Военной инженерной радиотехнической академии имени Говорова в городе Харькове.

С 1972 по 1974 год – старший инженер НИИ ПВО страны в городе Москве.

С 1974 года до конца службы в 1987 году служил на инженерных должностях в войсках раннего предупреждения о старте баллистических ракет в городе Николаеве.

Награжден орденом Красного Знамени, медалью «За отвагу» и вьетнамской медалью «Дружбы».

Полковник запаса.

Март 2016 года

Кислицын Юрий Викторович

Заняв позиции вдоль дороги № 7 между городами Винь и Аньшон

Я родился 26 августа 1934 года в городе Алма-Ата в рабочей семье.

В 1952 году окончил 10 классов средней школы № 22 города Алма-Ата.

С 1952 по 1955 год - курсант Житомирского Краснознаменного зенитно-артиллерийского училища.

С 1955 по 1958 год - командир огневого взвода зенитно-артиллерийской батареи, с 1958 по 1959 год командир взвода стартовой батареи зенитно-ракетного дивизиона (ЗРДн) С-75.

С 1959 по 1960 год - командир стартовой батареи 4-й отдельной Краснознамённой армии ПВО (4 ОКА ПВО).

С 1960 по 1965 год - слушатель Военной командной академии войск ПВО страны (ВКА ПВО).

С 1965 по 1967 год - командир ЗРДн С-75 8-й отдельной армии ПВО (8 ОКА ПВО).

С 1967 по 1971 год - заместитель командира полка 8-й ОКА ПВО, 11-й ОКА ПВО. С августа по октябрь 1970 года – старший группы советских военных специалистов (СВС), специалист при командире 236-го зенитного ракетного полка (ЗРП) ПВО Вьетнамской народной армии (ВНА), с октября 1970 года по июль 1971 года - при 274-м ЗРП ПВО ВНА.

С 1971 по 1973 год - заместитель командира бригады, с 1973 по 1975 год - командир зенитной ракетной бригады,

с 1975 по 1980 год - начальник ЗРВ дивизии 11-й ОКА ПВО, а с 1980 по 1982 год - заместитель начальника ЗРВ 4-й ОКА ПВО.

С 1982 по 1985 год - советник командующего ВВС и ПВО в Народной республике Ангола.

В 1986 году в воинском звании полковника уволен в запас по возрасту.

С 1986 по 1991 год - старший преподаватель, начальник цикла Гражданской обороны военной кафедры Уральского политехнического института.

С 1992 по 1995 год – работал в коммерческих структурах.

С 1996 по 2001 год – ведущий специалист оперативного отдела Уральского регионального центра МЧС России.

С 2001 года на постоянном месте жительства в городе Киеве.

С 2005 по 2012 год был первым заместителем председателя Международного Украинского Союза участников войны (МУСУВ).

С 2012 года по настоящее время - заместитель председателя Комитета Всеукраинского Союза ветеранов войны (ВСВВ) по работе с ветеранами войн.

Прикосновение к другу приносит счастье

В середине апреля 1970 года я вернулся домой, в город Николаевск-на-Амуре из города Комсомольска-на-Амуре, где готовил к боевым стрельбам один из дивизионов полка на учебно-тренировочном полигоне (УТП) нашего корпуса. Наш полк, находящийся в устье Амура на прикрытии порта Николаевска, был удален от военных аэродромов корпуса и армии ПВО более чем на 700 километров, а готовить боевые расчеты зенитных дивизионов без реальной авиации малоэффективно. К тому же, с началом навигации на Амуре, когда японские суда начинали возить лес из порта Маго, все радиолокационные станции (РЛС) полка до октября месяца переводились в режим полного «радиомолчания», чтобы исключить засечку рабочих частот наших станций. Вряд ли, это было результативным при том количестве разведывательных самолетов США, постоянно курсирующих

вдоль территориальных вод СССР, а то и над территорией страны.

В первую же субботу на совещании у командира полка я доложил о ходе подготовки к боевым стрельбам, приступили к планированию итоговой проверки за зимний период обучения. Раздался телефонный звонок. Звонил командир корпуса генерал В.М. Мелехов.

Стало ясно – нужна кандидатура во Вьетнам, причем на должность не рядового специалиста.

Еще проходя службу на Украине и слушая выступления офицеров, возвратившихся из Вьетнама, я искренне завидовал им. Слово «интернационалист» воскрешало в памяти события в Испании в 1937 году. Хотелось испытать себя, да и экзотические страны посмотреть не помешало бы.

Решение было принято мгновенно: «Товарищ командир! Давайте я поеду».

Я знал, что генерал Мелехов имел в отношении меня совсем другие планы, но, очевидно, время и обстоятельства поджимали. Поэтому согласие было получено.

Начальник штаба стал готовить служебную характеристику, политотдел – партийно-политическую, начальник медслужбы начал оформлять медицинские документы, выясняя при этом, какие и сколько прививок мне нужно сделать.

Последние прививки, в силу сложившихся обстоятельств, пришлось делать уже в Москве накануне отлета во Вьетнам. Собрав все необходимые бумаги, я вылетел в штаб корпуса и армии ПВО для беседы с вышестоящим руководством.

После майских праздников я был вызван в Москву, в 10-е Главное управление на мандатную комиссию. В очередной раз заверив высокое начальство о готовности выполнить поставленную задачу и оправдать доверие, я вернулся на Дальний Восток.

В июне были боевые стрельбы на государственном полигоне. В июле удалось вырваться в отпуск на Урал, где тогда находилась моя семья, а затем – в Алма-Ату, где жили мои родители. Отпуск был прерван телеграммой – срочно прибыть в часть, рассчитаться и убыть в распоряжение 10-го Главного управления Генштаба.

Рассчитавшись с делами в полку, в конце июля прибыл в Москву. Две недели на подготовку: изучение документов, знакомство с коллегами по убывающей во Вьетнам группе, экипировка. 12 августа рейсом Москва–Карачи–Калькутта мы вылетели в Ханой.

Через 22 часа полета, сменив 3 экипажа, на следующий день ровно в полдень самолет приземлился в аэропорту Ханоя. Раздав подарки и передачи, полученные от московских родственников и друзей, для находящихся во Вьетнаме товарищей и, наконец, получив разрешение снять пиджаки и галстуки, мы вздохнули свободней. Короткое знакомство со встречающими нас вьетнамскими товарищами, и мы отправились в гостиницу «Ким Лиен».

Неделя пошла на акклиматизацию и изучение обстановки, встречу с однокашниками по академии. При знакомстве со старшим группы специалистов ЗРВ и ВВС полковником В.А. Гуде, мы с Николаем Николаевичем Кочиновым попросили послать нас туда, где «погорячее». Таким местом была 4-я зона. Из трёх полков, находящихся в ней, в двух должности советских военных специалистов при командирах были вакантными. Я получил назначение в полк, прикрывающий мост Хамжонг («Пасть дракона») в провинции Тханьхоа, а Кочинов Н.Н. – в город Винь.

На прикрытии моста Хамжонг

В это время в Тханьхоа на прикрытии моста Хамжонг через реку Ма стоял 236-й ЗРП. Спустя пару дней я прибыл к месту дальнейшей службы. Познакомился с офицерами группы, представился командованию полка. Из бесед с руководством полка, со своими офицерами я узнал, что полк был сформирован в числе первых (по другой нумерации он так и числился 1-й ЗРП) и что на боевом счету у него 169 сбитых самолетов.

Полк прикрывал мост через реку Ма на дороге №1, соединяющей города Ханой и Сайгон. По этой, а также по другим дорогам № 7, №9, №12, №22 и т.д. (так называемым тропам Хо Ши Мина), через территорию Лаоса шла поставка вооружения, продовольствия и другого имущества Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама

(НФО ЮВ). Стремясь помешать поставкам, авиация США уничтожала мосты, паромные переправы, разрушала дороги, гонялась за колоннами и даже отдельными машинами. На протяжении трехсот километров, от Ханоя до города Винь, не было ни одного моста, ни одной переправы, по которым бы не был нанесен бомбовый удар. Единственный мост, который не удалось уничтожить, был мост Хамжонг.

Небольшая историческая справка. Примерно в 5 километрах от города Тханьхоа, центра одноименной провинции, издалека видна гора, своей конфигурацией напоминающая дракона, обратившего к небу свою пасть. На другом берегу реки высится гора Нгок, («Жемчужина»). Дракон словно тянется к жемчужине. Отсюда Хамжонг переводится как «Пасть дракона». Мост соединил подножия этих гор. В период дождей воды реки Ма с грохотом устремляются в теснину между Пастью и Жемчужиной. В старину этот грохот называли голосом дракона. После Августовской революции 1945 года войска французского экспедиционного корпуса вступили на землю Вьетнама. В феврале 1947 года защитники Хамжонга взорвали старый подвесной мост и ушли в джунгли, чтобы продолжать борьбу. К 19 мая 1964 года, после разгрома французов под Дьен-Бьен-Фу и наступления временного затишья, над рекой возвели новый ажурный металлический мост. Но уже 5 августа 1964 года голос дракона сменился грохотом американских бомб, взрывами УРСов. Началась агрессия США против ДРВ.

К моему прибытию количество самолетов США, сбитых над Хамжонгом, достигло 99.

Начались армейские будни: тренировки, регламентные работы, устранение возникающих неисправностей, в ходе которых проходило обучение техников, операторов дивизионов. Так прошло около полутора месяцев.

В конце сентября поступил приказ: полку убыть в состав Ханойской группировки. Одновременно я был вызван в Ханой к старшему группы ЗРВ и ВВС. В разговоре со мной полковник В.А. Гуде обрисовал ситуацию. Группа специалистов СВС при 274-м ЗРП, которая должна прибыть в Тханьхоа на смену нашему полку, укомплектована наполовину, не имела боевого опыта. 236-й ЗРП в августе

месяце сбил два беспилотника БСР – 147j. В связи с этим командование группы ЗРВ приняло решение - передать нас в прибывающий 274-й полк.

Снова знакомство с новым составом бюро обслуживания, группой переводчиков. Старший переводчик Нгуен Ай Тоан, учившийся в Минском высшем инженерном зенитно-ракетном училище (МВИЗРУ), прекрасно говорил по-русски, имел специальную подготовку. Работать с ним было легко. Тоже можно сказать о всех сотрудниках бюро обслуживания. С особенной теплотой вспоминаю наших поваров. Мастера своего дела. В условиях джунглей и тропического климата это немаловажный фактор.

Важным событием была встреча с руководством 274-го (4-го) полка. Командовал им майор Нгуен Уен. В 1961–1964 годах он обучался в Военной командной академии войск ПВО, которую и я окончил в 1965 году. В связи с началом агрессии, вьетнамцам не довелось окончить обучение - они были отозваны на Родину. Вспомнили академию, преподавателей и город Калинин.

Заместителем командира полка был назначен бывший командир дивизиона 236-го полка майор Тинь, на личном счету которого (в качестве стреляющего) было 38 сбитых американских самолетов. На боевом счету 274-го полка уже было около 70-ти самолетов.

Снова начались армейские будни: занятия, тренировки, регламентные работы различной периодичности. Главной задачей нашей работы по-прежнему было поддержание ЗРК в постоянной боевой готовности, устранение возникающих неисправностей. Выезжать на огневые позиции приходилось и поздно ночью и рано утром. Этого требовала боевая обстановка. Независимо от того, на какой системе возникала неисправность, специалисты группы выезжали всем составом.

Авиация США больше не пыталась проверять прочность обороны моста Хамжонг. Тем более что кроме ЗРП и батарей МЗА, в составе группировки были батареи 100-мм зенитных орудий, имеющие верхнюю границу досягаемости около 12 километров.

В марте месяце 274-й полк получил новую боевую задачу – совершить 150-километровый марш и занять боевые позиции в районе города Винь.

Дорога № 7 - действия «из засад»

Заняв позиции, вдоль дороги №7 между городами Винь и Аньшон, полк перешел к тактике ведения боевых действий «из засад». В отличие от дорог № 9, № 12, № 22 и других, расположенных на юге ДРВ, ближе к 17-й параллели, и по которым шли основные грузопотоки в Южный Вьетнам, дорога №7 пролегла от города Винь на северо-запад до «Долины кувшинов» на территории Лаоса. С точки зрения доставки грузов для Южного Вьетнама эта дорога не являлась особо важной. Но американская авиаразведка проявляла интерес к этой дороге.

В течение 4 месяцев я постоянно встречал вереницы бойцов,двигающихся в западном направлении подобно альпинистам в связке. На шее автоматы, за спиной огромные рюкзаки, к которым приторочены запасные кеды китайского производства, мешочки с рисом, предметы кухонной утвари, на поясных ремнях ножи, подсумки, гранаты. В общем, целый оружейно-продуктово-вещевой арсенал в одном лице. Головные уборы у них были: либо традиционные шлемы, либо панамы, либо кепи.

В напряженной работе прошло 2 месяца. Наши специалисты совместно с техниками дивизионов доводили боевые параметры техники до «номиналов», личный состав дивизионов совершенствовал маскировку. Командиры дивизионов уточняли стрелковые карточки, скрытые подходы к стартовым позициям.

Дорога проходила вдоль Нгеанской долины, обрамленной с севера и с юга горными хребтами. И если пространство в сторону Лаоса или города Виня просматривалось и простреливалось вполне нормально, то с севера и с юга из-за горных хребтов авиация могла нанести внезапный удар по позициям дивизионов, используя предельно малые высоты и скрытые подходы по ущельям и по складкам местности.

В конце мая 1971 года ко мне подошел старший переводчик Тоан и доложил: «89-й дивизион произвел пуск 2-х ракет по американскому самолету. Обе ракеты упали». Надо сказать, что такие случаи были ЧП для нас. Либо недоработка специалистов, либо брак в ракетах.

Собрав группу, мы в мрачном настроении выехали в дивизион. На позиции меня встретили улыбающийся командир дивизиона и мрачный командир полка. Майор Нгуен Уен проинформировал нас, что вины личного состава и техники в случившемся нет. Виноват расчет командного пункта (КП) полка.

Суть дела была в следующем. Дивизион обнаружил легкомоторный самолет, летящий с южного направления по ущелью между горными хребтами. Получив команду на уничтожение, командир дивизиона произвел пуск двух ракет. В это время с командного пункта дивизии на КП полка поступила информация, что в этом районе есть свой самолет. Направленец КП полка передал в дивизион: «Это свой самолет». Командир дивизиона принял решение отвернуть ракеты от самолета. Офицер наведения резко поднял антенны вверх. Первая ракета «свечкой» ушла вверх, вторая ракета, не вошедшая в «ждущие стробы», в неуправляемом режиме по баллистической траектории перелетев через горный хребет, упала в джунглях. Американскому легкомоторному самолету L-18 на этот раз просто повезло. Престиж советской техники и авторитет советских военных специалистов не пострадал. При расставании командир дивизиона заверил, что постарается «реабилитироваться» сбитым самолетом противника.

Спустя неделю в бунгало вбежал радостный переводчик Тоан и сообщил, что несколько минут назад этот же дивизион произвел пуск ракеты и сбил беспилотный самолет-разведчик (БСР) 147j. Сдержал слово командир. Мы немедленно выехали на место. Необходимо было разобраться, оценить действия личного состава, составить отчетную карту (довольно объемный документ) в наш Генштаб в Москву.

События происходили так. Около 10 часов утра с постов визуального наблюдения поступила информация о том, что со стороны Лаоса вдоль дороги №7 в сторону города Винь на малой высоте летит БСР. Полк был поднят по тревоге. Первым цель обнаружил самый западный, 89-й дивизион. Однако подлетное время не позволяло в обычном режиме обстрелять цель даже на ближней границе зоны поражения. Командир принял решение – включить станцию наведения ракет в «форсированном» режиме. Техник передающей системы вручную, отверткой, замкнул реле высокого напряжения,

потом - выход в «эфир», захват цели на «ручное сопровождение - автоматическое сопровождение» (РС-АС), пуск одной ракеты и уничтожение на ближней границе зоны поражения. К нашему приезду бойцы дивизиона с помощью местных жителей собрали обломки беспилотника: парашют, фотообъектив, куски фюзеляжа.

Заканчивался срок моей командировки. Я находился в ДРВ уже более 11 месяцев. Со специалистом по техническому дивизиону Виктором Давыдовым и переводчиком Тоаном прибыли на позицию технического дивизиона, расположенному на дороге №15. Оставив машину с водителем на окраине небольшой деревушки, насчитывающей около десятка хижин на 3-метровых сваях (защита от диких зверей и змей), мы решили пройти пешком по единственной улочке. Заложив руки за спину, наклонив голову, я шел, предаваясь своим мыслям. Виктор с Тоаном, вооруженные автоматами, шли сзади метрах в десяти. Пройдя несколько метров, я удивился, что нас не встречают, как обычно, вездесущие ребяташки.

Подняв голову, оглядевшись по сторонам, я увидел за придорожными зарослями десятка два детских голов, поднятые кулачки и возгласы: «Ми мэй бай». Тут я понял, что меня приняли за пленного американского летчика. Как мне потом сказали, белого человека в этих местах не видели со времен французского экспедиционного корпуса, но знали - страна ведет войну с Америкой...

Подняв руки над головой, я громко произнес: «Ноу ми мей бай. Той Льенсо!» (Нет американского летчика. Я советский!).

Что тут началось! Окружив плотной толпой, ребяташки начали хватать меня за руки, пытаюсь вырвать волосинки с рук. По буддийским поверьям, прикосновение к здоровому, рослому мужчине (мой рост – 180 см.) позволит вырасти таким же, а прикосновение к другу приносит счастье...

Награжден орденами СССР «Красная Звезда», «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, украинским Орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени, медалью «За боевые заслуги», орденом ДРВ «Боевой Подвиг» 3-й степени,

медалью ДРВ «За боевое содружество» и
40 государственными и общественными медалями.

Город Киев
Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказал помощь **Швец Владимир
Артемович**, ветеран войны во
Вьетнаме, председатель Комитета
ВСВВ по работе с ветеранами войн*

Коваленко Геннадий Викторович

Приходилось по кабине развешивать бронежилеты

После призыва в армию мне сообщили, что я буду служить в ГДР. Моей радости не было предела: служить в центре Европы! Но радовался я недолго. В апреле 1982 года в аэропорту города Киева я узнал: мы летим в Афганистан!

Сначала нас привезли в Душанбе, а затем в Самарканд, где два месяца я был в «учебке». 17 июня 1982 года нас посадили на самолет и привезли в Кабул, где распределили по местам службы в Афганистане. Я попал в автобатальон № 25982, дислоцировавшийся в городе Пули-Хумри.

Нашей основной задачей было возить стройматериал из Советского Союза через реку Аму-Дарья в город Баграм.

Было очень тяжело и, если честно, то думал, что уже не увижу родного дома. Вся страна – сплошные горы. Дорога, которая проходила по серпантинам, имела перепад высот от 270 до 3600 м над уровнем моря. Постоянная пыль. У нас даже было шутливое описание места, где находилась наша база: «Если хочешь жить в пыли, приезжай в Пули-Хумри». Кроме того, нас постоянно преследовали инфекционные болезни. Я сам отлежал около двух месяцев в госпитале из-за брюшного тифа. Большое спасибо нашим врачам, которые быстро поставили меня на ноги.

Но самое страшное - это не климат и болезни, а наши поездки за пределы базы. Колонны постоянно подвергались обстрелам, а на дорогах душманы ставили мины. Работали мы

на обычных КамАЗах. Единственное, чем наши машины отличались от гражданских версий, так это расцветкой. Чтобы хоть как-то обезопасить себя, приходилось по кабине развешивать бронежилеты. Однажды, когда моя машина попала под интенсивный обстрел, благодаря этому нехитрому приспособлению я остался в живых. Работали мы всегда в паре, даже в светлое время суток, так как малейшая ошибка могла стоить жизни не только мне, но и соседним автомобилям колонны.

На нашей базе было очень скучно. Нам было запрещено общаться с местными. Самыми близкими друзьями в Афганистане были автомат и бронежилет. Иногда нам устраивали киносеансы, приезжали популярные артисты. Единственная связь с домом – письма, которые доставлялись на вертолете.

За все время моей службы не помню случая, чтобы мы сотрудничали с правительственными войсками. На нашей базе были только советские ребята. За время службы мы очень сдружились.

Наконец наступила весна 1984 года. Меня должны были демобилизовать, однако распоряжения все не было: сначала не было смены, потом опытных водителей... В сентябре, тем же маршрутом (Кабул–Самарканд–Душанбе–Киев), которым я когда-то прибыл в Афганистан, я вернулся домой.

Прошло время. Я был награжден разными медалями, среди них - «За боевые заслуги».

Апрель 2016 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь Дедиу Евгений Игоревич, аспирант Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского

Колесник Николай Николаевич

**Тайна за семью печатями
(продолжение, начало в 16-м томе)**

Третий полк

К концу октября 1965 года закончилось формирование третьего, 285-го, зенитного ракетного полка ВНА, и часть советских военных специалистов из 61-го дивизиона была переброшена для его обучения. В их числе оказался и мой стартовый расчёт.

Солдаты и сержанты третьего года службы и некоторые офицеры уехали в Союз, а мы - в новый учебный центр для начальной подготовке третьего ЗРП ВНА, расположенного в горном районе Чайкао провинции Бактхай.

Но перед этим все СВС, снятые с дивизионов первого полка, были поощрены вьетнамским командованием и направлены на пятидневный отдых в горную курортную местность Тамдао, находящуюся в 70 километрах северо-западнее Ханоя, на высоте 1500 метров над уровнем моря. Там нам показалось очень холодно (днем было всего +20°C), и многие из нас простудились.

После отъезда в Союз полковника М.Н. Цыганкова, несколько месяцев обязанности командира полковой группы СВС выполнял майор И.К. Проскурнин.

Начальником 3-го учебного центра, командиром группы СВС будущего полка, был фронтовик - полковник Казимир

Владимирович Завадский. Он недавно прибыл с группой СВС из Союза.

В третьем полку пришлось всё начинать с нуля. Конечно, очень помог опыт работы в первом полку, но появились другие трудности и, в первую очередь, болезни.

Расположились мы в нескольких, стоящих на возвышенности, одноэтажных кирпичных домиках барачного типа, покрытых черепицей. Внизу на расстоянии трехсот метров проходила железная дорога, а за ней, тоже на возвышенности, находился небольшой механический завод. Невдалеке от нас на нескольких сопках располагались огневые точки: ЗПУ и батареи зенитных орудий разного калибра.

Мы часто наблюдали, как в перерывах между налетами шел процесс обучения тактике ведения боя вьетнамских расчетов 57-мм зениток, находившихся в двухстах метрах от наших домиков. Командир, держа в руках небольшую модель американского самолета, показывал противозенитные тактические приемы и маневры, применяемые американскими штурмовиками и истребителями-бомбардировщиками, и объяснял, в какой момент и в какой точке можно с наибольшей вероятностью поразить цель. Орудийные расчеты отрабатывали команды «К орудию!», «Заряжай!», слежение за целью, имитацию огня, команду «Расчет в укрытие!»

Затем командиры орудий проводили тренировку своих расчетов.

По натянутой с уклоном проволоке (леске) пускали модель самолета-цели. Расчет, стоя спиной к ней, по команде командира должен успеть занять боевые места, развернуть ствол в сторону «пикирующей» по леске цели, опознать и поймать ее в прицел. И так десятки и сотни раз подряд.

Иногда тренировка прерывалась сигналом воздушной тревоги и тогда теоретические занятия превращалась в практику реального боя. Зенитки грохотали на разные голоса своих калибров – от резких, как удары хлыста, звуков 57-мм пушек до мощных, ухающих, залпов 85-мм калибра. Весь этот хаос военной симфонии отражения воздушного налета сопровождался четким перестуком огня ЗПУ, как будто бригада плотников мастерски, с одного удара, забивала гвозди в дышащее огнем небо Вьетнама.

Попадая под такую плотную завесу заградительного огня, американские летчики, как правило, не стремились испытывать судьбу и спешно ретировались, едва успев, впопыхах, куда попало сбросить бомбы и выпустить ракеты «воздух-земля». Однажды зенитчикам сопутствовал успех - они сбили самолет, который врезался в гору в 1,5 километрах от нас. Вьетнамские зенитчики праздновали свою очередную победу.

Учебная позиция полка располагалась в густых зарослях джунглей на склоне горы, в трех километрах от места нашего проживания. Пусковые установки и кабины СНР удалось разместить под кронами больших деревьев, которые наряду с надежной маскировкой защищали нас и технику от палящих лучей солнца, но влажность в тени джунглей была значительно выше, чем на открытом месте. Ощущение было такое, словно все тело покрыто липкой пленкой. Душ был роскошью, принять его мы могли только раз в неделю, да и то без подогрева.

Личный состав третьего вьетнамского полка, как и положено, был укомплектован по штату военного времени, т.е. удвоенными по численности боевыми расчетами. В тесных кабинах шестикабинного варианта С-75 в процессе обучения было тесновато – утроенные (с учетом «льенсо») расчеты техников и операторов физически просто не помещались в них, а вот у нас, стартовиков, было нормально. В стартовых расчетах каждый дополнительный человек обеспечивал сокращение времени перевода ПУ в боевое положение, но что особенно важно - при переводе пусковых из боевого положения в походное для передислокации дивизиона. Благодаря этому нам удавалось сокращать время перевода практически вдвое.

Командиром стартового взвода был младший лейтенант Винь, высокий, немного застенчивый молодой парень. Стартовый расчёт, с которым мне больше всего пришлось работать, по технической грамотности несколько уступал расчёту Тханя, но все ребята были смекалистые, и у нас быстро наладился хороший, деловой контакт.

Командир расчёта Чен по характеру чем-то напоминал Шона - такой же старательный и аккуратный.

Первый номер Тык, коренастый и неторопливый крепыш, вначале чувствовал себя неуверенно: не всё у него получалось с изучением электросхем. Зато в боевой работе он был среди первых.

Второй номер Нин, интеллигентный юноша, в минуты отдыха он любил побеседовать о литературе, о музыке. Его любимым писателем был Чехов. Нин мечтал когда-нибудь побывать в Москве, чтобы поклониться его могиле. Интересно, что старшего брата Нина звали Ле. Вместе имена братьев составляли имя Ле-Нин - так в честь вождя революции их назвал отец, старый коммунист.

Хорошо помню командира стартовой батареи старшего лейтенанта Зеу и комиссара лейтенанта Лана.

Учебный процесс строился с учетом опыта обучения первого полка. Мы уже знали, на что необходимо было обращать больше внимания, как проще и понятнее объяснить своим подопечным назначение и устройство механизма стрелы ПУ, схему электропривода, эффект Доплера, используемый в системе наведения ракет для определения координат цели, принцип действия радиовзрывателя ракеты и другие технические премудрости.

Занятия по боевой работе мне приходилось иногда проводить без переводчика, которых по-прежнему не хватало. Все команды я отдавал на русском языке и дублировал их по-вьетнамски. Вьетнамские расчеты ответные доклады о выполнении операций старались произносить по-русски.

- Жат тот! – подбадривал я их по-вьетнамски.

Вьетнамцам это очень нравилось, и они хором переводили:

- Очень хорошо!

Некоторое время после отъезда в Союз капитана Сиренко в нашем Центре не было никого из офицеров-стартовиков, и мне одному пришлось проводить занятия со всеми вьетнамскими офицерами стартовых батарей полка.

На первом занятии с офицерами-стартовиками 285-го ЗРП переводчик представил меня:

- Командир взвода стартовой батареи сержант Николай Колесник.

Но, кажется, на четвертом занятии один из вьетнамских командиров спросил:

- Наш переводчик, возможно, ошибся, представив вас как сержанта. Вы, наверное, офицер, у вас на погонах две звездочки лейтенанта, как и у сержанта, только с металлической полоской внизу? – уточнил он, сославшись на вьетнамские воинские знаки различия.

- Почему вы так считаете? – спросил я.

- Сержант, даже советский, не может так хорошо знать технику, так подробно и понятно объяснять нам ее устройство, - ответил он.

Я попытался убедить его, что я действительно сержант, но переводчик Суан не стал полностью переводить мой ответ, сказав:

- Я уже «исправил ошибку» и произвел вас в лейтенанты. Так будет правильнее и лучше для учебного процесса.

Мне пришлось согласиться с его доводами. Так для вьетнамских товарищей я стал «лейтенантом».

Перед каждым занятием я составлял краткий план изучения темы. Начинал занятия с проверки освоения материала предыдущей темы, с выставлением оценок по результатам ответов слушателей. Если видел, что какой-то раздел не слишком хорошо усвоен, повторно кратко объяснял непонятое. Затем, используя материальную часть и необходимые наглядные пособия (в основном плакаты и схемы), а также обычную школьную доску, объяснял новый материал, который они записывали в тетради под диктовку.

Каждый вьетнамец очень тщательно вел свой конспект, аккуратным почерком записывая объяснения и зарисовывая узлы механизмов, кинематические и электрические схемы.

Советский вьетнамец Хоа

Третий номер обучаемого мной расчета Хоа был самым молодым, ему недавно исполнилось 17 лет. Хоа был всеобщим любимцем. Он, что называется, всё схватывал на лету, он больше всех задавал вопросов, стараясь докопаться до самой сути изучаемого материала. Хоа очень хотел научиться говорить по-русски и быстро преуспел в этом. Русские слова он произносил чётко, почти без акцента, да и по характеру он больше походил на русского, чем на вьетнамца. Как-то в

разговоре я сказал ему об этом. Хоа с достоинством выслушал и с сомнением в голосе спросил:

- Николай, это правда? Ты не шутишь, я действительно похож на русского?

- Конечно, правда, Хоа. У тебя только имя и фамилия вьетнамские, а в остальном ты как льенсо.

Хоа на секунду задумался, потом, смущаясь, попросил:

- Николай, а ты можешь называть меня Льенсо Хоа?

- Конечно, могу, Льенсо Хоа.

Лицо Хоа засветилось радостной улыбкой, а стоящие рядом вьетнамские ребята одобряюще хлопали его по плечу, приговаривая:

- Льенсо Хоа, жат тот! (Советский Хоа, отлично!)

Так, по просьбе Хоа, с моей легкой руки за ним закрепилась вторая фамилия - Льенсо.

А вот к якуту Саше Алексееву незнакомые с ним вьетнамцы часто обращались по-вьетнамски, принимая за своего. Как-то в наш дивизион прибыл офицер связи Главного штаба ПВО капитан Фук и, случайно услышав, как ребята называют Хоа, обратился с вопросом к нашему парторгу капитану Кудрявцеву:

- Товарищ Кудрявцев, скажите, пожалуйста, а много ли советских вьетнамцев приехало во Вьетнам помогать нам в борьбе с американским агрессором?

Капитан Кудрявцев, догадавшись, в чём дело, не задумываясь, ответил:

- Все кто здесь, все как один - вьетнамцы. Остальные пока ждут команду в Союзе.

Капитан Фук поначалу искренне удивился, но, взглянув в смеющиеся глаза парторга, понял шутку и тоже рассмеялся.

Вспомните Архимеда

Вспоминается, как в самом начале обучения расчёта Чена произошёл случай, который мог окончиться тяжёлым увечьем или даже смертью кого-либо.

Шла боевая работа по переводу пусковой из походного положения в боевое. Всё шло нормально. Расчёт Чена уже заканчивал опускание ПУ на грунт и готовился откатывать хода. Я на минуту отлучился проверить работу второго

расчёта стартового взвода, а Чена предупредил, чтобы без меня ход не откатывали. Возвращаюсь обратно и что же я вижу?

Чен, очевидно, желая показать умение своего расчета действовать самостоятельно и для сокращения зачетного времени, решил откатить задний колесный ход, не вставляя в него тяжёлое съёмное дышло-рычаг, уравнивающее опрокидывающий момент массивного моста. Удержать ход без дышла невозможно - центр тяжести моста расположен выше линии оси колес, и опрокидывание произойдёт неминуемо. Опрокидываясь, мост подомнёт под себя всех, кто попытается его удержать.

Увидев это и поняв, что через мгновение может произойти непоправимое, я закричал:

- Стоп! Держать мост! Не двигаться! – и быстро опустив шток домкрата, застопорил ход. Затем объяснил расчету, чем могла закончиться их «рационализация». Льенсо Хоа так дополнил моё объяснение:

- Я же говорил, что без дышла нельзя откатывать ход. Длинное и тяжёлое дышло нужно для того, чтобы им было легко управлять и удерживать ход. Это же рычаг! Вспомните Архимеда.

Вьетнамские вечера

Вечерами, когда немного спадала жара, мы пели песни под гитару. У нас был отличный гитарист, знающий много песен, Саша Куракин.

Чаше других звучала песня «Одинокая гармонь». Представьте: знойная тропическая ночь, мерцание светлячков, звон цикад, крупные звезды на темном небе и «Снова замерло все до рассвета...».

Многие песни вместе с нами пели и вьетнамцы на русском и вьетнамском языках.

Из вьетнамских песен мы пели марш бойцов Фронта освобождения Южного Вьетнама «Зай фам Вьетнам» (Освободим Вьетнам).

Настоящим праздником были вечера, когда на позицию приезжала кинопередвижка. Сначала показывали короткий документальный фильм о последних боевых действиях в

Южном Вьетнаме (вьетнамский) с живым синхронным переводом, затем художественный - советский. На сеанс приходили жители всех окрестных деревень.

День ВНА

Утром 22 декабря мы поздравили вьетнамских воинов с праздником и до обеда продолжали занятия. Перед самым обедом на позицию пришла группа вьетнамских пионеров из местной общины. Они хором поздравили всех с Днем создания Вьетнамской Народной армии и выступили с небольшим концертом.

В обед, в честь праздника, вьетнамским стартовым расчетам выдали по банке сгущённого молока, и сразу же после обеда они пришли к нашим палаткам. Ко мне подошел Нин и, протягивая банку сгущенки, сказал:

- Николай, возьми, это тебе наш подарок. Сегодня большой праздник. Кушай, это очень вкусно.

Зная, что многие взрослые вьетнамцы никогда не пробовали сгущенку и даже не знают её вкуса, я, боясь обидеть Нина отказом, ответил:

- Спасибо тебе, Нин. Но, знаешь, я не люблю сгущенку. Она очень сладкая, и после неё сильно хочется пить. Ты сам попробуй.

Меня очень тронуло такое отношение к нам наших вьетнамских учеников, которые всегда старались сделать для нас приятное.

Воскресный налет

Незадолго до выхода 285-го ЗРП на боевую позицию наше месторасположение в Чайкао обстреляли ракетами американские штурмовики.

Это произошло утром в один из воскресных дней. Мы как раз собирались садиться в автобус, чтобы съездить в Ханой. Внезапно на ближайшей сопке начала стрельбу батарея 37-миллиметровых зенитных пушек.

Её дружно поддержали торопливые очереди зенитных пулемётов и размеренные резкие залпы 57-миллиметровых зенитных орудий. Два пятнисто-зеленоватых F-105 вынырнули

из-за северной группы сопок. Они шли на высоте около двухсот метров, держа курс прямо на нас.

Мы бросились врассыпную, ища любую возможность укрыться. Четыре мощных взрыва ракет «воздух-земля», почти слившихся в один, вздыбили землю метрах в 120 от нас. Одновременно две пулемётные очереди вспороли стены и черепичную крышу построек, служивших нам жилищем.

Всё произошло в считанные секунды. От ракет, к счастью, никто не пострадал, а вот двоих ребят, не успевших отбежать и залечь, слегка задело осколками от черепичной крыши. Но это не помешало им совершить долгожданную поездку в Ханой.

По дороге, немного придя в себя, мы оживленно обсуждали случившееся, нервно смеясь над тем, как кто-то с перепугу плюхнулся прямо в воронку с водой, а кто-то так резко нырнул под автобус, что чуть не погнул лбом кардан. Кардан устоял, а вот на лбу «ныряльщика» теперь красовалась огромная шишка.

А на обратном пути наш ПАЗик снова был обстрелян парой истребителей-бомбардировщиков, шедших курсом на северо-запад на высоте не более 150 метров. Пулемётная очередь прошла поперёк укатанную красновато-коричневую поверхность дороги в пяти метрах впереди автобуса, вспучив фонтанчики в залитом водой рисовой чеке, слева от дороги. Водитель резко затормозил, но мы даже не успели выскочить из автобуса, как самолёты скрылись из поля зрения. Переждав немного, мы двинулись дальше.

Самоподготовка

Вечером на самоподготовку мы ездили по очереди. Вьетнамские слушатели самостоятельно разбирали по конспекту пройденный материал, пользуясь учебными плакатами и схемами, а если у них возникали вопросы, наш специалист тут же объяснял непонятное.

Самоподготовка начиналась в 7 часов вечера и заканчивалась в 9 часов. За день ребята очень уставали и к окончанию занятий «клевали носом». Приходилось делать «Мей фут» (десятиминутный перерыв) и взбадривать их иногда с помощью анекдота или короткого рассказа о

забавных случаях из личной жизни. Все оживлялись, особенно если в рассказе речь шла о девушках или о каком-то смешном происшествии.

После перерыва «ожившие» ребята снова «вгрызались в гранит» военной науки.

По окончании изучения основных разделов принимались индивидуальные зачеты.

По боевой работе все расчеты сдавали зачеты по выполнению установленных нормативов и слаженности. По всему курсу обучения проводились экзамены, но главный экзамен для всех был на боевой позиции.

К этому времени из нашего 1-го (московского) учебного центра часть людей отбыла в Союз. Это были солдаты и сержанты третьего года службы. Уехали ребята и из моего стартового взвода – младший сержант Анатолий Пшеничный, ефрейтор Андрей Мерзук, мой однофамилец старший сержант Виктор Колесник, а также Делов со своим расчетом. Они с честью выполнили свою задачу, и для них война закончилась.

Вместо них в состав центра влились ребята из 238-го ЗРП. Это были уже побывавшие в боях и под бомбежками стартовики: сержанты Николай Рева, Николай Марусенко и младший сержант Владимир Семенко.

Хорошим пополнением учебного центра стали СВС, прибывшие во Вьетнам в сентябре 1965 года. Среди них планшетист СРЦ ефрейтор Вячеслав Филин. В моем расчете, наконец-то, появился 2-й номер – Володя Ильин из города Новокузнецка, воевавший до этого в 62-м дивизионе под командованием фронтовика подполковника Чернецова Василия Григорьевича.

Вскоре, по железной дороге через Китай, для третьего ЗРП прибыла техника. Разгружались ночью. В разгрузке участвовали все СВС. Погода была на редкость отвратительная и холодная: моросил мелкий дождь с ветром, температура около +10°C. Через час вся одежда промокла до нитки. Но работа продолжалась. До рассвета нужно было всю технику разгрузить и успеть увезти в укрытия. Работали дружно.

С кабинами было проще – крановщик был опытный, и работа спорилась. АТСы и ТЗМ съезжали с железнодорожных платформ своим ходом.

Был только один короткий перерыв, чтобы съесть по бутерброду и попить горячего чаю. С нашей одежды валил пар, несмотря на дождь и ветер.

К утру все было сделано: дивизион, растянувшись в колонну почти на километр, начал свой первый марш. Часа через два дивизион по команде свернул в сторону и занял свою первую боевую позицию. Третий зенитно-ракетный полк стал боевой единицей Войск ПВО ВНА.

«Сумасшедшая» пусковая

На следующий день мы принимали технику от сдатчиков. Развернулись, провели горизонтирование, ориентирование, выставили углы заряжания, с помощью ИБР (имитатора борта ракеты) провели автономный контроль и контроль функционирования СУС, заправили ракеты окислителем и зарядили их на пусковые.

Все ПУ были в порядке, кроме одной. От блока местных датчиков (БМД) она управлялась нормально, но после прохождения команды «Синхронизация» она вела себя непредсказуемо, словно сумасшедшая.

Сначала синхронно с другими ПУ она послушно отрабатывала задаваемые операторами кабины «У» углы, затем неожиданно останавливалась и начинала мотать стрелой и поворачиваться в разные стороны. Порезвившись несколько секунд, стрела уходила на угол заряжания, затем, будто успокоившись, снова начинала отрабатывать команду «Синхронизация».

Через несколько секунд все повторялось сначала. Никакой системы в ее «поведении» не прослеживалось. Сдатчик-капитан, провозившись с ней почти два дня, ничего не смог сделать, решил, что нужно полностью менять электронные блоки ПУ. А их еще придется ждать, пока пришлют из Союза.

К этому моменту мой взвод уже закончил все работы по подготовке к бою обеих ПУ, поэтому я, по собственной инициативе, решил выяснить, что же происходит с этой «сумасшедшей» пусковой. Сказал об этом командиру дивизиона майору Проскурнину.

- Попробуй, может, вдвоем с капитаном сумеете разобраться с ней, - поддержал командир.

Придя на неисправную пусковую, я предложил капитану свою помощь. Он спросил, чем я занимался до службы в армии, где работал. Я ответил, что до армии окончил техническое училище, работал наладчиком автоматики. Капитан обрадовался:

- Вдвоем веселей будет. Я уже все мозги с ней сломал. Ничего не могу понять. В Союзе, перед отправкой сюда, сам лично все пусковые проверил - работали как часы. А здесь она, как будто взбесилась.

Я вспомнил, что подобный случай был у нас на 57-мм зенитной пушке батареи прикрытия из-за неисправности кабеля, соединяющего пушку со станцией орудийной наводки СОН-9 (на таких пушках мы тренировались перед отправкой во Вьетнам), и предложил капитану:

- Давайте подключим ее к другому кабелю управления, чтобы сразу исключить его из подозрения.

Капитан согласился с предложением. Перетащили кабель с соседней ПУ, подключили разъем. Результат нулевой - пусковая по-прежнему «гуляла». Значит, неисправность нужно искать в пусковой.

Подшло время обеда. Пошли в столовую. Во время обеда я еще раз «прокрутил в голове», что же может быть причиной такой неисправности, и пришел к выводу, что где-то в схеме имеется случайный «плавающий» контакт – то он есть, то его нет.

Вернувшись с обеда, я сказал о своем предположении капитану. Начали внимательно осматривать с ним все подозрительные места блоков управления ПУ, но ничего не обнаружили. И здесь меня осенило: «Раз пусковая спонтанно уходит на углы зарядания, значит, на нее каким-то образом воздействует сигнал от сельсинов БМД. Конечно же, неисправность нужно искать в цепях задающих сельсинов!»

Открыл блок автоматики, при детальном осмотре электронного усилителя мощности увидел: окислившийся средний лепесток вывода переменного сопротивления регулировки коэффициента сигнала обратной связи чуть касается металлического корпуса блока. Просвета почти нет. От вибрации работающей установки и высокой влажности воздуха лепесток наверняка периодически замыкает на корпус.

- Все, нашел! Сейчас должна заработать нормально, - обрадовано объявил я.

Капитан, осматривавший электрические клеммы БМД, недоверчиво посмотрел в мою сторону.

- Ну, покажи, что нашел?

Я показал ему подозрительный лепесток и, поддев отверткой, немного отогнул его от корпуса.

- Ну что, пробуем?

- Давай, - без особой уверенности, ответил капитан.

Включили ПУ. Проверили управление от БМД – все нормально. Состыковали имитатор борта ракеты и попросили оператора кабины «С» дать команду «Синхронизация». Установка послушно отработала сигнал управления кабины «У». Погоняли пусковую минут 20 - сбоев нет. Теперь все шесть пусковых дивизиона синхронно поворачивались и смотрели в одну сторону.

Капитан-сдатчик был очень рад и искренне поблагодарил меня за помощь. На этом его миссия во Вьетнаме закончилась, и теперь он мог спокойно возвращаться в Союз.

Награды Родины и новогоднее поздравление

Приближался Новый, 1966 год. Налеты продолжались. 30 декабря 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные при выполнении правительственного задания по оказанию интернациональной помощи Вьетнаму, группа советских военных специалистов была награждена боевыми орденами и медалями. Несколько человек из состава 236-го и 238-го ЗРП ВНА, в том числе старшие лейтенанты Владислав Константинов и Олег Бондарев, лейтенант Константин Каретников, майор Борис Можаяев, капитан Валентин Брусникин, младшие сержанты Анатолий Бондаренко и Петр Залипский, сержант Арсений Дуркин, майор Анатолий Заика, старший лейтенант Юрий Демченко и я, были награждены орденами Красного Знамени.

Нашему командиру майору Проскурнину И.К. досрочно присвоили звание подполковника и наградили орденом Красной Звезды. Такую же награду получил оператор ручного сопровождения Саша Бурцев.

Первый номер моего расчета Рафаил Ахунов, работавший за командира ПУ, получил медаль «За отвагу», а третий номер Алексей Фомичев – медаль «За боевые заслуги». Такой же медалью были награждены Иван Агалаков, Тарзан Черквиани и оператор СРЦ Виктор Кубушев, которому позже, уже после возвращения в Союз, был вручен орден Красной Звезды.

Нашему дивизиону награды вручал Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в ДРВ Илья Сергеевич Щербаков прямо на боевой позиции. В кратком выступлении посол подчеркнул, что впервые после Великой Отечественной войны награды Родины вручаются советским воинам на территории другого государства.

Спецрейсом из Москвы мы получили праздничные посылки, организованные МО СССР и оборонным отделом ЦК ВЛКСМ. В посылках были самые дефицитные во Вьетнаме продукты - чёрный хлеб и селёдка. Кроме того, к праздничному столу в посылке была бутылка коньяка или водки, сырокопчёная колбаса, шпроты, шоколад, печенье. Но самым приятным было поздравление, вложенное в каждую посылку. В поздравление было написано:

«Боевой дорогой друг! Советская Родина приветствует тебя и поздравляет с Новым, 1966 годом! Желает тебе доброго здоровья и отличного выполнения боевого задания».

Это лаконичное поздравление я сохранил, как память о тех тяжелых и незабываемых днях военной молодости.

И снова налеты

После Нового года снова начались горячие дни. Особенно активизировалась американская авиация в районе крупнейшего морского порта Северного Вьетнама Хайфона. В январе наш полк перебросили на защиту порта Хайфона. Позже, за успешное ведение боевых действий по защите Хайфона, ему было присвоено звание «Героический» и он стал называться Героический Хайфонский полк.

В каждом бою вьетнамские ракетчики набирались опыта и технических знаний, становясь настоящими мастерами ракетного огня. Наши функции всё чаще сводились к контролю, подстраховке и устранению неисправностей на технике.

Тактика засад в южных провинциях Северного Вьетнама сочеталась с началом создания системы противовоздушной обороны важнейших объектов в северных провинциях страны, прежде всего крупных городов и порта Хайфон.

«Козни» лебедки

Перед самым выходом 285-го полка на боевую позицию, в наш дивизион прибыло пополнение: недавно прилетевшие из Союза командир стартовой батареи капитан Евгений Иванович Богун (вместо капитана Сиренко) и командир стартового взвода молодой лейтенант Виктор Корнев.

В первые дни, они еще как следует не сориентировались в обстановке и в особенностях взаимоотношений, сложившихся в группе СВС нашего полка, попытались установить порядок, принятый в строевых частях ПВО в Союзе: организованный подъем, на физзарядку и в столовую строем, воротнички рубашек застегнуты на все пуговицы, обращение только по званию.

Все военнослужащие срочной службы, конечно же, приняли это в штыки, но конфликтовать не стали. Пару раз в столовую прошли строем.

Во время обеда завывла сирена:

- Боевая тревога!

Все, бросив ложки и миски, рванули к пусковым и кабинам. Продолжение обеда затянулось на сорок минут. Обратно в столовую шли все вместе, оживленно обсуждая воздушную обстановку. Больше мы во Вьетнаме строем не ходили.

На первой позиции наш дивизион простоял недолго: несколько раз выходили в эфир, но цели в зону не вошли. Пришлось позицию менять. Команду «Отбой – поход!» все стартовые расчеты выполнили с хорошим, для первого раза, временем. Все пусковые были на ходах, кроме первой, расчет которой курировал вновь прибывший лейтенант В. Корнев. У нее, почему-то не поднимался газоотражатель. Капитан Богун послал меня выяснить, в чем там причина?

Прихожу на первую, уточняю у лейтенанта:

- Как поднимали газоотражатель?

- Сначала с помощью привода стрелы, потом как положено – лебедкой на длину талрепов.

- Лебедка легко шла?

- Сначала легко, потом тяжелее. Талрепы набросили, подтянули. Дальше попеременно: лебедкой – талрепами, лебедкой – талрепами. Под конец лебедку заклинило намертво. Ни туда, ни сюда.

- Все понятно. Отпускайте талрепы – наверняка лебедку зажало талрепами. Поднимать газоотражатель нужно лебедкой, а талрепами в процессе подъема нужно лишь выбирать слаbinу, и только в самом конце необходимо полностью разгрузить лебедку, подтянув газоотражатель талрепами до упора, - кратко попытался я объяснить ошибку действий расчета.

Отпустили талрепы. Ручка привода лебедки пошла легко. Газоотражатель медленно пополз вверх, и вскоре первая ПУ заняла свое место в походной колонне.

Вечером, при подведении итогов, после развертывания уже на новой позиции, комбат объявил:

- За взаимовыручку и смекалку, проявленные при свертывании и развертывании техники, объявляю личному составу батареи благодарность.

- Служу Советскому Союзу! – дружно ответили мы.

Разряжение в одиночку

Утром, развернув технику, все расчеты стартовой батареи провели автономный контроль и доложили в кабину «С» об исправном состоянии ПУ. С технического дивизиона как раз подвезли второй боекомплект ракет. Чтобы подготовить боекомплект к боевому применению, ракеты нужно было срочно заправить окислителем.

- Пока в воздухе спокойно, все вьетнамские расчеты должны заправить ракеты. Я с твоими ребятами займусь заправкой ракет, а ты останешься на позиции, - принял решение комбат.

Отправив на заправку Ахунова, Ильина, Фомичева с вьетнамскими расчетами, я обошел пусковые, проверил укладку кабелей, стыковку кабельных электроразъемов,

положение «груш» регулирующих тягу ПРД и внешнее состояние ракет. Все было в норме.

И тут на третьей ПУ я заметил, что трубка ПВД (приемник воздушного давления) ракеты изогнута. Очевидно, ночью при перегрузке ракеты на ТЗМ, ее по неосторожности за что-то зацепили, возможно, за ветку дерева, поскольку технический дивизион укрывался в джунглях.

При старте ракеты изогнутая трубка не сможет выдвинуться в рабочее положение, и ракета потеряет управление. Ракету нужно срочно заменить. Что делать? Я один. Ребята вернутся не скоро, а налет может начаться в любой момент.

«Рискну разрядить пусковую один», - решил я.

Заряжать ПУ в одиночку мне уже приходилось - там главное, чтобы при опускании ракеты её стопор-бугель точно совпал с посадочным гнездом стрелы пусковой установки. А вот разряжать одному, это сложнее - существует большая опасность завалить ракету.

Загнал на подъездные мостики ТЗМ. Снял с фиксаторов поворотную балку полуприцепа ПР-11А, перевёл опорный ролик копира в рабочее положение и развернул её в горизонтальной плоскости до положения соосности со стрелой ПУ. Подогнал подвижную каретку балки полуприцепа под ракету. Затем отжал и привязал брючным ремнем рычаг освобождения бугеля ракеты от захватов стрелы пусковой и начал осторожно вводить скалку балки полуприцепа в стыковочное гнездо-карман стрелы.

Ракета начала медленно приподниматься над стрелой. Загнал скалку до упора, перевёл рукоятку привода каретки на малую скорость и потихоньку перегнал ракету на балку ТЗМ. Каретка с ракетой дошла до упора.

Теперь нужно зафиксировать ракету захватами стяжек балки. Поочередно накинув захваты, затягиваю талрепы стяжек.

Теперь главное – суметь вывести скалку балки ТЗМ из стрелы пусковой и удержать ракету. Переключил привод на скалку, стал под балку, для амортизации положил на голову «мокроступ» (резиновый вьетнамский тапочек) и левой рукой начал медленно вращать ручку привода, а правой - поддерживал балку.

Балка с ракетой опускается по мере вывода скалки. Еще пол-оборота, скалка выскользнет из стрелы и задняя консоль балки с ракетой всей своей тяжестью рухнет вниз.

От напряжения и чувства опасности струйки холодного пота покатались по моей спине. Наступил решающий момент: при штатной боевой работе при зарядании и разрядании пусковой заднюю консоль балки с ракетой с двух сторон поддерживают 1-й и 2-й номера расчета, а 3-й номер, повиснув на противоположном конце поворотной балки, собственным весом уравнивает ее. Командир при этом все время контролирует и подстраховывает их.

Я приподнялся на цыпочки и медленно доворачивал рукоятку привода. Скалка резко соскользнула с кромки кармана стрелы вниз и балка всей тяжестью ПРД ракеты обрушилась мне на голову. Едва успел перехватиться левой рукой за поручень балки. «Мокроступ» смягчил удар.

«Держать!» - мысленно приказываю себе.

От свалившейся на голову тяжести я чуть присел, затем медленно выжал вес, возвращая балку в горизонтальное положение. Мелким шагом переместил консоль балки вправо. Теперь самое трудное было уже позади.

Задвинул балку на посадочные бобышки полуприцепа и зафиксировал стяжками.

- Готово! Отъезжай! – теперь уже вслух скомандовал я себе.

Отогнал ТЗМ подальше от пусковой. Через полчаса подъехали две ТЗМ с расчетами и «свежезаправленными» ракетами. Одну из них зарядили на третью пусковую, а отбракованную ракету отправили в технический дивизион. Командир дивизиона Проскурнин, узнав, что я один разрядил пусковую, строго отругал меня за «самодеятельность»:

- Нарушать Инструкцию и Наставление по боевой работе категорически запрещаю! Рисковать без крайней необходимости, даже на войне, не нужно.

И в это время раздался звук сирены.

- Боевая тревога! Все по местам! – резко закончил командир.

- Значит, рисковать все же стоило, - подумал я про себя и вместе с расчетом рванул на пусковую.

В джунглях

Наша новая позиция находилась на краю только что убранного рисового поля недалеко от деревни. Сразу за полем начинались джунгли, а посредине ближайшего участка росло огромное ветвистое дерево. На буйволе, запряженном в соху, крестьянин пахал свой надел под следующий урожай. Буйвол размеренно двигался по борозде, послушно разворачиваясь по команде в конце загонки. Подойдя поближе и поздоровавшись, я стал наблюдать за процессом пахоты. Высохшая, изрезанная глубокими трещинами, глинистая земля с трудом поддавалась напору сохи, вспучиваясь и отваливаясь в стороны. На сошнике сохи непрерывно скапливались рисовые корневища и старая солома, которую крестьянин непрерывно, раз за разом, сбрасывал в борозду. Было видно, что и пахарь и буйвол уже порядком устали - оба были мокрые от пота, но оставался совсем небольшой клочок невспаханной земли, и они настойчиво продолжали трудиться.

Стараясь не мешать им, я пошел дальше в сторону большого дерева. Моё внимание привлекли какие-то мелкие зверушки, густо облепившие ветки и ствол дерева, беспрерывно снующие вверх-вниз. Подойдя поближе, я увидел, что это маленькие, величиной чуть больше мышонка, серые белочки, озабоченно таскающие растущие на дереве орешки. На дереве их оказалась целая колония. Мне было интересно наблюдать, как старательно они разгрызали мелкие орешки а, наевшись досыта, деловито набивали неочищенными орехами щеки и забирались в большое дупло, где оставляли свою добычу и отправлялись за новой партией припасов.

Понаблюдав за белочками, я пошёл дальше в сторону джунглей. Подойдя к опушке, увидел несколько кустов дикорастущего мелкостручкового красного перца. Приближалось время обеда и я, опасаясь змей, не стал углубляться дальше в заросли, а, нарвав самых крупных спелых стручков, повернул обратно. За обедом мы с ребятами попробовали принесённые мной стручки дикого перца – они оказались настолько жгучими, что даже крохотный кусочек, брошенный в суп, делал его невыносимо горьким. Этого перца нам хватило надолго. Он вызывал аппетит и хорошо помогал

от простуды в наступившие тропические холода, когда при температуре +10 градусов и стопроцентной влажности на пронизывающем ветру не только вьетнамцы, но и мы замерзали до посинения.

Ночевали мы в небольшой деревянной постройке недалеко от позиции. Обычно утром я просыпался раньше всех и, направляясь в туалет, каждый раз натыкался на змею, стрелой бросающуюся через тропинку наперерез мне.

Первый раз от неожиданности я сильно испугался, но в утреннем полумраке успел заметить, что змея длиной около метра, толщиной около 5 сантиметров, светло-коричневого, под цвет земли, цвета. Она напоминала толстую короткую палку, стремительно летящую на полуметровой высоте.

На следующий день змея снова метнулась через тропинку на том же самом месте. Значит, это её постоянное место обитания. Несколько раз с палкой я пытался осторожно обследовать это место, но ни змеи, ни её гнезда не обнаружил.

Ребята, ежедневно проделывавшие тот же путь следом за мной, ни разу никакой змеи не видели. Поскольку змея мне никакого вреда не причинила, а только напугала, я никому не стал рассказывать о ней. Каждое утро, встав пораньше, я шёл по тропинке, заранее размахивая палкой по траве, и каждый раз сгонял её с насиженного места, после чего она исчезала до следующего утра. Так продолжалось около двух недель, пока мы не сменили позицию.

Болезни

В результате тяжёлых климатических условий, огромных физических нагрузок и постоянных стрессов организм быстро ослабевал, и болезни не заставили себя ждать. Больше всего нас донимали кожные заболевания: сыпь по всему телу (потница) и грибок на ногах. Некоторые ребята сильно страдали и почти не в состоянии были ходить из-за сплошного высыпания в области паха, на внутренних поверхностях бёдер, под мышками. Эта сыпь быстро превращалась в сплошную незаживающую язву.

Свирепствовал также грибок. Ступни ног, пораженные грибком, представляли ужасную картину: на них, как

говорится, не было живого места. И, главное, отсутствовали эффективные лекарства против этой заразы.

Самым неприятным было то, что у нас появились случаи заболевания дизентерией. Причиной тому были походные условия быта и недостатки в организации приготовления и приёма пищи, связанные с боевой обстановкой. После первых же случаев заболевания дизентерией, наш доктор строго настрого запретил нам употреблять пищу, если она хоть какое-то время оставалась открытой.

Эта и другие меры блокировали распространение дизентерии, но всё же несколько человек, в том числе и я, попали в Ханойский госпиталь (вьетнамцы иногда называют его французским) с диагнозом «амёбная дизентерия». Это произошло, когда дивизионы 285-го полка уже вышли на боевые позиции. К несчастью, я не сразу обратился за помощью к нашему военврачу майору медицинской службы Конобеевскому Юрию Ивановичу, поскольку военных специалистов-стартовиков в полку остро не хватало, и заменить меня в тот период было просто некому. Поэтому к моменту поступления в госпиталь болезнь уже изрядно истощила меня.

Я хорошо помню лица вьетнамских военных врачей и медсестёр Ханойского военного госпиталя, вылечивших меня от тяжёлой, изнурительной болезни.

Благодаря высокому профессионализму лечившего меня вьетнамского доктора, стараниям и заботам медсестер болезнь отступила, и уже через 17 дней я снова смог вернуться в боевой строй. Правда, при выписке из госпиталя я весил всего 49 килограммов, имея рост 177 сантиметров.

Возвращение

Наступил март 1966 года. Наш 285-й ЗРП стоял на прикрытии Хайфона. Неожиданно нашу группу сняли с боевого дежурства и направили в Ханой.

Пришел приказ о нашем возвращении в Союз. Министр обороны ДРВ генерал армии Во Нгуен Зиап устроил в честь убывающих на Родину советских военных специалистов приём, на котором нам были вручены вьетнамские медали

Дружбы, Благодарственные грамоты, подписанные Премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом и памятные подарки.

Даже накануне отлета мне не верилось, что весь этот ад с американскими самолетами, ежедневно изрыгающими из своей утробы смерть на головы жителей городов и деревень Вьетнама, для меня закончился.

Расставание было грустным. Грустными были и те, для кого командировка уже закончилась, и особенно те, кто оставался. Оставались Слава Филин, Виктор Кубушев, капитан Евгений Иванович Богун, его заместитель - лейтенант Виктор Корнев и все, кто прибыл в сентябре-декабре 1965 года.

Проводить нас приехали представители 1-го и 3-го зенитно-ракетных полков. Среди них был Тхань. Я расспрашивал его, как дела в 61-м дивизионе, как ребята, все ли живы? Тхань сказал: «Всё нормально, Николай. Сегодня сбили 15-й самолёт. Все живы, здоровы. Часто вспоминаем тебя. Все передают привет и желают всем вам счастливого пути. Тиен теперь командир расчёта, меня назначили командиром 3-го взвода, а Винь стал заместителем командира батареи».

На память Тхань подарил мне свою фотографию с адресом полевой почты. Последний раз крепко пожали друг другу руки и по-русски трижды обнялись на прощанье. Тхань что-то хочет сказать, но, грустно улыбнувшись, молча отводит взгляд в сторону.

Медленно иду к автобусу. Последние шаги по ставшей родной вьетнамской земле.

Автобус трогается. Тхань смотрит вслед влажными глазами и долго машет нам рукой. У меня тоже комок подкатывает к горлу.

Нулевой рейс

Путь домой был нескорым. В Пекине произошла неожиданная задержка – обильный снегопад завалил снегом взлетную полосу. Для ее расчистки китайцам пришлось прибегнуть к помощи гражданского населения. И только к вечеру третьего дня мы, наконец, взлетели.

В назначенное время самолет пошел на снижение. Объявили, что приближаемся к аэропорту города Иркутска. Если в Ханое в день отлета было сравнительно прохладно (не более +25°), то в Иркутске еще стояла настоящая зима – мороз 20 градусов с ветром. Одеты же мы были в основном в легкие демисезонные пальто и летние фуражки или шляпы. Начали доставать из чемоданов все, что у нас было из теплых вещей.

По требованиям секретности, из Ханоя передали, что наш самолет идет нулевым рейсом, т.е. без пассажиров, и после приземления в Иркутске его загнали на самую дальнюю боковую полосу, метров 400 от здания аэровокзала.

Было около 10 часов вечера. Автобус к самолету не подали – рейс-то нулевой. И вот мы бегом под пронизывающим, обжигающим ветром бежали к зданию аэровокзала.

Переночевали в Иркутске, а на следующий день утром вылетели в Москву.

В родном полку

В родном полку нас встретили, как будто вернувшихся с того света. С момента нашего отъезда в дальнюю командировку, в полку все очень внимательно следили за развитием событий во Вьетнаме и, конечно же, переживали за нас. Для наших сослуживцев мы были людьми, совершившими что-то невозможное: побывать в самом пекле жестокой войны и вернуться живыми и невредимыми, это казалось чудом не только нам.

Помню, как поздним мартовским вечером мы приехали в наш 3-й дивизион в деревню Коростово. В «гражданке», похудевшие до неузнаваемости, с непривычно-желтым загаром на лицах, на ребят мы произвели впечатление «людей с Луны». Некоторые, не веря, что это мы, после первых рукопожатий снова подходили и трогали нас руками, чтобы еще раз убедиться, что это действительно живые Толя Ахунов, Николай Колесник и Леша Фомичев.

Потом посыпались вопросы. Собрался весь дивизион, сначала говорили стоя, потом расселись по койкам в углу казармы. Проговорили до поздней ночи. По горящим глазам

ребят мы видели, что они по-доброму завидуют нам, каждый из них хотел бы быть на нашем месте.

К концу разговора вопросы пошли более серьезные. На все вопросы мы отвечали откровенно, ничего не скрывая и не приукрашивая. Это была настоящая неофициальная политинформация на тему «Война во Вьетнаме», проведенная нами для солдат и сержантов нашего дивизиона.

Позже, по распоряжению начальника политотдела 10-го корпуса ПВО полковника Ивана Прокофьевича Михалевича, такие беседы мне много раз приходилось проводить среди солдат и офицеров в других подразделениях и частях МО ПВО. Везде я видел живой интерес людей к событиям во Вьетнаме и их искреннее сопереживание тем, кто там сражается.

«Дважды» сержант

После возвращения в полк всем прибывшим из Вьетнама военнослужащим срочной службы приказом командира полка было присвоено очередное воинское звание. Так как во Вьетнам я уезжал младшим сержантом, то мне присвоили звание сержанта. Пришлось обратиться к начальнику строевой части штаба полка и объяснить, что это звание мне уже было присвоено старшим Группы СВС еще во Вьетнаме к 7 ноября 1965 года, наряду с присвоением квалификации специалиста 1-го класса. Сделали запрос через 10-е Главное управление, откуда спустя некоторое время пришли подтверждающие документы – выписки из приказа по Группе СВС во Вьетнаме, после чего мне было присвоено звание гвардии старшего сержанта и выплачено дополнительно денежное довольствие за классность за весь прошедший период. Так что около месяца я был «дважды сержантом».

За спецкомандировку нам объявили по 20 суток отпуска, а так как у меня остался неиспользованным отпуск на 10 суток, еще до поездки во Вьетнам, то мне командир полка дал отпуск на целых 30 суток. Но отдохнуть так и не пришлось.

В начале апреля мне пришла телеграмма командира части Побожаква: «Срочно прибыть в часть в связи с избранием делегатом XV съезда ВЛКСМ».

На съезде мне поручили выступить с приветствием от Вооруженных Сил СССР. Текст приветствия подготовили офицеры Главпура майоры Мухортов и Солоницын, затем он был утвержден начальником Главпура генералом армии Епишевым, лично напутствовавшего меня на это выступление в его кабинете на Знаменке.

Для постановки дикции и правильной расстановки интонаций меня направили в Центральный театр Советской Армии к народному артисту России Петру Вишнякову. Он внимательно прослушал, как я читаю текст приветствия и сказал: «Николай, дикция у вас нормальная, голос звонкий. Читаете вы все правильно с соответствующей содержанию интонацией. Приветствие так и должно звучать – размеренно, выразительно и естественно. А чтобы не случилось никаких запинок, читайте текст вслух, вдумываясь в смысл написанного, пока не заучите его наизусть. Тогда ничто не сможет помешать вам выступить на съезде эмоционально и по военному четко. Действуйте. Желаю успеха!»

Я последовал его совету.

В тексте приветствия были такие слова:

«У советских воинов есть большой опыт, как бить врага, и, если понадобится, мы этот опыт не только используем, но и приумножим.

Сейчас американские империалисты открыто посягают на суверенитет Демократической Республики Вьетнам и хотят в грязной, агрессивной войне подавить национально-освободительное движение южновьетнамского народа. Но, ни зверства, ни бомбы, ни напалм не могут сломить волю вьетнамского народа.

Мы, советские воины, выражаем свою горячую солидарность с борющимися вьетнамскими братьями и всегда готовы прийти им на помощь».

Думаю, что немногие из находящихся в зале делегатов и гостей съезда догадывались о том, что такая помощь уже оказывается, и я только что вернулся из Вьетнама, где на деле её осуществлял. А вечером помощник начальника политотдела 1-й армии ПВО особого назначения старший лейтенант Евгений Смык сказал мне, что мое выступление очень понравилось сидевшему в президиуме Алексею Николаевичу Косыгину.

После войны

Первое время после возвращения в Союз меня не покидало чувство какой-то чудовищной несправедливости на земле. Я смотрел на спокойно идущих по улице людей и думал, что, быть может, в эту самую минуту в далеком Вьетнаме на головы таких же мирных, ни в чем не повинных людей из бомболоков американских «летающих крепостей» В-52, «Фантомов» и «Скайхоков» падают фугасные и шариковые бомбы.

Каждый день радио и газеты сообщали о войне во Вьетнаме, но для многих эта война представлялась чем-то далеким, почти нереальным. Но ведь я только что вернулся с этой войны!

Мысленно я был еще там. Сирену тепловоза я еще долго воспринимал как сигнал тревоги и импульсивно срывался с места. «Быстрее к пусковой», - мелькала мысль. И только пробежав два-три шага, останавливался, осознав, что бежать мне уже никуда не надо.

Как-то уже осенью, возвращаясь с занятий в институте, я шел с однокурсниками по улице, и вдруг откуда-то сверху раздалась пулеметная очередь. Моя реакция на обстрел с воздуха была мгновенной - я бросился на обочину тротуара, чтобы залечь. А ребята рассмеялись. Оказалось «очередь» дал отбойный молоток со второго этажа ремонтируемого дома.

В 1972 году я окончил дневной факультет Московского энергетического института.

Работал инженером-конструктором, ст. механиком-энергетиком цеха, ведущим инженером-конструктором, начальником цеха на предприятиях авиационной и оборонной промышленности, параллельно вел преподавательскую работу.

В 1994 году избран председателем Президиума «Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме». С 1994 года работаю в электротехнической службе Государственной Думы.

Встреча на перевале Хайван

В апреле 2002 года телекомпания REN TV совместно с туристическими агентствами «Воентур» и «Н-Транс тур» (директор Фам Тхи Тхань), при финансовой поддержке вьетнамских торговых центров ЗАО «КТ» (президент Ле Нгок Хыонг), и ЗАО СП «ТОЖИ» (президент Фам Зунг Тиен), организовали поездку во Вьетнам для съемок документального телефильма «Вьетнам, 30 лет спустя». В основу сценария была положена рукопись моих воспоминаний, и мне предложили участвовать в съемках в качестве ведущего.

Наша съемочная группа состояла из 6 человек: режиссер – Алевтина Полякова, продюсер - Елена Рубинова, оператор – Алексей Егоров, директор-переводчик – Фам Тхи Тхань, ассистент – Галина Колесник и я.

29 апреля в Ханое мы встретились с бывшим командиром 61-го дивизиона 236-го ЗРП ВНА старшим полковником Хо Ши Хыу, который пригласил нас к себе домой. Мы познакомились с его семьей, поговорили, вспомнили наших боевых друзей, и наскоро собравшись, поехали в провинцию Ниньбинь, чтобы побывать на той самой позиции, где 11 августа 1965 года наш 61-й дивизион принял первое боевое крещение.

Наш маршрут проходил по 6-полосному скоростному шоссе дороги №1, которая теперь ничем не напоминала ту, изрытую воронками от американских бомб, дорогу военных лет.

Хо Ши Хыу, как истинный военный, взял с собой свою старую полевую сумку-планшет с картой военного времени, по которой мы периодически сверяли маршрут. Путь, на который в августе 1965 года ушло почти двое суток, мы проделали за 3 часа.

Проехали восстановленный из руин город Фули, свернули на запад и через 12 километров сделали еще один поворот направо, на север. Проехав еще 15 километров, уточнили название местности у местных жителей, которые подтвердили, что действительно это уезд Завьен волости Сыктхо, а деревню Зашон мы уже проехали. Пришлось возвращаться 1,5 километра обратно.

Вышли из машины и пешком, продираясь через заросли бамбука и колючего кустарника, поднялись по склону горы наверх.

Очертания окружающих гор те же, что и 37 лет назад, но гору, на которой стоял дивизион, я узнал с трудом: все вокруг засажено эвкалиптовыми деревьями, а у подножья горы образовались густые заросли бамбука.

Погода была солнечная, ясная. Вдали хорошо был виден город Фули.

- Вот здесь стояла кабина «П», а чуть ниже – кабина «У», а вот там – станция разведки и целеуказания П-12, - взволновано показывал Хо Ши Хыу.

- Значит, наши пусковые располагались немного правее и ниже метров на сорок, - уточнил я.

- Да, три ПУ стояли на этой стороне, а три – на противоположной стороне склона.

За время войны старший полковник Хо Ши Хыу, будучи командиром 61-го дивизиона, затем заместителем командира, начальником штаба 236-го ЗРП, командиром 274-го ЗРП, сменил сотни позиций, но свою первую боевую позицию он, как и я, помнил до мельчайших подробностей.

Мы пришли на бывшие стартовые площадки. Все вокруг покрыто круглыми оспинами затянувшихся воронок от бомб. С трудом находим почти полностью сглаженные временем и ливнями когда-то уступообразные площадки стартовой батареи.

- Да, судя по количеству воронок, бомбили здесь жестоко, - задумчиво заметила Аля Полякова.

Быстро наступили сумерки, и мы отправились в обратный путь. Выехали на трассу дороги №1. За городом Фули остановились у воинского кладбища и в память о погибших возложили цветы.

Переполненные впечатлениями прошедшего дня, ехали молча. Я вспоминал имена и лица тех ребят, которые участвовали здесь в боях летом 1965 года.

В Ханой мы вернулись, когда уже совсем стемнело. А завтра было 30 апреля – День вьетнамской Победы и годовщина освобождения Южного Вьетнама. В этот день в 1975 году на завершающем этапе операции «Хо Ши Мин» силами Национального Фронта освобождения Южного

Вьетнама был взят Президентский дворец в Сайгоне и тридцатилетняя война закончилась.

Освободительная война во Вьетнаме почти непрерывно продолжалась 30 лет: с 1945 по 1975 год.

Встреча 50 лет спустя

В июле 2015 года по приглашению Командующего ПВО-ВВС Вьетнамской Народной армии делегации ветеранов из России и Украины приняли участие в праздновании 50-летия Героических зенитных ракетных Войск Вьетнама. В составе делегаций были однополчане по 1-му (236-му) ЗРП ВНА – участники первых зенитно-ракетных боёв: офицеры наведения 63-го и 61-го огневых дивизионов полковники Владислав Константинов и Константин Каретников, операторы ручного сопровождения сержанты Петр Залипский и Владимир Тищенко, техник кабины «П» 63-го дивизиона майор Валентин Тодорашко, специалист по настройке аппаратуры КИПС и приборов системы ЗРК С-75 полковник Станислав Золотов и заместитель командира стартовой батареи 61-го дивизиона старший сержант Николай Колесник.

Вместе с нашими вьетнамскими боевыми друзьями-однополчанами мы побывали на первой позиции 63-го дивизиона, на которой 24 июля 1965 года в реальных боевых условиях состоялись первые боевые пуски зенитных ракет в современной военной истории, поразившие цели сильного воздушного противника. Там теперь стоит памятник первым ракетчикам и вьетнамским зенитчикам, прикрывавшим ракетчиков 50 лет назад.

На этой встрече были наши первые ученики, бывшие офицеры наведения - Герои Вооруженных сил Вьетнама старшие полковники Ла Динь Тъи, Фам Чыюг Уи и Нгуен Суан Дай, сбивший 26 октября 1967 года небезызвестного ныне сенатора Джона Маккейна. В 1965 году оператора ручного сопровождения 61-го дивизиона Нгуен Суан Дая обучал мастерству наведения ракеты на цель лейтенант Константин Каретников.

В родном 236-м полку нас встретили, как самых дорогих гостей.

24 июля 2015 года в День 50-летия создания Героических Зенитных ракетных Войск Вьетнама на площади у Центрального музея Вооружённых сил Вьетнама состоялся большой праздничный концерт, на котором чествовали ветеранов, стоявших у истоков создания ЗРВ и тех, кто сегодня стоит на страже мирного неба Вьетнама.

Награжден орденами Красного Знамени, Серебряная Звезда «Общественное признание», Петра Великого 1-й степени, Святого князя Александра Невского 2-й степени, вьетнамским орденом Дружбы и двенадцатью медалями, в их числе - «Ветеран боевых действий», «Ветеран труда», «За укрепление боевого содружества», «За ратную доблесть», вьетнамской медаль «Дружбы», а также знаками «Воин-интернационалист», «Ветеран Войск ПВО» СССР и Вьетнама.
Почетный профессор РАЕН.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Гергиева Диана Робертовна**, студентка 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Копытов Николай Владимирович

Полк направился к станции Качалинская в излучину реки Дон

Я родился 28 февраля 1924 года в поселке Рудник-Тукан Белорецкого района Башкирской АССР. В 1940 году окончил 9 классов школы.

Хорошо помню 22 июня 1941 года, был выходной, воскресенье. По громкоговорителю, находившемуся на здании рудникового комитета профсоюза, передали правительственное сообщение Молотова.

Война! Эта весть сразу облетела весь поселок. В поселке прошел стихийный митинг, на котором говорилось, что война будет победоносной, воевать будем на немецкой земле, разобьем врага в ближайшее время. Особенно горячилась молодежь...

В военкомате была очередь. Мальчишек отправляли домой со словами «подрастите».

14 июля я и трое мальчишек пошли в военкомат, где попросили нас направить в военное училище. Нас зачислили в Белорецкий аэроклуб. Разместили в палатках, началась суровая военная жизнь: подъем в 6.00, отбой в 21.00, а между подъемом и отбоем - тяжелый трудовой день.

Мы разгружали вагоны с горючим, чистили и заправляли самолеты, изучали материальную часть вверенной техники. Через три недели начальник аэроклуба выстроил весь личный состав и зачитал приказ, в котором говорилось, что по

окончанию курсов выпускники должны быть совершеннолетними. Меня отчислили, так как на момент выпуска мне было бы 17 лет.

После отчисления я работал на руднике. В октябре 1941 года райком партии и Белорецкий районный комитет ВЛКСМ объявили о наборе ребят, окончивших 9-10 классы, в военные училища. В Белорецк было эвакуировано 2-е Ленинградское артиллерийское училище. Десять учеников из нашей школы были зачислены в артиллерийское училище. В конце декабря мы приступили к учебе.

Училище, эвакуированное из Ленинграда, было без курсантов, приехали только преподаватели, а также привезли учебную технику. Курсанты училища остались оборонять Ленинград.

В мае 1942 года я окончил ускоренные офицерские курсы во 2-м Ленинградском артиллерийском училище.

После окончания училища нас направили в Подмосковье в формирующуюся 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Полк формировался в Щуровском лесу возле города Коломны. Начал службу в должности командира батареи в звании лейтенанта.

Боевой путь: город Сталинград (август-декабрь 1942), город Балашов Саратовской области (зима 1943), Курская Дуга (май-июнь 1943), город Киев (6 ноября 1943), город Малин (1 января 1943), город Львов (1944), город Смигель (Померания, Польша, 1945), Штральзунд (Германия, май 1945).

Освобождал Киев 6 ноября 1943 года в составе 206-го гвардейского артиллерийского полка.

Военные действия окончил 9 мая 1945 года в городе Штральзунд (Германия).

18 августа 1942 года получил легкое ранение в ногу на Сталинградском фронте в районе станицы Качалинская. Из строя не вышел. Летом 1943 года получил легкое осколочное ранение в лицо, из строя не вышел, зашили на месте сражения. 12 июля 1944 года получил легкое осколочно-касательное ранение в голову.

Ранение в день боевого крещения

В августе 1942 года мою дивизию отправили на Сталинградский фронт. При подходе дивизии к Сталинграду над нами стали часто летать вражеские разведывательные самолеты. Полк прибыл на железнодорожную станцию Котлубань. Станция была загружена эшелонами, мы начали разгрузку техники и впервые попали под бомбежку. На фронте была полная неразбериха.

Наш командир полка не смог найти начальство, поэтому мы не могли понять, в чье распоряжение поступаем. Командир полка принял решение направиться в станицу Песковатка. По дороге нам навстречу шли наши солдаты, которые сообщили, что станица Песковатка занята немцами. Полк вернулся в Котлубань. Оттуда 167-й гвардейский артиллерийский полк направился к станице Качалинская, в излучину реки Дон.

Немцы расширяли плацдарм для наступления на Сталинград, и нашему полку был дан приказ поддерживать части пехоты артиллерийским огнем, не допустить прорыв немецких частей к Сталинграду. Немецкая авиация господствовала в небе. Меня, еще не бывавшего в бою, ужасал факт расстрела немецкой авиацией медицинских машин. Помню случай, когда немецкий летчик издевался над советским солдатом, расстреливая его с воздуха. Самолет гонялся за одним раненым бойцом, которому в поле негде было укрыться. Я подумал, что долго здесь люди не живут, а через несколько дней я принял участие в своем первом бою. Это было мое боевое крещение.

В самом первом бою я получил ранение. У меня была первая огневая позиция. Я был командиром батареи 122-мм орудий. Когда батарея открыла огонь по фашистам, в небе появился немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189», мы его называли «рамой».

Летчик, видимо, сообщил координаты нашей батареи, и немцы открыли по нашим позициям миномётный огонь. В это время я был в пятидесяти метрах от батареи. Я бросился бежать к орудиям. Когда я подбегал к позиции, возле меня взорвалась мина, меня присыпало землей. Осколок вражеского снаряда попал в мягкие ткани ноги, кровь залила ногу.

Ранение было легким, из строя я не вышел и продолжил вести бой.

После окончания боя я увидел погибшего сержанта - командира первого орудия. При обстреле был тяжело ранен связист моей батареи. Недалеко от нас находился санитарный батальон. Я повез раненого связиста в санбат, но нас там не приняли, сославшись на то, что мы из другой части. Я обратился к проходившему майору санитарной службы с просьбой принять раненого бойца, так как он умирал, а про своё ранение я не сказал. Связиста приняли в санитарный батальон, а я пошел в расположение полка. Осколок мне не убрали. Он и по сей день у меня в ноге.

Через 3 недели меня пригласили на партийную комиссию. Мне предложили стать кандидатом в члены Коммунистической партии. Я удивился этому предложению и сказал, что у меня нет рекомендации в члены партии и за меня никто не может поручиться, так как я приехал на фронт недавно и меня никто не знает. Члены комиссии ответили, что солдаты, видевшие меня в бою, дадут рекомендации, если я соглашусь. Я согласился, и меня приняли кандидатом в члены партии. В 1943 году я стал членом партии и получил партбилет. Партийный билет я получал уже в составе 206-го гвардейского артиллерийского полка.

Первый праздник артиллеристов

Случай произошел в Польше, недалеко от города Сандомир. 19 ноября 1944 года мы впервые праздновали нововведенный праздник – День артиллерии. Некоторые бойцы моего подразделения ездили на праздник в Москву, мы же праздновали на передовой. Нам выдали по десять боевых снарядов на каждое орудие, и мы выпустили их по вражеским позициям в качестве праздничного салюта. Немцы подумали, что будет наступление и в панике начали отступать на запасные позиции, а наша пехота без команды побежала на них в атаку. Пехота отбила немецкие позиции перед передним краем обороны наших боевых порядков.

Переправа через реку Ногат

К концу февраля 1945 года мой полк в составе 2-го Белорусского фронта вышел к реке Висле, к её притоку реке Ногат. Немцы вели ожесточенные бои за города Польши. Нашему полку поставили задачу уничтожить укрепленные районы немцев и поддержать пехоту при прорыве вражеских позиций. Мне пришлось самостоятельно принимать решение по обеспечению переправы батальона пехоты через реку Ногат.

Ширина переправы около двухсот метров, по обоим берегам высокие дамбы. Разведчики сообщили мне координаты огневых точек противника. Моя батарея готовилась к бою. Я установил стереотрубу и начал изучать противоположный берег, обдумывал как лучше и эффективнее вести огонь. В это время пехоту, готовившуюся к переправе недалеко от моего наблюдательного пункта, заметили фашисты. Немцы сделали несколько выстрелов по нашей пехоте из 37 миллиметровой пушки.

К счастью, моя стереотруба была наведена на ту самую точку, где находилась вражеская батарея. Переправа была назначена на утро. Наша батарея отметила вражеские позиции и пристреляла орудия. Вечером, с наступлением темноты, взвод управления и огневые взводы, оставив у каждого орудия по заряжающему и наводчику, отправились копать окопы на площадках более удобных для ведения огня. Орудия катили вручную без машин, чтобы немцы не обнаружили нашего перемещения.

Утром, когда все было готово, мы начали артподготовку. Первой мишенью моей батареи стали закрытые артиллерийские позиции. Их мы уничтожили первыми выстрелами. Далее артиллерия начала подавлять пулеметные точки врага. Когда дым рассеялся, я увидел, что артподготовка проведена успешно, враг не подавал признаков жизни. Пехота погрузилась на лодки и начала переправу. Ниже по течению реки пехотинцев начали обстреливать из пулемета. Мы его не видели из-за густой завесы дыма, поэтому на слух навели прицел на звук выстрелов. На моем наблюдательном пункте зазвонил телефон. Начальник артиллерии сообщил, что пехоту обстреливает пулемет, поступил приказ «немедленно

уничтожить»! К счастью ветер разогнал дым, и батарея уничтожила пулемет. Батальон переправился без потерь. Во второй половине дня переправили и артиллерию. Я сразу пошел осматривать позиции, где находились пушки. Орудия были уничтожены, но убитых не было, видимо, их забрали.

Наступление продолжалось. Моему дивизиону и батальону пехоты была поставлена задача: расширить плацдарм и захватить село, находившееся у нас на пути, а также создать там укрепрайон. Я был назначен начальником будущего укрепрайона. На следующий день пехота при поддержке артиллерии начала штурм села. Немцы оказывали жестокое сопротивление. Мы хотели переправить орудие через канал и утопили его. Следующей ночью наши подразделения захватили село. Вверенные мне разведчики захватили при этом в плен 20 немцев и одного поляка.

Имею несколько наград

Из представления к ордену Отечественной войны 2-й степени:

«Во время наступательных боев гвардии лейтенант Копытов проявил исключительное мужество и отвагу. Находясь непосредственно в передних рядах пехоты, в ротных и взводных участках, своевременно огнем своей батареи уничтожал огневые точки и опорные пункты противника, препятствующие продвижению нашей пехоты вперед. На счету батареи товарища Копытова за период ликвидации окруженной группировки противника в Восточной Пруссии уничтожено: 9 станковых пулеметов, 2 миномётные батареи и до батальона пехоты противника, подавлено 6 станковых пулеметов, сожжено 2 танка, 3 бронетранспортера. В ожесточенных боях с 16 по 22 февраля 1945 года в районе Петтелькау-Рутенберг, несмотря на сильный артиллерийский обстрел противника, пренебрегая опасностью для своей жизни, отбивал контратаки танков, бронетранспортеров и пехоты противника, всего в этом районе было отбито до 15 контратак противника. За проявленное мужество и отвагу в боях с немецкими захватчиками за социалистическую Родину гвардии лейтенант Копытов достоин правительственной награды - ордена Отечественной войны 2-й степени. Командир

206-го легкого артиллерийского Краснознаменного ордена
Кутузова полка гвардии майор Ильин.

4 марта 1945 года».

Из представления к ордену Красной Звезды:

«Командир огневого взвода, старший на батарее гвардии лейтенант Копытов Н.В. за период наступательных боёв в районе Марчихина Буда и города Шестка Сумской области в составе батареи огнем своего взвода уничтожил 3 станковых пулемёта, подавил огонь 2 миномётных батарей, разбил два 72-мм орудия, уничтожил 10 подвод с боеприпасами и 3 автомашины с пехотой, уничтожил 5 укрепленных точек противника и разбил один склад с горючим. За этот же период отражено 3 контратаки противника. Своим личным примером товарищ Копытов непосредственно в бою увлекает бойцов и командиров на разгром врага, воспитывая в личном составе своего подразделения чувство советского патриотизма, чувства безграничной преданности делу партии Ленина – Сталина и советскому правительству. Товарищ Копытов достоин правительственной награды - ордена Красной Звезды. Командир 167-го гвардейского Краснознаменного легкого артиллерийского полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Бутко.

6 октября 1943 года».

Из представления к ордену Отечественной войны 2-й степени:

«Командир огневого взвода, старший на батарее, гвардии лейтенант Копытов за период боев, которые вел полк, показал себя храбрым и мужественным офицером. Своим личным примером товарищ Копытов непосредственно в бою увлекает бойцов и командиров на разгром ненавистного врага. 18 ноября 1943 года в районе селения Верса Житомирской области при натиске вражеской танковой атаки гвардии лейтенант Копытов своим взводом отразил несколько яростных атак противника, уничтожив при этом до роты солдат и офицеров, подбил 2 танка, а третий танк сжег. В бою 19 ноября 1943 года в районе селения Каменный Брод Житомирской области под умелым руководством старшего на батарее товарища Копытова батарея полностью выполнила

приказ командования по прикрытию наших войск, отходивших на исходный рубеж. Старший на батарее гвардии лейтенант Копытов Н.В. за мужество и стойкость при отражении вражеской танковой атаки, за уничтожение при этом трех танков противника достоин правительственной награды - ордена Отечественной войны 2-й степени. Командир 167-го гвардейского Краснознаменного легкого артиллерийского полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Бутко.

26 ноября 1943 года».

Награждён также:

- орденом Александра Невского
- орденом Трудового Красного знамени;
- орденом «Знак почета»,
- медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Демобилизовался 20 июня 1945 года в звании гвардии старшего лейтенанта, место отбытия - город Смигель (Польша), место прибытия - Белорецкий район Башкирская АССР 12 июля 1945 года. Устроился на работу на рудник в поселке Рудник-Тукан.

Мой отец, сержант Копытов Владимир Михайлович, 1898 года рождения, погиб 10 сентября 1942 года на Ленинградском фронте.

Имею публикацию:

Копытов Н.В. XX ВЕК. О пережитом. воспоминания. - Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2006, - 272 с.

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Новохватский Алексей Михайлович**, студент Оренбургского государственного педагогического университета*

Корунов Петр Андреевич

Я принял командование батальоном на себя

Я родился 4 ноября 1924 года в деревеньке Улемовка. В ней было всего пятнадцать дворов, разбросанных на полверсты.

Осенью 1932 года я пошёл в школу в селе Ромодан, которое находилось в двух километрах от Улемовки. Однажды зимой решил прокатиться с горки на коньках, поехал и уткнулся в снег. Разбил губы. Несколько дней не ходил в школу, да так и не пошел в нее больше в этот год. Пошел снова учиться только в 1933 году, мне уже было почти 9 лет.

В свободное от учебы время я любил заниматься по хозяйству: убирал и наводил порядок во дворе, кормил скот, заготавливал дрова, а иногда что-то мастерил. Однажды пытался смастерить санки.

Осенью 1937 года все улемовские и старосельские ребята и девочки пошли учиться в Хлебодаровскую неполную среднюю школу, это в четырех километрах от Старосельска, а от Улемовки – около пяти будет. Осенью ходили пешком, а зимой ездили в санях, в которые была запряжена лошадь.

Время уже было тревожное, чувствовалось приближение войны.

В Хлебодаровке начали проводить занятия в кружках: «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Готов к санитарной обороне» (ГСО), «Противовоздушная химическая оборона» (ПВХО). Сдавали

зачёты. Успешно сдавших зачеты награждали значками. Требования были жесткими, но мы старались.

В 1940 году я окончил семилетнюю школу с похвальной грамотой, поступил учиться в Базарно-Матаковскую среднюю школу. В этом же году моего брата Александра призвали в армию.

В 1941 году началась война. Я тогда окончил 8-й класс. Мой брат уже год служил в Красной Армии.

Осенью 1941 года я пошел учиться в 9-й класс, но проучился лишь первую четверть и бросил с разрешения отца. Ему я высказал такую мысль: среднюю школу закончить я уже не успею, а с восьмью или с девятью классами пойду на фронт - разница небольшая. Отец согласился с моими доводами.

В августе 1942 года я получил повестку. Со всего района нас призвали только троих. Дали нам направление в город Ярославль в Новоград-Волынское пехотное училище. Ехать мы должны были без сопровождения, самостоятельно. Договорились встретиться на следующий день на пристани в Спасском Затоне.

Родители знали, что меня призовут в армию, хотя мне еще не исполнилось даже восемнадцати лет. Мама, конечно, плакала. Немного выпили с отцом и родными. Я взял в руки гармонь, сыграл на прощание. Родители по старому обычаю благословили меня, мама подарила крестик, который просила носить при себе постоянно. Я выполнил ее просьбу, всю войну хранил этот крестик. Родные проводили меня за околицу, простился со всеми, и меня повез извозчик в Спасский Затон. Как и договорились, все трое - будущие курсанты - встретились на пристани, сели на пароход и прибыли в Казань. Потом на пассажирском поезде поехали в город Ярославль.

В училище всех троих определили в минометную роту. Курс был ускоренный, через 6 месяцев нас должны были выпустить офицерами. Позднее я немного сожалел, что не дали нам закончить учебу в училище - был бы я артиллеристом. Ведь на фронте артиллеристу несколько легче, чем пехотинцу.

За 3 месяца учебы я уже неплохо разбирался в тонкостях артиллерийской стрельбы. Всех, прибывших в училище, построили в колонну по четыре по росту и разбили по взводам. Первый взвод состоял из самых рослых ребят, а в

четвертом была вся мелкота. Я находился в 1-м взводе, но стоял в 3-м ряду, хотя мой рост был метр восемьдесят.

Условия учебы были суровые: не хватало питания, хотя оно было хорошим, но из-за больших нагрузок нам все время хотелось есть. Часто по ночам нас поднимали по тревоге и вели на разгрузку торфа и угля. Когда мы возвращались в казармы, нам давали поспать часа два, а потом начинался обычный день занятий. На тактические учения ходили далеко за город, стрельбище было в одиннадцати километрах от города. Это была очень разумная подготовка к суровым фронтовым условиям.

В начале ноября 1942 года всех курсантов училища, за исключением одной стрелковой роты, отправили на фронт в район Сталинграда. После выгрузки из железнодорожного состава, на фронт мы шли ночами, а перед рассветом располагались в населенных пунктах. Люди укрывались в домах, а повозки мы прятали в сараях. Немецкие самолеты-разведчики летали над деревнями, но не могли нас обнаружить.

Курсанты влились в стрелковую дивизию 6-й армии генерала Харитонов. Эта армия стояла на излучине Дона и относилась к Воронежскому фронту. Мы занимали оборону на небольшом плацдарме на правом берегу Дона. В нашем тылу были большие села – Нижний Мамон и Средний Мамон.

После моего первого боя, когда спало нервное напряжение, я понял, что у меня сильно болит левая нога. Я снял ботинок и увидел – все кончики пальцев почернели, а на верхней части стопы вздулись волдыри - обморожение 2-й степени. Обратился в медицинский пункт и меня тут же отправили на лечение в тыл.

К моему удивлению и радости, санитарный поезд привез нас в Казань. Два месяца я лечился в госпитале на улице Волкова. По прибытии в госпиталь сразу же написал письмо родителям, через несколько дней они ко мне приехали.

В марте 1943 года, побыв недели две в батальоне выздоравливающих на улице Комсомольской, в составе маршевой роты меня снова направили на фронт. На этот раз я попал в 85-ю стрелковую дивизию Западного фронта. Стал 1-м номером станкового пулемета системы «Максим». Ротой командовал молодой старший лейтенант Карел, а командиром

моего отделения был сержант Воробьев. Нашу роту поставили в оборону на плацдарме за рекой Великой.

В мае дивизию отвели в тыл под Вязьму для переформирования и подготовки к новым боям. А в июле дивизию перебросили на передовой край для наступления. Утром 7 августа пошли в атаку. Мой пулемет пробило осколком. Увидел, что правее меня убит пулеметный расчет, подполз к ним, снял тело пулемета (телом называется механизм со стволом и кожухом) и, вернувшись, поставил его на свой станок. Высунул голову из-за щита пулемета и тут же «получил» пулю в лоб.

Спасла меня от смерти чистая случайность. Таких случайностей было четыре за все годы войны, и это - первая. Я был в каске, а немецкая пуля оказалась разрывная. Пуля, разорвавшись, раздробила переднюю часть каски, осколком разорвав мне кожу на лбу, а мелкие осколки попали в правое плечо. Второй номер меня перевязал. Встал я, вылез из окопа и, не пригибаясь, пошел в медпункт.

Две недели лечился в дивизионном медсанбате. Когда немного поправился, вернулся в свой полк, в свою роту, но уже в качестве автоматчика. Побывал еще в одном бою.

Командование полка, узнав, что я учился три месяца в училище, направило меня на курсы младших лейтенантов при 10-й гвардейской армии. Курсы эти прифронтовые, пока учился с 15 сентября по 2 февраля, мы дважды меняли место своей дислокации. Строили для себя полуземлянки: на метр вгрызались в землю, а над этим углублением из бревен строили двухскатную крышу, которую потом заваливали землей.

2 февраля 1944 года меня досрочно выпустили из училища, присвоив звание младшего лейтенанта. Направили нас, с Павлом Васильевым, в 256-й гвардейский стрелковый полк 56-й гвардейской стрелковой дивизии. В этом полку мы с ним и воевали до Дня Победы.

Однажды мы атаковали немцев, выбили их из опорного пункта и начали продвигаться дальше. После нашей попытки захватить деревню, подошла свежая немецкая дивизия «Адольф Гитлер» для контрнаступления. Завязались жестокие бои, мы вынуждены были отступить к опорному пункту

немцев, но немцам так и не удалось ликвидировать наш прорыв и полностью восстановить свои позиции.

Вскоре по нашим позициям противник начал стрелять, командир батальона был ранен, остался командовать батальоном его заместитель – старший лейтенант. Недалеко от меня находился командир 2-го взвода, я предложил ему: «Давай отведем войска назад на пятьдесят метров в наши окопы». Он сказал, что боится делать это. Тогда я принял командование на себя и передал по цепочке команду: «Пулеметчики, по моей команде «огонь» ведут обстрел немцев, а стрелки броском бегут в окопы». Так мы и сделали, пулеметчики открыли огонь, стрелки без потерь перебежали в окопы. Но когда к окопам побежали пулеметчики и я с ними, на нас обрушился шквал огня. Один пулеметный расчет был убит, убит и командир 2-го взвода. Из офицеров остался я один.

Справа и слева немцы прошли далеко вперед, и мы остались как «в мешке». Я принял решение вывести из этого «мешка» людей, а их оставалось человек пятьдесят, на ту высоту, которую разведал прошлым днем.

Мы находились в окопах на краю леса. Надо было провести группу солдат, пройдя триста метров через лес, на ту высоту. Пользуясь темнотой ночи, я собрал всю группу солдат и повел. Подошли к дороге, которая проходила через лес. На дороге лежало несколько трупов, она простреливалась немецким пулеметчиком слева. Периодически, через несколько минут, он стрелял вдоль дороги.

Я объяснил людям, что по команде они должны перебежать через дорогу, а за пределами дороги упасть и ползти дальше. Я рассредоточил солдат в цепочку и после очередной стрельбы немецкого пулеметчика дал команду «вперед». Мы броском перебежали дорогу, упали и проползли метров десять, после чего я поднял солдат и без потерь привел на высоту, она была уже совсем рядом. Так прошел мой первый бой в качестве командира взвода, было мне девятнадцать лет.

Во время другого боя я высунул голову между двух комьев снега и получил пулю в грудь. Удар был сильным настолько, что я упал спиной на противоположную стенку траншеи. Сунул руку под шинель на грудь - сухо, крови нет.

Что за чудо! Спасла меня скатка (свернутое шерстяное одеяло, повешенное через плечо). Пуля прошла почти всю скатку, остались не пробитыми только два слоя. Это было второе чудо, которое уберегло меня от смерти. Ведь немецкое одеяло я взял с целью укрыть ноги, если долго придется лежать в снегу, а оно мне спасло жизнь.

В начале июля 1944 года началось наступление под Новоржевом. Из деревни, к которой мы шли, застрочил пулемет. Полк остановился, наша рота развернулась в цепь. Командир полка подъехал к командиру нашей роты и сказал: «Там засели десять обозников, выбейте их».

Рота по кустам незаметно подошла к самой деревне. Перед нами был высокий берег поймы, а на ровном месте, выше склона, немецкие окопы. Мы пошли в атаку, немцы по нам стрелять не могли, их пули летели намного выше наших голов. Когда мы стали достигать верха склона, увидели, как немцы выскакивают из окопов и удирают.

Я бежал на пулеметное гнездо, рядом со мной бежал мой помощник сержант Бабоян. Из сарая ударила автоматная очередь. Бабоян упал, очередь прошла его голову и левую половину груди. Мой взвод занял часть деревни и вышел за сарай второго ряда домов. Остальные два взвода залегли возле первого ряда домов.

Командир роты приказал отойти, он решил обойти деревню слева. Фамилия командира роты – Гилован. Левее деревни был колхозный сарай, к этому сараю мы и побежали. По нашим рядам уже стреляли не только пулеметчики и автоматчики, но ещё и пушка. Я почувствовал удар по левому бедру, думал, ударило комом земли от разрыва, но бежал к сараю. По одну сторону длинного сарая были мы, а по другую – немцы. Я занял позицию около угла сарая, а пулеметчику Куканчину велел отползти левее сарая подальше и обстрелять немцев с фланга. Куканчин отполз, дал очередь вдоль сарая, немцы в панике бросились бежать, а пули нашего пулеметчика их косили и бегущих, и лежащих. Редко кому удалось скрыться во ржи.

Когда я встал, у меня был полный сапог крови. Оказалось, что не комком земли меня ударило, а пуля пробила мягкие ткани бедра.

Опять госпиталь, месяц лечился и снова вернулся в свой полк. В первой декаде августа принял роту и в бой пошел уже ротным командиром. За бои в июле был награждён орденом Красной Звезды.

В августе участвовал в нескольких боях, успехов было мало, но потери были значительные. Начался сентябрь. Мы готовились к прорыву обороны противника.

Рано утром я услышал стон на нейтральной полосе. Пошел на стон с некоторым риском для жизни, так как шел по минному полю, внимательно разглядывая местность. Мины были поставлены быстро, поэтому были плохо замаскированы. Раненым оказался немецкий унтер офицер. Я взял его на руки и вынес с нейтральной полосы. У него была перевязана нога. Он с какой-то тревожной благодарностью смотрел на меня, повторял: «О, рус офицер, данкешон». Отдал мне бинокль и пистолет. Я послал двух солдат с носилками отнести раненого в медпункт. Никакой злобы я к раненому немцу не испытывал, напротив - жалость. Солдаты вернулись и доложили, что сдали его в медпункт.

Часов в девять утра, разгорелся сильный бой, к ружейно-пулеметной перестрелке добавился сильный артиллерийский обстрел, да еще танки и самоходки начали прямой наводкой бить по нашим позициям. Артиллерия наша отстала. Командир батальона был ранен. Тогда адъютант, старший батальона, сказал мне: «Принимай командование батальоном. Я штабной офицер и командовать не берусь». Фамилия его Карапетьян. Я принял командование батальоном на себя.

Во второй половине дня прислали мне артиллерийскую батарею. Мы с командиром батареи пошли по переднему краю, чтобы определить позицию для каждой пушки. Только я подошел к своему окопу, где сидели телефонист и ординарец, и тут мина разорвалась в четырех метрах от меня. Осколок пробил мне левую руку ниже локтя, другой осколок вошел в левую ногу. Медсестра перевязала мне раны. Я подошел к месту падения мины. Оказалось, что она упала и разорвалась за невысоким пнем спиленного дерева. Если бы не пень, меня бы изрешетило всего. Это был четвертый случай, оставивший меня живым.

А третий был в августе. Было так. Меня вызвал к себе командир батальона, майор Трусевич, я бежал к нему по полю

ржи, по мне палят - я бегу. Вдруг – какая-то кочка, я запнулся за нее и упал. Лежу, снял пилотку, посмотрел, а в пилотке дырка от пули и клочок волос: пуля прошла вплотную с кожей головы и срезала волосы. Если бы я не упал, то лежал бы во ржи убитым.

Рука моя распухла, окрасилась чуть ли не всеми цветами радуги. Еще в дивизионном медсанбате врачи определили, что ампутация неизбежна и положили на операционный стол. Но от ампутации я категорически отказался. Тогда один из врачей говорит: «Давай попробуем спасти руку». Они сделали длинный разрез на выходе осколка, и рука стала принимать нормальный вид.

Снова месяц лечился в госпитале, затем догнал свой полк уже за Ригой. В это время там были очень ожесточенные бои. Особенно кровопролитными бои были под городом Мадона. Затем мы подошли к местечку Ауце.

В феврале 1945 года Верховное командование перебросило нашу дивизию в Румынию. Затем наша дивизия была отправлена на фронт в Латвию.

К маю 1945 года я с ротой занимал оборону протяженностью около километра по опушке леса, а численность солдат в роте едва превышала полста человек. 8-го мая нам был дан приказ огня не открывать. Немцы также не стреляли. Наступила такая непривычная тишина, что сразу мы ощутили какую-то другую жизнь. На немецких окопах стали появляться белые флажки, их становилось все больше и больше. В первые мгновения даже с трудом верилось, что наступил конец войне, что мы победили.

9-го мая представители наших войск выехали в расположение немцев для приема оружия и отправки пленных в тыл. Это было величайшее ликование всех военнослужащих, от рядового до генерала, мы победили! Война закончилась нашей полной победой!

За бои в сентябре 1944 года мне вручили второй орден Красной Звезды. За декабрьские бои получил поздравительное письмо от командования полка. В нем сообщалось, что я представлен к ордену Отечественной войны 1-й степени, который я так и не получил, а письмо храню.

В сентябре 1944 года вступил в Коммунистическую партию.

После окончания войны дивизия базировалась в Эстонии.

А в феврале 1946 года получил свой первый отпуск.

В марте 1946 года мы с Зоей поженились, и я увез ее в Эстонию. В Эстонии жили на частной квартире, на хуторе. Летом этого же года дивизию расформировали, сохранили только 254-й полк имени Матросова. Большинство офицеров было демобилизовано, в том числе и я.

Далеко я не уехал, остался в Латвии, устроился в Прейльской русской школе военруком и физруком. Там, в Прейлях, мы и прожили пять лет.

В 1949 году мне предложили работу в райкоме партии, я согласился. Год работал инструктором Прейльского райкома, приходилось бывать в самых бандитских районах. В августе 1950 года меня снова призвали в армию на политработу. До марта 1951 года служил под Ригой в Латышской стрелковой дивизии, потом получил направление на службу в Группу советских войск в Германии. Время было беспокойное, оставлять семью в Латвии было опасно, и я решил перевезти ее на свою родину - в село Старосельское.

В Германии год работал заместителем командира роты по политчасти. В 1952 году был переведен на работу инструктором политотдела дивизии. Затем в 1953 году меня перевели на должность секретаря партийного бюро полка, избрали на собрании коммунистов. На этой должности, в основном, работали в звании подполковника. Два года работал в этой должности.

Затем приехал я с семьей в Казань. Устроился учеником токаря на завод «Точмаш» в 1956 году.

Впервые я попал в рабочий коллектив, все непривычно - шум станков, стружка, грязь, трехсменная работа. Постепенно привык. Через месяц с небольшим стал работать самостоятельно, а в июле назначен сменным мастером. Когда пресс-форм стали заказывать очень много, а их сложность росла как на дрожжах, создали участок пресс-форм, а я стал его старшим мастером. Было это в сентябре 1961 года. Пять лет работал в этой должности.

Когда начал работать на заводе, сразу же поступил в вечернюю школу. Окончил десятый класс и поступил в Казанский авиационный техникум, который окончил в 1966 году.

1966 год был для меня особенным: получил диплом и был назначен начальником инструментального цеха № 6.

В начале 1985 года вышел на пенсию. Но с заводом связь не терял, ветераны завода избрали меня председателем совета ветеранов. Десять лет я работал в этом качестве.

В 1994 году я ушел с работы председателя совета ветеранов завода, но остался заместителем председателя Бауманского районного совета ветеранов.

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Якимова Александра Вячеславовна**, студентка 4-го курса Института экономики, управления и социальных технологий Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева - КАИ*

Косарев Валентин Николаевич

Через секунды «шрайк» взорвался в 50 метрах от кабины «П»

Я родился 30 мая 1939 года в посёлке Старь Брянской области.

В 1955 году окончил среднюю школу. В 1958 году был призван в ряды Вооруженных Сил Советского Союза.

В 1959 году поступил в Прибалтийское военно-техническое училище, которое окончил в 1962 году.

По окончании училища был направлен в Брянский полк ПВО для прохождения службы. В марте 1966 года вместе с полком был направлен в спецкомандировку в Демократическую Республику Вьетнам.

В начале марта 1966 года мы приземлились в городе Иркутске. Естественно, там мороз, а мы одеты в демисезонное пальто и у всех шляпы. Переночевали и улетели по назначению во Вьетнам. После морозов мы (в наших пальто) попали в жаркое лето.

Нас встречали наши сослуживцы, которые уехали на год раньше нас во главе с командиром Ильиных, который был нашим командиром ещё в Брянске.

До прибытия военной техники, мы обучали вьетнамцев по плакатам с помощью переводчиков, я бы сказал, слабых переводчиков. Вот из-за этих слабых переводчиков у нас случилась неприятная история уже при первых боевых действиях.

Наш дивизион был готов к противодействию, СРЦ (станция разведки и целеуказания) вела наблюдение за обстановкой в воздухе. Была команда дивизиону «Готовность номер 1!». К нам приближалась авиация противника.

На нужном расстоянии офицер наведения, Щербаков Вадим, выпустил две ракеты (было узаконено: две и не больше), когда операторы доложили, что от самолета отделилась какая-то точка. Это был «шрайк».

Пока наш командир дивизиона Воробьев С.Т. разговаривал через слабого переводчика, надо было выключать станцию: на нас идет ракета. А для вьетнамцев было указание - работать до конца.

Офицер наведения Щербаков без всяких указаний командира выключил станцию, тем самым спас всю радиотехническую батарею, спас дивизион, в том числе и командиров от гибели. Буквально через секунды «шрайк» взорвался в 50 метрах от кабины «П», куда он летел по лучу излучения.

С нашей стороны потерь не было, не считая порубленной от разлетевшихся осколков антенны. Погиб один данти («товарищ» по-вьетнамски), он как раз находился в кабине «П».

Второй эпизод со стрельбой был просто везучим. Союзники-китайцы стали предъявлять нам претензии, что мы ничего не сбиваем, что у нас есть новая техника по низколетящим целям, а мы работаем на старой технике. Тогда между СССР и Китаем разладились отношения: у них была «культурная революция».

Наш командир Воробьев С.Т. первый раз вышел из кабины и доверил стрельбу Вадиму Щербакову. Воробьев сказал: «Я хочу посмотреть, сбиваем мы или нет».

Это было где-то в начале августа. Сидим в бунгало вместе с Воробьевым, а я был командиром стартовой батареи, поэтому все пуски ракет я слушал вживую, а он (Воробьев) всегда был в кабине и впервые услышал пуск ракеты вне кабины.

Как обычный человек, он испугался, когда ракета со страшным гулом пролетела над бунгало. Потом, правда, он быстро пришел в себя и сказал: «Пошли смотреть». А смотреть есть куда - небо ясное, след ракеты очень четкий,

мы увидели спарку - два самолета. Мы выпустили две ракеты: первая сбита первый самолёт, а вторая взрывалась у второго. Эта стрельба была показательной для всего городка Тхай Нгуен.

Люди видели, как наша техника и наши люди защищают их. Потом нам несли бананы постоянно. Но это потом.

Когда наш командир Воробьев убедился, что мы точно сбиваем и не надо слушать наших друзей-китайцев о нашей плохой технике, мы увидели, что к нашему дивизиону приближается еще одна спарка самолётов. Вадим Щербаков уже не мог стрелять, так как они залетели в «мертвую» зону.

Тогда командир сказал: «Теперь нас только Бог спасёт!» Мы побежали в окопы. Эта спарка сбросила, наверное, все, что у них было. Был кромешный ад. Это длилось всего несколько минут, а казалось, что никогда не кончится.

После ухода самолётов противника, мы сразу же побежали смотреть, что осталось от дивизиона после бомбежки, как наши люди: живы или нет?

Прибегаем к кабине «У», где сидит Вадимка, а он спокойно открывает дверь и выходит, а ещё издевается, мол, чего вы испугались, у меня всё нормально, все мои операторы живы и здоровы, стрельба прошла успешно, сбито два самолёта.

Небольшое отступление: У Вадима Щербакова был начальник (капитан), который при любых условиях старался уйти от стрельбы, якобы не дать обнаружить местоположение дивизиона. Он вскоре был отправлен домой. А Вадим - это железный человек. Недаром за все эти его стрельбы, его единственного наградили орденом Ленина, остальных, в том числе командира полка В.В. Фёдорова, замполита Нежелского и других, орденами Красного Знамени.

Увидев «шрайки», наши операторы сразу же отводили антенну в сторону и они («шрайки») взрывались в стороне от дивизиона.

После развертывания дивизиона в месте, где было двухэтажное здание, конечно, без крыш, окон и дверей, одни стены, хотя для нас это уже было цивилизацией, можно попытаться развесить и просушить белье и т.д. Сам дивизион стоял где-то в одном километре от нашего двухэтажного дома. Не успели мы обустроиться, как летят опять два самолета,

которые на этот раз именно на наш дом сбросили шариковую бомбу. Вокруг - взрывы, пыль, ничего не видно, вот эти стены здания наверно нас и спасли. Когда немного поутихло, пошли искать окопы, мало ли, вдруг будет еще налёт.

Посидели в окопе минут пять, но ведь надо посмотреть, что же происходит. Увидели, что из земли торчит бомба, больше двух метров. Мы в окопе минут десять сидели и ждали, когда она взорвется. Один из нас не выдержал и пошел посмотреть, что это за бомба. Оказалось – это половина футляра шариковой бомбы, которая разрывается в воздухе и из нее высыпаются шарики, типа теннисных шаров, начиненных стальной дробью. Мы начали вытаскивать эту половину бомбы, вытащили из земли, а там, в самом носике, неразорвавшийся шарик, который может в любой момент взорваться. К счастью, повезло. Этот шарик потом забрали наши эксперты.

Разброс этих шариков из бомбы очень большой, погибли люди на полях, которые занимались рисом, у нас получил ранение наш друг (данти), который находился вне здания.

Самым опасным в жизни дивизиона было решение командира не передислоцироваться после стрельбы. Он нам, офицерам, (так он с нами советовался) сказал, что противник знает, что мы с этого места убрались, у них коридор на Ханой освободился, они будут спокойно летать и продолжать бомбежки. А мы останемся на месте и будем их ждать, они ведь думают, что нас нет. Так мы второй раз сбили самолет, и счёт наш увеличился.

Но, когда командир дивизиона Воробьев сказал, что мы ещё раз останемся здесь, ведь противник уже точно знает, что мы убрались с этого места. Он нас убедил, и мы в третий раз с одного и того же места сбили самолет. А после этого Воробьев приказал срочно перебазироваться. На следующий день прилетело порядка сорока самолетов, все разбомбили на нашем прежнем месте, но нас там уже не было.

Можно и другие случаи привести. Например, мы при передислокации ночью попали в рисовые болота, техника не прошла, пришлось маскироваться бамбуком, а тут началась бомбежка складов горючего, мы ничем не могли помочь. И впервые мы увидели, как вьетнамская артиллерия сбила

самолет (один из двух). Летчика взяли в плен люди, которые работают на полях (они, кстати, всегда с винтовками).

Первый мой командир Ильиных в 1965 году сбил около 30 самолётов. Его представили на звание героя СССР, но ему сказали, что он воевал не за Союз. При другом Генеральном секретаре КПСС советский военный специалист получил звание Герой Советского Союза за пять сбитых самолетов в Египте.

Брянский полк Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красного Знамени за выполнение интернационального долга.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Хромцов Артемий Евгеньевич**, студент 2-го курса факультета радиоэлектроники летательных аппаратов Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Крамаренко Сергей Макарович

До верхушек деревьев метров 15
(продолжение, начало в 17-м томе)

В небе над Кореей

Я начал воевать во время Великой Отечественной войны, когда меня отправили на новом самолете с двумя вылетами в запасной полк, где я получил шестнадцать часов «налета», и нас, десять человек, отправили на фронт. Из десяти остался живым только я, прошел от Москвы (август 1942 года), когда был еще солдатом, и до Берлина (июнь 1945 года), став лейтенантом. Последний бой был 30 апреля, а последний вылет на штурмовку немецких войск был 2 мая 1945 года.

Затем пять лет служил под Москвой, а в октябре 1950 года к нам в часть приехал командующий авиацией Московского округа генерал Василий Иосифович Сталин и объявил, что американская авиация в Корее уничтожает все живое, что правительство Кореи обратилось к нашему правительству с просьбой дать самолеты и попросить летчиков, чтобы они добровольцами участвовали в войне против американцев. Генерал спросил летчиков: «Кто желает добровольцем ехать защищать дружественный нам народ? Прошу поднять руку». Все летчики – пятьдесят человек – подняли руки, отобрали тридцать человек, и через неделю мы выехали на Дальний Восток.

Бой 12 апреля

12 апреля мы, 44летчика, встретили 48 бомбардировщиков Б-29 в сопровождении около сотни истребителей. Я был командиром третьей эскадрильи, в мою задачу входило обеспечить бой 1-й и 2-й наших эскадрилий.

Когда мы взлетели, собрались, взяв курс через границу Кореи, и прошли 30-40 километров, с КП нам сообщили: «К вам приближается большая группа самолетов, будьте внимательны».

Через минуту командир нашей группы, майор К. Шеберстов, передал: «Внимание, впереди слева ниже две группы бомбардировщиков, первой и второй эскадрилье – атаковать бомбардировщиков. Крамаренко, прикрой».

Я посмотрел и увидел бомбардировщиков, а сзади них, немного выше нас, истребителей. Мы шли выше бомбардировщиков, между бомбардировщиками и истребителями. Мы шли на семи тысячах метрах, бомбардировщики примерно на шести, а истребители – примерно на семи с половиной тысячах. Было около сотни американских истребителей, целая туча.

Приказ есть приказ, и я решил атаковать их командира, чтобы сбив его, внести дезорганизацию в боевые действия американских эскадрилий. Их самолеты были старые и по техническим характеристикам уступали нашим самолетам МиГ-15.

Наш самолет МиГ превосходил американских истребителей по скорости, километров на 200-300, имел лучшую скороподъемность, а самое главное, имел мощное вооружение – пушку в 37 миллиметров и две 23-мм пушки.

Я передал: «Внимание, приготовиться к атаке».

Как только истребители поравнялись с нами, я дал команду: «Разворот, атакуем. Лазутин и Гоголев, прикройте. Атакую ведущего». Развернулись строем, я приблизился к ведущему и открыл огонь, он перевернулся и стал падать. По моему самолету из какого-то американского открыли огонь, но очередь прошла впереди и выше, стрелял он, видимо, не прицельно. Лазутин, параллельный ведущий, открыл огонь и сбил его.

Завязался бой. Мы атаковали сверху и отвлекли истребителей, которые вступили с нами в бой и свои бомбардировщики не смогли прикрыть. В это время наши истребители атаковали американские бомбардировщики.

Когда мы подошли к месту боя наших с бомбардировщиками, то увидели целое облако парашютов. Тогда было сбито двенадцать бомбардировщиков, из которых три развалились, пять горело, а экипажи из них выпрыгивали, около сотни американцев были взяты корейцами и китайцами в плен.

Во время обратного пути домой были сбиты еще 13 американских самолётов, а всего американцы потеряли двадцать пять бомбардировщиков Б-29. Такой огромный урон американским бомбардировщикам ввел в шок американское командование и летчиков. Они три месяца не летали, собирались с силами, через три месяца повторили налет, но уже смогли набрать только двадцать четыре самолета. В этом бою из двадцати четырех было сбито шестнадцать самолетов.

После этого американцы днем вообще перестали летать бомбить Корею на бомбардировщиках, а летали только ночью. Но и ночью наши летчики поднимались и искали противника в лучах прожекторов. Наш летчик Карелин в лучах прожекторов сбил три бомбардировщика, из них два упало, один ушел и упал уже где-то по дороге домой.

Ночью он искал противника по свету луны, нашел бомбардировщик и открыл огонь. Летчики бомбардировщика, по пушечному огню увидели истребитель и открыли огонь, в результате чего в самолет Карелина попало тринадцать пуль.

У летчиков бомбардировщиков были пулеметы, поэтому повреждения самолёта Карелина были незначительные. Но одна из пуль перебила бензопровод, бензин вытек и двигатель остановился. Карелин пошёл на посадку без работающего двигателя. Летчик был такой искусный, что сумел благополучно приземлиться ночью на аэродром при повреждённом двигателе и спас самолет. За это ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В результате этого из 200 американских бомбардировщиков, которые находились на Дальнем Востоке, было сбито 170. Оставшиеся американские летчики отказались воевать с Советским Союзом, так как бомбардировщик,

пролетев около 100 километров, был бы сбит нашей противоздушной обороной, нашими истребителями.

А их самолет Б-29 «Суперфортресс» считался сверхмощным, он развивал скорость 500-600 километров. Наши истребители имели скорость около тысячи, поэтому легко догоняли, а самое главное, наши пушки были пристреляны с дистанции 800 метров, а американские пулеметы только на четыреста. Поэтому, с учетом нарастающей скорости 700-800-900 километров, мы открывали огонь с тысячи метров и поражали противника, на дистанции 500-600 метров. Американские бомбардировщики выходили из строя, даже не успев открыть огонь. В этом бою 12 апреля наши самолеты, которые сближались на дистанции 200-300 метров, имели пробоины, но такие, что вполне могли полететь домой и приземлиться. Ни одного нашего самолета не было потеряно.

Бой с «Метеорами»

В мою задачу входило вести бой только с истребителями. Союзниками американцев были австралийцы. Они имели двадцать четыре истребителя «Метеор» F. Mk8 и вылетали на штурмовку войск.

1 декабря нас подняли рано утром, мы вылетели, пролетели к Пхеньяну. В районе города Ансю увидели группу американских самолетов, штурмующих железнодорожную станцию. Они находились слева. Командир дал команду: «Разворот влево, готовиться к атаке». Он сделал разворот и оказался прямо сзади двух истребителей «Метеор», метрах в шестистах.

Я дал команду своему ведомому атаковать правый самолет, а сам атаковал левый. Приблизился на дистанцию метров четыреста, открыл огонь. На самолете противника были видны взрывы, он загорелся. У самолета, по которому вел огонь мой ведомый, отлетел хвост. Поэтому оба летчика выпрыгнули.

Потом мы вышли вверх, смотрим, наши самолеты догоняют «Метеоров», и те один за другим начинали гореть. Я увидел один самолет противника, который выходил из боя и набирал высоту. Я сблизился с ним. Пилот меня увидел и

начал разворот. Я открыл огонь. По самолёту противника пошли взрывы. И вдруг летчик катапультировался, я чуть с ним не столкнулся. Он открыл парашют, спустился, потом его взял на борт американский вертолет.

Из 24 «Метеоров» мы сбили 16.

Бой с «Сейбрами»

Еще один бой, когда мы вылетели на отражение налета американцев. В 17-м томе об этом бое рассказано кратко. Сейчас – подробнее.

Километрах в пятидесяти от линии фронта встретились нам 8 американских истребителей «Сейбр». Я атаковал сверху, открыл огонь, в этот момент мимо моего самолета прошли какие-то огоньки.

Я ощутил опасность и посмотрел вправо, метрах в семидесяти увидел огромный самолет «Сейбр». Он не попал в меня, наверное, с разворота еще не успел прицелиться, и стрелял наспех, поскольку было очень близко.

Чтобы уйти от огня, я выполнил левый переворот. Оглянулся назад и увидел – за мной гонятся три самолета. Вижу, что дело плохо.

Внизу были кучевые облака. Я направил свой самолёт в центр одного облака. Войдя в облако, сделал разворот влево, вышел из него. Стал набирать высоту с разворотом вправо, чтобы посмотреть, куда они пошли. Увидел, что подо мной три самолета, которые маневрируют и ищут меня.

Я спикировал на них, и они увидели меня. Один пошел вправо с набором высоты, два других пошли влево со снижением. Если бы я пошел за парой, на что был расчет американцев, то третий бы сбил меня. Поэтому я решил атаковать именно его, с тем расчетом, что я успею уйти от пары. Атаковал его, открыл огонь, смотрю, от него полетели клочья обшивки, потом полетели какие-то части, потом узнал, что это пулеметы отлетели – три пулемета с левого крыла. Потом оказалось, что у него была разбита кабина, и он не смог катапультироваться.

Вижу, что он горит. Я стал смотреть, где та пара. Смотрю, один пристраивается ко мне в хвост. Я бросил преследование подбитого самолёта и сделал переворот под эту пару. Они

устремилась за мной. Я вывожу вверх. Снова они догоняют меня и открывают огонь.

Так как перегрузка большая, то им надо было вынести вперед прицел. Они это сделали и открыли огонь: пули прошли метрах в пяти-десяти справа. Я сделал переворот и пикировал. Так сделал два или три раза, а они все ближе.

Трассы пуль проходят все ближе к крылу. Спикировал и вывел плавно. Этого они не ожидали, отстали, но продолжили гнаться за мной. А впереди граница Китая с Кореей. Там огромное водохранилище, где находилось около сотни зенитных пушек, которые прикрывали огромную гидроэлектростанцию, снабжавшую электричеством Китай и Корею. Я полетел туда с надеждой, что зенитчики увидят, что самолет гонят американцы, и отобьют.

Но они открыли огонь, поставили завесу перед водохранилищем. Появилось облако разрывов. Я подумал, если не успею уйти, то меня собьют. Если погибать, так от своих снарядов.

Направил самолет в центр облака, в облаке меня начало бросать вверх-вниз. Я уже ждал, когда самолет развалится, ручку держу. Вдруг тишина, чистое небо, солнце. Я посмотрел назад, за мной американские самолеты в облако не пошли, отворачиваются и влево уходят. Можно было догнать и сбивать, но я сильно устал и был измотан. Я сделал два круга над аэродромом, чтобы успокоиться, а потом приземлился.

Как сбили меня

Это был мой последний воздушный бой. Были направлены 16 наших самолетов на отражение налета противника на город Ансю.

Подшли к этому месту, стали атаковать, но они успели уйти в облака. Мы увидели, что выходим над морем, а на море нам запрещалось выходить, стали разворачиваться с набором высоты.

В это время нашего ведущего, командира полка, атаковало звено «Сейбров». Я был сзади, открыл огонь, одного подбил, он задымил. Я по второму открыл огонь, тоже подбил - он перевернулся и стал падать. В это время я почувствовал удар,

из самолета пошел керосин, рули перестали действовать, самолет стал крутиться и сделался неуправляемым. Нажал справа ручку: от первого нажатия слетел фонарь, от второго нажатия включилась катапульта, и меня выбросило из самолета. Я отстегнулся от сидения, открыл парашют, меня дернуло, я повис на парашюте. Внизу облака.

Спускаясь на облака, не знал, что там - море или суша. Увидел, что американский самолет летит на меня, а затем с него открывают огонь. «Трассы» пуль от его шести пулеметов прошли огоньками с дымом у меня под ногами. Потом он приблизился, «трассы» пуль стали проходить все выше и выше. Я поднял повыше ноги, поджал их. Вдруг «трассы» пуль кончились. Я увидел, как самолет отвернул и пролетел мимо меня, в метрах пятидесяти. Меня болтануло воздушной волной.

Смотрю, заходит второй раз. Но, как только он развернулся, я вошел в облака: темно и сыро. И приятно, что меня никто не видит. Несколько сотен метров пролетел в облаках. Под облаками оказалась сопка.

Пал на склон сопки, внизу острые деревья, как колья.

Подумал, что сейчас на кол сяду, буду болтаться там. Потом увидел в стороне от места падения справа поляну и стал разворачиваться, подтягивая парашют.

Приготовился к удару, ударился. Был склон градусов 30-40. Стал кувыркаться по склону вниз. Потом парашют зацепился за кустарники, я перестал катиться, лежу.

Стал смотреть, попали в меня или нет, течет ли кровь. Нет, ни на ногах, нигде крови нет. Стал руками и ногами двигать, не сломал ли я чего-нибудь: ноги и руки двигаются. Шею пощупал – огромная шишка, головой обо что-то ударился. Поднялся, все нормально, все тело работает, все конечности работают. Собрал парашют, сложил его на плечи, пошел вниз. Метров сто прошел – конец сопки, внизу дорога.

Вышел на дорогу, повернул вправо, чтобы солнце было слева, я шел на запад, в сторону моря, на юго-запад. Там была железная дорога, шоссейная, военные части, я должен выйти на них, чтобы меня не поймали корейские бандиты.

Прошел метров 500 и услышал скрип телеги. Из леса выезжал кореец на двуколке, вез кукурузу. Я подошел к перекрестку, остановился, кореец тоже встал. Смотрим друг на

друга. Я начинаю объясняться по-корейски, что я - советский летчик, помогаю корейцам воевать с американцами. Он смотрит и ничего не понимает. Нас учили корейскому языку, но одно дело – учить, а другое – произносить.

Все, вижу, не понимает. Если примет за американца, то заколет вилами, а мне стрелять же по нему нельзя. Ну, все.

Подумал - он ведь своего вождя знает. Показываю пальцами на него, говорю: «Ким Ир Сен – хо» (хорошо). Он отвечает: «Хо, хо». Показываю на себя и говорю: «Сталин – хо». Он: «хо, хо». Говорю: «Пхеньян – хо, Москва – хо». Понял, что я свой, посадил на телегу, привез в деревню, в полицию.

Меня там стали угощать. Посадили за столик такой низенький, и кореец, который со мной объяснялся жестами, показывает, мол, попробуй. Это была капуста корейская. Кимча. Я взял ее – а там один перец. Мне как рот обожгло, я задышал, они захохотали. Видимо, это шутка была специально для русских. Захохотали и показывают на водку – выпей. Я думаю, надо выпить, выпил – все, ожог прошел. Дальше я им показывал, как американский самолет атаковал меня, они все поняли. На другой день за мной на машине приехал наш товарищ, который искал сбитых наших.

Всего в Корее наш полк сбил 115 самолетов, а дивизия, которой командовал Кожедуб, - около 230. Всего советская авиация уничтожила 1297 самолетов противника, около тысячи самолетов упали в море, и были не засчитаны.

Мне самому засчитали тринадцать сбитых американских истребителей, а четыре не засчитали, так как упали в море.

Мы были на войне в Корее десять месяцев: с апреля 1951 года по февраль 1952 года. Мы вернулись в Москву, а на замену нам приехали летчики из Калуги.

Потом я поступил в Академию, стал командовать частями. в 1981 году окончил военную службу, сейчас занимаюсь общественной работой.

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Кривонос Светлана
Александровна** студентка 1-го курса
гуманитарного факультета Московского
авиационного института (национального
исследовательского университета)*

Манаев Николай Ефремович

Дайте вот этого, молодого, в разведку надо

Я родился в 1925 году в селе Салганы. В 1940 году окончил 7 классов школы и вместе со взрослыми участвовал в сельскохозяйственных работах.

Когда началась война мой отец и старший брат ушли на фронт. В конце 1942 года, когда мне было почти 17 лет, я написал заявление и добровольно пошел на защиту нашего Отечества.

Осенью 1942 года нас привезли в посёлок Суслонгер в Марийской республике для обучения и военной подготовки. Жилых помещений для нас не было, нам дали приказ самим соорудить землянки в лесу. За три дня построили себе жильё.

В учебном лагере мы находились несколько месяцев – кратко изучали пехотное стрелковое оружие (винтовка, пулемёт), а также нас учили бросать гранаты. На случай рукопашного боя занимались нападением и отражением атак при помощи холодного оружия или штыка винтовки. В январе 1943 года, когда мы немного изучили военное дело, нас отправили на фронт – на передовую Синявинского направления, на прорыв блокады.

Предпринималось несколько попыток освободить Ленинград и пробить линию осады пехотой, но все они заканчивались поражением из-за сильного сопротивления противника. Особенно ощутимые потери мы несли от обстрелов его артиллерии. Тогда командующий нашим

Ленинградским фронтом генерал Говоров, по образованию артиллерист, дал команду снять орудия с некоторых корабельных установок и переместить их на передовую линию, и немцам пришлось ослабить обстрел.

После этого было начато наступление на танках. Несколько танков, по 7-10 человек на каждом, подошли к первым позициям немцев. В наш танк попало два снаряда, нас сразу сбросило на землю, двоих ранило осколками; танки пошли вперёд, прорвали линию обороны и освободили небольшое пространство, а мы остались, чтобы добивать немцев в окопах.

Я в тот день впервые выстрелил в немца напрямую, успел это сделать на долю секунды раньше него. От нашего взвода из 30 человек осталось всего 11. Поставленную задачу мы выполнили.

Затем прошли и вторую линию обороны немцев, а третья была такая сильная, что пробить ее не удалось – здесь немцы нас остановили. Скоро на помощь пришло подкрепление, и мы опять пошли в наступление – в этот раз все получилось. Так мы совершили первый прорыв в блокаде.

После Ленинграда был Новгород. Немцы взорвали там почти все дома. Тогда меня ранило. Раненых солдат сначала привозили в церкви, а оттуда эвакуировали. Специального транспорта для этого не было, перевозили на машинах, которые шли в тыл.

Наша машина была отправлена за снарядами. Шофер довез до какого-то перекрестка, а дальше ему в другую сторону надо было, срочно снаряды загрузить и доставить к орудиям. Там была регулировщица, которая остановила другую машину и нас перегрузили. Так и добирались до эвакогоспиталя. Потом меня перевезли в госпиталь, который находился в Петропавловском соборе. Дорога жизни уже была открыта. Там все забито было ранеными. Лечился я 3 месяца, а потом был направлен на передовую.

Я подружился с одним грамотным мужчиной, ленинградцем, командиром отделения связи. Он тогда мне сказал: «Если опять в пехоту – считай, тебе не жить». В это время какой-то капитан подъехал и сказал: «Дайте вот этого, молодого, в разведку надо». Так я попал в разведку.

Доступ в Ленинград был, но немцы далеко не отступали. Они построили себе укрепления, огражденные колючей проволокой, подступы к которым были заминированы. У нашей команды в семь человек было задание – захватить пленного и доставить его в штаб. Первыми шли минеры, они перезали проволоку и разминировали проход к немецким укреплениям. Я должен был находиться недалеко и следить за землянкой, а когда другие разведчики возьмут пленного, сделать так, чтобы из нее никто не вышел. Когда разведчики схватили немца, я рванул на себя дверь землянки, несколько раз туда выстрелил и две гранаты бросил. Тут некогда раздумывать, надо было действовать. Немца дотащили к своим, сдали в штаб.

Потом меня взяли в артиллерийскую разведку, где мы занимались слежкой. Выбирали места, где виден передний край немецких войск, и в то же время необходимо было остаться незамеченными. Обычно мы следили с высоких деревьев или зданий в специальную стереотрубу, передавали в штаб все передвижения немецких войск, какие мы видели, а также информацию о том, из какого квадрата стреляет немецкая артиллерия. Нужно было действовать очень осторожно, чтобы ничем не привлечь внимание.

Летом 1944 года я оказался уже в другой части, и нас перебросили в Выборг на прорыв «линии Маннергейма». Мы победили в этом бою, после чего оставались на побережье Финского залива.

Затем наш артиллерийский полк перевели на первый Украинский фронт для освобождения Польши – на Сандомирский плацдарм. Сражение проходило в городе Кракове.

Когда мы уже шли по Германии, мирного населения оставалось очень мало – почти все убежали от войны.

Подшли к границам Берлина. Но тут поступила команда перенаправить нас в Чехословакию освободить Прагу. Мы должны были идти прямо туда, не вступая в боевые действия. На пути к Праге немецких военных мы не видели ни разу, зато однажды местные жители вышли встречать нас с подарками и угощениями на дорогу. Перекрыли путь веревками, молодые девушки даже залезли на танк, чтобы нас остановить и поблагодарить.

До Праги мы так и не дошли, потому что 8 мая нам объявили, что Берлин взят, Германия подписала капитуляцию, война окончена.

Но отряды власовцев и эсесовцев не капитулировали. 12 мая они хотели прорваться к американским войскам, чтобы сдать им в плен. Нас срочно по тревоге подняли, чтобы не допустить этого. Тогда и захватили в плен генерала Власова.

Основные мои награды – медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и «За Победу над Германией», орден Отечественной войны 1-й степени, которые я получил на фронте.

Я не боялся смерти. На фронте мне везло, поэтому я смог выжить на войне.

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Русина Ирина Евгеньевна**, студентка 1-го курса факультета архитектуры и дизайна Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета*

Митин Виктор Яковлевич

Вместе со мной таких сыновей полка было двенадцать

Я родился 12 июля 1929 года в крестьянской семье в деревне Павловка Новодеревенского района Рязанской области.

В 1930 году вся семья переехала в город Сталиногорск Тульской области, где в это время строился химкомбинат и ГРЭС.

22 июня 1941 года было пасмурно. По радио, на центральной улице, мы услышали, что сегодня в 11 часов будет передано важное сообщение. Так мы, жители Сталиногорска, узнали о нападении гитлеровской армии на Советский Союз.

Я был тогда двенадцатилетним мальчишкой и осенью должен был пойти учиться в четвертый класс. Школа была превращена в военный госпиталь. Мы с друзьями постоянно ходили навещать раненых. Помогали, чем могли. Многие из солдат не умели читать и писать – мы вслух зачитывали раненым письма и писали ответы домой. Еще показывали бойцам номера художественной самодеятельности и часами слушали рассказы о фронтовых подвигах. Это было то немногое, чем мы тогда могли принести пользу Отечеству в силу своего возраста.

Мой отец, Митин Яков Иванович, сразу же ушел на фронт, позднее мобилизовали моего старшего брата. Отец

погиб 16 февраля 1944 года в Корсунь-Шевченковском танковом сражении. В танк, которым он управлял, попал снаряд. Отца тяжело ранило, но он продолжал вести бой. Отстреливался до последнего. Он был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Брат, Александр Яковлевич Митин, принимал участия в боевых действиях и был ранен сначала в Румынии, затем в Монголии.

Удачный побег с восьмой попытки

Как сейчас помню, огромные очереди в военкомат – все хотели идти защищать Родину. Я и многие мои сверстники мечтали об этом. На что только ни шли, чтобы попасть на войну. Прибавляли себе годы, сказывались сиротами при живых родителях. Раз семь я пытался сбежать на фронт, но каждый раз меня возвращали. Так продолжалось до июня 1943 года, когда мне, наконец, повезло.

В очередной раз мы с товарищами сели в эшелон, отправляющийся на фронт. Многих таких же добровольцев, как я, высадили уже на ближайших станциях. Меня же спрятали знакомые по госпиталю бойцы, направляющиеся на передовую. По прибытии в часть я рассказал командиру стандартную легенду: потерял родителей, никак не могу их найти, идти некуда. В полку уже было несколько ребят с такой же историей. В конце концов меня определили наблюдателем во взвод разведки.

В мои обязанности входил сбор данных о немецких воинских частях, их расположении и численности. Я пробирался в захваченные фашистами деревни, часами просиживал в кустах, чтобы собрать нужные мне сведения.

Разведка научила меня многому: концентрации внимания, наблюдательности. Я стал лучше разбираться в людях.

Воевали в составе Западного фронта севернее Брянска и Орла.

С 5 по 12 июля 1943 года было танковое сражение. После него нашу часть направили в сторону Смоленска.

В конце августа, после освобождения Смоленска, наша дивизия стала называться 312-й Смоленской стрелковой дивизией.

Затем было освобождение Белоруссии, польского Люблина, концентрационного лагеря Майданека.

Полгода стояли в обороне на Висле, до Висло-Одерской наступательной операции. Участвовали в штурме Познаньской крепости. За взятие этой крепости мне была вручена медаль «За боевые заслуги».

Когда мы вошли в Польшу и стояли на Висле, пришел приказ: всех детей и подростков отправить на Родину и определить на учебу в Суворовские училища. На тот момент вместе со мной таких сыновей полка было двенадцать. Покинули часть все, кроме меня. Командир вызвал меня к себе и сказал, что оставит, только придется подправить в красноармейской книжке дату рождения: с 1929 года на 1926. Я с радостью согласился.

Мне тогда выдали шинель самого маленького размера. Подрезали, рукава засучили, гимнастерку дали с выточками на груди. Брюки и ботинки взяли из тех, что присылали для девушек-снайперов. Зато с оружием проблем не было. В каждом кармане лежало по трофейному малокалиберному револьверу.

Меня, 14-летнего паренька, перевели в штаб батальона связным. Я должен был передавать устные и письменные приказы комбата в подразделения, собирать и передавать в штаб сведения о потере живой силы.

Однажды на переднем крае рядом с нами разорвался крупнокалиберный снаряд. Помню, шел впереди солдат, связной, тянул барабан с проволокой, и вдруг снаряд разорвало. Капитана ранило. Связного убило. Меня тогда контузило. Несколько дней из носа и ушей шла кровь. В голове шумело, а глаза видели плохо. Но я не стал долго отлеживаться – попросился на фронт, как только мне стало лучше.

За крепость в Познани мы сражались больше месяца. Наша дивизия заняла позиции на западной стороне Одера, в 60 километрах от Берлина. Каждый день погибало много людей, но особенно много убитых было во время наступления. От 1200 человек осталось около 400, пока полк не пополнился снова.

Очень тяжелые бои были за Берлин. Немцы стреляли из автоматов, а у нас в основном были винтовки и карабины, а

автоматчиков у нас в роте было всего пятьдесят человек. Кроме того, немцы уже изобрели фаустпатрон – первый противотанковый гранатомет. Несмотря на силу противника, мы были "заряжены" победой и уже чувствовали ее приближение. Раньше мы боялись, когда отступали. А сейчас мы были у цели, до которой оставались считанные километры.

16 апреля 1945 года. Наша дивизия начала наступление на Зееловских высотах. Мы занимали позицию, которая упиралась в реку Одер. Там неудобный рельеф – ждать помощи от танков не приходилось. А оборона немцев была хорошо организована. На третий – четвертый день наши танки подошли с тыла. Но, несмотря на помощь, бои были очень тяжелые. Немцы уже ослабевали, но сдаваться не хотели.

16 апреля потери у нас были очень большие, поэтому 18 апреля нас сняли с позиции и отправили на пополнение.

21 апреля мы опять вернулись на фронт, а 23 апреля продолжили наступление. Спустя три дня, 26 апреля, мы подошли к Берлину.

С 26 апреля наша дивизия стояла на окраине Берлина, на автодороге Франкфурт-Берлин. Нашей основной задачей было не впустить в город немецкое подкрепление и не выпустить немцев из города. Стоя на вражеской земле, мы уже чувствовали Победу.

Под Берлином, уже в составе 1079-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии 69-й армии 1-го Белорусского фронта, я узнал о Победе Советского Союза в Великой Отечественной войне.

В мае-июне 1945 года войска начали возвращать домой. 24 июня меня отправили в Москву в Суворовское училище. Никто не знал, что меня дома ждала мать. А я не мог отправиться на учебу, не навестив её.

Возвращаться на Родину мы должны были поездом «Берлин – Москва». Но ехать пришлось с пересадкой. Маршрут «Берлин – Москва» проходил через Польшу и Белоруссию. В Бресте мы сели на поезд «Брест-Москва», который, уже не останавливаясь, повёз нас домой.

Вернулся в родной Сталиногорск, иду по улице, а все смотрят на меня и не верят, что вернулся. Соседи крикнули маме: «Смотри! Ольга! Твой! Вернулся!» Мать не поверила своим глазам. Она думала, что я пропал без вести.

Война всех у нее отняла: отца, старшего сына. Если бы я вновь покинул дом, уехал учиться, мама этого бы не пережила. Конечно, ни о каком училище не могло быть и речи. Мать сказала, что никуда меня теперь не отпустит. И я пошел в школу в четвертый класс.

В 16 лет я поступил в Астраханское мореходное училище, которое окончил с похвальным листом. Позже проходил службу на Тихом океане. Сначала ходил рулевым, позже командиром рейдового катера, а закончил службу старшиной 1-й статьи, командиром катера-торпедолова.

В 1954 году вернулся со службы и пошел работать электромонтером на предприятие «Городская электросеть» в Сталиногорске. Без отрыва от производства окончил техникум и институт. Позже был командирован в специальный полк связи для работы в Германии. После командировки работал ведущим инженером на «Тулэнерго» до выхода на пенсию.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Петрова Татьяна Максимовна

и

Лебедева Алина Николаевна,

*студенты 2-го курса Института
гуманитарных и социальных наук
Тульского государственного универ-
ситета*

Нурбагандов Али Магомедович

Принял решение броском захватить железнодорожную станцию

Я родился в 1924 году в селе Урахи (хутор Сугурбашимахи) Сергокалинского района (Дагестан). По национальности - даргинец. В комсомоле состоял с 1939 по 1951 год, а в КПСС с 1950 по 1990 год.

В 1942 году я учился в 10 классе урахинской средней школы Сергокалинского района. В феврале 1942 года ушел добровольно служить в Красную Армию.

С 1940 года по февраль 1942 года, учась в школе, одновременно был секретарем Сугурбашимахинской комсомольской организации. Комсомольская организация принимала активное участие во всех мероприятиях села. Многие комсомольцы работали в колхозе. У нас был свой художественный кружок, участники которого организовывали все праздничные мероприятия.

В летнее время я работал на уборке и обмолоте зерновых, на пахоте под озимые. С ноября 1940 года по февраль 1942 года из Урахи приносил почту и разносил ее по адресатам, за что колхоз давал мне 0,5 трудодня за каждый день. В 1941-1942 годах я заработал 150 трудодней и за каждый трудодень должен был получить по 16 килограммов зерна и другие продукты.

Однажды к нам прибежал мой троюродный брат Багомед Раджабов и сообщил, что Германия напала на нас. Я срочно приехал в селение на лошади, где застал в канцелярии своего дядю Нурбагандова Нурбаганда - председателя колхоза имени Микояна. Он поручил мне (тогда я был секретарем комсомольской организации своего хутора) известить население, а он поехал в Мамайкутан Дербентского района, где шла уборка урожая, чтобы быстрее завершить ее.

В тот же день все сельчане узнали о начале войны.

Воспитанный на патриотических чувствах к Родине, комсорг комсомольской организации родного хутора, активист школьной комсомольской и ученической организации, я не мог оставаться равнодушным и в декабре 1941 года написал заявление в Сергокалинский военкомат с просьбой отправить меня на войну. В военкомате выслушали мою просьбу и сказали, что я по возрасту не подлежу призыву, а когда придет время, просьба будет учтена.

После второго заявления, написанного в январе месяце 1942 года, меня вызвали в военкомат. К тому времени дядя и мой отец (учитель) были призваны в армию. Прошел комиссию вместе с другими добровольцами, а потом отправили в Дербент, где все мы прошли вторую комиссию. В составе этой комиссии был представитель первого Тбилисского военно-пехотного училища. После прохождения комиссии, кто по состоянию здоровья был годен к службе, забрали в 1-е Тбилисское военно-пехотное училище.

Направляясь в Тбилиси, на железнодорожной станции Баладжар встретил своего троюродного брата Далгата Магомедова, который был призван в августе 1942 года и мы с ним тепло попрощались.

В середине февраля 1942 года мы прибыли в Тбилиси, где нас начали обучать. Училище готовило младших офицеров (командиров взводов). Срок обучения 6 месяцев, занимались 12 часов в сутки. В апреле 1942 года училище перебросили в город Гагра Абхазский АССР, там мы обучались до 28 августа 1942 года.

К этому времени мы, курсанты, сдали экзамены и ждали приказа Закавказского военного округа о присвоении нам воинских званий «младший лейтенант». 28 августа 1942 года мы вернулись с занятий, пообедали и отдохали. Примерно в

три часа дня нас подняли по боевой тревоге, и мы маршем двинулись в сторону озера Рица.

Пройдя перевал, 3 сентября 1942 года в вечернее время наш батальон вступил в бой в селении Псху с прорвавшимися через главные Кавказские перевалы отборными немецко-фашистскими частями стрелкового корпуса «Эдельвес». Через сутки наш 5-й батальон из селения Псху перебросили сражаться на перевал Чумахара против прорвавшихся немецких частей, и, вступив в жестокие бои, через трое суток нам удалось не только остановить, но и очистить южные склоны перевалов, отбросить немцев на северные склоны и занять оборону. В этих боях были убитые и раненые как с нашей стороны, так и со стороны немцев.

У нас в сумке был сухой паек, состоявший из банки тушенки и 250 граммов сухарей. Поек сразу съели, а потом более десяти дней ничего не ели. Люди начали пухнуть, тяжело переносили высокогорье. В батальоне организовали вьючный караван, и начали привозить из Псху боеприпасы и продовольствие. В первые дни после голодовки принесли сухари, и мы ели по три ложки, запивая водой. Впоследствии нас стали нормально обеспечивать питанием и боеприпасами. Во время раздачи сухарей немцы засекли нас и начали обстреливать из миномета. Меня легко ранило в правую ногу.

Находясь в обороне, вели позиционные бои. С конца сентября начал выпадать снег. Уже к октябрю перевалы полностью были закрыты. Имея сведения о противнике, что он оставил перевалы и основные силы оттянул в более безопасные места, по приказу командира училища наш батальон передислоцировался в селение Псху. Но дозорные отделения находились на главных огневых точках перевалов.

В начале ноября, находясь в дозорном подразделении на перевале, я и несколько других курсантов получили обморожения ног и ушей. Все мы ходили в старом летнем обмундировании. Когда спустились в селение, я обратился в санчасть, и меня на следующий день самолетом отправили в госпиталь города Сухуми. В госпитале я пролежал до 20 декабря.

После госпиталя меня направили в город Кутаиси, где я получил назначение в 1-й отдельный горно-стрелковый отряд альпинистов, который оборонял перевалы Клухорский и

Нахара. В отряде я был в звании старшего сержанта помощником командира взвода, участвовал в боевых действиях до февраля месяца 1943 года. Командиром отряда был капитан Марченко, а командиром нашего взвода был старший лейтенант Свешников.

В январе-феврале 1943 года немцы начали отступать с Северного Кавказа. Мы принимали участие в боевых действиях против немецких частей. После освобождения курортного поселка Теберда, наш отряд был отозван с фронта. До конца августа 1943 года мы перетаскивали с гор вниз (на склады) боеприпасы и продовольствие, оставленное на перевалах врагом и нашими войсками.

В первых числах сентября 1943 года меня направили в Буйнакское военное пехотное училище, которое находилось в городе Степанакерт Азербайджанской ССР.

В Буйнакском пехотном училище я встретил преподавателей из Тбилисского пехотного училища, а также земляка, который учился в этом училище. Обратился с рапортом к начальнику училища полковнику Пискунову с просьбой допустить меня к экзаменам и перевести в выпускной батальон. Сказал ему, что я уже учился 6 месяцев в Тбилисском пехотном училище, преподаватели, которые находятся здесь, это могут подтвердить.

Просьба моя была удовлетворена. Меня перевели в выпускной батальон. Я сдал экзамены, получил звание младшего лейтенанта, и 20 декабря был направлен на фронт.

Уезжая из училища, мой земляк Магомедов Гебек дал телеграмму родителям, что он едет через Баку и Дербент на фронт, чтобы его встретили на станции Каякент. На станции Каякент эшелон был остановлен для заправки паровоза водой. Воспользовавшись этим, я вышел из вагона и зашел внутрь здания станции. Там увидел трех мужчин, одетых в папахи и шубы. Я спросил их, кто они и что здесь делают. Они ответили мне, что они приехали из села Нижнее Мулебки Сергокалинского района, получили телеграмму от своего сына и ждут его здесь.

Мой земляк Гебек Магомедов ехал в соседнем вагоне и заснул. Узнав, что они приехали встретиться с ним, я отвел их в вагон, в котором ехал Магомедов Гебек. Вместе с ними мы

ехали до самого Гудермеса. Потом они сошли, а мы продолжили ехать дальше.

В первых числах января 1944 года я прибыл на 4-й Украинский фронт в 986-й стрелковый полк 230-й стрелковой дивизии. Была ночь, в штабе полка мне сказали взять в руку кабель полевого телефона и идти по кабелю, который приведет во взвод. Так я прибыл ночью во взвод, не увидев и не познакомившись ни с командиром батальона, ни с командиром роты, и принял взвод от помощника командира взвода.

Дивизия наша занимала оборону и вела ожесточенные бои с противником на левом берегу Днепра. Противник удерживал плацдарм на левом берегу, стремился прорваться и выйти на Крым. В конце февраля 4-й Украинский фронт пошел в наступление, чтобы освободить Крым, а нашу дивизию, а также участок, занимаемый дивизией, передали 3-му Украинскому фронту. Наш фронт также пошел в наступление.

Выбив немцев с плацдарма и освободив несколько крупных населенных пунктов, наша дивизия вышла к Днепру. Форсировав Днепр, в марте и апреле мы продолжали боевые действия на правом берегу Днепра на территории Запорожской и Одесской областей.

4 апреля 1944 года командир полка вызвал меня (тогда я был командиром взвода автоматчиков) и приказал захватить железнодорожную станцию, чтобы перерезать железную дорогу, ведущую к Одессе. Это было уже к закату солнца, в 5-6 часов вечера.

Не имея сведения о враге, я повел взвод в наступление. Немцы с трёх сторон открыли по нам ураганный огонь. Стреляли из пулеметов и артиллерии. За 300-400 метров до железнодорожной станции враг прижал нас к земле. Я принял решение броском захватить железнодорожную станцию. Скомандовал: «Броском вперед на врага!»

Поднялся весь взвод, но только мы бросились в атаку, в этот момент меня ранило насквозь в шею, перебив третий шейный позвонок, и одновременно в правое предплечье.

Сначала я не понял, что случилось, упал. Заметил, что изо рта идет кровь, а из глотки брызжет струя. Начал постепенно терять сознание. Был холодный вечер, на поле лежал тонкий

слой снега. Подобрала меня медсестра. Утром я пришел в сознание, увидел, что лежу в сарае на соломе.

Подоспевшая на помощь рота и оставшиеся в живых бойцы взвода захватили железнодорожную станцию.

В моем взводе было два брата (армяне). Младшего ранило в руку, увидев это, я приказал ему отползти назад и прекратить вести бой. На мою команду, он ответил мне: «Не могу, товарищ командир, оставить бой, мой старший брат еще в бою». Через минут 5-10 второй пулей он был убит, а старшего брата я встретил в госпитале в Одессе. Он рассказал, что случилось с нашим взводом. Из 23 человек осталось 9, остальные были убиты или ранены.

Из Одессы нас, тяжелораненых, перевезли в Днепродзержинск. А из Днепродзержинска 17-18 числа отправили в Тбилиси. В пути у меня открылось кровотечение. Когда санитарный поезд проехал Минеральные воды, врач подошел ко мне и сказал, что в этих условиях он не может остановить кровотечение. Кровь у меня шла из раны и изо рта. Под утро 20 мая, когда наш поезд прибыл в Махачкалу, на станции они передали меня медицинским работникам. Они отвезли меня в сортировочный госпиталь, который находился в здании нынешнего педагогического университета. Врачи разрезали гипс, осмотрели рану и остановили кровь.

С января 1943 года у меня связи с домом не было, поэтому из госпиталя написал письмо в Урахинский сельский совет, что лежу в Махачкале в госпитале и прошу сообщить об этом моим родственникам. В то время я еще не знал, что наши хуторяне были переселены в Чечню, Не знал о гибели дяди Нурбаганда, что дядя Раджаб вернулся с фронта и работает начальником милиции Сергокалинского района. По счастливой случайности, когда в сельсовете получили моё письмо, отец и Гулбарият оказались на Урахинском базаре. Отцу сообщили о моем письме и о том, что я нахожусь в Махачкале. Отец и мать приехали ко мне в Махачкалу. Пролежал я в Махачкале до 20 сентября 1944 года.

В сентябре 1944 года меня выписали из госпиталя. И мы, три офицера, получив направление на фронт, уехали из Махачкалы. Через трое суток мы приехали в город Кременчуг Украинской ССР. Здесь мы должны были прокомпостировать билеты на Одессу. В комендатуре Кременчуга, куда мы

пришли, чтобы прокомпостировать билеты, нам сообщили, что есть приказ Верховного Главнокомандующего: «Офицеров и имеющих ограничения годности по ранениям, на фронт не направлять, использовать в тыловых частях». Из Кременчуга нас направили в 61-й запасной офицерский полк Харьковского военного округа. В полку было около 800 офицеров, которые ждали назначения в части. Здесь я находился до конца октября 1944 года.

В первых числах ноября 1944 года меня и еще нескольких офицеров откомандировали в город Москву в Министерство внутренних дел СССР для прохождения воинской службы.

6 ноября, получив предписание, я поехал в Крым. Когда я прибыл в часть, мне сказали, что офицерским составом часть полностью укомплектована, поэтому принять на службу не могут. Там я заболел воспалением легких и находился один месяц в госпитале.

После выхода из госпиталя меня направили в город Краснодар. Там мне предложили поехать в Армавир. Прибыв в Армавир, зашел в комендатуру, чтобы узнать, где находится часть. Там мне ответили, что эта часть у них не зарегистрирована. Выйдя из комендатуры, встретил старшину внутренних войск, спросил, не знает ли он воинскую часть МВД СССР. Он ответил, что сам из этой части, часть находится в семи километрах от города в степях в направлении на Ростов.

Стояла очень холодная ветреная погода. Я шел туда, пока не натолкнулся на их бараки. Часть, куда я прибыл, занималась военнопленными. Командир части принял меня и, выслушав, сообщил, что они тоже офицерами полностью укомплектованы, и предложил вернуться в Москву в МВД СССР. Приехал в Москву, обратился в МВД, и меня обратно направили в Харьков в запасной офицерский полк, откуда я к ним и прибыл.

В апреле 1945 года, с маршевой ротой из Харькова, меня направили в 936-й стрелковый полк 254-й дивизии на 1-й Украинский фронт. Принимал участие в боевых действиях на территории Чехословакии.

Войну закончил 9 мая 1945 года недалеко от Праги. Из Чехословакии пешим ходом вернулись в Польшу. Оттуда, в

сентябре 1945 года, также пешим строем прибыли в Драгобычскую область Западной Украины.

В 1946 году наш полк нес службу в нескольких населенных пунктах и принимал участие в боевых действиях против бандеровцев. В одной из операций я чуть не был убит - пуля пробила шапку, но не задела голову. Прослужил в этом полку до июня 1946 года. В июне в полк прибыло пополнение молодых офицеров, а нас, офицеров с ограничениями годности к военной службе, демобилизовали. 20 июня 1946 года приехал домой.

В 1946 году я поступил в Дагестанский педагогический институт. В 1949 году, после окончания 3-го курса, по рекомендации обкома комсомола, был принят в органы госбезопасности ДАССР. Работал оперуполномоченным и секретарем комитета комсомола.

В сентябре 1951 года меня направили служить начальником Шурагатского районного отделения госбезопасности. В 1954 году районное отделение сократили, а меня назначили инструктором орготдела обкома КПСС. В 1954-1958 годах работал вторым секретарем Сергокалинского райкома партии.

В 1958-1960 годах учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве. После окончания школы, с 1960 года по февраль 1973 года, работал первым секретарем Сергокалинского райкома партии.

С февраля 1973 года по апрель 1975 года работал министром сельского хозяйства, а с апреля 1975 года по май 1985 года работал министром лесного хозяйства.

С 1961 года по 1985 год избирался членом обкома партии, депутатом Верховного Совета ДАССР.

В 1985 году ушел на пенсию. После ухода на пенсию работал заведующим Управления Делами Совета Министров ДАССР и курировал административные органы. С 1991 по 1994 год работал главным специалистом Министерства по делам национальностей.

В 1956 году была издана брошюра «О работе Карабудахентского райкома КПСС по поднятию экономики района», написанная мной. В 2005 году была издана книга «Дорога моей жизни», тоже написанная мной.

Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени и 16 медалями, 4 грамотами Президиума Верховного Совета ДАССР и Государственного совета Республики Дагестан, Почетными грамотами Минсельхоза и Минлесхоза РСФСР.

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Девришева Марина Кахримановна

и

***Меджидова Зухрият Тюльмагомедовна,**
студенты 3-го курса Дагестанского
государственного педагогического
университета*

Павлов Дмитрий Геннадьевич

При штурме площади Минутка 6 февраля 1995 года

Я родился 17 декабря 1974 года в городе Норильске Красноярского края

В 1993 году окончил ПТУ № 58 города Норильска по специальности электрика. После окончания ПТУ был призван в армию.

Служить я начал в городе Волгограде в 8-м гвардейском корпусе под командованием генерал-лейтенанта Льва Яковлевича Рохлина.

В ноябре 1994 года, когда было принято решение о наведении конституционного порядка в Чеченской республике, меня командировали в 20-ю мотострелковую дивизию, которая также базировалась в городе Волгограде.

Уже в первые дни там стали формировать штурмовые группы и колонны из личного состава разных частей для отправки в Чечню. На новом месте базирования мне был доверен ЗСУ «Шилка». После кратковременного обучения я стал оператором-наводчиком такой самоходки. За эти три дня мне показали, как надо целиться и как стрелять.

29 декабря 1994 года с железнодорожной станции Волгограда нашу дивизию переправили в город Моздок, где формировалась группа «Север», выдвинутая в село Толстой-Юрт в 18 километрах от столицы Чечни города Грозный.

После небольшого перерыва для пополнения запасов провизии и боеприпасов мы двинулись непосредственно в

Грозный. На всем пути ехали с закрытыми окнами, так как инструкция запрещала нам открывать их: в окно могли кинуть гранату. И тогда, как говорится: «Прощай, родимый экипаж». Только водители оставляли себе небольшие щелки, чтобы дорогу видеть. Так что, к сожалению, а может и к счастью, Чеченской республики, кроме города Грозного, я не видел и не могу передать ее красоты.

Нашей основной боевой задачей было уничтожение живой силы и военной техники противника. Мы знали, что на тот момент у командира сепаратистов генерала Дудаева были не только хорошо вооруженные люди, но и многочисленная военная техника, в том числе танки, самоходные орудия, бронетранспортёры, а также точно такие же «Шилки», как и у меня. К сожалению, мы такой оснасткой не могли похвастаться, у нас всего было, кажется, 7 танков и не больше десятка ЗСУ. Но зато боевики «обеспечивали» нас боеприпасами и запчастями, они совершенно не умели обращаться с тяжелой техникой. Многие БТРы доставались нам почти целыми. Также у Дудаева в распоряжении были многочисленные наемники, причем многие из них были славянской внешности и свободно говорили по-русски.

Второстепенной нашей боевой задачей было прикрытие пехоты и десанта, а также ликвидация укрепленных точек противника. В пригородах города Грозного головой приходилось крутить на 360 градусов, так как, помимо заминированных участков дороги, боевики легко подкрадывались с РПГ к нашим танкам.

Время, которое я провел в Чечне, было самым ужасным временем в моей жизни. Единственным удобством для нас, российских военных, были палатки, в которых мы ночевали. У нас не было ни бани, ни развлечений. Только однажды к нам приехал Юрий Шевчук, который в полуподвальном помещении дал сольный концерт.

В Чечне тогда было очень «жарко». Какое кино? Какие артисты? Туда никто бы не поехал, обстрел велся круглосуточно. Даже водители, которые доставляли нам боеприпасы и провизию, старались как можно быстрее разгрузиться и уехать подальше от передовой. И если честно, то было не до развлечений, очень хотелось спать, порой я засыпал стоя. Хотя нас и делили на три группы: первая ходила

на задания, вторая охраняла место дислокации, а третья отдыхала, но все равно отдохнуть не получалось, так как велся круглосуточный обстрел. Мы часто даже не понимали, кто его ведет и с какой стороны.

Не было и вестей из дома, писем мы не получали, не было возможности и позвонить. О моем ранении родные узнали только тогда, когда я уже находился в военном госпитале в городе Санкт-Петербурге.

Погода в Чечне также была ужасной. Такой грязи, раскатанной военной техникой, я больше нигде и никогда не видел, хотя стоял январь, и мы находились в столице Чечни. Только 13 или 14 января 1995 года выпал снег, который спрятал грязь, разбитую технику и трупы, но уже на следующий день он растаял, наделав еще больше грязи.

Помимо ужасной погоды, было и ужасное отношение к нам местного населения. Оно и понятно: много гражданских погибало во время боевых действий. Большую часть времени местные жители укрывались в подвалах. Они старались не появляться на улице, так как, выйдя на улицу, они подвергались интенсивному обстрелу с разных сторон. Издалека ведь не видно, кто он: свой - не свой, с оружием или без.

Наше отношение к местному населению было милосердным. Мы местным помогали, чем могли, очень часто делились с ними продуктами, выносили из подвалов их мёртвых родственников.

С питанием у нас было сносно. Федеральное правительство не жалело денег на сигареты и сухие пайки с сухарями. Из машины доставки просто сваливали все это в одну большую грудку, к которой мог подойти любой наш военный и взять, сколько надо. У местных же с едой дела обстояли очень и очень плохо. Часто у них вообще ничего не было, и они голодали.

При штурме площади Минутка 6 февраля 1995 года я получил осколочное ранение в голову, а также в обе ноги, но выжил, хотя полученные ранения, как позже выяснилось, были мало совместимы с жизнью.

Меня вынесли из боя и доставили на аэродром Северный, откуда вертолетом вывезли обратно в Моздок. На аэродроме Моздока меня перегрузили в «Скальпель» (так называли

санитарный самолет Ил-76). Эта была интересная машина, я такого самолета никогда не видел. Там внутри был даже операционный блок. 8 февраля меня доставили в город Санкт-Петербург и отправили в Медицинскую академию.

Помимо ранений мы страдали и от вшей, так как, повторюсь, в Чечне на боевых позициях нас окружала сплошная грязь, а банных дней не было.

После ранения я был демобилизован в 1995 году. С военной службой меня больше ничего не связывало. Вернулся в родной город Норильск и стал работать электриком.

После прибытия домой, ко мне пришли из военкомата и сообщили, что я награжден медалью. Так я был награжден медалью «За Отвагу».

В 1996 году поступил в Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. После 3 курса стал работать электриком в Санкт-Петербурге. В 2003 году переехал жить в город Калугу и продолжаю работать электриком в АО «Калугаэнерго».

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь Деду **Евгений Игоревич**, аспирант Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского*

Петров Алексей Яковлевич

Всем ЗРП безоговорочно выполнять рекомендации советских специалистов по борьбе с ПРР «Шрайк»

Я родился 24 июня 1934 года в Якутии.

Окончил Оренбургское училище зенитной артиллерии в 1954 году. В том же году участвовал в испытании ядерного оружия при учениях на Тоцком полигоне.

С декабря 1954 года по июнь 1958 года служил в Белорусском военном округе в должностях командира взвода, затем командира батареи зенитной артиллерии.

В 1963 году, после окончания Военно-инженерной радиотехнической академии имени Л.А. Говорова в Харькове, работал главным инженером - заместителем командира зенитного ракетного полка.

С марта 1966 года по апрель 1967 года я находился в составе боевых расчетов 260-го зенитного ракетного полка Московского округа ПВО в должности главного инженера и заместителя командира полка. Это был первый случай, когда боевые расчеты полка в полном составе, во главе со своим командиром, откомандировывались на выполнение интернациональных задач за рубежом.

Нам, командиру полка полковнику В.В. Фёдорову, начальнику политотдела подполковнику В.В. Непсельскому и мне, задачу по командировке поставил лично первый заместитель главнокомандующего Войсками ПВО страны маршал авиации Г.В. Зимин. Предстояло убыть в

Дальневосточные ракетные войска, чтобы там подготовить и ввести в строй общую систему ПВО Вьетнама и Зенитный ракетный полк Вьетнамской Народной Армии, вооружённый зенитной ракетной системой СА-75М «Двина».

В течение первых трёх месяцев нам необходимо было провести теоретическое обучение полка в учебном центре, затем, на втором этапе нашей работы, нужно было провести практическую подготовку боевых расчётов с реактивными боевыми стрельбами, зенитными управляемыми ракетами (ЗУР). На третьем этапе, в течение трёх месяцев, нужно было организовывать еще несколько расчетов вьетнамского полка и ввести их в общую систему ПВО.

Мы хорошо представляли сложность задач командировки и понимали громадную ответственность, возлагаемую на полк столичного округа.

К нашему прилёту в Дальневосточные ракетные войска Зенитный ракетный полк Вьетнамской Народной Армии был уже сформирован и находился в учебном центре в джунглях. Вьетнамские товарищи встретили нас в международном аэропорту Ной Вай, из которого мы в автобусах и крытых машинах приехали на окраину джунглей. Отсюда около четырёх километров до учебного центра Чай Као добирались пешком по тропинкам, пролегающим через джунгли. По всему маршруту движения стояли солдаты и офицеры ВНА, сопровождая нас приветственными возгласами, вручали нам цветы. Хотя начинало темнеть, джунгли оглашались зарницами в честь советско-вьетнамской дружбы и воинов Советской Армии. Было очень торжественно.

Буквально со второго дня в учебном центре начались напряжённые занятия. За три месяца мы завершили теоретическое обучение боевых расчётов по зенитной ракетной системе СА-75М «Двина». Это оказалась непростым делом по причине слабой подготовки вьетнамских товарищей, ранее незнакомых не только с радиоэлектронной ракетной, но и вообще ни с какой-либо техникой, а также по причине трудности языкового барьера, переводчиков и словарей не хватило. Например, для 6 часового занятия приходилось сначала полностью написать конспект, а затем почти 6 часов растолковывать переводчику каждое слово текста занятия. Мешало наличие большого количества групп подготовки, до

60 человек в каждой. Занятие часто приходилось прерывать из-за налётов авиации противника. Не хватало буквально всего: принадлежностей для обучения, пособий, схем, рабочих мест для показа и т.д.

К этому надо добавить, что климат во Вьетнаме тяжёлый, непривычный нам, россиянам. Температура воздуха - от +35 до +40 градусов круглосуточно и это при влажности от 80 до 100 %.

Отмеченные выше трудности компенсировались необычайным трудолюбием, завидным старанием, любознательностью и любопытством обучаемых. Без исключения все они, от рядового до командира полка майора Нгуен Нунга, относились к занятиям со всей серьезностью, тщательно записывали, чертили схемы и рисунки, которые демонстрировались на занятиях, ловили буквально каждое слово.

Основная нагрузка от занятий с офицерами по технической и специальной подготовке, по организации и планированию лежала на мне, как на заместителе командира и главном инженере, вместе с майорами А.С. Саморуковым и А.И. Марьяновым, с подполковником В.Я. Слепых и командиром полка полковником Фёдоровым.

Лучшими специалистами в теоретическом обучении зарекомендовали себя офицеры В.Д. Давыдов, Н.Я. Мазуренко, А.С. Саморуков, А.М. Гуров, а также инженеры В.Е. Муравьёв, Г.М. Ефремов, В.Н. Артюшков, выпускники Минского высшего зенитного ракетного училища, а также Ф.С. Мамин - выпускник Артиллерийской радиотехнической академии имени Л.А. Говорова.

По завершении теоретического обучения дивизионы вьетнамских ЗРП и боевые расчёты нашего полка в июне месяце 1966 года вышли на боевые позиции. В течение трех месяцев шла практическая подготовка вьетнамских расчётов. Одновременно велись боевые стрельбы нашими расчётами по отражению налётов авиации США. При этом наши боевые расчёты находились на рабочих местах, а вьетнамские за их спинами. Они наблюдали за действиями наших специалистов на всех этапах боевой работы, учились и убеждались в том, что можно полностью реализовать боевые возможности зенитных ракетных комплексов в различных условиях

обстановки. За это время нашими боевыми расчётами было произведено 43 пуска ЗУР и уничтожено 23 самолёта ВВС США. По сути это были показательные боевые стрельбы наших дивизионов в чрезвычайно сложных условиях.

В перерывах между боями особое внимание уделяли систематическим тренировкам и слаживанию действий стреляющих офицеров наведения, операторов ручного сопровождения (РС) и систем управления стартом. Одновременно нашим специалистам предстояло научить людей, впервые имеющих дело со сложной техникой, обращению с материальной частью, проверке её работоспособности, организовывать и проводить весь комплекс регламентных работ и технического обслуживания, строжайше соблюдать правила техники безопасности, к тому же в условиях боевых действий и с учетом особенностей эксплуатации в условиях Вьетнама. Необходимо было не только научить, но и привить вьетнамским товарищам навыки и умения в этих делах.

Наш личный состав, решая задачи, показал свое умение, сноровку и боевую слаженность. Офицеры, солдаты и сержанты ни на минуту не забывали, что за их спинами престиж советского современного оружия, престиж страны.

Особенно отличился в этих стрельбах дивизион, которым командовал майор С.Т. Воробьёв. Его заместителем по политической части был майор П.И. Евдокимов. Этот дивизион выполнил почти половину всех стрельб. Командир дивизиона в самых сложных условиях всегда сохранял спокойствие, выдержку, правильно оценивал складывающуюся в ходе боя обстановку, проявлял решительность и мужество. Все номера боевого расчёта, включая офицера наведения В.П. Щербакова, операторов, расчёты СРИ, во главе с начальником станции А.В. Гусевым и стартовой батареей во главе с командиром В.Н. Косаревым, во время боя действовали как единый организм, понимая друг друга с полуслова. Стартовики своими действиями, доведёнными до автоматизма, всегда восхищали вьетнамских товарищей.

Благодаря высокой технической грамотности, ответственности командиров батарей, начальников отделений Г.М. Ефремова, Г.А. Иванова, Н.Е. Бакулина и В.Н. Косарева,

материальная часть станций самонаведения ракет (СНР), стартового оборудования, а также ракеты находились всегда в постоянной готовности к стрельбе. Личный состав дивизиона в условиях применения самолётами США кассетных шариковых бомб, управляемых и неуправляемых снарядов, противорадиолокационных ракет (ПРР) "Шрайк" проявлял образцы мужества и героизма.

Особо хочется сказать о кавалерах ордена Красного Знамени Г.А. Иванове и Н.Е. Бакулине. Благодаря своим глубоким знаниям, целеустремлённости Г.А. Иванов за короткий срок выдвинулся от старшего техника системы до командира радиотехнической батареи этого дивизиона. Обладая хорошей теоретической базой, своей добросовестностью, стараниями всегда пользовался глубоким уважением как своих сослуживцев, так и вьетнамских товарищей. Во время боевых действий никогда не терял самообладания, своим оптимизмом заражал всех окружающих. За тот участок работы, за который отвечал Т.Г. Иванов, я, как главный инженер полка, всегда был спокоен.

Н.Е. Бакулин слыл в полку непревзойдённым мастером в обслуживании высокочастотного оборудования. В одном из боёв он, находясь в приёмно-передающей кабине, продолжал выполнять свои обязанности, несмотря на то, что он находился под обстрелом. К счастью, ракета не долетела до кабины "П" метров 10, ударилась о землю и разорвалась. Однако осколками ракеты были нанесены серьезные повреждения антенной системе.

Командир полка полковник В.В. Фёдоров, руководя боем полка, учитывал ограниченность глубины и точности радиолокационной информации о воздушной обстановке, затрудняющую централизацию боевого управления, и давал больше самостоятельности командирам дивизионов в выборе воздушных целей для обстрела. К этому вынуждала и сложность воздушной обстановки, создаваемой противником путём применения интенсивных радиопомех. Манёвр дивизионов путём смены позиций осуществлялся постоянно. Повторную стрельбу из одной и той же позиции наши расчеты, как правило, не проводили, ибо при пуске ЗУР противник чётко фиксировал местонахождение ЗРК и неминуемо следовал ответный удар.

Приходилось в среднем не менее двух раз в неделю менять позиции. Для этого каждый дивизион имел 2-3 запасные позиции, а также несколько ложных позиций, с которых имитировался пуск ЗУР, а также на них обозначалась жизнедеятельность ЗРП. В итоге за 2,5 месяца тренировок многие стартовые расчеты уже выполняли установленные нами нормативы. В техническом дивизионе расчёты технологического потока подготовку ракет в ночных условиях выполняли без каких-либо существенных нарушений правил техники безопасности. Радиотехнические и стартовые батареи дивизионов успевали готовить материальную часть ЗРК к стрельбе с проведением всего комплекса регламентных работ за 4 часа (в том числе после совершения маршрута для смены позиции). Успех был достигнут за счёт тщательной разработки и внедрения в практику новой системы проведения проверок, новых параметров на материальной части ЗРК.

Боевые расчёты вьетнамских дивизионов после большого количества практического показа и тренировок, совместных действий с нашими специалистами отточили свои практические навыки и умения в свёртывании и развёртывании материальной части ЗРК. Так, в декабре 1966 года, после труднейшего двухсуточного марша, ранним утром был сбит самолёт ЕВ-66. Этот специальный разведчик-постановщик радиопомех развалился на части, семь членов экипажа было взято в плен. 274-й ЗРП, где я служил, вышел на первое место в ЗРВ ВНА по числу взятых в плен американских лётчиков.

На заключительном этапе, с декабря 1966 по март 1967 года, в полку оставалась группа из 9 специалистов по разным системам ЗРК во главе со мной. Мы оперативно оказывали помощь вьетнамским специалистам в поддержании техники и вооружения в постоянной боевой готовности, в первую очередь, в обнаружении и устранении возникающих на технике неисправностей. Одновременно много внимания уделяли проведению занятий и обучению стреляющих, офицеров наведения и операторов РС. Мы стремились показать, как лучше обеспечить эффективность стрельб по маневрирующим целям, в связи с массовыми применениями в налётах высокоманевренных самолётов ВВС США Ф-4 "Фантом", и постановщикам радиопомех и целям под их

прикрытием. Дважды принимали участие в подготовке и проведении стрельб по специальным постановщикам радиопомех ЕВ-66 и большим группам самолётов из засад вблизи границы Китая с Лаосом на северо-западе страны.

Исключительную ответственность, высочайшее мастерство, мужество и отвагу проявили на этом этапе офицеры Г.А. Иванов, Н.Е. Бакулин, Г.М. Евремов, В.Е. Муравьёв, Г.Я. Шеломытов, Н.Е. Пелегин, А.И. Тягунов и В.И. Романюк.

Все время нахождения во Вьетнаме я исполнял обязанности главного инженера. В течение всего времени пребывания нами постоянно осуществлялось практическое обучение специалистов всех рангов важнейшему в нашей специальности делу — своевременно отыскивать и устранять возникающие неисправности. Здесь важны не только конкретное знание техники, но и доведенные до автоматизма навыки в проведении строго по инструкции необходимых проверок, в работе с контрольно-измерительными приборами, в чтении функциональных и принципиальных схем аппаратуры, в умении логически мыслить. Здесь нет предела мастерству. Большими мастерами в этом были наши инженеры: В.Е. Муравьёв, Г.М. Евремов, М.С. Мамин, В.Н. Артюшков, а также Г.А. Иванов, Н.Е. Бакулин, А.В. Гусев, Р.А. Казаков, А.М. Гуров, Н.Я. Мазуренко, Н.Е. Телегин, Р.Ф. Игнатов, А.С. Саморуков, В.Н. Косарев.

Я лично принимал участие в показе и реализации выдаваемых рекомендаций, принимал активное участие в проведении регламентных работ по новой, применительно к конкретным условиям, технологии, в настройке, обнаружении и устранении возникших неисправностей. Лично руководил проведением сложных комплексных проверок на ЗРК после каждого развёртывания на новой позиции. Одновременно проводил тщательные исследование и глубокий, до мельчайших подробностей, анализ всех имевших место сбоев в работе ЗРК, неисправностей, причин неудачных пусков ракет, допущенных в ходе стрельб, нарушений правил стрельбы и неточностей в работе личного состава как при эксплуатации, подготовке техники к стрельбам, так и в ведении самих стрельб.

Необходимо было во многих случаях немедленно принимать меры по устранению имевших место случаев и недопущению их впредь в эксплуатации техники или в боевой работе. Необходимо было своевременно и обосновано, а в отдельных случаях дипломатично, реагировать на критические высказывания или замечания вьетнамской стороны. А таковы были, особенно по мере накопления опыта, приобретения ими знаний и навыков. Мы это хорошо понимали и бдительности не теряли. Ведь разностороннее влияние "Северного соседа" на вьетнамцев, особенно в верхах, в то время сбрасывать со счетов невозможно было, и это не могло не сказаться в нашей работе.

В связи с внедрением американцами своей новой авиации, более совершенных способов действия и тактических приёмов, в 1966-1967 годах приходилось заниматься не только вопросами эксплуатации и поддержания техники и вооружения в постоянной готовности, но и вплотную решать вопросы ведения стрельб в различных условиях.

Большой проблемой у нас стало применение авиацией США противорадиолокационных ракет (ПРР) "Шрайк", самонаводящихся по излучению наших станций, с истребителей-бомбардировщиков. Для предотвращения этого и уменьшения вероятности прямого попадания ПРР по работающей СНР нами своевременно были выработаны и выданы соответствующие рекомендации, отработана схема боевой работы по времени в секундах и расстоянию между СНР и целью. Реализация этих рекомендаций показывалась в процессе стрельб по самолетам-носителям ПРР. Предлагалось внимательно следить за пуском и полетом «Шрайк» прежде всего с помощью СРЦ: на экране индикатора СРЦ можно было зафиксировать момент пуска «Шрайк» и проследить за всем ходом полета. Обнаружив пуск «Шрайк», начальник СРЦ обязан был доложить об этом (в кабину «У»), проследить курс и через каждый километр считать дальность до приближающейся ракеты «Шрайк». Это для того, чтобы стреляющий ориентировался и своевременно принял решение на продолжение наведения уже пущенных ЗУР на цель или отвода антенны СНР в сторону от цели с последующим выключением передатчиков, если определено, что «Шрайк» долетит до нашего СНР раньше, чем наш ЗУР до цели, если

возникла непосредственная угроза нашему комплексу. Понятно, что при этом происходила потеря ЗУР, находившихся в процессе наведения.

В связи с этим в первое время нашлись скептики, сомневающиеся в эффективности этих рекомендаций. Так, например, мне вспоминается случай. Это было в начале 1966 года. Наш дивизион под командованием майора Воробьева С.Т. около полудня успешно провел стрельбу очередью из двух ракет и сбил один американский самолет. При проведении второй стрельбы после пуска двух ракет был обнаружен запуск ПРР «Шрайк». Было ясно, что ракета подлетит к нам раньше, чем наши ракеты достигнут цели. В соответствии с нашей рекомендацией были выключены передатчики СНР и прекращено наведение ракет на цель, то есть были потеряны две ракеты.

Вечером на КП полка, где я находился в это время, прибыл командующий ЗА и ЗВР ВНА, он был в звании старшего полковника. Он сказал мне: «Товарищ Петров, ваши товарищи сегодня действовали неправильно, потеряли две ракеты, проявили нерешительность в борьбе с агрессорами». Я ему объяснил, что это было сделано в полном соответствии с нашими рекомендациями, что так и надо действовать, чтобы сохранить дивизионы в полной боеспособности для продолжения выполнения наших общих задач.

Старший полковник остался при своем мнении. Через два дня я узнал, что командующий смертельно ранен в голову осколком от ПРР «Шрайк», когда он находился на позиции одного из дивизионов, отражавшего атаку противника. По его настоянию после пуска ракеты «Шрайк» передатчики СНР не были отключены и продолжали наведение ЗУР на цель. После этого случая с ЦКП ВВС и ПВО ВНА немедленно была дана команда: всем ЗРП безоговорочно выполнять рекомендации советских специалистов по борьбе с ПРР «Шрайк».

Впоследствии американцы доработали ПРР «Шрайк», оснастили высокочувствительной аппаратурой с запоминающим устройством, что привело к тому, что отвод антенн в сторону стал бессмысленным, поэтому надо было включать передатчики на гораздо большие удаления «Шрайк» от нашей СНР. Это приводило к возрастанию ошибок самонаведения «Шрайк» в процессе полета. Необходимо было

строже учитывать баланс времени, оставшегося до падения «Шрайк».

Некоторые рекомендации по борьбе с ПРР «Шрайк», а также целесообразность максимального сокращения времени работы передатчиков на излучение при стрельбе, использование большего количества ложных позиций с применением имитации излучения применялись во Вьетнаме, а некоторые были реализованы в СССР с другими типами ЗРК.

Однажды генерал-майор Г.А. Белов старший групп советских военных специалистов во Вьетнаме спросил меня: «Могут ли американские самолеты уклониться от ЗУР?» Я на это ответил ему: «На современном уровне развития зенитной ракетной техники и авиации - нет!» Но жизнь идет вперед, все развивается. В то время, когда в небе Вьетнама действовали самолеты ВВС США типа А-4 и А-6, даже F-105, соотношение маневренных возможностей наших ЗУР 11 Д (В-750Н) и самолетов США было примерно равно. Это позволяло надеяться на надежное поражение нашими ракетами самолетов США при любых видах пространственного маневра.

Однако с появлением на вооружении ВВС США самолетов типа F-4 «Фантом» это соотношение было нарушено. Эти самолеты имели максимальные располагаемые перегрузки до 10 единиц. Такой самолет в экстремальных случаях, предварительно сбросив все свое вооружение, в первую очередь подвесное, мог легко совершить маневр для уклонения от летящей ЗУР и уйти от неё. Дело в том, что наши ракеты 11Д имели располагаемые перегрузки 3/3.5 ед. Особенно эффективны были противоракетные маневры, совершаемые с максимально возможной скоростью в непосредственной близости от возможной точки встречи с ЗУР путем разворота на 90 градусов, с одновременным изменением высоты полета и дальнейшим выходом из зоны поражения ЗРК. В этом случае ошибки стрельбы возрастают, так как ракета просто не успевает обрабатывать те команды, которые выдаются с СНР. А при пикировании цели сразу же после пуска ракеты, последняя может с большой вероятностью столкнуться с Землей, особенно при недостаточной натренированности оператора по углу места.

Мне повезло работать с достойными специалистами, обладающими высоким нравственным и техническим уровнем подготовки. Для обеспечения необходимой эффективности стрельб по маневрирующим самолётам были использованы рекомендации А.С. Саморукова, В.И. Володина и Р.А. Казакова. Благодаря опытности и умению наших специалистов, нам удалось успешно выполнить все поставленные перед нами задачи.

В заключение хочу привести слова благодарности, сказанные командиром подготовленного нами 274-го ЗРП ВНА майором Нгуен Нунгом в адрес советских военных специалистов в день нашего отъезда на Родину: «Мы никогда не забудем ваших усилий, которые вы приложили, обучая полк. Мы никогда не забудем совместно проведенных боев, в которых сражались плечом к плечу советские и вьетнамские воины. Мы учились у вас упорству в работе, мужеству и смелости в бою. Мы навечно стали боевыми друзьями. Мы всегда будем благодарны советскому народу за помощь, которую вы оказали нам».

Оглядываясь назад, можно со всей ответственностью заявить, что личный состав 260-го полка МО ПВО с поставленными задачами справился полностью. Полк за короткий срок, в весьма сложных условиях ведения настоящей войны, успешно подготовил и ввёл в боевой строй 274-й ЗРП Вьетнамской народной армии, сбив при этом силами боевых расчётов своего полка 23 самолёта ВВС США.

С 1972 по 1974 год я выполнял интернациональный долг в Алжире, где тоже проводил занятия с офицерами, солдатами и сержантами Алжирской армии. Каждый раз вспоминал, с каким старанием, скрупулёзно, внимательно относились к занятиям вьетнамцы, несмотря на тяжелые условия и большие трудности.

С 1975 по 1990 год, до увольнения из рядов армии, я был на преподавательской работе на Центральных офицерских курсах ЗРВ ПВО и на кафедре ПВО Военно-политической академии имени В.И. Ленина, в должностях заместителя начальника цикла ЦОК и старшего преподавателя кафедры соответственно.

В 1985 году участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Награжден орденом Красного Знамени (1967), орденом Мужества (1998), вьетнамской медалью Дружбы, восемнадцатью медалями СССР, РФ и Республики Саха (Якутия).

Петросян Эдуард Рубенович

У села Обнинское на Кубани немцы взорвали плотину

Я родился 4 августа 1924 года. Родители были рабочими вагано-ремонтного завода города Владикавказа.

Окончил 7 классов школы. 15 августа 1942 года был мобилизован в ряды Красной Армии.

4 августа 1942 года мне исполнилось 18 лет, а 15 августа я был уже призван в армию. Формировался мой стрелковый полк 1344 в посёлке Мамед-Кала в Дагестане. После формирования, в октябре 1942 года, нас (3 полка) в составе 319-й стрелковой дивизии направили в город Алагир Осетии.

Не доходя села Суадаг, мы остановились, так как Алагир был уже занят немцами. Нам пришлось отойти в предгорья.

Меня направили в штаб для определения нашего места дислокации. Наблюдатель при штабе, следивший за полем боя, обнаружил, что наши части попали в полуокружение и отходят в горы. После долгих переходов полк оказался в селе Кудахчин в Фиагдонском ущелье.

Действия наши затруднялись фашистскими снайперами. Не пасть от их пуль, как мои товарищи, мне помогла ловкость и быстрота, поскольку в школе я был хорошим спортсменом. В первых числах ноября начались боевые действия у стен Владикавказа.

После моей очередной вылазки в стан врага наши автоматчики пропустили меня с донесением в штаб. Я увидел

пойманного немецкого снайпера, который, несмотря на свое положение пленного, пытался выкрикивать гитлеровские лозунги.

Я стоял за спиной командира батальона, когда ему передали планшет политрука, убитого пулей этого снайпера. Мы увидели семейную фотографию, залитую кровью. Командир только и смог произнести: «В расход». Я стал свидетелем расстрела снайпера, да у меня бы и у самого рука не дрогнула.

После неудачной попытки овладеть Владикавказом немцы стали отходить в сторону Алагира. С наблюдательного пункта на дереве мне хорошо были видны машины немцев, на которых они поспешно отступали.

Потом я воевал в составе 351-й стрелковой дивизии, которую сформировали в Кутаиси. Мы прикрывали проход в Закавказье. В декабре 1942 года на этом рубеже, на подступах к Главному Кавказскому хребту, нашими бойцами были остановлены немецкие захватчики.

Далее путь был на большое осетинское село Дигора, районный центр. А перед этим нам пришлось брать штурмом Сурх-Дигору. Мне показалось, что за это захолустное маленькое село Сурх-Дигора (переводится с осетинского языка, как «Красная Дигора») бой был даже более ожесточенным, чем прежние мои бои. Наши солдаты были плохо одеты, а всё происходило в очень холодном и снежном декабре 1942 года.

1 января 1943 года мы вошли в освобожденное село Сурх-Дигора. Население скрывалось в лесу, по пустому селу бродил скот. От предгорий шла группа сельчан, впереди старики, сзади плачущие женщины с детьми. И запомнились мне еще звуки пианино из двухэтажной школы.

Я помню глаза голодных, иззябших, полураздетых наших солдат, с жадностью глядящих, как осетинская женщина готовила знаменитые национальные пироги.

Запомнил и группу наших разведчиков, во дворе дома над костром варящих кур в котле. И как я, в надежде, что хоть кусочек смогу получить, стал бегать в поиске дров для костра. Командир разведчиков направил их на срочную операцию, и они поручили мне доглядеть за варящимся мясом. Вечерело, а разведчики не возвращались. Я был в смятении, что же делать

с драгоценными курами. И не дождавшись разведчиков, я притащил кур своим ребятам. Радость на голодных лицах товарищей была мне наградой.

Ночью нас подняли и направили освобождать большое мусульманское село Чикола, а также живописное село Хазнидон, расположенное у развилки двух горных рек. Потом была столица Кабардино-Балкарии Нальчик, далее Пятигорск, где мы попали под шквальный обстрел.

Не забуду смерть нашего старшины, с которым мы вместе спасались от ураганного огня. Я отнес планшетку убитого старшины командиру. Не могу сказать, что за все годы войны смог привыкнуть к виду смерти.

Ранним январским утром 1943 года мы вошли в Пятигорск. Шли по главной улице, население выбегало к нам с продуктами, кто что схватил. Подошла одна женщина, пригласила к себе. Командир дал мне двух бойцов, и мы зашли в дом. В одной из комнат я обнаружил труп мужчины, повесившегося при входе советских войск в Пятигорск. Освобождали мы и село великого нашего осетинского поэта Коста Хетагурова - Лаба.

У села Обинское на Кубани немцы взорвали плотину, все было залито водой. Когда мы шли в атаку, солдаты проваливались в невидимые под водой окопы и тонули. Немцы шахматным порядком минометами перекрывали продвижение советских войск в станицу Крымскую. После первых же залпов я был ранен: было холодно, и я на минуту отошел от сгрудившейся кучки своих товарищей, старающихся согреться хоть куревом. И в этот момент взрыв, которого я даже не услышал от страшной контузии, а все ребята погибли от прямого попадания.

Шесть месяцев я пролежал в эвакогоспитале 14-46 в Тбилиси. Был выписан уже как нестроевой и стал работать на военном заводе в Тбилиси. Специалистов не хватало, и мне как профессионалу станкостроения дали бронь. Работал контрольным мастером сборочного цеха, где выпускали станки ДИП-300. После окончания войны я вернулся во Владикавказ.

В 1943 году погиб мой брат, служивший в войсках МВД под Ленинградом.

Награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За оборону Кавказа». Почетный гражданин сел Дзуарикау и Нарт Северной Осетии.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Гоев Эдуард Нариманович**, студент 2-го курса Владикавказского филиала Современной гуманитарной академии*

Попов Анатолий Петрович

Ты будешь подносить мины

Я родился 25 декабря 1925 года в Оренбургской области. По национальности русский.

В 1941 году я окончил 7 классов. Жили мы в это время в Архангельской области.

Однажды мы с мамой шли домой из одного населённого пункта. По дороге нам встретился мужчина, идёт и чуть не плачет. Мы спросили: «Что такое?» Он ответил: «Война. Немцы напали».

Когда началась война, за неделю не только людей, но и лошадей забрали. Остались только мы, пацаны, и пожилые люди. Все работали в колхозе.

Осенью председатель колхоза послал меня учиться на шестимесячные ветеринарные курсы, которые открылись в районе. На этих курсах мы проходили практику. Это было в 1941 году.

В 1942 году военкомат нас, 1925-го и 1926-го года рождения, направил в леспромхоз лес рубить. Лето и зиму мы там проработали. Лес рубить – тяжелая работа. Норму выполнил – 800 грамм хлеба, не выполнил – 600 грамм хлеба, чуть перевыполнил, на 4-5 %, – 900 грамм хлеба и кусок отварной лосятины с ладонь.

Звено состояло из трех человек. На троих носили 4 лучковых пилы. Работали с понедельника по субботу.

Выходных не было, в воскресенье у нас была военная подготовка. Из нас готовили пулеметчиков. У нас был

станковый пулемёт с просверленными отверстиями. Нас учил красноармеец-инвалид, который уже вернулся с войны. Мы изучали, как устроен пулемёт.

Когда мы закончили рубить лес и сплавили его, нас распустили по домам. А ближе к осени нас направили в район, который находился от нас за 70 километров. Первые 50 километров мы пешком прошли, а 20 километров проплыли на пароходе.

На стрельбище был боевой пулемёт. Каждому человеку выделялось три патрона: на одиночный выстрел и два патрона очередью. Отстрелялся - молодец, можешь быть свободен.

Затем всех распустили по домам. В ноябре опять всех мобилизовали, и пароходом мы добрались до города Котласа.

Когда в Котласе мы ждали посадки на поезд, по радио было сообщение, что 6 ноября освободили город Киев. Мы хлопали в ладоши и кричали «Ура». Один из ребят даже упал и ногу сильно повредил.

Потом нас посадили в вагон и привезли в город Грязовец Вологодской области. Там из нас сформировали полк. Парней, окончивших 7 классов, определили в учебное подразделение. Я и мои знакомые ребята (3 человека) попали в роту миномётчиков. В пулемётном училище первая учебная рота готовила сержантов, а две другие роты – рядовых.

Жили мы в казарме, нары стояли трехъярусные. Мы изучали миномётное дело. Распорядок дня был такой. В 6 часов утра подъём, физзарядка. После зарядки нас строили и проверяли на чистоту и на вшивость. Так было каждый день: мы снимали, выворачивали рубашки, показывали швы на одежде. Если у кого-то что-то замечали, то направляли в отдельную каморку, где у старшины был специальный порошок и ещё что-то. Затем мы завтракали, разбирали оружие и выходили на строевую подготовку, которой занимались до 3 часов дня.

В три часа мы шли на обед в часть, ставили повзводно ружья пирамидкой.

Днём час давался на сон. Набегавшись и наползавшись, мы сразу засыпали. Потом подъём и теоретические занятия. Личного времени выделялся час, но спать было нельзя. Нас трое было. Если двое дремлют, то третий сидит и караулит, чтобы старшина или дежурный не увидели, что мы спим,

иначе - наряд вне очереди. В 23 часа отбой. Такой порядок был весной.

Мы окончили эти курсы, сдали зачёты, пошли на стрельбище. Там нам показали, как стрелять из миномёта.

В первых числах августа ночью нас подняли по тревоге и отправили в баню. Мы все закричали: «Ура, ребята! На фронт поедем». Мы помылись в бане и стали ждать, когда нас отправят на фронт. Выделили нам новое обмундирование: новые английские ботинки, новые портянки, новую рубашку и кальсоны, гимнастёрку с брюками, шинели новые. День дали на подготовку, чтобы обязательно был белый воротничок на рубашке, перешли пуговицы, где надо.

В один прекрасный день рано утром нас подняли, построили и отправили на вокзал, который был в двух-трёх километрах от нас. Нам сказали идти свободным шагом, не шуметь, не разговаривать, чтобы тишина была. Мы вышли из казармы на главную улицу, которая вела на вокзал. Улица вся была заполнена жителями, они вышли нас провожать.

Когда мы уже подходили к вагонам, наши запевалы запели: «До свидания, города и хаты». И мы подхватили.

Тут же прозвучала команда: «Прекратить!» Но жители поддержали нас: «Пусть поют». Пришли мы на вокзал, нас рассадили по вагонам. Состав пришел из Вологды, в вагонах уже были те, кого выписали из госпиталя.

Состав был очень длинным, конца было не видно. Нас повезли. Нам выдали сухой паёк, он был небольшой: пока доехали, уже ни крошки не осталось. Мы приехали в Псков рано утром, нас разгрузили, проверили, что все на месте, передали другим. Среди нас были стрелки, миномётчики, пулемётчики, артиллеристы.

7 августа стояла жара. Кто-то успел поесть, а мы (на троих) котелок поставили на огонь, стали варить кашу. Вдруг начался налёт вражеской авиации. Нам скомандовали: «Забирай всё и разбегайся!» У нас еще крупа закипеть не успела, мы схватили котелок и бросились бежать.

Когда налет кончился, всех собрали, построили, проверили, и мы пошли вперёд маршем. Поесть пришлось на ходу. Пришли в какой-то тёмный лес ночью и становились. Мы разбрелись по этому лесочку и уснули. Все очень устали и спали в лесу до утра.

Утром всех подняли и проверили: все целы, никто не пропал. Затем мы прошли километров 5-6, вышли на поляну. Там нас построили, стали распределять, сколько куда пулемётчиков, миномётчиков, пехотинцев.

Нас трое друзей было, один попал в одно место, другой – в другое, а я всё ещё оставался в строю. Кто-то стал перебегать из строя в строй и меняться.

Прозвучала команда: «Отставить всем. Встать на место». Все встали на свои места. Затем скомандовали: «3 миномётчика выйти из строя». Вот мы трое и вышли.

Снова команда: «3 пулемётчика выйти из строя», – и вышли трое солдат.

Так всех распределили и повели в сторону палаток. Нас накормили, и мы легли отдохнуть. Поспали, а вечером разобрали оружие, винтовки, патроны и гранаты. Часов в 12 ночи нас подняли и направили на передовую.

Помню, как под горку шла очень длинная колонна. Когда пришли на место, увидели 82-миллиметровый миномёт и одного человека около него. Командовал старший сержант. Он сказал миномётчикам подойти, а мне поручил подносить мины.

Когда недалеко от нас «катюша» начала стрелять, мы даже попадали на землю. Над нами посмеялись: «Что испугались? Это же «катюша».

Мне приказали: «Ты будешь подносить мины». Мины лежали там, где подвода была. Я подбежал к ней, снял обмотку, замотал в неё 6 мин, по три с каждой стороны, и набросил на шею. Каждая из них весила по три с лишним килограмма. Еще в руки взял две мины. Так раз сходил, два сходил, снова пошёл – скинул шинель на куст. Потом отдышался и услышал стон.

Подошёл поближе и увидел солдата, лежащего на животе, у него кожа на спине была содрана, белеют позвонки и кровь течет. Видимо, осколком задело. Я ему сказал: «Где у тебя бинты?» Наложил бинты, рубашкой и ремнем затянул, сказал ему: «Некогда мне, за минами надо. Жди. Скоро санитары придут».

Я не должен был заниматься больными, ранеными, я должен был своё дело выполнять. Ранеными будут заниматься санитары.

Так я мины таскал три дня. Потом началось наступление пехоты. К нам подбежал старший лейтенант и сказал: «Что вы тут делаете? Пехота пошла, а вы тут окопались». И мы пошли вперёд.

Мне сказали отстать метров на 100-200. На мне мины, 6 штук, и в руках ещё мины и гранаты. Кутырев Лёнька ствол нёс, а Яшка нёс плиту.

Яша метров 100-200 прошёл – вдруг взрыв у него под ногами. Он погиб. Я его не видел, некогда было смотреть.

Немного мы не дошли, залегли – под обстрел попали. Я у Лёньки спросил: «Где Яшка-то?» А он говорит: «Его разнесло, вон плиту другой солдат взял».

Три дня мы миномётчиками были.

В очередной раз я пошёл за минами. Пришёл, а старший сержант Лёня Кутырев выходит из-за кустов и говорит: «Бросай свои мины». Я спросил: «Как бросай?» Он сообщил, что произошло прямое попадание, от миномёта ничего не осталось, а миномётчик погиб.

Нас с Лёнькой перевели в стрелковый взвод. Его к вечеру ранило, я его перевязал. Он сам ушел в медсанчасть. После войны я переписывался с ним, он сообщил, что жив остался и больше на фронт не попал.

Меня перевели в стрелковый взвод. Потом еще одного солдата присоединили к нам, мы с ним в атаку ходили. Два раза в атаку ходили, целые остались. Мы были неразлучны, вместе в атаку ходили. Везде убитые, раненые, а нас ничего не брало.

И вот пошли мы с ним в очередную атаку, я замахнулся гранатой и кричу ему: «Ложись, я гранату кидаю!» А когда я бросил гранату, он поднялся и сразу упал. Убили.

Я одну гранату бросил, вторую, потом в сторону отполз, приготовил винтовку. Вдруг страшная боль в бедре. У меня в сумке была граната и патроны. Я хотел взять гранату, а сумки нет. Смотрю - сплошное озеро крови. Осколок, который попал в меня, жёг сильно. Я надавил, и боль постепенно ушла.

Санитар крикнул: «Ползи сюда, в овраг». Я к нему пошёл, пригнулся. Выскочил старший лейтенант и говорит: «Марш назад, пристрелю!» Я повернулся и сказал: «Стреляй». Он ответил: «Марш тогда в овраг. Там тебя перевяжут». Я был

весь в крови. До оврага немного не дошёл, начали стрелять. Я бросил вещмешок и в овраг, но винтовку не бросил.

Перевернулся я и почувствовал, что в овраге вода, ручеёк течёт. Я к этой воде прижался, напился. Ко мне подошел пожилой солдат, сержант или старший сержант. Санитар взял меня за шиворот и сказал: «Хватит пить. Где у тебя ранение? Дай посмотреть. О, бог ты мой! Ложись».

Он меня забинтовал. Сознание я не терял.

- Можешь идти? – спросил он

- Да, вроде бы могу, – ответил я.

- Вылезай отсюда по краю опушки, там постройку увидишь. Туда пойдёшь, – сказал он.

Сколько шёл, я не знаю, но дошёл до дороги. По дороге ехала машина, я проголосовал, и она остановилась. На подножке стояли с одной стороны мужчина, с другой женщина. Я попросил: «Подберите меня». Они сказали: «Мы не можем. Мы на передовую. За дорогой санпункт».

Смотрю, оттуда идет старший сержант, а я уже теряю сознание. Он меня приподнял, дотацил, дал попить что-то вкусное. Я потерял сознание, вечером только очнулся.

Нас, троих, погрузили на подводу и повезли в полевой госпиталь. Один из нас был младший лейтенант, другой – из нашего взвода, он всё время стонал. Я говорил ему: «Не стони ты. Сейчас доедем, тебя перевяжут». Мы не доехали, наверное, с километр, он умер. Нас двое осталось. Младшему лейтенанту сразу руку ампутировали, а меня на носилки положили, осмотрели, обмотали, укол сделали.

Очнулся я только на второй день. Привезли меня в Псков в госпиталь, где раньше кавалерийская часть стояла. Там я пролежал дня 3-4. Потом нас погрузили в вагоны и отправили в Ленинград.

В Ленинграде я попал в госпиталь, стал ходить потихоньку, кость целая, не больно. Мне предложили напилить дров. Я попилил некоторое время, и опять кровь пошла. Женщина, которая раньше была санитаркой, посмотрела и сказала: «Да тебя увезти надо отсюда». Она вызвала полуторку. Меня не стали перевязывать. На полуторку погрузили и в госпиталь привезли. Там все повязки сняли, закурили в чистое, в новое. Я пролежал там 7 месяцев.

Потом начальник отделения сказал мне: «Тебе ходить надо больше. Если ходить не будешь, у тебя нога плохо срастётся, будешь хромать». Он назначил меня посыльным. Каждый день я относил почту из госпиталя в управление, которому они подчинялись. Так продолжалось до марта, а потом наш госпиталь расформировали. Каждый день понемногу перевозили, а потом сказали, что ближе к передовой поедem.

Мы ехали по Польше, но до Познани не доехали, а только до лагеря, где остановились 8 марта. Пока ехали, никто ни выходил из вагона, кроме меня. Я выходил на каждой остановке, потому что у меня был специальный документ. Я хотел узнать какие-нибудь данные о нашем поезде.

Потом мы приехали в Познань. Сопrotивлявшиеся немцы вскоре сдались. В городе открыли госпиталь. Слева от него было озерцо небольшое, справа – дорожка и дома. А нас, приехавших, человек 30-40 было, мы работали как санитары.

Местный поляк рассказал одному капитану о том, что недалеко находится небольшая группа немцев, сдавшихся в плен, и предложил их использовать для наведения санитарного порядка в госпитале. Вооружившись, мы пошли к немцам, быстро договорились с ними. В госпиталь привели 50-60 человек во главе с их командиром. Они начали белить, красить, мыть всё необходимое, устанавливать палатки.

Когда мы закончили обустройство госпиталя, нас всех перевели в другую часть. Меня хотели оставить, но я отказался, выразив желание дойти до Берлина. Так я попал в полк в роту автоматчиков. Сначала служил в разведке.

14 апреля провели разведку боем. Я был в роте автоматчиков. Направили человек 50-60 форсировать реку. Началась перестрелка с противником. Длилась она долго. Мы засекали огневые точки противника, наблюдали за ним.

Внезапно всё прекратилось, стало тихо. На следующий день тоже была тишина: ни мы, ни немцы не стреляли. А 16 апреля наши войска двинулись на вражеский берег.

Нашу роту посадили в 3 амфибии. По левому вражескому берегу был открыт ураганный огонь. Сначала немцы растерялись, а потом хватились и тоже начали стрелять. Мы же по воде устремились вперёд. Снаряды рвались со всех сторон, но мы форсировали на амфибиях водную преграду и

выехали на берег. Амфибии открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов по появившимся немецким самолетам.

Высадившись на берегу, мы, рота автоматчиков, двинулись вперед, зачищая территорию от противника. 17 числа мы выбили противника с занимаемых позиций и закрепились на отвоёванном плацдарме. Спать нам не дали, всю ночь укрепляли оборону. А 18 апреля 2-й Белорусский фронт примерно в 6 часов перешёл в наступление, он был ниже по течению реки. Потом на нашем участке в наступление перешли и мы. В бою я двух пленных взял, пожилого мужчину и парня лет 15, оба были с автоматами. Они из окон жилого дома обстреливали наших солдат.

20 числа мы двинулись вперёд. Нашу роту автоматчиков ночью решили использовать для прорыва обороны противника. Мы ночью перешли линию фронта и устремились вперёд к нескольким впереди стоящим домам, в которых находились немцы. У нас была задача взять эти дома.

И тут у меня «искры из глаз посыпались». Стукнуло меня чем-то по голове. Через кусты, в которых я лежал, артиллеристы передвигали пушку. Они меня хотели просто оттащить, но я застонал.

Меня перетащили в дом и посадили в уголке. Утром голову мне перевязали, а ногу нет, в ботинках у меня были лужи крови. Потом кто-то спросил: «Он живой ещё или нет?»

Подошёл солдат, а я пошевелился и сказал, что живой ещё. Мне перевязали ногу и посадили в кузов машины, гружённой снарядами гильзами. Сверху от меня находились ящики, один из них упал и ударил меня по голове. Я заорал, машина остановилась, ящик спустили вниз, а меня посадили повыше, на место, где стоял этот ящик.

Недалеко мы отъехали и остановились. К нам подошёл майор и сказал, чтобы я слез вниз. Я не послушался и остался наверху. Шофёру уже махнули рукой, чтобы он ехал, а я так и остался наверху.

Подъехали к парому. И тут начался налёт немецких самолётов.

Мы поехали в госпиталь, там я пролежал дня 2-3. Ещё под обстрел попадали.

Потом нас, раненых, собрали и повезли в Познань, где был не только наш госпиталь, но и другие. У меня было ранение в голову.

Когда нас выводили из вагонов, я сказал, что мне нужен госпиталь 27- 63. Мне сказали, что я попаду в другой, потому что у меня ранена голова, а туда только с ранеными руками и ногами попадают. В этом госпитале я недолго пролежал. Меня отправили в Харьков.

В Харьков мы прибыли днём. Нас привезли, разгрузили, мы прошли комиссию. А ночью послышался шум, женщина очень громко кричала.

Услышали на улице стрельбу, везде свет горит, а она кричит и кричит: «Победа! Война закончилась!»

Потом дежурная сестра нам объявила о Победе.

Госпиталь расформировали, а нас отправили на станцию Покатиловка. Поселили нас и врачей в пустовавших станционных домах, жителей которых немцы угнали в Германию. Здесь был создан новый госпиталь.

Потом мы работали в подсобном хозяйстве. Картошку полости и фасоль, а когда уже подсолнухи спеть начали, мы стали охранять плантации подсолнечника. Поле там было километра два в длину.

Однажды приехал офицер и забрал всех свободных от дежурства солдат. Оказалось, что этих людей набирали в команду, а потом отправляли на Дальний Восток.

На другой день я приехал, и старшина спросил меня: «Ты почему где-то спрятался?» Я ответил, что находился на дежурстве. Меня записали в ту же группу, которую отправили. Это было в октябре или ноябре.

Нас погрузили в вагоны и привезли в город Городец Куйбышевской области. Там располагался учебный автополк, всех выздоравливающих забрали учиться на шофёров. Этот полк всю войну готовил водителей по трехмесячной программе подготовки. Вскоре поступил приказ о передислокации автополка. После погрузки нас переправили на правый берег Волги. Там мы поставили палатки, в которых и жили. Еще холодно было.

Потом посадили нас всех в эшелон и повезли в какой-то город на Украине. Лето мы прожили там, а осенью нас перевезли в другой город в этой же области. До нас там пехота

была. Только мы расположились, как к нам поступили люди из других частей, их тоже учили на шофёров. Я уже тогда в штате автополка был.

В 1947-1948 годах нас собрали и послали в Каховку. Наши 23 автомашины возили зерно в совхозы. Мне предложили стать инструктором в автошколе, но я отказался, решив дальше возить зерно в Каховку. За рулём по 2, по 3, иногда и по 4 рейса. Кормили нас хорошо, ночевали мы в большом тёплом сарае, там нары сделали. Когда закончили перевозку зерна, нас всех проводили, объявили благодарность.

Потом нас отправили в Молдавию. Там мы пробыли одну неделю в каком-то населённом пункте. Встречали нас люди хорошо, кормили, угощали. Позже мы там возили сахарную свёклу. Через некоторое время наша часть переехала в другое место. В этой области тоже набирали людей в состав водителей.

В 1948-1949 годы мы прошли переподготовку на автомехаников в этом училище. Летом я сдал все экзамены, мне присвоили звание «старшина». Приказом предоставили отпуск, а документы собрали в пакет и отправили во Львов в другую часть.

На новом месте мне сказали: «Покажешь себя, тогда в отпуск поедешь». Таких новичков, как я, оказалось несколько человек. Нас проверили, дали задание отобрать водителей, которые разбираются в машинах.

Потом из штаба последовал приказ о том, чтобы старшину, сержанта и старшего сержанта допустить до работы по формированию учебной роты. Мы набрали учебную роту и приступили к учебным занятиям.

После Нового года получили на роту новые автоматы, причём происходило это ночью. За оружием ездил только сержантский состав. Полученные автоматы складировали в углу оружейной комнаты, снабдив двери двумя новыми замками. Оружейную опечатали и поставили часового.

Потом последовал приказ о расформировании части, и нас распустили. Мне хотели присвоить звание младшего лейтенанта, но я отказался, ссылаясь на предстоящую демобилизацию и пожилых родителей, которые одни остались дома.

В 1949 году я приезжал в отпуск в Кемерово к родственникам. Там ко мне подошёл капитан, который предложил мне помочь переучивать фронтовиков-офицеров на гражданских водителей. Я согласился.

По возвращении из отпуска меня вызывали в штаб полка и спросили: «Был в Кемерово?» Я дал положительный ответ и поинтересовался: «В чем дело?» Мне сказали, что оттуда пришел запрос на меня, а я нужен здесь. Меня не отпустили.

В 1950 году меня демобилизовали, и я в августе приехал в Кемерово. Встал в милиции на учёт. Мне сказали, что у них нет участкового, предложили мне стать им. Я отказался. Меня 10 дней не регистрировали и забрали документы. Вскоре мне вернули документы.

Мой дядя в Рудничной автоколонне работал. Он предложил мне работать водителем в автоколонне, я согласился. Принимал участие в строительстве коммунального моста через реку Томь, осуществлял доставку строителям гравия.

Вскоре открыли при местном техникуме вечернее отделение, готовившее автомехаников, и я поступил туда учиться.

После окончания техникума меня перевели в отдел эксплуатации работать инженером. В это время я женился, родились дети, стали возникать финансовые проблемы. В связи с низким окладом, пришлось оставить работу в отделе и в 1956 году устроиться водителем на созданную Кедровскую автобазу, где я проработал до 1960 года. Стал членом партии.

В результате реорганизационных мероприятий вновь оказался в автоколонне Рудничной автобазы. Позже директор нашей Рудничной автобазы предложил мне возглавить партийную организацию автобазы.

Партийная организация автобазы насчитывала в своих рядах более 50 человек. Я дал согласие, и меня в 1971 году избрали секретарём партийной организации автобазы. Почти 7 лет я руководил партийной работой на нашем предприятии.

Подобрав себе замену на партийной работе, в 1977 году я возглавил отдел кадров автобазы и проработал в этой должности 7 лет. Потом вышел на пенсию.

Год я не работал, потом стал работать на лыжной базе Кузбасского политехнического института.

Я награждён медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны 2-й степени и юбилейными медалями.

На войне двоюродный брат погиб под Ленинградом, а родной – под Воронежем.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Долгих Павел Андреевич

и

Казора Максим Александрович

*студенты 1-го курса Кузбасского
государственного технического
университета имени Т.Ф. Горбачёва*

Раков Сергей Иванович

Я не жалею, что решился поехать в Чечню

Я родился 14 октября 1981 года в селе Липовка Ардатовского района Горьковской области.

В 1997 году окончил 9 классов общеобразовательной школы. Осенью 1999 года был призван в армию. О конфликте в Чечне уже знал.

Год и три месяца отслужил в поселке Лебяжье Ленинградской области в стрелковой дивизии, после чего в феврале 2001 года я и несколько моих сослуживцев попросили командование отправить нас служить в Чеченскую Республику.

Помню дорогу на новое место службы: из Санкт-Петербурга летели на самолете. Из-за плохой погоды экипаж был вынужден совершить посадку в родном Нижнем Новгороде.

А у меня не было даже телефонных номеров родных при себе, чтобы позвонить им и увидеться. Так и просидели до следующего дня в аэропорте, утром вылетели в Моздок, а оттуда на вертолете нас переправили в село Курчалой.

В первый же день меня одного поставили на пост в ночной дозор. Было и без того страшно, а тут вдруг кто-то запел песню громким голосом на незнакомом языке – я совсем оробел. Только утром мне объяснили, что это мусульманские молитвы, доносящиеся из курчалоевской мечети. В своей деревне никогда не слышал такого.

Это было первым впечатлением от Чечни.

Через два дня нас переправили на заставу, откуда расформировали по ротам так, чтобы в каждой был снайпер.

Только 27 февраля 2001 года я, вместе с другими еще неизвестными мне ребятами, прибыл на место прохождения службы – в поселок Новые Атаги Шалинского района. Вскоре после прибытия мы узнали, что льгота «день за два» отменена, и в Чечне мы пробудем вдвое дольше, чем планировали, но пути назад уже не было.

В Атагах моей прямой обязанностью стало прикрытие ОМОНовцев во время спецопераций, выставление заслонов для обеспечения безопасного движения автоколонн, охрана больниц, школ, детских садов, рынков, постов ГАИ.

Нас разместили на территории заброшенного птицекомбината. Спали на деревянных двухъярусных кроватях, ели, что привезут свои или что принесут местные. Особенно вкусен у них был кукурузный хлеб – белый, мягкий, душистый. Но такое счастье нам выпадало нечасто, обычно питались картошкой, тушенкой, макаронами, которые готовили в столовой-палатке на дровах, которые заготавливали сами. Иногда провизия запаздывала, тогда и каша на воде была нам в радость.

Пробыл я в Атагах недолго, чуть более двух месяцев, именно там я впервые столкнулся с боевиками.

Вечером 10 мая начался обстрел. Мы, уже обученные, но еще не бывавшие в перестрелках, вышли из конфликта без потерь. Прямого столкновения не произошло, отстреливались из-за заграждений и укрытий. Только легкие ранения и испорченное имущество да несколько царапин на домах местных жителей говорили о минувшем.

В начале лета нас снова переправили – на этот раз в село Октябрьское Веденского района. Здесь служба пошла спокойнее.

Удивляла и радовала природа. Горы совсем рядом, чистый воздух, постоянно солнечные дни, поля кукурузы, растущие на улицах грецкие орехи – мне все было в новинку.

На протяжении лета и в начале осени стояла изнуряющая жара, днем почти всегда температура воздуха была выше 40 °С, купаться было негде, да и некогда. Как-то раз пробовали соорудить колодец, чтобы хотя бы добраться до воды,

выкопали яму глубиной около пятнадцати метров и ничего не нашли - грунт там тяжелый, каменистый, земля иссушенная.

А еще у нас был зиндан – вымощенная камнем тесная яма, глубиной около пяти метров. Внутри зиндана было холодно даже в очень жаркие дни. Туда военнослужащие попадали за провинности: за самовольное отлучение из части, за пререкание, непослушание, трусость. Обычно рядовой находился в зиндане три дня, но бывало и больше. Я туда ни разу не попадал, но те, кто хотя бы раз отсидел в этой яме ночь, своих ошибок больше не повторяли.

Армейский распорядок дня не давал расслабиться: мы были заняты с раннего утра до позднего вечера.

Мы не ходили в увольнения, было слишком опасно покидать территорию части. Писали письма домой – дважды в месяц ходила машина, чтобы отвозить и привозить письма.

Иногда, в редкие свободные часы, играли в футбол с местными ребятишками.

Взрослые чеченцы нас недолюбливали. Оно и ясно – мы воспринимались оккупантами. Мало кто понимал, что российские военные здесь для их собственной защиты.

Бывало, приходили чеченские женщины и со скандалом требовали обратно своих мужей, сыновей и братьев, которых забрали по подозрению в связи с боевиками, но мы ничего не могли им сказать. Часто такие подозрения были небезосновательны: постоянно выявлялись все новые и новые сообщники террористов, а также обнаруживались подпольные склады оружия в сельских домах мирных жителей.

Саперы из нашей части обезвреживали на дорогах мины, заложенные террористами, снайперы просматривали маршруты, обеспечивая безопасность автоколонн, уничтожая вражеских стрелков.

Из всех пятидесяти служащих за всё время моего пребывания ни один не был ранен серьезно, поэтому лечение нам требовалось крайне редко. Врач, безусловно, был, но болеть было некогда – война. Медикаментов, как и боеприпасов, было достаточно. Патронов был целый склад.

Вооружены были по-разному: кто автоматом, кто пулеметом, кто винтовкой. Часто бывали на стрельбище – тренировались, чтобы не потерять навык.

Под чьим мы были командованием, вспомнить не могу. Служба была срочная, командиры менялись каждые полтора-два месяца. Я лично успел послужить под началом пятерых, что говорить о тех парнях, что пробыли в Чечне не девять месяцев, а намного дольше.

Часто до нас доходили вести об обстрелах боевиками наших военнослужащих на дорогах, в селах и городах, мы видели российские вертолеты, обстреливающие склоны гор.

Шла война, о которой сейчас так мало говорят.

Я не жалею, что решил поехать в Чечню. Всё, что там происходило, стало для меня бесценным опытом. Служа в Чечне, я узнал, какова цена свободы и человеческой жизни.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Лысова Юлия
Дмитриевна**, студент 1-го курса
факультета архитектуры и дизайна
Нижегородского архитектурно-строи-
тельного университета*

Решетников Василий Васильевич

Бомбили Берлин в сентябре 1942 года (продолжение, начало в 17-м томе)

Воздушная операция по глубоким тылам подходила к концу. На очереди был Бухарест, но Василий Гаврилович часть экипажей уже переключил с дальних целей на сталинградском направлении и готовил полк для перелета на оперативный аэродром Рассказово, поближе к району боевых действий, поскольку из Серпухова мы успевали сделать за ночь всего лишь один вылет, из Рассказово можно было сделать и два. Мне командир приказал сначала отправиться на Московский авиазавод за новой машиной и перегнать ее поскорее в полк. «Твоей она и будет», - заключил он.

Мою прежнюю, «берлинскую», уже принимал молодой экипаж.

- Товарищ капитан, как же вы попали в этот полк? - настал черед снова задать мне тот же вопрос.

- Да так, как всегда. Вызвали в штаб и вручили предписание. Требуют, мол, по указанию Управления ВВС. Сдал эскадрилью - и сюда.

В ту пору рабочий народ жил, мягко говоря, голодно, и ехать на завод с пустыми руками было неловко. По нашему кличу, летный состав вытряхнул все свои «продовольственные запасы», кое-что удалось купить, не поспешила и столовая. Теперь можно и в путь. На рассвете Глеб Баженов на своей

боевой машине доставил нас на заводской аэродром и сразу же улетел.

Заглянули в сборочный цех. Там стоял оглушительный грохот и визг металла. Пожилые рабочие и женщины разного возраста в деловой сосредоточенности работали возле рождающихся машин. Такая картина показалась бы вполне обычной на любом заводе и в мирное время, но здесь на клепальных, слесарных и подсобных работах рабочими были мальчишки в возрасте 10-15 лет. Было немножко жутковато.

Увидев летчиков, они отвлеклись от своих дел и чуть вразвалочку, со слегка напускной чинностью людей рабочего сословия, подходили к нам и, застенчиво улыбаясь, протягивали расправленные дощечкой, еще хрупенькие, все в ссадинах, порезах и вьёвшейся производственной черноте ладошки, чтобы поздороваться по-мужски, со встряской.

Курили они все, и тут было бы глупо отговаривать их от этого. Наш табак перекочевал в их карманы, и для начала знакомства все разом и густо задымили. Не ожидая злющей крепости, те, что поменьше, закашлялись, глаза их заслезились, но они быстро пришли в себя и с видом знатоков стали похваливать «добрый табачок».

Постепенно начался дружеский, на равных, разговор, и тут мы, как смогли, разделили между ними шоколадные плитки, сахар, хлеб, колбаски. Всем досталось понемногу, но и это было для них огромной радостью. Теперь они опять стали детьми и уже не изображали рабочий класс. Отцы их были на войне, но от многих давно не приходили вести, у других отцов уже не было - пришли похорожки. А матери почти у всех работали тут же, в цехах завода. Ребята просились с нами на фронт, уверяя, что могут стрелять и ходить в разведку не хуже настоящих солдат.

Наш новенький «Ил-4» был готов, и, приняв его по всем правилам, мы поднялись в воздух. Сделав над заводом пару контрольных кругов и убедившись, что самолет ведет себя вполне нормально, а его системы в рабочем состоянии, взяли курс на Серпухов.

Аэродром был пуст. Не мешкая, прихватив оставшихся техников и штабников, улетели в Рассказово и мы. Там уже шла размеренная жизнь. Полк успел расположиться, получил задачу, заканчивал подготовку к боевому вылету. Пришлось

догонять. В ночь того же дня мы успели «сработать» пару ударов по опорным пунктам переднего края обороны противника. Теперь так и пошло: по два вылета в ночь, с высоты 2000 метров - то по укрепленным районам, то по войскам на переднем крае у окраин Сталинграда.

Работа была ювелирной. Бомбы рвались в непосредственной близости от наших войск, но ни одна и ни разу не задела своих. Передний край и знаки целеуказания, по договоренности с наземными командирами, войска обычно обозначали кострами и маркировали ракетами. Иногда цели «подсвечивал» огонь артиллерии. Но на этот раз нам преподнесли что-то новенькое. Так сказать, сюрприз на уровне комфорта.

На подходе к району боевых действий каждую волну бомбардировщиков встречали две пары мощных вертикальных прожекторных лучей, «штыками» вонзавшихся в небо и как бы образующих входные ворота, куда устремлялся весь поток воздушных боевых порядков. Это сразу вселяло уверенность в точности выхода на цель и снимало невольное беспокойство за безопасность наших войск.

Первая пара лучей была неподвижной. При приближении ко второй, ее «штыки» медленно и наискось друг к другу наклонялись в сторону противника, вплотную прижимаясь к земле, и перекрещивались точно над нашей целью. Туда, в это светлое перекрестие, и сыпались бомбы. Потом «штыки» поднимались в небо, встречали новый поток и снова крестом ложились на цель. Объекты удара находились порой так близко к переднему краю, что сброс происходил фактически над нашими войсками, но, по траектории падения, бомбы падали вперед и взрывались уже в расположении противника.

Наземные связисты из группы взаимодействия по секрету рассказывали, как на наблюдательных пунктах в минуты наибольшей интенсивности крушения целей, взрывная волна била прямо в грудь, аж пошатывая. Фронтовые командиры временами поддавались нервному смятению, полагая, что наши бомбардировщики бьют по своим. На передний край, гонимые оробевшим начальством, стремглав мчали авиационные командиры и, удостоверившись, в чем и без того не было сомнений, во вполне благополучном для наших войск

течении бомбежки, успокаивали, как могли, вставших в заблуждение военачальников.

Оборонялся противник в основном «эрликонами» и еще какой-то зенитной техникой. Но их накрывала фронтальная артиллерия, и они на время умолкали, а ожив - все повторялось сначала.

На ближних к фронту рубежах полета бомбардировщиков носились немецкие истребители. Иногда в лунном молоке прочерчивались встречные пулеметные трассы, но большей частью с дальних дистанций и без взаимных результатов.

Полная луна в ту пору так ярко освещала ночную землю, что трудно было побороть соблазн приблизиться к земле. Я не раз в этих рейсах приспускался к самой земле, чувствуя это стремительное скольжение над нею. Но однажды Митрофанов произнес: «За нами идет истребитель». Тишина сменилась скороговоркой команд. Ребята ухватились за пулеметы. Мои пальцы туго сжали баранку штурвала.

Подворачиваю влево.

- Где он?

- Чуть отошел в сторону.

Подворачиваю еще больше.

- А теперь?

- И он подвернул. Вроде как идет наперерез.

Вот гад! Беру прежний курс.

- Теперь, — говорит Митрофанов, — он опять идет нам в хвост.

Штефурко добавляет:

- Похоже, сближается.

Что за черт? Да где же он? Я посмотрел назад и попытался сам рассмотреть его. Да, как будто идет, тянет за нами, каким-то огоньком светит. Мы чуть влево - и он в сторону, мы вправо - и он тоже.

- Да это ж звезда! — заорал я со злости и добавил кое-что из непереводаемого с русского. Крупная, яркая звезда на южном небосклоне, она среди немногих тусклых звезд при малейшем смещении самолета казалась живой, подвижной, вгоняла в сомнения стрелков-радистов, и не только их. Так можно и опасную глупость сотворить, уходя от её навязчивого «преследования».

Теперь лунный пейзаж начисто утратил свою привлекательность, и мы стали набирать высоту.

Заканчивался сентябрь. Работы - невпроворот. Были вылеты в любое время суток. Нас требовали на передовой то на одном участке фронта, то на другом. Строго говоря, это работенка для штурмовиков и ближних бомбардировщиков, но их в воздушных армиях было маловато, а ночников среди них вообще не было.

С запада через железнодорожные узлы и станции день и ночь шли эшелоны немцев с войсками и вооружением. Их перегоняли из Германии, снимали с других фронтов и везли эту несметную силу к Сталинграду. До них, кроме нас, никому не дотянуться. Из Рассказово мы возвратились в Серпухов и оттуда веером по два вылета в ночь, бомбили эти поезда то на дальних подходах, то на ближних подступах.

Тут картины были погорячей и посуровой. В прозрачную темную ночь с одной точки одновременно были видны огни станционных пожаров с белыми всплесками взрывов в Минске, Смоленске, Орше, даже Могилеве и Витебске. Под нашими ударами немцы несли немалый урон, но и их оборона с каждым днем становилась для нас все опаснее, а Брянск и Смоленск стояли как крепости. Там небо кипело и никому не обещало удачи. Гуще пошли потери.

В октябре не вернулись с боевого задания Панкратов, Лакомкин и Лысенко. Бесследно исчез опытнейший экипаж Медведева. От цели ушел горящим Словесник. Вёл машину, пока её покидал экипаж, самому не хватило высоты, и он сгорел при посадке на лес.

Сбитые над Брянском тянули на последних остатках летучести к окружавшим его на огромных площадях лесным партизанским владениям и через день-другой возвращались на свои аэродромы. По-иному было на Смоленщине - места здесь большей частью открытые, были густо «населены» немцами, да и полициями хорошо нашпигованные. Тут немногим светило везение. В плен попадали редко, чаще всего погибали. Выбирались единицы.

На фронтах в районе Сталинграда не стихали воздушные бои. Наши бомбардировщики и штурмовики с рассвета до вечерней зари набрасывались на немецкие аэродромы. При почти равном количественном соотношении сил и пока еще

при качественном преимуществе фашистской авиации вырвать господство в воздухе можно было только невероятным, нечеловеческим напряжением сил, но сделать это нужно было во что бы то ни стало.

Наши самолёты наносили удары по группировкам бомбардировщиков, которые базировались на самом большом расстоянии от фронта. Эти аэродромы, особенно стационарные, были прикрыты ничуть не хуже крупных железнодорожных узлов. Не каждому удавалось долететь к ним без повреждений. Эти цели, в отличие от крупных площадных, были сложнее. Тут меткость удара должна была быть более высокой, чтобы попасть в самолетные стоянки.

Не проще были бомбардировки складов горючего и боеприпасов. Высота удара была ниже, а значит, и ближе к стволам зенитной артиллерии.

Если самолеты стоят рядышком, крыло к крылу, то один подожжешь и запылают и соседние. Но чаще они разбросаны по полю, находятся в капонирах, и уничтожить их можно только РРАБами. Пожары вспыхивали в разных углах аэродрома, но не так густо, как хотелось бы, а сколько повреждено самолетов, которые не загорелись, мы не знали. Удары по одним и тем же аэродромам приходилось повторять, поскольку ввод в строй взлетной полосы и стоянок занимал у немцев не так уж много времени.

Напряжение боевых действий возрастало все больше. На бомбежку вражеских аэродромов полк выходил из ночи в ночь.

Не стал исключением день 25-й годовщины Октябрьской революции. В ту ночь, с седьмого на восьмое, не вернулся с боевого задания экипаж комиссара Алексея Петровича Чулкова. Хотя и был он по штату комиссаром Уругинской эскадрильи, своим комиссаром считал его весь полк, вызывая невольную ревность у других, в том числе и полковых, но нелетающих политработников.

Алексей Петрович Чулков больше был известен как прекрасный боевой летчик. Прошел он советско-финскую войну. Счет его боевых вылетов пошел на вторую сотню. Летал он наравне с нами, взлетать любил первым, место впереди эскадрильи считал своим.

Чулков после бомбежки оршанского аэродрома уже шел домой и был в получасе от своих, как вдруг начал сдавать правый мотор: забухтел, закашлялся, пришлось выключить. К линии фронта они подлетали уже на очень малой высоте, но Алексей Петрович и его неизменный штурман Григорий Чумаш увидели в районе Калуги площадку базирования наших истребителей и с ходу решили садиться.

Ночью такие аэродромы не работают и даже не имеют средств ночной посадки, но площадки дежурного «Т» горели. Вдоль полосы приземления Алексей Петрович зашел удачно с некоторым перелетом. Аэродромчик был крохотный, для маскировки обставлен стожками, макетами животных. Когда самолет оказался на самом его краю, стрелки-радисты, увидев этот «сельский пейзаж», в один голос заорали: «Ложный аэродром!» Но было уже поздно. Левый мотор на полном газу тащил машину дальше, но вернуть потерянную скорость и высоту, да еще при одной неубравшейся стойке шасси, он был не в силах.

На развороте, за пределами аэродрома, самолет задел крылом за сосны, провалился к земле и загорелся. Там и сгорел.

В огне погиб Чулков и радист Дьяков. Превозмогая боль от ушибов и ссадин, через турельное кольцо выбрался стрелок Глазунов, но сквозь огонь пробиться к командиру не смог.

Гриша Чумаш был выброшен из своей разбитой штурманской скорлупы и при падении в двух местах сломал в бедре ногу. Он отполз подальше от огня, забинтовал кусками белья кровоточащие раны и стал ждать помощи. За ним приехали с аэродрома. После многочисленных операций нога заметно укоротилась, и с летной работой пришлось распрощаться.

В конце года Алексею Петровичу Чулкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Летал я в те дни много. Душа была взъерошена, нервы напряжены, но внутренняя собранность и трезвый рассудок меня не покидали. Экипаж был хорошо слетан. Петя Архипов бомбил спокойно, без промахов, и мы редко возвращались с задания, не оставив цели без видимых следов поражения.

В хорошую ночь, когда на обратном пути нам ничего не угрожало, в наушниках тихо и осторожно, на высоких нотах,

звучала мелодичная песня — мягкая, спокойная, видимо, родившаяся в самой глубине России. Петя всегда начинал с нее:

Что ты затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?

Песни в полете были хороши тем, что с ними время шло быстрее и под утро, в мерном гуле моторов, нас, поющих, не так сильно тянуло в сон.

Вышло так, что в течение последних нескольких десятков боевых вылетов, несмотря на еженощное «купание» в кипящих котлах немецкой зенитной обороны, не говоря о попутных обстрелах, а иной раз и истребительных наскоках, нас ни разу не задела ни осколком, ни пулей. У нас не было абсолютно никаких гарантий на благополучный исход любого очередного полета, но пока судьба была к нам благосклонна. Кто-то из политотдела назвал наш экипаж «неуязвимым», но уязвимыми мы были. Да еще как! Не раз бывало. Случайная и непростительная ошибка в бурную ночь на исходе осени 1942 года не в счет, но и она могла оборвать бег моего времени.

На подходе к аэродрому я попал в сильнейшую болтанку. Холодный фронт гнал с севера рваные клубящиеся тучи, и слабая луна только усиливала это мрачное и суровое зрелище. Самолет валился с крыла на крыло и, независимо от моих усилий, то кидался вверх, то куда-то проваливался. Приборные стрелки, как очумелые, носились по циферблатам, и за ними лучше было не гоняться, а положиться на более спокойную индикацию планки авиагоризонта. Цепко следя за нею, я вполне уверенно шел в облаках, постепенно теряя высоту.

Планка, как полагается, застыла чуть выше неподвижного индекса и некоторое время держалась спокойно, но затем медленно стала двигаться вверх, показывая, что самолет переходит на слишком крутое снижение. Естественной реакцией было чуть взять штурвал на себя, но планка продолжала смещаться, и, пытаясь остановить это уже почти пикирование, я потянул штурвал с силой, даже сверх меры. Но планка не отреагировала.

В ту же секунду меня охватило тревожное предчувствие неотвратимой беды - стрелка скорости ползла к нулю, а высота

застыла. Но было поздно. Моторы внезапно остановились, и я почувствовал, как самолет клюнул вниз и качнулся вправо. Штопор! Что я натворил?

На выручку пришла школьная наука: педаль, противоположную штопору, вперед до отказа, штурвал (за «нейтрально») от себя и ... ждать. Самолет должен войти в режим вращения и только после двух-трех витков, а то и больше (все-таки это бомбардировщик, а не истребитель) может выйти из него. Но хватит ли высоты?

Жуткая тишина, шипящий воздух. Ребята запаниковали и, еще ничего не понимая, наперебой окликали: «Командир, командир!» Я, стиснув зубы, мертво держал рули и ждал до последнего мгновения, когда ими можно будет воспользоваться, надеясь, что мы успеем и не врежемся в землю.

Вышли, вращаясь, из облаков. Прямо перед глазами проплыла на темно-сером плато черная заросшая лощина. Высота на исходе. Осторожно повернул штурвал влево и почувствовал, как за ним потянулось крыло. Взял на себя - нос приподнялся. Тяну смелее. Самолет послушно пошел за рулем, прекратил вращение, и, когда метрах в ста, а может, и пятидесяти, выровнялся, моторы дружно забрали и потянули вперед.

Авиагоризонт был мертв. Планка его забила под самый верх, перекосилась и застыла. Отказал, проклятый, но так коварно - плавно и постепенно, будто с ним ничего не случилось.

- Ну, чего вы, ребята? Все в порядке, - только и смог проронить я.

Все погрузились в полное молчание.

Вошел в круг. На берегу, за Окой, кто-то горел. На земле узнал - Иван Шубин. Молодой и у нас недавно, но хороший летчик. Передал, что его подбили. Из облаков вышел с горящим мотором и в районе третьего разворота - прямо в землю.

Я зарулил на стоянку, но, сойдя на землю, вдруг почувствовал в теле незнакомую слабость, апатию ко всему на свете, чуть ли не сонное состояние. Ноги мои обмякли, и я растянулся под крылом на жухлой траве, тяжело задышал.

Пропади все пропадом! В ту минуту я не смог бы снова подняться в воздух.

Ребята курили в сторонке.

Потом все сошло, а после ста граммов водки к завтраку почти забылось.

Под вечер экипаж получил новое задание, а над соснами, в бору, где было наше жилье и стоял штаб, неслись все те же тяжелые тучи и холодный ветер не собирался стихать. На аэродром с экипажем я уехал пораньше. Самолет был заправлен и готов к полету. Авиагоризонт стоял новый, в люки заканчивали подвешивать бомбы.

- Бомбы снять, — скомандовал я.

Оружейники недоуменно переглянулись.

- Снимайте, снимайте. Так надо.

В самолет я сел с каким-то злым азартом. Легко взлетел и сразу вошел в облака. Швыряло, как и в прошлую ночь. Протянул немного к линии фронта, вернулся и, открутив несколько глубоких виражей, убрал газ, пошел на посадку. Душа была на месте, настроение взвилось, ребята стали разговорчивей, откликались на шутки, вворачивали свои.

- Подвешивать бомбы, пойдём на войну!

О моем срыве в штопор, кроме экипажа, не знал никто.

В декабре в полку неожиданно появился воздушный стрелок из моего предыдущего экипажа. Это был Алексей Неженцев. Почти полгода я ничего не слышал о нем, о штурмане Алексее Васильеве и радисте Николае Чернове.

Неженцев хорошо помнил, как трудно было ему противостоять грозным броскам, держаться на месте, ухватившись обеими руками за раму турели, но последний момент в памяти не отпечатался. Обдуваемый встречным воздушным потоком, он очнулся в свободном падении и, быстро придя в себя, открыл парашют. Вероятно, в последний миг Алексей ударился головой о ребра кабины, потерял сознание, руки его разжались, и он был выброшен из самолета сквозь люк или, скорее всего, через разлом фюзеляжа.

Приземлился он в густом лесу. Шел сильный ливень. Он переждал ночь, а утром пошел искать своих. По пути набрел на разбитый, еще дымившийся «Ил-4», но этот был не наш. К концу дня, проплутав по лесу, вышел к деревне и, увидев

мужиков, спокойно направился к ним, чтобы разузнать дорогу к линии фронта.

Это, по всем приметам, была деревня Брутово. Разоружив и обыскав, они связали Неженцеву руки и отвели в немецкую комендатуру. В тот же день он был доставлен в какой-то штаб. Состоялся допрос. Алексей сказал, что солдат и никакими сведениями не располагает. Дальше был плен. Сидел в лагерях Прибалтики, под Ригой. А в середине сентября, когда пленников перебрасывали на какие-то работы в Белоруссию, он и его товарищи ночью, перед рассветом, на ходу поезда выбили нижние боковые доски вагона и через эту щель выпрыгнули в темноту.

Рядом оказался мелкий лесок, в который бросились беглецы. Но, поскольку они выпрыгивали из поезда поочередно, то только пятерым удалось собраться вместе. Неженцев и его друзья были предельно осторожны и сумели выйти к партизанам, а затем с их помощью в октябре перейти линию фронта. Тут уж в работу вступила машина НКВД: сначала - особый отдел 4-й ударной армии, затем более месяца «просвечивали» в лагере под Торопцом и, наконец, с пересыльного пункта в Суздале под самый Новый год отпустили в полк.

Алексей летал стрелком-радистом и воевал до самой Победы.

23 ноября 1942 года 330-тысячная группировка фашистских войск под Сталинградом была окружена двойным кольцом. Внутреннее сжималось и дробило котел на части, внешнее сдерживало напор немецких армий, пытавшихся протаранить кольцо извне. Те, что внутри, сдаваться не собирались и, с отчаянием обреченных, бросались в контратаки, ища бреши. Завершить их разгром нужно было в кратчайшее время.

Наша АДД бомбила немецкие оперативные перевозки, тянувшиеся с резервами к фронту. Спустя неделю после нового, 1943 года наш полк занял полевою площадку в районе Камышина. Летный состав разместился в крохотной школе выселенной деревни Унтердорф немцев Поволжья, еще хранившей следы недавнего порядка и ухоженности.

До аэродрома было километров пять или шесть. Этот путь по занесенной снегами дороге мы преодолевали стоя, держась

друг за друга, на широких деревянных платформах, скользивших на прицепах за тракторами, то и дело буксовавших на крутых застругах.

Мороз с каленым ветерком пробирался сквозь нашу меховую одежду, ледяной ветер до синевы обжигал лица. На аэродроме дымили землянки - единственное убежище от холода. В промежутках между боевыми полетами мы сидели у раскаленных печурок перед очередным вылетом на задания.

Но трудно было понять, как выдерживали эту дикую стужу в куда более легком, отнюдь не меховом одеянии наши авиационные техники и механики, которые почти голыми руками снаряжали вооружением, заправляли баки, меняли цилиндры и свечи.

Когда самолеты взлетали, техники и механики не спешили к горячим печкам, а принимались за подготовку новых комплектов бомб и снарядов, подгонку бензовозов, подвозку баллонов со сжатым воздухом, чтобы, встретив вернувшиеся с боевого задания самолеты, как можно скорее подготовить их к следующему. С аэродрома не уходили - там же спали, там же ели.

Под Камышином начали с двух полетов в ночь, но через два или три дня перешли на три в сутки — и днем и ночью. Господство в воздухе советская авиация все-таки вырвала. Теперь воздушное пространство контролировали наши истребители, хотя днем без стычек с немцами не обходилось.

Спали мы мало, урывками, в душных, но с ледяными сквозняками, комнатах на двухэтажных нарах с соломенными тюфяками, порою не раздеваясь.

К вечеру 20 января на КП, вернувшись из второго дневного полета, во время доклада командиру полка о выполнении задания и готовности к вылету на очередное, вдруг подошел ко мне сбоку доктор Мацевич, взял за запястье а, когда я закончил доклад, обернулся к Василию Гавриловичу и произнес:

- Его никуда нельзя пускать. Он же больной!

Я запротестовал:

- Да что вы, доктор, здоров я!

Но он уже засовывал мне градусник под мышку, вынув его, удивился и я: под 39! Как-то само собой сразу спало нервное напряжение. Теперь я почувствовал невероятную

слабость, головную боль, ломоту в суставах и мышцах. Пришлось сдать. Прямо с КП Мацевич увёл меня в лазарет.

В небольшом домике было тепло и уютно. Мне не терпелось поскорее нырнуть в белые, как летние облака, простыни и хоть на немного погрузиться в иной мир - тишины и покоя. Облачившись в свежее бельё, послушно наглотавшись порошков и таблеток, я, наконец, добрался до этой небесной благодати и блаженно заснул. Спал очень долго. Утром подошел в прихожей к рукомойнику, наклонился и... с недоумением снова проснулся в постели. Надо мною молча стояли врач и сестра.

- Как я здесь очутился?

- Так ты ж упал в обморок, - сказала доктор, - хорошо еще голову не разбил. Лежи и не смей подниматься.

Через неделю я выздоровел. Мацевич настоял, чтобы мне дали пару недель отдыха, и я попутным транспортным самолетом улетел в Москву к Феде, он в это время был дома. Там я узнал о капитуляции немцев под Сталинградом.

Немцы сосредоточивали огромные силы для решающей схватки в районе Орла и Курска. Наша АДД снова обрушила всю свою ударную силу на срыв оперативных перевозок. Из-за этих наших ударов сроки начала наступательной операции немцы перенесли почти на месяц.

В конце марта среди обычных задач перед нами была поставлена непривычная, неожиданная, удивившая и даже смутившая нас задача - фотоконтроль! Обычно он поручался специализированным экипажам, а тут вдруг - нам.

Я знал, как это делается, но никогда, как и Архипов, не летал с фотоаппаратами на контроль результатов удара и не испытывал тяги к этому виду боевого искусства, поскольку в «холостом нападении», не приносящем противнику какого-либо материального или убойного ущерба, особой привлекательности не видел, предпочитая иметь дело с боевыми снарядами. Когда мы стали её выполнять, я только над целью (это был железнодорожный узел Конотоп) понял, какой особой выдержкой, железными нервами и боевой доблестью должен обладать ночной фоторазведчик, чтобы не упустить единственный шанс добыть ожидаемый в высоких штабах фотоснимок.

Весь кошмар был в том, что к фотоконтролю полагается приступать только после окончания бомбардировочного удара, когда от цели уйдут буквально все, а на тебя, единственного в воздухе, идущего по горизонту точно через центр цели и уже схваченного прожекторами, обрушивается огонь всей зенитной артиллерии, у которой есть время и прицелиться, и пристреляться.

Пока шла бомбежка, мы с Петром обсуждали, с какой стороны нам сподручнее начать боевой пролёт. Решили «резать» через самую середину узла. На обычном бомбометании я бы такого огня не выдержал, свернул бы в сторону и начал все сначала, а тут - за борт лучше не смотреть.

Медленно, выдерживая заданные интервалы, уходили из люков фотобомбы. Ушла и последняя, а первая еще не взорвалась. Когда же? Но вот все небо вдруг озарилось ослепительной вспышкой, за ней второй, третьей... Я считаю их, с нетерпением ожидая последнюю. Вот и она. Резко свернул в сторону, потом чуть в другую, изменил высоту, скользил на крыло - не давал прицелиться, но разрывы снарядов сопровождали нас. Сошло.

На смонтированных листах фотопланшетов был виден не только разбитый и еще горевший конотопский узел, но по всей полосе отпечатались пестрой рябью следы разрывов зенитных снарядов. Больше на фотоконтроль я не ходил и не просился.

Во вторую военную весну нашими целями опять были Данциг, Кенигсберг, Тильзит, Инстербург. С прошлого лета мы туда не летали. Мощная, хорошо организованная оборона немцев встречала нас и жестко противостояла нашему бомбардировочному напору.

Первым бомбили Кенигсберг. Там уже светились шесть пожаров. Не так много, но это начало. Мы долго приближались к нему сквозь заградительные взрывы, но прожекторы нас не нащупали.

В небе огромная луна, светили САБы. Внизу город. Петя Архипов дождался своего угла прицеливания и сбросил бомбы. Двумя днями раньше бомбежка не удалась. Но на этот раз город долго горел после нашего налёта.

Данциг был сложнее тем, что отстоял от Кенигсберга километров на 200 дальше, с затратой почти полутора часов лету, считая оба конца да плюс маневры на подход-отход.

Проблемы в том особой не было, однако это выводило экипажи на предельные возможности по дальности полета, если лететь без подвесных баков.

16 апреля встречный ветер еще задолго до подхода к Данцигу сожрал больше половины нашего запаса бензина, мы с Архиповым разволновались не на шутку: «Идти ли дальше или вернуться, пока не поздно, на Кенигсберг?» Оставалась надежда на еще более сильный ветер, но уже попутный, на обратном курсе. А вдруг ветер там иного направления и умеренной силы? И всё же мы решились!

После бомбежки Данцига у нас было так мало горючего, что в безветрие мы бы не дотянули даже до линии фронта. Но сильный попутный ветер нам помог, и мы до неправдоподобности быстро пролетели мелькавшие под нами ориентиры. Другие экипажи тоже благополучно вернулись.

Но не всегда так везло с ветром. В соседнем полку экипаж Алексея Свиридовича, не став рисковать, отбомбился по Кенигсбергу. На обратном маршруте, не утруждая себя детальной ориентировкой и ведя счисление пути по расчету времени, пролетел на попутном ветерке через линию фронта, затем мимо своего аэродрома и, не подозревая, что уже оказался в районе Казани, доложил на рассвете о полной выработке горючего, из-за чего он вынужден садиться на случайную площадку в прифронтовой зоне. Что ж, курьезы иногда бывали. И этот не самый печальный.

Тильзит и Инстербург были очень важными узлами дорог, забитых эшелонами, и крупных баз снабжения, со складами интендантства и боеприпасов. Эти города, имея слабую оборону, подвергались особенно ожесточенной бомбежке и, начиная гореть и взрываться отдельными очагами, к концу наших двухчасовых ударов представляли собой сплошное месиво огня.

Каждый раз, когда курс полета ложился к городам Восточной Пруссии, я находил на ночном небосводе строго впереди и чуть выше штурманской кабины три вытянутых в одну горизонтальную линию зеленоватых звезды, средняя из которых была несколько ярче соседних. По ней так удобно было выдерживать магнитный курс, поэтому по компасу я только изредка проверял его точность.

Все три звезды-подружки в течение полета не имели никаких боковых смещений, но очень медленно, держась друг за друга, опускались вниз, и, когда к полуночи мы подходили к целям, они оказывались над самым горизонтом. Я так привык к встречам с ними, что, выбравшись сквозь облака к чистому, упругому небу, сразу начинал искать эту «троицу», и мне стало казаться, будто между нами возникла какая-то магическая связь, что они тоже ожидают меня в поднебесье, чтоб тотчас повести прямой дорогой к цели.

Восточно-прусская эпопея весны 1943 года прошла не легко. В отдельные дни, как сообщали сводки, на свои базы не возвращались один-два самолета, а с Данцига сразу три. Не вернулся майор Урутин.

Фронтовая жизнь не раз перестраивалась на ходу. В разгар боевой работы - новая всеобщая реорганизация. Полки АДД разделились на две части и образовали две дивизии, которые потом были преобразованы в корпуса. Тихонов стал комдивом, Логинов — комкором, моим командиром полка - недавний комэск Александр Иванович Шапошников.

Вместе в Павлом Петровичем Радчуком, теперь уже заместителем командира полка, мы, все три комэска, Франц Рогульский, Саша Романов и я, вернувшись с боевого задания, с молодыми летчиками над аэродромом проводили учебные полёты. К инструкторской работе подключался и сам Александр Иванович.

Среди тех, кто пришел в новый полк, были очень талантливые ребята - Федя Алексеев, Нестор Крутогуз, Маслов, Лунев, Борис Кондратюк.

15 мая мы бомбили Днепропетровск - мой родной город. Здесь я родился, рос и учился.

Бомбили, конечно, не сам город, а железнодорожный узел. Был третий полет, но волновался. Где отец, где мать?..

В Днепропетровске немцы установили много прожекторов, но на боевом курсе с большой высоты стали немного просматриваться кварталы города. Я угадал на параллели Днепра нашу главную, прямую как стрела, магистраль - проспект Карла Маркса, увидел в сплошной черноте район Херсонской, где был наш дом.

Нас уже зацепили прожектора, но моя память была растревожена, и я не замечал, как все ближе к нам стали ложиться тяжелые снаряды.

- Командир, командир, доверни влево, держи курс, курс держи, — уже не на шутку злился и нервничал Петя Архипов.

- Доворачиваю, Петя, доворачиваю, - машинально бубнил я, не в силах вернуться к действительности.

- Что ж ты делаешь, командир? - заорал Петя.

Я очнулся. Бросил свои забортные наблюдения, чуть повел машину влево, и в тот же миг, совсем рядом, хлопнул крупный снаряд. Правый мотор дернулся, обрезал, выбросил длинный оранжевый хвост выхлопа. На приборе закачались обороты. С капота задрался изрядный лоскут дюралья. Попробовал чуть уменьшить режим - пламя укоротилось, хлопки стали реже.

Он все-таки был жив, этот правый мотор, и все еще тянул. Теперь я курс держал ровно и думал только о том, как бы добраться до линии фронта. Архипов сердито ворчит, дает мелкие довороты, ведет на цель, и, хотя нас продолжают обкладывать рвущимися снарядами, мы дотягиваем до точки прицеливания и, наконец, расстаемся с бомбами.

Мотор по-прежнему выплескивает космы огня, работает с переборами. Только бы не загорелся. На меньших оборотах чуть успокоился, температуру и давление масла держал в норме. Так и летели.

Время тянулось страшно медленно. Вижу блеснувший на горизонте Донец. За ним - наши. Там ничего не страшно. Но, откуда ни возьмись, вокруг засверкали снаряды, подняли сонные лучи три или четыре прожектора. Жаль терять высоту, но я чуть снижаю обороты, чтоб нас не так было видно и слышно.

Наконец, линия фронта. Свои! Высота держится. Мотор новых фокусов не выдает, тянет потихоньку. Под утро сели дома, в Серпухове.

На земле увидели - с моторного капота был выдран с бока метровый кусок, на двух цилиндрах разбиты головки, в фильтрах полно железа. Мотор пришлось менять, а капот мастера заклепали огромной дюралевой латкой и крупно на ней прочеканили: «Днепропетровск».

Вдруг над аэродромом прострекотал «УТ-2» и стремительно с крутым разворотом пошел на посадку. Это, конечно, наш комкор генерал Логинов. Его маленькую спортивную, белую, в красных разводах машинку в корпусе знали все. Обычно, появляясь на аэродроме, он подруливал к КП и дело имел с начальством. А тут он потребовал общего сбора летного состава. Дело оказалось неожиданным: сразу пятерым из нашей дивизии присвоили звание Героев Советского Союза - Павлу Петровичу Радчуку, трем штурманам — Максиму Алексею, Паше Хрусталеву, Володе Рощенко и мне. Рад я был, конечно.

Из архивной выписки из наградного листа и приказа № 123/ок от 24.01.1943г., - штаб АДД (архив ЦАМО фонд 33 опись: 682525):

«... Лётчик- командир звена ст. лейтенант Решетников, с декабря 1941 года летая на самолете ИЛ-4 в составе ночного экипажа: штурмана старшины Архипова, стрелка радиста ст. сержанта Митрофанова и воздушного стрелка сержанта Штефурко, овладев техникой слепого и ночного самолетовождения показывает в боевых вылетах отличные результаты. Всего произведено 105 боевых вылетов из них ночью 97. Успешно бомбардировал столицу врага Берлин, военно-промышленные объекты в г. Будапешт, в г. Кёнигсберг – 2 раза, в Варшаве – 3 раза, в г. Данциг – 1 раз.

28 февраля с/г при бомбардировке аэродрома противника у г. Орша ст. лейтенант Решетников мастерски вышел на цель и уничтожил более 10 фашистских бомбардировщиков. В бою того же дня был тяжело ранен штурман экипажа, но метким пулеметным огнем стрелка-радиста истребитель МЕ-110 был уничтожен. Решетников сам сбросил оставшиеся бомбы и вернулся на свою базу. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии капитану Решетникову Василию Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Логинов больше нас не задерживал, и мы снова отправились к самолетам. На разведке был Андрей Трифонович Холод, но он не прошел и вернулся. За ним шел

Франц Роговский. Уж если он не пробьется, значит, никто не пройдет.

Радиограммы шли тревожные – грозы, грозы и слева, и справа. Вдоль стоянок проехала полуторка. Свисая с подножки, штабной гонец на ходу оповестил экипажи: готовиться только «старикам». Кто «старики» – уточнять не нужно. Нас в этом новом полку пока не наберется и десятка.

Уже смеркается. Ждать нечего: или – или. Наконец, зашипела ракета – зеленая. Вторая – зеленая. Все! От нетерпеливого ожидания моторы запустили все разом и толпой порулили на старт.

Под Тулой я попал в грозы. Вверх не полез - там непроходимые горящие стены. Крутился в извилах туч у нижней кромки. Она рваная, не сплошная. То попадал в ливень, то в трепки в облаках. Потом опять появилась земля, но черная, непроглядная, только в молниях обнажающая свои ориентиры.

Петя Архипов следил за каждым километром пути, с земли не сводил глаз. Курс – к Орлу. Кажется, вышли первыми - на цели ни одного взрыва. Станция просматривалась. Немецкие зенитчики, видимо, уповая на грозы, замешкались, но огонь все-таки открыли. Еще позже вспыхнули прожекторы. Два полка зенитной артиллерии и до 60 прожекторов на одного бомбардировщика. Одно утешение - придут в себя не все сразу.

Петя сбросил вдоль путей и составов все бомбы залпом, и мы, сопровождаемые стрельбой, быстро ретировались, влетели в облака и пошли домой. Я был так взвинчен всем происходившим в этот вечер и эту ночь, что даже не поинтересовался, бомбил ли Орел еще кто-нибудь, кроме нас.

Посадив самолет, я сел в последнюю оставшуюся машину, поскольку все уже разъехались, а в летной столовой, уже на заре, был назначен торжественный ужин. Вдоль центрального стола – командиры: Логинов, Тихонов, Смитиенко, Шапошников. И замполиты, конечно. За длинными столами – офицеры двух полков.

На столах праздничные блюда, закуски, фронтовая водочка. Были сказаны торжественные речи. Мы, награжденные, тоже произнесли речи.

Потом столы передвинули к стенам, полковые баянисты растянули мехи, и пошла пляска.

Утром нас уже ждала новая боевая задача.

Несколько суток подряд, из ночи в ночь, в составе крупных сил АДД, мы наносили удары бомбами тяжелого калибра по войскам мощной немецкой группировки, пытавшейся из района Мги прорваться к Ладоге, чтобы снова замкнуть кольцо блокады Ленинграда.

Железнодорожный узел Унеча был для нас не самой трудной целью. Полоса пролета в четких и характерных ориентирах, лету туда и обратно - часа три с небольшим. Командир полка, Александр Иванович, в предвидении безоблачного неба, решил пустить в бой молодой состав экипажей. Правда, последние дни, а это было 8 августа, заметно активизировался фронт на Брянском направлении, и в зоне боевых действий обнаружилось немало новых очагов зенитной артиллерии, а с аэродрома Жуковка, мимо которого предстояло лететь, даже в темные ночи стали подниматься истребители. Да и в самой немецкой обороне Унечи прибавилось прожекторов и орудийных батарей, да и сама система обороны была изменена.

Машина моя была на ремонте, и в полет в ту ночь я не собирался, но вместе со штурманом эскадрильи Иваном Плаксицким и начальником связи Николаем Митрофановым приехал на аэродром, чтобы проверить подготовку и выпустить на задание нашу молодую команду. Воздушного стрелка Васю Штефурко я оставил отдыхать в городе, да и мы хотели после окончания взлета вернуться и сходить в городской театр или в кино. Были мы в свежих и тщательно отглаженных гимнастерках. Иван привинтил на гимнастерку ордена, Митрофанов тоже в наградах, у меня - Золотая Звезда.

Экипажи после командирских указаний готовы были разойтись по самолетам, как вдруг выяснилось, что небольшой участок пути в районе Калуги прикрыт грядой плотной, сплошной и беспокойной облачности, а в районе Жуковки немецкие истребители наводят на наши бомбардировщики радиолокаторами и в атаку идут, сближаясь до дистанции открытия огня, даже в условиях слабой видимости. В этой связи обратный маршрут командир полка предписал строить с обходом Жуковки, восточнее.

В локаторы мы еще не очень верили, а атаки с их помощью рассматривали больше как дело совершенно случайное, а вот облачность для летчика Сырых - дело серьезное. Только на днях, во время контрольных полетов, я с удивлением обнаружил, что он не очень уверенно держится в облаках. Хороший летчик, а навыки слепого полета успел растерять. Нужно было еще разок-другой походить с ним «в молоке», чтоб хорошенько приучить к приборам. Куда ж его такого пускать на задание? Придется отставить от полета. А вместо него и посадить было некого.

Времени на раздумья нету. Уже пошли команды на запуск. Решение созрело мгновенно. Вместе с Плаксицким и Митрофановым мы бросаемся к самолету Сырых, высадили его экипаж, взяли у них шлемофоны и карты, и полетели сами. Стрелка у Сырых не оказалось, а его «разукомплектованный» радист тоже не годился на эту роль.

- Ничего, обойдусь без стрелка. Мне так удобнее, — заключил Митрофанов.

Не знаю почему, но радисты не любили брать в свою кабину случайных и незнакомых воздушных стрелков. Сырых от неожиданности такого решения обиделся, но, как оказалось, зря.

Мы с ним еще не раз поднимались в зоны на отработку слепых полетов, и он заметно окреп, превозмог себя. Но, видно, не до конца, потому что в один из весенних дней 1944 года, возвращаясь на рассвете с боевого задания и войдя в поисках запасного аэродрома в случайно и непредвиденно возникшие на его пути плотные облака приподнятого тумана, не удержался в них и разбился.

Такие происшествия, поскольку они были связаны с выполнением боевых задач, хоть и происходили из-за ошибок в технике пилотирования или неправильных действий экипажа, считались боевыми потерями, и потому их причины почти не подвергались расследованию и оценкам. В общем балансе потерь они едва ли не приближались к половине, а уж с происшествиями вне связи с войной составляли и того больше.

А Сырых был, видимо, из тех, у кого от природы не очень надежно «настроен» вестибулярный аппарат, и потому с трудом приобретенные навыки приборного полета быстро

утрачивались. В безоблачную погоду Сырых смог бы сесть без проблем.

Мы не то чтобы с полным легкомыслием пустились в полет, даже не подумав набросить на себя поверх летних гимнастерок хоть какую-нибудь одежонку, о чем очень скоро пожалели, а просто отнеслись к нему как к вполне обыденному и привычному делу.

Набрав высоту около 3 тысяч метров, все уже изрядно продрогли. В темноте наступившей ночи, слева вдоль линии фронта, бушевала артиллерийская дуэль. Зенитчики стреляли в нашу сторону, но вслепую, видимо, по звуку, не причинив нам каких-либо беспокойств. Кто-то бомбил Брянск, и он, как всегда, маячил десятками мощных прожекторов, сверкал взрывами тяжелых снарядов. Жуковка, которой мы были заинтригованы больше всего, признаков жизни не подавала. Зато Унеча! Казалось, она нещадной бомбежкой была утоплена в пожарах, но она не сникла и оборонялась мощно, цепко хватала прожекторами самолёты и поливала огнем со всех сторон.

Нашлось место и для наших бомб. Плаксицкий - штурман бывалый, отличный бомбардир и хорошо попасть по ярко видимой цели для него было не самой трудной задачей.

Ночной холод сковал нас окончательно. Хорошо Митрофанову - в его кабине, как всегда, оказались чехлы, и под одним из них, напаянном на плечи, он сумел согреться, чем и похвастался. Стуча зубами, Плаксицкий дал обратный курс в обход Жуковки и Брянска, но это здорово удлиняло маршрут, и мы решили лететь напрямую.

Траверз Жуковки, не сводя глаз с окружающего пространства, прошли вполне благополучно. Вот впереди и линия фронта - там все еще идет огневая перепалка, но воздух не обстреливается, молчат даже те батареи, что провожали нас на Унечу. Ночь на высоте была спокойная и ясная. Звезды густой россыпью усеяли небо, и я увидел прямо перед собой яркое созвездие Большой Медведицы. Летели, упираясь в середину ее «ковша». Плаксицкий, как только обрисовались под нами контуры линии фронта, сообщил время её прохода.

И в это мгновение вдоль нашего левого борта, прошив фюзеляж, загрохотали, взрываясь, снарядные трассы. Атака была сзади и, видимо, снизу.

- Митрофанов! - заорал я, одновременно пытаюсь отвернуть в сторону и вниз, но машина уже вышла из повиновения. Митрофанов отозвался односложным звуком. Пулемет молчал. «Прозевал, дьявол», - мелькнуло о Митрофанове.

На левом моторе вспыхнул огонь. Машина произвольно опустила нос и вошла в левый разворот. Я без раздумий дал команду покинуть самолет. Из кабины штурмана потянула тугая струя воздуха.

Плаксицкий, опытный парашютист, машину покинул мгновенно. Думаю, и Митрофанов не опоздал - ему выбираться легче. А, может, Николай был ранен? Звук-то он произнес единственный и странный - не то «о», не то «что» и больше - ни слова.

Через правый борт махнул и я. Парашют открыл без задержки. Вижу и теперь уже слышу артиллерийскую стрельбу. Где наши? Где противник? Неужели попаду к немцам?

Я быстро отыскал Большую Медведицу и, изрядно намотав с ее стороны с ладони на локоть жгуты парашютных строп, стал скользить в северном направлении. Я чувствовал, посматривая на землю, что парашют все-таки смещается в нашу сторону, но слабо. Хватит ли этого ничтожного сноса для спасения?

Земля вдруг стремительно надвинулась сгущенной чернотой. Я успел отпустить стропы и через несколько секунд жестко приземлился среди кустарников, коряг и рытвин. Вокруг - ни души. Но в мою сторону во множестве взлетали ракеты и раздавалась интенсивная стрельба. Чьи ракеты? Кто стреляет? Никакой уверенности в спасении не было. Я не видел места упавшего самолета и не знал, где и как приземлились ребята.

Чувствуя, что фронт все-таки сзади, я инстинктивно побежал снова в северном направлении. Земля была в зарослях, буграх и глубоких канавах. Прошел совсем немного - путь преградила колючая изгородь. Приник к земле, чтоб на фоне неба разглядеть огражденную зону. Там лежало чистое поле. Недолго думая, раздвинул проволоку, пролез через ограду и, пригнувшись, озираясь по сторонам, зашагал вперед.

Перепаханная равнина со всех сторон была все так же пустынна, и я, держа заряженный пистолет в руке, но шел уже в полный рост. Шлемофона на мне не было, он сорвался при прыжке. По левой щеке, никак не затихая, из ранки рассеченного, видимо, при ударе о козырек фонаря, лба, скатывалась струйка крови, и я все вытирал и вытирал ее - то рукой, то носовым платком. Чуть побаливала в ступне и лодыжке правая нога, на которую пришлась главная нагрузка при приземлении на заросшие кочки. Но все это не отвлекало меня от главного - где экипаж и с кем мне предстоит первая встреча?

Наконец, впереди снова показалась колючая изгородь. За нею в широкой и мелкой ложине шла дорога, по которой с грохотом тянулись в полной темноте, без света фар, то тракторы с прицепами, то грузовики. Проезжали и подводы, и я, притаившись и прислушиваясь к голосам возниц, вдруг уловил такой родной, любезный в ту минуту моему слуху и сердцу неповторимый русский маток! Свои! Ей-богу, свои!

Однако надо всё ещё соблюдать осторожность, надо встретиться с кем-нибудь один на один и поговорить.

За дорогой, вдоль лесной посадки, кто-то шел по тропинке. К нему я и вышел. Старшина. На ремне автомат. Он метнул в мою сторону лучом фонарика, но я попросил опустить его. В следующую минуту настороженность стала спадать. Об упавшем самолете старшина знал и привел меня на КП батальона.

Встретили меня с порога вопросом:

- Куда ж ты пропал? Парашют твой нашли в ста метрах от нашего переднего края, а тебя до сих пор ищут.

Когда я упомянул про колючую проволоку и пахоту, все как онемели, открыли рты, захлопали глазами.

- Это ж минное поле! - протянул комбат. - Как же ты не сообразил?

От этой новости я ничуть не расстроился, поскольку был жив.

- А что известно о штурмане, о радисте? - прервал я майора.

- Тут, понимаешь, дело неважное. С передовой доложили, самолет упал за линией фронта у деревни Букань, два парашютиста приземлились в расположении немцев.

Как же могло случиться все это? Видимо, до линии фронта мы чуть-чуть не дотянули, когда Плаксицкий дал время ее прохода. Два-три километра во временном выражении не имели существенного значения, ведь не по секундам ведется счет навигационного времени, а Митрофанов, вероятно, решив тут же отстучать радиограмму на землю, отошел от пулемета к радиостанции. В этой пунктуальности выражался, по неписаному кодексу корпоративной чести связистов, уровень мастерства и класса. В таком предположении ошибки не было. Командный пункт полка принял радиограмму о времени прохода линии фронта, точно совпадавшем со временем ее передачи. Пусть бы и так, если бы у пулеметов оставался, наблюдая за воздухом, бортовой стрелок. Да вот не взяли же стрелка с собой!

Похоже, тогда моя самоуверенность так зашкалила за границу здравомыслия, что стала опаснее неопытности новичка. За все надо платить.

Судьба Ивана Плаксицкого и Николая Митрофанова в ту же ночь канула в полную безвестность. В районе Букани, попавшей в зону глубокоэшелонированной обороны, была высокая концентрация вражеских войск. Все местное население немцы изгнали из района боевых действий, и ни одного свидетеля случившейся трагедии там не оказалось.

На следующее утро за мной прилетел «У-2». Все, что случилось в моем экипаже, нельзя сваливать на превратности войны.

Появление у противника радиолокационных станций нас не то чтобы смутило, но вызвало некоторое беспокойное любопытство. Первые потоки информации больше напоминали слухи. Теперь, похоже, факт перерастал в проблему. Стали по-новому высвечиваться догадки о внезапном исчезновении экипажей над Пруссией, Германией, Литвой — именно в этих районах немцы прежде всего и оснащали свою авиацию станциями обнаружения и наведения.

Раньше и лучше других понял суть этой неожиданной новации и грозящих нам неприятностей комкор Евгений Федорович Логинов. Он предложил и первые меры, скорее противостояния, чем противодействия: обходные и ломаные маршруты, смену высоты... Да вот, кажется, и все. О радиопротиводействии в ту пору речь пока не шла, если не

считать придуманную молодым инженером Дельновым трубу с рычагами и заслонками, через которую из фюзеляжа рассыпались станиолевые ленты, отражавшие радиолучи и забившие экраны радиолокаторов множеством отметок ложных целей, в которых, по идее, должна затеряться и отметка бомбардировщика. Так ли было на самом деле - никто не знал.

От атак ночных истребителей пострадало немало экипажей, но были они жертвами не столько радиолокации, сколько обыкновенной собственной неосмотрительности. Ведь не раз случалось и нашим бомбардировщикам сбивать «мессеров», напоравшихся на опережающий огонь воздушных стрелков.

Но удивительные совпадения сопровождают боевую жизнь! В ту же самую ночь, 8 августа, был подбит над Мгой самолет Ивана Душкина - попали в правый мотор. Все бы ничего, да на обратном курсе к Калинин, где он намеревался сесть, стал поперек пути разбушевавшийся к ночи грозовой фронт. Иван вошел в его облачные вихри, надеясь проткнуть их по горизонту, но подбитый мотор остановился, самолет быстро стал терять высоту, а в очередном броске, круто став на крыло, стремительно пошел к земле. Выброситься успел один радист. Он и рассказал о последних минутах экипажа.

Немногим более года тому назад в одну и ту же июльскую ночь мы с Ваней покинули разрушенные в грозových облаках самолеты. И вот новая, одна на двоих, трагическая ночь, на этот раз не пощадившая его.

Крестьяне похоронили всех троих недалеко от места катастрофы. Через месяц Ивану Ефимовичу Душкину присвоили звание Героя Советского Союза. Представили при жизни, а наградили посмертно.

Еще продолжалась Курская битва, но уже началось и сражение за Днепр. Война двигалась на запад. Немцы перешли к обороне. Фронты на огромном пространстве требовали поддержки ударами с воздуха не только по резервам и авиационным группировкам, но и по укреплениям, оборонительным сооружениям на переднем крае — преградам особо прочным и порой непреодолимым для войск.

АДД пустила в ход тонные бомбы. Для нас цели были большей частью на Белорусском направлении, но хватало их и на юге, и под Ленинградом.

К концу сентября подули ветры, зачастили дожди, потянулась низкая облачность. От этого количество боевых задач не уменьшалось, но тренировка самых молодых летчиков, недавних школьных выпускников, затормозилась. Некоторым еще были нужны простые метеоусловия, которых становилось всё меньше и меньше, и вырвать несколько часов летного времени в промежутках между боевыми полетами становилось всё труднее. А в таблицах боевого состава все еще зияли пустоты, ожидая имен новых командиров экипажей.

Собирались мы с Радчуком после боевого вылета полетать с молодыми. В ту ночь полк бомбил укрепленные районы на переднем крае обороны немцев по Днепру. Вернулись после семичасового полета под утро. Над аэродромом ползли клочья низкой облачности, а воздух был в сырой дымке. Все это не располагало к инструкторским полетам, и мы без раздумий уехали в Серпухов, к своей столовой и общежитию. Но после завтрака погода нас удивила - чистое небо, солнечные лучи, тишина. Радчук, идя рядом со мной, произнес:

- Знаешь что? Давай вернемся на аэродром и полетаем с молодыми.

Я стал его отговаривать в том смысле, что не стоит это делать сейчас, что куда лучше, немного вздремнув, полетать вечером, перед боевым вылетом.

- Нет, - упрямылся Павел Петрович, - к вечеру погода может испортиться. А ребята нас ждут.

Уговорить его мне не удалось, но и я с ним не согласился и отправился спать.

Днем разбудили меня шум, возбужденный говор, топот ног. Кто-то оказался рядом.

- Что случилось? Чего расшумелись?

- Радчук разбился! С ума сойти!..

Причин его гибели так никто и не раскрыл. Свидетелей не было. Рядом с обломками самолета лежал Павел Петрович и экипаж молоденького лейтенанта Чеботарева. Кто-то уверял, будто вошли они в мощно-кучевое облако и оттуда вывалились в беспорядочном падении. Предположений было множество — техника, ошибки, усталость... Поговаривали о

залетном «мессере». Это предположение начальству понравилось больше других. На том и сошлись.

До захода солнца я успел полетать с моей молодой «командой» и в ночь того же дня сходить на бомбежку железнодорожного узла Минск. На другой день похоронили Павла Петровича и молодой экипаж, а вечером снова пошли на передний край у Днепра. Было не до поминок.

К концу года командующий АДД Александр Евгеньевич Голованов стал собирать свои полки на аэродромах юго-восточнее Ленинграда и чуть западнее Торопца, Андреополя, Вышнего Волочка. Нужно было «поговорить» с Финляндией. Она все еще воевала на стороне фашистской Германии и пока не собиралась складывать оружие. А пора! Рядом с Ленинградом, еще не совсем освободившимся от блокады, такой сосед был нетерпим.

Василий Гаврилович Тихонов оба своих полка привел на аэродром Баталы, к западу от Андреополя. И с воздуха, и на карте трудно было найти эту деревеньку, затерянную в лесах, вдали от дорог.

Целая дивизия дальних бомбардировщиков была втиснута в эти приземистые избы, где никогда не бывало ни электрического света, ни радио. Немало старых людей, коротавших тут свою долгую жизнь, ни разу не слышало, как гудят паровозы.

Теснота была фантастическая. В косой избе, не самой худшей в деревне, мы с Глебом Баженовым и полковым врачом Федей Горбовым сколотили три, под углом друг к другу, дощатых топчана. Хозяйка расположилась на кухне. На переносной лавке, у двери, ночевал заместитель начальника штаба Женя Ларин. В центре избы смастерили крепкий стол и водрузили на нем светильник из гильзы от снаряда с зажатым фитилем и заполненную бензином.

Зима была многоснежной, временами вьюжной, а то вдруг источалась оттепелями и ночными туманами. Для крупной воздушной операции с массированием основных сил АДД нужна была устойчивая летная погода на огромном пространстве, охватывающем не только район нового базирования дальних бомбардировщиков, но и объекты боевых действий. Пришлось переключиться на борьбу с перевозками в относительно близких районах - Пустошка,

Витебск, Идрица... Одни полки летали, другие сидели, прижатые непогодой.

Иногда в ненастные дни на деревенской площади вспыхивали ожесточенные баталии со снежками полк на полк. Разгоряченные цепи с воинственными кликами то устремлялись в атаку, тесня противника, то отступали под его перевесом. В воздухе летали на встречных курсах плотные комья снега, стойившие неосмотрительным «бойцам» мгновенно выступавших шишек. В разгар сражения на крыльце штаба дивизии, возвышавшегося на бугре, появлялся комдив, наблюдал за «полем боя», а почуяв излишнюю горячность, давал красные ракеты и прекращал битву. «Бойцы» разбирали шапки, куртки, рукавицы и уходили по домам.

Командир корпуса генерал Логинов собрал командиров полков, эскадрилий с их штурманами и на своем КП в Андреаполе провел тщательный разбор предстоящего полета. С еще большей детализацией была проведена проработка задания в полках.

К вечеру 6 февраля поднялись в воздух. Мороз был крепок, а на высоте полета - под пятьдесят. Моторы при наглухо закрытых «юбках» еле удерживали минимальную температуру головок цилиндров. Порой приходилось манипулировать шагом винта и углом атаки самолета, чтоб не застудить их окончательно.

Оборона Хельсинки встретила нас еще с моря. Там уже шла бомбежка. Над портом и городом густо висели САБы, а под ними, с невероятной плотностью, будто сыпавшиеся из прорвы, рвались бомбы.

Целей было много — заводы, станции, казармы, склады. У каждого полка своя точка прицеливания. Дым заволакивал огромный город. Под нами багровели пожары, сверкали взрывы. Снизу к нам пробивались прожектора, но, видимо, дымы и САБы застили им глаза, потому что шарили лучи по небу, как сослепу, зато зенитки, хоть и невпопад, били со всей возможной яростью, устилая разрывами наши пути к целям. Самолетов было так много, что снаряды иной раз находили их и на ощупь, но, когда удавалось в кого-нибудь вцепиться прожекторам, начинался форменный расстрел. Без потерь не

обошлось. Видно, в Хельсинки ждали нашего удара и к отпору приготовились.

Петя Архипов с ходу вывел машину на верфь, сбросил бомбы, целясь в пожары, и мы, в окружении густо рвущихся рядом с нами снарядов, но не задетые ими, выбрались на свободу.

Тогда некоторые летчики подморозили ноги. Унты с ног мы почти не снимали — в них ходили, в них летали. Накопившуюся влагу досуха просушить было негде, и на 50-градусном морозе пропитанные потом войлочные стельки уже не согревали. До моих ног мороз не добрался, поскольку носил я старые растоптанные унты, а новые, сухие, идя на аэродром, нёс на плече и обувал уже на крыле.

Прихватило морозом в первом полете ноги Петра. Он хотел было этим пренебречь и отправиться во второй полёт, но Федя Горбов его придержал. Пришлось искать другого штурмана. Им стал Кирилл Дубовой из экипажа Николая Стрельченко. У Коли тоже припухли пятки и пальцы - лететь он не мог и, уступив мне штурмана, машину передал резервному экипажу.

Взлетели за полночь. Первым в 0.30 взлетел, конечно, Нестор Крутогуз. Он просто скрипел зубами, если кто-то опережал его, хотя сейчас головное место принадлежало ему по праву, поскольку в люках он нес ФОТАБы и обязан был с двух заходов, с первого в начале и со второго в конце удара, сфотографировать район порта.

Огни пожаров Хельсинки были видны от самого Чудского озера, через которое мы шли, держа курс на город. На этот раз удар был немного растянут и потому казался чуть поуже, но суммарной силой он не уступал первому. Все также неутомимо и грозно отбивалась ПВО, и не впустую. В тех налетах были сбиты экипажи Дубицкого и Паукова. Несли потери и другие полки.

Кирилл Семенович выложил бомбы и вывел на обратный курс, но дома сесть не удалось, по радио пришла команда: посадка в Едрове. Самолетов и народу привалило сюда видимо-невидимо. Очень много аэродромов было накрыто утренним туманом. К полудню улететь удалось немногим, а наши Баталы все еще были закрыты и пока к себе не принимали, но через полчаса обещали расползание тумана, а

там и ясную погоду. Так чего тут сидеть, толкаться в этом базаре? Пока долетим — аэродром и откроют. Небольшой группой, экипажей пять или шесть, мы снимаемся с Едрова и летим на Баталы. За нами в хвосте увязался Крутогуз.

Чувствует в себе парень силу и не только требует признания себя равным с самыми опытными, а старается во всем обойти их, почти бравируя своей лихостью и бесстрашием, еще не замечая, что все самые смелые только на вид отчаянные, они самые осторожные и расчетливые. Мне не раз приходилось его осаживать, а за нарочитую демонстрацию «своих возможностей» во время проверки техники пилотирования снижать оценки.

Прибыв в полк старшим сержантом, Нестор ходил уже в офицерском звании и носил боевые ордена. Запомнился серпуховский случай, когда Симкин во время взлета из-за отказа мотора слетел с полосы и тут же взорвался. Крутогуз, обрулил готовые к взлету самолеты, пилоты которых застыли от такого зрелища, и, не дожидаясь сигналов перепуганного стартера, взлетел мимо горевшего Симкина и пошел на задание.

Он и сейчас норовил сесть первым, хотя над аэродромом все еще висели поля туманной рвани, и все остальные, чувствуя, что она вот-вот сойдет, ожидали посадки, летая на кругу. Крутогуза это не устраивало. Он убрал газ и пошел пробивать молоко. Но оказался в стороне от посадочной полосы, задел кроны сосен, увяз в них и рухнул. Все закончилось тем, чем и кончаются все попытки найти скрытый туманом аэродром.

На деревенском кладбище, в сосновом бору на пригорке, в неведомых миру Баталах, мы их похоронили рядом, как братьев. С краю - Нестор, рядом - штурман Миша Исаченко, стрелки-радисты Баринов и Мандриков, а также техник по фото - лейтенант Евгений Чернышев. Почти все одногодки, по 22-23 года.

Мы терялись в догадках - погода спутала командирские замыслы или нужно было дожидаться реакции финнов. Второй удар по тем же целям был нанесен только 17 февраля, и то ограниченным составом, а третий, двойной, был снова в полную силу – 26 февраля. Под ударами оказались не только объекты Хельсинки, но и порты Турку и Котка.

После выхода Финляндии из войны крупные чины из нашего советского военного руководства посетили ее столицу. Они ожидали увидеть вместо города сплошные развалины, а он, оказывается, стоял на месте, и его разрушения впечатления не производили. Кто-то предположил, будто финны в предвидении бомбардировки построили по соседству со своей столицей ложный город, по которому и разрядилась АДД.

Но все было не так. Город мы не трогали. Нашими целями были совершенно конкретные военные и административно-политические объекты - порт, верфь, железнодорожные узлы, промышленные предприятия в предместьях города. «От массированного удара собственно по городу воздержаться», - было приказано Головановым.

После третьего удара мы все еще не покидали своих мест дислокации, поскольку Ставка, оценивая теперь уже суммарные результаты произведенного эффекта, видимо, прикидывала, не потребуется ли четвертый.

Казалось, Финляндия вот-вот выбросит белый флаг, но Суоми молчала. Такой оборот дела был для Ставки неожиданным.

Операция Карельского фронта завершила задачу: в начале сентября Финляндия прекратила сопротивление и вышла из войны. В эти мартовские дни ожидания мы бомбили немецкие объекты в Нарве, Таллине и других местах на южном побережье Финского залива, выполняя по три вылета за ночь.

Зенитная оборона Нарвы, и особенно Таллина, была хорошо организована и была довольно мощной, но главной опасностью для нас в те полнолунные ночи были истребители. Воздух на подступах к целям то здесь, то там прочерчивался светящимися пунктирами пулеметных трасс, летящих из самых неожиданных направлений. Где свои, а где фашистские пули, разобрать было не просто. Самой опасной зоной, освещаемой рассеянным, как в тумане, искрящимся серебряным светом, была зона, находящаяся со стороны Луны. Там, в чистом прозрачном воздухе, на северном небосклоне наши самолеты были видны, как на экране, и подвергались стремительным и неожиданным атакам. Нашу дивизию фортуна, как говорят, пощадила, но не обошла стороной других.

Наступала весна. Пока держался снег, нужно было улетать. Нас передислоцировали в Прилуки на Украину. Здесь аэродром был в вязком, как застывший мазут, черноземе. В поле была километровая, каменной кладки, с облупившейся бетонной коркой взлетная полоса с узкой, чуть шире колеи шасси, рулежной дорожкой, ведущей к самолетным стоянкам.

Перед взлетом на боевое задание самолеты выстраивались и по очереди, подтягиваясь к торцу полосы, с ходу начинали разбег, еле-еле укладываясь в ее длину.

С посадкой было ещё сложнее. С задания все приземлялись, насадая друг на друга. После пробега нужно было как можно скорее освободить посадочную полосу. В конце полосы, чуть притормозив, мы разворачивались вправо и, выбрав свободное место, на полном газу бросались в грязь, подальше от полосы, пока самолет сам не застрянет в вязкой массе.

На рассвете зрелище разбросанных и засевших по колесные ступицы нескольких десятков самолетов выглядело фантастически, напоминая то ли покинутое поле брани, то ли распаханый луг, на который присели уставшие гигантские птицы. Тракторами выволакивали машины на бетон, затем их отводили на стоянки. Там их техники отмывали, осматривали и готовили к ночному полету.

На Украине весна быстро перешла в лето, и зеленый травяной покров уже выдерживал тяжелые самолеты. Слава богу, немцы до этого момента не успели нас накрыть, когда мы держали машины крыло к крылу на тесной стояночной площадке. Теперь же мы их зигзагами рассредоточили по краям всего аэродромного поля. Внезапный, но уже запоздалый немецкий налет, заставший нас ночью на земле, хоть и выглядел угрожающим, но особого урона нам не нанес.

К тому времени фронт заметно откатил на запад, в воздухе господствовала советская авиация, а нашими новыми направлениями были юго-запад и юг. Полк все еще воевал неполным комплектом, но молодых экипажей, пришедших из школ, скопилось немало.

В Баталах, из-за погодных условий, нам так и не удалось хоть кого-нибудь из молодых подготовить к боевой работе. В Прилуках погода была летной, подсохший аэродром, и были машины для учебных полетов.

После гибели Павла Петровича Радчука меня назначили на его должность, летные дела в полку пришлось вести мне и временами уже не получалось участвовать в боевых полетах. Это была целая летная школа. Полк вылетал на задание, а мы над аэродромом проводили занятия. Со временем молодые пилоты начинали свои первые боевые вылеты. Постепенно подтягивались и остальные. Потом на боевую бомбежку мы выходили все вместе.

В названиях целей все чаще стали звучать иностранные города - Галац, Констанца, Бухарест, Плоешти... Бомбили нефтяные промыслы, склады горючего, танкеры.

Зенитная оборона немцев в Керчи и Севастополе ставила, казалось, совершенно непробиваемые стены из сплошного огня. На четвертом по счету ударе по их кораблям в Севастопольской бухте, 8 мая 1944 года, снаряд попал под левый мотор и перебил маслосистему, о чем я не догадывался. Мы прошли по намеченному боевому пути, и Архипов сбросил бомбы на горящий порт. Но когда мы, возвращаясь домой, пересекли Крым, датчик стал показывать повышенную температуру, давление пошло к нулю, и мотор пришлось выключить. Но винт двигателя продолжал вращаться, создавая лишнее сопротивление.

Машина потихоньку стала терять высоту. Была бы хорошая погода, может, и дотянули бы домой, но нам навстречу шел туман, и самолеты приземлялись кто куда. Мы свернули к ближайшему аэродрому Новый Буг. Он был рядом, и знал я его хорошо, поскольку совсем недавно, из-за плохой погоды, накрывшей восток Украины, там садился. Здесь был ночной старт, прожекторы, приводная станция. На аэродроме базировалась фронтовая авиация, а теперь - истребители ПВО, прикрывавшие Кривой Рог. Но все куда-то исчезло!

Пролетая круг за кругом, мы давали сигналы «я свой» и посылали одну за другой красные ракеты, прося аварийную посадку. А внизу хоть бы огонек сверкнул, мертво. Высота все ниже и ниже, но я не терял надежду.

Мы уже влетели в опасную зону исхода полета. До другого аэродрома нам не дойти. Мы были уже на высоте до тысячи метров. Еще немного, и будет поздно бросать машину. Но самолет-то новенький, целехонек! Куда деваться? Было состояние полного отчаяния.

Была южная безлунная ночь, черная и непроглядная. Я наугад отошел северо-восточнее километров на тридцать и, полагая, что здесь должна быть степная равнина, решил садиться. Приземляться на колеса было слишком опасно: любое препятствие - и верная гибель.

- Петя, - сказал я, — набирай в карманы и за пазуху побольше белых и немного красных ракет и давай на землю. Попадешь на ровное место - сигнал белыми и подсвечивай посадку, коряво будет - пускай красные.

Радистам мало что угрожало, и я их пока оставил с собой, выпрыгнуть всегда успеют.

Архипов сработал предельно четко. Я пролетел по кругу и жду сигналов. Белая ракета, потом опять белая! Потом еще - белая, белая, белая.

Я убрал газ, сделал заход, включил фару и, не выпуская шасси, взял курс в сторону Пети. Фара выхватила ровные зеленые всходы. Выровнял пониже, повел самолет к Петру, под его ракеты, вот-вот намереваясь коснуться земли. Но вдруг в луче фары, наперерез, возник заросший, вровень с посевами, овражек, как раз на предстоящем месте приземления. Петя видеть его не мог.

К счастью, я не успел еще выключить правый мотор и резко, на секунду дав ему полный газ, перескочил чертов овражек. Уже без света от ракет, на исходе посадочной скорости, выключил зажигание, и брюхо самолёта заскользило по мягкому, поросшему всходами, полю.

Гулкое и резкое торможение вдруг оборвалось полной тишиной. Вылезли из кабин и посветили фонариками: погнуты винты, помяты нижние капоты моторов и гондол шасси. Значит, самолёт еще будет летать!

На заре осмотрел округу - впереди ровное поле, вдали чернеет лесок. Взлететь удастся.

Мы с Петром отправились в Новый Буг, вышли на дорогу и на попутной машине добрались до гарнизона. Нужно было обо всем случившемся доложить своему командиру и поговорить с местными начальниками.

Оказывается, в начале ночи их отбомбили немцы, и, не имея зенитного прикрытия, аэродром прикрывался только темнотой, поскольку истребители, находившиеся там, ночью летать не могли. А нас, несмотря на сигналы «я свой», красные

ракеты и совершенно очевидное поведение терпящего бедствие самолета, сочли за «фашистских стервятников». Хорошо, что не было у них зениток, а то еще и сбили бы.

К вечеру за нами пришел транспортный самолет «Си-47», доставил техников, инструмент и приспособления для подъема самолета. Пришлось менять и моторы. Через месяц, взлетев прямо с места аварийного приземления, я перегнал машину в Прилуки, на ней опять можно было летать.

Днепропетровск освободили от фашистов еще в октябре 1943 года, но я долго ничего не знал ни о матери, ни об отце. Не знали ничего и они обо мне, пока давний друг отца не принес ему какой-то журнал с моим портретом с Золотой Звездой на груди. Тогда отец решился написать в Москву своему брату Федору, расспросить обо мне. Федя ему ответил, а мне сообщил новый адрес моих родных. Хотелось на них взглянуть, Днепропетровск ведь совсем рядом.

Однажды, в конце мая, комдив Василий Гаврилович, направляя в командировку на юг свой «Си-47», сказал мне:

- Садись. По пути он высадит тебя в Днепропетровске, а через день я пришлю за тобой «Ил-4».

Радости моей не было предела. Два дня мы с отцом и матерью не отходили друг от друга. Бед нахватались они изрядно, но были живы и здоровы, а вот боль за судьбу моего младшего брата, Жеку, не спадала. Перед бегством из Днепропетровска немцы угнали его в Германию. С тех пор о нём не было вестей. Но в 1944 году он все-таки вернулся к своим, воевал до конца войны на самой передовой, став пулеметчиком, получил пару ранений и медаль «За отвагу».

Счастливые два дня пролетели мгновенно. Рано утром, еще до солнышка, я отправился на аэродром. Машину пригнал Женя Яковлев. Он пересел в переднюю кабину, я сел в кабину пилота и поднялся в воздух.

Режим моей работы был примерно таков: 3-4 ночи с молодыми в районе аэродрома, пару раз - на боевое задание.

Яско-Кишиневская операция была еще впереди, а мы в ее преддверии уже бомбим фашистские войска и в районе Кишинева, и в Яссах.

При подготовке к заданию на Яссы командир полка Александр Иванович сказал мне:

- С тобой в передней кабине на контроль результатов удара пойдет полковник Тихонов.

Дело серьезное. Готовимся со штурманом с особой тщательностью, прикидываем, какое место избрать в боевом порядке и как пройти вокруг цели, чтобы командир мог видеть всю картину удара и оценить её конечный результат.

Сказал Петру, что курить нам сегодня не придется. Обычно где-то на середине маршрута он разок-другой скручивал из газеты набитую табаком или махоркой крепкую сигарку, раскуривал ее и, постучав по ноге, передавал мне. Потом такую же закрутку сооружал для себя. Я закрывал правую форточку, открывал левую, и табачный дым высасывался через нее. Туда же летел и окурочек.

В принципе это было опасно, если учесть, что на правом борту кабины пилота стоял щиток запуска моторов, как правило, с подтекавшими бензиновыми кранами. Но если обратиться к статистике, от сигарок в самолете никто не горел, кроме Коли Стрельченко. Да и произошедший мелкий пожар в его кабине закончился для Николая без особых последствий. Манера курить в полете шла не от непреодолимого желания затянуться табачным дымом, а скорее от обыкновенного пижонства.

Однако на этот раз придется воздержаться, поскольку Василий Гаврилович будет контролировать не только удар по Яссам, но и боевую работанность экипажа.

Наш самолет на старте провожало все дивизионное начальство. Перед взлетом я условился с руководителем полета об особых световых сигналах, по которым можно было бы выделить наш самолет из общей массы других, когда на посадке все «навалится» на аэродром. Взлетели в середине боевого порядка замыкающего полка. Вышли на высоту, идем по горизонту. Ночь ясная, звездная. В самолете тихо, если не считать гула мотора, только Архипов иногда задавал новые поправки в курс и отсчитывал время. Молчал и Василий Гаврилович.

Но вдруг ко мне проник божественный аромат дыма дорогих папирос, тянущийся из передней кабины. Я жадно потянул носом, вдыхая эту неземную благодать. «Живет же начальство», - подумал с невольной завистью, но тут же почувствовал толчок по ноге и увидел протянутую мне

зажженную папиросу. Я осторожно взял её в пальцы, поблагодарил Василия Гавриловича и медленно, глубоко вдыхая, дотянул эту не то «Пальмиру», не то «Сальвэ» до самого корешка. Подкармливал меня командир и шоколадками.

С линии фронта стреляли в небо вовсю, но зато нам были видны прогалины, свободные от огня, и мы прошли её без проблем.

Вот и Яссы. Еще издали увидели горящие контуры станции и район скопления войск, а ближе стали различать лучи десятков прожекторов и интенсивный огонь зениток.

Обговорили с Петром, как войти туда. Чем ближе к цели, снаряды рвались все гуще, но и бомбы наших самолётов ложились плотно. Комдиву не было причин огорчаться работой своего войска. На земле и в воздухе творился кромешный ад, вероятно, вся земля содрогалась от гула стрельбы и взрывов бомб. Но для нас это было немое зрелище. Прожекторы пока нас не трогали, занимались кем-то другим и потянули туда основную массу огня. Знали бы, кто у нас на борту, все нацелились бы на нас: не каждый раз летают на бомбардировку немцев командиры дивизий.

Петя сегодня не просто бомбил, а показывал класс. Он удачно положил бомбы, и мы, разминувшись с лучами прожекторов и не напоревшись на снаряды, «под шумок» проскочили дальше. Еще не выйдя за внешнюю границу зенитного огня, конечно, более слабого, чем в центре, я несколько снизил высоту полета, чтобы не столкнуться с машинами, идущими на боевом пути. Как было задумано, повел машину в левый разворот для просмотра цели.

Это, конечно, невероятная глупость - ходить в зоне огня и рассматривать бомбежку. Для этого командиру было вполне достаточно увидеть всю обстановку с боевого курса и при отходе от цели. Но я перестарался.

Василий Гаврилович, еще не понимая, что я ему решил преподнести, недоуменно спросил:

- Ты куда разворачиваешься?

- А вокруг цели, товарищ полковник, чтоб вам сподручнее было...

Тихонов на секунду, как мне показалось, не то поперхнулся, не то задохнулся, но в следующее мгновение прямо взревел:

- Уходи отсюда немедленно, черт!

Я пробкой вылетел в сторону, чуть прошелся по траверзу, подальше от рвущихся снарядов, и взял курс домой.

Чувствовал я себя скверно, только сейчас осознав всю дурь моей затеи. В сущности, мне удалось повторить урутинскую ошибку, когда над Коротояком Михаил Николаевич чуть не подарил немцам генерала Логинова. Было досадно, что теперь я потерял доверие командира, а им я так дорожил.

Но по пути домой Василий Гаврилович, как ни в чем не бывало, протягивал мне папиросы и, в отличие от прежней сосредоточенности, проявлял некоторую оживленность. Садился я с ходу, поскольку руководитель полетов по моим сигналам всех разогнал по сторонам, открыв для нас дорогу. Василий Гаврилович дружелюбно пожал мне руку и тот затеянный дурацкий круг в упрек мне не поставил.

В следующий раз он снова полетел со мной.

Мы начали летать на цели, находящиеся в Белоруссии. Началась подготовка Белорусской наступательной операции. Сначала бомбили аэродромы в Барановичах, Минске и Борисове. Потом, 22 и 23 июня, однотонные бомбы сбрасывали на укрепрайоны на переднем крае обороны противника у Могилева и Жлобина.

Ночная погода накануне прорыва была для такой работы жутковата - низкие облака, дожди, непроницаемая чернота.

Идем в страшном напряжении сил и нервов. Для тонной бомбы нужна высота не менее 1000 метров, из-за сильной ударной волны. Но как выдержать эту высоту? Держим чуть пониже, задевая дождевые тучи, а под нами проносятся облака нижнего яруса. Только бы не уплотнились. Предельные условия.

Наши старшие командиры тут ни при чем: перенести удар по времени они не могли. Машина операции была запущена, и, кроме дальних бомбардировщиков, никто не проломит те укрепления.

Мы увидели огни костров, артиллерийского огня, лучи прожекторов и светящиеся ракеты – они указывали место

цели. Если отбомбился на «тройку», вполне можно зацепить и своих. Тонная бомба не шутка, тут должен быть аптекарский расчет. Бомбежка идет плотно. Темень режут яркие вспышки. Архипов повел на цель, бомбит с минимальной высоты. После схода бомбы самолет толчком подпрыгивает вверх, и Петро только успевает предупредить:

- Ну, держись, командир!

Наша тонная бомба озарила всё вокруг и тряхнула так, что штурвал рванулся из рук. Но все обошлось.

Идем домой. Противник почти не оборонялся, подавлен намертво.

После разворота на обратный курс погиб экипаж очень опытного, еще довоенной закалки, летчика Васи Галочкина. Видимо, был какой-то отказ техники. Потеря Галочкина и его экипажа нас ошеломила. Его долго искали, но безуспешно. Были потери и в других полках.

26 июня мы бомбили аэродром Борисов. Вместо Петра Архипова со мной полетел полковник Зуенков - начальник полигонной службы АДД. Прибыл он из Москвы не столько с контрольными функциями, сколько с намерением подключиться к боевой работе. Лететь с ним приказали мне.

Судя по его должности, бомбардир он, должно быть, меткий. Это главное. А до цели дорогу найдем. Но не из-за Зуенкова выделял я тот боевой вылет. Дело в том, что это был мой трёхсотый вылет. Как позже выяснилось, знали о трёхсотом вылете не только командиры и штабные работники, но и друзья. Однако до взлета никто не намекнул мне об этом, помалкивали, словом не обмолвились. Все мы были немного мистиками и побаивались перед взлетом лишних напутствий, пожеланий и разного рода слов со значением.

Взлетели в конце группы. Спокойно и молча вышли на Борисовский аэродром, успели к еще горевшим САБам. Нашли цель, штурман сбросил бомбы. Вроде хорошо попал, внизу что-то загорелось. Прожекторы нас не нашли, зенитки не попали. Спокойно вернулись домой.

Зарулил на стоянку. Не тороплюсь выходить, охлаждаю моторы. Из ярко освещенной кабины я не сразу разобрал, кто это поднялся ко мне по крылу. Глеб Баженов, конечно, и с ним еще кто-то. Глеб обхватил мою голову, прижался ко мне,

прокричал поздравления и, не дав остыть моторам, просунул руку за борт и сам их выключил.

- Ничего с ними не случится, — проговорил он. Ко мне потянулись и еще чьи-то руки.

- Брось копать, вылезь! — командовал и торопил Глеб.

Когда я сошел с крыла, меня обступили ребята, но Глеб тянул к стабилизатору. Там, во мраке, я рассмотрел белую газету и расставленные на ней тарелки и чашки. Когда успели? Еще издали я уловил крепкий запах самогона. Пир!

Мне протянули жестяную кружку. Кто-то наготове держал огурец. Самогон был свиреп и очень вонюч. Я выгнал из легких весь воздух и, не переводя дыхания, крупными глотками опорожнил кружку. Но, еще не ухватив огурец и боясь вдохнуть, я вдруг услышал резкий голос из темноты:

- Майора Решетникова к командиру корпуса!

Черт возьми! Все во мне оборвалось. Что ж подумает генерал, почуяв самогонный дух от меня, только что зарулившего на стоянку? Когда успел? В воздухе пил?

Делать нечего. Бегом, как полагалось по Уставу того времени, бросился к самолету комкора. Взойдя по ступенькам и увидя Евгения Федоровича далеко впереди за рабочим столом у кабины пилотов, я, не делая и шага в его сторону, громко, на весь фюзеляж, отрапортовал: «Прибыл по вашему приказанию». И тут, к моему ужасу, Евгений Федорович, широко распахнув руки и весело улыбаясь, направился по наклонной дорожке прямо ко мне, на ходу приговаривая:

- Дорогой ты мой, первым в корпусе совершил 300 боевых вылетов! Ну, спасибо, ну, поздравляю!

Он обхватил меня и стал целовать.

Я стоял как изваяние, ни жив ни мертв, крепко сомкнув губы и не смея произнести ни слова. Потом долго, по очереди, поздравлял, потряхивая мою руку, весь оперативный состав КП. В конце Евгений Федорович сказал:

- Ну, езжай в столовую, там тебя ждут.

Стараясь не дышать, я поблагодарил генерала, произнес приличествующее моменту уставное заклинание и вылетел на волю. Я так и не знаю, почуял ли он тот убийственный дух или со свойственной ему деликатностью пренебрег подозрениями.

В летной столовой стояли сдвинутыми длинные праздничные столы. На стене, сообразно обстоятельству, был

растянут пестрый плакат. Были торжественные тосты и в хохоте тонувшие шутки. На старом пианино долговязый, пригретый в полку, беженец из Львова Арон лихо играл довоенные джазовые ритмы. Даже московский залетный гость Зуенков попробовал свое «бельканто» на какой-то оперной арии.

Разошлись на рассвете.

Под вечер я снова был на аэродроме готовый лететь на новое задание. Рядом с КП в своем «виллисе» полулежал, подремывая на заходящем солнышке, командир полка. Приоткрыв один глаз, он с некоторой иронией, меня насторожившей, эдак с ленцой и нарочитой дурашливостью в голосе спросил:

- Не на войну ли собрался?

В интонации явно звучал какой-то подвох, но, не догадываясь о его сути и пытаясь попасть в предложенный мне тон, я ответил вполне относительно, что да, мол, на оную.

- Так не велено пущать.

- Как это не велено? - не понял я.

- А вот так. Стало быть, бери машину и вози молодых.

- Это только на сегодня?

- Нет, это, брат, навсегда.

- Такого быть не может, - начал я потихоньку вскипать, еще ничего не понимая, - Почему вы так решили?

- Да нет, дорогой, не я. Звонил Тихонов, - говорит, - команда свыше.

Комдив был еще в штабе. Александр Иванович уступил мне «виллис», и я помчал в город.

- Ты, паря, уразумей, - Василий Гаврилович любил иногда сверкнуть простонародным говорком, стилизованным под своих енисейских земляков, - указания пришли от командующего АДД: хватит ему летать на боевые задания, пускай молодых готовит. Вот и исполняй.

Так ли все это было на самом деле или сам Василий Гаврилович учинил отлучение – попробуй разберись.

Но через 30 лет, когда в просторном загородном зале старая гвардия АДД за торжественным застольем отмечала 70-летие Александра Евгеньевича Голованова, я, стоя с рюмкой в руке и произнося юбилейную речь, вспомнил тот

надолго застрявший во мне вопрос и спросил: могло ли так быть? На что Александр Евгеньевич тут же ответил:

— Это коснулось не только вас. Война идет к концу, нужно думать о послевоенном развитии АДД и беречь боевые командирские кадры.

Да, в тот год многим налетавшимся и уцелевшим молодым командирам был обрезан счет боевых вылетов, тем более что летных экипажей у нас уже было достаточно. Теперь я знал, что именно Голованов еще за год до окончания войны не только размышлял о послевоенной судьбе АДД, но и готовил ее опору.

С того дня и до конца войны мне удалось выпросить у Александра Ивановича «под личную ответственность» всего шесть боевых полетов и один сверх того нагло «украсть», слетав на задание вопреки командирской воле.

Моим уделом стала инструкторская работа, да иногда, как разминка, разлеты по самым разным неожиданностям: то выручить кого-то после вынужденной посадки, то разведать внезапно наползавшую непогоду, то облетать подозрительный самолет. Но чаще всего я находился на старте, у «Т», наблюдая за тренировочными полетами уже самостоятельно летавших лейтенантов и, конечно, выпуская экипажи полка на боевые задания, а потом ожидая их возвращения, чтобы принять на посадке. Постепенно входила в практику, по законам и нормативам довоенного времени, регулярная проверка техники пилотирования и боевого состава летчиков. Это тоже стало моей заботой.

А фронт уходил все дальше на запад. Нужно было и нам подтягиваться. Цели лежали в каких-то десятках минут от линии соприкосновения, а путь к ним шел по нашей территории часами. Прыжок на очередной аэродром был не бог весть каким - всего километров на двести, к Бышеву, западнее Киева. Обыкновенная полевая площадка на черноземе. Слабенький, с тощей травкой, раскисавший под дождями грунт, но пока держалась сухая погода, летать с него было можно.

С этого аэродрома один за другим начинали свой счет боевых полетов самые молодые экипажи. Они отчаянно рвались в бой и очень гордились своей причастностью к фронтовому братству.

Александр Иванович по-прежнему был неуступчив и только один раз согласился пустить меня на задание - участвовать в бомбардировке укрепрайона возле Ковеля. Больше и слушать меня не хотел. Будучи сам, еще раньше меня, отсеченным от боевых полетов, он коротал ночи на КП, удерживая, естественно, рядом с собою и своего штурмана - старшего штурмана полка Максима Алексеева.

Но однажды, это было в конце августа, не надеясь на командирскую милость, я уговорил Максима, с которым дружил, тайком слетать на какую-нибудь хорошую цель. Подвернулся Тильзит. Среди целей — мост через Неман. Взлет в темное время. Лучшей удачи не найти.

Подготовили расчеты, карты, облачились в кожанки и, заранее выбрав рядовой экипаж, самолет которого был снаряжен подходящим для разрушения моста боекомплектom, подкатили к машине, высадили из кабин летчика и штурмана, сами сели на их места, запустили моторы и в общей очереди, под чужим позывным взлетели.

Это было чистой воды хулиганство. Но так хотелось еще раз пройти сквозь огонь обороны над вражеской целью и сбросить в нее очередную порцию бомб! Что влекло туда? Жажда мщения? Чувство незавершенности боевого долга? Не без этого, поскольку война еще кипела. Но что-то еще...

Когда полк уходил на боевое задание, а я оставался с ракетницей в руке на затихшем и опустевшем аэродроме, невольно наплывало чувство ущемленности, досады и чуть ли не стыда, будто отстал от своей стаи, уклонился от боевого дела, послав вместо себя молоденьких ребят.

Полет с Максимом шел легко, даже весело. В оживленных переговорах время летело быстро. Но по мере приближения к Прибалтике мы, предельно сжимаясь в комок, с настороженным вниманием стали острее всматриваться в черноту звездного неба. Дело в том, что еще при проработке задания начальник разведки предупредил, что у немцев, и именно в этом районе, над Восточной Пруссией, появились реактивные истребители. Это была диковина: винта вроде бы нет, а летит со скоростью тысяча километров. Так ли это? Но увидеть его нам не довелось: ночью они еще не летали.

Тильзит нас ничем новым не удивил. Оборона отчаянно стреляла и захватывала прожекторными лучами, город горел.

Максим вел на мост. Там рвались бомбы и шла стрельба. Пришлось приспустить, чтобы дать Максиму пораньше ухватить глазами и прицелом ту тоненькую ниточку, что резала Неман поперек, и разорвать ее. Никаких маневров - по прямой, на удачу. Не случайно оборона мостов поглотила столько самолетов и летного состава, как никакие другие цели.

Незамеченными пройти не удалось. Нас осветили и принялись поливать прицельным огнем, но не попали. Видно САБы, висевшие над мостом, для пушкарей оказались помехой. После сброса бомб Максим и радисты шумно уверяли меня, будто серия пересекла и накрыла под малым углом середину моста, а несколько бомб взорвалось в его фермах. Дай-то бог! Я этой картины не видел.

После посадки, как и полагается, чтобы отчитаться о выполнении задания, мы пришли на КП.

Что тут грянуло! Начать с того, что «побег» обнаружился очень скоро, ведь на земле оставались свидетели. Командир решил немедленно вернуть нас, но начальник штаба отговорил его. Казалось бы, Александр Иванович за то время, пока мы летали, должен был остыть, смириться со случившимся, умерить свой гнев. Куда там!

Мы стойко принимали удары, еще не подозревая, что главный был впереди.

И вдруг его как осенило. Он весь загорелся и, треснув кулаком по столу, выпалил как приговор:

- Водки им не давать!

Наконец, мы смогли доложить и о выполнении задания. Доклад Максима о взрывах в мостовых фермах и повреждении моста вызвал у Александра Ивановича ехидный смешок:

- Он еще и мост разбил! Для того моста дивизии мало, чтобы завалить его. Да и не ты один бомбы бросал туда.

Командиру подай документ, доклады на веру не берутся. Выручил Лунев. В ту ночь он привез прекрасные снимки, на которых разрушение моста было вполне очевидным. Это Александра Ивановича несколько смягчило. «Приговор» он не отменил, но злиться перестал, и добрые отношения, которые у нас были прежде, установились снова.

Наш полк перелетел под знаменитую Шепетовку, в Грицев. Там уже ждала нас передовая оперативная группа с отработанными заданиями, расчетами и разведанными.

Осталось их содержание переложить на собственные полетные карты и внести в боржурналы. В первую же ночь экипажи ушли в боевой полет.

Русские названия целей окончательно исчезли, в их топонимике теперь устойчиво звучали иностранные, и на душе, признаться, было легче.

В октябре всё время тянулись низкие облака и сыпало дождиком. Но полк и в наступившие длинные ночи порой успевал делать по два вылета. В затылок основному составу пилотов дышала очередная цепочка молодых лейтенантов.

Грицев село большое, районный центр. Через село протекает речка. Рядом добротное шоссе, аж до Киева.

Контрразведчики предупредили - места здесь бандеровские. Пришлось у общежитий погуще выставлять караулы. Но начальство все равно предпочло постой у хозяев. Осторожно, не надеясь на мое согласие, квартиреры предложили мне комнату в добротном каменном доме, но на отшибе, с краю села. За домом шло неширокое поле, а дальше чернел сосновый лес. Я согласился без колебаний.

Навестивший нас Тихонов, теперь уже генерал, узнав об оторванности моей квартиры от штаба и общежитий, потребовал немедленно переселить меня ближе к центру. Раза два или три я, подчиняясь его воле, ночевал в общежитии, но тот дом не бросил.

Просторная, вся в белизне стен и занавесок, светлая и теплая комната, отданная мне для ночлега, широкая кровать с высокой периной и горой подушек, молодая, заботливая хозяйка, с небольшим семейством и дойной коровой. С какой стати покидать этот благостный уголок? Да мне и перед Стэпой, как звали по-украински мою покровительницу Степаниду, было неловко перебираться в более безопасное место, вроде как из трусости.

В этой комнате до моего поселения, когда проходил через здешние места 1-й Украинский фронт, квартировал сам командующий войсками генерал армии Ватутин.

В ватутинское время дом был под мощной боевой охраной, и бандеровцы в этой округе никак себя не проявляли. Да и сейчас о них шли только разговоры. Судя по всему, наш райцентр, где стоял полк, их не особенно соблазнял

перспективой вооруженных столкновений. Они чаще бандитствовали по сторонам, в местах более глухих, чем наше.

У меня был не только пистолет, но и легкий автомат с полным рожком патронов. «Ночевать» мне больше приходилось днем, а если ночью, то шел я к дому самой незаметной и тихой тропинкой через кладбище. Но однажды, в дождливую серую ночь, в глубине села захлопала перестрелка.

Молодой штурман Володя Мильченко, по случаю какой-то болячки, от полетов был отстранен и с забинтованной головой поздним вечером решил навестить новых грицевских знакомых, отправившись к ним напрямик через огороды. Как вдруг впереди за изгородью промелькнула и застыла, будто кого-то высматривая, еле различимая тень. Рядом появилась другая. Мильченко залег. Не проявляли себя и тени. Наконец из темноты раздался голос:

— Ты кто? А ну, давай сюды!

Мильченко промолчал. В его сторону раздался выстрел. Пуля прошла рядом. Володя ответил. Те гады выстрелили еще раз, другой, третий. Им навстречу пулю за пулей посылал и наш неробкий боец. Потом стал отползать и, когда почувствовал, что оторвался, бегом в штаб. В комнате командира полка сидели трое - сам Александр Иванович, начальник штаба Рытко и я, слушали донесения разведчиков погоды. Вдруг в распахнутой двери возник Мильченко - без фуражки, в белых бинтах, вспотевший и запыхавшийся.

- Там бандеровцы! Ведут огонь! Я отстреливался. Еле ушел. Они за огородами. Там! - неопределенно показал он рукой.

Александр Иванович недоверчиво осмотрел мокрую фигуру, позвонил дежурному по полку, приказал поднять караул, дежурный взвод и ждать его команды. Он начал было уточнять обстановку, пытаясь понять, где это случилось и сколько их там, бандеровцев, но тут раздался телефонный звонок. Трубку снял командир. Секретарь райкома комсомола тоже докладывал о бандеровцах, проникших в село, и что он вел с ними перестрелку, а одного, у которого голова перебинтована, может, даже убил.

Шапошников прикрыл трубку рукой, залился хохотом и, еще давась от смеха, поблагодарил секретаря за бдительность и храбрость и добавил:

- Ты в того бандеровца с белой повязкой не попал, но мы его поймали, а остальных разогнали. Не беспокойся – передадим, куда следует.

Караулу и взводу дал отбой. Мильченко стоял растерянный и сникший.

- Иди спать, - сказал ему командир, - а то еще с перепугу убьешь кого-нибудь.

В Прилуках к Тихонову приехали представители сельсоветов из соседних деревень, пожаловались на разбойные набеги бандитской группы, укрывавшейся в зарослях узенького острова, образованного петляющими лабиринтами и плавнями небольшой речки Удай. Пробирались было туда небольшие милицейские отряды, вроде и места бандитских «лежек» выследили и в перестрелку вступали, а взять или перебить их не смогли. Банда зверела всё больше.

Василий Гаврилович, как старший воинский начальник на многие десятки километров во всей округе, должен был принять меры. Но не пошлешь же авиацию в облаву со штыками наперевес? Он решил задачу сообразно своим возможностям: приказал провести на «У-2» разведку, точно зафиксировал на схемах ориентиры и возможные укрытия, а затем снарядил звено бомбардировщиков и пустил на штурмовку. Не забыл и меня.

В ясное летнее утро, не торопясь, с круга и с небольшой высоты, с нескольких заходов, как на полигоне, мы разделили осколочно-фугасными бомбами и пулеметным огнем все намеченные точки, и, хотя с воздуха каких-либо следов скрывавшейся там банды обнаружить не удалось, с той поры в округе наступил покой. Думаю, она вовремя успела уйти с того обреченного места.

Вот уж где были воистину бандеровские гнездовья, так это в местах, окружавших Грановку, наш новый аэродром южнее Дубно. Тут не слухи витали, а приходили регулярные оперативные сводки о кровавых расправах с местными патриотически настроенными жителями и нападениях на советские сельские учреждения и даже воинские объекты. На авиационные части они пока не замахивались, вероятно, из опасения ответной реакции. Правда, позже, но это уже было делом рук польской националистической банды, ночью был

похищен и бесследно исчез майор, офицер оперативного отдела дивизии.

В начале декабря 1944 года АДД была преобразована в 18-ю воздушную армию и подчинена командующему ВВС. Количество полков оставалось прежним, но сократилось число дивизий, вобравших в себя по три-четыре полка, вдвое меньше стало и корпусов. Хотя боевой состав в новой организационной структуре не претерпел существенных изменений, статус воздушной армии выглядел теперь заметно пониженным по сравнению с прежним положением АДД.

Грановка была нашим последним боевым аэродромом на советской территории. Весной 1945 года аэродромный грунт раскис, а металлическая полоса, оставшаяся нам в наследство от улетевших истребителей, под весом тяжелых колес очень быстро погрузилась в рыжую хлябь. Соседние аэродромы тоже один за другим выходили из строя. Летать стало трудно. На маленьких аэродромах скапливалось большое количество тяжелых самолетов. Нужно было уходить на новые места, искать полосы с прочным покрытием.

Хмурым, слякотным днем полк гуськом, врасстяжку, чтобы не толкаться на посадке, перелетел Западный Буг и подвернул к польскому аэродрому Замостье.

В мартовские и апрельские дни днем и ночью штурмовали твердыни Восточной Пруссии. Крупные силы дальних бомбардировщиков, перемежая ночные действия с дневными, пробивали путь к стенам Кенигсбергской цитадели. Но оборонительные сооружения только пошатывались, слабо поддаваясь даже тяжелым бомбам, и не рушились. Войска ждали от нас особой мощи ударов и высочайшей, математической точности поражения. Цели, как никакие другие за всю войну, были невероятно прочны и малоразмерны, а атакующие цепи наших войск совсем рядом.

Помочь могли только дневные массированные удары, к тому времени изрядно выветренные из довоенной науки и фронтовой практики дальних бомбардировщиков всем предыдущим опытом войны. Для большинства экипажей все это было новым и непривычным, но общий высокий уровень летного мастерства и боевой дух не давали повода сомневаться в успехе возрожденной идеи. Тем не менее, эта

очевидность в высших штабах не для всех оказалась бесспорной.

Ясным днем 7 апреля плотный поток более 500 дальних бомбардировщиков, в сопровождении 150 истребителей и под прикрытием над целью еще одной сотни, взломал бомбами крупного калибра последние узлы немецкого сопротивления, открыв нашим войскам путь к цитадели.

Наши штурмовики сумели подавить значительную часть зенитных батарей, заблокировали на аэродромах основную массу немецких истребителей, те, что успели подняться в воздух, сквозь такое скопище наших самолетов не сумели даже приблизиться к бомбардировщикам. Не было ни одной потери.

Александр Иванович, видя мое «смирение», иногда все-таки уступал «по-хорошему» моим просьбам и за последние месяцы расщедрился еще на четыре боевых вылета.

Ну, а уж когда настал тот знаменитый день, 16 апреля, перед началом решающей Берлинской операции, командир снова разрешил мне в боевой вылет вместе со всем полком.

18-я воздушная армия в ту ночь, к самому рассвету, к минуте начала атаки, 750 самолётами со всех восточных направлений собралась в районе Зееловских высот для удара по опорным пунктам второй полосы обороны противника.

Ночь, пока мы были в пути, стояла ясная, но темная, безлунная, вся в густой россыпи звезд. Шли строго по горизонту, сохраняя уже выбранную боевую высоту. Никаких маневров в этом плотном потоке устремившихся на запад самолетов: высота, курс, расчетная путевая скорость - все должно быть строго по плану.

Когда под правым крылом «проплывала» Познань, над нами взорвался крупный зенитный снаряд. Единственный. Видно, какой-то чудака-зенитчик, то ли сдуру, то ли спросонья, бухнул одиночным выстрелом в ночное небо просто так, бесприцельно.

Но, боже, что началось! Весь окружающий нас, казалось, мертвый мир, мгновенно засверкал сигналами «я свой». Ракеты посыпались со всех сторон, на разной высоте - сверху и снизу, впереди, с боков и сзади.

От неожиданности я весь съезжился, только сейчас осознав, сколько нас идет на цель. Но вот за спиной уже

зарозовело небо, потом прояснилось пространство и впереди. Внизу все сверкало и горело от взрывающихся снарядов, начавшейся артиллерийской подготовки и авиационных ударов.

Мы вышли на предназначенный нам опорный пункт и в массу непрерывно рвущихся бомб запустили и свои. Уже на развороте мы увидели цепь лучей, стелившихся по земле и светивших в сторону вражеских войск. Это были те 140, ставших знаменитыми, прожекторов, которые мгновенно включились, чтоб ослепить противника в минуту начала атаки.

Я пока не знал, что это был мой последний, 307-й по счету, боевой вылет. Но случилось именно так.

В ночь на 9 мая, в предчувствии какого-то великого, как чудо, свершения, мы никак не могли заснуть. В комнате, где нас было не то 6, не то 8 полковых командиров и штурманов, при зашторенных окнах горел свет, а мы, завалившись на койки, все еще продолжали друг с другом переговариваться. Потом вскакивали, прохаживались вдоль стен или выходили за дверь на очередной, уже одуряющий перекур. Кто-то безнадежно крутил старый приемник, вылавливая на каких-то славянских языках обрывки фраз, вроде бы свидетельствовавших об окончании войны, но это мы ловили и раньше, еще с начала мая, а война все продолжалась.

И вдруг за стенами дома неожиданно поднялась оглушительная стрельба.

Я выключил свет и распахнул окно. Откуда и кто вел огонь - понять невозможно. Мы и сами потянулись к пистолетам. Кто-то, пробегая внизу, исступленно орал:

— Победа-а-а! Победа-а-а!

Через минуту и мы падали в ночное небо. Нас охватила одуряющая взволнованность, а также чувство утраты реальности.

Возле штаба полка появился командир корпуса Логинов, его штаб находился рядом с нашим. Побаиваясь, не без оснований, за опасные последствия беспорядочной стрельбы, он, сквозь невероятный шум от стрельбы и радостных криков, довел наконец до нашего сознания команду:

- Построить полк!

Стрельба постепенно умолкла. Шапошников окончательно остудил страсти, построил всех в шеренги и доложил комкору.

- Зарядить оружие! – затем скомандовал он.

Когда мы снова замерли, Евгений Федорович поздравил нас с Победой, поблагодарил за боевую доблесть и вечной славой помянул павших в бою. По его команде полк трижды выстрелил в небо в честь Победы и отправился, как он потребовал, в общежитие на отдых.

Какой там отдых! Разгоряченные и взволнованные, мы вернулись в свою комнату, распахнули при полном освещении все окна и, не зная, как выплеснуть свою радость, пели, хохотали, паясничали и вместе с тем обреченно взирали друг на друга: радость наша явно не дотягивала до логического завершения. Ничего не поделаешь, никуда не уйдешь - уж не в такие праздники без вина не обходились. А тут - такое! Но на дворе ночь и никаких знакомых шинкарей.

Да если б вы знали, что лежит в моем чемодане, дожидаясь этого дня, вы, пожалуй, не заглядывая вперед, давно извлекли бы этот, ставший сейчас бесценным, дар и нашли бы повод разделить с ним раньше. Это был именно дар.

Однажды наш оружейник Арзали Алхазов в случайном разговоре под крылом самолета заговорил о доме, о родных, что живут где-то в горах, на Кавказе, и о том, что писем оттуда почти не бывает. Всю войну прожил он на аэродроме. Как заводной, выбиваясь из сил, подкатывал и подвешивал бомбы и, казалось, только для этого и был рожден, а у него где-то дом, семья, уже очень немолодая мать.

Да что ж это мы, без него не управимся? Я взял да и оформил для него отпуск, чтоб хватило и на дом, и на дорогу. И вот в конце апреля, вернувшись в полк, Алхазов принес мне литровую бутылку великолепного крепкого домашнего вина.

- Это вам, товарищ подполковник, мама прислала.

Как отказаться от материнского подарка?

Теперь я, не торопясь, выставил его на стол. Что творилось! Для новой волны ликования уже не хватало слов - витали одни междометия! Всем досталось совсем понемногу, да и вино, при всей его кавказской крепости, «достать» нас

никак не могло, но ритуал был соблюден, и тем мы были счастливы.

Днем в полку состоялся торжественный и очень веселый обед. А на рассвете другого дня Александр Иванович приказал снарядить для полета наш полковой «Дуглас», вкатил в него свой командирский «виллис» и, пригласив с собою начальника штаба Рытко, нового старшего штурмана Ивана Киньдюшова и не забыв меня, повел машину на Берлин.

Сели на аэродроме Вернойхен. Спустили «виллис», уселись и двинулись в густой толчее разномастных, со всего света автомобилей в поверженную столицу рейха.

День клонился к вечеру, и мы почувствовали, что без комендантского покровительства нам здесь не обойтись — ни поесть, ни переночевать. Спросив советский патруль, мы нашли на Вильгельмштрассе коменданта одного из районов Берлина — молодого, симпатичного, боевого пехотного подполковника. Он нас встретил по-братски, накормил, устроил небольшой отдых, показал Берлин и уже в глубоких сумерках повез в подземные бункеры рейхсканцелярии Гитлера. Многие помещения еще не были разорены. Всё, что находилось в них, обстановка и оборудование, вызывало у нас особый интерес и любопытство, поэтому мы задержались там изрядно.

Когда по ночному, без городского освещения Берлину тронулись в комендатуру — не тут-то было. Попытки найти обратную дорогу были тщетны. На улицах мертво, в окнах ни огонька, подъезды гулки и пусты, зато где-то вдали, а то вдруг и поближе слышались автоматные очереди или одиночные выстрелы.

А мы все ехали наугад. Вдруг фары осветили человеческую фигуру. Александр Иванович, сидевший за рулем, рванул скорее к ней. То был простенько одетый старик, немец. Мы повторяли одно и то же слово — «Вильгельмштрассе», но дед опешил и молчал, со страхом разглядывая нас. Пока я рылся в своей памяти, пытаюсь что-то вспомнить из школьного запаса слов, чтобы задать вразумительный вопрос по-немецки, меня опередил комендант:

- Во ист Вильгельмштрассе?

Старик стал что-то очень пространно объяснять, из чего я выделил знакомое мне слово «цурюк». Другим не удалось и это.

- Братцы, - обрадовался я, - он сказал «цурюк». Это назад.

Повернули обратно, впереди была длинная улица, и мы не знали, сколько надо ехать «цурюк». Александр Иванович снова вернулся к ночному пешеходу, взял его на борт, и, успокоенные предстоящим успехом, мы помчали по той же дороге. Наш «гид» молчал, а мы все ехали и ехали. Наконец остановились и переспросили его, далеко ли, мол, Вильгельмштрассе. Из новой тирады я снова уловил «цурюк».

- Выходит, проехали, товарищ командир. Поворачивайте обратно.

Немец еще несколько раз поддавал нам «цурюк», а мы все носились взад-вперед, пока раздраженный Александр Иванович не высадил его из машины. В полном молчании, он случайно выехал на большую площадь, выключил мотор, вылез на капот и, подложив ладонь под щеку, подобрав ноги, заснул. Мы спали сидя, не покидая своих мест.

Утро наступило быстро. Появились люди. Площадь называлась Александерплац. Вильгельмштрассе оказалась совсем рядом.

Комендант в своей резиденции снова обрел уверенность, угощал нас роскошным, с тостами, завтраком, подарил на память изящные карманные пистолеты и проводил на аэродром.

До самой последней минуты войны фронтовой народ не очень задумывался над своей послевоенной судьбой. Но вот война отошла, прошумели первые дни ликований. Что дальше?

Однажды меня срочно вызвали в штаб.

- Собирайся, - сказал Александр Иванович, - на аэродроме тебя ждет попутный «Дуглас». Полетишь в Москву, в Монинскую академию на курсы.

Документы были готовы, чемодан я собрал мгновенно, бросил его в трофейный «Ханемак» и, подкатив к самолету, влетел в него. Тотчас и порулили. Прощай, полк! Войну закончил в должности заместителя командира полка.

За годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов совершил 307 боевых вылетов на бомбардировку скоплений

войск противника и стратегических объектов врага в его глубоком тылу.

После войны продолжил службу в ВВС СССР. Командовал авиационным полком тяжелых бомбардировщиков, затем авиационной дивизией тяжелых бомбардировщиков.

В 1961-1964 годах был заместителем командира, а в 1964-1968 годах - командиром 2-го отдельного тяжелого бомбардировочного авиационного корпуса.

В 1968-1969 годах в звании генерал-майора авиации был первым заместителем командующего, а с 1969 по 1980 год командующим Дальней Авиацией.

В 1980 году в звании генерал-лейтенанта был назначен заместителем главнокомандующего ВВС по Дальней Авиации.

На исходе последней недели 1979 года когда «ограниченный контингент» наших войск еще не успел войти на территорию Афганистана, я был командующим Дальней Авиацией ВВС и получил задачу нанести бомбовый удар по северо-западной окраине Герата.

«Там засели мятежники», - было сказано мне.

Десяток их или целая дивизия, в доме ли сидят или митингуют на городской площади - об этом никто ничего не знал.

При рассмотрении крупномасштабных карт, уточнил, что это компактный крупный город, прижатый к горам, река, дороги. В справочниках было сказано: около 160 тысяч жителей. Вот и всё.

Куда бросать бомбы, где точка прицеливания? Народу набьем - это точно, но разбомбим ли мятежников? А может, тамошний народ - это и есть мятежники? Честно говоря, я очень смутно представлял афганскую путаницу в расстановке противоборствующих сил, не отличаясь этим от моих начальников.

Настораживала быстрая и кровавая смена лидеров. Верные друзья в одночасье превращались в заклятых врагов, их сменяли неведомые миру новые фигуры с предписанием свыше - любить и жаловать. Игра с лидерами шла на уровне высшего партийного руководства обеих стран.

Но приказ есть приказ. Время терять нельзя. Назначенный полк был поднят по тревоге и получил задачу. Он хоть и

дальнебомбардировочный, но от точки удара базируется далеко и с полной бомбовой нагрузкой ему не хватит радиуса вернуться обратно. За Каспием избран крупный промежуточный аэродром, но там нет подходящих боевых бомб - одна мелкота. Маловато и стоянок. Пришлось ограничиться эскадрильей. Часть бомб она принесёт с собою в люках, а остальные доставит отряд стратегических кораблей.

На чужом аэродроме, где никто не знал, зачем мы прилетели, экипажи на своих плечах, подручными средствами подвешивали бомбы на все замки. Одновременно заправляли баки.

Пока ночь, надо было успеть со взлетом. Решение о том, чтобы днём бомбить город с применением тяжёлой авиации, не имея точек прицеливания, координат цели могло привести к катастрофическим и скандальным последствиям.

Перед взлетом попросил уточнить обстановку. Не было не только уточненных данных, но и подтверждения прежних. Перешли в режим ожидания, а Главком не спешил давать отбой. Он уже знал, что нового подтверждения о концентрации мятежников в Герате нет. Да и были ли они там? Но ему казалось, что мы из-за своей нерасторопности упустили время и редкостную возможность нанести удар по «врагам революции». Еще кипя боевым порывом, он произносил зло и едко:

- Эх ты... Дальняя авиация. С вами только свяжись.

Упрек звучал уж очень обобщенно. Но применение дальнебомбардировочной авиации по городу не состоялось. Герату пока повезло.

Спустя четыре года дальние бомбардировщики все-таки один раз помогли нашему «ограниченному контингенту». Дело было так.

На одной довольно высокой горе, с небольшим плато, прочно обосновался солидный гарнизон моджахедов. Выбить их оттуда не удавалось никакими силами. Наши войска несли немалые потери, а гарнизон к себе не подпускал, сильным огнем контролировал важные узлы коммуникаций и даже подстреливал наши летающие цели. Тогда и возникла задача: «Ну-ка, снимите их с верхотуры, только ночью, чтоб никто не засек Дальнюю над Афганистаном».

Подготовили полк, посадили поближе, снарядили под завязку крупными бомбами и всех разом пустили. Ночь выпала темная, а сама цель была прикрыта густыми облаками.

Автоматика сработала без ошибок. Плотность бомбового удара по сравнительно небольшой площади не оставила гарнизону моджахедов ни малейших надежд на выживание. Он затих и больше себя никак не проявлял.

Так мне, находясь на должности командующего Дальней Авиацией ВВС с 1969 по 1980 год, а затем - заместителя Главкома ВВС по Дальней Авиации с 1980 по 1986 год, пришлось участвовать в принятии решений о неприменении в 1979-1980 годах и о применении в 1984 году дальнебомбардировочной авиации в Афганистане.

С октября 1986 года нахожусь в отставке, веду активную общественную деятельность на посту председателя Совета ветеранов авиации дальнего действия и дальней авиации.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1943 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда № 1055.

Награждён тремя орденами Ленина, орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, орденом «Знак Почета» и многими медалями СССР и России.

Моим именем назван один из стратегических бомбардировщиков «ТУ-160» ВВС.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Соколов Антон Вячеславович**, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Ржанов Иван Феокистович

Семь лагерей

Я родился 15 июля 1921 года в деревне Родимиха Нижегородской области. Русский, православный, член Коммунистической партии.

До войны окончил Спасскую школу-семилетку, прошел курсы по подготовке учителей при Семеновском педагогическом техникуме.

В октябре 1940 года был призван на службу в армию. Нас отправили в западную Белоруссию. Попали мы в 120-й отдельный противотанковый дивизион. На вооружении были пушки, с 45-мм противотанковыми снарядами. Нас, четверо ребят, зачислили в учебную батарею, там готовили младших командиров для дивизиона. Наш дивизион передислоцировали к границе с Восточной Пруссией. Там военнослужащие из строительного батальона уже готовили огневые позиции - дзоты (забетонированные земляные укрепления, где ставили орудия), но их не успели соорудить, поэтому для нас вырыли земляные окопы.

Я с Пашей, моим товарищем из соседней деревни, попал в учебную батарею, где нас учили до апреля. За отличную подготовку дали нам 2 дня отпуска и сказали сходить сфотографироваться. Мы с Пашей сделали фото и отправили домой. Наши родные успели получить эти фотографии ещё до начала войны. Фотография и письмо до сих пор сохранились.

Все знали, что война вот-вот должна начаться.

У нас были специальные тягачи «Комсомолец» на гусеничном ходу, расчетом на 8 человек.

21 июня, накануне начала войны, тягачи оставили на месте, а орудия выкатили на огневые позиции. Одна линия проходила через деревню, нас же поставили во 2 линию - под самые огороды за деревней.

У всех было какое-то дурное предчувствие. Рано утром я поднялся на насыпь и посмотрел на небо. Небо было чистое-чистое.

Потом послышался отдаленный гул, я опять посмотрел вверх и говорю: «Звезды на небе почему-то стали видны. Но они вроде движутся?» Высоко-высоко летели самолеты, целой армадой, но слышен был только приглушенный звук. Они пролетели вглубь нашей территории и начали бомбить. Через полчаса прозвучала автоматная очередь на границе. У меня по коже «мороз прошёл».

Полчаса не успело пройти, появились вражеские самоходные танкетки, они чуть больше наших «Комсомольцев», и по длине и по высоте. Наши ребята открыли огонь.

Появились вражеские танки. Мы продолжали стрелять. Один танк загорелся. Остальные остановились, развернулись и поехали в обход. Тогда полегчало, но очень скоро мы опять увидели в небе самолеты, а затем на наши позиции полетели бомбы. Страшно было, потому что от этих взрывов все летит вверх: и котелки, и винтовки, и что-то от орудий. В окопе зазвонил телефон. лейтенант взял трубку. Его спросили о происходящем, он все объяснил. Дали нам приказ сниматься с места и идти к Минску на укрепленную линию. Мы вручную потащили орудия к месту, где в зарослях на площадке стояли тягачи. Подцепили наши орудия, их к тому времени осталось у нас всего четыре.

Мы решили ехать в обход, чтобы по гати через болото пройти и присоединиться к гаубичной артиллерии.

Дошли до деревни. Видим, из соснового леса вышла в поле пехота наша, а, когда они дошли до середины поля, немецкие автоматчики с колокольни церкви начали их расстреливать. На коне подскакал их командир к лейтенанту нашему и говорит: «Помогите, видите, стреляют!»

Лейтенант командовал: «Давайте быстрее, вручную, ребята». Мы подкатили через деревню, по огородам, наше орудие, пока немцы отвлеклись на пехоту. Первый снаряд пустили - ударился в стену. Второй, третий ... и только пятый снаряд попал в цель, стрельба прекратилась. Пехотинцы побежали к деревне. Мы быстро вернулись туда, где стояли еще три наших орудия, подцепили к тягачу наше орудие, и по лескам двинулись в путь.

Нам нельзя уже было ехать по дороге. Все дороги были заполнены людьми. Гражданские бросились убежать. В основном женщины с ребятами... Вот это было страшно, а сделать мы ничего не могли.

Дошли мы до деревни Столбцы, дальше не пройти: там река, а переправиться негде. Вдоль реки стали идти. Нам до Минска уже немного оставалось, надо было только на другую сторону реки переправиться.

Увидели мост, а там немцы успели танкетки свои выставить.

Враг на своих машинах в нашу сторону двинул, начали стрелять. Наши ребята бросились кто куда, в лес бегут, а по ним огонь в спины. Паша стоял на открытой местности, его орудия развернуты были, и он подбил первую вражескую самоходку. За ней вторая ехала, а снарядов у него больше нет. Разорвало снаряд рядом, и осколок попал ему в локоть.

Он к нам рванул, а лейтенант кричит ему: «Прячься!» Экипаж второй машины заметил нас. Лежала там грузовая машина на боку, а мы за ней, нас вообще было трудно увидеть.

Смотрим, начинает самоходка разворачиваться к нам, а я уж был готов, пушка у нас заряжена. Азарт на меня нахлынул, ненависть так взяла, я наводчиком был. Лейтенант орет: «Давай скорее!» Я нажал на кнопку, и больше ничего не помню, но ребята сказали, что в самоходку попал. Только враг тоже успел выстрелить, его снаряд под правое колесо нашей пушки попал. Орудие перевернулось, а меня, видать, щиток сохранил. Один, раненый, остался из всего расчета, из восьми человек.

Немцы продолжали стрелять по нам. Вот кто настоящий герой был, так это наш лейтенант. Говорят, его в ногу тогда ранило, но он залез за броню на тягач наш, за пулемет, и

отстреливался. Приказал всем выжившим уходить. Нас человек шесть тогда осталось.

Паша, раненый, меня потащил, а потом вплавь через реку. Говорят, я посередине реки очнулся и затрепыхался, этого я не помню, но Паша рассказывал: «Дал я тебе тогда слегка по голове, и ты опять успокоился». Вытащили на ту сторону меня. Я очнулся, но ничего не понимаю и лежу. Все тоже лежали. С той стороны вражеские автоматчики стреляли по нам. И все же нам удалось шмыгнуть в кусты и убежать оттуда.

Двинулись мы в сторону Минска, по тылам немцев. По дороге нам встретился санитарный обоз с ранеными и несколькими санитарками. У них лошадок было три-четыре. С ними больше полсотни человек нас собралось. Подполковник врачом был у них.

Немцы за нами по пятам шли, а впереди артиллерийская стрельба слышна, значит, фронт близко. Иногда останавливались, в лесу пережидали и опять в путь.

И вот, в деревушке на окраине леса, прилег я как-то на деревянную кровать у мужика одного в доме, а другие на телегах или еще где, мне только перевязку сделали, и тут, прямо во дворе, разорвался снаряд! Чей? Не знает никто, то ли немцы стреляли, но не долетел, то ли наши, да не достали. Тут я понял, что слышу! Тогда вскочил с кровати и затанцевал. От того выстрела, когда снаряд попал в щиток орудия, у меня слух пропал, а тут внезапно вернулся. Подполковник как раз тут был, неподалеку раненого перевязывал, посмотрел на меня и говорит: «Ты что, Иван, слышишь? Не может быть!»

Месяц мы еще продолжали так идти, и, к счастью, все были живы. Наши войска, что были перед нами, продолжали отступать. Немцы по дороге передвигались, а мы по лесным дорожкам. Потом наших почти не слышно стало, все только немчура на мотоциклах туда-сюда.

У Паши моего гангрена началась, и похоронили его в какой-то деревушке - ничего не могли сделать.

Подполковник как-то подошел к нам и сказал: «Что-то страшно, ребята». Хотя мы себя-то обеспечивали, автоматы даже раздобыли.

Пришли в одну деревню, переход очень трудный был, все очень сильно устали, в сарае расположились, нас было около

пятидесяти человек. Был солнечный день, и все уснули, включая двух часовых.

Появились мотоциклисты и окружили сарай, где мы были. У нас отобрали автоматы, подполковника посадили в какую-то машину и увезли. Всех остальных загнали в грузовые машины и отправили в Минск.

На краю Минска река какая-то была, тут нас и высадили. На лугу у реки уже сидели пленные. Велели сесть к ним. Чуть позже дали нам всем по пригоршне овса немолотого и по селёдке. Хотелось пить, вода-то недалеко, а нельзя было.

Некоторые смельчаки подходили к воде, наклонялись и зачерпывали. А на том берегу сидели немцы, и стреляли в тех, кто осмелился подойти к воде.

Спустя несколько дней нас начали на машинах отправлять в немецкий тыл. Я попал в Люксембург, на лесоразработку. Были там поляки пленные и нас целый барак. Меня отправили не на саму лесоразработку, а крыть крыши барачков. Кто-то собирал каркас, а я на крыше работал.

В один день я на этой крыше и остался до вечера, а все ушли. Солдаты за нами не очень следили, и не много их было, Люксембург, это же почти Франция. Ну, я и ушел. Дошел аж до города Кельна. По ночам забирался в крестьянские хозяйства, что не охранялись, набирал еды и дальше шел.

Все-таки попал опять к полицаям, направили в лагерь «БК», там и гражданские и военные были. Через некоторое время пришел крестьянин один, который набирал работяг, и я ему приглянулся. Восемь человек он забрал: четыре украинца западных и четыре русских.

У него было так устроено: на четыре человека по одному часовому, часовыми были раненые военные. Жили мы в одном помещении на разных этажах. Все хозяйство было внутри большого сарая: и скотина, и лошади, и инвентарь, а снаружи кругом его поля.

Был среди нас один бывший русский командир, пожилой человек, из Ростова. Он как отец мне стал за это время. Жилось там, кстати, неплохо - у нас даже повар был свой. Мы с этим Алексеем, так его звали, сговорились и решили бежать. Неподалеку была старая железная дорога, вся заросшая кустами. Сначала он ушел туда потихоньку, потом я, и по этой дороге пробрались дальше в долину. Километра на два ушли, а

как вечер наступил, видимо стали искать нас, даже слышно было, как собаки гавкали. Так шли-шли мы, и дошли с ним до Ганновера. Там в чье-то хозяйство залезли ночью, взяли еду, но ушли недалеко, появилась полиция и забрали нас. Его, кстати, избили, а меня и пальцем не тронули, уж не знаю почему. Последний раз я его тогда видел, после чего отправили его в какой-то лагерь, а меня в Ганновере оставили.

Спустя пару дней меня забрал другой хозяин и увез в горы. У него там дом был, жена, двое маленьких детей. Я должен был у него батрачить. Без охраны дали наверху комнату, а ел за столом вместе с ними. Ездили лес вывозить с ним, бычки у него были и четыре коровы - небольшое хозяйство. Я убежал с поляком, который был у другого хозяина. Он хорошо по-немецки говорил, и мы с ним решили пойти на вокзал. Он пошел билеты покупать и не вернулся, видимо, его поймали. Ждал я его, а потом пошел один.

Добрался до Дрездена. За счет того, наверно, и жив - смелый был, не боялся бежать.

Однажды вышел я на берег реки, а там какой-то человек лодку чинит. Поднял он голову и увидел меня. Я от него побежал, спрятался в конюшне неподалеку. Местные вызвали полицию и меня нашли. Посадили в дрезденскую тюрьму, с немцами в камеру. Две недели там побыл, а потом меня в деревянный барак отправили, к русским пленным.

Оттуда направили в Бухенвальд, я только там увидел, как определяют немцы евреев. Нас привели в фильтрацию, всех раздели, и поливали грязной водой, чтоб с нас заразу убрать. Выстроили нас, эсэсовцы ходили с резиновыми дубинками и осматривали нас. Смотрю, одного отвели в сторону, другого. Я не понимал почему. Потом, когда попали в барак, рассказали ребята, что это евреи.

В Бухенвальде было много немцев, политических заключенных, главенствовали коммунисты в основном. В числе узников Бухенвальда были антифашисты.

Я блоковому немцу приглянулся, он как-то подошел и спросил: «Как тебя зовут?» Я ответил: «Иван». Немец-коммунист по-русски говорил немного. Он помогал мне. То хлеба принесет, то супу.

Меня никуда не гоняли, но раз вызвали в контору. Со мной еще группу ребят - и немцев, и русских, и поляков, посадили в машины и увезли в новый лагерь.

Там тоже немцы-коммунисты за главных были, и, уже не знаю, как он меня нашел, но подошел ко мне в первый день немец Пэтр и спросил: «Ты Иван?» Подошел второй немец, они спросили, что я умею делать. Я сказал, что начал работать учителем, а они: «На машинке шить можешь?» А командир, заведующий баракom, был унтер-офицер. С ним они переговорили, поэтому меня оставили там ремонтировать одежду. Это был рабочий лагерь Дора. Приносили носки штопать, обувь чинить. Все там коммунисты были: на кухне, во главе склада, старший писарь. Ребят наших возили на каменоломню, дорогу строить под землей. Как-то у меня спина разболелась, так меня те немцы сводили в госпиталь. Мне сказал переводчик, что нашим тяжело очень на каменоломне, погибает много и никто не возвращается оттуда.

Однажды мне мои немцы сказали: «Тебе надо бежать из лагеря, мы поможем».

До этого троих поймали бежавших и повесили над воротами. Поместили меня и еще одного русского парня в картофелехранилище. Зарыли в картошку и кухонное окошко выломали, чтобы мы потом вылезти могли. Собаки ходили по хранилищу и гавкали, видно хлоркой пахло — все хранилище провоняло ей, да и загазовано было.

Сказали: «Мы сигнал дадим, постучим». Один стук, другой - мы не вылезаем, 5 сигналов должно было быть. Когда 5 раз постучали, я вылез через окошко и Володя за мной. Окошко на гору выходило. Так мы и убежали. Однажды он пошел добывать еду и не пришел, а я два дня в засаде просидел, а потом пошел дальше. Спустился с горы, попал в низину реки, и снова угодил в лагерь какой-то.

Там уже освободили нас наши войска, это было в начале апреля. Попал я в стрелковый полк, минометчиком зачислили. Когда Берлин взяли, объявили мир, а потом сказали, что с японцами воевать отправят, наверно. Нас до Житомира довели, там мы продолжали служить и ждать дальнейших указаний. В декабре был приказ о демобилизации от Сталина. Вот так закончилась для меня война. У меня и справка есть, в каких я лагерях был.

Военные боевые действия закончил в боевой части, в запасном 131-м стрелковом полку минометчиком в минометной роте.

Было ранение в позвоночник, получил контузию еще в начале войны.

Демобилизовался в Житомире.

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Волкова Анастасия Олеговна**, студентка 1-го курса факультета архитектуры и дизайна Нижегородского архитектурно-строительного университета*

Рязанов Виталий Николаевич

Нас направили на защиту Севастополя

Я родился 4 декабря 1920 года в деревне Самойловка Балахнинского района Нижегородская области.

12 января 1941 года, после окончания Балахнинского индустриально-торфяного техникума, я был призван на службу в Военно-Морской Флот. В ночь на 22 июня 1941 года по Черноморскому флоту был объявлен большой сбор. Нам было объявлено, что Германия напала на наш Советский Союз.

Первые месяцы после начала войны, до 30 октября 1941 года, я находился на 20-й авиабазе Черноморского флота, которая обслуживала 62-ю бригаду истребительной морской авиации Черноморского флота. Командиром моей роты был капитан Попов.

Первые месяцы войны мы обслуживали полеты наших самолетов, летавших на Румынию. Так как наша бригада была истребительная, то радиус действия был не так велик, поэтому наши истребители сопровождали бомбардировщики только до Одессы, а после Одессы бомбардировщики летели самостоятельно, бомбили в Румынии нефтяные базы и мосты через Дунай, после чего возвращались обратно на базы.

У нас базировалась эскадрилья пикирующих бомбардировщиков. Этой эскадрилей командовал Герой Советского Союза капитан Цурцумия.

Так было до конца октября 1941 года.

В первых числах ноября нас направили в батальон морской пехоты, который создали из разных бригад (нашей 62-й бригады бомбардировочной авиации, торпедоносной авиации и гидросамолетов).

Нас направили на защиту Севастополя. За ночь заняли оборону, в районе деревни Дуванкой. Утром пошли в атаку, но вооружение у нас было слабое, в основном винтовки еще старого образца, ручные пулеметы и несколько пулеметов, снятых с самолетов.

Мы побежали в атаку. Помню, что бежавшие рядом со мной были или убиты, или ранены, а кто-то продолжал бежать рядом. Увидел впереди лежащего немца, он не двигался. Сначала хотел было взять у него автомат, но решил, что лучше бежать вперед.

Потом пришлось отступать, потому что у нас вооружение было очень плохое, а немцы по нам стреляли уже и из минометов. Мы отступили.

После этого я попал в разведку, но прослужил всего только один день. Нам дали задание пройти 12 километров по шоссе Севастополь-Симферополь и проверить, есть ли на этом участке пути немцы. Ну, мы прошли, проверили, посмотрели - немцев не было. Вернулись и доложили.

Когда я служил в отделении морской пехоты, мы очень часто участвовали в боях. Периодически спать приходилось под кустом: закроешься бушлатом и бескозыркой и урывками поспишь часок-другой.

Однажды нашу роту отправили на отдых, в расположение местного совхоза, который уже был эвакуирован на восток. Помещения управления совхоза были все пусты. Нашему взводу дали место в сарае, в котором раньше были то ли коровы, то ли телята, точно не знаю, ну, в общем, в коровнике. В любом случае, там было много навоза, который просох как следует, давно уже там животных не было. Зашли мы туда, как раз дождик моросил, туманно и прохладно было, погода неприятная была, да и мы мокрые все. Как только зашли туда, обрадовались, что тут дождь не мочит, ветра нет, да еще и навоз теплый. Я нашел местечко, прилег на этот навоз, винтовку рядом с собой положил, каску с бескозыркой под голову, и заснул.

В полудреме подумал: «Как же хорошо здесь, красота-то какая, лучше даже, чем на перине спать». Но, конечно, долго спать мне не пришлось. Ночью зашел в этот сарай рассыльный и стал вызывать одного за другим по фамилиям. Я лежу, надеясь, что не вызовут меня и что смогу проспять до утра. Но, к сожалению, он называет и мою фамилию: «Рязанов! На выход! На построение!» Как не хотелось выходить на дождик!

Нас направили на одну высоту в районе деревни Дуванкой, для того чтобы не пропустить немцев, которые пытались перерезать шоссейную дорогу Симферополь-Севастополь, чтобы наши отступающие войска, находящиеся в Бахчисарае, не могли отступить к Севастополю. В то же самое время в Бахчисарае находился и батальон военно-морского училища.

Мы должны были удержать участок, пока из Бахчисарая наши войска полностью не перейдут к Севастополю на новый оборонный участок, в том числе и курсанты училища.

С ночи до 4 часов дня мы сдерживали немцев, потом нам сообщили, что можно уходить, так как наши войска уже все прошли. Мы оставили нашу высоту. Но мне не хотелось так просто отступить, потому что мне вдруг подумалось - наша земля, мы хозяева, а тут кто-то пришел и нам спать мешают. И вдруг злость какая-то возникла.

Недалеко располагался нежилой дом с огородом за забором из природного камня, обмазанного глиной. Тут я и заметил хорошее укрытие за этой оградой, винтовку положил на выпирающий камешек забора и стал стрелять по немецким пулеметчикам, находившимся на том месте, где мы держали оборону. А они в это время обстреливали Бельбекскую долину, по которой в это время передвигались отставшие курсанты военно-морского училища. Я прицелился, выстрелил по пулеметной точке, и видимо попал, потому что ствол резко поднялся. Отомстил за то, что не дали поспать в теплом месте.

В это время немцы, видимо, посадили другого за пулемет и снова начали стрелять. Я опять пухнул, но они меня заметили и по этому забору, за которым я прятался, как пройдут пулеметной очередью. Забор начал рассыпаться, даже пыль пошла. Я стал убегать, а то они и пристрелить меня могут. А там же огород: огурцы, тыквы... Ну и я змейкой

прямо по грядкам на улицу, а по улице – в Бельбекскую долину. Вдоль реки Бельбек пошел в сторону Севастополя. Догнал отставших курсантов и вместе с ними пришел к рубежам обороны Севастополя.

Через некоторое время меня назначили командиром отделения морской пехоты. Это было уже в Севастополе. Я возглавлял небольшую группу в несколько человек. Капитан-лейтенант привел вечером наше отделение на линию обороны, уже темно было, не видно толком участка. А капитан говорит: «Вот вам участок, его обороняйте, и чтобы ни один немец не прошел. Смотрите за этим делом внимательно». А где тут немцы? Впереди обрыв, ниже - их линия обороны расположена, оттуда их ждать надо.

Утром уже я осмотрелся - участок большой, слева 2-е отделение из нашего взвода, а справа не знаю кто. Я спросил, почему у меня правый фланг открытый, но мне сообщили, что там батальон 25-й Чапаевской дивизии. И сказали: «Уж они-то немцев не пропустят». Я сначала успокоился, а потом смотрю, так нет там ни пехотинцев, никого.

Дня через два решил пойти и посмотреть, как же всё-таки на самом деле там, кто у меня с правого фланга, а то немцы в любое время могут пролезть. Пошел, там редкий лесок, после - поляна открытая, вышел на поляну, и вдруг рядом мина разорвалась. Подумал: «Зачем по одному человеку стреляют». Побежал с открытого места ближе к кустам, залег там, но больше выстрелов не было, потеряли, видимо, меня. Конечно, никаких красноармейцев я там не увидел и вернулся в своё расположение. Немцы были пунктуальны. По утрам ровно в 7.00 или как начинался обед, они начинали обстрел, ну а мы - в окопы.

Был я один раз в разведке боем, в декабре 1941 года. Командир роты приказал моему отделению и соседнему к восьми часам приготовиться и идти на задание - спуститься с линии нашей обороны в долину, где находилась линия обороны немцев. Мы должны были пробраться к ним как можно ближе и обратить шумом на себя внимание, чтобы они по нам открыли огонь, для того чтобы наши разведчики, оставшиеся в тылу, засекли немецкие огневые точки, а уж эти точки наши артиллеристы подбили бы.

Мы спустились, дошли до немцев, они заметили нас, стали бросать гранаты, а мы начали орать: «Ура! Полундра!» Стреляем, лишь бы куда, ночью ведь не видно ничего, а все равно стреляем. Потом нам приказали возвращаться, а немцы в это время уже открыли по нам огонь. Мы отступаем, а впереди нас рвутся мины. К счастью, никто из нас не пострадал и не был убит. Полным составом вернулись. Ночью около костра уже смеялись друг над другом, шутили, кто что кричал и кто как прятался. Кто из-за куста стрелял, кто из-за камня, кто как, в общем.

Немцы начали штурм Севастополя, хотели его с ходу взять. И морская пехота, и разные другие части пехотинцев вступили с ними в бой. Бой шел несколько суток, но немцы Севастополь не взяли.

Утром 17 декабря, когда уже рассветало, над нами пролетел немецкий самолет «мессершмитт», низко пролетел, так низко, что был бы пулемет под рукой, я бы из пулемета и расстрелял, настолько низко и близко. Это разведчик оказался. Когда «мессершмитт» улетел, через некоторое время немцы начали обстрел. Одна мина разорвалась прямо за нами, за нашими спинами. Вторая мина перед нами разорвалась. Думаю, значит, средний-то уж в нас попадет.

А я перед этим поставил одного краснофлотца, Аксенфельд фамилия его, молодой матрос, еврей по национальности, самый молодой из нас был. Я ему сказал: «Встань вот за кустом этим и наблюдай. Если немцы пойдут в наступление, ты мне сразу скажешь». И вот он тут стоял и наблюдал, никакого наступления не было, но начался обстрел.

Когда эти две мины пролетели, я тогда ему крикнул: «Прыгай быстрее в окоп!» Только прыгнул в окоп и на том месте, где он стоял, мина разорвалась, не прошло и секунды.

Питались мы так: на день нам давали миску борща, три небольших сухарика и кружку виноградного вина. Аксенфельд вина никогда не пил, а тут стал пить вино с такой жадностью... Он крошил сухари в вино и ел это как суп.

На тему о питании у меня есть одна история о нашем краснофлотце. Насчет вина он был очень ответственный. Никому не доверял его разливать, делал все самостоятельно,

всем честно выдавал положенную порцию. Как-то раз немецкий минометный обстрел начался во время обеда, когда краснофлотец разливал вино. Мы все, естественно, кинулись в окопы, сидим там и видим, что он схватил кастрюлю с вином и побежал в окоп, но понял, что не успеет добежать, и побежал обратно. Поставил кастрюлю на землю - и к нам. Почти добежав до окопа, он снова обернулся к этой кастрюле, постоял, и все же побежал к ней. Раскрыл бушлат, накрыл кастрюлю, а сверху закрыл собою. А стреляли в этот раз немцы сильнее обычного. Когда атака кончилась, мы вылезаем из окопов, думаем уже, что нет у нас больше товарища. Подходим к тому месту, где видели его последний раз, разгребаем обломки от мин и видим, что он лежит целый, всего с парой царапин. С минуту еще он лежал неподвижно, потом аккуратно, стряхивая с краев бушлата пыль и обломки, начал подниматься и сказал: «Фу, слава Богу, уберег!»

17 декабря 1941 года я был впервые ранен. Во время обстрела одна из мин попала за дерево, разорвалась в нескольких метрах от нас, и меня осколком ранило, много осколков тогда пролетело и около головы, но один все же попал. Справа у меня висел подсумок с патронами, осколок его и разбил, и врезался мне между ребер, так и остался там. Ранение было серьезное, настолько, что у меня дыхание сразу прекратилось, не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Меня отправили в госпиталь в Севастополе, где я пробыл двое суток, потом на крейсере «Красный Кавказ» меня со многими другими ранеными отправили в Сочи, где и долечивали.

После ранения находился в морском госпитале до 23 февраля 1942 года.

После лечения проходил службу на корабле «Сванетия». Командиром корабля был Беляев, а комиссаром - Цыганков. 16 апреля 1942 года наш корабль находился в осажденном Севастополе. Приняв на борт 700 раненых бойцов и жителей города, с наступлением темноты мы вышли в море курсом на Новороссийск.

На следующий день корабль подвергся нападению 12 немецких бомбардировщиков. Один из вражеских самолетов был сбит нашей артиллерией. Немцы сбросили на

нас 48 бомб, но в цель попала только одна бомба. Израсходовав весь боезапас, немцы улетели, но тут же появилось 9 немецких торпедоносцев.

Одна из торпед попала в носовую часть. В результате появилась большая пробоина. Через 8 минут после взрыва корабль погрузился на дно. По плавающим среди волн обезумевшим людям с торпедоносцев вели пулеметный огонь. Многие погибли. Через 3,5 часа после гибели корабля, нас, последних оставшихся в живых, в количестве 61 человек, обнаружил и подобрал следующий тем же курсом эскадренный миноносец «Бдительный».

Дальнейшая моя служба проходила на 532-й батарее береговой обороны на Таманском полуострове.

Наша батарея, на которой я находился, занимала позицию не у самого берега Керченского пролива, а немножко подальше. Впереди нас держал оборону батальон пехотинцев. Немцы наступали, батальон с трудом сдерживал натиск немцев. Вот-вот должен был отступить. Как мы узнали позже, к немцам было направлено подкрепление, две автомашины с немецкими солдатами. Если бы они смогли добраться до своих позиций и разгрузиться, начали бы наступать на наш батальон, он бы, наверно, не выдержал и отступил.

Командование этого батальона обратилось к нашему командованию, чтобы мы помогли пехотинцам и разгромили бы эти автомашины с немецкими солдатами.

Мы установили наблюдение за шоссе, по которому должны были пройти грузовики, и через некоторое время заметили их. Мы открыли по ним огонь, машины с немецкими солдатами были уничтожены. И таким образом, батальон пехотинцев с нашей помощью, выдержал оборону на этом участке. Когда уже затих бой, они поблагодарили нас за поддержку.

А в то время, когда мы обстреливали грузовики на шоссе, немцы тоже открыли по нам огонь из своих орудий. Нам сразу приказали: огонь прекратить, орудия поставить на «ноль», в горизонтальное положение, накрыть защитной сеткой и бежать в укрытия. А немцы продолжали обстрел. Нам пришлось прятаться в специальные щели, которые были вырыты для укрытия.

А я в щель не побежал, рядом с нашей позицией была шоссейная дорога, а с краю от неё кювет был, в виде канавы, прыгнул я в него, прямо в растущую там крапиву лицом вниз и лежу. Траву немного разгреб, вперед смотрю, опасаясь, лишь бы осколком не задело, можно сказать в землю «влип», как можно ниже. И вдруг напротив меня змея ползет, прямо в мою сторону. «Вот уж, - думаю, - хуже осколка, сейчас тяпнет меня, тут мне и каюк». Но она шага три до меня не доползла, повернула вправо на шоссейную дорогу и уползла. Ну, там и обстрел закончился, и я пошел, как ни в чем не бывало, к своим.

Один раз, когда мы находились на берегу Керченского пролива, перед нам была поставлена задача - не допустить немецкие корабли к нашему берегу. При каждой батарее были разведчики, которые проводили разведку и все, что замечали - заносили на карты. По их расчётам мы вели огонь. И вот однажды, разведчики нашей батареи заметили, что на противоположном берегу появилась большая группа немцев, которые разделись и пошли в воду купаться. Разведчики нам об этом сообщили. Мы попросили разрешения у командования и открыли по ним огонь. Открыли мы огонь, ну и «искупали» их там хорошенько.

В августе 1942 года мы оставили Таманский полуостров. Нашу батарею пришлось взорвать, чтобы она не досталась немцам, ведь её на корабли не погрузишь. Мы были немцами окружены, и только кораблями и можно было уйти с Таманского полуострова.

Командир батареи дал приказ мне и еще одному краснофлотцу. Говорит: «Мы сейчас уходим на берег моря, где должны подойти корабли и забрать нас с полуострова. А вы останетесь здесь вдвоем и в восемь часов вечера, не раньше, взорвете эту батарею: разложите толовые шашки в лафеты орудий, потом бикфордовы шнуры подожжете спичками, огонь дойдет до шашек и все взорвется». Оставил нам шашки толовые, взрывные бикфордовы шнуры, взрывчатку, чтобы взорвать их.

Мы разложили все это, но потом подумали, что зажжем мы шнуры, а вдруг ветер, и вдруг огонь погаснет, и шашки не

взорвутся, а орудия останутся немцам? Стали думать, как взорвать наверняка.

Я предложил краснофлотцу: «Зарядим орудия, а со стороны дула вторым снарядом и выстрелим. Вот тут уж взрыв, конечно, будет обязательно, да и красиво получится!» Но выстрелить-то как? Шнур-то всего ничего длиной? Тут и сами-то погибнем! А как тогда выстрелить?

Я вспомнил, что там недалеко валяются телефонные провода. Нашли эти провода, они длинные. Один конец провода привязали к затвору орудий. Сами с этим телефонным проводом поползли в окопчик небольшой, за холмик. Расстояние порядочное, ну, думаю, если и взорвется там все, то нас не заденет, а рядом около орудий были снаряды, целые штабеля снарядов.

И вот когда пришло время взорвать их, мы как дернули за провод! Орудия наши все «разлетелись в щепки», и снаряды около орудий тоже начали взрываться. Вот это была красота, смотреть на это, но нам пришлось удирать. Добежали до берега, а там корабли уже стоят, которые должны были нас забрать.

Я встретил там еще троих наших краснофлотцев и заместителя батареи командира по политической части, и вместе мы пошли к берегу, по ровному месту. А нам кричат: «Куда вы пошли? Это же минное поле! Вон канава, идите по ней». Мы, значит, к канаве, в ней вода была, мы туда.

Только пошли по этой канаве, а политрук пошел по бровке, а не по воде, не захотел идти по воде и наступил на мину. Он был тяжело ранен в ногу. Радисту оторвало ухо. И еще одному осколки попали в живот. А мне только маленький кусочек в ключицу попал.

Потом все-таки вышли к воде. До корабля ведь надо ещё добраться, а берут сначала на корабли раненых, а нас, не раненых, может, могут и не взять.

Я ходил-ходил по берегу, увидел один корабль, который стоит поближе, и решил доплыть. Ботинки снял, шнурки связал, повесил на шею, винтовку в ремне покороче сделал, повесил ее поперек за спину, чтобы свободно можно было плыть. Сначала вода мне была по пояс, потом пришлось плыть, плыву, винтовка за спиной, ботинки на шее висят. Осталось метров десять. Несколько матросов из команды

вышли на палубу, ждут меня уже. Подплыл, меня вытащили. Вот так и попал я на корабль «Ласточка», который шел от берега Таманского полуострова в Новороссийск.

Как прибыли в Новороссийск, ночь переночевали на подходе к городу, а утром из нас, прибывших с Таманского полуострова, создали отдельный батальон морской пехоты и направили на защиту Новороссийска.

Немцы наступали. В этих боях, 6 сентября 1942 года, я был ранен во второй раз. С другими ранеными на корабле меня доставили в город Поти на Кавказе, в пересыльный госпиталь. Потом нас погрузили в эшелон и отвезли в Тбилиси, в военно-морской госпиталь, где я и долечивался.

После лечения в госпитале я служил на бронекатере Азовской военной флотилии. Наши войска подошли к городу-порту Темрюк, а я в это время ходил на бронекатере № 423. Нам дали задание - подойти к берегу Темрюка. Бухта была тылом немцев. Наши войска наступали по суше, а мы должны были с моря зайти к немцам в тыл и обстрелять их, кроме того, создать дымовую завесу, чтобы дать возможность подойти другим кораблям.

Начинать задание приказали только по особому радиосигналу «лапша». Мы ждали приказ, но сигнала нет и нет. А мы на якоре стоим, как раз 12 часов было, время обеда. Нам кок борщ по мискам разлил и раздал, обедаем, и вдруг нас немцы заметили и начали стрелять по нам из орудий. Один снаряд за кормой разорвался, второй перед носом. Я чую - ситуация знакомая, в «вилку» нас взяли, третий снаряд - и в нас попадут. Миску свою я бросил и бегом в машинное отделение. А мы же на якоре стояли. Хотел сдвинуть корабль хотя бы немного вперед. Но ведь так делать не разрешается. Думаю, получу наказание от командира, но все равно продвину. Включил двигатель, катер немного сдвинулся вперед, якорь не поднят был. И тут же в то место, где он стоял, попал снаряд. А мы живы и здоровы, ничего не случилось. Командир тогда не отругал меня. Я все правильно сделал, иначе была бы беда.

И тут все же мы получили сигнал, пошли в бухту, постреляли там, развернулись и, когда стали выходить из бухты, дали дымовую завесу. Задание выполнили.

Юнга у нас там был, 14-летний мальчик. Сначала, когда он пришел к нам на корабль, все хотел быть мотористом в машинном отсеке. Походил немножко в этом отсеке, а там грохот, шум страшный и запах масла горелого, неприятно, не нравилось ему. «Мне бы пулеметчиком!» - говорит. А во время боя за пулеметом был боцман, которому необходимо в это время еще и на палубе быть, свою работу выполнять. Тогда и решили туда Ваню Козубского поставить пулеметчиком. Он с радостью согласился. Как выдавалась свободная минутка, он сидел в пулеметной башне, ухаживал за пулеметом, чистил его до блеска. А когда подходили высаживать десант или какое другое задание выполняли, он из пулемета стрелял, и хорошо стрелял. Мы спрашивали его: «А в какое место ты целишься? Ночь, ничего не видно». А он отвечал: «А я вижу огни немцев, когда они стреляют из винтовок, вот по этим огонькам и стреляю». Позже, за участие в боях, он был награжден медалью «За боевые заслуги».

Наш бронекатер №423, под командованием старшего лейтенанта Софроненко, затонул 3 ноября 1943 года. Нам было приказано в дневное время подойти к берегу Керченского полуострова и вызвать на себя огонь немецкой береговой артиллерийской батареи, с тем чтобы батарея обнаружила себя, наши самолеты-штурмовики могли бы ее уничтожить. Когда стали отходить от берега задним ходом, немецкая батарея открыла по нам артиллерийский огонь. Одним из снарядов было выведено из строя рулевое управление. Через некоторое время один из немецких снарядов попал в машинный отсек, был разбит электрический распределительный щит, осколками ранен старшина Обухов и другие члены машинной команды, в том числе и я. Обухов потерял сознание, двигатели заглохли. Свет погас. В отсеке наступила полная тишина и темнота, корабль стал погружаться.

Что делать? Я решил Обухова взять под мышки и подтащить к трапу. Обхватив его, я стал подниматься по трапу, открыл люк и вытолкнул его на верхнюю палубу. От брызг на палубе старшина пришёл в сознание, и мы его погрузили на шлюпку. Боевое задание мы тогда выполнили, но вместе с кораблем погибли командир бронекатера, командир кормовой артиллерийской башни, старшина первой статьи

Александр Смирнов и старший матрос Константин Кириленко. А мы, через 2,5 часа после гибели бронекатера, доплыли до берега Керченского полуострова. С нами спасся и юнга Ваня Козубский.

В этом бою я был третий раз ранен.

После лечения в госпитале проходил службу в аварийно-спасательном отряде Черноморского флота, а затем в аварийно-спасательном учебном отряде в порту «Балаклава».

О победе наших войск я узнал в Севастополе. Это было 9 мая, в три часа ночи. Я проснулся и думаю: «Что такое?» Стрельба идет вовсю. С подводных лодок стреляют, с эсминцев стреляют, с торпедных катеров стреляют!!! Со всех кораблей, что находились в Севастополе, стрельба идет. Из автоматов, пулеметов не стреляли, только из личного оружия. Крики, стрельба! Неужели десант немецкий высадили?

Потом вижу: моряки бескозырки бросают и кричат: «Победа, победа!»

Неужели все кончилось? Я жив остался, хотя был ранен и тонул. Все позади! Мое тело каким-то легким стало, и я сам тоже стал кричать: «Победа!» - и прыгать от радости, которая меня переполняла.

Мой младший брат, Рязанов Юрий Николаевич, был призван на войну в Самойловке в июле 1941 года. Он был младшим лейтенантом, командиром танкового взвода Рогачевского полка. В начале он воевал на Калининском фронте, затем на Белорусском. В августе 1943 года Юра был ранен. 4 марта 1945 года, в бою за город Польшин, его экипаж уничтожил 4 пулемета и 40 фашистов, вышел на станцию и захватил эшелон с военным имуществом. За это в апреле 1945 года он был награжден орденом Красного Знамени. На территории Германии в бою за город Шторков, 25 апреля 1945 года, его взвод уничтожил одно самоходное орудие, одну пушку, 2 автомашины и 17 фашистов. При одной из контратак противника танк брата был подбит, он погиб 25 апреля 1945 года. Посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Похоронен в городе Шторков земли Бранденбург.

В 1947 году меня уволили из флота в запас.

Имею награды:

- орден Отечественной войны 1 степени;
- орден Отечественной войны 2 степени;
- медаль «За отвагу»;
- медаль «За оборону Севастополя»;
- медаль «За оборону Кавказа»;
- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- медаль Жукова;
- медаль «300 лет Российскому флоту».

Удостоен звания «Почетный гражданин Нижегородской области»

Май 2016 года

*В подготовке воспоминаний оказала помощь **Маслова Дарья Сергеевна**, студент 1-го курса факультета архитектуры и дизайна Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета*

Скреблюков Алексей Иванович

Несколько взрывов ракет вздыбили землю в нескольких десятках метров от нас

Я родился 21 марта 1944 года на хуторе Вавилин Каменского района Западно-Казахстанской области. После окончания Великой Отечественной войны моя семья переехала в село Шабельники Березовского района Одесской области.

В 1961 году окончил Шабельницкую среднюю школу. В сентябре 1961 года поступил в Харьковское военное авиационное училище связи (специальность - офицер радиосвязи). В 1964 году, после окончания училища, был направлен служить командиром радиовзвода в 62-й зенитно-ракетный полк (ЗРП) 26-й дивизии противовоздушной обороны (ПВО) 14-й отдельной армии (ОА) ПВО.

В начале 1965 года я проходил службу в должности командира радиовзвода зенитно-ракетного полка 26-й Мукденской зенитно-ракетной дивизии (ЗРД) в городе Иркутске. Батарея управления полка размещалась на расстоянии 46 километров от Иркутска. В четырех километрах от нашего объекта виднелась церковь села Урик, построенная еще декабристами.

Ходатайство командира батареи капитана В.М. Кукленкова, о направлении нас во Вьетнам добровольцами, и папка рапортов легли на стол командира полка полковника А.И. Матвеева.

Командир батареи управления капитан Владимир Михайлович Кукленков, ветеран Великой отечественной войны, одобрительно отнесся к нашей инициативе.

В середине августа нас срочно направили в Иркутск без права посещения родных. Поселили в казарме, предупредили о встрече с важными военными начальниками.

На следующий день из Новосибирска специальным рейсом прибыли все члены Военного совета 14-й отдельной армии ПВО во главе с Героем Советского Союза генерал-полковником Сапрыкиным. Каждый солдат и офицер был утвержден Военным советом, на котором также присутствовали командир дивизии генерал Гущо, замполит дивизии полковник Салюк, секретарь Иркутского обкома партии Щетинин и другие.

В Ленинской комнате ждали приглашения. Первым пошел начальник штаба полка подполковник Сегал, беседа продолжалась достаточно долго. Вышел весь красный, не заходя к нам, уехал в свой родной полк. По комнате шепот: «Не пропустили!»

У меня дрогнуло в груди — узнают, что жена беременная, тоже не пустят!

Дорога во Вьетнам

Утром 31 августа 1965 года нас собрали в гарнизонном доме офицеров и сообщили, что место нашей спецкомандировки — Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ). Время убытия — 6.00 1 сентября. Попросили с этого момента военный городок не покидать, время отъезда и место выполнения боевых задач были государственной тайной. Представитель в гражданской одежде в течение несколько часов нам рассказывал военно-политическую обстановку в Индокитае.

С грустными мыслями готовились к вылету. Каждому выдали заграничный паспорт. Удостоверение личности и партийный билет сдали представителям 10-го управления Генерального штаба. Завтра в путь.

На ночь у старшего группы отпросился домой. Утром 1 сентября нас на автобусах привезли в аэропорт. Наступило время вылета, но что-то было не так, командира дивизии

генерала Гущо пригласили в здание аэропорта. Через час нам последовала команда сесть в автобусы для отправки в Красный городок города Иркутска. Вспомнили, что возвращаться – плохая примета. Ночевали в солдатской казарме. В 4 часа утра 2 сентября поднялись по тревоге, быстро сели в автобус и поехали в аэропорт. В автобусе и аэропорту тишина. Боимся взглянуть, вдруг снова отбой поезде.

В отдельном зале быстро и формально прошли пограничный контроль. Провожать группу прибыл командующий, а с ним еще несколько человек. Пожелание одно, чтобы все возвратились на Родину после успешного выполнения задания. Группа в самолетах Ил-18.

В салон зашел командующий с напутственным словом. Ну, все, кажется, полетим! У всех приподнятое настроение. Сыпятся шутки, звучит смех. Узнали, что самолет военный, летчики тоже военные и не раз были во Вьетнаме. На вопрос, что мы с собой взяли, и после нашего рассказа о категорическом запрещении брать спиртное и съестное, летчики сильно загрустили. Взлет, полет, через час пересекли монгольскую границу.

Не отрываясь от иллюминатора, наблюдал за ландшафтом.

Вдали за барханами показалась какая-то полоска. У экипажа узнал, что это Великая Китайская стена! С радостью поделился новостью с товарищами. Все любопытные собрались на правый борт, чтобы посмотреть на одно из чудес света. Самолет резко накренился на правую сторону. Из кабины пилотов выскочил штурман с криком на весь салон, чтобы мы прекратили раскачивать самолет в небе!

Приземлились в Пекине. К тому времени в Китае полным ходом шла Культурная революция. Из громкоговорителей доносилась торжественная мелодия «Интернационала».

Спустились по трапу, нас встретили работники советского посольства и китайские представители. В комнате отдыха аэропорта поразила необычайная чистота и блестящий, как свежий лед, мраморный пол. Осторожно прошли и сели за столы. На каждом — цитатники Мао Дзэдуна, его фотографии, значки и листовки. Мы не клюнули на «дармовщину», отодвинули литературу от себя и стали ждать обед.

Через некоторое время стена нашего зала открылась, и мы увидели большой длинный стол. На нем находилось множество блюд. Внушительное зрелище представляла середина стола: море разлитого спиртного, среди которого коньяк, водка, вино, еще что-то непонятное.

Что делать мы просто не знали. С нами ведь рядом солдаты. Им категорически нельзя пить! Офицеры опять же при исполнении чего-то..., но пить им можно. Но тогда зачем на столе все это? Всё внимание на старшего группы, а он смотрит на представителя советского посольства с почти гамлетовским вопросом в глазах: «Пить или не пить?»

Представитель посольства поднялся и дал команду: «Прошу всех наполнить бокалы». Офицеры быстро завладели коньяком, солдаты начали с напитков, но потом стремительно перешли на вино и покрепче... Первый тост был за советско-китайскую дружбу. Начали пробовать заморские блюда. Официантки на хорошем русском языке объяснили нам, где креветки в специальном соусе, яйца черепахи, плавники из акулы и т.д. Пока мы справлялись с закуской, подали горячие блюда, одно, еще одно и еще. Мы уже наелись и напились, а официанты все несли и несли. Жаль, в самолет нельзя все перенести. Лететь еще долго.

После обеда нам организовали прогулку по Пекину. Мы отметили, что город чистый и зеленый. Автомобилей на улицах было очень мало, в основном велосипеды, мотоциклы и рикши. Дворец императора посмотрели только снаружи, тем не менее ощутили потрясающее восхищение искусством древних китайских зодчих. Следующим объектом экскурсии была центральная площадь Пекина Тяньаньмынь, что в переводе означает «Площадь небесного спокойствия».

Великолепный брусчатый камень под ногами. Вокруг нашей группы начали собираться молодые люди. Худые, в полувоенной однообразной зеленой одежде не первой свежести. Злые черные глаза. Казалось, только и ждали команду, чтобы хорошо одетых, сытых и немножко навеселе советских граждан отправить в свою коммуны или в другое место на перевоспитание. Такими навсегда мне запомнились хунвейбины.

Во второй половине дня нас отвезли в аэропорт, и мы продолжили полет с промежуточной посадкой в Чанша, где

была короткая экскурсия по городу. Перед отправкой самолета китайцы загрузили нам много арбузов. Самолет поднялся и взял курс на юг.

Начало неожиданностей

Несколько часов летели над Китаем. Через иллюминаторы наблюдал за бескрайним морем зелени. Самолет пошел на посадку и с ходу сел на ханойский аэродром Залам. С чувством радости и тревоги мы вступили на землю Вьетнама.

В аэропорту нас должен был встретить старший группы советских военных специалистов Учебного центра ЗРВ в ДРВ генерал Баженов Николай Васильевич, а также группа вьетнамских военных и советские специалисты, приехавшие в марте и в июле 1965 года. Возле самолета никакого генерала не оказалось. Рядом развернуты палатки с ужином.

Мы принесли китайских арбузов и стали ждать генерала. К нам подошел мужчина средних лет в резиновых сандалиях с веревочкой между пальцами, в какой-то шляпке на голове и пригласил всех нас к столу.

К своему изумлению, узнали, что это и есть генерал Н.В. Баженов. Ужин был организован по-русски. Подошли наши специалисты, поздравили с благополучным прибытием и сразу задали вопрос: «Вы сколько селедки и черного хлеба привезли?» Для нас это было несколько неожиданно. Молча смотрим друг на друга. Видя наше замешательство, ребята с грустью и недовольством пожали плечами. Летчики с досадой улыбаются: «А мы говорили, что брать надо не пальто и рубашки...» Первый прокол в командировке.

На аэродроме наши служебные (синие) паспорта были переданы представителю Советского посольства. Так мы оказались совсем без личных документов.

К месту первого расположения мы добрались на старых трофейных французских автобусах лишь вечером. Дорога была изрыта воронками от бомб. Автомобили ехали с минимальными огнями. В населенных пунктах сплошная темнота — соблюдение светомаскировки. Возле самого Ханоя нас остановили на КПШ. Полицейский внимательно изучил наши документы, заглянул в автобус и когда переводчик

сказал, что мы - советские (линьсо), широко заулыбался и, помахав рукой, открыл шлагбаум.

Ханой нас встретил спокойствием и размеренностью. Хотя город был мало освещен, поражало множество гуляющих людей на улицах. Немногие машины, движущиеся по узким улицам, прерывистыми сигналами постоянно требовали уступить им дорогу. Не верилось, что страна ведет такую жестокую войну с таким грозным врагом. Переехали металлический односторонний мост через Красную реку.

Поездка по городу оказалась достаточно долгой. Поэтому, когда мы подъехали к окраине города, ханойцы ложились спать. Во дворах или прямо на тротуарах стелили циновки и, не укрываясь, погружались в глубокий ночной сон. Для нас это было странным и удивительным, а переводчик объяснил, что днем каменные дома сильно нагреваются, поэтому ночью в них невыносимо душно. Вот люди и спят на улицах или во дворах.

Через два часа выехали из города. Нас окружила сплошная темень. Узкая дорога к нашему лагерю оказалась разбомбленной. Пришлось ехать в объезд. От липкой вечерней жары наша одежда пропиталась потом. Через открытые окна вместе с горячим воздухом автобус наполнялся комарами и мошкаррой.

К середине ночи добрались до нашего лагеря. Не включая свет, нас распределили в одноэтажном временном бараке, поделенном на комнаты. На окнах циновки. Металлические солдатские кровати с матрасами и простынями. Всю одежду сняли на просушку, повесили на кровати. После такого трудного дня сон не шел. Вспоминалось увиденное за эти сутки. Переживал за жену, как она там – без меня...

Послышались выстрелы зенитных орудий и длинные пулеметные очереди. Даю команду подчиненным: «Подъем! Тревога!» Выскочили на улицу, невероятную темень прорезали пулеметные и орудийные трассы. По небу, неуклюже разыскивая самолет, бродил одинокий прожектор.

В небе нарастал гул самолетов. Злость распирала мою грудь из-за чувства бессилия. Солдаты возле меня, как цыплята возле клуши. Не выдавая страха, подаю команду: «Ложись!» Первым падаю в какую-то жижу. Солдаты лежат рядом. Самолеты пролетели над головами, но взрывы

раздались где-то в стороне. Казалось, что прошло очень много времени, а конца этому хаосу все не видно. Первыми улетели самолеты, за ними замолкли зенитки и пулеметы, один прожектор долго искал кого-то в черном тропическом небе.

Грязные, но гордые только что пережитым «крещением», мы взглянули друг на друга и внезапно...расхохотались. Выскочили из помещения в одних трусах и повалились в жижу! Просто цирк, да и только! Быстро побежали в душ смывать прилипшую грязь. В других подразделениях пришлось солдат искать намного дольше...

Позже мы выяснили, что американская разведка узнала о прибытии группы советских специалистов и месте их размещения и приготовила встречу. Однако вьетнамцы в трех километрах от нашего лагеря развернули ложную позицию, осветили ее и развернули на ней бурную деятельность. В ту ночь был нанесен удар по ложной позиции. А мы отделались легким испугом.

Первые задачи

Недалеко от Ханоя, в учебном центре № 2 на базе 238-го зенитно-ракетного полка, мы проходили акклиматизацию и подготовку к жизни в условиях войны и жаркого климата. Одновременно нас привлекали на ремонт и регламентные работы техники связи на боевых позициях в ракетных дивизионах. В то же время формировались подразделения для усиления двух зенитно-ракетных полков.

Нам повезло с погодой. Температура днем спала до 35°C ...40°C и ночью до 30°C при 100% влажности. Особенно трудно было в первые дни. Над кроватью в районе потолка висела зачем-то марля. Вначале ей не придали никакого значения, но, проснувшись ночью от боли, поняли, что это наше спасение от москитов. Утром все ребята были искусаны, и от каждого укуса на теле появлялся волдырь. Эти волдыри до чрезвычайности чесались и превращались постепенно в страшные язвы. Москитов мы называли не иначе как «мессершмитты». Даже если в такую жару надевался пиджак, то летучие звери прокусывали и его, уже не говоря о рубашках и майках. При высокой влажности и бактериальной насыщенности воздуха даже малейшая царапина не заживала

месяцами. Донимала потливость. Рубашка, только что надетая, буквально через полчаса становилась абсолютно мокрой. Да и вообще сушить одежду бесполезно. За ночь она совершенно не высыхала.

От пота в паху и под мышками образовывались опрелости, как у младенца. Это отражалось на походке. Идет русский богатырь под два метра ростом с широко расставленными ногами и приподнятыми локтями рук. Малорослых вьетнамцев это забавляло. Но они не смеялись. Понимали, видимо, наше положение.

К каждой группе был прикреплен переводчик, который помогал нам освоить вьетнамский язык. В первый день мы выучили все цифры до миллиона и более.

Пока формировали группы, меня с рядовыми Александром Шатровым и Владимиром Татаевым командировали на боевую позицию в зенитно-ракетный дивизион 238-го ЗРП, где не работала радиорелейная станция Р-401. На стареньком легковом автомобиле «Варшава» (модернизированная наша «Победа») с переводчиком и с охраной рано утром отправились в дорогу. Предстояло преодолеть порядка 70 километров. Дивизион находился в горах, южнее нашего учебного центра.

Кто не был в ту пору во Вьетнаме, вряд ли может себе представить, что это за дорога. Между рисовыми чеками насыпана небольшая полоса так называемой дороги, изрытая колесами подвод и машин с многочисленными воронками от сброшенных американских фугасных бомб. Небольшие ручьи и реки были вообще непреодолимым препятствием. Главной мишенью авиации США были мосты через эти реки. Несколько раз перед разрушенным мостом нас разворачивали на объездную дорогу. Последний десяток километров поднимались в горы через джунгли. Узкая дорога проходила как в тоннеле, со всех сторон обвитая лианами и вьющимися растениями. Вдоль дороги в скалах оборудованы площадки и капониры для установки зенитно-артиллерийских орудий и боевой техники. Несколько раз на КПП проверялись наши документы. Неожиданно показались замаскированные сетями и деревьями боевые машины зенитно-ракетного комплекса С-75 «Двина».

На вооружение Советской Армии этот комплекс был принят в 1957 году. ЗРК состоит из радиолокационной станции наведения, станции разведки и целеуказания, двухступенчатой зенитной ракеты, шести пусковых установок, транспортно-заряжающих машин и средств электропитания. Для связи использовались радиорелейная станция Р-401 и ультракоротковолновые (УКВ) радиостанции Р-109.

Во Вьетнам первая группа советских военных специалистов (около 100 человек, в основном ракетчики, зенитчики) прибыла в ДРВ в апреле 1965 года в соответствии с межправительственными соглашениями между СССР и ДРВ. Возглавлял эту группу полковник А.М. Дзыза.

Перед группой была поставлена задача – в кратчайший срок подготовить и ввести в действие первые два зенитно-ракетных полка ВНА.

Ввиду сложившейся на тот момент тяжелой военной обстановки (ежедневные массированные бомбардировки американской авиации территории ДРВ), обучение вьетнамских ракетчиков велось в форсированном режиме по принципу «делай, как я». Ребятам приходилось работать по 14-15 часов в сутки при 40-градусной жаре и высокой влажности. Несмотря на это, уже к июлю 1965 года учеба в основном была завершена, и 24 июля 1965 года советскими ракетами 63-го и 64-го дивизионов под командованием майора Бориса Можаяева и Федора Ильиных и их вьетнамскими дублерами капитанами Нгуен Ван Тхань и Нгуен Ван Нинь, были сбиты три американских самолета. Это были 399-й, 400-й и 401-й самолет.

Успешное применение советских зенитных ракет повергло американцев в шок. Господство в воздухе и безнаказанность бомбардировок ДРВ для них закончились. Наступала расплата за содеянное. Американцы на две недели прекратили налеты.

К сожалению, советских специалистов в дивизионе не оказалось. Прежде чем приступить к работе вьетнамский командир дивизиона распорядился нас покормить.

После обеда нас отвели к радиорелейной станции. Будка на базе ГАЗ-63 плотно замаскирована деревьями. Возле автомобиля развернута полевая аккумуляторная зарядная станция. Два вьетнамца пытались создать из разных марок

аккумуляторов последовательное соединение для зарядки. Из-за чего-то громко ругались.

Мы зашли в радиорелейную станцию. О боже, да это не станция, а сплошная парилка Кяхтинского гарнизона. Посмотрел на градусник. Стрелка термометра показывает +70°C, дальше уперлась в ограничитель. По нашему требованию исполнительный сержант быстро включил вентилятор. В лицо ударило жаром, как после хорошего банного веника. Все понял. Выключил вентилятор сам. На станции не было отдельных блоков. В недоумении я задал вопрос о пустых глазницах в станции начальнику.

- А мы эти блоки в полевых условиях не используем, - последовал ответ.

- Так это резервные блоки?

- Блоки автоматической подзарядки аккумуляторов в любой момент могут потребоваться!

Молчание.

Для проверки станции настроил 1-й полукомплект на свой 2-й полукомплект. Станция в рабочем режиме.

Обратил внимание, что на «шилдиках» приемо-передатчиков стерты рабочие частоты. На мой вопрос, где рабочие частоты для проверки связи с корреспондентом, последовал ответ, что частоты стерли, чтобы о них не узнал враг.

После короткого совещания начальник станции с явным нежеланием выдал мне рабочие частоты для проверки связи. На мой вызов корреспондент не отвечал. Дело туго. В малой аппаратной кроме меня еще находились переводчик, начальник станции, старший механик В. Татаев и А. Шатров.

Выгнал всех из автомобиля. Вьетнамец принёс ведро воды в рядом оборудованный душ. Облился водой и – снова в аппаратную. Чудес на свете не бывает, если полукомплект настроен на полукомплект и обеспечивает связь, то где вторая сторона при работе? Может, на противоположном конце станция неисправна? Вспомнил закон радистов: «Если нет связи, ищи причину у себя».

Наступила ночь. Тревожную тишину наполнили звуки цикад, мигающими фонариками летает множество светлячков. В джунглях слышались охания и ахания непонятных зверей, а рядом в болоте вдруг по-собачьи залаяли... большие лягушки.

Но мне не до наблюдения за экзотическим миром. Связи нет. Расстояние до корреспондента – рукой подать, всего 15-20 километров.

Вспомнил обучение инструкторов в Кяхте. Машинально вместо 14-метровой антенны подключил к блоку развязки кусок кабеля. Включил станцию, настроил и – чудо: есть связь! Начальник станции в недоумении смотрит на меня: «Как так? Без антенны и связь есть! А мы и этот блок развязки хотели снять, он никому не нужен».

Быстро дал команду опустить антенну, промыл спиртом высокочастотные разъемы и проверил полярность частот. И тут полярность антенн перепутана!

К утру радиорелейная линия была настроена и выносной телефон подан на командный пункт дивизиона.

О результатах работы доложил командиру дивизиона.

Он внимательно выслушал, особое внимание я обратил на недопустимость разукomплектования станции. Он меня заверил, что на первом же собрании личного состава поставит этот вопрос на повестку дня. Его ответ меня слегка удивил. В то время у ВНА не было единоначалия. Комиссар имел право в некоторых случаях отменить приказ командира. Подчиненные тоже имели право обсуждать приказ, не приступая к его выполнению. Все решало собрание личного состава. На мой взгляд, в боевых условиях подобные действия вовсе не способствовали успеху общего дела.

Командир батальона попросил, чтобы я провел занятия по зарядке аккумуляторных батарей. Хорошо, что в Иркутске пришлось заниматься этим вопросом, а рядовой А. Шатров отвечал за зарядку.

При проверке зарядной станции обнаружили много аккумуляторных батарей без электролита. Пришлось обучать не только зарядке, но и подготовке электролита, измерению его плотности и многому другому.

После занятий командир дивизиона пригласил меня к себе в палатку на ужин «по-русски». Снова – рис, кусок курицы, много овощей, ананасы и бананы.

В ту ночь ночевали в палатке с сеткой – «москитником». Вечером выгнали прочь всех комаров из-под противомоскитной сетки и легли спать. И все равно приходилось несколько раз вставать, чтобы выгнать комаров

из-под марли. И как они только туда залезают? Просто загадка какая-то. Утром благополучно на автомобиле «Варшава» убыли в свой учебный центр.

По прибытию доложил старшему группы майору Гавриилу Семёновичу Рыжих о результатах поездки. Особую озабоченность высказал по поводу разукомплектования радиорелейной станции. Нашу работу в дивизионе высоко оценило руководство 238-го ЗРП. Майор Рыжих попросил моего согласия остаться в этом полку советником при начальнике связи полка. На мои возражения, что я командовал только взводом, майор ответил: «Вьетнамские товарищи просят». Я согласился.

Вскоре получили радостную весть, что дивизион, в котором мы ремонтировали радиорелейную станцию, уничтожил два вражеских самолета. Гордость почувствовал за этот дивизион («наш» уже, знакомый), за советских и вьетнамских специалистов. Доля и моего труда была в этой победе!

Учить тому, что необходимо на войне

Через несколько дней всех специалистов распределили по боевым частям. В каждом зенитно-ракетном полку было от 30 до 40 наших специалистов. Я и А. Шатров попали в 238-й ЗРП. Советских связистов-специалистов в полку до нашего приезда не было. Начали изучать систему связи полка.

Документов по организации связи не было. Схем тоже нет. Через переводчика попытался узнать у исполняющего обязанности старшего связиста об организации связи. Получил четкий ответ – по релейной станции и воздушной линии связи. Вспомнил о стертых рабочих частотах на радиорелейной станции. Понял, что с недоверием старший связист полка относится к молодому лейтенанту.

Мы продолжали жить в учебном центре. Каждое утро, после завтрака, нас отвозили на боевые позиции. Вместе со старшим вьетнамским связистом и переводчиком начал работать на технике.

Назвать работы регламентными нельзя — это было практическое обучение экипажей радиорелейной станции Р-401, радиостанции Р-118Б и УКВ-радиостанций правилам

эксплуатации и технического обслуживания. Рядовой А. Шатров уже два года отслужил в батарее управления на должности старшего механика радиорелейной станции. За короткое время экипажи радиорелейной станции и коротковолновой радиостанции средней мощности приобрели опыт технического обслуживания станции.

Вьетнамцы и мы быстро нашли общий язык во время работы на средствах связи. Большую часть времени жестикулировали, если что-то непонятное — изображали функциональным рисунком или схемой. При крайней необходимости обращались к переводчику. Хорошо, если переводчик имел техническое образование или работал с инженерами, тогда он помогал легко обучать.

Через неделю отчужденность пропала. По большому секрету старший связист признался, что воевал в Южном Вьетнаме и что он член Партии Трудящихся Вьетнама (ПТВ). Пришлось и мне тоже признаться, что член КПСС.

Однажды, ранним утром, во время работы внезапно затыкали батареи 37-миллиметровых зенитных пушек. Все быстро вышли из радиостанций. Вдруг мы увидели, что из-за ближайших сопok на высоте не более 200 метров на нас несутся два пятнисто-зеленых самолета. Летели прямо на нас. И с каждой секундой делались неимоверно громадными и грозными. Мы бросились в рассыпную, ища защиту на матушке-земле. Несколько мощных взрывов ракет класса «воздух-земля» вздыбили землю в нескольких десятках метров от нас. Одновременно длинные пулеметные очереди, выпущенные из самолетов, прошили близлежащие постройки. Для нас это были первый обстрел и бомбежка на земле Вьетнама. Их будет много, но всех не запомнишь и не опишешь, но первый и последний — на всю жизнь...

Подготовка учебной базы связистов-ремонтников

В конце сентября меня вызвали в Советское посольство на беседу. Меня встретил майор Громов Александр Иванович. Он задал один вопрос: «Наземные и самолетные радиостанции для связи с авиацией знаешь?» Я ответил: «Учил в Харьковском военном авиационном училище связи. В войсках практически не работал». Майор сказал: «Других

специалистов, кто бы знал эти средства в ДРВ, просто нет. Будете обучать вьетнамских товарищей».

Он тут же объявил решение командования группы СВС о моем переводе в его распоряжение. Задачей группы была подготовка вьетнамских специалистов ремонту средств связи. В эту группу, по моей просьбе, были зачислены рядовые А. Шатров, Е. Татаев и Е. Щеглов.

Майор Громов фактически был главный специалист по войскам связи в ДРВ. Участник Великой Отечественной войны, выпускник Военной академии связи. Он решал все вопросы по организации, заказу техники и ремонту средств связи для всех зенитно-ракетных полков, а также по правильному ее распределению по военным частям.

На следующий день мы переехали в пригород Ханоя, небольшую советскую колонию Кимлен. В этом хорошо охраняемом городке проживали иностранцы. Большинство, конечно, из Советского Союза, но были также специалисты из Китая, Кореи, Чехословакии, несколько инженеров из ГДР и Югославии.

Городок насчитывал всего пять или шесть четырехэтажных зданий. Двухэтажная столовая. Небольшой магазин, волейбольная и баскетбольная площадки. Вся территория ограждена забором. Въезд, охраняемый полицией, оборудован шлагбаумом и контрольно-пропускным пунктом.

В группу вошли капитаны О.И. Бакулин, И.А. Рыбин, В.А. Вознесенский, Е.И. Ларионов, старший лейтенант В.И. Канюк и лейтенант А.И. Скреблюков. Кроме офицеров к нам прикомандировали солдат А. Шатрова, Е. Татаева и Е. Щеглова. Помимо подготовки специалистов, на меня были возложены обязанности командира взвода прикомандированных солдат.

Солдаты и офицеры жили по два человека в комнате. У Александра Ивановича Громова был отдельный номер в «командирском» корпусе. Время на подготовку связистов-ремонтников определили в три месяца.

Но для обучения необходимо было получить аппаратуру связи и произвести ее проверку. Для этого она должна быть изъята из автомобилей и полевых средств связи и переоборудована в стационарную! Работа сложнейшая. Если это делать в мирное время и в Союзе, то ее выполнили бы

только представители завода-изготовителя. Из всех советских специалистов во Вьетнаме радиостанцию Р-824М знал только я, изучив в свое время в училище. Но практического опыта у меня не было. Не было и учебной литературы. Все, что имел под рукой, — технические документы на радиостанцию.

Прибывшая техника для обучения курсантов, мягко говоря, была далеко не первой свежести. Дело в том, что после прибытия из СССР она длительное время содержалась в специальных хранилищах в горных лесах Китая или Вьетнама ничем не накрытая.

Прежде чем радиостанцию демонтировать из автомобиля ЗиЛ-157, пришлось много потрудиться, чтобы привести ее в рабочее состояние.

Учебный центр представлял собой большой хозяйственный двор с временными постройками, окна завешены бамбуковыми циновками.

Во дворе — солдатская полевая походная кухня и навесы для хранения автомобильных радиостанций. Курсанты проживали в соседнем военном городке. На удалении сотни метров — полуоткрытый солдатский туалет, с вечной очередью местных крестьян, ждущих натурального удобрения.

Работали по 12-14 часов в сутки. Приезжали рано утром, после завтрака в Кимлене, поздно вечером возвращались обратно. Вместо обеда было чаепитие совместно с вьетнамскими переводчиками.

В течение нескольких дней учебно-материальная база для подготовки специалистов связи была подготовлена.

Ханой, первое знакомство

В воскресенье всей группой в сопровождении переводчиков и двух охранников пошли знакомиться со столицей ДРВ — городом Ханоем.

Название этого города состоит из двух слов: «ха» означает «реки», «ной» — «между». То есть столица Вьетнама — это город между двух рек.

Начало подготовки связистов

Материально мы обеспечивались так: 100% нашего денежного содержания (у меня 120 рублей) оставалось нашим семьям, а во Вьетнаме мы получали местные деньги, их сумма соответствовала полному окладу в зависимости от должности и звания.

Из этого оклада вьетнамская сторона обеспечивала питанием из расчета 210 донгов в месяц (донг в то время соответствовал около 50 советских копеек). Эти деньги удерживались из нашего оклада, а остальные мы могли тратить по своему усмотрению или перевести их в сертификаты с синей полосой, которые отоваривались в советских специализированных магазинах «Березка» или оплачивались рублями в банке.

По прибытию в Кимлен наша группа начала питаться по своему усмотрению в столовой. Это дало возможность немного накопить сертификатов. Бесплатно обеспечивали жильем, транспортом, охраной и кипяченой питьевой водой.

В гостинице обратил внимание на динамик «Октава» радиотрансляционной сети: точно такой, какой у нас в Шабельниках был. Электродинамическая система, которая позволяла не только транслировать передачи радиотрансляционной связи, но с друзьями на расстоянии до километра разговаривать! Сам испытывал. А тут несколько дней молчит. Значит, для оповещения. На всякий случай, вспомнив о прослушивании, выдернул вилку из розетки. К моему удивлению, к вечеру вилка оказалась снова в розетке. Сделал мелкую незаметную неисправность в динамике. На следующий день мне поставили новый.

Стало ясно, что нас контролируют, прослушивая все наши разговоры.

В соседнем доме проживал наш сотрудник капитан КГБ. Я рассказал ему и майору А.И. Громову о своих подозрениях. Вскоре все динамики из наших помещений были убраны. Кто нас мог подслушивать - китайцы, американцы или вьетнамцы - не знаю.

Спустя несколько суток меня пригласили к нашему военному атташе. В беседе он предложил обследовать

некоторые помещения посольства на предмет установки подслушивающих устройств.

В учебном центре все подготовили к приему первых курсантов. К каждому советскому офицеру прикрепили взвод вьетнамцев. В моем взводе для изучения самой сложной и современной по тем временам радиостанции Р-824М насчитывалось 12 человек. Командиром взвода был младший лейтенант Тхань. Переводчиком назначили пожилого сержанта Хоана, отца троих детей.

Таких взводов в нашем центре было шесть: мой, старшего лейтенанта В.А. Канюка, тоже изучавший наземную УКВ радиостанцию для связи с самолетами Р-814, капитана Вознесенского - взвод аппаратуры вторичного уплотнения П-312 и П-303, капитана О.И. Бакулина – специалистов радиорелейной станции Р-401М и Р-405, два взвода радиостанций средней мощности Р-118БМ и Р-102М капитанов Рыбина и Ларионова.

Первые часы занятий давались очень тяжело. Переводчик не имел технического образования. Первоначально рассказывал и объяснял ему, он переводил им так, как сам понимает. Учащиеся тщательно все записывали в тетради. К концу каждого часа курсанты начинали задавать вопросы. Конечно, переводчик озвучивает их по-своему. Вопрос обязательно уточнялся, конкретизировался, а уж потом на него отвечали.

Курсанты удивили нас своим трудолюбием и жаждой знаний. Через несколько дней привыкли друг к другу. Переводчик набрался опыта общения, курсанты вспомнили русский язык (некоторые учили его в школе), а преподаватели упорно изучали технические термины на языке обучаемых.

Переводчик не был прикреплен к преподавателю, часто беседа велась о быте, семье, родителях, жене, друзьях. Курсанты все спрашивали о СССР и внимательно слушали... Тщательно избегали политических вопросов. Такое взаимное обучение позволило в конце первого месяца нам вести урок на полу-вьетнамском языке, а вьетнамцы отвечали нам на полу-русском. Так появилось у нас взаимопонимание.

После обеда еще два часа занятий, а потом самоподготовка. Трудно отличить занятия от самоподготовки, процесс обучения был очень напряженный и непрерывный.

Заметил, что чаще всего объясняет непонятное высокий круглолицый рядовой Хань.

Первые потери

В октябре 1965 года, с началом сухого сезона, военное командование США развернуло первое стратегическое наступление. Мы сразу почувствовали, что происходят какие-то грозные события. Официальных сообщений не было. Группа на штатных радиоприемниках наших радиостанций постоянно слушала Москву, Китай, Румынию. Приходилось ловить и передачи, специально устроенные для советских военных специалистов с радиостанций американских авианосцев. Многие вьетнамцы были родом из Южного Вьетнама. Даже не владея языком, можно было увидеть их тревогу за семьи, родных и близких, по подавленному настроению и печальным разговорам.

Усилились ежедневные налеты на ДРВ. Если раньше в воскресенье американские летчики отдыхали, то с началом стратегической операции бомбили днем и ночью, даже по выходным.

Первые потери появились в воскресенье 17 октября. При налете четырех «Фантомов» был смертельно ранен однополчанин рядовой Виталий Смирнов из нашей Иркутской группы. Он 16 октября прибыл на стартовую батарею 82-го дивизиона 238-го ЗРП.

Как рассказывал нам командир стартовой батареи капитан Ю.А. Демченко, в воскресенье в 8 часов они приступили к проверке техники. Проверив ее готовность, оставили на позиции дежурную боевую смену и уехали к месту размещения. Еще не успели закончить завтрак, как услышали вой сирены, бросив все, сели в автобус и поехали на позицию. Было около 10 утра.

К прибытию аппарата была уже включена, ракеты расчехлены, расчет вел поиск целей. Личный состав стартовой батареи находился в районе укрытий. Несколько человек собрались у планшета, вынесенного из кабины, и находящейся рядом палатки. В большой палатке с книгой в руках лежал на раскладушке рядовой Виталий Смирнов. Демченко Ю.А.

крикнул Смирнову, чтобы он шел в укрытие, а сам поднялся в кабину управления.

Все внимание дивизиона было сосредоточено на целях, действующих на северном направлении. Но экраны были забиты помехами, и открывать огонь показалось бессмысленным. В это время с юга на расстоянии 1,5-2 километра появился черный силуэт самолета, летевшего над горами так низко, что, казалось, вот-вот заденет их. В этот момент вьетнамские расчеты 4-ствольных зенитных пулеметных установок открыли огонь, и через считанные секунды самолет загорелся, волоча за собой черный хвост дыма. Пролетев метров 500, он врезался в горы недалеко от позиции.

В этот момент неожиданно, с другой стороны, с запада, донесся нарастающий, подобно раскату грома, звук, а через несколько секунд – три мощных взрыва за кабиной. Вместо палаток образовалось два черных облака взрывов. Тройка американских самолетов Ф-104 сделала левый разворот и через секунду донесли очередь и несколько взрывов на позиции.

Из укрытия, находящегося в центре позиции, раздались стоны. Несколько вьетнамцев держали на руках тяжело раненного Виталия Смирнова. Переводчик сообщил, что в самый последний момент, убегая из палатки и уже на половину находясь в укрытии, Смирнов получил два осколочных ранения – в бок и ногу.

Вскоре на боевую позицию приземлился вертолет. Все раненые и убитые были немедленно эвакуированы.

Известно, что сразу после ранения, в госпитале, Смирнову срочно была сделана операция по удалению разорванной осколком почки. Однако, несмотря на все старания врачей, оставшаяся почка не справилась с нагрузкой в жарком климате Вьетнама, и 24 октября В. Смирнов скончался. Его жена и годовалая дочь, проживающие на станции Яя Кемеровской области, осиротели. Это была первая потеря СВС в ДРВ.

Боевые задания

Плановая наша учеба оказалась не вполне систематической. Из действующих войск постоянно поступала

техника связи, требовавшая срочного ремонта. После занятий, привлекая к работе вьетнамских товарищей, восстанавливали разбитые в боях средства связи. В конце октября в учебный центр неожиданно приехал майор А.И. Громов.

Он сообщил, что на военном аэродроме Кеп, где базировались наши истребители МиГ-17, вышла из строя основная радиостанция для связи с самолетами. Включили резервную Р-824М, а она оказалась неработоспособной. В настоящее время связь обеспечивалась из какого-то «подвижного объекта». Ясно одно – связь с авиацией, прикрывающей наш 238-й ЗРП и город Ханой, висела на волоске. Было приказано взять двух специалистов из курсантов и срочно убыть на аэродром для ремонта радиостанции.

Сбор оказался коротким. Определил двух лучших слушателей (в том числе и курсанта Тхиеу), взял измерительный прибор ТТ-1 и одну учебную схему радиостанции. На ГАЗ-69 (пикап) с двумя охранниками, вооруженными китайскими АК-47, двинулись в дорогу.

Проехать вечерней Ханой с южной окраины до его северной части оказалось делом нелегким. Все узенькие улицы забиты велосипедами, пешеходами и рикшами. Наш уазик до хрипоты сигналил, требуя освободить дорогу, но двигался вперед со скоростью идущего буйвола, запряженного в телегу. Охрана, понимая всю важность задачи, в открытое окно что-то объясняла полицейским. Однако изменить каким-либо образом эту ситуацию было невозможно.

Через несколько часов подъехали к знаменитому мосту через реку Красную. Перед мостом остановила охрана. Все попытки доказать наше преимущество в движении твердо наткнулись на несговорчивость полиции. У них определен строгий порядок: 20 минут поток автомобилей, велосипедистов и телег должен ехать из города, а через 20 минут - в город. В кромешной тьме так и не удалось рассмотреть прославленное создание архитектора Эйфеля.

В полной темноте, с подфарниками, светящими только под колеса, выехали за пределы Ханоя. Как ориентировался водитель по таким дорогам, для меня и сейчас большой секрет. Нашу машину в темноте бросало из стороны в сторону. Через сотню метров выталкивали ее из ям усилиями всего экипажа.

Казалось, дороге не будет конца. Конец появился. С грустью водитель через переводчика доложил, что дальше ехать нельзя: река разлилась так, что мост не проехать.

Где он увидел реку? Просто стоит вода, которая образовалась в результате тропического ливня, и, кажется, нет никакого течения, просто кругом озеро. Нас шесть человек. На свой страх и риск приняли решение – двигаться дальше. В кромешной темноте разделись до трусов и вместе с водителем и одним охранником вброд ищем бывшую дорогу. Глубина на отдельных участках доходит вьетнамцам до горла, а мне под мышки.

На наше счастье, одно из подразделений ВНА проводило марш-бросок. Короткий разговор переводчика с командиром подразделения и, с дружным возгласом «Льенсо – Вьетнам – моунам», они на руках перетащили наш автомобиль на другую сторону реки. После переправы я поблагодарил вьетнамского командира за оказанную помощь. Он долго в ответ жал руку со словами: «Льенсо – Вьетнам – дружба».

С рассветом дело пошло веселее. Джунгли быстро сменились рисовыми полями. Сквозь сон услышал тревожный разговор переводчика и водителя. Подумал, что уже приехали. С огорчением, перед стоящей впереди машины, увидел глубокую яму, метров шесть шириной, наполовину заполненную водой. «Воронка от фугасной бомбы, - объясняет знающий в этом деле толк переводчик, - будьте аккуратны, возможно, рядом могут быть неразорвавшиеся снаряды или боеприпасы с замедленным временем взрыва».

Возле воронки уже трудится много крестьян. Бросается в глаза, что это, в основном, женщины, засыпающие землей воронку. Через час дорога была восстановлена, и мы продолжили путь к аэродрому.

Подобные колеи и дороги во Вьетнаме в то время были постоянно. В воспоминаниях они слились в одну сплошную картину бесконечной изрытой дороги.

Трудно описывать события давно минувших дней. Выручают письма. За время пребывания во Вьетнаме домой мною было написано более сотни штук. К моей радости, они все были бережно сохранены женой.

В то время нам категорически запрещалось в письмах писать то, что могло бы подтвердить, что мы воюем в ДРВ. Не

должно быть никаких фамилий. Запрещалось брать фотоаппарат на работу. Групповые фотографии желательно делать без вьетнамцев. Наш адрес был: город Москва-400, почтовый ящик № 326. Родители отдельных солдат радовались: «...ты, сынок, совсем рядом с домом стал служить – в Москве», другие огорчались: «Сынок, ты в заключение или в дисбат попал?»

И все же, каждое письмо, созданное под впечатлением тех лет и событий, является сейчас захватывающим и достоверным дневником.

Но были письма, которые передавались, минуя цензуру, отъезжающими в Союз специалистами. Там информации содержалось, безусловно, намного больше.

К полудню прибыли на боевую позицию. В нескольких километрах от нас слышали рев работающих двигателей самолетов. В густом лесу, в хорошо замаскированном капонире, развернута радиостанция Р-824.

В нескольких десятках метров оборудован навес для проживания экипажа. Рядом с капониром вырыт окоп, он же используется как укрытие при налете авиации. Возле радиостанции развернута штатное электропитание - силовая установка АБ-4 Т-230 и дополнительный старый дизель с трехфазным генератором.

У входа нас остановил часовой, который попросил подождать командира. Прибывший младший лейтенант был нам бесконечно рад. Резким жестом ладонью по шее показал, какая необходимость в работоспособности станции. Все поняли положение дел и без переводчика.

Открыли станцию и ужаснулись! Мало того, что станция оказалась старой, но она ещё и не укомплектована. Внизу зияла большая дыра, отсутствовал блок зарядного устройства аккумуляторов, не было блока питания. Проржавевшие ручки управления свидетельствовали об отсутствии регламентных работ. Да и посмотреть в аппаратном журнале, когда ее включали, было нельзя, ввиду утраты самого аппаратного журнала. Хорошо хоть техническая документация оказалась на месте.

Пока разбирались с документами, подъехала машина с советским капитаном и вьетнамским специалистом. Капитан описал состояние средств связи на аэродроме и убедительно

просил принять все меры по восстановлению радиостанции. От ее работоспособности зависит боеготовность целого авиационного полка. Мое предложение посмотреть радиостанцию не поддержал. «Я до тебя уже столько насмотрелся. ... Ремонтируй, и чем быстрее, тем лучше!» – был его ответ.

По моему требованию возвратили все блоки радиостанции на свои места. Своих помощников курсантов попросил проверить правильность развертывания и подключения радиостанции. Сам вынул блоки для внешнего осмотра. Да, такого еще не видел! Все кабельные жгуты проедены плесенью и термитами. В нескольких местах прогрызен кабель. Видимо, мыши или крысы постарались.

Сержант Тхиеу за что-то ругал своих собратьев. При развертывании радиостанции металлический трос был брошен на нижний круг дискоконусной антенны. Фактически антенна была заземлена! Спустили антенну, очистили от грязи, промыли контакты бензином.

Изучив с курсантами радиостанцию и ответив на вопросы, заданные через переводчика, освоил схемы так, что помнишь не только их функциональное предназначение, но и номера отдельных резисторов и конденсаторов даже во сне. Но эта радиостанция была более старая и имела гораздо больше отличий от аналогичных современных.

Первая попытка включения привела к выходу из строя нескольких предохранителей. В комплекте запасных частей и принадлежностей (ЗИПе) предохранителей не было, да и ЗИПа как такового, тоже не было.

Из кусков медного кабеля создали предохранители, предварительно рассчитав сечение провода. Вычистили все силовые разъемы и контакты реле. Покажется странным, но нам пришлось включить обогреватель при высокой внешней температуре для того, чтобы высушить внутренние блоки радиостанции. Трудно себе сейчас это представить, но, тем не менее: на улице около + 30°C, в аппаратной +60°C, а мы дополнительно сушили блоки. Все это при 90-100% влажности. Истекали потом так, что на полу образовалась лужа, приходилось работать в таких условиях, другого выхода не было.

Через несколько часов работы потерял сознание вьетнамец, начальник радиостанции. Переводчик Хоан и сержант Тхией вынесли лейтенанта с радиостанции. На мое предложение вызвать врача последовало дружное возражение экипажа и заверения, что это обычное дело от пребывания в работающей радиостанции. К вечеру возле радиостанции был установлен душ.

После просушки блоков и прогонки на холостом ходу силовых трансформаторов и селеновых выпрямителей приступили к общей проверке. Привезли ужин, все то же: птица, рис, приправа и фрукты.

Присмотрелся к местности. Кругом джунгли, не верилось, что где-то в нескольких километрах от нас расположился целый аэродром. Эвкалипты, частокол дикого тростника и бамбука, все перевитое ползучими лианами и кустами-паразитами. Одна антенна торчала над джунглями на высоте 14 метров. Нам было не до экзотики. Отсутствовала связь в одной из сетей управления авиацией в воздухе.

После заката солнца немного спала жара. Зато появилось бесчисленное множество комаров, мошек и всякой летающей дряни, которые жалят нас в самые больные места.

Об отдыхе не могло быть и речи. По очереди отправлял ребят спать под навес или в ГАЗ-69.

К утру заработал радиоприемник. Мы услышали работу радиостанций воздушных диспетчеров. Стало радостно на душе, ведь самый сложный и основной блок – возбудитель частоты - исправен!

Можно немного отдохнуть. Только я прилег, как послышались частые удары по рельсу, завывла ручная сирена экипажа. Вскочил и побежал в радиостанцию. В сборе экипаж и приехавшие для ремонта специалисты.

Дал команду: «Все в укрытие!» Начальник радиостанции ехидно с улыбкой на меня посмотрел: «Что, мол, лейтенант, трусил?» Наша группа засела в окоп, все надели железные каски. Нарастающий рев самолетов разрезал тишину. Слышно, как дружно залаяли зенитные пушки. За радиостанцией раздался сильный взрыв. Сверху в окоп полетели обломки деревьев, земли и еще чего-то. Заложило уши. Тело так и жалось ближе к земле.

А тут сверху еще и Хоан на меня навалился!

Не успел гул самолета утихнуть, как раздался новый взрыв, а потом мы испытали радость: наша ракета, оставляя шлейф, пошла на перехват самолета. Толкнул ребят: «Смотрите, ракета в воздухе!» Самому тоже интересно, на полигонах не был, пусков не видел. Самолет не пытался увильнуть от ракеты. Она его догнала. Сплошное облако соединило ракету и самолет. Раздался мощный взрыв, и огненный клуб огня и дыма устремился к земле. Взрыв и объятые огнем и дымом облако окутало место падения самолета.

Бежим к станции. Из открытой двери доносится стон. Начальник радиостанции с множеством ранений в живот и ноги лежит на сидении. Возле него - раненный в ногу водитель. Везде видны множественные пробоины от осколков фугасной бомбы.

Уложили раненого начальника радиостанции в ГАЗ-69 и отправили в госпиталь. С ним сопровождающим поехал водитель. Во время налета он успел лечь на пол радиостанции, и осколок, пробив его «мокроступ», ранил подошву ноги. Его счастье, что мокроступ был вырезан из шины грузовика толщиной 2-3 сантиметра и перетянут двумя резинками сверху стопы. Это и спасло водителя от серьезного ранения.

Станция тоже получила повреждения. В передатчике была разбита лампа выходного каскада Ги-7Б. Поврежден силовой трансформатор. Выбиты окна автомобиля. Разбит резервный дизель-генератор.

На позицию прибыли вьетнамские товарищи. Мы показали полученные неисправности, вьетнамский старший лейтенант-связист обещал привезти вышедшее из строя оборудование. К обеду все заказанное оборудование было получено. Теперь я понял, почему наша радиостанция была без блоков. В боевых условиях, в отсутствии резерва средств связи и ЗИПа к ним, вьетнамцам приходилось производить замену неисправного оборудования, снимая их с второстепенных направлений.

Потребовался еще день и ночь, чтобы ввести в строй эту радиостанцию. Пришлось применять все свои знания и опыт, вскрывать неисправные высокочастотные блоки, которые категорически запрещалось открывать в мирных условиях. После проверки связи с радиостанцией и передаче ее новому

начальнику радиостанции можно и отдохнуть. Возвращение в Кимлен не помню. Всю дорогу проспал, уже не обращая внимания ни на жару, ни на комаров. Задача командования была выполнена.

Хорошая работа – хорошие вести

По прибытии меня ждала целая пачка писем от жены, родителей, братьев и друзей. Какая это радость — получить весточку из дома. Разложил десяток писем от жены по срокам написания. И быстро прочитывал, чтобы перейти к следующему письму, написанному на пару дней позже. Потом, оставшись один на один с письмами, не раз перечитывал их и думал, что же хотела сказать Марина в этом абзаце. Ведь ей тоже нельзя все писать! Цензура работала хорошо...

Приближался наш праздник - День Великой Октябрьской социалистической революции. 6 ноября 1965 года командование ВВС и ПВО Вьетнама для всех советских специалистов устроило в Ханое торжественный прием. После краткого поздравления командующего ПВО и ВВС товарища Ле Ван Чи и посла СССР в ДРВ И.С. Щербакова взял слово полковник А.М. Дзыза. Он зачитал приказ о присвоении очередных воинских званий и поощрении отличившихся. В то время досрочные звания, даже отличившимся в боях, присваивали крайне редко. Скупым было государство на награды и поощрения.

После торжественной части вьетнамский ансамбль ВВС и ПВО дал небольшой концерт. Особо радостно мы аплодировали женскому хору, исполнившему русские народные песни. Занятно было слушать нашу песню про «Рябинушку кудрявую...» во вьетнамской аранжировке.

После концерта в зале был накрыт стол-фуршет, где, вдоволь пообщались и наговорились с друзьями-однополчанами: лейтенантами В. Булгаковым, С. Вагиным, А. Бородиным, капитаном И.А. Токмаковым и с другими сослуживцами. Ведь около двух месяцев прошло со времени разлуки. Они на боевых позициях зенитно-ракетных дивизионов уже уничтожили не один самолет янки. В дружеской беседе было видно, что наши офицеры стали настоящими бойцами-профессионалами. Они чувствовали

себя победителями. Гордость и радость зенитно-ракетных успехов усиливали, конечно, изрядно выпитые вина и коньяк.

Из рассказов В.Л. Булгакова и других товарищей тактика применения зенитно-ракетных дивизионов была простой. Дивизионы действовали самостоятельно, а не в составе боевых позиций полка. Передвигались под прикрытием зенитной артиллерии. Как правило, возле охраняемого объекта строилось несколько боевых позиций. На их создание привлекались тысячи местных крестьян.

Конечно, для янки все эти районы были известны заранее. Но на какой конкретно позиции будет развернут дивизион, противнику не было ясно. Эта тактика давала положительные результаты. На отдельных подготовленных позициях вьетнамские умельцы из бамбука делали пусковые установки и ракеты для ложного района. Все эти мероприятия запутывали воздушную разведку противника. А главное, давали возможность неожиданно наносить эффективные удары по воздушным целям.

Получила достаточно большое применение тактика засад. В засады выходили зенитно-ракетные дивизионы, прикрываемые обычно зенитными батареями, а если не позволяла местность, то приходилось воевать и без них. Засады устраивались возле важных стратегических объектов, которые чаще всего подвергались ударам авиации США или на маршруте полета самолетов к цели. Возле позиции дивизиона, как правило, создавалась крупная группировка зенитных батарей. При появлении целей дивизион открывал огонь, после стрельбы моментально свертывался и убывал на запасную позицию. Вьетнамцы вместо боевых ракет быстро развертывали на позиции их макеты и для правдоподобности веревками вращали их и даже передвигали с места на место. Зенитная артиллерия замирала в ожидании. Приходилось ждать недолго. В небе появлялся самолет-корректировщик, а за ним стая бомбардировщиков, которые бомбами и ракетами вспахивали ложную позицию дивизиона. Последним пролетал самолет для фотосъемки своей работы. Но не тут-то было, зенитная артиллерия открывала такой массированный огонь, что далеко не всем атакующим на малой высоте самолетам удавалось вырваться из подготовленной огненной ловушки. Сбивали по два, три самолета, а иногда и больше. Такой бой

наносил не только материальный урон американской авиации, но и сильный морально-психологический удар.

Противник был вынужден менять свою тактику. С верхних эшелонов воздушного пространства истребители-бомбардировщики перешли на бреющие полеты. Американцы разработали тактику ударов по зенитно-ракетным дивизионам на малых высотах. На самолетах появились устройства по предупреждению о входе в зону радиолокационного обнаружения и о старте зенитных ракет. Начали ставить активные и пассивные помехи нашим радиолокационным станциям. Отрабатывались противоракетные маневры самолетов. Начали применять самонаводящиеся ракеты воздух-земля «Шрайк», летящие на излучение радиолокационных станций дивизионов.

К полуночи все СВС разъехались по своим боевым позициям. Наша группа на автобусах, делаясь впечатлениями об увиденном и услышанном, двинулась в Кимлен.

В автобусе звучала наша песня, сочиненная местными поэтами:

Чертила в небе след ракета
В который раз уже подряд.
Кто хоть однажды видел это -
Как F-105-е бомбят?
Кругом воронки-котлованы,
Но, видно, было неспроста,
Стояли мы среди развалин
У Тханьгуенского моста!
Удары «шрайков» испытали,
Шрапнель рвалась над головой.
Но мы дружить не перестали –
Нет крепче дружбы боевой.

И радостные вести бывают

Сразу после праздника произошло очень важное событие в моей жизни. Перед отъездом автобуса в учебный центр, майор А.И. Громов привез из посольства стопу писем. С веселыми шутками и хорошим настроением разобрали свои письма. Вдруг мне в руки попадает письмо от жены очень тоненькое, а адрес написан так коряво, как будто его писали,

стоя в очереди за дефицитным товаром. С волнением разрываю конверт и читаю: «Леша, у нас сегодня, 25 октября, родилась девочка весом в 2 килограмма и 400 грамм... со мной и девочкой все хорошо».

Без движения отвалился на спинку автобуса. «Вот тебе и Андрюшка!» — первой пронзила голову мысль. Видимо, вид у меня был очень странный, что привлек внимание окружающих. Со всех сторон посыпались вопросы: «Что случилось? Как дела? Что произошло? У тебя все в порядке?» С глубоким выдохом я произнёс: «Дочка!»

Все знали, что я жду сына, а тут дочка. Первыми начали успокаивать капитаны Вознесенский и Ларионов, у них дочери, и они очень рады этому, и это даже очень хорошо: «Сначала нянька, а потом лялька». Точку всему обсуждению подвел старший лейтенант В. Канюк: «У тебя достаточно будет времени и сил, когда в Союз вернешься, чтобы родить и сына и еще одну дочку. Радуйся, что все хорошо закончилось».

На этом все мысли о сыне от меня ушли навсегда. Вечером в комнате был накрыт стол, и присутствующий на торжестве майор А.И. Громов от коллектива вручил фотоаппарат ФЭД-2. Со своими солдатами А. Шатровым, Е. Щегловым и А. Татаевым отметить рождение дочери пришлось на следующий день.

Вьетнамские товарищи тоже радостно поздравили с рождением дочери. С удивлением узнал, что у каждого из них по двое, а то и трое детей. Каждый показывал мне фотографии своих ребятишек и жен. Фото малые, 4х6, для удобства носить в левом нагрудном кармане гимнастерки.

Надо отдать должное трудолюбию курсантов. Образование у них было 7-8 и меньше классов. В основном деревенские парни, сложнее рикши техники не встречали. Но желание защищать Родину и бить американцев до победного конца, превращали их в героев-трудооголиков. Если кто-то что-то не понимал, ему объясняли всей группой. Угроза получить неудовлетворительную оценку в журнал воспринималась как взводная трагедия.

Интересно было наблюдать, как они отчитывали своего нерадивого товарища на собрании. Но самым страшным наказанием было, если после нескольких замечаний я объявлял: «Я буду критиковать Вас на собрании». До

настоящего времени не могу понять значение этих слов для вьетнамцев. Эквивалент такой угрозы для военнослужащих в СССР возможно мог быть: «Я тебя предаю суду офицерской чести» или «Вы будете уволены из рядов ВС по статье за ...». Но применять такой термин приходилось очень редко и в начале обучения, когда они не понимали смысла этой угрозы.

К концу года наши специалисты свободно проводили занятия без переводчика. Знание технических терминов позволяло нам проверять подготовленность обучаемых, а обращение к переводчику было необходимо лишь в крайних случаях. В перерывах мы свободно разговаривали на семейные темы, особо быстро вьетнамские товарищи изучили наши очень нецензурные слова. Получилось это случайно. В течение поездки в учебный центр велосипедисты и подводки не пропускали по своему обыкновению наш автомобиль. Капитан К. Вознесенский, выдавая крепкие маты, способствовал, как нам казалось, быстрейшему продвижению машины. Обматерит - дорога свободна, как по заказу! Ну и как тут не поверишь в силу русского крепкого словца?!

К нашему изумлению, во время следующей поездки водитель Чен, не знающий ни единого русского слова, загнул этот мат по всей форме, не сделав ни одной грамматической ошибки, правда, немножко с вьетнамским акцентом. Мы все грохнули от смеха, но больше в автобусе не матерились.

Наш автобус через несколько дней отправили в посольство перевезти советскую делегацию. Потом было просто неудобно за Чена. Громов прибыл из посольства очень хмурым. Он посетовал: «Вы бы, кроме матов, чему-нибудь хорошему научили водителя, не позорили бы связистов перед женщинами посольства».

В одно из предновогодних воскресений решили в городе купить семьям новогодние подарки. Особо это было актуально для меня. Ведь кроме жены, подарок ждет и моя доченька Анжелика. В последнем письме из дома я узнал, что так её назвали. Выбор в магазинах невелик. Другое дело мастерские. Можно сшить на заказ туфли из кожи красивой змеи. Костюм из французской шерстяной ткани или китайского шелка. Разнообразные сумочки и кофты. Я выбрал свой заказ - красную вязаную кофту.

По возвращении из магазинов встретил самого близкого своего товарища по Иркутску - Володю Булгакова. Кажется, вечность не виделись, а ведь прошел только месяц после последней встречи.

Володя объявил, что у него сегодня день рождения. С какого перепугу? Мы его день рождения уже давным-давно отпраздновали? Володя молчком вытащил из кармана осколок от бомбы: «Чуть-чуть сегодня утром он меня не угробил!» Рассказал, что уже совсем собрались ехать в Ханой, как внезапно начался воздушный налет. Все спрятались в окопы. От одной из разорвавшихся бомб осколок ударился о железобетонный бруствер и, потеряв скорость, упал на правый бок бедного Булгакова. Хорошо, что только рубашку немножко прижег. Попал бы в тело – встреча сегодня наверняка не состоялась! Да, это второй день рождения! Только надевать ему пришлось другой костюм, а тот, который был приготовлен и просыхал на вешалке в казарме, оказался разорван осколками. Этот костюм после налета годился разве что для огородного пугала. Действительно, это был второй день рождения у моего друга. День, когда он чудом остался жив.

В нескольких километрах от Кимлена, в парке на берегу красивейшего озера Единства, решили отметить день рождения. Маленькое кафе со столиками на два человека, в тени под листьями большой банановой пальмы, было как раз то, что нам нужно. Услужливому официанту заказали по стаканчику ликера «Донг Тхап», а на закуску арахисовые орешки. Остальное специфическое местное кушанье в принципе для нас было несъедобно.

Владимир рассказал, что на прошлой неделе по тревоге вызвали ремонтировать станцию разведки целей П-12 в дивизион 238-го ЗРП. После ракетного удара станция сильно пострадала, требовалось её срочное восстановление. Фактически зенитно-ракетный дивизион оказался не готов к бою. Его можно было брать голыми руками. Ракетчики были не способны обнаружить летящие цели.

Весь вечер и ночь он ремонтировал станцию. Утром для проверки работоспособности соединил блоки, лежащие не только на столах станции, но и на полу. Включил станцию для проверки и контроля всех параметров - блоки работают

нормально. Подал высокое напряжение для проверки полной работоспособности станции - и на экране отразился реальный групповой полет американских самолетов, движущихся на дивизион. Он срочно доложил командиру дивизиона майору Г.С. Рыжих. Дивизион стал боеготовым! Последовала команда на пуск ракет.

Внезапная атака американцев на небоеспособный дивизион (а они это знали из разведанных) не удалась. Три стервятника в этом бою нашли могилу на земле Вьетнама. Командование СВС в ДРВ высоко оценило мастерство единственного специалиста по восстановлению станций разведки целей лейтенанта В. Булгакова в этом бою, позже заслуженно отмеченного орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За отвагу».

За рассказами не заметили, как опустели наши стаканы, заказали еще по стакану «Донг Тхапа». Официант отрицательно помахал головой: «Най Хунко», то есть значит «будет плохо». «Тот Лам,» — ответили мы, что значит «все будет хорошо». За разговорами и выпитым не заметили ни времени, ни действия сладкого ликера, лишь потом узнали, что крепость этого напитка составляет около 50...60 градусов.

Это был единственный случай в моей жизни (кстати, и у Булгакова тоже), когда сослуживцы доставляли нас в полубессознательном состоянии в Кимлен. Мы просто жестоко отравились выпитым экзотическим напитком. На всю жизнь я запомнил этот урок: не пить неизвестные напитки, да еще стаканами.

Накануне нового года состоялся выпуск курсантов по ремонту средств связи. В честь этого в центре подготовки был накрыт стол для всех выпускников и наших специалистов. Главным блюдом был «плов» по-вьетнамски. Трудно назвать это блюдо пловом в полном смысле этого слова. По форме он напоминал круглую головку сыра, завернутую в листья молодого банана и очень плотно прижатую сверху после варки. Мы боялись всякой экзотики и предпочитали курицу и рыбу. Из напитков для русских была водка «Московская», для вьетнамцев – пиво «Ханой». Вьетнамцы от пива быстро стали веселыми, пели песни и благодарили нас за обучение.

Новый, 1966 год мы встретили в своем кафе Кимлена. Администрация городка подготовила небольшой концерт. Из

Союза нам прислали настоящую елку. Накрыли длинный стол, на втором этаже находилось кафе со стандартным ежедневным набором блюд. Водка была только праздничная, «Столичная», сделанная на экспорт. Одежду Деду Морозу подготовили женщины посольства. Сшили ему из марли тулуп, бороду сделали из местных водорослей, валенки - из блестящей бумаги. Шапку смастерили из перьев попугая. Интересно было увидеть Деда Мороза, нашего старшего лейтенанта, в этом «тулупе» и в попугаевой шапке.

Встречали Новый год дважды, в 12 часов по ханойскому времени и в 4 часа по московскому, вместе со всей Советской страной.

Музыка была веселая, но танцевать было не с кем. Присутствовали несколько вьетнамок, одетые в белые брюки и длинные белые платья. Десяток женщин посольства, но они – жены сотрудников или уже давно обзавелись друзьями, с которыми и вальсировали. После встречи нового, «Московского», года дружно пошли в свои номера отдыхать.

Встреча руководителей СССР

Новый, 1966 год начался с перемещения нашего учебного центра ближе к Ханюю. На южной окраине города размещалась войсковая мастерская по ремонту средств связи. Целесообразность перемещения подсказывалась жизнью. Поврежденные в боях средства связи привозили в мастерские. Следовательно, курсантам практика ремонта оборудования давалась вместе с обучением.

Прибывшие курсанты быстрее осваивались с учебным процессом. Занятия в основном проводили на вьетнамском языке. При возникновении трудностей помогал переводчик. Особо грамотным считался курсант Тхай. Он часто спрашивал и поэтому достаточно легко все разъяснял остальным. Позже мы узнали, что Тхай – китаец, закончивший учебное заведение в Пекине. Пришлось учесть это в своей учебной и воспитательной работе.

После Нового года нам сообщили о предстоящем визите партийно-правительственной делегации во главе с Александром Николаевичем Шелепиным. В государственной иерархии А.Н. Шелепин занимал четвертую строчку: Брежнев,

Подгорный, Косыгин и четвертым считался председатель КГБ СССР А.Н. Шелепин, который был на десяток лет моложе остальных руководителей...

Нас попросили принять участие в официальной встрече делегации на центральной площади Ханоя - Бадинь. В посольстве заместитель старшего группы советских военных специалистов по политической части полковник М.Е. Борисенко предупредил, что нам будут вручать правительственные награды. Попросил, чтобы мы надели костюмы, а при вручении наград не сильно жали и трясли руку: «Представляете, сколько руководителям приходится по работе встречаться, вручать награды, и что будет, если каждый сильно будет жать и трясти руку, у него правая только одна. Не задавайте вопросы, все проблемы будут решаться в посольстве на нашем уровне».

На следующий день нас собрал майор А.И. Громов. Проверил внешний вид, похоже, остался всем доволен. На автобусах нас привезли на площадь Бадинь. Площадь знаменита тем, что на ней 2 сентября 1945 года Хошимин провозгласил декларацию независимости Вьетнама.

На площади также расположен Президентский дворец и Пагода на одном столбе, построенная в 1049 году. Вся площадь была заполнена молодыми девушками, одетыми в белые брюки и белые блестящие длинные платья. Нашу группу разместили рядом с сотрудниками посольства. После часа ожидания несколько черных машин с открытыми окнами под дружественные выкрики на русском языке «Дружба» и «Ура-а-а» проехали в сторону Президентского дворца. С вьетнамской стороны нашу делегацию встречал премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг.

Вот и делегация. Кроме А.Н. Шелепина в ее состав были включены Дмитрий Федорович Устинов — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, ведавший в то время оборонными вопросами СССР, и генерал-полковник Толубко, командующий ракетными войсками стратегического назначения.

В Кимлене нас ждал долгожданный сюрприз. Вместе с делегацией к нам прибыл транспортный самолет с подарками для нас. Каждому была вручена посылка: старшим офицерам — посылка № 1, младшим офицерам — посылка № 2, а для

сверхсрочников, сержантов и солдат срочной службы – посылка № 3. Посылки у всех были одинаковы, отличие составляло качество спиртного. У старших офицеров шампанское и две бутылки пятизвездочного армянского коньяка. У младших офицеров – шампанское, водка «Столичная» и «Московская». У остальных – шампанское и две бутылки «Московской». Кроме того, в каждой посылке были колбаса, икра черная и красная, печенье, сигареты, туфли, плащ, брюки, шерстяной свитер.

Но самый дорогой подарок – это картонный ящик с 4 буханками черного хлеба, упакованными целлофановой пленкой, и большая банка маринованной в красном вине селедки. Сбылась мечта из нашей песни «... горбушку русскую хочу, достань ты мне хоть хвост селедки, и я тебя озолочу». Видимо, дошла наша песня до Министра обороны Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. Посылки выдали по его личному распоряжению. Наверное, сам вспомнил, как добровольцем воевал в Испании в 1937 году. К каждому было личное обращение министра примерно такое: «Дорогой боевой друг! Родина поздравляет Вас с Новым, 1966 годом. Ваш ратный труд – это выполнение интернационального долга. Вы защищаете не только Вьетнам, но и нашу Советскую Родину. С праздником Вас».

Вечером подошел А.И. Громов и сообщил, что меня вызывают срочно в посольство. Причину вызова ни он, ни я не знали. Подъехал посольский ЗиМ. Выяснилось, что меня вызывал военный атташе Герой Советского Союза полковник А.И. Лебедев.

В прохладном кабинете кроме А.И. Лебедева был еще и сотрудник КГБ посольства. С военным атташе мне приходилось встречаться не один раз, но на волейбольном поле. А встреча в посольском кабинете с такой компанией была для меня загадкой. Заметив мое смущение, Лебедев попросил оказать ему помощь: обследовать помещение, где будут членам делегации докладывать посол СССР в ДРВ И.С. Щербаков о военно-политической ситуации в регионе. Видимо, запомнили в посольстве мое предупреждение о подслушивании в Кимлене.

Помещение, где должен был быть доклад посла, больше напоминало красивый зал для приемов. С двух сторон – окна с

опущенными шторами и большими вентиляторами под потолком. На стенах в массивных рамках висели старинные картины. Посреди зала стоял овальный стол и мягкие кресла.

В 60-е годы еще отсутствовали миниатюрные подслушивающие и подглядывающие устройства. Самую маленькую радиостанцию мы изъяли у пленного американского летчика. Но и она весила около килограмма и была настроена на одну волну. Для передачи сигнала «SOS», если сойдет самолет.

Вместе с представителем КГБ осмотрели электропроводку, заменили настольную лампу. Отключили радиотрансляционную сеть посольства. Обследовали внешнюю сторону помещения. Проверили окна, нет ли «жучков». Посоветовал во время доклада включить тихую музыку.

Настало время принимать награды Родины. Оделись в самое лучшее из того, что было. В большом актовом зале посольства собрали всех советских специалистов. В зал зашли члены делегации. А.Н. Шелепин подошел к трибуне, а Д.Ф. Устинов и генерал-полковник Толубко сели с нами. Устинов оказался моим соседом, только сидел на один ряд впереди. Первая мысль, которая возникла у меня: «Так это майор М. Смагин – начальник связи нашего Иркутского полка!» Бывают сходства, но не до такой степени. Просто двойник нашего майора, даже очки такие же, и улыбается также!

А.Н. Шелепин рассказал о военно-политической обстановке в Индокитае. Это был очень правдивый рассказ, без украшений и умолчаний. Он очень высоко оценил нашу работу. Наши победы в воздухе значительно улучшили отношение руководства ДРВ к СССР. Руководство партии и Правительства внимательно следит за развитием событий во Вьетнаме. В заключение пожелал всем успехов и благополучного возвращения на Родину. Это яркое выступление, умение овладеть настроением аудитории и создать непринужденную обстановку, характеризовало его действительно как большого государственного деятеля. После доклада полковник А.М. Дзыза объявил списки тех, кто переходит в соседний зал получать награды. А.Н. Шелепин и И.М. Щербаков ушли с группой специалистов в соседний зал.

Связисты остались в зале, где вручал награды Д.Ф. Устинов. Представитель посольства зачитал указ о награждении. Первым награждается старший Группы советских военных специалистов генерал Г.А. Белов. В середине списка звучит моя фамилия: «Лейтенанта А.И. Скреблюкова за мужество и героизм, проявленный при борьбе с авиацией противника, наградить медалью “За отвагу”».

Подошёл к Д.Ф. Устинову строевым шагом, доложил, как положено по Уставу. Внимательно рассматривал Дмитрия Федоровича: «Ну, точно майор М. Смагин», кончиками губ улыбнулся ему, в ответ он улыбнулся мне приятной улыбкой.

В конце ритуала награждения собрались в нашем зале. Все поглядывали в соседнее помещение. На длинных столах там были расставлены бутылки советского шампанского, рядом стояли вазы с конфетами и фруктами.

Генерал Г.А. Белов подошел к А.Н. Шелепину и что-то тихо спросил. Александр Николаевич громким голосом сказал: «Ну, конечно, можно!» Группа офицеров бросилась открывать бутылки. После того как все бутылки были открыты и бокалы налиты, всех пригласили в зал. Первый тост за будущие победы произнес А.Н. Шелепин. После тоста сказал, что у кого есть какие-либо вопросы, не стесняйтесь, задавайте, будем решать.

От всех награжденных слова благодарности партии и Родине произнес старший группы СВС генерал Г.А. Белов.

После фуршета мы стали собираться группами, рассматривая полученные ордена и медали. А.Н. Шелепин о чем-то разговаривал с послом.

Заметил, что мой сослуживец по Иркутску капитан И.А. Свиридов подошел к А.Н. Шелепину и о чем-то мирно беседует. Вот тебе и не задавайте вопросов! После окончания разговора спрашиваю его, о чем говорил с А.Н. Шелепином? Да о квартире, хватит жить в деревянном бараке! А у меня Марина родила дочку и живет в коммунальной комнате двухкомнатной квартиры, которая не что иное, как дореволюционный барак, отапливаемый дровами, с холодным туалетом, да еще и делит жилье с семьей татар, которых человек десять, а старший сын Наиль только вышел из тюрьмы. Как она там с этим всем справляется без меня?

Подошел к Шелепину, представился: «Лейтенант Скреблюков». По военному правилу прошу разрешения обратиться по личному вопросу. «Да, конечно, обращайтесь! Что у Вас за вопрос, товарищ лейтенант?» Доложил: «После убийства в Правительственную командировку жена родила дочь в коммунальной квартире...» Александр Николаевич остановил мой рассказ. Подозвал своего помощника и предложил мне изложить суть вопроса ему. В конце разговора пожал мне руку со словами: «Ну, конечно, поможем!»

Помощник из нагрудного кармана вынул блокнот с пронумерованными листами со специальными знаками, в виде Герба СССР, подробно записал мою воинскую часть, гарнизон, адрес проживания семьи, фамилию, имя, отчество жены. Дружески улыбнулся, со словами: «Все будет хорошо!»

Я отошёл в сторонку. Ко мне подошел майор А.И. Громов: «Ну, чего ты пошел к Шелепину, ведь тебя предупреждали, что ходить не надо. Теперь жди неприятностей».

Владимир Булгаков на этой встрече получил орден Боевого Красного Знамени. Делюсь с ним состоявшимся разговором с Шелепиным. Володя поддержал меня: «Если не сейчас решать, то когда же? В цинковом костюме не решишь. А уедем отсюда, про нас сразу все забудут».

Заместитель генерала Г.А. Белова по политической части полковник М.Е. Борисенко с нескрываемой досадой и злостью прошел мимо меня и не поздравил с наградой. А может, это мне все показалось? Угроза быть выгнанным с первой убывающей группой в Союз, показалась мне вполне вероятной.

Сослуживцы разделились на две группы по оценке моего поступка, правильно ли я сделал или не правильно, обратившись к «запретной» инстанции. Если бы я не обратился, то корил бы себя всю жизнь за трусость. Будь что будет, решил: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». Так, в неизвестности, прошла неделя: отправят в Союз или решат мой квартирный вопрос?

Через неделю А.И. Громов сообщил, что меня вызывает на беседу полковник М.Е. Борисенко. Уже без машины, своим пешим ходом, прибыл в посольство за вердиктом: «Быть или не быть».

Дружески встретил меня полковник, сразу мелькнула мысль: «Все будет в порядке». Несколько нейтральных вопросов о письмах, здоровье жены и дочери, а потом самое главное: «Вам предоставлена квартира в центральной части Иркутска по адресу: улица Карла Маркса дом №... квартира №...» Чувство радости охватило всю мою душу, ну, слава Богу, все вопросы разрешились!

Обратно добирался из посольства уже на машине замполита. Ребята дружно меня поздравили с получением квартиры. Как потом написала мне жена, среди ночи приехали к ней на квартиру большие начальники и перевезли их в другую коммуналку с центральным отоплением, напротив дома офицеров. Снова коммуналка, и самое неприятное, - комната находилась над аркой, и в сибирские морозы на полу и в углах комнаты выступал лед. После получения известия о таком «улучшении» пошел к М.Е. Борисенко и рассказал ему обо всем. Немного приврал, что порученец А.Н. Шелепина оставил мне адрес для доклада. Возмущение Борисенко не знало предела, но он сказал: «Алексей, не беспокойся, мы это дело быстро поправим».

Действительно, через месяц жена сообщила, что их перевезли в пятиэтажный недостроенный дом, в двухкомнатную квартиру на втором этаже на улице Постышева, дом 2. В пятидесяти метрах от реки Ангара с прекрасным видом на Иркутскую ГЭС. Плохо одно, что в этом доме только для них ввели в эксплуатацию одну квартиру. Остальные переехали в новый дом только через два месяца.

Испытание нового оружия

Особым событием было прибытие транспортного самолета из Союза. Для нас это был великий праздник. Привозили почту. Экипаж Ил-18, как правило, ночевал в Кимлине. Мы очень хорошо знали экипажи и всегда радовались их прилету. Особо уважали командира подполковника А. Сухинина. Человек, повидавший много стран, в которых находились наши войска и военные специалисты. Он знал, что необходимо привезти в Африку, на Кубу, в Индонезию, Бирму и т.д. А для нас у него всегда была селедка, сухая вобла, несколько буханок черного хлеба и,

конечно же, наша «Столичная» или «Московская» водка. Мы запомнили его, как душу компании и балагура.

На одной из таких встреч познакомился с офицерами-артиллеристами, прибывшими из Союза. После застолья и разговоров они спросили, знаю ли я радиостанции Р-109. После положительного ответа попросили помочь им организовать радиосвязь на местности. Присутствующий на встрече майор А.И. Громов дал согласие откомандировать меня на несколько суток с этой группой.

На следующий день к нам присоединилась группа офицеров-ракетчиков, ранее служивших в артиллерийских войсках, и мы рано утром двумя автобусами отправились на полигон. По дороге нам объяснили, что мы будем готовить показ нового реактивного оружия высшему военному руководству ДРВ. Старшим группы артиллеристов был подполковник В. Азаров.

По прибытию на полигон офицеры артиллеристы стали устанавливать металлические треноги, выравнивать под ними площадки, ориентировать их на местности, то есть делать свое артиллерийское дело. У меня своя работа, познакомился с вьетнамским старшим лейтенантом начальником связи полигона. Как проходят проводные линии связи, какая уплотнительная аппаратура — он предпочел мне не говорить. Мое дело было проверить и обеспечить работоспособность около десяти УКВ радиостанций малой мощности Р-109.

После установки треног артиллеристы на направляющих закрепили реактивные снаряды от знаменитых «Катюш». На расстоянии восьми километров от нашей боевой позиции на площади не более двух гектаров были оборудованы учебные цели: окопы, траншеи хода сообщений между ними и установлены корпуса бронетранспортеров, нескольких грузовых автомобилей и макет вертолета.

По моей просьбе в штаб полигона собрали все радиостанции Р-109, которые должны будут участвовать в обеспечении связи. Их техническое состояние было неудовлетворительно. Несколько аккумуляторов были почти полностью разряжены. В отдельных станциях обнаружилась большая погрешность по частоте. Требовалась калибровка генератора радиостанции по кварцевой частоте. Пока

артиллеристы занимались своим делом, группа радистов во главе со старшим лейтенантом приводила технику в порядок.

Вычистили аккумуляторные батареи от пыли и грязи. Поставили их на усиленный заряд. Привели в порядок антенное хозяйство. По моей команде достали антенны «Наклонный луч», обеспечивающие связь на значительно большее расстояние. К великому удивлению вьетнамцев, дальность связи на этой антенне увеличилась в несколько раз. Сам проверил калибровку гетеродина радиостанций и провел их настройку. Вечером с несколькими советниками убыли в Ханой.

Через пару дней нас отправили снова на полигон. Все вьетнамцы-радисты с подготовленными радиостанциями были в сборе. Последний инструктаж, проверка радиостанций без выхода в эфир и развозка всех радистов по рабочим точкам. В штабе руководства остались два лучших радиста.

Ближе к полудню на командный пункт прибыли генералы и офицеры ВНА. Встречал их старший группы специалистов генерал-майор Белов Григорий Андреевич. Особый интерес вызывал у нас министр обороны Вьетнама генерал армии Во Нгуен Зиап, выдающийся полководец и легендарная личность, победитель в Освободительной войне против Франции в пятидесятые годы и лидер Национального фронта Южного Вьетнама в описываемых событиях.

Последним подъехал Президент ДРВ Хо Ши Мин. Среднего роста, худощавый, стройный, с благородной белой бородкой и добрыми, смеющимися глазами. Одет был в простой белый костюм, больше смахивающий на обыкновенную дачную пижаму. Обут в легкие сандалии. Машина, на которой приехал президент, тоже не отличалась от других особым шиком – салатного цвета польская «Варшава».

После осмотра позиции переносных «Катюш» и объяснений генерала Белова, все руководство перешло в специальный блиндаж. Прозвучала русская команда «Огонь» и в течение 15 минут из двенадцати установок было выпущено 144 реактивных снаряда! С ревом и воем летели они к цели, оставляя за собой огненный хвост. Вдали были слышны мощные разрывы снарядов. В конце стрельбы от боевой позиции до целей образовалась сплошная широкая полоса

дыма, соединяющая, как радуга, две точки в джунглях – боевую позицию и учебную цель.

Всех присутствующих посадили в автобусы, и они отправились проверять «работу» переносной реактивной артиллерии.

К сожалению, мне не пришлось видеть пораженные мишени. Нас быстро посадили на автомобили и отправили в Кимлен.

Прошло более четырех десятилетий. Оружие, испытанное в Южном Вьетнаме прошло все войны: Афганскую, Карабахскую, Чеченскую.

Командировка на юг

Подшло время подготовки и сдачи экзаменов нашими вьетнамскими курсантами. В каждой группе подготовили билеты, которых в два раза больше, чем курсантов. В билете по три вопроса. Два по устройству средств связи, а третий – практический ремонт. С великим усердием и трудолюбием наши вьетнамские товарищи готовились к экзаменам. Да, трудолюбия и настойчивости им не занимать.

Жизнь и война вносит свои изменения. Среди ночи посыльный вызвал меня к командованию СВС в Кимлиене. В поздний час за столом сидели полковник А.М. Дзыза, майор А.Б. Заика, майор А.И Громов и еще несколько приглашенных человек. По усталым и серьезным лицам понял, что предстоит дело серьезное.

А.М. Дзыза ввёл нас в курс дела. Как стало известно вьетнамским товарищам, в ближайшее время американское командование планирует массовые налеты стратегической авиации, в том числе бомбардировщиками В-52, на объекты в центральной зоне, возле города Ханоя, столицы ДРВ. Не раскрывая замысла в целом, поставлена конкретная задача каждому. Но всем стало ясно, зенитно-ракетные дивизионы должны передислоцироваться, чтобы достойно встретить врага и нанести ему серьезные потери. Особой задачей считается уничтожение «летающей крепости» В-52 (как американцы тогда говорили – несбиваемый бомбардировщик).

От меня требовалось отбыть в провинцию Ха Тинь для подготовки и проверки средств радио и радиорелейной связи

на основных и запасных позициях зенитно-ракетных дивизионов. Выезд через два часа.

Быстро собрал «полевую» форму: зеленые рубашку и брюки (в ателье сшили), высокие армейские кожаные ботинки, пробковый шлем, подаренный переводчиком Киеном, туалетные принадлежности, плащ-накидку, железную каску. И еще схватил пару банок с консервами, сахар, конфеты, хранившиеся «на всякий случай». Как жаль, что нельзя с собой брать фотоаппарат ФЭД-2! Были бы такие кадры!

Дорога на юг оказалась очень сложной. Опять наша «Победа», в польском исполнении, мой незаменимый друг и переводчик Хоан, курсант и охрана. Два дня по болотистой дороге, объезжая воронки и форсируя водные преграды, в буквальном смысле перенося на руках автомобиль в некоторых местах. Ночью попали в пробку, образовавшуюся из-за глубокой воронки от авиабомбы на дороге.

Несколько раз вдоль дороги на малой высоте пролетали истребители-бомбардировщики, но видимо, наш зеленый автомобиль был так хорошо разукрашен, что его сразу и не увидишь, да и связываться с такой целью летчику, видимо, не особо хотелось. Мы при приближении самолета быстро выскакивали из машины и прятались в кювет. Слава богу, пролетел стервятник. Ну, погоди, развернут наши ребята пару ракетных дивизионов на юге, так безнаказанно уже летать не будешь!

По прибытии на первую позицию нас встретил младший лейтенант ВНА (к сожалению, фамилию не помню), ранее обучавшийся на наших курсах в группе у капитана О.И. Бакулина. Он показал нам развернутую радиорелейную станцию Р-405, идеально замаскированную в лесном тропическом массиве.

По тем временам даже в моем родном полку в Иркутске таких станций еще не было. Так что очень не правы были недоброжелатели, когда говорили, что мы поставляем в ДРВ старую технику. С интересом ознакомился с новой техникой, но вида не подал, что ее совсем не знаю. Она точно как наша Р-401, только добавлены блоки дециметровых волн. Ничего, разберемся! Техническое описание на станции есть. Проверил правильность технического развертывания, настройку, документацию. К радости, все сделано как надо. Даже

регламентные работы проведены, и произведены соответствующие записи в документах. Да, хорошо мы в учебном центре их научили. За обедом поблагодарили офицера за гостеприимство и хорошее состояние станции, пообещав обо всем увиденном доложить командованию.

После сытного обеда поехали на вторую позицию. Несколько часов езды и мы у цели, но что это такое? Вместо боевой позиции - непонятное скопление громадной массы работающих людей. Нас с настороженностью встретил военный комендант с непонятным воинским званием и эмблемами. О чем-то долго разговаривал с переводчиком. У Хоана он требует какие-то документы. Разговор явно на повышенных тонах.

Применил старый прием, действующий безотказно. Подошел к коменданту. Попросил Хоана перевести, что меня прислал товарищ Шат (кто такой Шат по должности я не знал, он много раз приезжал к нам в центр и, видимо, был очень крупный начальник), и если он не разрешит проверить средства связи, то я доложу товарищу Шату, а его «буду критиковать на собрании». Хоан боялся переводить такие грозные слова, но я потребовал перевода.

Угроза возымела силу, но ... никаких средств связи на позиции не было, а шло инженерное оборудование будущей позиции ракетного дивизиона. Тысячи крестьянок с кирками и мотыгами набирали в корзины грунт и камни и, передавая друг другу по цепочке, сооружали укрытие для ракет. Другая группа женщин, повесив на коромысла по две корзины, быстрым шагом, почти бегом, переносила этот строительный материал строящим укрытие для машин управления. Картина напоминала трудолюбивый муравейник!

Ночевать определили в соседней деревне в бунгало. Как всегда, помещение без окон, а на двери знаменитая вьетнамская циновка. Бамбуковые кровати, заправленные шерстяными одеялами, подушки и матрасы набиты рисовой соломой.

Весть о том, что в деревню приехал «Линьсо» быстро распространили дети. Нас окружили добродушные местные жители народности мео. Для меня их речь совсем была непонятна. Хоан с трудом переводил с местного языка на русский. Жители принесли зеленого чая, много местных

фруктов и овощей. Мы, в свою очередь, отдали им тушенку, а детям раздали конфеты и сахар. Из любопытства дети трогали мои руки, заглядывали в глаза, просили показать бицепсы и вскрикивали от восторга.

Сплошной тропический ливень прервал общение с местным населением. Ночью спать практически не пришлось: невыносимая жара, комары и москиты. Когда водитель с себя сбросил огромную крысу, сон совсем пропал. Вообразите: крысы бродят стаями по нашему бунгалу, лазят по стене и кабелю. Было непонятно, почему их не съели местные жители? Утром переводчик нам сказал, что крыс специально не трогают, боятся худших времен. Ну, короче, они у них были неприкосновенным запасом вроде консервов.

Дорога обратно была без особых приключений, после двух бессонных ночей ослабло чувство опасности, пропал интерес к окружающей природе и последствиям бомбежек. Только вытаскивание машины из очередного ручья или болота заставляло нас выходить из кабины.

Дорога домой

По прибытии в Ханой результаты поездки доложил майору А.И. Громову. Александр Иванович внимательно выслушал мой доклад.

О конфликте с комендантом запасного района обещал доложить руководству группы СВС. После беседы последовал вопрос: «Алексей, как ты смотришь на продление командировки еще на один год? В апреле заканчивается подготовка ваших курсантов. Следующий набор будет в конце мая, а выпуск предполагается в октябре». Без раздумий я попросил отправить меня на Родину, в Советский Союз, к жене, дочке, родителям и друзьям.

После окончания обучения и выпуска курсантов начал собираться домой. Заказал жене красивый вязаный свитер, туфли, сумочку и кошелек из змеиной кожи, купил большой медальон из слоновой кости и другие вещи. Для себя заказал черный шерстяной костюм из «английской» шерсти. По всем адресам написал о прекращении действия адреса Москва-400 п/я 326. Больше в Москве не живем!

Из нашей группы остались капитаны К.А. Вознесенский, Е.И. Ларионов, О.И. Бакулин и рядовой В. Татаев.

По случаю убытия большой группы советских военных специалистов министр обороны ДРВ генерал армии Во Нгуен Зиап устроил в нашу честь прием, на котором были вручены вьетнамские медали «Дружба», благодарственные грамоты, подписанные премьер-министром Фам Ван Донгом и памятные подарки – джонки, сделанные в виде плывущего дракона из рога буйвола. Чем больше начальник – тем больше джонка, чтобы всем не было обидно! После торжественного ужина пришло время прощаться с товарищами и возвращаться домой.

В гостинице Кимлена состоялся прощальный ужин со всеми боевыми друзьями-связистами. Тяжело и грустно было расставаться с теми, кто жил рядом все это тревожное время. А.И. Громов напутствовал нас по-отцовски. Мне дал несколько адресов своих товарищей в Военной академии связи в Ленинграде с заданием не позже чем через три года поступить в академию.

В 6 часов утра большую группу специалистов посадили в автобусы и отправили в аэропорт Найбай. Проводить пришли все наши ребята. Последние рукопожатия, и колонна тронулась в путь. 19 апреля, по прибытии в аэропорт, нас посадили в военно-транспортный самолет Ан-12. Да, это тебе не Ил-18, в котором и сидения мягкие, и кондиционеры, и окна для пассажиров. Ан-12 предназначался для перевозки грузов и десантирования войск. Но ничего, главное сели в самолет. Теперь уж точно будем дома!

Проходит час, что-то нет командира корабля и штурмана. В самолете жара невероятная, как в бане. Так прождали несколько часов. Нас пожалели, разрешили выйти и ждать вылета у самолета. Через несколько часов ожиданий за нами приехали автобусы и, по необъяснимым причинам, снова отправили в Кимлен.

Какая была неожиданная встреча в Кимлене! Рукопожатия и объятия, как будто не сегодня утром прощались, а несколько лет назад. Хохмили, конечно, ребята, но встреча все же была приятной, тем более убывающим наличными выдали приличную сумму донгов за лишний день пребывания,

которые можно было истратить. Вылет самолета был назначен на следующий день, 20 апреля 1966 года.

Кто куда, а я – с неразлучными солдатами А. Шатровым, В. Татаевым и Е. Щегловым в парк «Единство», последний раз «покатать» командира взвода на лодке. Перекусили в кафе, выпили по бутылке пива и на лодочную станцию.

Но что это? Послышался вой сирены, и сразу же с западной стороны озера на бреющем полете пронеслись над головой два американских истребителя-бомбардировщика. По озеру в направлении политехнического института прошили пулеметными очередями. Вода в районах попадания пуль вскипела лентой в направлении полета. Люди в лодках и джонках, попавшие в зону обстрела, были убиты мгновенно. Самолеты нанесли ракетные удары и начали разворот на второй круг.

Мы повернули лодку к берегу и изо всех сил начали грести веслами.

С разворота самолеты идут прямо на нас, и нет никакой возможности увернуться от самого страшного в жизни. Из жерла пулеметов выскакивает пламя, всё, прощайся с жизнью, парень! Последняя мысль прожигает мозги: «А кто отвезет жене подарки?» Дождем пуль ударили из самолета в десятках метров от нашей лодки. Вот тебе и последняя прогулка! Со всех сторон по самолетам «затявкали» зенитные орудия и пулеметы, а самолеты резко взмыли вверх и скрылись в восточном направлении.

Наша лодка достигла берега. Мы бросились к укрытиям. Да, такую беспомощность и страх за жизнь я испытал только в первый день пребывания в ДРВ. Наступила тишина, и одинокая пулеметная опоздавшая очередь очень рассмешила нас. Смеялись над опоздавшим стреляющим, над собой, над своим страхом. Смеялись от пьяной без вина радости, что остались живы. Чувство злости на воздушных бандитов, безнаказанно бомбивших мирных жителей, прорывалось в нашем смехе. Подождите, сволочи, наша наука для бойцов ПВО Вьетнама не прошла даром. Заплатите еще за свои воздушные разбои! А я знал, что уж теперь точно довезу жене подарки сам! Теперь стало ясно, почему нас не отправили на самолете сегодня домой. Вьетнамская разведка снова доказала свою великолепную работу и знание обстановки.

На следующее утро, уже без долгих прощаний (чтобы не сглазить), сели в автобус, потом в Ан-12, который тихо набрав высоту, полетел на север. Взлетели. Самолет плавно набрал высоту и спрятался в низкие облака. Через несколько минут прорвались к солнцу. Все внимательно смотрим в иллюминатор, нет ли поблизости американских истребителей. Выше самолета — голубое высокое небо с палящим солнцем, а под крылом его — сплошные черные тучи, и никакой надежды еще раз увидеть дорожную теперь для нас землю Вьетнама.

Из кабины самолета вышел штурман и сообщил, что пересекли границу с Китаем. Ну, всё, самолеты янки над КНР летать бояться! Последняя опасность миновала.

Промежуточная посадка в Пекине. Уже нет торжественного приема. Отношения между нашими государствами отразились и на гостеприимстве китайцев. Холодная встреча пограничников и таможенников, обед, уже без торжественных речей, но с множеством блюд, без водки и коньяка, как при первом посещении, по дороге во Вьетнам. Короткое ожидание в малом зале в ожидании дозаправки самолета и снова в путь, в Улан-Батор.

Несколько часов полета и под нами аэропорт Улан-Батора. Снизилась между гор, как в яму. Вокруг одни горы. Командир корабля объяснил, что до города добираться минут сорок. Без всяких формальных проверок сели в советские ПАЗы, и нас, к нашему разочарованию, отправили ночевать в гостиницу. Чувствовалось, что вся архитектура советская, те же пятиэтажки — хрущевки, такая же, выбитая ухабами, асфальтная дорога, дополненная густым шлейфом пыли от едущих автобусов. Только и разнообразия, что начиная с окраин и почти до самого центра во дворах развернуто множество юрт и палаток. Все автомобили старые советские.

Разместили нас в центральной гостинице по два человека в номере. Ужин и завтрак заказан в ресторане. В отличие от китайской кухни, монгольская еда ничем не отличалась от нашей.

Рано утром, после завтрака, отправились в аэропорт. У всех прекрасное настроение. Сегодня будем в Иркутске — в Союзе, на Родине. А я к тому же — дома. Ребятам еще пару суток необходимо будет добираться до своих воинских частей, а уж потом — домой. Ах, как же мне повезло, что служу и живу

в Иркутске! Время, кажется, растянулось. Самолет не летит, а стоит на месте. При пересечении границы СССР летчик бросает самолет вниз и поднимает вверх, машет крыльями родной земле. В брюхе транспортного самолета возвратившиеся воины дружно прокричали: «Урааааа!»

В Иркутском аэропорту нас встретили пограничники, таможенники и командир 26-й дивизии ПВО генерал Гушо с группой офицеров. После досмотра, в зал ожидания аэропорта, воздушный радист нашего самолета принес мне припрятанный еще в Ханое большой букет роз, мой главный подарок жене.

Короткая беседа в доме офицеров, изъятие заграничных паспортов и возвращение удостоверений личности офицера и партийных билетов заняло несколько часов. Ребят, которые летели далее, накормили в офицерской столовой, а иркутянам выдали по 25 рублей командировочных и отправили домой.

Мне выделили в полку ГАЗ-69, и я поехал на улицу Постышева.

За 300 метров до дома водитель остановился: туда дороги нет. «Товарищ лейтенант, а далее пешком, машиной к вашему дому мне не проехать!» Я не то шел, не то бежал: в одной руке красный чемодан, а в другой букет роз. Для всей семьи мой приезд был неожиданным. Жена, мать жены Федосья Никифоровна и маленькая доченька Анжела оказались дома. Это была самая счастливая минута моей жизни.

По данным ГШ ВС СССР за период с июля 1965 года по декабрь 1974 года во Вьетнам в качестве советских военных специалистов было направлено 6359 генералов и офицеров и более 4,5 тысячи сержантов и солдат срочной службы. Всего во Вьетнаме погибло, умерло от ран и болезней – 16 человек.

После прибытия из командировки я был назначен на должность начальника связи 14-й отдельной эскадрильи. В 1968 году поступил на командный факультет Военной академии связи имени Маршала СССР С.М. Буденного. После окончания командного факультета академии в 1972 году служил командиром 20-го отдельного батальона связи в городе Пружаны Брестской области Белорусской ССР, начальником штаба и командиром 86-й бригады связи Белорусского военного округа.

В 1985 году поступил в Военную академию Генерального штаба СССР имени К.Е. Ворошилова. После окончания

академии в 1987 году был направлен для прохождения службы начальником войск связи 8-й танковой армии в город Житомир Прикарпатского Военного округа. С должности заместителя начальника войск связи Прикарпатского военного округа в 1989 году назначен на должность начальника кафедры Военной академии связи.

В Военной академии связи в 1992 году защитил диссертацию. Присвоено звание доцент.

После окончания службы в 1995 году по настоящее время работаю по обеспечению безопасности в электроэнергетике.

В 2004 году избран действительным членом Всемирной академии наук комплексной безопасности.

Председатель правления Санкт-Петербургского отделения Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме.

Награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени, 20 различными медалями, в том числе медалью «За отвагу» и вьетнамской медалью Дружбы.

Март 2016 года

*В подготовке воспоминаний оказал помощь **Сабанаев Глеб Александрович**, выпускник Военной академии материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева*

Скрынников Михаил Федорович

Асмарский полк был разгромлен

Я родился 15 января 1943 года в деревне Кирово Жлобинского района Гомельской области.

Окончив школу, в 1962 году был призван в Советскую Армию в воздушно-десантные войска (ВДВ).

В 1963 году поступил в Рязанское десантное училище. В 1967 году был направлен в 105-ю дивизию ВДВ командиром развет роты. С 1978 года – начальник разведки дивизии.

С 1979 года – начальник разведки 103-й дивизии ВДВ, в составе которой в 1979 году был направлен в Афганистан.

Почти четверть века прошло с тех пор, когда Советские войска, не нарушая боевые порядки, гордо, с развернутыми знаменами, покинули Афганистан.

Это много или мало по времени? А это с какой стороны и как посмотреть на прошедшее событие. Правда, многое из памяти стерлось, но еще много волнующих моментов осталось.

Однако вернусь к январю 1980 года. Прошло около двух недель, как был свергнут режим Амина и к власти пришел Бабрак Кармаль. Пресса, которую для войск доставляли в Кабул, запаздывала где-то на пару, а то и больше дней, в зависимости от погодных условий.

Мы, офицеры управления 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, в одно утро прямо перед палатками

разобрали у почтальона газеты и стали их с жадностью просматривать. Не потому, что нам хотелось свежей информации, мы горели желанием найти в газетах хоть маленькую зацепку о том, что десантники задачу Советского Правительства выполнили и могут потихоньку собираться домой. Молча ищем то, что нам так хотелось найти. Но, увы, в прессе, которую нам доставили, нет и намека на вывод дивизии.

Рядом кто-то стал возмущаться:

- Вы только прочитайте, что в «Известиях» написано! Мы уже почти две недели находимся на аэродроме в Кабуле, а Правительство нашему народу пудрит мозги, что наших войск в Афгане нет. И как это понять?

Да, было такое время, когда все замалчивалось и скрывалось от народа. Так случилось и тогда, в первых числах января 1980 года, на аэродроме в Кабуле.

Тем не менее, на следующий день командир дивизии генерал Рябченко И.Ф. при нас, офицерах управления, дал поручение оперативному отделу подготовить два варианта вывода дивизии из Афганистана: один по воздуху самолетами, а другой - через Термез железной дорогой. Офицеры эту новость восприняли «на ура» и с энтузиазмом подключились к работе.

Старожилы дивизии в курилках проводили афганские параллели с чехословацкими событиями 1968 года, когда наша витебская дивизия была по воздуху переброшена под Прагу. Они с удовольствием судачили о том времени, как о манне небесной, и друг перед другом расплывались в улыбке. Когда солдаты сливочным маслом чистили свои армейские сапоги, а от разных сортов колбасы воротили носы. Военторг десантников закармливал вкуснятиной, да и не только десантников, а весь ограниченный контингент, введенный в Чехословакию для подавления путча.

А здесь одно и то же каждый день: тушенка и консервы. И только в конце февраля, когда закончилось формирование 40-й армии, паек усилили сгущенкой и печеньем.

С прилетом в Афганистан заместителя Министра обороны генерала армии Соколова С.Л. надежды десантников на скорое возвращение домой наглухо накрылись медным тазом. Мы это поняли по хмурому лицу командира дивизии, который только

что вернулся с совещания от Соколова. А ближе к вечеру он решение генерала армии довел до нас, офицеров управления и командиров частей, суровыми словами:

- Командиры, надо капитально обустроиваться. Остаемся здесь надолго!

Время шло. Мятежники стали наглеть и постреливать в Кабуле даже днем. Погиб водитель первого коменданта Кабула полковника Ю.И. Двугрошева. Через пару дней, ночью, в сторону боевого охранения по горе Ходжа-Раваш была выпущена 60-миллиметровая мина, которая, не долетев до цели, взорвалась внизу. Позже, примерно через неделю, в городе была обстреляна клубная машина, которая возвращалась из 357-го полка, где бойцам показывали кино. Был смертельно ранен начальник клуба капитан Вовк. 21 февраля 1980 года оппозиция вывела на улицы Кабула сотни людей, среди которых были учащиеся лицеев. Город волновался и бушевал.

Тем временем военно-политическая обстановка в стране изо дня в день накалялась. В конце февраля этого же года в штаб дивизии поступила телеграмма из армии: «Подготовить батальон 317-го парашютно-десантного полка для боевых действий в провинции Кунар».

Комдив руководителем этой операции назначил начальника штаба дивизии полковника Петрякова, а его заместителем майора Шеметило. На подготовку батальона отводилось двое или трое суток, но не больше. Из-за давности времени уже точно не помню. За такой короткий срок практически невозможно хорошо подготовиться к действиям в горах даже тем подразделениям, которые постоянно занимались боевой подготовкой в горных условиях. Батальон, выделенный для подавления мятежа, до получения боевой задачи выполнял охранные функции в центре столицы и тактической подготовкой в горах не занимался. Это были нереальные и даже смешные сроки для подготовки десантников к бою. В данной ситуации комдив не сообразил возразить командарму Тухаринову и доказать ему, что такая поспешность приведет к большим жертвам.

Подготовка самой операции тоже проходила как-то странно, если не сказать тайно. Но раз руководство так решило, то мы делали вид, что ничего не знаем. Секреты, как

правило, хранились от афганцев, которые по делу и без дела сообщали своим единоверцам о плане операции, и тогда тайное становилось явным для душманов, и те спокойно, не торопясь уходили в другой район. Там отдыхали, а когда наши войска возвращались в свои лагеря, то банды следом возвращались в кишлаки.

И только накануне вылета батальона в район боевых действий до нас довели замысел и цель операции. Оказывается Асмарский горно-пехотный полк, который дислоцировался на ключевом направлении, прикрывая путь на Кабул со стороны Пакистана через Джелалабад, взбунтовался и стал неуправляемым. Во взбунтовавшемся полку были убиты офицеры-коммунисты. Многие офицеры, лояльно относившиеся к кабульскому режиму, были арестованы. Часть офицеров и солдат разбежались по домам, а основная часть осталась в казармах, но от каких-либо переговоров с центральной властью отказалась.

Тогда армейским командованием и было принято решение - полк разоружить, а виновных отдать под суд.

До Афганистана личный состав дивизии в горах никогда не был и горы в основном видел только в кино, за исключением мизерного числа парней из Средней Азии и Кавказа.

Дивизия по своему основному предназначению готовилась к применению на западном театре военных действий в лесистой и болотистой местности. Все учения и занятия проводились на такой же местности. А в Афгане кругом, куда не глянешь, горы, да еще какие. «На вершину посмотришь, аж шапка сваливается», - шутили офицеры.

Батальоном командовал майор В.М. Кустрьо, офицер отменной отваги и мужества. Батальон был усилен разведвзводом роты полка и саперным отделением. Всего триста человек. Мы их так и называли «триста спартанцев».

У бойцов был вид студентов перед трудным экзаменом. А у них впереди действительно был первый и трудный экзамен. Они были первыми в дивизии, кто принял бой в Афгане. До этого были всякие учения и даже с боевой стрельбой, но опять же на полигонах. А здесь как быть? Как поведут себя бойцы, офицеры пока не знали. Вздыхали командиры, внимательно слушая наставления более опытного

учителя. Пожалуй, это был единственный инструктаж хотя и устный, но его хорошо запомнил личный состав, и он им пригодился на следующий день, когда пули свистели над их головами. Как не храбрились офицеры, слушая Петрякова, но все же на их лицах было волнение.

Батальон уже затемно прибыл в расположение полка. Старшины подразделений раздали бойцам боеприпасы, которые по какой-то причине не успели выдать заранее, и повели роты на ужин. После ужина личному составу разрешили пораньше лечь отдыхать.

Утром личный состав батальона прибыл на аэродром, спешился и построился по корабельным спискам. Эти списки еще накануне довели до бойцов. Среди десантников я увидел знакомую фигуру командира разведроты полка и подошел к нему.

- Привет, а где наши разведчики? - интересуюсь у него, крепко пожимая руку.

На правом фланге батальона, ответил ротный и показал рукой в сторону фланга.

- Пойдем, я поздороваюсь с ними и что-нибудь хорошее им скажу. Подходим к взводу, а взводного в строю нет. Представляется старший сержант Мироненко, заместитель командира взвода.

- А где командир взвода? - спрашиваю у него.

- Комбат для уточнения задачи вызвал к себе, - докладывает старший сержант.

- Парни, как настроение? - обращаюсь к бойцам.

- Отличное! - хором отвечают разведчики.

Что я им мог сказать в тот момент? Чтобы они берегли себя и больше ничего. Я был старше их по возрасту и прекрасно понимал, что их ждет впереди. Правда, еще напомнил им, чтобы старались быть в горах выше врага.

- В горах побеждает тот, кто в данный момент наверху. Помните это! - сказал я им.

В это время мимо нас проходил Петряков и Шеметило.

- Скрытников, а ты что здесь под ногами путаешься? - с улыбкой на лице спросил начштаба.

- Разведчиков на операцию провожаю! - ответил ему.

- Дело нужное. Им сейчас хорошее слово, что бальзам на душу, - вмешался в разговор Шеметило, поправляя на себе снаряжение.

И тут в небо взметнулась зеленая ракета.

- Ну, вот и нам пора, - сказал полковник, направляясь к своему вертолету.

- Ни пуха вам и ни пера! - крикнул им вдогонку.

- Пошел к черту! - ответил мне майор и побежал догонять Петрякова.

Через какое-то мгновение летное поле наполнилось грохотом двигателей и огромным облаком пыли. Вертолеты стали выруливать на взлетную полосу и с небольшим пробегом отрывались от бетонки, попарно взмывали в небо, направляясь навстречу солнцу, на восток. Вскоре около трех десятков машин исчезли за горизонтом, а мы, провожающие, продолжали смотреть им в след.

- Ну вот, отправили пацанов на войну, - сказал, подходя ко мне и тяжело вздыхая, начальник связи дивизии Горовой.

- Отправили! - поддакнул я, и мы вместе направились в сторону штаба дивизии. Наш путь проходил через жилой городок дивизионных разведчиков. Навстречу вышел командир роты И. Комар.

Я поинтересовался у офицеров, чем сегодня будет заниматься рота.

- Уходим в горы на занятия, - доложил ротный.

- Евгений Иосифович, я остаюсь в роте, - сказал я начальнику связи.

- Дело хозяйское, - ответил он и по тропинке пошел дальше к городку связистов.

А я же с ротой убыл к горе Ходжа-Раваш на занятия, где разведчики отрабатывали горную подготовку в комплексе с огневой. Гора Ходжа-Раваш для разведчиков стала полигоном, где они ежедневно оттачивали вопросы огневого соприкосновения с противником в горах. Комар со временем занятия усложнял, и это шло только на пользу разведчикам.

К обеду вернулся к себе в штаб дивизии и заглянул в палатку оперативного дежурного, чтобы уточнить, как ведут себя в горах наши «триста спартанцев». В палатке за столом оперативного дежурного находился комдив. Он явно был не в настроении. Вдруг раздался телефонный звонок, Рябченко

вздрагнул, как будто боялся этого звонка. В.А. Проскуряков, оперативный дежурный, поднял трубку и тут же передал ее генералу. Лицо его мгновенно помрачнело.

Я тихонько у оперативного спросил:

- Что-то случилось?

- В горах в разных местах идут боевые действия. Бои непредсказуемые и тяжелые, исход пока не в нашу пользу. На этот час есть погибшие и раненые, - ответил оперативный.

- А где танки с пехотой? – спрашиваю у него.

- На дороге много завалов, это затрудняет движение колонны. Наши там дерутся с мятежниками один на один, а пехота пока помочь не может.

В этот момент Рябченко положил трубку, молча посмотрел на меня.

- Хреново складываются дела в районе боевых действий, разведчик, - сказал он мне, - на этот час уже более десяти погибших.

Комдив встал из-за стола и, выходя из палатки, на ходу бросил мне:

- Скрынников, ты тоже оставайся здесь, вместе отслеживайте обстановку в горах.

После комдива в палатку зашел Сергей Соколов, замначальника оперативного отдела дивизии, и с ходу бросил:

- Валера, где карта? Генерал приказал нанести на нее боевые действия батальона. Давай сюда журнал боевых действий.

Мы все склонились над картой и стали домысливать, как могли складываться боевые действия после десантирования из вертолетов.

Первое, на наш взгляд, в военном городке мятежники надежно не были подавлены ударами боевой авиации. Они разбежались по горам, а часть из них оказалась в непосредственной близости от площадки приземления.

Второе, в группировке десантников не были предусмотрены авианаводчики для вызова и управления огнем вертолетов, и не только вертолетов. Для командования дивизии, да и для нас, это было новшеством.

Третье, не были доведены до десантников и мотострелков уточненные данные разведки, в том числе и данные инженерной разведки о состоянии дороги. Завалы на

маршруте движения мятежниками создавались не накануне марша, а намного раньше.

Четвертое, и не менее важное обстоятельство, десантники Витебской дивизии еще не успели приобрести навыки ведения боя в горных условиях, отсюда и такие потери.

Пока мы судачили и обсуждали, что там происходит, раздался звонок телефона закрытой связи. Проскураков ответил и стал что-то записывать. Мы через его плечо стали читать. Содержание нас не радовало, появились потери, а пехота в район боевых действий еще не подошла. Запись «переложили» на карту и увидели, что выполнение боевой задачи подходит к концу, но мы еще точно не знали, какой ценой это все давалось.

Время близилось к вечеру, вскоре начнет темнеть. В палатку почти незаметно вошел комдив и присел на свободный стул, попросил последнюю сводку, полученную от начштаба. Читая её, он становился мрачнее тучи. Петряков докладывал, что к исходу дня батальон задачу выполнил и сосредоточился около населенного пункта Шигал на ночевку. К этому времени подошла пехота с танками.

- Да-а, долго шла пехота на помощь, - ворчал генерал, но от эмоциональных высказываний воздержался.

Комдив несколько минут молчал, как бы собираясь с мыслями, потом дрожащим голосом попросил нас пока не разглашать цифры погибших. И добавил:

- Доложу командующему сам!

И расстроенный вышел из палатки.

К утру в штабе был полный список погибших. В списке погибших я увидел фамилию своего разведчика, старшего сержанта Мироненко, с которым только вчера утром разговаривал на аэродроме. Мне стало как-то не по себе, и я вышел из палатки. Постоял некоторое время на свежем воздухе, вернулся в палатку, набрал номер 317-го полка, попросил пригласить начальника разведки полка А.П. Качанова и рассказал ему о случившемся.

Чтобы понять, как в горах все происходило, необходимо было на какое-то время перенестись туда - в самое пекло боевых действий. Как мы уже и предполагали, мятежники в военном городке не были надежно подавлены. С началом бомбежки они стали разбегаться в разные стороны, а

некоторые группы даже оказались в промежутках между боевыми порядками десантников. Разведгруппа полка, после уточнения задачи на местности, начала движение в направлении населенного пункта Шигал.

Замыкал группу заместитель командира взвода старший сержант Мироненко. Он сам был родом из Душанбе, и горы для него новостью не были. Группа незаметно для себя стала терять высоту, то есть уходить по водоразделу, так идти было несколько легче и проще, но это было тактически не грамотно.

Изначально неправильные действия батальона подметил Петряков. Он видел, как батальон стал стремительно спускаться вниз по тропам, передавая инициативу мятежникам. Много нервов ему стоило, чтобы подправить тактику действий подразделений батальона.

Через некоторое время разведгруппа, неожиданно для дозорных, столкнулась с большой группой мятежников. Пришлось разведчикам принять бой. Противник был в более выгодном положении. Началась ожесточенная перестрелка с обеих сторон. С соседней горы еще одна группа душманов стала заходить разведчикам в тыл. Парни поняли, душманы хотят их окружить и уничтожить. Взводный принял решение оставить прикрытие и группе отойти к ближайшей роте, под ее прикрытие. Мироненко, как и положено заместителю командира взвода, сам вызвался прикрыть отход группы.

Разведчики неожиданно для душманов усилили огневое воздействие на них и стали, прикрываясь складками местности, отходить к седьмой роте. Взвод, умело нанося противнику урон, уходил все дальше в сторону седьмой роты.

Несколько душманов, ничего не подозревая, пробежали мимо позиции сержанта вслед за разведчиками. Мироненко спокойно прицелился и несколькими короткими очередями обезвредил их. Стрельба выдала его позицию, и мятежники весь огонь сосредоточили по разведчику.

Александр осторожно выглядывал из своего укрытия, выбирал цель и метким огнем ее уничтожал. Недалеко от него уже валялось более десятка трупов духов, но остальные упорно продолжали приближаться к нему. Убедившись, что взвод вышел из окружения, приготовился к стремительному броску, но в этот момент почувствовал острый удар в бедро. Ранен. Стрельба со стороны духов прекратилась, и Александр

этим воспользовался. Он достал индивидуальный перевязочный пакет и сделал себе перевязку поверх комбинезона. С трудом сменил позицию и приготовился к смертельной схватке.

- Меня живым не возьмете! – крикнул разведчик и стал поливать свинцов мятежников, которые неосторожно приблизились к нему.

Мятежники не хотели упускать свой шанс, оставшиеся в живых с громким криком «Аллах акбар» бросились к Александру, и в этот миг раздался глухой взрыв. Три трупа мятежников остались покоиться рядом с телом разведчика.

Десантники, на ходу стреляя из автоматов по убегающим душманам, подбежали к Мироненко, но сержант был мертв.

А за соседней каменной грядой сапер старший сержант Чепик повторил подвиг разведчика. Оставшись один на один с толпой мятежников, отважный сапер не дрогнул и миной направленного действия взорвал себя и более десятка душманов.

В целом, задача дня батальоном была выполнена. На тот момент старший группировки должен был собрать подразделения, проверить личный состав, вынести раненых и погибших, организовать охрану и оборону базового лагеря десантников и мотострелков.

Трудно себя представить на месте полковника Петрякова, искренне переживавшего за судьбу каждого десантника. Как докладывать командованию о гибели людей? Хорошо, что его морально поддерживал майор Шеметило.

В конце концов, надо реально смотреть на то, что случилось, взять себя в руки, и детально спланировать второй день операции.

- К сожалению, сегодня воевать не погибая, мы еще пока не научились. Но мы научимся! - уверенно сказал майор, успокаивая начштаба.

В 1981 году он тоже сам руководил одной из операций. За прошедший год десантники научились воевать в горах. С самого утра кругом стрельба, в горах стреляют с вертолетов. Рядом с командным пунктом оперативной группы нет-нет да и бахнет залпом артиллерия. Одним словом, на войне как на войне.

Ближе к обеду разведчики привели двух пленных. Вид у них был - вылитые бандиты, в руки к которым лучше не попадаться, замучают. Допросили их, с небольшим пристрастием, и передали хадовцам, которые были с нами на операции.

Те увели пленных к себе в палатку. У них с такими типами разговор короткий: пулю в затылок и конец истории.

Петряков хмуро посмотрел на горы, а затем на меня и сказал:

- Михаил, ты только представь себе, что вот такие, имел в виду пленных, безграмотные люди, которые с винтовками бегают по горам и вдруг прицеливаются в моего Ваську (сына). У меня от этого кровь стынет в жилах, и до боли становится жаль наших мальчишек.

Он был осторожным человеком и зря на рожон бойцов не гнал. Вначале использовал огневую мощь артиллерии, а уже только потом давал «добро» подразделениям на выдвижение вперед.

Ночь в лагере около Шигала прошла спокойно. Не отдыхал только начальник штаба дивизии. Одолевали мысли о прошедшем бое. Переворачивался с боку на бок, в какое-то время он вышел из палатки командного пункта, наспех установленной в сумерках. Брезжил рассвет, вершины гор уже просматривались на фоне неба, но по горизонту было еще темно.

Он стоял и думал о том, как вчера сам чуть не попал в западню.

Надо же было такому случиться уже тогда, когда бой подходил к концу. Он упорно вел свою группу к цели по горному хребту, который понижался в сторону кишлака. Справа и слева по ходу движения была слышна стрельба. Полковнику часто приходилось прислушиваться и осматривать незнакомую местность. Группа за поворотом чуть не столкнулась с духами, которые бежали вниз по другому берегу речки. Еще бы секунда промедления - и тогда еще неизвестно, кто первым бы открыл огонь. Петряков среагировал на эту ситуацию мгновенно и подал всем команду «Стой», группа изготовилась к бою. Затем последовала команда «Огонь», и духи были убиты. Полковник, в горячке боя, решил переправить несколько бойцов на ту сторону,

чтобы собрать трофеи, но вовремя передумал и дал команду «Отставить», группа продолжила движение.

От этих воспоминаний он тяжело вздохнул и пошел по направлению к ближайшему боевому охранению. Десантники вели между собой разговор о вчерашнем бое, как он проходил, как они старались помочь друг другу, как без тренировки трудно воевать в горах. На других позициях бойцы говорили о том же. Не чувствовалось какой-либо угнетенной неуверенности и панических настроений.

Стремительно наступал рассвет. Его внимание привлекло движение на одной из вершин. Присмотревшись, он увидел небольшую группку людей, возившихся с непонятным объектом. Мгновенно сориентировался, подбежал к ближайшему танку и камнем постучал по башне, из которой выглянул заспанный солдат. Полковник молча показал пальцем на вершину. Боец взглянул на высоту и мгновенно скрылся в башне.

Наводчик оказался понятливым малым и большим мастером своего дела. Ствол повернулся в нужном направлении, плавно дернулся, и тут же грохнул выстрел, снаряд, шурша в воздухе, улетел в сторону высоты. Снаряд точно попал в цель.

- Молодец! – похвалил солдата полковник.

Позже выяснилось, что пять душманов подготовили к стрельбе зенитную установку и ждали, когда наступит рассвет, чтобы открыть огонь по спящему лагерю. Так что, предчувствие на войне не последнее дело: если бы не проверка боевого охранения, возможно, были бы у десантников неприятности и во второй день.

Выстрел танковой пушки разбудил лагерь и привел его в движение. Послышались команды, а через некоторое время подразделения начали подъем в горы.

Каждая рота и взвод имели свои задачи: одни выходили на блокирование и уничтожение остаточных групп мятежников, которые отсиживались в ближайших горах, а другие искать и выносить тела погибших товарищей, которых вчера из-за ранних сумерек найти не удалось. Боевые действия рот поддерживали вертолеты, которые к этому времени барражировали в горах и стреляли реактивными снарядами, вели огонь из пушек по вершинам гор.

Второй день боевых действий закончился без потерь. 7-я и 8-я роты уничтожили несколько мелких групп мятежников, которые пытались оказывать яростное сопротивление. Десантники вынесли тела всех погибших товарищей, кроме бесследно пропавшего сержанта М.А. Табакова, которого с боями искали около недели. Поиск прекратили после получения сведений от агентурной разведки, что его, тяжелораненого, взяли в плен и в настоящее время он находится в одном из полевых душманских госпиталей на территории Пакистана.

Погибших и раненых отправили вертолетами в Кабул. Асмарский полк был разгромлен, но десантники за это заплатили высокую цену: убитыми - 33 человека и ранеными - более 40.

За действия в Кунарской операции ее участники были награждены правительственными наградами. Награждали всех - и живых и мертвых. Двое, за особо проявленный героизм и бесстрашие при выполнении боевой задачи, были представлены к высшей награде Родины – им, первым в Афганистане, было присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно. Это разведчик старший сержант А. Мироненко и сапер старший сержант Н. Чепик.

Об этой операции потом еще долго говорили и спорили на разных уровнях военного руководства, а у некоторых военачальников возникало желание поискать «стрелочников» среди десантников. Мол, ваш батальон, поэтому за подготовку и выполнение боевой задачи и несите ответственность.

Мне, как начальнику разведки дивизии, тоже необходимо было извлечь урок на будущее из этой операции. Наибольший интерес заслуживали действия разведчиков батальона лейтенанта С.Н. Богатикова, который был одним из кандидатов на перевод в дивизионную разведроту. И вскоре этот перевод состоялся. Богатиков был назначен командиром разведвзвода, вместо старшего лейтенанта А. Чернеги, назначенного ротным в 317-й полк.

Богатиков перед офицерами роты постарался воспроизвести в мельчайших деталях порядок действий разведчиков в районе десантирования и в ходе выполнения боевой задачи. Взвод после высадки был выделен в резерв командира батальона. Разведчики же рвались в бой, а

назначение в резерв воспринимали как недоверие командования. Взводному запомнились слова комбата: «Боя на всех хватит, еще неизвестно, где тяжелее будет. Иди, лейтенант, готовь взвод».

Комбат оказался прав. Войны под самую завязку хватило всем. Духи не ожидали от шурави такой наглости - провести десантирование у них под самым носом, практически рядом с расположением мятежного горно-пехотного Асмарского полка. Десантирование прошло удачно. Хотя была опасность получения травм, после того как бойцы покидали борт вертолета. Десантироваться пришлось из положения зависания вертолета, а первые бойцы покидали борт с высоты примерно метра два - два с половиной, приземляясь на каменистый грунт. Собрав взвод, Богатиков попросил комбата уточнить задачу. Постановка была предельно краткой: «Видишь горюшку? Выдвигайся, займи ее и готовься к бою!»

Богатиков, как и большинство солдат, в горах никогда не был, опыта ведения боевых действий в подобных условиях не имел. Хватило ли ума или подсказала интуиция не повести группу напрямик через ущелье, а двигаться по хребту через две вершины. Уже тогда Сергей и его разведчики поняли: «В горах побеждает тот, кто находится выше противника». Слева Богатиков видел 7-ю роту капитана В. Тарасевича, которая в колонну по одному спускалась вниз, а затем уходила влево, в сторону безымянного кишлака, чтобы перекрыть дорогу от кишлака Шигал на север к городу Асмар.

Взводный помахал рукой своему другу И. Дивинскому, заместителю командира роты. Кто мог тогда знать, что через несколько часов Игорь будет тяжело ранен через бронежилет в область сердца, и его, теряющего сознание, закроет своим телом рядовой Кузьмин, один из бойцов роты.

Он также видел, как спускается вместе со всеми А. Ехнич, лучший гранатометчик роты, который в момент, когда рота была прижата огнем к земле, как на полигоне, встал и выстрелом из гранатомета уничтожил пулеметное гнездо духов, а другой гранатой еще вдобавок и двух душманов.

Позднее рядовой Кузьмин, уничтожая группу мятежников, был ранен, но остался жив и в День Победы получил орден Боевого Красного Знамени из рук самого

Соколова С.Л., а вот Ехнич, снова выручая своих товарищей, погиб в неравном бою с мятежниками.

На вершину взвод Богатикова поднялся из последних сил. Бойцы заняли выгодную позицию, каждому был определен сектор наблюдения. Кругом была слышна стрельба, иногда пули повизгивали над их головами.

Группа оказалась на высоте, которая господствовала над тремя ущельями. Сверху было видно, как по одному из них двигалась 9-я рота. Она должна была выйти к речке Кунар и атаковать противника вдоль нее в направлении кишлака Шигал.

Вдруг один из разведчиков крикнул:

- Товарищ лейтенант, в тылу девятой роты вижу четырех духов». Они подкрадывались поближе, чтобы обстрелять бойцов. Разведчик выпустил длинную очередь в сторону душманов. Расстояние было приличное, но на стрельбу обратили внимание солдаты и вовремя увидели духов.

Командир взвода 9-й роты моментально оценил обстановку и скомандовал: «Взвод, противник с тылу!» Взвод развернулся и ликвидировал мятежников. Парни собрали трофейное оружие и стали догонять роту.

По другому ущелью двигалась 8-я рота. Управления батальона не было видно, как Богатиков не всматривался. К тому же пропала радиосвязь. Лейтенант пробовал связаться по всем известным ему радиоданным, но в ответ – тишина.

А в это же время с другой стороны «духи» уже карабкались наверх, еще не подозревая, что высота занята нашими бойцами. Разведчики встретили их огнем в упор, оставшиеся в живых душманы прыгали вниз и больше не предпринимали попыток овладеть высотой.

Богатиков, воспользовавшись передышкой, повел группу по хребту, одновременно сверху прикрывая 9-ю роту, которую им хорошо было видно. По ходу движения возникла проблема: как преодолеть отвесные скалы, которые были у них на пути. Горной экипировки не было, личный состав в обычных армейских сапогах и десантных комбинезонах. Рюкзаки набиты боеприпасами.

Командир предположил, что скалы можно обойти, прикрываясь небольшим соседним гребнем. А есть там противник или нет – неизвестно. Шли осторожно,

внимательно осматривая склоны и вершины. Оказалось, что противник вел за ними наблюдение. И как только разведчики подошли ближе, духи, атаковав сверху, попытались их уничтожить, используя численное превосходство и преимущество в высоте. Огонь был очень сильным, горное эхо его усилило, и казалось, что кругом огонь и грохот, от которого спасения нет. Однако разведчики не дрогнули и с места отразили неожиданную атаку духов без потерь. Повторный штурм тоже душманам успеха не принес. Но стало ясно, что мятежники не пожалеют ни сил, ни патронов, чтобы уничтожить засевший у них занозой взвод.

Оставаться в камнях и отстреливаться стало для разведчиков смертельно опасно, тем более они должны были выполнять свою основную задачу. И взвод начал осторожно, от укрытия к укрытию, двигаться к Шигалу. Прикрыть отход группы остался взводный и двое разведчиков. Огонь велся непрерывно.

В новый район взвод вышел без потерь и стал огнем прикрывать выходящего последним командира. Духи поняли, что десантники от них ускользнули, предприняли отчаянную попытку достать их, но, оставив на местности около десятка трупов, отказались от преследования.

И все же в группе без потерь не обошлось. Был ранен один из разведчиков группы прикрытия. Выполнять задачу с раненым стало гораздо труднее, а на помощь и поддержку рассчитывать не приходилось, поскольку 9-я рота к этому времени вела бой за населённый пункт Шигал. Не доходя до этого кишлака около километра, взвод начал спускаться к реке. На соседнем склоне взводный увидел группу комбата, которая тоже спускалась к реке, а за ними следом крадучись шли трое душманов, которые выбирали удобный момент, чтобы сократить расстояние и обстрелять управление батальона.

Бойцы взвода стали в камнях дожидаться их. Душманы, не подозревая об опасности, увлеклись группой комбата и подкрались к ней уже метров на пятьдесят, и тогда разведчики открыли по ним шквальный огонь. Никому из духов не удалось уйти живым.

А группа комбата, не обращая внимание на огонь, продолжала двигаться вперед. Это потом взводный расскажет комбату про группу духов.

- Лейтенант, я же тебе говорил, что боя на всех хватит, даже с лихвой, - улыбнулся горькой улыбкой майор и похлопал разведчика по плечу.

Бой за кишлак еще продолжался, когда разведчики заметили в тылу 9-й роты небольшую группу мятежников, которые приближались к воюющим бойцам и открыли по ним огонь. Духи от неожиданности растерялись и забились в пещеру, которая была около берега речки. На что они надеялись, разведчики так и не поняли, но для надежности забросали пещеру гранатами и осторожно ее осмотрели, собрали исковерканные трофеи и уже в сумерках измотанные вышли на командный пункт батальона.

Они видели усталого полковника, который склонился над рацией и что-то кому-то докладывал. Комбат обнял Богатикова и грустным голосом сказал:

- Серега, уводи взвод и отдыхайте! Вы сегодня это заслужили!

Вот так для этих молодых, необстрелянных бойцов закончился первый день боевых действий. Незаметно для себя они стали намного взрослее и рассудительнее. Во взводе, к счастью, был только один раненый, чего нельзя сказать о других подразделениях батальона. Переживали все, от солдата до генерала.

Перед возвращением батальона с боевых действий из провинции Кунар командир дивизии запретил нам, офицерам управления дивизии, лезть в душу солдат и офицеров со своими расспросами.

- Пусть несколько дней побудут наедине со своими мыслями и переживаниями, а уж потом потихоньку расспрашивайте, - хмуро буркнул генерал, заканчивая совещание, которое он с нами проводил.

Бой в Кунаре научил командиров не только многому, но и самому главному, что надо не только выполнить задачу, но и сохранить бойцов.

В феврале 1982 года я вернулся из Афганистана и продолжил службу на должности старшего офицера

Управления боевой подготовки ВДВ, на которой находился до увольнения со службы.

В 1993 году в звании поковника вышел в отставку.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Зюзин Дмитрий Александрович**, студент 2-го курса Учебного военного центра Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Стодеревский Юрий Юрьевич

В Афганистане нас встречали с цветами

Я родился 21 марта 1960 года в городе Тахта-Базар Марыйской области Туркменской ССР.

Отец был кадровым военным. После окончания Великой Отечественной войны он продолжил службу в погранвойсках. Служил пограничником в Средней Азии. После его демобилизации семья оказалась в Украине. У меня есть старший брат, он на двенадцать лет старше меня. Мой старший брат, Игорь, пошел по стопам отца.

В 1977 году я окончил школу в городе Донецке.

В 1981 году окончил Ташкентское общевоинское командное училище. Сразу после его окончания, был направлен в бригаду специального назначения в город Чирчик в Узбекистане. Я готовился именно к боевой службе, так что в дальнейшем нисколько не пожалел о своем выборе. Мой старший брат в это время был майором, служил в частях специального назначения.

В 1981-1982 годах я стал командиром подразделения спецназа в Демократической Республике Афганистан.

С октября 1982 по октябрь 1983 года – командир группы специального назначения в городе Чирчик (Узбекистан).

В 1984 году был направлен на службу в ГДР.

С 1985 года – начальник штаба разведбатальона.

С 1991 по 1993 годы – командир батальона миротворческих сил в Южной Осетии.

С 1993 по 1994 годы – командир батальона миротворческих сил в Приднестровье.

В 1995 году был командиром батальона в Чечне - начальник штаба полка, командир мотострелкового полка.

В 1997 году – вводил 2 батальона в Абхазию.

В Афганистане получил легкое ранение, в Чечне-2 получил минно-взрывные травмы.

Теперь о своей военной службе.

По прибытии в бригаду, я узнал о формировании отдельного отряда специального назначения для убития в Афганистан, под командованием моего брата. После чего начал «досаждать» ему и руководству бригады о направлении меня в отряд. В конце концов, мое пожелание было удовлетворено. В конце октября 1981 года я был переведен в отряд на должность командира группы специального назначения. 29 октября отряд пересек границу с Афганистаном.

Спецназ вёл практически непрерывные боевые действия с вооружёнными формированиями мятежников: уничтожал живую силу противника налётами и из засад, ликвидировал главарей банд, штабы фронтов, исламские комитеты, учебные центры, склады с оружием и боеприпасами, разрушал укрепленные районы противника, осуществлял блокирование и прочёсывание кишлаков, снятие осад с помещений органов государственной власти и эвакуацию мирных жителей, занимался патрулированием дорог и досмотром автоколонн, ведением разведки, наведением и поддержанием порядка в зоне ответственности.

Наиболее известными боевыми операциями отряда стали:

- взятие баз душманов в Джар-Кудуке (кишлак Джар-Кудук расположен в 60-80 км юго-западнее города Шибарган, административного центра провинции Джаузджан, в предгорье, среди высоких сопок, провинция Джаузджан, декабрь 1981 г.) и в Дарзабе (кишлак Дарзаб расположен в 60-70 км южнее кишлака Джар-Кудук, вверх по ущелью, окружён скалистыми хребтами. Имеет только два пути подхода: с севера по узкой горной дороге, вьющейся вдоль реки, зажатой горными хребтами, и с юга, по такой же дороге, провинция Фариаб, январь 1982 г.),

- снятие блокады с Саранчака (провинция Джаузджан, апрель 1982 г.),
- уничтожение двух банд в Кули-Ишане (провинция Саманган, октябрь 1982 г.).

Воевали в нашем подразделении по принципу: если уничтожили душманов, но потеряли нескольких солдат, то операция прошла плохо, а если уничтожили несколько душманов, не потеряв ни одного из своих солдат, то операция прошла успешно. Важно было придерживаться правил: скрытность, внезапность, очень тщательная и внимательная подготовка к операциям.

С местным населением, с отрядами самообороны, местной милицией у нас установились хорошие отношения. Но все же мы никогда не посвящали их в свои планы. Все содержалось в строжайшем секрете.

В Афганистане нас встречали с цветами, мирные жители были очень нам благодарны, когда мы вытеснили душманов из зоны нашей ответственности.

Был один случай. В одной из операций мы уничтожили многочисленную банду и двух ее главарей. Один из них известен был тем, что лично убил около шестидесяти активистов НДПА, перерезав им горло. И когда мы, чтобы успокоить население, выставили его труп на обозрение, то женщины подходили и плевали в него - таков был обычай.

Самым суровым для солдата наказанием было, когда его не брали на боевые действия. Большой наградой для солдата из подразделения обеспечения (повара и другие) было участие в боевых действиях.

Секунды ценою в жизнь

При выполнении одной из боевых задач (кишлак Джар-Кудук) я в бою получил сильный удар в живот и покатился вниз с горы. Оказалось, что пуля попала в гранату, а граната, на мое счастье, не взорвалась. Ощущения у меня тогда были просто... «выше крыши». И тогда я понял, что самое большое счастье – это счастье остаться в живых. Так я родился во второй раз.

При выполнении «зачистки» одного из кишлаков рядом со мной упала граната Ф-1. Я ее не видел, но кто-то успел

крикнуть: «Эфка!» Я сразу же прыгнул за дувал. И в этот раз судьба меня сберегла. Я почти успел в укрытие, но четыре осколка все же остались во мне. Я даже не почувствовал ранения, пока мне не показали кровь, плохо заметную на форменной одежде.

После Афганистана

В Афганистане я пробыл до октября 1982 года. Потом меня заменили, так как в «боевой точке» нельзя было одновременно находиться двум родным братьям. Вернули в Чирчик (Узбекистан), а через некоторое время командование части направило меня на службу в Германию.

С 1985 года занимал должность начальника штаба разведывательного батальона. А через два года я поступил в академию имени Фрунзе, где был переквалифицирован в мотострелки, потому что в разведотделении места были ограничены. После окончания академии меня направили в 506-й гвардейский мотострелковый полк в город Тоцк. Полк впоследствии выполнял миротворческие миссии в Южной Осетии, в Приднестровье и в Абхазии. В 1991-1993 годах я был командиром батальона миротворческих сил в Южной Осетии.

Что значит миротворцы? Это означает, что нападения можно ждать с любой стороны, что возможны любые провокации и необходима выдержка и хладнокровие, а иначе разразится международный скандал, и в то же время надо было давать жесткий отпор тем, кто сеет раздоры, разжигает ненависть, а также несет смерть и горе мирному населению.

В 1993-1994 годах я был командиром батальона миротворческих сил в Приднестровье. Власти Молдовы выпустили из тюрем уголовников, вооружили их, и те не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Мы поражены были жестокостью, с какой они пытали и убивали пророссийски настроенных граждан Приднестровья.

Чечня, январь – апрель 1995 года

При выполнении боевых задач в Чечне в должности командира мотострелкового батальона получил 2 минно-взрывные травмы. Особенно запомнилась вторая.

Двигались на авто Газ-66. Я вдруг подумал о том, что участок дороги, по которому мы едем, может быть заминирован противником. Я водителю успел только сказать: «Аккуратнее! Здесь мины!» В этот момент прошел взрыв, я потерял сознание.

Быть миротворцем в чем-то даже тяжелее, чем принимать участие в вооруженном конфликте. Там ты ведешь боевые действия против вражеской армии, а здесь защищаешь мирных граждан от агрессии со стороны их же соотечественников. Полная неизвестность окружает миротворцев. Здесь большое значение имеет ответственность, потому что всего один маленький неправильный шаг и разгорится международный скандал. События, которые происходили в Приднестровье, Осетии, Абхазии, мало чем отличались от войны: также гибли люди, было очень много горя и крови. Но если на войне убивают военных, то здесь погибает в основном мирное население. Работать в миротворческом корпусе – невероятное нервное напряжение, очень часто не знаешь, как правильно вести себя в той или иной ситуации.

Необходимо было добиться того, чтобы народ жил, так скажем, в зоне стабильности. Были моменты, когда нападали на наши посты, нас периодически обстреливали. Приходилось решать вопросы на дипломатическом уровне.

В 1999 году я был уволен в запас. В это время я занимал должность командира мотострелкового полка.

В память о боевых действиях в Чечне я храню книгу стихотворений Александра Вырвича. Одно из них посвящено 3-му мотострелковому батальону 506-го МСП под моим командованием. Имя подполковника Александра Вырвича известно в литературных кругах Оренбуржья, его стихотворения публиковали в областных газетах, в альманахах «Гостиный двор».

Александр Вырвич

Высота

Посвящается 3-му мсб 506-го мсп
И была ночь темна, плыл туман,
И разведка ушла в темноту,
К высоте 382.
Нам к утру надо взять высоту.
Вот «вперед» нам команда дана.
Знать, спецназ уж прочистил нам путь.
Высота 382.
Все с собой, ничего не забудь.
Мы успели подняться к утру,
Мы в тумане, как тени, прошли.
И мы заняли ту высоту,
И «коробки» за нами пошли.
Вот на mine подрыв, вот второй.
БМП у комбата горит.
Только мы овладели горой.
Кто стремится к победе – не спит.
Но и «духи» проснулись тогда.
Им приказ: вновь вернуть высоту.
Высоту 382.
Но мы вгрызлись уже в землю ту.
Веер пуль... Головы не поднять.
Где же танки и где их броня?
Не пошел танк Синельника вспять,
Он прикрыл и тебя и меня.
Да, конечно, в бою: кто - кого.
Так за что мы теряем ребят?
Вновь в строю у нас нет одного.
Ну а «духов» лежит шестьдесят.
Что «Москва», что «Чечня» – всё слова.
Но за землю свою ты держись.
Высота 382,
Помнить будем тебя мы всю жизнь.
(21-22 февраля.)

Первый свой орден, орден Красной Звезды, я получил в Афганистане. В Афганистане был ранен в ногу.

Второй орден – орден «За личное мужество» получил в Южной Осетии.

Свои задачи командира я выполнил, поскольку ни один солдат не погиб на поле боя за годы этих войн. Я считаю, что это и есть командирское счастье.

Третий орден, орден «Мужества», я получил в Чечне. В Чечне был дважды контужен.

Также награжден восемью медалями.

Публикации обо мне:

Кушнир В.И. Мое счастье, как офицера, в том, что ни один из моих солдат не погиб /// Бастион, 2014. Оренбург. № 11 (011), февраль – март. С.3;

Гавриленко Иван. Люди Оренбуржья «Юрий Стодереvский» // Оренбургская правда, №17(382), 6 мая 2009 год. С. 4;

Фаткулина Ксения. Война в Афганистане лучшее время. Одна проблема – убить могут... /// Комсомольская правда, 2014. Оренбург. 13-20 февраля. С. 13;

Дужан Михаил. Вспомним, товарищ полковник /// Братство, 2007. Оренбург №3(258), 15 февраля. С. 1;

Мионов Сергей. Честь имею /// Континент, 2013. Оренбург. №3(039), 14 февраля. С. 5;

Ключенков А. Ветер с гор /// Советский воин, 1984. Москва, №24(1500), декабрь. С. 6-7;

Комиссарчик И. Служить Отечеству /// АБ маркет, 2009. Оренбург, № 6, февраль. С 3.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Муртазина Регина Айратовна**, студентка 4-го курса исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета*

Стрельников Иван Игнатьевич

Бои за Сталинград

Я родился 10 ноября 1920 года в Краснодарском крае в станице Тбилисской, далее жил на хуторе Сухой лог. Русский. Был пионером, комсомольцем, членом партии.

Окончил в 1939 году школу, не полностью. Тогда я был любителем радио и сконструировал свой приемник - это черная тарелка. В конце 1939 года в армию призывали не в 18, а в 19 лет. Поскольку я родился в ноябре, то мой призыв должен был быть к моему 20-летию.

Вместе с учителем 22 июня мы настраивали радиоприемник. Из этой «тарелки» мы и услышали речь Молотова о начале войны.

Те, кто был постарше, и те, кто подлежал мобилизации, были отправлены в город Кунгур на Урале.

Я был распределён в пехоту. Меня обучили, а потом присвоили звание сержанта. Обучали солдат в самый трудный военный период – в 1941 году. При формировании меня распределили в роту станковых пулеметчиков. Поскольку во время обучения у нас пулемётов не было, то нас обучали только по картинкам. Один раз в неделю нам показывали, как заряжать и разряжать пулемет.

После Московской битвы мы приняли присягу, а потом нам выдали оружие.

После присяги нужно было подготовиться к наступлению и отступлению, отработать защиту и изучить оружие.

Винтовку выдавали до этого на один день, чтобы мы могли разобрать, собрать и понимать из каких частей она состоит.

Когда мы окончили обучение, нас перебросили в место, которое находилось недалеко от Саратова, около 20 километров от города. Там был лагерь нашего полка. Командиром нашей пулеметной роты был Горохов Гирей Федорович, который до этого служил старшим лейтенантом в Гороховецких лагерях. Рядом была 9-я пехотная рота.

В боях пулемет передавали из роты в роту. Тогда это было самое мощное оружие, пехотное. В июле нас погрузили в эшелоны с полным снаряжением и даже выдали сухой паек на случай, если ничего не будет. Так и получилось - ничего не было. Не было ни продуктов питания, ни припасов.

Доехали мы до Камышина, это около 120 километров от Сталинграда. Был уже 1942 год. От Камышина шли пешком с полной выкладкой. В нашей роте была одна повозка, на которой везли воду для пулеметов и коробки с патронами, остальное несли на плечах. Очень было жарко, погода стояла очень теплая.

По ночам шли по направлению к Сталинграду. В составе какой армии, мы не знали. Позже узнали, что мы зачислены в состав 62-й армии, которая на подступах к Сталинграду была расчленена немцами на две части. Одна часть пошла южнее, а другая часть - к Волге.

Когда к Дубовке подходили, там были какие-то мастерские, в которых работали люди. От Дубовки шли ночью пешком. Когда подошли ближе к Волге, то нам стали встречаться раненные. Нам строго было приказано в разговоры с ранеными не вступать. Потом мы узнали, что среди отступающих было много паникеров.

Днем мы не могли идти, потому что немецкие самолеты-разведчики буквально «по головам ходили». Обозы с продовольствием отстали, есть было нечего, воды не было. Волга рядом, а до нее не дойдешь, а если пойдешь, то тут же немцы накроют.

В литературе пишут, что наступление началось 14 сентября, а фактически оно началось в конце июля - начале августа. В это августовское время мы вышли к какому-то заводу. Там был один враг, за ним - второй враг, а дальше - река Волга.

Когда подошли туда - ни еды, ни воды не было. Нам дали фляжки стеклянные, но пить из этих фляжек было нельзя, мы могли только губы помочить. Вода была только для пулеметов. Немцы стали наступать наглее и наглее. В атаку в первую очередь шла пехота.

Мы слышали крики немцев, но стрелять нам было нельзя. У врага оружие было автоматическое и полуавтоматическое, а также минометы. А у нас же этого ничего не было. Было только по 2 гранаты и подсумок с 15 патронами. Стрелять нам разрешали только ответным огнем.

Увидели немецкие танки с правой стороны, где мы окопались, а через бугор лесочек был, а в лесочке этом находилась наша артиллерия, они оттуда вели огонь по танкам, а это все очень хорошо было видно, расстояние близкое. Немцы стали прорываться, наши тоже собрали силы и стали их останавливать, частично остановили, но легло наших и немцев столько, что, грубо говоря, мы шли по трупам. Вот так только смогли остановить.

Это самое тяжелое время для воспоминаний, началась паника. Получалось так, что из одной, из другой точки один и тот же солдат стрельнет, потом опять переходит, делает вид, что тут кто-то есть.

Поскольку была сильная жара, город был весь в дыму, буквально ничего не видно, черный дым. Солнышко, как пятно красное. Немецкие самолеты бомбили нас нещадно.

С нашей позиции степь просматривалась очень хорошо, тем более у нас был бинокль. Разведка донесла, что немцы зашевелились, а значит, будет следующее наступление к прорыву, к Волге. Командир Горохов приказал предупредить солдат, чтобы как угодно прижались к земле, окопались и ждали, когда будут работать «медные трубы». Что такое «медные трубы» нам было непонятно.

Ранним утром солнце начинало восходить, место действий: пригород, поселок Ладыженка. Из этого поселка выехали 3 автомашины с «Катюшами» и повели огонь по скоплениям, где немецкие танки. Когда они провели этот удар, туда было невозможно посмотреть, это было настолько ужасно, потому что там ничего живого не было, все было в огне и все было разбито. «Катюши» тут же развернулись и уехали, очень быстро.

Примерно через 5-10 минут на место, где стояли автомашины, немцы обрушили артиллерийский огонь такой, что земля поднималась. Поступил приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина № 227 «Ни шагу назад». Теперь уже никто не мог покинуть свою позицию. Если на носилках унесли, то винтовка должна быть с тобой, иначе в пересыльный не примут.

Уже на следующий день появился заградительный отряд, впервые появился. Они тоже вступили в бой, потому что нас было очень мало. Часть заградотряда осталась выполнять свою прямую работу, другая их часть пошла с нами в бой.

Когда для пулемета потребовалась возвратная пружина, я пошел за ней и по дороге встретил бойца. Он предложил закурить, у него был табак. Мы закурили, но я предупредил, что мне нужно идти в снабжение. Пока мы с ним курили, он показал мне деньги и предложил поделиться при условии, что станет раненым. Я не знал, что делать, я мог его застрелить, но не имел права, иначе я был бы виноват. На мое счастье шел командир 9-й роты. Он подошел и спросил, что я тут делаю. Я объяснил, что пошел за возвратной пружиной и рассказал командиру про бойца. Он достал пистолет. Тогда солдат сказал, что прошел войну в 1914, а сейчас он уже старый и ему надоело.

Командир сказал, что стрелять он не может, а мне приказать убить имеет право. Бойцу было приказано вернуться на передовую, иначе получит выстрел в спину. Всем тогда было известно - если выстрелили в спину, значит, отступал.

В начале сентября, по слухам, приезжал Жуков. Я, кроме первого номера пулеметчиком, был писарем роты, поэтому все сведения о роте, о других ротах мне были известны.

Рота была сборная, к нам уже присоединились пехотинцы, командиров нет, ведь в то время знаки отличия были хорошо видны, немцы пристреливались и командиров убивали. Был у нас одессит, который предложил пойти ночью к немцам в тыл и взять что-нибудь поесть, а то есть было совсем нечего. Я сказал, что не могу, потому что за мной числится пулемет, за мной люди стоят. Я не мог отойти от пулемета даже во время наступления, если я бросил его, значит, я бросил позицию. Тогда он подговорил кого-то еще, и они втроем ночью пошли к немцам в окоп. Обошли они этих немцев, убили их, забрали

у них круглые баночки, в которых немцы хранили что-то в виде масла, сухари, галеты, ну и еще что-то из продовольствия, набрали с ранец, принесли и раздали солдатам хоть по кусочку.

Уже после приказа прорвалась к нам повозка с продовольствием, привезли сухой паек и все остальное. У меня было 2 сухаря, а мне дали мешок. На машинах стали чаще подвозить патроны, продовольствие.

6 сентября 1942 года получил сквозное пулевое ранение мягких тканей правой кисти и правого бедра, по поводу чего находился в госпитале, из которого выбыл в часть 8 октября 1942 года.

Когда меня ранило, меня доставили в пересыльный, в овраг, где были санитарные палатки. В этом овраге мне сделали перевязку и выдали документ.

Нужно было добираться до госпиталя, а не на чем. Я передвигаться не мог, потому что был ранен в ногу и руку. В пересыльном был еще один раненый солдат, такой же, как и я, с костылем, с палкой, и мы собирались ночью идти. Надеялись, что пойдут машины. На наше счастье, попала машина, которая привозила снаряды. Водитель сказал нам забираться на полог, мы вдвоем забрались на этот полог, поближе сели, друг за друга, нашли за что держаться. Доехал он до Камышина, а там холмистая местность и к Волге идет причал. Раненых грузили на баржи и катера и отправляли вверх по Волге.

На наших глазах немецкие самолеты разбомбили пароход, а там было полно раненых. Пришел другой пароход, погрузили нас, и мы отправились вверх по Волге. Благополучно добрались до Казани, где меня и других раненых отправили в госпиталь. Помню, что госпиталь находится недалеко от Казанского Кремля. Мне сделали на ноге операцию, и оказалось, что у меня были затронуты вены, но как-то залечили. С рукой было сложнее, ее посмотрели и сказали, что нужно ампутировать палец, но передумали, потому что я не смог бы стрелять, а сейчас каждый боец был нужен на фронте.

В городе Кукмор был госпиталь, там мне давали шар, который нужно было катать, потом он становился меньше,

меньше и меньше. Когда рука стала немного работать, меня направили опять в Казань на распределение в полк для выздоравливающих.

Этот полк находился в Московской области. Привезли нас в город Покров, это по Горьковской дороге. Таких, как я, набралось человек 20, а здание было учебное, какая-то школа с высокими потолками, высокое здание. Оно не отапливалось. Постель сделали из камышей, что рвали на озере. К нам стало прибывать пополнение, ребята 1923 года рождения.

Мы стали строить столовую, появилось хозяйство. Нам выдавали норму хлеба - 650 грамм хлеба. И похлебка была. Пришло пополнение большое, в здании устроили казарму, двухэтажные нары, привезли матрацы и одеяла.

Я был командиром отделения. Это было начало 1943 года.

Меня отправили в город Арзамас в Краснознаменное пулеметно-минометное училище, где я обучал офицеров. Такая честь не всем давалась, но, во всяком случае, старшина - это тот человек, который должен знать все, от начала и до конца.

Отслужил я там, получил хорошую характеристику, приехал в свою часть, где меня направили на фронт. На фронт взяли 5 человек, а остальные остались. Перевели нас в Орехово-Зуево. Мы пробыли там неделю. Написали рапорт втроем, что хотим на передовую. Чуть позже нас вызвал командир части, с улыбкой спросил о нашем желании отправиться на фронт. Он сказал, что начальство дает каждому по 3 суток ареста, а куда нас отправить и когда отправить - это забота командиров, а наша забота - выполнять.

Отсидел я эти 3 суток, как и другие солдаты, и вот вызывают меня в штаб и говорят, что переводят в Московский военный округ. Шел уже конец 1943 - начало 1944 года. Нужно было явиться в Москве на улицу 25 октября, там был областной военкомат. Приехал туда, опять проверили удостоверение, выписали направление и отправили меня на офицерские курсы. Я попросил отправить меня на фронт. Мне ответили, что трое суток я уже отсидел, могут и еще дать.

С этим предписанием приехал в Подберезье. Здесь были высшие курсы, начиная от капитана, майора и далее, а нас

надо обучить до лейтенанта, поэтому были образованы курсы младших лейтенантов.

Когда я окончил курсы, отправили меня в офицерский запасной полк в город Горький. Оттуда в январе распределили на 2-й Украинский фронт.

Я приехал в Молдавию в город Яссы, оттуда уже отбирали нас. Приехал командир и решил, кого забирать, кто пулеметчик, кто разведчик. Меня забрали, отправили в Одессу, а оттуда на пароходе в Констанцу. В Румынии мы участвовали в военных действиях, а потом нас распределили уже по частям.

Я прошел Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию в качестве командира взвода, а поскольку, в последнее время, командиров не было, то еще и командиром роты, но приказ об этом я «на руки» так и не получил.

Я был награжден приказами Сталина, которых я получил пять, они находятся у меня.

Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина. 25 марта 1945 года. №308. Участнику боев при прорыве обороны немцев и за овладение городами Естергом, Несмей, Фельше – Гала и Тата.

Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина. 28 марта 1945 года. №315. Участнику боев за овладение городами Дьер и Комаром.

Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина. 30 марта 1945 года. №318. Участнику боев при форсировании реки Грон и Нитра, прорыве обороны противника по западным берегам этих рек и за овладение городами Комарно Новы Замки, Шураны, Комьятице, Врабле.

Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина. 4 апреля 1945 года. №330. Участнику боев за освобождение Братиславы.

Приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. Сталина. 17 апреля 1945 года. №338. Участнику боев за овладение городом Цистерсдорф.

Победа

Когда мы возвращались с задания, попали в засаду к немцам. Меня контузило осколками от снаряда. Меня вытащили оттуда, ни руки, ни ноги я уже поднять не мог, мне повредило спину. Отправили меня в ближайшую санчасть в пересыльный на повозке. Все это происходило в районе Знаймо (Чехословакия). Здесь меня оставили в избе.

Очнулся я, кто-то пляшет, кто-то поет, не пойму, где я. Подошел санитар и сказал, что война кончилась. К вечеру меня на носилках отнесли в автобус, который поехал на аэродром. Я попал в госпиталь в городе Братислава в Чехословакии. Я там находился с 15 мая и по август месяц.

Награждён:

- медалью «За отвагу»;
- медалью Жукова;
- орденом Отечественной войны 2 степени;
- медалью «За оборону Сталинграда»;
- медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Иванов Эдуард Сергеевич

и

Кундрякова Наталья Андреевна,

*студенты 1-го курса факультета
социальных и гуманитарных наук
Государственного университета «Дубна»*

Сыхраннов Сергей Васильевич

Моджахеды обстреливали чуть ли не каждую колонну

Я родился 26 июня 1966 года в селе Липовка Ардатовского района Горьковской области. Русский по национальности, православный. В юности состоял в комсомоле.

В 1981 году я окончил Голяткинскую среднюю школу, в 1983 году - сельскохозяйственное профессионально-техническое училище. По профессии - шофёр.

Узнал о войне в Афганистане только по прибытии 13 ноября 1984 года в пункт распределения в городе Дзержинске.

В боевых действиях начал участвовать по призыву, как и все. Добровольцев было мало, или я просто не слышал о них.

Соединение наше формировали в Самарканде, куда я прибыл 25 ноября 1984 года. Помню, что советские солдаты шли на войну спокойно, я и сам отнесся к этому легко. Но были и те, кто пытался «откосить», как бы сейчас сказали. В «учебке», в 3-й роте, один узбек перевязал ногу, чтобы не идти на войну.

На фронт отправили в феврале 1985 года после прохождения курса молодого бойца. Службу начал в звании рядового, как и большинство сослуживцев. Так как до службы в армии я получил профессию шофёра, меня распределили в автомобильные войска. Командиром 2-й роты, в составе которой я служил, был капитан Попов.

В феврале 1985 года из Самарканда нас отправили в Кабул, где находился наш основной штаб. Но в этом городе я прослужил недолго, уже в марте 1985 года нас перевели в город Шинданд. Моя служба в Афганистане по большей части была связана с двумя городами – Шинданд и Турагунди.

В город Турагунди я попал в апреле 1985 года и оставался там до конца службы.

Задачей моего соединения была перевозка новых машин из Союза, а также машин, которые мы ремонтировали на базе в городе Шинданде, в город Турагунди. Расстояние между городами было примерно 270 километров. Колонны были большие. Людей, едущих в колонне, было от 50 до 80 человек: по 2 человека в машине, плюс охрана и БТР.

При перевозке машин особенно ощущалась война. Моджахеды обстреливали чуть ли не каждую колонну. Им не хотелось, чтобы наши ребята получали новую технику.

Однажды ехали в колонне из Турагунди в Шинданд. Уже не помню, мимо какой точки мы проезжали, но в один момент передовая машина встала, начался обстрел. Мы выпрыгнули из машины, началась перестрелка. Сколько было тех, кто в нас стрелял, сколько нам удалось убить – не знаю. После перестрелки проверили машины, и уже через час колонна начала движение.

В той перестрелке из нашего соединения никого не убили. Но так было не всегда. За всё время службы я видел, как люди получали ранения и становились инвалидами. Видел, как убивали. Мертвых солдат на вертолетах перевозили в Союз.

Мы не понимали всего происходящего. Было страшно, но из-за нашей юношеской глупости не так сильно, как, может, было нужно. Это сейчас переживаешь за сыновей и внуков...

Но все-таки однажды мне не повезло. В очередной перестрелке враги засадили пулю мне в ногу. С ранением я попал в госпиталь. Медсестры были отзывчивые, кормили хорошо. Лежали в госпитале и раненые, и те, кто просто заболел. Именно там произошел эпизод, который отложился в моей памяти.

Я подглядывал в окно, как лечили солдата раненого в ногу. Пуля прошла глубоко и раздробила кость. С таким ранением один приговор – ампутация. И вот врачи не лечили

его ногу, а отрезали. Точнее даже не резали, а пилили ножовкой. Но солдат тот выжил. Что же касается меня, отлежался две недели в госпитале и обратно на войну. Меня сразу же отправили в Шинданд в свою роту. Состояние ноги после госпиталя позволяло водить машину.

Многие из моих товарищей тоже получили ранения. Это было обычным, к этому не относились как к чему-то ужасному и непоправимому.

Между перевозками мы ремонтировали машины в Шинданде. В это время мы жили обычной, даже интересной жизнью солдата. Нас поселили в дома барачного типа. Постоянно кто-то уезжал, кто-то приезжал – мы за этим особо не следили. И кормили нас хорошо, и платили много – 13 рублей рядовым, 19-20 рублей - остальным. Так что денег у нас было много.

В нашем расположении были хорошие радиоприемники “Sharp 999” и магнитофоны “Panasonic”. Такой техники не было ни у кого дома в Союзе. Очень качественная техника.

Отношения с офицерами были очень хорошие, братские. Командовали нами капитан Ершов, лейтенант Борис и старший лейтенант Бирюков, который позже сменил капитана. Служили не только русские, но и украинцы, узбеки, туркмены.

За время войны я дослужился до командира отделения, командира БМП. Получил звание ефрейтора, затем - сержанта.

Почему меня назначили командиром БМП? Это зависело от старших по званию. Наверное, они видели, что я разбираюсь в машинах, что знаю толк в этом деле.

С местным населением отношения были неплохие. Если с ними хорошо, то и они хорошо.

Было много веселого, все-таки мы были молодыми парнями, не могли относиться слишком серьезно ко всему. Помню один смешной случай. В «население» выходить было строго нельзя. А не так далеко от нашего расположения были дуканы – бесконечные лавки, где можно было купить все что угодно. Вот лейтенант Борис и захотел купить там арбуз. Когда шел туда, никто его не заметил. Все шло хорошо, Борис дошел до дуканов, купил арбуз и понес его в расположение части. Тут его то ли местные, то ли наши испугали: начали

стрелять. Борис побежал через кусты, спотыкаясь, чуть ли не падая, но арбуз принес в целости и сохранности.

Из Союза прилетали и давали концерты известные артисты – Розенбаум, Боярский, и даже не по одному разу. Дома культуры не было, для артистов просто ставили навес. Было приятно послушать и посмотреть на знаменитых людей, но и к этому мы относились попросту, как к обычному явлению.

Да мы и сами любили вечерами петь. Пели всё, что знали, даже афганские песни.

Я очень часто писал домой письма. Конечно, не говорил, что служу в Афганистане, что здесь война. Врал, что отправили на север. Правда, старшая сестра догадалась, что это не так. В письме она писала, что не могут из Самарканда на север распределить. И родные мне часто писали. Очень я скучал по дому, как и любой человек, который надолго покидает родные края.

Мне вручили медаль «От благодарного афганского народа», медаль «70 лет Вооруженных Сил СССР». Мы не считали себя героями, просто делали то, что от нас требовали командиры.

Сейчас каждый год проводятся районные встречи ветеранов Афганской войны. Все мои товарищи остались живы, мы встречаемся и вспоминаем прошлое, делимся настоящим.

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Ракова Ольга Михайловна**, студентка 1-го курса, факультета архитектуры и градостроительства Нижегородского архитектурно-строительного университета*

Тихонин Юрий Ксенофонович

Мы «держали точку» на территории Восточной Пруссии

Родился я 13 сентября 1925 года в деревне Панкратовка Зеленовского сельского совета Сердобского района Пензенской области. По национальности русский.

Членом партии стал только в 1945 году, а вот в комсомол вступил еще в 14 лет в ремесленном училище.

В целом, все в нашей семье считали себя православными, но в церковь не ходили, даже не думали об этом как-то, то ли не было принято, то ли просто храмов не было настоящих поблизости, в общем, обходились и без этого, забот явно хватало.

В деревне жилось очень непросто, а в нашей семье было четверо детей.

В то время развивалась промышленность, начали создаваться города – промышленные центры около крупных заводов. Одним из них был город Дзержинск Горьковской области. Туда некоторые наши односельчане отправлялись на заработки или переезжали целыми семьями. Так сделал и отец в 1931 году - устроился работать на завод имени Калинина в должности мастера, а мать стала уборщицей в бараке, относящемся к заводу, где жили все работники со своими семьями, в их числе были и мы.

Это был большой общий фанерный барак, комнаты даже не предполагались: отсек, в котором жила одна семья, ограждался от отсека, где жила вторая, только тонкими ширмами. Конечно, условия были не самые лучшие, но после жизни в деревне мы были к подобному привыкшие. К тому же, весь будущий Дзержинск тогда состоял из почти одних таких барачков. Важнее было то, что работа отца находилась поблизости.

Позднее начались школьные годы. Сначала я поступил в школу №13, потом - в школу №26, которая находилась в селе Чёрном. Путь до нее был неблизкий, но мы все равно ходили в эту школу, ходили пешком – подходящего транспорта не было.

Жили мы, конечно, голодно, но этот период сейчас вспоминается мне, как светлое детское время, когда вся семья была вместе, а страшное слово «война» звучало только на уроках истории. У нас с мальчишками были самые обыкновенные развлечения – гуляли на улице, играли в футбол на поле возле барака, зимой – в снежки, а также помогали родителям по хозяйству.

Мой старший брат, Тихонин Иван Ксенофонтович, в 1938 году стал курсантом Дзержинского аэроклуба, который открылся в 1937 году. Иван учился у известных инструкторов Конышева и Старчикова, был в составе одного из первых выпусков аэроклуба. Тогда чуть ли не все мальчишки мечтали стать летчиками, надеялись в будущем поступить в аэроклуб. Поэтому я очень гордился своим братом, особенно когда он во время учебных полетов пролетал над бараками, и все собирались посмотреть, как самолет пролетит над нашими головами.

Окончив 7 классов школы, я поступил в ремесленное училище № 7. В училище вступил в комсомол. Когда началась война, нас отправили на завод имени Калинина, сначала работали во всех цехах понемногу, потом я стал работать в цехе аммиака, где из воздуха выделяли кислород и азот, а потом в баллонах отправляли в город Горький.

Страшное известие о войне пришло в нашу жизнь неожиданно. Я вместе с ребятами из ремесленного училища поехал на городской товарищеский футбольный матч с

командой училища № 27, который проходил на территории завода имени Я.М. Свердлова.

Внезапно кто-то громко включил радио, и мы замерли, слушая речь Молотова. Страшно подумать, что в этот момент вместе с нами почти все граждане СССР с таким же ошеломлением вслушивались в слова диктора, впервые осознавая весь предстоящий ужас. Это действительно было шоком для нас. Некоторые мои современники в своих воспоминаниях рассказывают, что в дни перед началом войны чувствовалось напряжение в обществе, приближение чего-то страшного. Но наша жизнь шла абсолютно привычным ходом, никто ничего заранее не подозревал. Поэтому мы не знали, как реагировать на известие о нападении Германии. Запланированное мероприятие тут же отменили, все разбежались по домам.

Затем началась изнурительная работа в тылу. Поскольку я был еще подростком, сразу же отправиться на фронт не мог, поэтому продолжал работать на заводе имени Калинина. Здесь же работала и моя младшая сестра Раиса.

В цехе, в который я попал после начала войны, занимались разгрузкой антрацита – черного каменного угля, который предназначался для отопления нашего района, а также отправлялся в соседние населенные пункты. Приходилось работать на износ, как и всем в то время.

Был жесточайший распорядок, опоздания ни в коем случае не допускались. Но каждый абсолютно точно понимал, что от него конкретно напрямую в этот момент зависит судьба страны, поэтому ни о каком непонимании или протесте речи не шло. Всем было ясно, что иначе просто нельзя.

Взрослые работали на вредном производстве, в остальных цехах трудились подростки. Мать и отец работали в 13-м хлорном цеху. Отец был квалифицированным работником, поэтому первое время оставался в тылу. Очень часто он ночевал прямо в цеху, чтобы как можно меньше отрываться от работы.

Как только объявляли тревогу, начинала громко гудеть сирена, все бежали в убежище. Но поскольку места там было немного, то я укрывался в ремесленном училище.

Из всей семьи первым на фронт ушел старший брат Иван, он был старше меня на два года, поэтому ушел воевать сразу

же после объявления войны. До этого он жил в Энгельсе, куда его направили после окончания аэроклуба. Сначала там обучали на летчиков-истребителей, но потом эту программу почему-то отменили. Многие из-за этого ушли, но мой брат остался.

К 1941 году он уже имел опыт пилотирования, поэтому был направлен на фронт летчиком. На фронте получил звание младшего лейтенанта. В 1943 году был награжден орденом Красного Знамени за совершение 62 удачных боевых вылетов на самолете Б-25 пилотом 14-го гвардейского авиационного полка дальнего действия, которую ему вручили в Кремле. Большую часть службы он находился на Западном фронте.

В марте 1943 года в армию уже отправился и я. На тот момент мне еще не было 18. Но я, как и многие ребята тогда, с нетерпением ждал этого момента, чтобы приложить все свои силы для победы над врагом непосредственно на поле битвы, а не только работая в цеху.

Распределительный пункт находился не очень далеко от дома, это были военные лагеря в городе Коврове, где формировались войска.

Затем я попал в город Арзамас, там находился пехотный стрелковый полк. Это место оказалось еще ближе к Дзержинску, что хоть немного, но согревало душу. Случалось, что даже родители приезжали меня проведать, когда ситуация у них на заводе становилась чуть менее напряженной. После этого меня направили в 20-й запасной полк в Нижний Новгород.

Далее меня направили в Гороховецкие лагеря, где я был курсантом. Тут началось настоящее обучение: я получал навыки, необходимые артиллеристу. У меня прилежание в учебе сохранилось еще, наверное, со времен училища и школы, поэтому это отметило начальство, и после прохождения обучения меня оставили преподавателем на курсах. Здесь мне присвоили звание сержанта.

Находясь в Гороховце, я узнал и страшную новость о смерти брата. Домой пришла похоронка, родители посчитали необходимым оповестить меня и сумели ненадолго приехать, чтобы все рассказать. Хотя все, что было известно: «Не вернулся с боевого задания». Всем, наверное, так писали,

просто для того, чтобы дома не оставалось пустых надежд, ожиданий. Изначально мы не знали места гибели брата, эту информацию нашли уже только после окончания войны.

На фронт я попал уже в 1944 году. Это был 3-й Прибалтийский фронт, который был только образован в апреле этого же года из соединений южного крыла Ленинградского фронта.

Моей первой наградой стала медаль «За отвагу». Ее я получил, будучи командиром орудия. Я был командиром расчета 160-мм миномета, считавшегося серьезной техникой. Солдат вместе со мной было 6 человек, таким составом мы «держали точку» на территории Восточной Пруссии, ведя боевые действия всего в 1,5 километрах от линии фронта. Это продолжалось несколько дней, в течение которых нельзя было оставлять свой пост на продолжительное время.

Огневой расчет держал территорию, 1-й и 2-й взводы работали поочередно, люди, стоящие за оружием, периодически менялись, потому что как только один отстреливался, его место тут же занимал второй, чтобы огонь по врагу не прекращался ни на минуту.

В этой битве остались живы все солдаты, в чьих руках было оружие, но погиб шофер – Иосиф. Родом он был тоже из Пензенской области, мой земляк. Иосиф получил сильное ранение в районе низа живота. Санитары сразу же забрали его с поля сражения в медицинский пункт. Это случилось в разгар боя. Но о том, что Еся, как мы его по-дружески называли, погиб, все смогли узнать только на следующий день.

Затем мы участвовали в освобождении Литвы и Латвии. Естественно, были более спокойные периоды, когда мы перебирались от места до места незамеченными врагом, были и моменты, когда приходилось вести бои, чтобы преодолеть защиту врага. Труднее всего приходилось в холодное время года, когда прокладывание пути по бездорожью, заметенному снегом, было целым испытанием, а теплой одежды было недостаточно. В такие времена бодрость духа поддерживали наши командиры, ну и боевые сто грамм тоже давали для разогрева.

Когда мы шли по Белоруссии, еще оккупированной захватчиками, надо было оставаться незамеченными на этой территории, что казалось практически невозможным. Но нам

было необходимо как можно ближе подобраться к врагу, чтобы нанести неожиданный удар. Для этого нам приходилось выбирать самые сложные пути, непроходимые на первый взгляд. Они лежали через большие болота. Чтобы перебраться самим и переправить всю технику, мы сооружали временные гати из бревен. Приходилось работать очень осторожно и слаженно, поскольку любое неверное движение могло привести к катастрофе - технику и людей могло затянуть в трясину. Прodelав столь опасный путь, мы смогли вплотную подобраться к фашистам и оказаться в их тылу.

Эффект неожиданности сыграл большую роль, враги не предполагали, что такое количество русских войск вместе с тяжелой техникой вдруг внезапно появится из глухих непроходимых мест. А наши войска тем временем окружали немцев с разных сторон, что помогло быстро уничтожить их.

Одним из самых важных событий стал момент, когда нам пришлось форсировать реку Неман, чтобы перебраться на западный берег и захватить там плацдарм. Река стала для нас основной преградой, это был один из самых больших водных рубежей на всем нашем пути. Переправа представляла большую опасность, ведь во время нее бойцы оказывались практически незащищенными в случае, если враг застигнет врасплох. Поэтому мы выбирали максимально незаметное место для того, чтобы перебраться на другой берег.

Путь до переправы уже был испытанием – мы сооружали дороги из бревен, но порой приходилось идти через неглубокие озера почти по пояс в воде, при этом перетаскивая на спинах тяжелые сумки, чтобы не намочить их. Направление пути через непроходимую местность нам указывали молоденькие регулировщицы, вместе с нами не боящиеся трудных условий и вязких болот.

Даже в тяжелых обстоятельствах мы находили место для душевного общения с товарищами и беззаботных разговоров с милыми девушками. Да и как можно было без этого сохранять боевой настрой и твердость характера? Жизнь на войне все равно не прекращалась, любой солдат на фронте каждый день испытывал огромное эмоциональное напряжение, без духовного отдыха обходиться было никак нельзя.

Когда мы наконец добрались к реке, тянуть с переправой было опасно, поэтому мы, изнуренные долгим

путем, почти сразу должны были восстановить разрушенный мост, чтобы по нему перебраться на другой берег. Материала для этого у нас практически не было, поэтому в ход шли любые средства, которые можно было найти в округе. В наших руках оказывались и бревна, и палки, и обломки лодок. Мы сумели восстановить мост в довольно короткий срок и быстро перебраться на другой берег.

После освобождения Прибалтики нас направили к Кенигсбергу.

Кенигсберг, будучи столицей Восточной Пруссии, имел очень мощные укрепления. Враг полностью подготовил город к тому, чтобы держать в нем длительную осаду, внутри находились все необходимые коммуникации, подземные заводы, военные и продовольственные склады, это было хорошо известно нашим командирам. Около города немцы соорудили два кольца обороны. Второе кольцо было более укрепленным в сравнении с предыдущим. Первое кольцо состояло из траншей, противотанкового рва, минных полей и проволочных заграждений. На этом кольце находились каменные башни, в которых располагался хорошо вооруженный немецкий гарнизон. Второе кольцо обороны проходило по окраинам города и состояло из каменных зданий, баррикад, огневых точек на перекрестках и минных заграждений. На каждом участке защиты находились немецкие солдаты, ведущие открытый огонь по нападавшим. Последним и главным пунктом была цитадель, находящаяся в центре города, именно ее захват был нашей боевой задачей.

Основной силой, прорывавшей первые уровни обороны врага, стали штурмовые отряды. Самый сильный удар наносили нескончаемыми залпами огнестрельные орудия. Самым страшным для нас были укрепленные каменные форты – мощные оборонительные сооружения. Главное, что все они сообщались между собой и с городом, поэтому их было тяжело захватить поочередно. План штурма был организован так, чтобы основные силы проходили вокруг фортов и подбирались к самому городу, а в это время их обстреливали 152-мм и 300-мм пушки. Одной из важных задач было ограничить все коммуникации и связи города с внешним миром, поэтому большое значение имел захват железнодорожного узла.

Но самыми кровопролитными были бои уже в черте города. Уличные бои запомнились мне, как самые тяжелые. Хоть враг и был уже подавлен прорванной обороной, было жуткое ощущение, что он повсюду, сопротивление оставалось очень сильным. Нельзя было быть уверенным ни в одном шаге, который мы делали на пути к центру города, все находилось в сильнейшем напряжении, каждую секунду ждали, что из-за двери любого дома в спину могут вонзить нож или выстрелят из любого окна. Продвигаясь по улицам, приходилось прочесывать абсолютно каждый дом. Конечно, были места, где враг сдавался быстрее, но осаду некоторых домов приходилось держать по несколько дней.

В боях за Кёнигсберг погиб брат моей матери. За участие в этих сражениях я получил особенно памятную мне медаль «За взятие Кёнигсберга».

Последние дни войны мы были полностью погружены в бои на территории Кёнигсберга, поэтому, нельзя сказать, чтобы мы хорошо ориентировались в общей военной ситуации. Впрочем, уже ходили какие-то слухи о близости победы, но особого внимания этому не уделяли, хотя, конечно, надежда на скорое завершение войны нас не покидала.

Я хорошо помню, как нам сообщили о поражении фашистской Германии. С наблюдательного пункта громко раздался приказ о прекращении огня. Каждый, кто услышал сообщение о победе, поднял вверх оружие, которое оказалось под рукой (у кого-то винтовка, у кого-то – автомат), и начал стрелять в воздух. Поднялся сильный грохот, дополняемый восторженными криками и слезами радости.

После приказа о прекращении огня сразу последовал приказ, запрещающий каким-либо образом трогать немцев. Почти все из них на это момент уже оказались пленными. Их постоянно водили по городу колоннами, перегоняя с одного места на другое, многие были гражданскими. Часто около них толпились солдаты, которым хотелось посмотреть на уже побежденного врага. Вид у них был, конечно, подавленный, безоружные и опустошенные они выглядели жалко. Но ни у кого из нас они совсем не вызвали жалости. Отвращение и презрение – единственные чувства, которые во мне пробуждал их вид. Ни о каком сострадании к врагу, принесшему столько

крови и горя каждому человеку нашей страны, не могло быть и речи.

После победы я оставался в Кёнигсберге в звании старшего сержанта гвардии до 1951 года. Мы занимались укреплением советской власти в этой местности, а также нам необходимо было следить за пленными немцами, которых на территории Восточной Пруссии осталось огромное количество, организовывать их действия.

В 1948 году приезжал домой в свой единственный отпуск, полученный за добросовестную службу. Добирался на товарном поезде, где вместе со мной ехало много таких же солдат. Единственным местом для сна были голые жесткие нары, подкладывали под себя шинели, чтобы хоть как-то поспать. Конечно, было тесно, неудобно, но разве это могло сравниться с уже пережитым за время войны на фронте? К тому же всех сильно согревала мысль о скорой встрече с родными.

Моей первой остановкой был Арзамас, где жил мой фронтовой друг, который тоже был командиром орудия. Встреча после победы была особенно радостная. До города Дзержинска я добрался уже на автобусе. Сначала зашел в гости к сестре, она уже была замужем и жила в большом деревянном доме. Она сразу меня узнала, несмотря на то, что провожала меня еще мальчишкой. Потом вместе с ней мы пошли домой к родителям, которые тогда уже переехали из барака, получили комнату в большой 3-х комнатной коммунальной квартире на 2-м этаже дома, построенного пленными немцами. Многие дома в Дзержинске того времени были построены именно ими.

Конечно, увидев меня, мама заплакала. И отец тоже, да и я сам.

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Смирнова Вероника Александровна**, студентка 1-го курса факультета архитектуры и градостроительства Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета*

Тодорашко Валентин Иванович

**Американцы более десяти дней
не летали над территорией Вьетнама,
всё пытались определить, кто сбил их самолеты**

Я родился 7 октября 1936 года в селе Фрунзовка Фрунзовского района Одесской области Украинской ССР.

В 1956 окончил в селе Долинское среднюю школу №1.

В 1959 году окончил Одесское зенитно-артиллерийское училище.

С 1959 по 1960 год – командир стартового взвода 100-мм пушек 244-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка в городе Реутово.

С 1960 по 1965 год - техник РПК (радиопередатчик команд) комплекса С-75.

В конце 1964 года командир полка гвардии полковник Михайлов предложил мне принять участие в выполнении правительственного задания. Я согласился и в январе 1965 года был направлен в город Свердловск, где уже находилась большая группа военнослужащих. Было отобрано семь офицеров, а затем нам дали поручение: отправиться в город Баку, принять в «Арсенале» военную технику, проверить ее готовность на полигоне и подготовить к транспортировке.

В нашу группу входили: старший группы майор Н. Мешков (он служил инженером в зенитно-ракетном полку), командир радиотехнической батареи капитан Р. Иванов, офицер наведения кабины управления старший лейтенант В. Константинов, техник координатной системы старший

лейтенант В. Шелестов, техник системы выработки команд старший лейтенант Б. Колесник, техник приемо-передающей кабины старший лейтенант В. Пустовойтов и я, техник системы радиопередатчика команд старший лейтенант В. Годорашко.

Мы приняли технику, которая была доработана для действий в жарких странах. Все догадывались, куда нас направят, поскольку уже знали, что совсем недавно, 5 августа 1964 года, американские самолеты начали бомбить Демократическую Республику Вьетнам.

5 апреля 1965 года, после испытания принятой техники в различных условиях на полигоне, она была погружена на платформы и мы привезли её в город Челябинск. Здесь был сформирован эшелон с техникой и личным составом. Вскоре мы двинулись в путь.

Приехали на станцию Забайкалье, что на границе с Китайской Народной Республикой (КНР).

Там сделали остановку. Нас переодели в гражданскую форму, эшелону сменили колесные пары, так как ширина колеи железнодорожного пути в Китае уже нашей.

На четвертые сутки поездки прибыли в Пекин. Стояли восемь часов. Нас хорошо принимали, угощали китайскими яствами. Звучали дружеские пожелания об укреплении добрососедских отношений между СССР и КНР.

Потом поехали дальше - к границе с Вьетнамом. Сделали остановку на станции Пинсян. Опять перегрузили технику, так как колея железнодорожного пути во Вьетнаме еще более узкая, чем в КНР. Нас проинструктировали, как себя вести в случае налета американских самолетов, поскольку они периодически бомбили эту железнодорожную ветку.

16 апреля 1965 года ночью благополучно пересекли границу Вьетнама с Китаем и без происшествий доехали до Ханоя. Нашу технику разгрузили и увезли в джунгли, в учебный центр, а нас туда же перебросили ночью на автобусе и разместили на ночлег.

Начальником 1-го учебного центра был полковник М. Цыганков, его заместителем по политчасти – подполковник М. Барсученко, начальником штаба - майор В. Егоров, главным инженером центра - майор Н. Мешков.

Началась активная фаза по подготовке к занятиям с вьетнамскими специалистами, и к 1 мая все было готово. Занятия проводили через переводчиков. У меня переводчиком был товарищ (по-вьетнамски — "домти") Чан Фук Кан. Я рассказывал материал, показывал, как следует практически выполнять ту или иную операцию, а он переводил, курсанты записывали. И так по двенадцать часов в день. После нас у них еще было два часа самоподготовки. Этого требовала обстановка военного времени во Вьетнаме.

Программа обучения была рассчитана на три месяца. Нам приходилось жить и учить вьетнамцев в условиях, в каких мы еще никогда не находились. Жара до 35-45 градусов, высокая влажность. По два-три месяца не получали писем из дома, ответ шел столько же. Кроме того, болезни разные. Врач, конечно, принимал все необходимые меры, но не все заболевания поддавались лечению, некоторых пациентов отправляли обратно домой. На их место приезжали новые специалисты. В кабинах техника так нагревалась, что термометры с градуировкой на 60 градусов зашкаливали. В таких сложных условиях мы находились на этом месте в течение двух с половиной месяцев, хотя срок обучения был рассчитан на три месяца.

Дело в том, что с самого начала нашего приезда в ДРВ, по радиостанции «Голос Америки» сообщили, что во Вьетнам привезли ракетные системы типа «Сам», их применение ожидается через три месяца. И американцы начали нас искать. Однако маскировка была такой, что обнаружить учебное подразделение для них оказалось проблематично. Охраняли нас зенитные расчеты, у которых был приказ: стрелять, только если возникнет непосредственная опасность для учебного центра.

Когда стало все-таки опасно находиться в данном месте дислокации, наш учебный центр перебросили на другую территорию, находившуюся возле столицы ДРВ. Как мы узнали, существовал приказ президента США: Ханой в радиусе 60 километров не бомбить. Там мы и доучивали вьетнамских воинов-ракетчиков. Туда приезжал премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, министр национальной обороны Во Нгуен Зиап, руководитель Группы советских военных специалистов генерал Г. Белов. Была поставлена задача:

подготовить военную технику, на которой мы обучали вьетнамцев, к боевым действиям.

Наш руководитель полковник М. Цыганков обязался в сжатые сроки выполнить этот приказ. От боевой готовности зависело много, во-первых, престиж отечественной военной техники, а главное — жизни очень многих людей. Поэтому каждый из нас так настроил свою технику, что отклонения параметров были в пределах "0", то есть абсолютно точно, как должно быть, без всяких погрешностей.

Сформировали два ракетных дивизиона, которым командование поставило задачу совершить ночью марш на боевую позицию, находящуюся в 30 километрах юго-западнее Ханоя. На этой технике нес службу готовый к боевым действиям состав — советские специалисты и вьетнамские военнослужащие, которых мы уже всему обучили.

Позиции в инженерном отношении были подготовлены. Когда мы развернулись, то нам помогали маскировать боевые порядки вьетнамские крестьяне — сажали банановые деревья, прикрепляли к технике мешки с песком, даже вырыли окопы на случай бомбардировки. Наутро мы были готовы к бою. Маскировка была такой надежной, что американские летчики не могли нас обнаружить.

Были развернуты два дивизиона — 63-й и 64-й 236-го зенитно-ракетного полка ПВО (противовоздушной обороны) Вьетнамской Народной Армии. Я был в составе 63-го дивизиона, командир дивизиона — подполковник Б. Можяев. Командиром 64-го дивизиона был подполковник Ф. Ильиных.

Назову еще ряд своих боевых товарищей: командиром радиотехнической батареи был капитан В. Брусникин, командиром стартовой батареи — капитан Э. Воронин, техником кабины "П" (приемопередающая) — старший лейтенант В. Пустовойтов, техником координатной системы — старший лейтенант В. Шелестов, техником системы "СВК" (система выработки команд) — старший лейтенант Б. Колесник, а также полный комплект вьетнамских бойцов по каждой системе — четыре расчета на полк.

Офицером наведения кабины "У" (управления) был старший лейтенант В. Константинов, операторами по "Е", "В" и "Д" ("Е" — угол места, "В" — азимут, "Д" — дальность до самолета) — В. Тимченко, А. Бондаренко и Ю. Папушов.

Целеуказания получали от "СРЦ" (станции разведки и целеуказания), которой руководил ефрейтор В. Кубушев. Воздушную обстановку наносил на "ВИКО" (выносной индикатор кругового обзора) планшетист Мусихин. Огромную боевую работу по обеспечению развертывания ПУ (пусковая установка) к бою и подготовке ракет к пуску проводили командир стартовой батареи капитан Воронин, командиры стартовых расчетов А. Зыльков и А. Шумбар со своими подчиненными: М. Коноплевым, А. Понавичуком, П. Мельником, А. Косаревым, И. Агалаковым, Алехиным, Пеней, Кандиловым, Максимовым, Г. Самойловым. В кабине "Р" обеспечивал электропитанием весь комплекс лейтенант Кобыльков.

В кабину "У" по громкоговорящей связи поступали все доклады о готовности к работе, к бою. Вместе со мной в кабине "РПК" находился мой ученик товарищ Нгуен Динь Кхоан, офицер и хороший техник. Кроме него было еще три расчета (всего четыре техника и я). Дублерами командиров 63-го и 64-го дивизионов с вьетнамской стороны были капитан Нгуен Ван Тхан и Нгуен Ван Нинь. Дублером старшего лейтенанта В. Константинова был лейтенант Ле Динь Тьи. Дублером офицера наведения 64-го дивизиона старшего лейтенанта О. Бондарева был лейтенант Фам Чыонг Уи, будущий Герой ВС Вьетнама.

В настоящее время многие из перечисленных операций осуществляют компьютерные системы. А тогда в основе лежал человеческий фактор: как насчитают боевые расчеты, так ракета и полетит.

Воздушная обстановка менее сложной не становилась. Нам целесообразно было открывать огонь по самолетам на исходе дня, чтобы успеть после стрельбы незаметно сменить позицию. Темное время суток нас особенно устраивало. Днем нельзя было демаскировать себя. В Тонкинском заливе постоянно находились три авианосца США, самолеты с их палуб взлетали и достигали границ Вьетнама за пять-десять минут. Если бы они обнаружили нас, перевес оказался бы на их стороне, особенно когда налет совершается на разных высотах и с разных направлений. Можно, конечно, выпустить ракеты и днем, уничтожить один-два самолета, но тогда остальные бомбардировщики начнут "утюжить" ракетный

дивизион. Ведь наши позиции прикрывала только зенитная артиллерия.

24 июля 1965 года сложилась такая воздушная обстановка, что нам пришлось впервые во Вьетнаме вести боевые действия против американских самолетов ракетными комплексами.

С утра пролетало много самолетов, где-то вдали слышался гром бомбардировок. Мы всем дивизионом были начеку. Все системы работали исправно. И вот прозвучал приказ командира дивизиона подполковника Б. Можая: "Цель групповая — уничтожить!"

Офицер наведения В. Константинов обнаружил группу самолетов противника. Командир радиотехнической батареи В. Брусникин контролировал работу всех расчетов. Когда операторами была захвачена головная цель, ее сначала вели на ручном сопровождении, а затем перевели на автоматическое. И когда цель приблизилась к границе поражения, В. Константинов, впервые на вьетнамской земле, нажал кнопку "пуск".

Ракета с ревом стартовала и устремилась к цели. Через шесть секунд была нажата кнопка "пуск" по второму каналу. Обе ракеты достигли цели, уничтожив два самолета. Соседний 64-й дивизион сбил еще один самолет. Из четырех боевых машин противника три закончили свой летный путь в небе Вьетнама. Куда делся четвертый, неизвестно. В плен был взят один летчик.

Старт боевой ракеты вьетнамцы называли стартом огнедышащего дракона. После уничтожения самолетов все кричали «ура» и обнимались - и вьетнамцы, и наши. Эта стрельба состоялась у населенного пункта Бави Шонтэй, что в 50 километрах от Ханоя, 24 июля 1965 года в 14 часов 25 минут.

Мы быстро свернули технику и уехали на новую позицию, а к утру следующего дня были снова в боевой готовности.

Вьетнамские товарищи заранее заготовили макеты техники из досок и других материалов и расставили их так, как будто бы дивизион остался на месте. Американцы более десяти дней не летали над территорией Вьетнама, все пытались определить - кто сбил их самолеты. После разведки они повторили налет на эту позицию, и вьетнамские зенитчики сбили еще пять самолетов.

Несмотря на то что американцы сменили тактику налетов, нам удавалось их уничтожать и сохранять боеготовность дивизионов. В более простых условиях мы учили вьетнамских ракетчиков вести огонь по воздушным целям самостоятельно, но каждый из нас находился рядом и был готов в любую секунду действовать безошибочно.

Нам удалось доказать, что наша боевая техника очень надежная и эффективная. В принципе, не отрицая этот факт, кое-кто из вьетнамцев все же считал, что Китай больше помогает, чем СССР. Мы убедили вьетнамцев, что ракетная техника - оружие коллективное, и успех боя зависит от каждого. Да и не только успех боя, но и важные компоненты общей работы - подготовка ракет, оперативная доставка новых, готовых к запуску ракет, на позицию. После пуска ракеты боевым стартовым расчетам при помощи транспортно-заряжающей машины надо зарядить пусковую установку новой ракетой, быстро подготовить ее к пуску и уйти в укрытие.

Через некоторое время майор Н. Соломатин сказал нам, что мы сбили три "Фантома". Он в это время был в джунглях и видел, как упали эти самолеты.

В августе 1965 года наши дивизионы № 63 и № 64 получили новую задачу: совершить марш и развернуться в южной провинции Тханьхоа. Самолеты США здесь летали безнаказанно. Наш дивизион № 63 выпустил пять ракет по двум целям. Было уничтожено два самолета, и только одна ракета осталась в резерве. Сбили мы самолеты А-6А - палубные штурмовики США с авианосца "Мидуэй". Совершив после боя обратный марш, мы развернулись под Ханоем.

Когда вьетнамские боевые расчеты и офицерский состав научились успешно воевать самостоятельно, было решено часть наших специалистов оставить в дивизионах, а другую часть направить в новый учебный центр для подготовки новых вьетнамских ракетных полков. Для выполнения учебной задачи были отобраны пять офицеров: В. Константинов, В. Пустовойтов, Б. Колесник, В. Шелестов и я.

Прежде чем направить нас в учебный центр, нам предоставили неделю отдыха на горе Там Дао, это сто километров на север от Ханоя. Высота этой горы один

километр, заезд на вершину по винтовой дороге. На вершине - домики для отдыха. На километровой высоте не так жарко.

После отдыха мы поехали в новый учебный центр, расположенный в джунглях. В этом центре переводчиком у меня был товарищ Чьонг Ван Та, или просто «домти» Та. Через три месяца напряженных занятий вьетнамские ракетные расчеты были готовы к ведению боевых действий. Нам уже стало легче в боевых условиях.

Вскоре наш дивизион и еще другие подразделения получили новую задачу: занять боевые позиции по охране воздушного пространства над Ханоем от налетов американской авиации. На этой "точке" наш дивизион находился несколько месяцев.

В январе 1966 года нашу боевую позицию посетила советская партийно-правительственная делегация во главе с А.Н. Шелепиным. В состав делегации также входили секретарь ЦК КПСС Д.Ф. Устинов и командующий стратегическими войсками Советского Союза генерал-полковник В.Ф. Толубко. Они высоко оценили нашу боевую работу во Вьетнаме, поздравили нас с Новым, 1966 годом и вручили правительственные награды за мужество и успехи в боевых действиях.

Меня наградили орденом Красной Звезды, за участие в уничтожении восьми американских самолетов в составе 63-го дивизиона 236-го зенитно-ракетного полка ПВО ДРВ. Награду вручил А.Н. Шелепин. На тот момент мне исполнилось 29 лет. Я вспомнил отца, Тодорашко Ивана Тимофеевича, который участвовал в Великой Отечественной войне и погиб в августе 1944 года в Молдавии. В день гибели ему тоже было 29 лет.

Нам приходилось воевать в разных условиях. Однажды, во второй половине февраля 1966 года, нас перебросили от Ханоя под Хайфон, который имел большое значение для обеспечения Вьетнама всем необходимым. Мы защищали этот город-порт, постоянно меняя боевые позиции. Как-то была у нас стрельба по самолетам в условиях густого тумана. Американский самолет мы сбили двумя ракетами, он упал в море. Нашему дивизиону его уничтожение не засчитали, так как в момент поражения визуально из-за тумана не был зафиксирован факт его падения в море.

Мы находились на защите неба над Хайфоном до конца апреля 1966 года. Из первого состава советских специалистов, приехавших во Вьетнам в апреле 1965 года (около 100 человек), нас осталось только пять офицеров, которым еще не прибыла замена из Советского Союза. Когда замена приехала, мы передали свои системы в надежные руки советских специалистов и выехали в столицу ДРВ. В Ханое нас принял командующий ПВО страны старший полковник Фунг Тхе Тай. Нас наградили медалями Дружбы правительства ДРВ, вручили подарки. На приеме угощали пельменями, впервые за все время пребывания во Вьетнаме. Тяжело было расставаться с друзьями-вьетнамцами, с которыми бок о бок защищали «горячее» небо Вьетнама во время войны. Моя командировка во Вьетнам закончилась через 13 месяцев и 4 дня. Мы попрощались, подарив друг другу на память фотографии, и 10 мая 1966 года вылетели на самолете с аэродрома Вьетнама в Китай.

Погода испортилась, и наш самолет сделал посадку в городе Ухань. Здесь мы переночевали в гостинице, а утром 11 мая вылетели в Пекин. Там мы коротали время в советском посольстве до 16 мая, так как все эти дни возле посольства продолжались беспорядки, устроенные хунвейбинами. Только утром 16 мая мы смогли покинуть КНР и в этот же день прилетели в Москву.

В столице нас разместили в гостинице Министерства обороны СССР. Нас было пятеро: капитан Р. Иванов, старшие лейтенанты В. Константинов, Б. Колесник, В. Шелестов и я. Несколько дней в Министерстве обороны мы рассказывали о тактике американской авиации и боевых действиях ракетных дивизионов С-75 во Вьетнаме. После этого нас отпустили на две недели домой, а затем каждый должен был явиться в свою воинскую часть.

По возвращении в свою часть в городе Уфе я получил отпуск за 1965-1966 годы - 88 суток. Когда я уезжал во Вьетнам, моему сыну исполнилось два с половиной годика, теперь ему было почти четыре. Мы всей семьей провели отпуск сначала в Одессе у моей мамы, а затем в городе Баксан на Кавказе у матери жены.

После отпуска я получил назначение для продолжения службы в Энгельское зенитно-ракетное училище.

С 1966 по 1970 год был преподавателем Энгельсского зенитно-ракетного училища.

Затем, с февраля 1970 года по октябрь 1983 года, я служил преподавателем школы младших специалистов в городе Свердловске. В 1983 году в звании майора уволен в запас.

В 1983 году я был принят на должность заказчика отдела № 161, начальником которого был полковник Був Евгений Михайлович. Я до сих пор работаю на прославленном предприятии «Вектор» в отделе № 100.

Награжден:

орденом Красной Звезды (1965 год), вьетнамской медалью Дружбы (1966 год), медалями: «За безупречную службу 3-й степени» (1967 год); «За безупречную службу 2-й степени» (1972 год); «За безупречную службу 1-й степени» (1977 год); «Ветеран вооруженных сил СССР» (1983 год), а также юбилейными медалями «20 лет Победы в Великой отечественной войне 1941-45 годов» (1965 год); «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1967 год); «60 лет Вооруженных Сил СССР» (1978 год); «70 лет Вооруженных Сил СССР» (1988 год).

Город Екатеринбург
Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Тодорашко Ирина
Валентиновна***

Хюпенен Анатолий Иванович

**30 декабря 1972 года, понеся тяжёлые потери,
США отказались от продолжения операции**

Я родился 25 мая 1928 года в Ленинграде, в семье рабочего.

Ещё в детстве для себя решил, что стану военным. В сентябре 1941 года в Ленинграде впервые ощутил, что такое бомбардировка: визг бомб, грохот взрывов, разрушения. Всё это, наверное, только укрепило во мне желание выбрать для себя столь сложную и опасную профессию.

Сразу после войны я поступил в Ленинградское артиллерийское подготовительное училище, которое окончил в 1947 году. В 1950 году окончил 2-е Ленинградское артиллерийское училище.

Пользуясь правом выбора места службы, выбрал Ленинградский военный округ (ЛенВО), Войска ПВО.

В Войсках ПВО, до направления в спецкомандировку в Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ), я прошёл основные командные должности:

– начальника зенитно-артиллерийского метеорологического поста (полигон Морье, станция «Ладожское озеро»);

– командира батареи контроля и анализа зенитно-артиллерийских стрельб на полигоне;

– командира 6-го зенитно-ракетного дивизиона (ЗРДн) 86-й зенитно-ракетной бригады (ЗРБн) (станция Саблино)

6 ОА ПВО (город Ленинград). Это назначение состоялось после окончания в Ленинграде Военной артиллерийской академии (4 года учёбы в академии с 1957 по 1961 год);

– командира 196-го гвардейского зенитно-ракетного полка (ЗРП) ПВО, прибывшего из Группы советских войск в Германии с задачей развёртывания, подготовки и постановки на боевое дежурство 2-х ЗРДн С-75, 6 ЗРДн С-125 и ТДН-125;

– заместителя командира 5-й дивизии ПВО (город Петрозаводск);

– командира 23-й дивизии ПВО 10-й ОА ПВО (23-я дивизия ПВО – прославленное в годы войны соединение, носившее почётное наименование Гомельской Краснознамённой ордена Суворова 2-й степени. Это была одна из самых крупных по составу дивизия ПВО, которая дислоцировалась на огромной площади, в сложных географических условиях Крайнего Севера. Командование 23-й дивизией ПВО, служба на Крайнем Севере стали хорошей школой познания системы ПВО и роли соединения ПВО в обороне объектов от воздушного противника. 23 февраля 1971 года, когда я командовал 23-й дивизией, мне присвоили воинское звание генерал-майора артиллерии;

– первого заместителя командующего 12-й ОА ПВО (город Ташкент).

В Ташкент я и жена Валентина Петровна прилетели 29 мая 1971 года. Из Архангельска улетали при $t^{\circ}=+2^{\circ}\text{C}$, а в Ташкенте $t^{\circ}=+40^{\circ}\text{C}$. Пришлось привыкать, акклиматизация прошла довольно быстро и без последствий.

Я познакомился с состоянием дел во всех соединениях ПВО (Алма-Ата, Самарканд, Мары), а также в частях родов войск.

В дивизии, в качестве руководителя, в Мары проводил итоговую проверку, имел возможность поработать во всех частях и подразделениях и убедиться в мужестве, стойкости, выносливости, высоких моральных и физических качествах солдат, сержантов, офицеров и генералов.

В Мары была настоящая жара: $+46^{\circ}\text{C}$. Страшная духота и днём и ночью. В Ашхабаде климатические условия были ещё сложнее. Мы были вынуждены наших лётчиков ИАП на ночь отправлять в дом отдыха «Фирюза» (в 8 километрах от аэродрома, в горах на высоте порядка 600 метров). Несмотря

на труднейшие условия службы, дивизия показала хорошую подготовку и дисциплину. Часто мне приходилось работать на полигоне Сары-Шаган, который территориально располагался в границах ответственности 12-й ОА ПВО. Там доводилось встречаться с генеральными конструкторами систем ПВО, руководством Войск ПВО страны, с Главкомом П.Ф. Батицким.

На завершающем этапе воздушной войны

Февраль 1972 года. КП 12-й ОА ПВО страны. Учения. Командующий армией генерал-полковник П.Ф. Шевелев по телефону ЗАС вел разговор с главнокомандующим Войсками ПВО страны Маршалом Советского Союза П.Ф. Батицким. По окончании доклада он увёл меня в свой кабинет и сообщил решение Главкома о направлении меня в спецкомандировку - старшим Группы советских военных специалистов (СВС) в Демократическую Республику Вьетнам (ДРВ). Такой поворот событий в моей службе был совершенно неожиданным.

Во-первых, в должности 1-го заместителя командующего ОА ПВО страны я находился всего 8 месяцев, включая отпуск.

Во-вторых, должность старшего Группы СВС в ДРВ была исключительно ответственной не только в военном, но и в политическом аспекте и исполнялась генералами Войск ПВО страны, прошедшими большую школу службы на крупных ответственных должностях и имеющими опыт Великой Отечественной войны. Ответ мой мог быть только один: «Доверие оправдаю».

Срочно прошли медицинскую комиссию (я и жена), затем Военный совет Войск ПВО страны и другие инстанции.

С 1 апреля - трехмесячные курсы при Военном институте иностранных языков. Создание этих курсов было решением начальника Генерального штаба ВС СССР генерала армии В.Г. Куликова. На курсах давали основы необходимых знаний по стране пребывания: государственное и политическое устройство, экономика, политика, вооруженные силы, особенности географических, природных и климатических условий, язык. Эти знания были необходимы уже в первые часы пребывания в стране.

Затем отпуск, десятидневный инструктаж в 10-м Главном управлении Генштаба, и 14 декабря 1972 года вылет в ДРВ.

Утром 15 декабря, после суточного перелета на самолете Ил-18 по маршруту Москва - Ташкент - Дели - Калькутта - Рангун - Вьентьян - Ханой, прибыли в столицу ДРВ – в город Ханой, на аэродром Залам.

После зимней Москвы непривычно тепло и даже душно, светит яркое солнце. Теплая встреча в аэропорту представителями ВНА, старшим Группы СВС генералом Максименко, оформление документов, переезд в Ханой. По дороге - первое знакомство с результатами бомбардировок американской авиацией предместий города, предприятий, моста через реку Красная и других объектов. Мы воочию увидели варварство новых колонизаторов - США. Увиденное заставило меня, с первых часов пребывания в ДРВ по-другому оценить представление о вооруженном конфликте в ЮВА.

Устроились в гостинице. Затем представление Чрезвычайному и Полномочному послу Советского Союза Илье Сергеевичу Щербакову, военному атташе и другим сотрудникам советского посольства и представительских групп. Знакомство с личным составом аппарата старшего Группы СВС. Везде доброжелательная обстановка, стремление пояснить обстановку (военную, политическую, экономическую) во Вьетнаме и в целом в ЮВА. Вечером у посла был организован небольшой прием.

На следующий день состоялась встреча с заместителем начальника Генштаба ВНА генерал-майором Фунг Тхе Таем, а несколько позже - с начальником Генштаба генералом армии Ван Тиен Зунгом. Вьетнамской стороной была дана высокая оценка советским военным специалистам, выражена благодарность за оказание помощи братскому Вьетнаму и высказано пожелание продолжить эти традиции.

17 декабря состоялась встреча с командующим ВВС и ПВО ВНА старшим полковником Ле Ван Чи и комиссаром старшим полковником Хьонг Фьонгом. На встрече была дана высокая оценка работы СВС в войсках ВВС и ПВО, говорилось о возможном возобновлении воздушных ударов в ближайшие дни и принятом решении об отражении этих ударов. Затем в неформальной обстановке состоялась ужин.

Вечером, около 19 часов 18 декабря, во время приема у министра национальной обороны генерала армии Во Нгуен Зиапа была объявлена воздушная тревога. Авиация США начала воздушную операцию под кодовым наименованием «Лайнбеккер-2» массированным налетом, основу которого составляли стратегические бомбардировщики (СБ) В-52.

Поневоле вспомнилась массированная бомбардировка Ленинграда немецкой авиацией сентябрь 1941 года: визг бомб, грохот разрывов, разрушения. И вот теперь - снова под бомбами самой «цивилизованной» страны мира. Эти бомбы были несоизмеримо мощнее бомб прошлой войны. Можно представить, какие разрушения, какой ужас они наводят на мирных, ни в чем не повинных людей.

В 12 часов 19 декабря подвели предварительные итоги отражения войсками ВВС и ПВО трех массированных ночных налетов стратегической авиации. Было сбито 5 самолетов: два В-52, два F-4 и один F111.

Провели тщательный разбор боевых действий, отметили как положительное, так и отрицательное в работе КП и расчетов войск ВВС и ПВО, внесли предложения, особенно в вопросе управления расчетов КП полков.

Так началась моя служба во Вьетнаме.

На каких правовых основах военно-политическое руководство США приняло решение развязать войну против ДРВ, применяя варварские методы борьбы против вьетнамского народа? Разве ДРВ и народ Вьетнама угрожали независимости США, могли завоевать и закабалить народ США экономическим или военным путем? Глупость и бред. Причины и факторы, определившие агрессию США во Вьетнаме, в другом.

Во-первых, экономические, а именно наличие природных богатств (олово, свинец, молибден, каучук, золото, уголь, нефть).

Во-вторых, чрезвычайно важное военно-стратегическое положение страны в ЮВА. Бывший посол США в Сайгоне Лодж в 1965 году заявил: «Тот, кто держит в своих руках Вьетнам, имеет возможность определять будущее Филиппин и Тайваня - на востоке, Таиланда и Бирмы с их обилием риса - на западе, Малайзии и Индонезии с их каучуком и оловом - на юге».

Один из инициаторов развязывания этого военного конфликта, американский генерал Тейлор, впоследствии посол США в Южном Вьетнаме, заявил: «Мы даем в этом районе бой мировой социалистической системе, и национально-освободительному движению - особенно. Если мы свернем шею вьетнамцам, мы свернем шею национально-освободительному движению и припугнем малые страны».

Война во Вьетнаме начиналась как война гражданская. Поддерживая марионеточный сайгонский режим, США исчерпали все косвенные пути его поддержки и организовали прямое военное вторжение в Южный Вьетнам. Советский Союз по просьбе Правительства ДРВ начал оказывать всестороннюю помощь и поддержку ДРВ - политическую, экономическую и военную.

США начали проникать в Индокитай еще тогда, когда там господствовали французы. В период первой войны Сопrotивления 1946-1954 годов США, при президенте Трумэне, помогали французским колонизаторам огромными финансовыми средствами. При президенте Эйзенхауэре вмешательство приобрело более определенные формы: США полностью заменили Францию, взяв на себя непосредственную роль в расширении агрессии.

В 1955 году в Сайгоне был создан марионеточный режим Нго Динь Дьема, который официально обратился к США с просьбой ввести войска. В 1962 году численность американских военнослужащих составила 5576 человек, а к октябрю 1963 года - уже 16,7 тысяч.

В 1963 году США расширили войну во Вьетнаме. Корабли 7 флота начали прямые военные провокации в Тонкинском заливе, которые 5 августа 1964 года переросли в бомбардировки американской военной авиацией береговых объектов на территории ДРВ.

В мае 1965 года США взяли на себя непосредственное ведение военных действий против Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, усилив прямое военное давление на ДРВ.

Началась Вторая война Сопrotивления вьетнамского народа - теперь уже против американского империализма.

В ответ на обращение руководства Северного Вьетнама к руководству Советского Союза, с просьбой о помощи в

отражении агрессии США, было принято решение Совета Министров СССР об оказании всесторонней помощи ДРВ.

На основании этого решения, в ДРВ создавалась Группа советских военных специалистов. Формирование Группы СВС началось с весны 1965 года на базе Московского и Бакинского округов ПВО. Первая группа СВС численностью около 100 человек прибыла во Вьетнам в апреле 1965 года. Сначала группу возглавлял старший военный специалист ЗРВ полковник А.М. Дзыза, а с сентября 1965 года старшим Группы СВС во Вьетнаме был назначен генерал-майор Г.А. Белов.

К концу 1966 года в составе первых четырех учебных центров находилось 786 СВС. В дальнейшем в состав Группы СВС вошли летчики, инженерно-технический состав, военные моряки, танкисты, медики. Менее чем за год советскими военными специалистами было обучено и подготовлено десять зенитно-ракетных полков (ЗРП), три радиотехнических полка (РТП) и два полка истребительной авиации (ИАП).

Обучение вьетнамских ракетчиков велось в форсированном режиме по принципу «делай как я». Несмотря на трудности и сложности подготовки, уже 24 июля 1965 года советскими расчетами были сбиты первые три американских самолета. Американцы были в шоке. Господство в воздухе и безнаказанность бомбардировок объектов ДРВ закончились.

Первые бои проводились советскими расчетами, а вьетнамские военнослужащие, участвуя во всех боях, были стажерами-дублёрами. В последующих боях все операции по подготовке пуска и наведения ракет выполняли вьетнамские расчеты, а советские ракетчики подстраховывали их, оперативно исправляя ошибки и устраняя возникшие неисправности. Во вступивших в строй ЗРП оставались небольшие группы СВС численностью 10-15 человек.

Важная роль при подготовке личного состава войск ВВС и ПВО Вьетнама отводилась также советским военным специалистам при военных учебных заведениях ДРВ. В учебных центрах в Советском Союзе только за 1966-1967 годы было подготовлено пять ЗРП общей численностью около 3000 человек.

Советские военные специалисты в ходе боевых действий, впервые встретившись с воздушным противником, сами

разрабатывали рекомендации и инструкции по стрельбе: по маневрирующим целям; по целям в условиях помех различного класса; при применении бомб с лазерной подсветкой; по борьбе с противоракетными средствами (ПРС) типа «Шрайк» («Стандартный Арм»); маскировке, инженерному оборудованию позиций и маневру ЗРК и другим вопросам организации и ведения противовоздушных и воздушных боев.

Для снижения потерь в летном составе американское командование с 1969 года стало более активно применять беспилотные летательные аппараты (БПЛА), которыми осуществлялась воздушная разведка всей территории ДРВ.

Эффективность боевых стрельб ЗРВ по БПЛА, в условиях активных помех и полетов их на предельно малых высотах, составила 15 ракет на одну уничтоженную цель. У командования войск ВВС и ПВО ВНА возникли определенные сомнения в боевых возможностях ЗРК С-75 по уничтожению целей данного типа.

Нужно было срочно на месте принимать меры по повышению эффективности ЗРК и восстановлению престижа советской боевой техники. С этой целью начальник штаба СВС ЗРВ полковник Антонов Е.М. (специалист при начальнике штаба ВВС и ПВО ВНА) в первый месяц своего пребывания провел тщательный анализ проведенных стрельб за 1969 год, выработал рекомендации по устранению выявленных недостатков в боевой работе ракетных комплексов ЗРВ.

Результаты анализа и соответствующие рекомендации были им доведены на специальных сборах старших специалистов зенитных ракетных полков в ноябре 1969 года. Ряд выявленных причин низкой эффективности ПВО отмечались и ранее. Однако очередная замена СВС, имеющих боевой опыт, на вновь прибывших, незнакомых с условиями ведения боевых действий в ДРВ, и в некоторых случаях недостаточная требовательность к вьетнамским боевым расчетам ЗРДн в определенной степени снизили результативность стрельб. Кроме того, воздушный противник стал применять новые тактические приемы при преодолении боевой зоны ЗРВ.

После проведения указанных сборов СВС в Ханое было проведено большое количество занятий по проведению стрельб по маловысотным целям в сложных условиях и другим наиболее актуальным вопросам теории стрельбы ЗУР. Полковниками Гуде В.А. и Антоновым Е.М. были подготовлены и проведены занятия с командованием войсками ВВС и ПВО Вьетнамской народной армии.

Результаты проведенных мероприятий по повышению эффективности ЗРВ стали сказываться в ближайшем времени. 20 БПЛА были уничтожены с эффективностью до 8 ЗУР на одну сбитую цель, а один стратегический бомбардировщик В-52 был уничтожен на фоне активных помех вдогон (впервые за всю войну во Вьетнаме).

При определении поставляемого вооружения и военной техники (ВВТ), ЗИП, комплектующих элементов, использовался накопленный в наших войсках опыт эксплуатации материальной части в различных климатических условиях СССР. Главный штаб Войск ПВО страны, ИРС (инженерно-ракетная служба) ЗРВ, РТВ (радиотехнические войска) Войск ПВО страны постоянно поддерживали связь с Группой СВС в ДРВ по вопросам эксплуатации и боевого применения ЗРК, РЛК (радиолокационный комплекс).

Следует отметить работу представителей оборонной промышленности по восстановлению поврежденной техники и её модернизации. Более семи лет бригаду промышленников возглавлял Иван Петрович Шавкун. Его труд был по достоинству отмечен высокими наградами СССР, а Президент ДРВ наградил Ивана Петровича орденом «Боевой Подвиг» всех трех степеней. Он был единственным полным кавалером этого ордена в Советском Союзе.

Серьезное внимание к бесперебойному обеспечению ВНА вооружением и военной техникой, ее качеству и отбору уделяло 4-е ГУМО и лично начальник 1-го Управления генерал-лейтенант М.И. Воробьев, неоднократно выезжавший во Вьетнам с группой представителей промышленности и специалистов 4-го ГУМО. Заслуги Марка Ивановича также отмечены наградами СССР и ДРВ.

Главный штаб Войск ПВО страны оказывал действенную помощь СВС, для чего в разные периоды боевых действий в ДРВ командировались группы генералов и офицеров. Боевой

опыт изучался в войсках ПВО страны. Приказом главкома Войск ПВО страны была создана комиссия во главе с заместителем командующего ЗРВ генерал-лейтенантом С.Ф. Вихорем. Вносились изменения в нормативные документы, техника в СССР проходила модернизацию.

Большой вклад в становление ПВО ДРВ внесли главнокомандующий Войсками ПВО страны Маршал Советского Союза П.Ф. Батицкий (неоднократно посещал Вьетнам), начальник Главного штаба генерал-полковник В.Д. Созинов, генералы Ф.М. Бондаренко, С.Ф. Вихорь, А.К. Ваньков.

С 11 июля 1965 года по 31 декабря 1974 года в войне во Вьетнаме приняли участие 6359 генералов и офицеров и около 4,5 тыс. солдат и сержантов Советских Вооруженных Сил.

Завершающий этап агрессии США во Вьетнаме

В 1972 году обстановка во Вьетнаме резко обострилась.

30 марта 1972 года войска НФО Южного Вьетнама и ДРВ перешли в Южном Вьетнаме в наступление на трех направлениях: с севера, в центре и на юге и на первых порах добились значительных успехов. Американцы ответили расширением сферы действий своей авиации, распространив ее на всю территорию Вьетнама.

15 апреля была осуществлена морская (минная) блокада ДРВ. В порту Хайфона было заблокировано 18 кораблей, в том числе 10 советских. Положение патриотических сил осложнилось. Им не удалось парализовать сайгонский режим, свергнуть его и создать в Южном Вьетнаме народно-революционное правительство. Были допущены просчеты: всеобщего восстания не произошло; сайгонская армия с помощью авиации американцев оказала серьезное сопротивление; президент Никсон (накануне выборов) пошел на эскалацию войны. С июня военные действия в Южном Вьетнаме приобрели затяжной характер. Имея определенные успехи и стремясь закрепить их дипломатическим путем, руководство ДРВ и РЮВ выступило с новой мирной инициативой.

В Париже возобновились переговоры. Была проделана большая работа с обеих сторон. Проект соглашения был готов,

но подписание затягивалось. США, используя передышку, усилили помощь сайгонскому режиму, поставив около 600 самолетов и вертолетов, более 10 тысяч тонн различного снаряжения. На заключительном этапе переговоров американцы внесли ряд поправок, которые оказались неприемлемыми для представителей ДРВ и НФО ЮВ. 13 декабря США прервали переговоры, пообещав наказать ДРВ и заставить вьетнамское правительство подписать соглашение на своих условиях.

Воздушная война США против ДРВ вступила в новую фазу. Американцы бросили против Вьетнама практически все имевшиеся в их распоряжении в Юго-Восточной Азии ВВС и ВМС. Боевые действия американских ВВС в декабре 1972 года стали кульминационным моментом всей воздушной войны США против ДРВ.

По замыслу военно-политического руководства США, интенсивные массированные бомбардировки столицы ДРВ города Ханоя и других городов центральных провинций должны были нарушить управление страной, подорвать моральный дух вьетнамского народа, сломить его волю к сопротивлению и тем самым заставить руководство ДРВ пойти на подписание соглашения на выгодных для США условиях. Одновременно решалась задача дальнейшего разрушения военных и экономических объектов, коммуникаций, подавления системы ПВО.

Для решения поставленных задач и достижения основной политической цели американское командование на ТВД с 18 по 30 декабря 1972 года провело тщательно спланированную, наступательную воздушную операцию с привлечением всей авиации: СА (стратегической), ТА (тактической) и ПА (палубной). Всего в операции было задействовано более 800 боевых самолетов, в том числе 83 - стратегических В-52, 36 - тактических F-111, 54 - палубных А-7Д, дислоцировавшихся на ТВД. Для обеспечения воздушной операции привлекалась часть сил 7 флота. Нанесение одиночных (групповых) ударов и ведение разрозненных боевых действий были заменены на массированное применение всех родов авиации по единому плану и замыслу, под единым командованием, с четким

распределением их усилий по задачам, районам базирования и времени.

Воздушная операция проводилась с учетом накопленного боевого опыта, с использованием новых взглядов в оперативном искусстве и тактике, в управлении и обеспечении войск. Она явилась очередным и самым мощным испытанием нового оружия, новых приемов и способов ведения боевых действий.

Основу замысла операции составляло:

- завоевание, уже в первые часы ее проведения, абсолютного господства в воздушном пространстве ДРВ путем нанесения ударов по аэродромам, их блокирования с воздуха, подавления средств ПВО;

- нанесение массированных ударов по главному объекту ДРВ - городу Ханюю, а также по порту Хайфон, административно-промышленным объектам и коммуникациям центральных провинций ДРВ, с выделением значительных сил для обеспечения ударных групп, обстрел прибрежных объектов и коммуникаций корабельной артиллерией 7 флота;

- непрерывность воздействия по объектам (удары наносились днем и ночью).

Операция проводилась в два этапа: первый - 18-24 декабря, второй - 26-30 декабря. В день католического Рождества, 25 декабря, полетов американской авиации над территорией ДРВ не отмечено.

На первом этапе проводилось по два-три массированных налета СА ночью, в промежутках действовали новейшие истребители-бомбардировщики F-111, днем массированные налеты осуществляла 4 ТА и ПА. На втором этапе СА проводила один-два массированных налета. Сокращение количества налетов компенсировалось увеличением количества самолетов в налете с 26 до 72, плотности с 0,2 до 1,25 сам./мин, вместо одного, два-три направления полета.

Основные операционные направления - западное и юго-восточное. В ходе операции совершено 34 массированных налета. 2814 самолетовылетов (ночью - 1910), среднесуточная интенсивность - 234 (ночью -151).

Роль главной ударной силы выполняла стратегическая авиация. Составляя основу массированных ударов ВВС, она впервые применялась в таком большом количестве.

Построение удара.

Первая группа самолетов F-4 выполняла постановку пассивных помех (ПП) и блокирования аэродромов, шла впереди ударных групп самолетов B-52 за 15 минут на высоте 6-7 километров.

Вторая группа из 4-6 самолетов F-105, вооружённые ПРС «Шрайк» и «Стандартный АРМ», выявляла и подавляла средства ПВО, шла за 1-2 минуты до подлета ударных групп к объекту бомбардировки на высоте 3-4 километров.

Третья группа из 2-4 самолетов F-4 осуществляла непосредственное прикрытие ударных групп отряда самолётов B-52, шла на высоте 8-9 километров.

Четвертая группа в составе трех B-52 наносила бомбовые удары.

Тактическая и палубная авиация обеспечивала боевые действия (60%), наносила удары (36%), вела разведку (4%).

Общее управление осуществлял оперативный центр управления (ОЦУ) в Таиланде, боевыми действиями — ОЦУБД в Сайгоне, непосредственное - воздушный командный пункт (ВКП).

Обеспечение включало: разведку, радиоэлектронное подавление, непосредственное прикрытие ударных групп и огневую поддержку корабельной артиллерией.

Для войск ВВС и ПВО ВНА воздушная операция, проводимая ВВС США, не была неожиданной ни в стратегическом, ни в тактическом плане. До ее начала был проведен ряд мероприятий: уточнена группировка войск; усовершенствованы инженерное оборудование позиций и их маскировка; части и подразделения прошли боевую практику в 4-й военной зоне и т. д.

Подготовка, организация и ведение боевых действий проводились в соответствии с основными положениями доктрины народной войны: активно уничтожать вражеские силы, беречь и укреплять свои; малыми силами побеждать численно превосходящего противника; сочетать партизанскую войну с обычной, боевые действия регулярной армии с боевыми действиями местных войск и ополчения. Отсюда и задачи ЗРВ, ЗА и ИА - уничтожить противника, сохраняя свои силы.

На 18 декабря имелось в готовности к выполнению боевой задачи 62% ЗРДн, 64% боеготовых ракет, 38% истребителей, около 9% летчиков (ночь, СМИ), 25% боеготовых аэродромов маневра.

Оценка обстановки командованием ВВС и ПВО оказалась правильной.

16 декабря мы были предупреждены о возможности нанесения ударов. 17 декабря стало точно известно время первого налета.

Командующий ВВС и ПВО старший полковник Ле Ван Чи собрал на ЦКП всех командиров дивизий и полков и поставил перед ними боевую задачу. Для ЗРВ и ЗА основное - уничтожение ударных самолетов В-52. Таким образом, главное - не оборона объекта, а сбить самолет. ИА - действовать только дежурными силами.

За 11 суток был уничтожен 81 самолет (из них 34 самолёта В-52 и 3 самолета F-111). ЗРВ ПВО ДРВ отразили 25 массированных ударов, провели 181 стрельбу, израсходовали 321 ракету (6 ракет на сбитый самолет), сбили 54 самолета (в том числе 31 самолёт В-52).

По самолетам В-52 проведено 135 стрельб, израсходовано 224 ракеты, сбит 31 В-52, т.е. 90% от общего числа сбитых в этот период В-52 (эффективность 0,23; 7,9 ракеты на сбитый самолет).

По самолетам ТА и ПА - 46 стрельб, расход - 77 ракет, сбито 23 самолета (эффективность 0,5, расход 3,3 ракеты).

Приведу результат двух боёв Ханойской дивизии ПВО: 19 декабря с 4.40 до 5.46 и 26 декабря с 22.45 до 23.40.

19 декабря: налёт - с одного направления, плотность - 0,6 сам./мин. Проведено 19 стрельб, израсходовано 35 ракет, сбит один В-52.

26 декабря: налет - с трех направлений в полосе 10-15 километров каждый, плотность - 1,5 сам./мин. Проведено 24 стрельбы, израсходовано 45 ракет, уничтожено шесть самолетов В-52.

Несмотря на более сложные условия стрельб, 26 декабря результаты были выше. При отражении налета 19 декабря сказалось отсутствие опыта боевой работы при отражении массированного налета в условиях сильных помех СНР, неумелое использование активного и пассивного режимов

работы СНР, ограничение расхода ракет (из-за малого запаса), ошибки в опознавании целей - 5 стрельб (почти 20%) проведено по самолетам ТА.

Потери ЗРВ были незначительны. По позициям ЗРДн было нанесено 10 ударов, из них 4 - без потери боеготовности (оставленные позиции или ложные), один после удара «Шрайка» полностью потерял боеготовность и техника восстановлению не подлежала; в остальных пяти дивизионах техника повреждена частично и была восстановлена за 12-15 суток.

Зенитно-ракетные войска получили звание «Героические».

Зенитная артиллерия в борьбе с маловысотными целями, на обороне стартовых позиций ЗРВ, аэродромов и мостов сбила 20 самолетов (24%), из них один В-52 и три F-111.

Истребительная авиация (ИА) провела 10 воздушных боев, сбила 7 самолетов, из них - два В-52 (7%), потеряла три самолета в воздушных боях.

РТВ в основном обеспечили информацией о воздушной обстановке войска и население. Обнаружили и провели 2875 самолетов (239 в сутки). Потери - одна РЛС. Следует отметить успешную работу в условиях сильных помех фланговых (опорных) радиолокационных рот.

В целом следует признать боевые действия войск ВВС и ПВО ВНА успешными. Это можно подтвердить примерами. Во Второй мировой войне на 1000 самолетовылетов американская авиация теряла 9 самолетов, в Корее - 4, ранее в ДРВ - 17, а в декабре 1972 года - 34. Единоборство выиграла ПВО Вьетнама.

Успех вьетнамских зенитчиков, лётчиков и локаторщиков, бесспорно, явился следствием их хорошей выучки и высокого боевого мастерства, а также результатом плодотворной работы Советских военных специалистов. По этому поводу Министр национальной обороны ДРВ генерал армии Во Нгуен Зиап 7 февраля 1973 года в городе Ханое при подведении итогов войны сказал на встрече с делегацией СССР и руководством Группы СВС: «Если бы не было Ханойской победы ЗРВ над В-52, то переговоры в Париже затянулись бы, и Соглашение не было подписано. Другими словами, победа ЗРВ есть и политическая победа».

30 декабря 1972 года, понеся тяжелые потери, США отказались от продолжения операции, так и не достигнув политической цели. Переговоры в Париже были возобновлены, и уже 27 января 1973 года состоялось подписание Соглашения «О прекращении войны и установлении мира во Вьетнаме».

В соответствии с Соглашением все акты применения силы на суше, в воздухе и на море были запрещены и стороны брали на себя обязательства, в том числе:

1. США - прекращают военные действия в Южном Вьетнаме;

- прекращают бомбардировки объектов ДРВ;
- в двухмесячный срок выводят свои войска из Южного Вьетнама;
- разминируют внутренние фарватеры в территориальных водах ДРВ.

2. ДРВ и ВРП РЮВ передают США в двухмесячный срок всех пленных американцев.

3. В течение года, с 28 января 1973 года по 28 января 1974 года, ВРП РЮВ и сайгонская администрация обмениваются пленными.

Для Вьетнама, по оценке самих вьетнамцев, декабрьская победа при отражении стратегической воздушной операции США «Лайнбеккер-2» была «воздушным Сталинградом».

По случаю Победы 1 мая 1973 года в городе Ханое, на площади Ба Динь состоялся грандиозный парад и демонстрация трудящихся ДРВ. Парадом командовал генерал Фунг Тхе Тай. Парад принимал министр обороны генерал армии Во Нгуен Зиап, легендарный военачальник, создатель ВНА.

В истории ДРВ это был третий парад. Первый состоялся 26 августа 1945 года по случаю Победы Августовской революции с провозглашением государства ДРВ. Второй – 1 января 1955 года по случаю Победы над французами под Дьенбьенфу и завершении французской оккупации.

По площади торжественным маршем прошли солдаты и офицеры ВНА, неся Знамя, врученное президентом ДРВ Хо Ши Мином, которое было водружено на КП французского гарнизона Дьенбьенфу.

Вывод американских войск из Южного Вьетнама ознаменовал конец оккупации вьетнамской территории иностранными государствами, которая продолжалась около ста лет.

Революционная власть в освобожденных районах Южного Вьетнама окрепла. И уже 30 апреля 1975 года Сайгон был освобожден от марионеточного режима, а 2 июля 1976 года произошло воссоединение Юга и Севера Вьетнама в единое государство - Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ).

Так восторжествовала справедливость на земле Вьетнама.

Победа вьетнамского народа при отражении агрессии США стала возможной благодаря помощи нашей страны Вьетнаму.

Главный вклад в победу Вьетнама внесли советские военные специалисты, мужественно и самоотверженно выполнявшие свой воинский долг при оказании интернациональной помощи вьетнамскому народу. По данным ГОУ Генерального штаба ВС СССР, с 11 июля 1965 года по 31 декабря 1974 года в боевых действиях во Вьетнаме приняли участие 6359 офицеров и генералов и более 4,5 тысяч солдат и сержантов советских Вооруженных Сил. Потери за этот период составили 13 человек, из них 4 - на боевых позициях.

За боевые действия во Вьетнаме 2190 военнослужащих были награждены государственными наградами СССР и более 3 тысяч советских военных специалистов награждены орденами и медалями Демократической Республики Вьетнам.

Чрезвычайный и Полномочный посол Советского Союза в ДРВ Илья Сергеевич Щербаков в феврале 1973 года оценил труд СВС так: «Советские военные специалисты блестяще выполнили свою задачу. Своим ратным трудом они создали возможность и проторили дорогу к установлению хороших дипломатических отношений с ДРВ -форпостом социализма в ЮВА. Теперь должны работать экономические связи...»

В конце 1973 года по просьбе вьетнамской стороны мы начали готовить боевые уставы для войск ВВС и ПВО ВНА и родов войск. Из Союза прибыла группа офицеров (8 человек) из академии Войск ПВО страны и училищ. Совместно с аппаратом старшего Группы работа продолжалась в течение нескольких месяцев. Была оказана помощь вьетнамцам в выборе места, структуры и в создании макета академии.

Продолжалась модернизация и ремонт ВВТ. Так что работы хватало.

Опыт организации и ведения боевых действий войсками ПВО и ВВС ВНА был глубоко изучен. Выводы и предложения советских военных специалистов, академии Войск ПВО страны имени Маршала Советского Союза Жукова Г.К., Главного штаба Войск ПВО страны, родов войск ПВО страны были узаконены нормативными документами: «Основы боевого применения ВС», «Боевым уставом Войск ПВО страны» и уставом родов войск, «Правилами стрельбы», Руководством по эксплуатации В и ВТ, инструкциями, которые на практике были внедрены в боевую и оперативную подготовку Войск ПВО страны.

В 1976 году, на основе анализа декабрьских боёв 1972 года войск ПВО и ВВС ВНА по отражению стратегической воздушной операции «Лайнбеккер-2» американской авиации, я защитил диссертацию.

В 1973-1974 годах в ДРВ с разными задачами военно-технического сотрудничества работали несколько делегаций из Советского Союза.

Так, в феврале 1973 года, делегация во главе с начальником ГИУ ГКЭС генералом М. Сергейчиком изучала вопросы оказания помощи ВНА в восстановлении техники и её модернизации, а также доставке в СССР трофейной американской техники. Через год работала группа генералов и офицеров 10-го главного управления Генштаба во главе с генералом Винтиловым по проверке работы СВС, которая была оценена положительно.

С 21 по 28 декабря 1974 года ДРВ посетила военная делегация Советского Союза во главе с начальником Генштаба ВС СССР генералом армии В.Г. Куликовым. Делегация участвовала в праздновании 30-летия ВНА.

Делегация такого уровня посещала ДРВ впервые. Переговоры с генералом Куликовым вели члены ПБ ПТВ министр обороны ДРВ генерал армии Во Нгуен Зиап и начальник Генштаба ВНА генерал армии Ван Тиен Зунг. Работа делегации широко освещалась СМИ и имела исключительно положительный резонанс. Результатом работы делегации явилось дальнейшее укрепление дружбы между

СССР и ДРВ, развитие военно-технического сотрудничества между нашими странами и вооруженными силами.

Статус «советский военный специалист» был заменен на «советский военный советник», вместо старшего Группы СВС была введена должность Главного военного советника при министре обороны ДРВ. Генерал Куликов В.Г. поблагодарил нас за хорошую службу.

Командировка моя закончилась 15 декабря 1974 года, но в связи с визитом в ДРВ начальника Генштаба ВС СССР мой отъезд в Москву был перенесен на январь 1975 года.

9 января 1975 года мы улетали на Родину. По случаю окончания моей службы в ДРВ были организованы дружеские приемы у посла СССР, начальника Генштаба ВНА, командующего ВВС и ПВО, прощальные семейные вечера с нашими специалистами и вьетнамскими друзьями.

Прощаясь с коллективами СВС, дипкорпуса, военного атташе, вьетнамскими товарищами, мы оставляли часть своего сердца на многострадальной земле Вьетнама. Проводы на аэродроме были такими же добрыми и сердечными.

Мы покидали Вьетнам с чувством честно исполненного интернационального долга. Это чувство нас не покидает и сегодня.

Лично для меня пребывание во Вьетнаме было большой жизненной школой как профессионала-военного, так и гражданина великого Советского Союза. Я с гордостью и достоинством ношу звание воина-интернационалиста.

После завершения спецкомандировки я служил в Войсках противовоздушной обороны страны. Приобретённый боевой опыт войны во Вьетнаме был использован мною в дальнейшей службе на различных командных должностях:

- заместителя командующего ЗРВ Войск ПВО страны в 1975-1977 годах;
- командующего 4-й ОА ПВО (Свердловск) в 1977-1981 годах;
- командующего ЗРВ Войск ПВЛ страны в 1981-1985 годах;
- начальника Военной командной академии Войск ПВО страны в 1985-1991 годах;

В 1984 году мне присвоили очередное воинское звание генерал-полковника.

В 1989 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Проблемы зенитной ракетной обороны страны и пути их разрешения». Стал доктором военных наук. В том же году мне было присвоено ученое звание профессора по кафедре ЗРВ.

За время службы в рядах Советской армии награждён орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды (1968), «За службу Родине в СССР» 2-й и 3-й степени и 29 медалями.

За выполнение интернационального долга награждён орденом Красного Знамени (СССР), орденом «Боевой подвиг» 1-й степени, орденом Дружбы (2010) и медалью «За боевую солидарность в победе над американцами» (ДРВ).

Моя служба в Советской Армии закончилась в ноябре 1991 года. В 1994 году с группой товарищей создали «Союз ветеранов Войск ПВО страны». В ноябре 1995 года избран Председателем Союза, ставшего юридическим лицом.

В настоящее время я работаю в должности председателя Объединённого Совета ветеранов Войск ПВО, избран членом Президиума РКВВ и ВС и правления Общества Российско-Вьетнамской дружбы.

С 1990 года являюсь членом президиума Совета ветеранов во Вьетнаме.

Член Координационного Совета межрегиональной общественной организации воинов-интернационалистов.

Заместитель председателя Совета Московской областной организации ветеранов войны и военной службы.

Член Вневедомственного экспертного совета по проблемам ВКО страны.

27 октября 1999 года мне присвоено учёное звание «Почётный профессор» РАЕН по отделению военной истории, культуры и права.

5 января 2004 года избран действительным академиком и профессором академии «Проблем безопасности, обороны и правопорядка».

Почётный профессор МАЭН (2006), действительный член Академии военных наук (2008).

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Егошин Евгений Олегович**, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Цыганкин Дмитрий Васильевич

Путь звукометриста по траншеям смерти

Я родился 22 октября 1925 года в селе Мокшалай Мокшалайской волости Саранского уезда Пензенской губернии. По национальности – эрзя. Атеист. Раньше состоял в КПСС, сейчас – беспартийный.

В 1940 году окончил семь классов Мокшалайской неполной средней школы и поступил учиться в Большемаресьевскую среднюю школу.

Было июньское утро 1941 года. Мой отец Василий Потапович сказал мне: «Митя, запрягай лошадь и вези два мешка зерна в Пингелей». Там находилась водяная мельница. Я на лошади добрался до мельницы, перемолол зерно (1 мешок ржи и 1 мешок пшеницы) и, с чувством выполненного долга перед отцом, около 16 часов возвратился в село. Подъезжая к дому, увидел мать: «Митя! Война».

Первое ощущение молодого парня в возрасте 15 лет, что это ненадолго, в мое сознание со школьных лет было заложено представление, что Красная Армия непобедима.

Прошел день, за ним второй. Из нашего села один за другим уходили на войну по призыву военкомата мужчины до 45 лет. В эти же дни военкомат для нужд фронта забрал несколько хороших лошадей и единственную машину – полупортку, которую в этом году колхоз получил в качестве награды за достижения в сельхозпроизводстве.

К 1941 году жители нашего села, пройдя испытание голодом и завершив борьбу с религиозными предрассудками, психологически и хозяйственно успокоились, сельская жизнь наладилась, колхозники стали получать за свои трудодни необходимое количества зерна (ржи, пшеницы, проса, ячменя и т.д.). Рождаемость в селе в эти предвоенные годы, и особенно в 1941 году, была очень высокая, у многих жителей было от 3 до 10 детей. Поэтому в школе во втором классе мокшалайской школы было 4 группы в каждой по 30 учеников.

В начале 1943 года мы стали получать повестки из военкомата о призыве в Красную Армию. Я эту повестку получил 14 января.

До сих пор помню плачь родителей, когда они узнали об этом. В доме собрались родственники и устроили проводы, собрали в мешок сухари, шерстяные носки, перчатки и лапти, в которые мать незаметно положила бумажку с молитвой. Удрученное состояние моих проводов усугублялось еще и тем, что почти каждый день кто-то из жителей села получал похоронку о гибели сына или отца. В эти же дни моя старшая сестра получила похоронку на мужа, Балькова Николая Игнатьевича, через некоторое время похоронку на мужа, Парчайкина Григория, получила другая сестра Настя. Затем пришло известие о том, что мой двоюродный брат, Цыганкин Егор Ильич, пропал без вести и до сих пор о его судьбе ничего неизвестно.

На второй день отец запряг лошадь в сани-розвальни, одел меня в тулуп и повез в Красную Армию – в Чамзинский военкомат. Мы опоздали. Группа призывников была уже отправлена в Рузаевку. Нас временно отпустили обратно в Мокшалай. Через месяц, 15 февраля, снова проводы, снова плачь родителей, снова дорога и Чамзинский военкомат. Оттуда вечером на поезде повезли в Рузаевку.

Поднимаясь со станции в сторону рузаевского военкомата, я вдруг ощутил, что мой мешок за плечами опустел. Я оглянулся, а рузаевская шпана уже подбирает еду, остались только лапти.

Из рузаевского военкомата нас, призывников, примерно 20 человек, во главе с капитаном, привезли на поезде в Саранск на сборный пункт, который располагался в

одноэтажном деревянном длинном здании на углу улицы Московской и Республиканской, где в настоящее время расположен республиканский военный комиссариат. Внутри этого здания были двухъярусные нары, мне досталось место наверху.

Объявили отбой, утром встал - нет моих валенок с галошами, а лапти опять не тронули. Два дня ходил я в лаптях, и ребята начали называть меня - мордвин в лаптях. Срочно связался с сестрой, которая училась в медицинском училище в городе Саранске, и попросил, чтобы отец привез мне валенки. Через день я снова ходил в валенках.

Отсюда мы были отправлены в город Лобня Московской области, куда были мобилизованы молодые люди моего возраста, в основном 1925 года рождения, имевшие среднее образование или обучавшиеся в 10 или 9 классах.

В Лобне, после бани, нас одели в зимнее обмундирование, через день погрузили в эшелон и отправили в город Красный под Смоленском. Через 2-3 дня наш эшелон отправили обратно в сторону Москвы, и снова мы оказались в Лобне.

Как нам потом стало известно, был приказ, по которому без обучения военному делу молодые солдаты (17-18 лет) никакой пользы фронту не принесут. В Лобне весь наш эшелон построили на плацу около казарм и офицеры из разных военных училищ стали набирать себе курсантов. Меня один капитан выбрал в школу артиллерийской инструментальной разведки.

Школа звукометрии располагалась на окраине города Бронницы в трехэтажном деревянном здании, недалеко от речки Бронница. Недалеко от расположения нашей части в бараках были размещены пленные итальянцы. Пленные могли свободно разгуливать вдоль речки, стирать свои белье и сушить его на солнце.

В марте 1943 года стал курсантом школы младших командиров артиллерийской инструментальной разведки (город Ногинск, затем город Бронницы).

Курсанты топографы и метеорологи размещались в главном корпусе в центре города, где была столовая. Звукометристы жили в другом здании, поэтому в отдельных бочонках привозили завтраки, обеды и ужины из столовой к себе в корпус.

С августа и до начала ноября вся школа была переведена в город Ногинск. Причины переезда в этот город мне до сих пор не известны. Во время пребывания в Ногинске мне хорошо запомнился процесс засолки квашеной капусты в огромных бетонированных емкостях.

Привозили капусту, очищали, размельчали и сваливали в эти емкости. Мы, группа курсантов, надевали бахилы, спускались в эти емкости и трамбовали содержимое. Так происходила заготовка капусты на зиму.

После окончания школы все мы были отправлены в Саранск, где формировался отдельный разведывательный артиллерийский дивизион – звукометристы, топографы и метеорологи.

В конце декабря 1943 года из Красных казарм города Саранска по улице Московской в 6 часов утра мы, в составе звукометрической батареи 9-го запасного разведывательного полка, отправились на железнодорожную станцию города Саранска для отправки на Западный фронт. До сих пор мне не забыть шум шагов солдат, которые отдавались утренним эхом по улице.

На станции мы услышали, что один из вагонов загружен солью. Соль в то время была огромной ценностью, и мы, конечно, пустили в ход котелки, и после нескольких заходов в углу каждого из вагонов образовались кучи соли. До Смоленска, на каждой из остановок, мы обменивали соль на пирожки, хлеб, соленые огурцы и вареную картошку.

Через 10-12 дней мы оказались в районе Смоленска в небольшом городке под названием Красный. В Красном наша батарея получила 7 машин ГАЗ-АА (полуторка). Замечательная машина. Она ни разу не подвела нас в течение всего боевого пути батареи. На этих машинах мы выдвинулись под Оршу, на один из оборонительных участков наших частей.

Прибыв туда в январе 1944 года, наша батарея, вместе с другими батареями дивизиона, вошла в состав 570-го корпусного артиллерийского полка. В то время Витебск и Орша немецко-фашистскими войсками были превращены в укрепленные узлы обороны. Как нам об этом тогда говорил заместитель командира по политчасти, на этом направлении немцами был создан оборонительный рубеж глубиной 20-45

километров. Немцы дали этому оборонительному рубежу условное название «Пантера».

Место дислокации нашей батареи - открытое зимнее поле. Здесь командир батареи капитан Мороз вместе с начальниками звукометрических постов провели рекогносцировку местности с целью определения места расположения звукометрических постов и предупредительного пункта.

Определив такое место, командир батареи приказал развернуть звукометрические базы, центральный пост и предупредительный пункт. Мы расположили звукометрические посты, оборудованные звукоприемниками, полукругом, каждый пост на расстоянии 600-700 метров от другого. Таким образом, все шесть постов образовывали полукруг протяженностью около 5 километров.

Каждый звукометрический пост находился в «землянке», где должны были размещаться 3-4 человека. Звукометрические посты размещались на расстоянии 4-5 км от переднего края линии фронта, а пост предупреждения был выдвинут к переднему краю. От поста предупреждения до центральной станции была проложена двухпроводная линия связи. Боец должен был заметить вспышки от оружейных залпов вражеских орудий и тут же нажать кнопку на своем приборе, который являлся основным компонентом для предупредительного поста, и тем самым запустить механизм регистрирующего прибора (осциллографа), который находился на центральном посту.

В состав центрального поста входили три дешифровщика, три вычислителя, дежурный офицер, начальник штаба и командир батареи. Кроме прямых обязанностей вычислителя и дешифровщика, они всегда должны были быть готовы пройти вдоль линии связи, в случае повреждения провода, найти обрыв и исправить.

Каждый из звукометрических постов соединялся проводной связью с регистрирующим прибором, в котором на ленте отображались колебания акустических волн от выстрела, преобразованные в электрические сигналы. Состав звукометрических постов состоял из 4 младших сержанта.

Погрешность засечки орудий противника обычно составляла 10-15 метров. Не всегда удавалось нашим

артиллеристам подавить вражеские орудия, которые мы засекли. Мы сравнивали результаты работы артиллеристов по шаблонам лент ранее засеченных целей. Если новая лента показывала те же колебания волн, которые были ранее уже засечены, то это означало, что вражеское орудие не было уничтожено. Таких случаев было мало, обычно по нашим данным артиллеристы всей мощью батареи тут же уничтожали цель.

Под Оршей наши войска в обороне находились около 5 месяцев. За это время наша батарея засекла много огневых позиций вражеских орудий, которые в последующее время на поле боя не были обнаружены, как об этом можно было судить по результатам сравнения шаблонов лент.

Часто, при артиллерийских налетах на наши позиции, нарушалась связь между звукометрическими постами и центральной станцией. В этих случаях, по приказу дежурного офицера, вычислитель или дешифровщик взваливал на себя катушку, брал в руки провод и, по-пластунски, ощупывая каждый метр, искал место, где случился обрыв линии связи.

Я был вычислителем-дешифровщиком. Вместе с товарищами мы начали устраивать центральную станцию, где главным объектом являлся ленточный осциллограф, а также находился штаб батареи. Вырыли и оборудовали землянку 3x4 метра с накатами для центральной станции и штаба, землянку для звукометристов, вычислителей, телефонистов и землянку для офицеров, соорудили места укрытия для машин.

В первый же день наша батарея потеряла три человека. Нас отправили срубить высокое дерево, находящееся на возвышенности, в 600-700 метрах от нашего места расположения. Командир батареи приказал срубить данное дерево для наката землянок, этот приказ должны были выполнить я и три младших сержанта.

Так получилось, что я шел в небольшом отдалении от группы. Как только группа подошла к дереву, раздался залп с немецкой стороны. Как потом мы выяснили, это дерево являлось репером для немецких артиллерийских батарей. Репер - это точка на местности, используемая для пристрелки артиллерийских орудий. Репера использовались для переноса огня на реальные цели без их предварительной пристрелки.

Нам по-прежнему необходимо было достать бревна для наката. В трех километрах от расположения батареи виднелся лес, туда на двух машинах мы отправились для того, чтобы привезти подходящие деревья. Когда мы ехали туда, со всех сторон были слышны разрывы немецких снарядов. Мы спилили деревья, погрузили их на машины и доставили к месту расположения.

В феврале 1944 года нас направили на 3-й Белорусский фронт в 680-й артиллерийский полк.

Недалеко от нашего полка находилась тыловая часть нашей дивизии. Там были пекарня, прачечная, различного рода мастерские (сапожные и портняжные), склады горючего, оборудования и обмундирования.

В один из февральских дней я и еще три человека из нашей батареи были командированы на 15 дней в распоряжение командира тыловой части. Я был направлен в сапожную мастерскую, мой товарищ Ковалевский работал в хлебопекарне, а Рябцев занимался заготовкой дров.

Зайдя в сапожную мастерскую, я увидел огромную гору солдатских изношенных ботинок и сапог. Ко мне подошел старший из сапожников и говорит: «Садись сюда и отбирай, какой сапог или ботинок изрядно изношен и не подлежит ремонту, а какой на твой взгляд подлежит ремонту. И разложи всю обувь на две кучки». Эту работу я выполнял около 5 дней. Не подлежащую ремонту обувь через некоторое время отвезли в лес и сожгли.

На этом мое сапожное дело не завершилось. Старший, впоследствии я узнал, что его зовут Иван Антонович, мне сказал: «Я вижу, ты смысленный малый, я тебя научу сапожному делу». Мое обучение продолжалось около 10 дней, и в итоге я научился некоторым хитростям сапожного дела, которые мне очень пригодились в жизни.

Мой товарищ Ковалевский, который работал подсобным рабочим в пекарне, иногда выбрасывал через окно на снег буханочку хлеба. Хлеб был настолько горяч, что снег, на который он падал, подтаивал. Я незаметно подбирался к пекарне и забирал этот хлеб.

К концу февраля наше пребывание в тыловой части закончилось, снова начались будни звукометрической разведки - дежурства в качестве вычислителя на центральной

станции. Мы по 8 часов дежурили на центральном посту, в течение которых мы, вычислители и дешифровщики, постоянно находились в ожидании - когда заработает осциллограф. Дежурили посменно. Всего было три смены. После дежурства я шел в свою землянку спать на нарах.

Для отопления землянки мы установили «буржуйки», в виде железных бочек с выведенными наверх трубами. Дверьми нам служили армейские палатки, а для их утепления использовали армейские одеяла. Для освещения брали гильзы от снарядов 45-мм пушки, края гильзы прижимали друг к другу, протискивали внутрь отрезок ленты из ткани, наливали керосин, зажигали торчащий из гильзы конец ленты. Вместо кроватей делали земляную насыпь, на которую стелили шинели или еловые ветви, а при наличии солому. Следует особо сказать, что так мы оборудовали землянки, когда длительное время стояли в обороне.

Довольно часто мы питались только сухими пайками. Сухой паек состоял из сухарей, 100 грамм водки и мясных консервов. Но в основном была полевая кухня. Мои однополчане, которые курили, страдали от недостатка махорки. Те 100 грамм водки, которые им было положено, они старались поменять на махорку. Часто я свою порцию махорки менял на 100 грамм.

В один из апрельских дней 1944 года ранним утром я услышал голос командира взвода: «Цыганкин, на линию!» Это значило, что надо быстро взять провод в руки и бежать на устранение разрыва. Пробежав более 1,5 километров, я обнаружил разрыв провода. Другого конца провода не оказалось, пришлось пойти по кругу разрыва, внимательно осматривая землю. Найдя его, я устранил разрыв, используя провод с катушки.

Закончив работу и уже направляясь назад, я услышал свист снаряда, который разорвался примерно в 20 метрах меня. Один из осколков этого снаряда попал в катушку связи, которая находилась у меня на боку, и застрял в проводах.

Как только весной 1944 года снег начал сходить, стали видны осколки, которые прежде скрывал снежный покров. Земля была засеяна осколками так густо, что трудно было сделать шаг, не наступив на осколок.

Однажды я шел на устранение разрыва линии между центральной станцией и предупредительным пунктом. С предупредительного пункта навстречу мне бежал мой товарищ Денисенко, мы вместе устранили разрыв. В это время все было спокойно. Денисенко отправился обратно на пост, а я - на центральную станцию. И тут, со свистом и скрежетом, недалеко от меня разорвался снаряд. Я даже не успел упасть на землю, в мою пилотку ударило осколком, и она слетела с головы. Это был второй случай, когда я был на волоске от гибели.

За эти долгие месяцы в обороне наша батарея несла ощутимые потери. Казалось, конца этому не будет, но мы жили надеждой, что вот-вот начнется наступление наших войск. И вот долгожданный день наступил - 23 июня 1944 года. Весь фронт под Оршей и Витебском пришел в движение.

Неописуемый рев артиллерийских пушек, удары гаубиц и своеобразные звуки, издаваемые дивизионами гвардейских «катюш». Небо гудело – это свое победное дело делали бомбардировщики, штурмовики, пронзительно взывали в небе Яки и ЛаГГи. Эта военная симфония продолжалась в течение нескольких часов. После этого началось движение наших войск, несмотря на огромное сопротивление врага.

В июне-июле 1944 года я участвовал в освобождении городов Орша, Минск, Борисов, Витебск, в форсировании реки Неман, в боях в Августовском лесу (Польша).

Наша батарея артиллерийской инструментальной разведки была в составе 570-го корпусного артиллерийского полка Резерва Главного Командования, который, в свою очередь, входил в состав 11-й гвардейской армии (командующий К.Н. Галицкий).

В середине декабря 1944 года мы вышли на государственную границу с Восточной Пруссией.

Закончил воевать под Кёнигсбергом.

С января 1946 по апрель 1948 года служил в войсковой части № 62204 Белорусского военного округа (город Постава), а с апреля 1948 по июнь 1950 года – в войсковой части № 16447, дислоцировавшейся в городе Галле (Германия).

В июне 1950 года демобилизовался из рядов Советской Армии.

Награждён медалями «За отвагу» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1945 года), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года), «За взятие Кёнигсберга» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года).

Май 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказала помощь **Жидкова Ирина
Андреевна**, студентка 2-го курса
Историко-социологического института
Мордовского государственного универси-
тета имени Н.П. Огарева*

Шалаевский Матвей Рафаилович

Мне было поручено в эту же ночь агитировать немецких солдат сдаться

Я родился 12 декабря 1925 года в деревне Харино Бабушкинского района Вологодской области в семье колхозников. Русский по национальности. Исповедую православие. Состоял в комсомоле.

7 июля 1941 года на войну призвали отца. Он попал на Ленинградский фронт. Тогда мне было всего 15 лет. Однажды жительница нашей деревни принесла письмо, в котором говорилось: «Не ждите своего Рафаила, я видел, как его убило!» Написал деревенский наш, вместе с которым мой отец воевал на Ленинградском фронте.

Прошло 2 месяца, но никто из нас не хотел верить в гибель отца. Так и случилось. Медсестра из госпиталя написала письмо, в котором объясняла, что из-за контузии папа потерял память, поэтому не мог вспомнить свой адрес. В 1942 году его выписали из госпиталя, который находился в Кирове, и зимой он вернулся домой. Кроме контузии у него были тяжелые ранения, а ходить он теперь мог только на костылях. В это время я уже служил, а отец в деревне ждал своего сына.

4 января 1943 года меня призвали на воинскую службу.

От Бабушкинского райвоенкомата (Вологодская область) до Вологды путь составлял 300 километров. Это расстояние

мне пришлось пройти пешком. Мне тогда было 17 лет, рост - 147 см, вес - 47 кг. Вот такой я был призывник!

Нас было человек 12 - солдат, призванных на службу. Пешком шли до Тотьмы вдоль реки Сухона. Проходили деревни, шли примерно по 20-30 километров, ночевали в крестьянских избах на полу, не раздеваясь.

В конце января в пересыльном пункте в Вологде меня направили в школу младших командиров, тогда не было еще воинских званий. Начинал свою службу в 95-м запасном полку, который «квартировался» в городе Чебоксары. 23 февраля 1943 года мы приняли воинскую присягу.

Приехала медицинская комиссия из 3-го ленинградского пехотного училища, которое ранее размещалось в Ленинграде. Город же был в блокаде, поэтому училище перевели в Воткинск. Члены комиссии отбирали солдат для того, чтобы подготовить младших командиров.

Я комиссию не прошел из-за роста, после чего был переведен в город Ижевск в 23-й запасной полк. Здесь меня выучили на снайпера.

Позднее я попал в 801-й стрелковый полк.

В Тульской земле погрузили нас в теплушки и повезли на Калининский фронт. До передовой шли пешком.

6 ноября 1943 года, в ночь перед боем, было заседание партийного бюро по приему в партию. Я написал заявление: «Хочу идти в бой коммунистом!» Заявление было рассмотрено и принято.

Немецкий снайпер

Мы располагались в блиндажах, когда 6 ноября налетели «юнкерсы» (пикирующие бомбардировщики). Мне было поручено в эту же ночь агитировать немецких солдат сдаться, так как я владею немного разговорным немецким. Перед войной обучался в педучилище в 1940-1941 годах. Я кричал врагам на немецком языке: «Немецкий солдат, это в твоей жизни последняя зима, если ты сейчас же не сдашься в плен. Не следуй за Гитлером в пропасть, не теряй времени, сдавайся в плен!»

Зимой наш взвод вел бой за деревню, немцы отчаянно сопротивлялись. Из немецкой самоходки открыли огонь.

Заработал немецкий пулеметчик, стал стрелять снайпер. Наши солдаты погибали. Командир роты приказал мне «убрать» снайпера. Впереди, слева и справа от дороги, находились две избы. Посередине дороги лежал большой камень-валун. Я подполз к этому камню и укрылся за ним.

Понимая, как дорога каждая минута, одним прыжком перескочил из-за камня к избе, прошел внутрь и занял позицию у левого окошка. Немецкий снайпер начал стрельбу по мне. Но он убит, а у меня лишь разорвана телогрейка.

Вскоре я был обнаружен наводчиком самоходки. Выбежать не успел: снаряд ударил в угол избы. От взрыва развалилась стена, обрушился потолок, сразу же вспыхнул пожар. Соломенная крыша вспыхнула как спичка. Взрывной волной меня швырнуло к двери. Падая, я почувствовал сильный удар в спину. От пыли и дыма свет померк. Осколки снаряда прошли мимо.

У порога избы увидел лежащего на земле окровавленного майора. Понимая, что он может сгореть, вытащил его на безопасное расстояние. Горевшие избы создали дымовую завесу. Используя это, вернулся в роту и доложил командиру о выполнении приказа. Впоследствии получил медаль «За боевые заслуги».

Белоруссия

С 23 июня 1944 года, когда началась операция «Багратион», наши механизированные части гнали немцев по 70-80 километров в сутки. Пехота, полковая кухня отставали, приходилось спать не более 4 часов, питались сухим пайком. Наконец вышли к реке Западная Двина. Переправа проходила ночью, не обошлось без потерь. Уже на территории Литвы наша рота, в составе двух взводов, пыталась перерезать шоссе, по которому отступали немцы. Но мы с ходу не смогли этого сделать.

Утром, 12 июля 1944 года, наша рота поднялась в атаку, но плотный пулемётный огонь немцев остановил атаку. В это время началась гроза, мы с младшим лейтенантом встали под крышу дома. Внезапно раздался вой, свист, грохот снарядов и мин. По всему пространству около дома взметались султаны

взрывов, земля и грязь. Но нужно было продолжать атаку несмотря ни на что.

Когда мы бежали из одного укрытия в другое, я почувствовал сильный удар по левой ноге ниже колена, упал, а затем сгоряча вскочил, но ранение оказалось серьёзное. Сидя, как мог, перетянул марлей ногу прямо по брюкам, чтобы остановить кровотечение. Мой напарник, снайпер Каллин, увидел, что меня ранило, помог мне выбраться из-под обстрела. А сам вернулся обратно, отбивать атаку немцев.

Из-за большой потери крови кружилась голова, но нужно было ползти дальше, к своим. Помню, что очень хотелось пить. Вдали виднелись деревья, я всё полз и полз к ним, мне казалось, что там спасение. Я не помню, сколько времени это продолжалось. Поднял голову и увидел, что ко мне бегут двое с носилками. Это было такое счастье. Меня на подводе, помню, что сильно трясло и было очень больно, доставили в медсанбат. Ночью сделали операцию, а утром на машине перевезли в полевой госпиталь. Так для меня закончилась война. Это был мой последний бой.

Василий Иевлев

Вспоминаю не только боевые действия, но и людей, которые были рядом, несмотря ни на что. К примеру, автоматчик Василий Иевлев. Договорились, что в случае гибели одного из нас, другой напишет родителям погибшего письмо. Во время операции «Багратион» рванули оба в атаку, преодолели оборону, подошли к железнодорожной станции. Случилось так, что Василий оказался позади меня. Подходя к нужному месту, я увидел лишь своего напарника Каллина. Представляю, что на душе у Василия было. Он думал, что я погиб, и отправил похоронку маме моей. Вскоре я попал в госпиталь с тяжелым ранением, был без сознания. Когда очнулся, то услышал знакомый голос своего друга и написал ему записку: «Вася, это ты? Матвей». Он прочитал, вскочил и закричал: «Маатвей!!!» Вот оно истинное счастье - встретить друга, о котором лишь мог догадываться, где он, жив ли он?! «Слушай, Матвей, - сказал Вася, - а ведь я написал твоим родным, что ты погиб во время прорыва немецкой обороны.

Быстрее пиши письмо домой. Мать, поди, с ума сходит от горя... Небось и похоронку уже получила...»

Потом вместе в один санитарный поезд попали. Нас отвезли в Горьковскую область, где лечились в барской усадьбе. Василий был комиссован, уехал в город Кадом Рязанской области, а я вскоре был призван к нестроевой службе, определен в 177-й отдельный строительно-монтажный батальон, который в свое время ремонтировал танки.

После войны был назначен главным писарем в штабе батальона, служил там до июня 1947 года.

Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «За боевые заслуги».

В июле 1947 рана открылась. В Брянске в городской больнице меня вылечили. Демобилизовался.

В августе 1947 года уехал в Ленинград. Устроился на работу учеником столяра-краснодеревщика на фабрику «ТиаМебель».

Стал учиться в школе рабочей молодежи в Ленинграде, пошел в 8 класс. В 1958 году окончил школу с серебряной медалью и был принят в Технологический институт имени Ленсовета на кафедру ядерной физики. По окончании института стал аспирантом, затем был преподавателем на кафедре физики. Много лет работал в ОИЯИ в лаборатории ядерных реакций под руководством академика Г.Н. Флерова.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Бирева Кристина Владимировна**, студентка 1-го курса факультета социальных и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»*

Шалашников Евгений Тимофеевич

**Полк находился на высоте,
около захваченного немцами Ржева**

Я родился в 1924 году в Черни, в поселке городского типа. Это примерно в 80 километрах от Тулы.

В 1941 году окончил 10 классов. Когда началась война, мне было 17 лет. Я играл с ребятами в футбол, как вдруг услышал голос моей старшей сестры, которая звала меня из окна: «Женя, Женя, война!»

Поначалу мы не могли себе это вообразить, но от испуга, который в нас вселился, мы сразу разбежались по домам. Вечером того же дня по радио я услышал, что нашу страну начали бомбить немцы, без объявления войны.

В июле 1941 года нас отправили сначала под Тулу, а потом во Ржев: мы копали окопы, противотанковые рвы, строили доты. В конце августа того же года, вернувшись в родной посёлок Чернь, я вместе с сестрой поехал на колхозное поле копать картошку. Работая, мы слышали звуки летящих самолётов, их тени ярко отображались на полях. Началась бомбежка. Разворотило нашу повозку, в которой была собранная картошка, все лошади разбежались. Мы же с сестрой сумели откатиться на обочину оврага и, спрятавшись, сумели остаться в живых. Тогда я впервые испытал ужас войны.

Около месяца я всё еще находился в поселке. Немецкие самолеты снова и снова бомбили нашу территорию.

В сентябре, за неделю до того как нам пришёл приказ об эвакуации, я с ребятами был на улице. Пролетел немецкий самолет. Наша учительница истории, которая оказалась рядом, затолкала нас в подвал райисполкома. Но, спасая нашу жизнь, она потеряла свою. Осколком снаряда ей оторвало голову. Крови было много... Мы оцепенели от ужаса. Это состояние, которое не опишешь словами: прочувствовать сможет лишь тот, кто это пережил.

В середине сентября пришел приказ об эвакуации. Мы всей семьей отправились в Плавск, но смогли доехать только до Молочных дворов, это примерно в 10 километрах от Плавска, поскольку немцы уже захватили город. После были вынуждены вернуться на окраину своего района, в деревню Хитрово. К нашему сожалению, там уже стояли немцы, и до декабря нам пришлось оставаться в оккупации.

Только в начале зимы 1942 года наши войска частично начали освобождать захваченные врагом территории после сражения под Тулой и битвы под Москвой. Красная Армия освободила Чернь.

В конце января 1942 года я с друзьями добровольно пришёл в военкомат. «Мы готовы идти в армию», - сказали мы. Но, оказалось, возрастом не вышли.

В марте мы все же были призваны в Советскую Армию. Три месяца нас обучали в лесу. В полевых условиях готовили младших командиров и радистов-связистов. После занятий нас направили в войска. Я попал под Ржев в 966-й полк (командир полка - Ковардеев, комиссар – Грушин). Полк располагался на высоте, около захваченного немцами Ржева.

Нашей целью было выявить огневые точки противника, чтобы наши войска могли освободить Ржев. Нас поддерживали минометчики и артиллерия. Когда начали стрелять, немцы открыли ответный огонь и, таким образом, обнаружили свои огневые позиции.

Мы выполнили поставленную перед нами задачу и даже взяли в плен немца. Такой рыжий, здоровый – типичный «ганс». Попытка бежать - ударил меня по горлу и перебил голосовые связки. В течение 4 месяцев я не мог говорить. Но разве это причина уходить из армии? Голос, конечно, восстановился, но петь родную «Катюшу» я уже никогда не смогу.

Курско-Орловская дуга

В 1943 году меня перевели в авиационный полк. Я прослужил там полгода. 23 февраля того же года наш полк начал бомбить Орел. Было очень много потерь, вернулось считанное число машин. Наш командир был в одной из них: самолет горел, он был тяжело ранен. Спасти ему не удалось. Самолет врезался в столб. Командир сгорел заживо.

Спустя неделю весь наш полк направили на границу Курской и Орловской областей, там мы готовились к серьезному сражению. Это была решающая битва. Фашисты прорвались через некоторые наши оборонительные позиции на 10-15 км, но мы сумели выбить их и пойти в наступление. В этой битве мне удалось взорвать танк. В бою я был ранен и контужен.

Ловушка под названием «Катюша»

Вместе с нашими войсками мы освобождали Прибалтику и подошли к Риге. Рига была очень хорошо укреплена: стояли проволочные ограждения, вокруг окопы и противотанковые ракеты. И вдруг мы услышали любимую мелодию: кто-то поставил на патефон пластинку с «Катюшей». Если звучит песня, значит, какое-то наше подразделение уже у цели. Мы решили присоединиться к товарищам. И тут началось!

Оказывается, это был такой тактический ход со стороны фашистов, чтобы мы расслабились и подошли ближе. И снова завязался бой. Мы оборонялись 4 дня. Только при поддержке нашей артиллерии мы смогли войти в Ригу.

В центре Риги находился часовой завод Павла Буре. Вход закрывала массивная дверь. Кому-то пришла идея проломить дверь танком: благо танкисты мимо проезжали. Внутри все было в часах: всякие разные - с крышечками, с цепочками. Мы набрали в гимнастерку, сколько смогли. Опоясали себя этими часами, пришли в роту и раздали всем. Я специально сохранил одну пару, чтобы после войны подарить отцу.

«Туляк Шалашников»

Когда начался штурм Берлина, немцы сопротивлялись как могли. 30 апреля 1945 года наша армия штурмом захватила Берлин, к вечеру Красное Знамя развевалось над Рейхстагом. Но сражение продолжилось до 2 мая. На колонне Рейхстага я написал кирпичом: «Туляк Шалашников». Все стены, колонны были исписаны. Писали, кто чем мог: кто штыком царапал, кто кирпичом. Вот и я отметился.

Началась победная благодать. В те дни все веселились, плакали и обнимались. Стреляли из всех видов оружия. Но мало кто знал, что немецкие подразделения кое-где ещё не сдались, и даже в этот момент нашим войскам приходилось вступать в бой.

Награждён:

- двумя орденами Отчественной войны 2-й степени;
- орденом Красной Звезды;
- медалью «За отвагу»;
- медалью «За освобождение Варшавы»;
- медалью «За взятие Берлина»;
- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Голубева Анастасия Юрьевна

и

Манукян Диана Хачатуровна

*студенты 2-го курса кафедры
журналистики Тульского государственного
университета*

Шевчук Людмила Николаевна

По полю боя с санитарной сумкой

Я родилась 1 июля 1924 года на Украине: в селе Акимовка Запорожской области, что на Крымском перешейке, между Черным морем и Азовским. Акимовка - русскоязычное селение. Хотя мы изучали украинский, и я понимала этот язык, но говорить или рассказывать что-нибудь на этом языке у меня не получалось.

В 1939 году, окончив 7 классов, я очень хотела пойти учиться на танкиста. Написала письмо в танковое училище, а мне ответили, что девочек туда не принимают. В 1940 году я поступила в Запорожский авиационный техникум, где проучилась один год. Но в 1941 году, когда я училась на втором курсе, началась война. Мы все разъехались по домам. Техникум эвакуировали на Восток. Конечно, никто не думал, что немцы так быстро захватят Украину. И с того времени меня не покидает мысль: почему же отступали наши солдаты? Можно, конечно, удивляться сейчас, но по тем временам в стране была слабая техническая база: машин, даже грузовых, не то что легковых, у нас не было. Когда появлялась «полупанк» - машина времён войны, дети бежали за ней, взрослые тоже все выходили на улицу. Немцы же передвигались на мотоциклах, машинах, не говоря уже о самолётах со всяким вооружением. А у нашего солдата на винтовку – 7 патронов, ну и ещё запасные. Пока зарядит...

А немцы сразу стреляют - и половины солдат нет. Кто лежит раненный, а кто и убитый, и поэтому, конечно, наши солдаты вынуждены были отступать. Уходили все на Восток. А где Восток? Мы и не знали. Грамотность была слабая, значит, шли туда, где солнце встаёт.

Тогда многие уходили из деревень. Я и моя двоюродная сестра Раечка присоединились к отступающей армии. Никто не хотел оставаться на занятой немцами территории. На дорогах скапливались целые отряды из мирного населения. Так шли мы вдоль Азовского моря на Восток. Пока шли, один раз ночью был бой, и мы с Раечкой потеряли друг друга. Группа солдат, к которой она примкнула, вступив в схватку, ушла в одну сторону, я же оказалась в другой стороне. Рая вернулась домой, но потом немцы её отправили на работу в Германию. Где-то между городами Жданов, Мариуполь, Бердянск были военкоматы, военнослужащие из которых останавливали отступающих солдат и распределяли их по назначению: кого стрелком, кого поваром, кого пулемётчиком и так далее. Когда очередь дошла до меня - дали мне санитарную сумку и сказали: «Будешь перевязывать раненых!» Удивившись, я сказала: «Но я нечего не умею». «Учиться некогда, война научит», - ответили мне. Так я оказалась в 924-м стрелковом полку санитаркой с сумкой на плече.

Курская дуга. Лето, 1943 год. Шли ожесточенные бои. Раненых было столько, что я очень быстро научилась перевязывать раненых. Только и слышно было, как бойцы стонут от ран, как доносятся их глухие слабые голоса: «Сестра, сестра!» Я, под вражеским обстрелом, то ползла к раненым бойцам, с трудом вытягивая сначала одну ногу, потом другую, засыпанную песком от взрывов бомбежки, то стремительно бежала к другим бойцам. «Ложись! Ползти надо, а то без головы останешься!» - кричали мне солдаты. Но мне хотелось помочь раненым бойцам как можно скорее. Без отдыха я вытаскивала солдат и командиров с поля боя, оказывая им доврачебную помощь.

Меня часто спрашивают: «Страшно было?» Наверное, не страшно, потому что некогда было об этом думать.

Однажды поползла на чей-то зов. Оказалось, что один солдат из пулемётного расчета ранен. Я его перевязываю, а

немцы пулеметную точку зафиксировали и бьют по ней. Пока перевязывала - сама получила ранение. Второй пулеметчик кричит: «Подавай патроны!» Делала я это неумело, пулеметчик был очень не доволен. Тогда я предложила ему: «Давай я буду стрелять, а ты - подавать патроны». Я стреляла до тех пор, пока мы не остановили немцев, которые шли на нас. В этом бою, 28 июля 1943 года, получила я тяжелое ранение в ногу.

Когда меня отправляли в санитарный батальон, узнала я, что командир полка представил меня к ордену «Красной звезды». Орден непременно вручили бы, если бы не рана, которая была настолько серьезной, что отправили меня на товарном поезде в далёкий тыл.

Так я оказалась в госпитале в Баку. Меня ранило в правую ногу, был раздроблен голеностопный сустав. Доктора мне сказали, что ногу надо ампутировать. А я сказала: «Не дам! Я лучше умру, но без ноги не останусь! Отправьте меня в Москву, там живёт моя тетья, я поеду к ней!» Мне выписали направление и отправили на поезде в столицу в сопровождении медсестры. Сдали тётке с рук на руки. Нога всё время болела, раздулась, как тесто взбухла, почернела. Тогда я решила написать письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину, в котором просила помочь с лечением. Так и написала: «...лучше умереть на фронте, чем жить калекой в тылу. Я хочу продолжать бить ненавистных фашистов...».

Я понимала, что шансов на ответ нет, но тут произошло чудо. Через два дня к нам пришли два военных. В их петлицах было по две «шпалы» (военные отличия), что говорило о высокой военной должности. «Вы писали Сталину?» – спросили меня. «Да, писала», – ответила я. Они: «Поедете с нами?» Я, не раздумывая, сказала: «Поеду!» Привезли меня в московский госпиталь, где лучшие хирурги страны сделали мне операцию. Долго я не могла ходить без костылей. Потом демобилизовали, присвоив мне вторую группу инвалидности по ранению.

22 мая 1944 года, вернувшись в своё родное село, пошла я в военкомат со словами: «Я обещала товарищу Сталину, что пойду на фронт. Он выполнил мою просьбу, а я слова не сдержала, что буду бить врага до Победы». Призвали меня в ряды Советской Армии и направили в город Горький, в 62-й

отдельный учебный радиополк. Там я училась на радиста-телеграфиста 6 месяцев. Потом меня отправили на фронт, но не в пехоту, а попала я на северный край ленинградской области. Потом была Прибалтика - 196-я артиллерийская тяжелая гаубичная бригада. Я была радистом. В лесах скрывались отступающие немцы. Некоторые жители Прибалтики помогали им. Они немцев кормили, одевали, прятали и снабжали оружием. Если поступало сообщение, что немцев где-нибудь видели, то я передавала, что на таком-то участке находятся немцы. И для их поимки туда направляли отряд бойцов.

Конец войны я встретила в городе Лиепая, демобилизовалась 8 августа 1945 года и вернулась в родную Акимовку.

Решила я продолжить учебу в Запорожском авиационном техникуме, но он был эвакуирован на восток. Мне очень хотелось учиться. Мой одноклассник и его молодая жена, которые жили в Ленинграде, пригласили меня к себе, чтобы я смогла там поступить учиться. Я смогла поступить сразу на 3-й курс Ленинградского энергетического техникума, так как до войны уже закончила 2 курса авиационного техникума в Запорожье.

В 1951 году, окончив техникум с отличием, я была направлена на Кольский полуостров, в Мурманскую область. Сначала была дежурным, потом старшим инженером эксплуатационного отдела Туломской гидроэлектростанции.

Затем работала в Главном управлении Кольской энергосистемы, где проработала до 1984 года. Уволилась с должности начальника службы надежности и техники безопасности. Затем переехала в Казань.

Об ордене Красной Звезды

Однажды я рассказала внуку о неврученном мне ордене «Красной Звезды». Внук решил обратиться в высшие инстанции. 3 июля 2008 года я отправила анкету-запрос в районный военкомат г. Казани. Оттуда, в свою очередь, отправили запрос в Центральный архив Министерства обороны РФ о награждении меня орденом Красной Звезды. 18 ноября 2008 года был получен ответ, в котором

сообщалось, что в картотеке награжденных значится старший сержант Шевчук Людмила Николаевна, 1924 года рождения, уроженка Запорожской области села Акимовки. В учетной карточке имеется запись о её награждении медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды. Медаль вручена, орден Красной Звезды не вручен.

18 мая 2009 года военный комиссар Республики Татарстан генерал-майор Сергей Погодин вручил мне орден Красной Звезды, которым я была награждена 13 августа 1943 года за мужество и отвагу, проявленные в боях на Курской дуге.

Имею награды:

- медаль «За отвагу» (№ 1884918);
- орден Красной Звезды (№ 3796782;
- орден Отечественной войны 1-й степени (№ 2212405);
- медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»;
- медаль Жукова (№ 0887701);
- памятная юбилейная медаль «50 лет Общероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы»;
- памятный знак «70 лет Курской битве»;
- знак «Фронтовик 1941-1945».

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь **Гузикова Карина Васильевна**, студентка 4-го курса, факультета мировой экономики Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева - КАИ*

Щербаков Вадим Петрович

С каждой секундой смерть приближается на один километр

Я родился 16 ноября 1941 года в городе Шатура Московской области. В 1960 году окончил среднюю школу в городе Энгельс Саратовской области.

Энгельское военно-техническое училище ПВО я окончил в 1963 году. Написал рапорт о желании служить в Забайкалье, а направление получил в 260-й Брянский зенитно-ракетный полк Брянского корпуса ПВО Московского округа ПВО.

Стал командиром стартового взвода зенитно-ракетного комплекса С-75 (ЗРК-С75), хотя я изучал не старт, а станцию наведения ракет, да и войсковую практику проходил на ней. Но, не успел огорчиться, что буду служить не по специальности, как через пару дней получил новое назначение - офицером наведения.

Первое время жили в палатках: казармы не было, сооружений для техники не было тоже - типичная ситуация для ракетчиков ПВО тех годов. Однако никаких скидок в боевой подготовке и боевой готовности не было.

Время летело быстро. К теоретическим знаниям, полученным в училище, я накопил практические навыки ежедневной работы на технике. Правила стрельбы, которые нужно было, для начала, просто заучить, как "Отче Наш", из свода предписаний обязательных к выполнению, незаметно

трансформировались в осмысленный алгоритм взаимодействия с техникой.

Летом 1965 года в дивизион приехал коллектив мастеров и инженеров с завода, выпускавшего нашу технику. С собой они привезли огромное количество стандартных опечатанных ящиков и всякого инструмента. Заводчане, разбившись на бригады, без лишних слов, разобрали нашу материальную часть на отдельные блоки и начали их методично и скрупулезно модернизировать, меняя устаревшее на новое.

Поскольку всем офицерам приходилось принимать в этих доработках участие, то мы быстро поняли, что из нашего 75-го комплекса делают тропический вариант. Может быть, на Брянщине и будут когда-нибудь тропики, но что это произойдет не так скоро - в этом мы все были уверены. Кроме того, мы хорошо знали, где и кому 75-й комплекс в тропическом варианте очень сильно пригодился бы сейчас.

Так возникло первое предчувствие, что быть нашему военному коллективу в тропиках. Заводчане, закончив работу, засобирались в обратный путь. Наше участие в доработках оказалось очень полезным. От заводчан узнал много нового о своей материальной части, о чем не пишут даже маленькими буквами в описаниях и инструкциях на материальную часть. Потом пригодилось...

В начале 1966 года командира полка Федорова В.В. и его заместителей срочно вызвали в штаб корпуса. Отсутствовали они несколько дней, а по прибытию сразу провели совещание со всем офицерским составом полка, на котором сообщили, что полку поставлена задача по оказанию интернациональной помощи Вооруженным силам Демократической Республики Вьетнам в подготовке специалистов, способных в полном объеме боевых возможностей применять зенитно-ракетный комплекс С-75. Обучение и подготовка вьетнамских специалистов будет осуществляться личным составом полка непосредственно во Вьетнаме.

Командир полка особо отметил, что 260-й Брянский полк с честью должен выполнить это важное правительственное задание, кто сомневается в своих возможностях, может участия в этом не принимать, оставшись на месте постоянной дислокации. Во Вьетнаме идет война, а на войне всякое бывает.

Начали составлять списки тех, кто поедет в «тропическую» командировку. Отказников в моём дивизионе не было, хотя в других подразделениях были. Никого не заставляли. У нас все оказались добровольцами. Но одного желания было мало, учитывался опыт практической работы, а также способность не только хорошо работать самому, но и умение научить других людей, увидевших такую сложную технику впервые. Научить в предельно сжатые сроки. Война ждать не будет.

Сейчас, спустя почти 40 лет, вспоминаю то время и думаю - мы ехали учить воевать других, а сами не имели никакого боевого опыта, кроме боевых стрельб на полигоне. Ехали в то время, когда наши зенитно-ракетные комплексы С-75 уже полгода применялись во Вьетнаме и давно перестали быть неожиданностью для американцев. Американские пилоты воевали на совершенных для того времени самолетах, имели громадный опыт боевого применения, досконально знали театр боевых действий, обладали мощным вооружением и численным превосходством. В войсках ДРВ вообще не было ничего, что можно было бы противопоставить американцам в воздухе. Авиация, обеспечивавшая тактический и стратегический успех, уже тогда стала козырной ударной силой в любой наземной операции США. И по сей день этот подход - использование авиации в вооруженных конфликтах - у США не только сохранился, но и постоянно совершенствуется.

Во Вьетнам наш полк перебросили самолетом в марте 1966 года. Совсем рядом, в джунглях, еще до нашего приезда специально для нашего полка был оборудован 4-й учебный центр. Построено все было из бамбука и тростника, такие постройки вьетнамцы возводили буквально на глазах. Тут нам предстояло в течение полутора месяцев проводить теоретические занятия с использованием в качестве наглядного пособия материальную часть, собранную из остатков поврежденных в боях комплексов. Конечно, это было не совсем то, но в качестве наглядного пособия подходило.

В группе вьетнамских офицеров наведения, с которой мне предстояло проводить занятия, подобрались грамотные в техническом плане люди, имеющие хорошее представление о радиотехнике. Они проявляли исключительное усердие и

трудолюбие в изучении техники и боевой работы на ней. Такую целеустремленность, желание и настойчивость, с какой учились вьетнамцы, мне нигде не приходилось встречать прежде, да и потом. Несмотря на некоторые трудности в переводе, желание вьетнамцев учиться приносило свои плоды, поэтому за то короткое время, отведенное на теоретический курс в учебном центре, мы общими усилиями с программой обучения справились. К этому времени из Союза доставили новенький комплекс (прямо с завода, со знакомыми мне уже доработками). На нем нам предстояло отработать практические навыки, но уже не в учебном центре, а на боевых позициях, по реальным целям, а не учебным.

Позицию нам определили под Ханоем, именно он нуждался в защите с воздуха, на одном из постоянных маршрутов, который использовала бомбардировочная авиация США для совершения своих регулярных налетов. Ханой имел частичное прикрытие, зенитных комплексов не хватало, чтобы полностью закрыть небо на больших высотах, на малых его прикрывала зенитная артиллерия, поэтому американцы старались производить бомбометание не снижаясь в зону ее эффективного огня. Наша позиция на малых высотах тоже прикрывалась зенитной артиллерией. После развертывания комплекса на боевой позиции сразу стало понятно, что вести боевые действия придется практически без подготовки исходных данных о тех малых высотах, на которых ограничены наши боевые возможности. Заниматься кропотливым делом, рассчитывая углы закрытия по топографическим картам, заниматься топографической съемкой не будет ни возможности, ни времени.

Производить нанесение засветки индикаторов от постоянных местных предметов и гористого рельефа местности путем выхода в эфир было вообще убийственно. Выйдя в эфир, мы бы сразу подверглись подавлению или, в лучшем для нас случае, американцы бы изменили маршрут полётов.

Первая стрельба показала, что американские пилоты грамотно используют прилегающий рельеф местности и, совершая маневр ухода от ракеты, скрываются за возвышенностями, закрывающими нам обзор. Поэтому пришлось отказаться от желания атаковать на максимально

возможной дальности. Стрельба получалась растянутой. Летчик или успевал заметить ракету по ее следу на значительном удалении, или предупреждался установленной на его самолете аппаратурой, определяющей излучение нашей станции наведения ракет, что по нему начал работать зенитно-ракетный комплекс. Облако пыли, образующееся при старте ракеты с пусковой, сразу показывало место расположения нашего дивизиона. Вывод напрашивался сам собой - атака должна быть внезапной и короткой. Нужно было подавить в себе естественное желание не подпускать к себе близко опасного противника, а, начав атаку, действовать быстро и безошибочно, зная, что второй возможности никто не даст. Мы сменили позицию, и вторая стрельба уже была результативной. Так мы начали приобретать собственный опыт боевых действий, а также число сбитых американских асов.

Я вступал в противоборство не с самолётом, а с тем, кто его пилотировал. У меня не было к нему ненависти, как у моих вьетнамских товарищей. Может быть потому, что сейчас под бомбами не гибли мои родные и близкие, как у тех, кто был рядом со мной. Может быть потому, что этими тропическими ночами горели красными кострами от напалма не мои города и села. И вообще, война была в другой стране, далеко от моего дома. Но, я хорошо понимал, что американскому пилоту глубоко наплевать, кого он сейчас накроет удачно сброшенной бомбой. Внизу для него все были врагами, а он был здесь для того, чтобы убить этих неизвестных ему врагов, которые ничем и никогда лично его не обидели. Вдали от своего дома, в чужой для него стране, сбрасывая на эту землю свои бомбы, возможно, он свято верил, что, убивая, делает мир лучше, а, может, просто делал свою работу, за которую ему очень хорошо платят.

Когда он появлялся, я не знал ни его имени, ни откуда он родом, ни сколько ему лет, женат он или холост. Не знал, кто он по национальности. Точно также и мой противник не морочил себе голову этими бесполезными знаниями. Он знал обо мне только то необходимое, что могло принести ему победу и как выигрыш - его жизнь. Он не знал, вижу я его или нет, но пытался вычислить ту дистанцию, с которой я его непременно достану, с которой ему не увернуться, какие бы

виражи он не закладывал. А я о нем знал, что он осторожен и увертлив, заметив меня или почувствовав опасность, моментально нанесет удар. Всматриваясь в свои индикаторы, я словно смотрел ему в лицо, ощущал все его движения, нутром чувствовал, что он делает сейчас в своей герметичной кабине, пролетая над зеленым ковром джунглей, и ждал. Ждал, когда сдадут его нервы или возьмёт верх наглая самоуверенность.

И когда это случилось - все! Парень, ты - мой! Пуск! И... до встречи на земле, если повезет катапультироваться из разваливающегося самолета, а первыми будут свои из группы спасения, а не вьетнамские крестьяне с мотыгами.

И ничего личного. Сегодня не твой день. А может случиться так, что и не мой... Все не так просто. «Гад» (F-105 Thunderchief) может быть не один. Он может быть тем, кто меня отвлекает, в то время как лихой напарник из породы "Диких ласок" (F-105G модернизированный самолет, специально предназначенный для уничтожения позиций зенитно-ракетных комплексов), предвкушая победу, посылает мне свой страшный гостинец, который найдет ко мне дорогу по моему лучу. Понять, кто из них кто, для меня и всего боевого расчета вопрос жизни и смерти.

После появления в СССР ЗРК С-75 в США стали разрабатывать оружие, способное уничтожать эти зенитные комплексы. В результате США в 1965 году смогли начать серийное производство авиационной ракеты AGM-45 (Shrike), самонаводящейся по излучению радиолокационных станций наведения зенитных ракет комплекса С-75. Усиленная боевая часть этой противорадиолокационной ракеты была способна уничтожать не только непосредственно сам источник излучения – антенную систему, но и всю технику в радиусе до 20 метров, а в сигнальном варианте, снаряженная белым фосфором, служила для точного целеуказания местоположения комплекса. Обозначенная таким образом позиция сразу подвергалась массивной атаке фугасными или напалмовыми бомбами.

Принцип наведения этой ракеты заключался в том, что она могла автономно определять максимум потока электромагнитного излучения в диаграмме направленности станции наведения зенитных ракет и следовать в этом направлении, а в случае исчезновения источника излучения

запоминать последнее направление и продолжать полет. Мало заметная для ЗРК и имеющая большую скорость полета, запущенная с дальности до 50 километров, она менее чем за минуту могла поразить позицию ЗРК.

Эта ракета положила начало в развитии нового класса средств противодействия и огневого подавления зенитных ракетных комплексов. На первом этапе ее применения во Вьетнаме, пока советскими специалистами не были найдены "слабые стороны" этой ракеты, она являлась эффективным средством подавления наших ЗРК.

Остановить "Шрайк" в полете было не в наших силах, но осознание, как противодействовать "Шрайку", пришло из училищного курса "Системы автоматического регулирования". Для самонаведения «Шрайку» необходимо постоянное присутствие сигнала ошибки, которое его системы наведения, подправляя и уточняя направление полета, будут "стараться" свести к нулю и точно вести ракету на цель. Если выключить излучение радиолокатора, то ошибка, необходимая для работы систем самонаведения, пропадет, ракета из самонаводящейся станет неуправляемой и, отклоняясь от цели, будет постоянно увеличивать свой промах. А если еще и поманить "Шрайк" в сторону перед выключением излучения, перемещая максимум диаграммы направленности (на этот максимум он в полете и ориентируется) отворотом антенны, то промах увеличится многократно.

Так мы и начали свою борьбу со "Шрайками", главное было не пропустить момент его пуска, когда на индикаторе от отметки цели отделялась малюсенькая точка, которая на большой скорости начинала уходить. Надо было поймать эту точку и, зная, что она внимательно «следит» за нами, повести ее чуть в сторону, убедившись, что она восприняла наше движение, уводить ее ещё и ещё, а потом исчезнуть, выключив излучение. Но не всегда мы могли заметить этот момент. Только обострённое чутьё и уверенность в правильности наших расчетов позволяли выходить из боя победителями.

Совершать такие трюки в боевой обстановке, зная, что с каждой секундой смерть приближается к тебе на один километр, что у тебя не больше 20-30 секунд, за которые ты не должен совершить ошибку, что это единственная возможность, второй не будет, нужна железная выдержка,

хладнокровие и высочайшее профессиональное мастерство боевых расчетов на всех местах.

За время нашего пребывания дивизион провёл более десяти боевых стрельб. Каждая стрельба не походила одна на другую. Менялась тактика боевого применения авиации США. И на каждое такое изменение командованием полка, нашими боевыми расчетами находились контрмеры для эффективного уничтожения боевых самолётов США. Боевая работа проходила так скоротечно, что порой все детали стрельбы приходилось вспоминать спустя некоторое время в спокойной обстановке.

Срок нашей командировки закончился в ноябре 1966 года, и мы с легким сердцем возвращались в Союз, домой. Поставленная перед нами задача была выполнена. Подготовленные вьетнамские расчеты успешно зачищали небо своей страны и, хотя до победы вьетнамцам оставалось еще 9 лет, мы были уверены, что она обязательно наступит.

За время командировки во Вьетнаме нашим расчетом было сбито 11 "Тадов" (официально учтенные и подтвержденные командованием ДРВ), уведено от позиции нашего ракетного комплекса 7 "Шрайков", обучены расчеты вьетнамцев, которые продолжили счет сбитым самолетам.

С собой мы увезли боевой опыт, теплые воспоминания о трудолюбивых, самоотверженных людях Вьетнама и небольшие сувениры, сделанные из обломков сбитых американских самолетов.

Подробные отчеты о ведении боевых действий во Вьетнаме были учтены в новых редакциях Правил стрельбы ЗРК С-75.

С 1968 по 1972 годы я был слушателем ВКА ПВО имени Г.К. Жукова. По окончании академии проходил службу в частях ПВО в Приморье, Одессе, Группе советских войск в Германии, Польше и Средней Азии на должностях: командира дивизиона ЗРК С-75, начальника оперативного отделения, офицера разведки отдела ПВО Ставки Верховного Главнокомандующего, оперативного дежурного командного пункта ПВО и ВВС.

Награжден орденом Ленина и 15 медалями, в том числе вьетнамской медалью Дружбы.

Март 2016 года

В подготовке текста оказал помощь

***Большиканов Илья Павлович**, студент
3-го курса Саратовского политехни-
ческого института,*

и

***Тарасова Надежда Николаевна**,
инспектор налоговой службы*

Юдин Виктор Ефимович

Нам удалось отстоять эту высоту и продолжить продвижение автоколонны к аэропорту

Я родился в 1946 году в небольшом селе Плесецкое Васильевского района Киевской области. По национальности – русский. Состоял в КПСС.

В 1965 году окончил 11 классов Плесецкой средней школы и в этом же году окончил в Киеве ГПТУ № 11 по специальности «слесарь-судоремонтник».

С 1965 года по 1968 год служил в Ленинградском военном округе. Там я, в сержантской школе, обучал курсантов специальности радиста - «начальник радиостанции».

В 1971 году я окончил военно-политическое училище в городе Киеве. Начинал я, как и многие, рядовым-курсантом, затем стал командиром отделения, а потом – заместителем командира учебного радиовзвода. Я был начальником абонентного узла связи ракетного дивизиона в Киевском военном округе.

После окончания межкрупных курсов политсостава в городе Киеве, в 1971 году проходил службу заместителем командира мотострелковой роты по политической части в Туркестанском военном округе в городе Кушка. Этот город был самой южной точкой Советского Союза, за ним начинаются горные плато Афганистана.

С 1972 года проходил службу в составе Группы советских войск в Германии (ГСВГ) в городе Эберсвальде в полку связи

на должности замполита роты связи. Служба в Эберсвальде проходила до октября 1976 года, а уже в ноябре того же года был направлен служить в восточногерманский город Котбус в должности замполита учебной мотострелковой роты, где служил по 1977 год.

С 1977 по 1981 год служил в Уральском военном округе в качестве замполита роты химической и биологической защиты в городе Чебаркуль в Челябинской области. И там же в 1979 году поступил учиться на факультет истории Челябинского государственного педагогического института (ЧГПИ).

С 1981 по 1983 годы я выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан.

Преодолев перевал Саланг, наш батальон прибыл в Кабул. Там наш батальон разделили. Я, с 3-й ротой, отправился в Гардез – город на востоке Афганистана, к югу от Кабула. Наши солдаты сопровождали местных торговцев (пуштунов), поставлявших в город дрова. К ним, да и вообще к мирному населению, мы всегда относились с пониманием и уважением.

Службу проходил в городе Газни в должности заместителя командира отдельного батальона охраны в звании майора. Нашей боевой задачей было охранять и оборонять аэродромы в городах Газни и Гардез. Почти ежедневно эти аэродромы подвергались нападению со стороны душманов. Огненные вспышки со стороны гор не прекращались даже ночью, душманы вели огонь по нашим позициям из всех видов оружия. Трассирующие пули разили площадь обстрела наугад.

Почти весь личный состав нашей роты был призван с Урала. Трусости и попыток хоть сколько-нибудь уклониться от боя не было никогда. Наши 70 боевых вертолётов мы должны были защитить любой ценой.

Свободное время мои однополчане посвящали совершенствованию своей боевой подготовки. Новобранцев, только что прибывших, в бой и на дежурства мы не допускали, а сперва обучали всему и устраивали им экзамены.

Колонна должна пройти

Однажды мы сопровождали колонну техники, идущую к аэропорту. В ней было много автомобилей, везущих припасы,

продовольствие, предметы технического оснащения. Огромный бензовоз вёз несколько десятков тонн горючего для БТР. В этой колонне также были машины, везущие керосин для вертолётгов.

Вдруг на колонну напали. Первый выстрел из гранатомёта со стороны гор был нанесён по идущей во главе колонны бронемашине пехоты. БМП встала, а вместе с ней – и вся колонна.

Если хоть один снаряд попадёт по незащищённому бензовозу – будет сильнейший взрыв, а потеря горючего, которое он везёт, будет невосполнима в ближайшие месяцы.

Мы вступили в бой с душманами. К вечеру на помощь колонне был направлен разведывательный батальон полка, он зашел в тыл противника. Нам удалось отстоять эту высоту и продолжить продвижение автоколонны к аэропорту.

Среди погибших в этом бою были не только душманы, были и мои сослуживцы. Старший колонны погиб прямо на моих глазах.

Нет ни фронта, ни тыла

Поддержку нам оказывала и национальная армия Демократической Республики Афганистан, но в бой они предпочитали вступать только после нас.

В этой войне не было ни фронта, ни тыла. Хотя наша боевая задача и сводилась, в большинстве случаев, к охране и патрулированию аэродромов, но время от времени приходилось уничтожать боевые расчеты и силы противника.

Бывали случаи и штурма укрепленной местности. Всем известно выражение: «Мой дом – моя крепость». В Афганистане – это действительно так. Каждый дом представляет собой небольшое строение и двор, обнесённый внушительного размера глинобитным забором. За забором у них и свой колодец, тут же пасётся и скот, здесь же живут и люди.

Больших усилий стоит штурм подобных укреплений. Дело в том, что эта глинобитная стена настолько толстая и прочная, что пули при попадании с глухим звуком входят в неё и застревают. А на крыше может быть установлен пулемётный расчёт противника, а также может быть сконцентрирована

невероятно многочисленная живая сила душманов, для такой маленькой площади.

Море огня

В одном из боёв за высоту, необходимую для прохода вспомогательной техники к аэродромам, мы попали под шквальный пулемётный обстрел. Пули с лёгкостью резали металлическую защитную пластину и стреляные, ещё дымящиеся, кусочки блестящего свинца скакали по салону и со свистом падали прямо на пол, а иногда – прямо нам на колени. Нам повезло – мы не получили серьёзных ранений и остались в живых. Лишь только осколком мне повредило два пальца, средний и безымянный, на левой руке.

Как это – «любить Родину?»

Скажу честно, на самом деле с войны не возвращаются, по крайней мере не возвращаются такими, какими были до неё. Поэтому фраза «беречь свою Родину» - не пустой звук. Сражаясь на территории Афганистана, мы не давали врагу продвинуться к границам нашей страны, мы защищали свою Родину. Мы, со своими сослуживцами, знали, что занимаемся важным делом – помогаем простому народу Афганистана в отстаивании своего права на лучшую жизнь.

Я был уволен в запас в звании подполковника.

В 1984 году окончил ЧГПИ по профилю «преподаватель обществоведения и истории».

С 1995 года работаю в Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарёва. Сначала я работал на военной кафедре учебным мастером стрелкового тира. После закрытия кафедры, в 2007 году, работаю в управлении безопасности университета контролёром КПП группы по работе с иностранными студентами.

В своей статье «Боевой путь», которую опубликовали в университетской газете «Голос» (выпуск 4, от 23 февраля 2015 года), я рассказал о своей жизни и судьбе.

Имею награды: медаль «За боевые заслуги», знак «Воин-интернационалист», медаль «Воину-интернационалисту от

благодарного Афганского народа», медали «За безупречную службу в Вооружённых Силах СССР» трёх степеней, знак «Ветеран Вооружённых Сил СССР», знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Июнь 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Головин Роман Евгеньевич**, студент 2-го курса Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева*

Юрин Виктор Алексеевич

4000-м сбитым самолётом оказался F-111

Я родился 27 февраля 1938 года в селе Любимово Долматовского района Курганской области.

В 1957 окончил Уксянскую среднюю школу. В этом же году поступил в Ярославское военно-техническое училище войск ПВО (противовоздушная оборона), которое окончил в 1960 году.

В 1971 году окончил 5-месячные Центральные офицерские курсы зенитно-ракетных войск противовоздушной обороны (ЦОК ЗРВ ПВО).

С октября 1960 года по февраль 1967 года служил командиром стартового взвода 129-й зенитно-ракетной бригады Краснознаменного Бакинского округа (ЗРБр КБО ПВО), с февраля 1967 года по сентябрь 1975 – командир стартовой батареи 129-й ЗРБр КБО ПВО.

1 мая 1960 года. Мы, курсанты выпускного курса Ярославского военно-технического училища войск ПВО, маршировали на центральной площади города в парадном строю. Под Свердловском в это время ЗРДн майора Воронова сбил самолет-разведчик «Локхид U-2». Мы были очень горды, что наш зенитно-ракетный комплекс С-75 преградил путь американскому шпиону Пауэрсу.

Через 12 лет в небе ДРВ я своими глазами увидел весь ассортимент авиации США в действии: штурмовики, разведчики, истребители, вертолеты, стратегические В-52.

В конце 1971 года, после пяти месяцев повышения квалификации в городе Костерево, я вернулся на место службы на должность командира ЗРДн (зенитно-ракетный дивизион).

За спиной десяток стрельб на полигонах Ашулук и Капустин Яр, получение новых комплексов, смена стартовых позиций, постоянная готовность к пуску дежурных ракет, строительство сооружений для содержания ракет промежуточной готовности, строительство капониров для укрытия ИА (истребительная авиация), заготовка картофеля для частей округа, помощь народному хозяйству СССР в уборке урожая («целина»), получение призывников из различных регионов Союза для комплектования частей округа.

1 января 1972 года, будучи в отпуске, получил команду прибыть в штаб части для оформления документов в спецкомандировку.

26 мая 1972 года большая группа СВС ПВО (советских военных специалистов ПВО) вылетела из Москвы, совершив посадки в Ташкенте, Бомбее, Калькутте, Рангуне, Вьентьяне, а 27 мая 1972 года мы приземлились в Ханое.

В гостинице «Кимлиен» мы прожили два дня, а на третий нам дали ГАЗ-69 для следования в 4-ю военную зону, южнее города Винь.

В наш газик надо было разместить шесть человек. Не получилось. Меня оставили с нашими чемоданами. В период ожидания машины пережил воздушную тревогу в номере гостиницы, потому что не знал где убежище, а движения по коридору не было, чтобы с кого-то взять пример.

На другой день был вызван к полковнику Суслову Павлу Ивановичу, заместителю по политчасти старшего Группы СВС в ДРВ (Демократическая Республика Вьетнам). Он потечески, не высокопарно разъяснил реальную ситуацию в регионе, дал рекомендации по выживанию, назначил комиссаром группы, написал рекомендательное письмо старшему Группы СВС при 263-м ЗРП ВНА (зенитно-ракетный полк Вьетнамской Народной Армии) подполковнику Филиппову Виктору Ивановичу. Для упрочения связей с местным населением нагрузил меня портфелями, тетрадами, карандашами, всевозможными значками, журналами на вьетнамском языке (подарки от наших школьников детям

Вьетнама). После такого сердечного приема потеплело на душе.

4 июня 1972 года на газике отправился на место дислокации 263-й ЗРП ВНА. После 19-й параллели ехали ночью, по чащобе. Под гул самолетов останавливались; впереди по высокой траектории – трассы ракет или снарядов со стороны моря (звука не слышно) с интервалом около шести секунд. Пытаюсь закурить, переводчик дает понять - «нельзя, опыт войны!».

Машина освещает тропу лампочкой в консервной банке, закрепленной под мотором. Что видит водитель товарищ Туэн - не понять. Через промоину проложены два бревна, переезжать очень опасно, выходим, водитель едет на них; пытаюсь вмешаться, чтобы машину нацелить соосно бревнам, звучит опять уверенный голос: «Не надо, опыт войны». Все получилось, и 6 июня 1972 года я уже был в своей группе.

Группа – это подполковник Филиппов Виктор Иванович, старший Группы СВС при 263-м ЗРП ВНА, из казаков, рост около 190 см, характера не занимать, возраст 34 года, прибыл с должности заместителя командира ЗРП из-под Архангельска.

Майор Горохов Николай Михайлович – начальник инженерно-ракетной службы Красноводского ЗРП заочно окончил академию, из волжан, очень крепко сложен, спокоен, собственноручно лезет в любую систему ЗРК (зенитно-ракетный комплекс), ищет, устраняет, настраивает. Возраст 34 года. Филиппов признает в беседе: «Хотел бы я иметь в своем ЗРП такого инженера по ИРС (инженерно-ракетные службы)».

Капитан Чуприн Андрей Николаевич – начальник 1-го отделения, офицер наведения 128-й ЗРБр Бакинского округа ПВО, опыта по своей системе не занимать, трудяга, по своему характеру не способен жаловаться на тяготы и лишения службы. Совместим с любым коллективом, крепок как скала, родом из кубанских краев. Возраст около 30 лет.

Капитан Иван Ильич Щеклеин – начальник 2-го отделения, служил в Литовской ССР. Он из тех, кого в детстве называют «самоделкиными». Мастер на все руки, из тех, кто по телефону может сказать своему оператору, что надо сделать в аппаратной кабине на любой системе для настройки

ее в допуск; он же фотограф, он же киномеханик, он же моторист. В убеждениях тверд. Возраст около 30 лет.

Остальных специалистов группы за давностью (прошло более 35 лет) могу назвать лишь по именам: старший техник кабины «П» старший лейтенант Александр «большой», старший техник кабины «А» лейтенант Александр «маленький», начальник СРЦ капитан Харин Петр, специалист технического дивизиона старший лейтенант Геннадий, наш доктор капитан Виктор.

Коллектив был абсолютно совместим. Мы были удалены от центрального руководства СВС во Вьетнаме, никто нас не контролировал, не оказывал «помощь», жили автономно. Один раз в месяц капитан Харин ездил в Ханой, отвозил доклад о проделанной нами работе, привозил письма, сигареты, новости, так как наш радиоприемник ВЭФ-202 по-русски не говорил, за исключением 30 минут радиостанции «Атлантика» по заявкам рыбаков из Владивостока.

Жили в бунгало - в один ряд между деревьями на дамбе, с одной стороны канал около 10 метров шириной, с быстрым течением и красной водой, с другой - рисовое поле (по нашему – болото). Со стороны «болота» заглублены две тары №2 (упаковка от крыльев и стабилизаторов ракеты). Это наши укрытия – по 5 человек на тару, на дне по щиколотку – вода, если сесть на каску, то можно впритирку, по-братски переждать бомбежку.

В бунгало жили по пять человек, из мебели – раскладушка и тумбочка, освещение – китайский фонарик с рефлектором, перевернутым на 180°, под такой лазерный луч перечитывали письма, изучали, что подано на ужин в столовой – это наш 3-й бунгало, он же красный уголок и санчасть. Лечились в основном детской присыпкой, смешанной со стрептоцидом, помещенной в пластиковый баллончик с «ситечком» в пробке, и китайской «тигровой мазью от всех болезней сразу».

На земле под раскладушками – лягушки до десяти штук, замолкают, когда заползает змея, и громко пищат, когда она начинает их заглатывать. Основная гадость в бунгало – это муравьи, залезают даже в банку с арахисом, подвешенную на нитке к балке под крышей, в банку с окурками (на черный день), под кору деревьев. Ствол существует как бы отдельно от коры, а крона живет, зеленеет.

Баня - это колпак от тары №1 (упаковка для 2-й ступени ракеты), углубленный в землю, его надо заполнить водой из рисового поля, чтоб она отстоялась, залить ее в котел, нагреть, а когда вернутся те, кто был на выезде в ЗРДн, потереть им спинку, подсказать, где есть признаки потницы, распылить присыпку на эти места, избегая контакта, поскольку кожи там нет.

Питание: рис с камушками, если зубы не сжимать, то можно сохранить; мясо из престарелых кур, бывает свинина; с хлебом напряженка: в октябре 1972 года стали давать колобки (в середине что-то сырое), при свете фонарика углядели – там мошки, крылышки, в борще то же самое.

Подполковник Филиппов выразил претензии личному составу нашего бюро обслуживания. Приказал мне и доктору перед обедом вылавливать мошкарку из котла на кухне. Вместо хлеба стали давать китайский «сухпай» – это брикет размером с пачку «Казбека» серозеленого цвета, во рту рассыпается; периодически были бананы, иногда дольки ананаса, зеленый чай.

На досуге помогали членам нашего «Бюро» ловить со дна канала ракушек, для этого нам не нужно было нырять, ногой нащупаешь и поднимешь в их корзину. Таким образом «поймал» пиявку между пальцев ног, два дня не мог понять, что там за «помеха», разобрался, удалил, сомневался – всю ли (склизкая – не ухватишь).

За питание платили 210 донгов, говорят, что у товарища Ле Зуана оклад был 120 донгов.

Культурно-просветительная работа – новости от капитана Харина после его возвращения из Ханоя, ежемесячно.

В конце октября 1972 года мне было доверено съездить в Ханой, прозондировать, какое мнение о нашей группе сложилось у командования СВС ПВО в ДРВ. Встречался с полковником Суловым, его отношение к группе было очень благоприятным, на очередном совещании с представителями всех групп СВС во дворе посольства он пригласил меня в президиум. Выслушал, дал понять, что боевые действия к концу года могут прийти к желанному результату.

Через несколько дней был вызван к вьетнамскому представителю по культурным связям между ДРВ и СССР, его

интересовали только наши отношения с местным населением. Остались довольны друг другом.

Кино. У нас был один фильм «Свадьба в Малиновке», несколько раз прокручивали. Экран порван, не убирается в трубу, для транспортировки при переездах неудобен. Разобрал, сшил леской, отрезал нужную ширину, отпилил ножовочным полотном трубки, собрал, закрутил втягивающую пружину. Заработало, компактно, по масштабу бунгало и кузова машины.

Партийно-политическая работа в основном сводилась к приколам. Это поддерживало настрой в группе, сплачивало коллектив. Главным юмористом был майор Горохов, основными лозунгами у него были «Еще не вечер!», «Прорвемся!», «Ох, сегодня мне ножки присыпало!». Объектом шуток чаще всего был Харин: он сам анекдотчик, любил потравить, быть в центре смеющихся.

Официальная часть ППР свелась к оформлению «красного уголка»: столик, где можно написать письмо, на стенках - Политбюро СССР, верховное командование ВС СССР, стопки брошюр. Пригодилась та же леска, ножовочное полотно, которые я прихватил из Союза.

Дни рождения отмечали дарением альбома с памятной надписью и бутылкой водки (на 5 человек одна). Подполковник Филиппов это узаконил, так же как и то, что в столовую ходить только по форме – в рубашке и шортах.

В небе полное господство авиации США. Педантично, еженедельно штурмовая авиация бомбила пяточок земли за каналом не дальше 300 метров от нас. Первый бросает бомбу с «фитилем», остальные с разворота (мы в центре этого виража) идут в пике и сыплют по одной, по две, по три фугаски весом 250 кг, при выходе из пике рев двигателей, и так пока каждый не сбросит свои 12 бомб. Земля под нами «дышит».

26 июля 1972 года сценарий изменился: два «Фантома» из-под нижней кромки туч, правее чем обычно, с высоты 500 метров на вираже, в пологом пикировании миновали точку, с которой можно было бы смести наши бунгало, и залпом разгрузились в рисовое поле, в 100 метрах от нашей дамбы. Группа была на выезде. Мы с подполковником Филипповым не успели даже залечь где-нибудь. В поле работали люди...

На рваный осколок от бомбы, длиной не менее 40 см, который попал к нам, я наклеил бумагу и написал красным шариком: «Ну, Никсон, погоди!» Вся группа расписалась на осколке, позднее, когда нас уже с другого места базирования отозвали в Ханой, этот осколок я подсунул в чемодан капитана Харина, но он почувствовал лишний груз и выкинул.

С 29 на 30 июля 1972 года группа переехала ближе к КП (командный пункт) 263-го ЗРП. Бунгало – на краю общины, через дорогу – рисовое поле, на востоке метрах в ста пятидесяти – озеро.

6 августа 1972 года ночью над головами появился самолет и на малой высоте кружил над нами. Вскоре появился второй, через некоторое время включил фонари. Донёлся хлопающий звук, над головами с запада на восток проплыл вертолет с включенными огнями, над озером завис, кого-то подобрал и улетел в сторону моря. А мы с Щеклеиным и Чуприным днем там купались, делали заплывы вдоль береговой растительности.

Работа на стартовой позиции

Стрельбы проводились, как правило, ночью. Взаимное прикрытие ЗРДн полностью отсутствовало.

5 октября 1972 года все было готово к пуску ракет. Филиппов сказал: «Идем, посмотрим общую воздушную обстановку на СРЦ».

Вышли в темноту. Впереди переводчик и гид Там, Виктор Иванович, сзади я. С трудом угадываю их силуэты.

Вдруг слева огненный смерч, куски горящего пороха, грохот – это 600 килограммов пороха ПРД тягой 50 тонн сорвали ракету при пуске со стрелы ПУ. Это не взрыв 250-килограммовой бомбы, а горение за 2,5 секунды порохового снаряжения ПРД ракеты. Голова при этом «горении» вибрирует, как осиновый лист.

5 ноября 1972 года. Стартовая позиция, вечер, «полковая стрельба». Наблюдаем с переводчиком, как две ракеты из разных ЗРДн идут к цели, автоматически ведут отсчет секунд, если подрыв БЧ будет в пределах 50 секунд после старта, то цель поражена. Получилось! Радует, возможно, это будет 4000-й сбитый самолет США, тем более через день

55-я годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Вскоре появился Чуприн и Щеклеин, они приехали в ЗРДн по команде Виктора Ивановича, чтобы с утра довести комплекс до боеготовности.

6 ноября 1972 года с утра работаем. Я занимаюсь синхронным кабелем, измочаленным у электроразъема ПУ. Командование ЗРДн беспокоится, так как для одного моего паяльника расходуется ресурс работы дизельной электростанции ДЭС-75, а она на вес золота – дублера нет.

К 14 часам закончили работу и пошли к машине. Над головами на малой высоте пронеслась четверка штурмовиков.

Вышли на ЗРДн с завидной точностью и заняли место в обсыпанном землей шалаше из бамбука. Ощущение гнусное, грохот, треск, земля ходуном - и так примерно 30 минут.

В результате налёта: ЗРДн разбит, ДЭС-75 горит, строения двора, где стоит шалаш, иссечены, порушены, в углу двора котлован от фугаски, второй котлован в шести метрах от ПУ со стороны газоотражателя, а ракета стоит на месте. Наш газик иссечен, как решето, водителя нет ...

«Он показывал кулак пикирующим штурмовикам», - сказал переводчик.

Вьетнамская община, среди которой маскировался ЗРДн, вся в дыму. После выхода из общины привели себя в порядок.

Впереди 30-километровый марш-бросок. У Чуприна кеды без стелек и жмут, поменялись с ним на мои «шраки» (вьетнамки). К вечерним сумеркам я отказался шагать. Ступни ног распухли, наполнились водянкой, ватные тампоны из перевязочного пакета не помогли. Ночь провели в какой-то общине, а утром мне подали новенький велосипед, в каждой общине его меняли. Переводчик Там был в изумлении: «Витя, как вьетнамец, сел и поехал».

7 ноября 1972 года к 14 часам мы уже были «дома». Подполковник Филиппов, увидев нас живыми и здоровыми, облегченно вдохнул. До этого он не имел внятной информации от командования 263-го ЗРП ВНА о том, где мы и что с нами.

В столовой были накрыты два столика, на каждом по 0,5 «Московской» с зеленой этикеткой, которые я привез из Ханоя.

4000-м сбитым самолетом США оказался F-111, сбитый в северной провинции ДРВ и засчитанный женскому

подразделению ПВО. «У нас война народная, все формирования должны иметь на счету сбитый самолет», – так разъяснил нам товарищ Там.

«Переправа, переправа, берег левый, берег правый...»

Понтонный мост собирается из тар №1 от ракет и бамбуковых снопов (впережку). Наводится только на ночь. Дорога перед мостом забита транспортом, не обгонишь, если перед тобой идут два ЗИЛа, по бокам у них сварные короба («амфибия» по-вьетнамски), на каждой яме короба цепляются за землю, а на горе уже замигали фонарики. Налет. Слева болото, справа тоже. Можно двигаться только в колонне – по понтонному мосту.

САБы (световые авиационные бомбы) ромбами уже висят. Рев самолетов, взрывы, шквал трасс от зениток, если влип в колонну, да еще на переправе, единственная мысль – зацепиться за другой берег и вырваться из пробки. После хочется присесть где-нибудь и прийти в себя, но сзади с таким же желанием надвигается колонна. Опять «опыт войны»: чтоб снова не влипнуть в пробку, надо быть впереди.

На кратковременных остановках подходят вьетнамки, которые засыпают землей воронки от бомб или несут на бамбуковых коромыслах плетенки с рисом в сайгонские края, улыбаются, берут за руку повыше локтя, интересуются возрастом, составом семьи, иногда просят закурить, не отпускают руку, пока не трогается газик.

Мужчины рис везут в мешках на велосипеде, при этом управляют рулем через палку, привязанную в левой части руля, а в районе сиденья вертикальная палка, чтоб правой рукой толкать и удерживать велосипед в вертикальном положении. Отношение к нам очень доброжелательное от всех категорий населения. Все повторяют: «Льен со, льен со» (советский).

15 ноября 1972 года неожиданно для нас и командования 263-го ЗРП ВНА получили приказ убыть в Ханой. На двух ГАЗ-69 и грузовом ГАЗ-63 прибыли 17 ноября 1972 года в гостиницу «Кимлиен».

Группу расформировали. Я попал под Хайфон, старший группы – подполковник Кривохижа. Бытовые условия, питание

- прекрасные. Во дворе есть кран с водой, бомбоубежище настоящее - бетонированное, просторное, над головой около пяти метров скального грунта, правда, от грохота взрывов и гула восьми движков В-52 не изолирует. Гул от В-52 заполняет все пространство, идет со всех сторон, даже через землю, но и они не боги.

По данным наших СМИ, некоторые командиры В-52 предпочли идти под трибунал, нежели входить в воздушное пространство ДРВ. На счету 263-го ЗРП ВНА за время нашего пребывания уничтожено более двадцати самолетов США (из них четыре В-52).

Выписка из моего личного дела: «Задание КПСС и Советского Правительства и свой интернациональный долг капитан Юрин В.А. выполнил с честью.

Ст.гр. СВС при 263 ЗРП ВНА подполковник В.И. Филиппов.

Ст.гр. СВС ПВО в ДРВ полковник К.С. Бабенко.

Ст.гр. СВС в ДРВ генерал-майор А.И. Хюпенен.»

За последние 12 суток декабря 1972 года был уничтожен 81 самолет США, в их числе 34 бомбардировщика В-52 и 3 истребителя F-111. Это заставило США отказаться от продолжения боевых действий во Вьетнаме и 27 января 1973 года подписать в Париже Соглашение «О прекращении войны и установления мира во Вьетнаме».

Так 20 января 1973 года закончилась наша командировка, мы погрузились в самолет и через 28 часов были в Москве.

С сентября 1975 года по апрель 1984 года я служил начальником штаба ТДн 129-й ЗРБр КБО ПВО в АзССР.

Награжден орденом Красной Звезды и вьетнамской медалью Дружбы.

Март 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь **Пятецкий Дмитрий Валерьевич**, студент 3-го курса Инженерного факультета Уральского государственного аграрного университета*

Юрьев Александр Григорьевич

Самые ожесточенный бои были у станции Поньри

Я родился 16 сентября 1921 года в городе Омске в рабочей семье. Русский.

До 1935 года жил в Омске. Учился в школе. В 1935 году мои родители завербовались работать на Крайний Север - в город Игарка Красноярского края. Родители работали, а я учился в школе.

В школе был духовой оркестр, и я играл на баритоне (музыкальный инструмент, похожий на валторну). Окончил девять классов в 1938 году. Меня пригласили на прослушивание в оркестр городского театра. После прослушивания меня приняли в оркестр. Там же я вступил в комсомол.

В 1938 году меня пригласили в горком ВКП(б) и предложили работать в органах НКВД. Я согласился, меня приняли, я работал в спецкомендатуре. В нашем городе жили специальные переселенцы. Пока шло оформление, я 2-3 месяца работал делопроизводителем. Когда оформление закончилось, меня перевели работать помощником коменданта, а затем я стал комендантом. Работал я там до начала войны.

Узнал я о войне по радио 22 июня днем. Когда все поняли, что это настоящая война, то я подал заявление, чтобы меня зачислили добровольцем в военное училище. Это было в конце июня 1941 года.

Я просился или в летное, или в танковое училище. Но нас большой группой добровольцев отправили в Киевское пехотное училище, которое было эвакуировано в город Ачинск Красноярского края.

Когда мы приехали в Ачинск, нас распределили, и с нами занимались назначенные от военкома офицеры. Я уже был подготовлен, стрелял из всех видов оружия, значки у меня все были, поэтому меня назначили командиром отделения. Всех старых курсантов забрали на фронт, а нас оставили. Проучился я там до декабря 1941 года. В декабре у нас были экзамены, я сдал все на отлично, мне присвоили звание лейтенанта и направили в город Канск Красноярского края в учебный батальон по подготовке сержантского состава Сибирских лыжных дивизий. Спустя примерно два месяца, там же в Канске, начали формировать лыжные бригады, вместе с сержантами я попал в 26-ю Сибирскую лыжную бригаду. Я был командиром разведвзвода в отдельной разведывательной роте.

В конце ноября - начале декабря 1942 года нас начали отправлять на Северо-Западный фронт. В начале февраля 1943 года там начались сильные бои, возле поселка Осташково была немецкая оборона. Бой вела 8-я воздушно-десантная дивизия.

Сначала нас поставили во 2-й эшелон, а потом стали уводить в тыл. Были большие потери у нас.

Шли бои, а мы, разведчики, находились в тылу. Но мы с разведгруппой несколько раз выходили изучать передний край. Была поставлена задача: узнать, какие немецкие части находятся перед нами.

И вот первая группа ушла в тыл немцев: 7 разведчиков и 4 сапера. Линия фронта была заминирована, тогда это называли «шумовые сигнализации», то есть колючая проволока с навешенными на неё консервными банками. Это была моя первая разведка. Мы обсудили детали с командиром. Вышли в разведку. Прошли успешно, а возле немецкого блиндажа схватили немца и по болоту потащили его в расположение наших частей.

Когда начали переходить линию фронта, то начался обстрел. Вот здесь нам досталось сильно. Раненные у нас были, но я благополучно добрался. Оказалось, что наш

пленный был немецким ефрейтором. За это успешно выполненное задание в конце февраля 1943 года мы были награждены медалями «За отвагу».

В конце марта 1943 года нас стали отводить в тыл и включили в состав 4-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Отходили в тыл через минные поля. Вокруг грязь, развезло все, связи не было. Пришлось идти на ощупь, поэтому пострадало много наших. К счастью, вышли на небольшую станцию. Сразу получили офицерский паек. Тогда мы и узнали, что являемся 4-й гвардейской воздушно-десантной дивизией. Нас погрузили в эшелон на этой станции и отправили в Москву, потом через Москву в Подольск. Когда прибыли в Подольск, нас разгрузили, затем направили сначала в город Малоярославец, а потом в Курскую область. В Большесолдатском районе нас начали располагать, формировать, выдали новое обмундирование, но погоны пока не выдали, а получили мы их только 1 мая 1943 года.

Еще до этого мне присвоили звание старшего лейтенанта. Звездочек на погоны всем не хватило, пришлось вырезать звездочки из консервных банок.

Нас направили на Степной фронт. Прибыв на место, мы окопались, вырыли траншеи, занимались боевой подготовкой. 5 июля 1943 года в 4 часа утра нас подняли по тревоге. Смотрим, наши самолеты полетели. Как раз почту принесли, и я узнал, что у меня сын шесть месяцев как родился, а я и не знал. Получил фотографию, письмо от родителей и от жены. На марш-броске сначала спокойно все было, потом начали бомбить.

А потом изменилась обстановка, поэтому наш полк перебросили на станцию Поньри. Это были самые ожесточенные бои. Из нашего полка сразу вступил в бой 1-й батальон, но вскоре мы с ним потеряли связь.

«Впереди должен быть 1-й батальон, давай организуй группу и проверь, что там», - сказал мне командир полка.

Мы подошли к школе, немцы открыли огонь, завязался бой. Доложил командиру, что из школы ведется сильный обстрел автоматный, пулемет бьет со второго этажа. Командир приказал закрепиться на местности.

Потом мне приказали принять меры, чтобы взять эту школу. Стали мы атаковать ее, ворвались внутрь, завязался бой. Откуда у немцев появилось пополнение, мы не могли понять. Потом выяснилось, что в школе был подземный люк, по которому немцы и пробирались в школу.

Я доложил командиру, что мы потеряли много людей, и получил приказ отойти обратно в канаву. Командир сообщил, что скоро должна прибыть пешая разведка.

Вечером командир полка приказал подготовиться к ночной атаке. Мы ждали красную ракету. Когда её увидели, мы пошли в атаку. Атаковали, выбили немцев из сада. Стало тихо, и я послал старшего сержанта посмотреть, что там.

Его нет и нет. Не дождавшись, мы, на пару со связным, пошли обходить дом: он с одной стороны, а я с другой. И только я выхожу, два немца идут навстречу. Один немец был с автоматом, другой - с винтовкой. Я первый открыл огонь. Автоматной очередью я одного убил, другому попал в горло. Это был первый раз, когда я видел смерть в лицо.

После этого мы вернулись на исходную позицию. Я доложил обстановку командиру.

- Окапывайтесь! - сказал он.

- Так боеприпасов нет,- ответил я.

- Что можно, мы подбросим, а вы закрепляйтесь.

Днем ждали, когда принесут нам воды, продуктов и водки. Потери были большие. Стояла страшная жара. Погибших нельзя было далеко уносить, и мы были вынуждены прикапывать их в саду. Только когда мы ушли, похоронная группа смогла собрать тела погибших.

Вели бои до 12 июля. За все эти дни из 104 бойцов осталось в живых 27 человек нашей роты.

Перешли в наступление: горстка людей, две пушки сорокапятки, лошадей не было уже, два противотанковых ружья.

Когда мы вышли, увидели старые немецкие блиндажи. Вдруг слышим - немецкие танки! Ситуация патовая: с их стороны танки, а у нас даже окопов нет, только блиндажи.

Меня спросили: «Что делать будем?»

Я ответил: «Будем использовать все, что есть».

Потом слышим, появились три зенитные машины с нашей стороны. На подножке стоит подполковник, развернул пушки

зенитные и начал стрелять. А потом пошли наши танки, мы оказались во фланге знаменитого танкового сражения под Прохоровкой. Бой шел до вечера. И с нашей, и с немецкой стороны были подбитые танки.

После начались обстрелы. Нам приказали расположиться и занять оборону. Выяснилось, что немцы прикрывали отдельные опорные пункты. Их-то мы и уничтожали, продвигались потихоньку вперед. Вот так вели бои.

В некоторых опорных пунктах у немцев уже были вырыты траншеи. На ходу мы стали пополнение получать. Я и моя группа с пополнением, человек 120 примерно, шли вперед. Капитан у новеньких был по фамилии Фиалка. А ребята были молодые, еще не участвовали в боях.

Бои мы вели примерно до 15-18 июля. Ждали ещё пополнение. Расположились на лугу, стали строить землянки и шалаши, начали получать снаряжение.

Под Прохоровкой я был контужен, лечился в медсанбате, от госпитализации отказался.

Меня вызвал начальник штаба, майор Новиков. Назначили меня начальником штаба батальона, а Николая Ивановича Стольниковца - командиром. Вместе мы стали формировать батальон.

В августе 1943 года нас срочно перебросили на Украину, где мы освободили город Прилуки. Потом нас отправили «маршем» на подготовку форсирования Днепра - ближе к Чернобылю. Там в лесу стали плести маты, делать плоты, собирать лодки везде, какие где были, готовились. Несколько саперов пришли помогать.

И вот, форсирование Днепра. В сентябре 1943 года меня приняли членом ВКП(б). Немцы нас обстреливали, бомбили, очень досталось соседнему полку. Когда перешли на другой берег, завязались сильные бои. Там мы закрепились.

Стояли там до ноября 1943 года в обороне. Потом перешли в наступление на Овруч. Наша дивизия освободила 16 ноября 1943 года Овруч, нас оставили там. Пришло пополнение, а одевать его не во что, оружие старое. Вот в чем они пришли, в том и пошли в наступление. Но мы, правда, лошадей получили и повозки.

Когда завязался сильный бой в Житомире в декабре 1943 года, нас из Овруча перебросили туда.

Началась Корсунь-Шевченковская операция.

Нам приказали занять рубеж. Когда начало светать, немцы пошли на нас в атаку, завязался встречный бой. Там было много танков и самоходок. Когда подбили наши самоходки, нам приказали отходить в сторону двух бугров. Те, кто был по правую сторону дороги, попали под колеса танков.

Мы остановились в селе. Вечером нам приказали выйти на возвышенность и занять оборону. В подчинение дали штрафную роту. Стояли мы в обороне до апреля месяца, боев не было там.

В апреле приказали наступать, мы пошли в наступление в Шаргородском районе Украины. Потом пошли на Западную Украину, на границу с Румынией. Там мы форсировали реку Днестр.

Двигались мы по Румынии. Большого сопротивления практически не было. В Петру-Нямц заняли оборону и долго вели оборонительные бои: май-июнь 1944 года. Немцы хотели совершить прорыв.

Затем нашу дивизию перевели на Яско-Кишиневскую операцию. К траншеям мы пришли вечером, сменили тех, кто там был.

Ночью мне сообщили, что в атаку пойдем в сопровождении артиллерии. Мы заняли оборону, опорных пунктов не видели. Утром нам сообщили, что на стороне румынской обороны много и наших, и немецких мин. Наши были помечены флажками.

Артиллерия наша начала бить по минным полям, а нам приказали выбрать путь продвижения. Но все равно были ранения у наших солдат. Больше всего получили осколков от артиллерии.

Ворвались мы в траншеи, румыны сразу сдались. Первую позицию захватили. По нашим следам пошли самоходки, а мы с ними напрямиком на вторую позицию. Её тоже захватили. Румыны стали сдаваться. И только слева, где находилась немецкая дивизия, немцы оказывали артиллерийское сопротивление.

Мы взяли город Плоешти и пошли на Венгрию. Прошли перевалы. На станции Турда были сильные бои, надолго мы там задержались.

Затем мы пошли на Дебрецен (октябрь 1944 года), Клуш. Было тяжелое положение на Секешфехервар.

Затем нас на машинах перебросили под Будапешт (декабрь 1944 года), где мы заняли оборону. Наши войска перешли реку Грон, а нас бросили в тыл дивизии. Командиру дивизии приказали переправить через реку машины, танки. И вот они ночами переправляли технику через эту речку. Мы там стояли примерно до января 1945 года. По берегу Дуная мы пошли в наступление на Братиславу. После освобождения Братиславы, нас направили к городу Эстергом на границе с Чехословакией.

Потом нас из Чехословакии, примерно в январе месяце 1945 года, перебросили в Австрию. У города Лаа заняли оборону.

Когда начальник штаба нашего полка пошел в оперативное отделение дивизии, он взял меня с собой. Там командир дивизии предложил мне стать командиром батальона 12-го полка нашей дивизии, потому что прежний командир был ранен. Мой друг сразу же отвез меня на мотоцикле в расположение батальона, где я принял батальон.

Нас направили в Чехословакию. На марше 8 мая 1945 года в городе Табор мы услышали стрельбу в конце колонны и растерялись. Смотрим, на полуторке, на подножке стоит майор из политотдела и кричит: «Победа, Победа!!!»

Мы тоже начали стрелять. Вечером я получил приказ немедленно занять оборону вдоль опушки леса под Прагой. Там немцы оказывали сильное сопротивление.

9, 10 и 11 мая 1945 года мы вели бои. Когда прекратился бой, начали немцы выходить из леса. Все оружие они зарыли в лесу. Я назначил роту для охраны этой колонны. В лесах под Прагой для меня закончилась война.

После войны нас оставили в Чехословакии. Отвели в лагерь, где мы занимались боевой подготовкой в течение июня. В конце июня 1945 года мы получили приказ на «марш». Наш путь лежал из Чехословакии в Австрию. Оттуда нас перебросили в венгерский город Клуш. Базировались в лесу, в лагере, где продолжали подготовку.

В октябре месяце 1945-го года я по приказу выехал на учебу в Московскую область на курсы командного состава «Выстрел». Год я там учился. После учебы, так как я окончил

на «отлично», у меня было право выбора места службы. Я выбрал Одесский военный округ.

С женой и поехал в Одесский военный округ, которым командовал Г.К. Жуков.

Меня направили в 59-ю гвардейскую дивизию. Там я командовал учебным отрядом до июня 1947 года.

В июне 1947 года офицеры из МГБ (Министерство государственной безопасности) пригласили меня на беседу. Они уже мое личное дело посмотрели и предложили перейти в специальные войска особого назначения МГБ. Обещали службу в больших городах и квартиру в течение 6 месяцев. Уже в апреле обещали выделить комнату, так как мы тогда с женой в частном доме жили. Я согласился.

Через месяц меня срочно вызвали в Киев в 62-ю дивизию войск МГБ. Меня назначили заместителем начальника штаба отдельного полка по борьбе с бандитизмом. Я там служил с сентября по ноябрь. В ноябре 1947 года я получил приказ срочно выехать в Москву.

Я приехал в Москву с семьей. Мне предложили служить на Урале, где формировали новые воинские части. Я попросил оставить меня в Москве, так как однажды моя жена вынуждена была уйти с 3-го курса Текстильного института из-за нашего переезда на мое новое место службы. Мне предложили служить в городе Электростали начальником штаба. И я поехал туда.

Там я был с конца 1947 года по ноябрь 1948-го года. Потом меня опять вызвали в Москву и предложили сформировать новосибирский отдельный 20-й полк МГБ. Я решил, что перспектива есть, и поехал.

В Новосибирск мы прибыли 3 декабря 1950 года. Сформировал полк, принял под охрану Новосибирский завод химконцентратов. Служил в воинской части 3287.

Была длительная командировка на Семипалатинский полигон, где проводились испытания ядерного оружия.

Через некоторое время начались проблемы со здоровьем. Ранение у меня было легкое, но контузия, которую я получил в июле месяце 1943 года, дала мне через несколько лет осложнение на слух, головные боли. Я вынужден был уволиться и уйти в отставку полковником.

Награждён:

- орденом Красной Звезды (№ 297301);
- орденом Отечественной войны 2-й степени (№57488);
- орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 3332024);
- орденом Отечественной войны 1-й степени (№57492);
- орденом Красного Знамени (172241);
- орденом Красной Звезды (№ 3249494);
- орденом Красной Звезды (№ 3318844);
- медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (24 апреля 1946 года);
- медалью «За отвагу» (18 февраля 1943 года, взятие немецкого капрала);
- медалью «За боевые заслуги»;
- медалью «За заслуги перед Министерством внутренних дел»;
- орденом Жукова 1-й степени.

Публикации обо мне:

1. Любовь Щербенко. Батальоны просят огня /// Новосибирская газета "Ведомости", № 55(1434), 30 октября 2015, стр.26.
2. Сборник Сибирского регионального командования внутренних войск МВД России. Ветеранская организация войсковой части 3287. - Новосибирск, 2015.
3. 65 лет войсковой части 3287. Ответственный за выпуск подполковник Бервинов СЮ. Типография газеты СибРК ВНГ Российской Федерации «Красное Знамя». 2016.

Апрель 2016 года

*В подготовке текста воспоминаний
оказали помощь*

Джучукова Айнур Сахибовна,

Мусатова Ангелина Владимировна,

и

Тараканова Ксения Викторовна,

*студенты 2-го курса факультета
гуманитарного образования Новосибирского
государственного техни-ческого
университета*

Оргкомитет по изданию 18-го тома мемуаров

в составе:

Руководителя Оргкомитета – президента Академии исторических наук Шоль Евгения Ивановича;

членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Дементьева Василия Дмитриевича, Лидяевой Наталии Игоревны, Луценко Виктора Николаевича, Пархоменко Владимира Ивановича;

членов Оргкомитета от Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы города Москвы и Московской области, а также от Российской Ассоциации Героев – председателя Правления Клуба Героев и вице-президента Ассоциации Героя Советского Союза Антошкина Николая Тимофеевича и Героя Советского Союза Рунова Бориса Александровича;

членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – председателя организации Балагурова Алексея Кузьмича, Епифанова Владимира Александровича;

членов Оргкомитета от Московского комитета ветеранов войны – председателя комитета Слухая Ивана Андреевича и Нижегородова Анатолия Григорьевича;

члена Оргкомитета от Всероссийской общественной организации «Ассоциация преподавателей истории в высших учебных заведениях России» - председателя организации Порохни Виктора Сидоровича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

профессору Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва Арсентьеву Виктору Михайловичу, профессору Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачёва Бикметову Рашиту Саиггараевичу, доценту Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана Божичу

Анатолию Станиславовичу, заведующему кафедрой Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н.Туполева - КАИ) Гатауллиной Ирине Алексеевне, доценту Тульского государственного университета Грызлову Валерию Игоревичу, доценту Государственного университета «Дубна» Кириллову Павлу Евгеньевичу, и.о. заведующего кафедрой Калужского государственного университета Кометчикову Игорю Вячеславовичу, доценту Курской государственной сельскохозяйственной академии Кузнецовой Людмиле Александровне, профессору Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета Серебрянской Галине Владимировне, заведующему кафедрой Оренбургского государственного педагогического университета Хисамутдиновой Равиле Рахимьяновне, доценту кафедры истории Московского авиационного института (национального исследовательского университета) Юрченко Ивану Юрьевичу, а также старшему преподавателю подполковнику Ткачеву Дмитрию Александровичу, преподавателю подполковнику Забнину Юрию Николаевичу и начальнику Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета) полковнику Араеву Сергею Ивановичу,

**выражает благодарность за помощь в создании макета
настоящего тома:**

редакторам - Лидяевой Наталии Игоревне и
Федуловой Татьяне Михайловне

**выражает благодарность за финансирование издания
настоящего тома:**

Президенту Российской Федерации Путину Владимиру Владимировичу и Общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодёжи» (председатель организации П.П. Красноруцкий)

Мемуары

**От солдата до генерала
Воспоминания о войне**

Том 18

ИБ№424

Подписано в печать 31.08.2016. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 31,25 Тираж 1000 экз. Заказ № 424
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20.
Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

ISSN 1818-6688

ISBN 978-5-903076-31-4